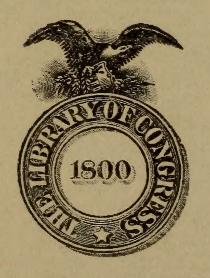

A.D.
1907
ДОМАШНЯЯ БИБЛІОТЕКА Г.В.ЮДИНА

THE LIBRARY OF CONGRESS
1800

СОЧИНЕНІЯ М. Л. МИХАЙЛОВА.

ВЪ ПРОВИНЦІИ.

М. Л. МИХАЙЛОВА.

ЧАСТЬ I.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ВЪ ТИПОГРАФІИ РЮМИНА И КОМП., ВЪ ТОРГОВОЙ. 17.
1859.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ чтобы по отпечатаніи было представлено въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Санктпетербургъ, 31 Октября 1859 года.

Ценсоръ *С. Палаузовъ.*

АДАМЪ АДАМЫЧЪ.

(Посв. И. С. Тургеневу.)

Auch ich war in Arkadien geboren.
Schiller.

...Here the patriarchal days are not
A pastoral fable. *Byron.*

Что-то буколическаго много, Шатобріаномъ пахнетъ. *Гоголь.*

ГЛАВА I.

Розовые персты Авроры проподнимали медленно завѣсу ночи, и пріятный предутренній сумракъ держалъ еще въ своихъ объятіяхъ едва пробуждавшуюся природу.

Уѣздный городокъ Забубеньевъ спалъ сладко и крѣпко отъ восточнаго своего края до западнаго.

Само собою разумѣется, что такъ же крѣпко и сладко почивалъ домъ помѣщика и бывшаго уѣзднаго предводителя, господина Желнобобова, стоявшій на одной изъ забубеньевскихъ улицъ. Все покоилось въ этомъ домѣ, отъ самого хозяина, Максима Петровича, до юнѣйшаго изъ его дѣтищъ, Ганюшки, и отъ дворецкаго Макарыча до малолѣтняго казачка Алешки.

Но и въ новѣйшія времена, какъ бывало и во дни отдаленной древности, любители природы не пропускаютъ случая насладиться созерцаніемъ ранняго восхода лѣтняго солнца. Потому нисколько не удивительно, что въ домѣ господина Желнобобова, въ одной изъ уютныхъ комнатокъ на антресоляхъ, оказалось нѣкоторое движеніе въ такую раннюю пору.

Кровать, стоявшая въ углу означенной комнатки, скрипнула, тканьевое одѣяло откинулось, и изъ-подъ него въ одно мгновеніе ока возникла фигура, дотолѣ скрывавшаяся какъ-бы подъ спудомъ. Хотя въ комнаткѣ было еще довольно темно, однако все же можно было различить па стулѣ, у самой кровати, нѣкоторыя главныя статьи утренняго мужскаго туалета. Воспрянувшая отъ сна фигура простерла руки къ стулу, потянула съ него помянутыя статьи и поспѣшила воспользоваться ими. Въ нѣсколько секундъ, нарядъ, достойный временъ буколическихъ, превратился въ одѣяніе болѣе цивилизованное, и фигура оказалась въ сапогахъ и брюкахъ. Солнце не замедлило появиться и обрадовать своего записнаго поклонника. При первомъ, матовомъ свѣтѣ утра уже довольно ясно обозначился возставшій отъ сна человѣкъ.

Чтобы не томить болѣе многоуважаемаго мною читателя, я вмѣняю себѣ въ обязанность объявить ему, что сей любитель природы, столь рано покидающій сладостныя объятія Морфея, былъ не кто иной, какъ самъ достолюбезный герой моей правдивой повѣсти — Адамъ Адамычъ, наставникъ юношества вообще и дѣтей Максима Петровича Желнобобова въ особенности.

Наконецъ дневное свѣтило осіяло вполнѣ особу достойнаго мужа, и ярко вырѣзался на сѣрой стѣнѣ гётевскій профиль Адама Адамыча. Сходство съ портретомъ Гёте въ преклонныхъ лѣтахъ было такъ велико въ лицѣ моего героя, что живи онъ въ Веймарѣ въ то время, какъ обиталъ тамъ и корифей новѣйшей поэзіи, нѣтъ сомнѣнія, многіе затруднялись бы отличать ихъ другъ отъ друга. Волосы съ просѣдью такъ же зачесаны или, лучше сказать, взъерошены кверху; носъ съ такимъ же орлинымъ погибомъ; такое же олимпійское чело... Только глаза Адама Адамыча не могли идти въ сравненіе съ глазами Гёте, ибо были не въ примѣръ больше. На прикрытіе ихъ въ извѣстныхъ случаяхъ требовался очень

значительный объемъ вѣкъ, и вѣки у Адама Адамыча собирались въ неисчислимомъ множествѣ морщинъ подъ густыми и широкими бровями.

Хоть и говорится въ сказкахъ, что онѣ только скоро сказываются, дѣло же не такъ-то скоро дѣлается, однако въ настоящемъ случаѣ изреченіе это не имѣетъ ни малѣйшаго примѣненія къ дѣйствительности. Вѣроятно гораздо прежде, чѣмъ я успѣлъ разсказать возстаніе Адама Адамыча отъ сна, герой мой приблизился уже къ умывальнику, омылъ животворною влагой свой ликъ и окончилъ даже одно изъ высочайшихъ своихъ наслажденій — чистку зубовъ.

Мгновенно исчезла немалая доля нюхательнаго табаку изъ коробочки, стоявшей около умывальника, отправляясь въ ротъ и за почтенныя щеки нѣмца.

Лавочникъ, продовольствовавшій Адама Адамыча этимъ продуктомъ, всегда удивлялся, куда такъ скоро выходитъ у него табакъ, и всякой разъ Адамъ Адамычъ говорилъ ему, что беретъ табакъ не для нюханья, и что нюхать табакъ — прывычка нехорошая и нимало не возвышающая человѣческаго достоинства, но что, напротивъ, главная польза отъ этого благороднаго растенія — укрѣпленіе десенъ и убѣленіе зубовъ (чему, мимоходомъ сказать, лавочникъ вовсе не вѣрилъ).

Рѣшившись послѣдовать за Адамомъ Адамычемъ во всѣхъ, даже малѣйшихъ его дѣйствіяхъ въ настоящій день, мы должны сказать, что, тотчасъ послѣ описаннаго процесса употребленія нюхательнаго табаку, наставникъ подростковъ господина Желнобобова выпилъ полный графинъ чистѣйшей воды, повязалъ на шею черный платокъ, обернутый на неизмѣримо-широкомъ подгалстушникѣ, надѣлъ на свою не слишкомъ объемистую, но и не совсѣмъ мизерную фигуру глухой сѣренькій казинетовый жилетъ, и наконецъ завершилъ свой туалетъ сертукомъ табачнаго цвѣта.

Когда все это приведеніе фигуры своей въ достодолжное убранство было окончено почтеннымъ наставникомъ, онъ открылъ одно изъ двухъ оконъ своей комнаты, глядѣвшихъ на дворъ, и пріятно вдохнулъ въ себя свѣжій и нѣсколько холодный воздухъ утра. Солнце продолжало смотрѣть съ привѣтною улыбкой на своего вѣрнаго обожателя. Адамъ Адамычъ закрылъ обширными вѣками не менѣе обширные глаза и привелъ свой носъ въ сношеніе съ солнцемъ. Онъ всталъ такъ противъ окошка, что лучи яркаго свѣтила падали ему прямо въ лицо и пріятно щекотали ноздри.

Вдругъ вся благородная физіономія Адáма Адамыча начала искажаться самыми странными гримасами: носъ сморщился, губы полуоткрылись и вытянулись впередъ, и въ лицѣ почтеннаго нѣмца утратилось всякое сходство съ портретомъ нѣмецкаго сочинителя Гёте въ преклонныхъ лѣтахъ. Вслѣдъ за этими мгновенными измѣненіями физіономіи Адама Адамыча послѣдовалъ ужасный звукъ, отъ котораго дрогнули, какъ отъ пистолетнаго выстрѣла, рамы оконницъ; затѣмъ черты нѣмца пришли снова въ совершенную гармонію и полный покой. Онъ вынулъ изъ кармана тщательно сложенный въ видѣ тетрадки пестрый бумажный платокъ, высморкался въ самый незамѣтный кончикъ его, далъ платку снова первоначальную форму и уложилъ его опять въ боковой карманъ табачнаго сертука. При этомъ пріятная улыбка озарила ему уста, и онъ прошепталъ: «'S war tüchtig genies't!»

Словно по обычному зву, вслѣдъ за звукомъ, изданнымъ носомъ Адама Адамыча въ товариществѣ съ его же, Адама Адамыча, гортанью, изъ-подъ тканей, скрывавшихъ отъ посторонняго зрителя разные домашніе предметы, таившіеся подъ кроватью, выглянула косматая голова Пальмы, вѣрной собаки Адама Адамыча.

Такъ-какъ должное почтеніе было уже отдано проснувшейся природѣ и оконченъ дневной туалетъ, то почтенный

нѣмецъ не счелъ предосудительнымъ обратить свое драгоцѣнное вниманіе на показавшееся изъ-подъ кровати животное. Лежавшая дотолѣ въ совершенномъ спокойствіи собака, увидѣвъ обращенные на нее взоры, тряхнула ушами и забила по одной изъ ножекъ кровати своимъ чувствительнымъ хвостомъ.

Адамъ Адамычъ улыбнулся и позвалъ ее къ себѣ.

Возникшая изъ своего пріюта собака была, какъ показываетъ и самое имя ея, женскаго пола; это впрочемъ не мѣшало ей нисколько не отличаться красотою. Почтенный владѣлецъ Пальмы считалъ ее пуделемъ; но безпристрастный зритель не могъ бы согласиться въ этомъ случаѣ со всегда-правдивымъ Адамомъ Адамычемъ. Бѣлая шерсть Пальмы давала знать о себѣ только длинными космами на широкихъ ушахъ, скуднымъ клочкомъ на самомъ концѣ хвоста да густыми бровями, которыя какъ щетки торчали у ней надъ мутными глазами. Какъ ни достойно вѣроятія показаніе такого человѣка, какъ Адамъ Адамычъ, авторъ не можетъ согласиться съ нимъ и въ томъ мнѣніи, что Пальма оттого только утратила первобытный образъ пуделя, что линяетъ. Простимъ герою нашему небольшую слабость къ преданному животному! Желая оправдать несовсѣмъ поражающій красотою видъ своего друга, онъ круглый годъ, и лѣтомъ, и зимой, и весной, и осенью, говорилъ: «Пудель, но только линяетъ.» Если мы и примемъ за истину это мнѣніе Адама Адамыча, то ни въ какомъ случаѣ не дерзнемъ приписать постоянной линючести вѣрнаго пса его тонкихъ ногъ и звонкихъ боковъ.

Пальма досталась Адаму Адамычу отъ одного господина, который купилъ ее въ Москвѣ за кобелишку молодыхъ лѣтъ и былъ очень непріятно изумленъ, когда кухарка вдругъ донесла ему, что кобелишка, возраставшій на лонѣ тишины и спокойствія, въ кухнѣ, въ одно прекрасное утро — ощенился. Раздраженный такою несостоятельностью кобелишки, хозяинъ

его подарилъ Адаму Адамычу неоправдавшую надеждъ собаку и рекомендовалъ ему — переименовать ее изъ мужскаго имени «Браліашка» въ болѣе приличное женскому ея полу имя. Вслѣдствіе всего вышеписаннаго, собака получила поэтическое имя Пальмы, хотя стройностью, послѣ тяжкихъ родовъ, походила не на какое-либо дерево въ особенности, а на каряжникъ вообще. Тѣмъ не менѣе, несмотря на совершенное исчезновеніе красотъ Пальмы, Адамъ Адамычъ питалъ сильную къ ней привязанность.

И въ то раннее утро, описаніемъ котораго мы занимаемся, вся нѣжность его обратилась на южившую сладостнымъ образомъ у ногъ его собаку. Онъ принялся протирать ей глаза ея же собственными ушами, щекоталъ ей подъ брюхомъ ногой, называлъ пріятными ласкательными именами и наконецъ, утомившись и порядкомъ пропотѣвъ, выпроводилъ ее heraus, на вольный воздухъ.

Выпустивъ собаку на дворъ, гдѣ еще не было ни малѣйшаго движенія, Адамъ Адамычъ возвратился въ свою сѣренькую комнатку и обратился къ ветхозавѣтной, родовой серебряной луковицѣ, чтобы узнать состояніе времени. Луковица, которую Адамъ Адамычъ считалъ непогрѣшительнѣйшею изъ всѣхъ хронометровъ, когда-либо существовавшихъ и нынѣ существующихъ, возвѣстила ему, что только пятый часъ въ исходѣ. Вѣруя вполнѣ въ достовѣрность этого показанія (ибо ходъ такихъ часовъ, нестѣсненный новѣйшимъ искуствомъ въ тѣсныя и плоскія границы, не могъ сбиваться съ толку), достопочтенный наставникъ юношества рѣшился обратиться къ двумъ обычнымъ усладителямъ своихъ утреннихъ часовъ — трубкѣ и чтенію.

Бережно снявъ съ гвоздика глубокую фарфоровую трубку съ оловяннымъ отливомъ и волосянымъ гибкимъ чубучкомъ, любезный герой мой бросилъ самый любовный взглядъ на видъ Магдебурга, изображенный на фарфорѣ трубки весьма

пріятною и смѣлою кистью, и тотчасъ наполнилъ ее крѣпкимъ саксонскимъ табакомъ, извѣстнымъ также въ области курильщиковъ подъ названіемъ «самъ-крошè». Адамъ Адамычъ, точно, занимался въ часы досуга самъ крошеніемъ табаку, который покупался имъ въ листахъ. Для бо̀льшаго вкуса къ нему доставлялись казачкомъ Алешкой всѣ окурки сигаръ, истребляемыхъ гостями господина Желнобобова, и Адамъ Адамычъ удобрялъ этими окурками свое зелье, просушивъ ихъ предварительно на солнцѣ и искрошивъ мелко-на-мелко.

Наложивъ трубку, вырубивъ огня (ибо спички считалъ непозволительною прихотью) и пустивъ къ потолку струйку самаго сѣраго дыму, Адамъ Адамычъ сталъ у отвореннаго окна и взялъ книгу. Книга эта была чувствительный романъ одного чувствительнаго нѣмецкаго сочинителя, единственный бывшій у Адама Адамыча романъ, котораго онъ никогда не могъ всытость начитаться.

По мѣрѣ различныхъ мечтаній, возбуждаемыхъ какъ чтеніемъ романа, такъ и пріятнымъ, хотя отчасти однообразнымъ храпомъ въ отливѣ трубки, по мѣрѣ различныхъ мечтаній, говорю я, и самыя черты лица чувствительнаго нѣмца принимали выраженіе все болѣе и болѣе сладостное. Такое направленіе физіономіи Адама Адамыча по всей вѣроятности можно было приписать тому, что романъ, перечитываемый имъ въ неизвѣстно который, но вѣрно не одной и не двумя цифрами выражаемый разъ, приближался къ развязкѣ; а ужь извѣстно всѣмъ и каждому, что хорошій романъ окончиться иначе не можетъ, какъ внеся самыя пріятныя и сладостныя ощущенія въ сердце читателя. По лицу Адама Адамыча, по постоянному повышенію его бровей, по недосягаемой ясности чела, на которомъ разгладились всѣ до единой морщины, видно было, что козни злодѣевъ наконецъ обнаружены, добродѣтельные люди выбились изъ-подъ гнета бѣдственныхъ обстоятельствъ и изъ сѣтей коварныхъ ухи-

щеній порока, и скоро уже явятся пасторъ и нотаріусъ, и обвѣнчаются и всласть заживутъ добродѣтельные любовники, претерпѣвавшіе столько бѣдствій.

Искусанный черный костяной мундштучокъ трубки, изъ которой пересталъ уже вылетать дымокъ, все крѣпче и крѣпче ущемлялся зубами Адама Адамыча на лѣвой сторонѣ его рта; изъ правой же части его устъ, обращенной къ окну, вылетали ежеминутно: «Prächtig! superb!» и тому подобныя восклицанія поощрительнаго свойства.

Наконецъ, когда романъ былъ конченъ, Адамъ Адамычъ, отложивъ книгу въ сторону, но все еще находясь подъ вліяніемъ обаятельныхъ страницъ, пыхалъ минутъ съ пять изъ давно погасшей трубки и созерцалъ природу или, правильнѣе, большой дворъ, по которому рыскала Пальма и тщательно обнюхивала всѣ мѣста, имѣвшія какое-либо сходство со стѣной или возвышеніемъ. На дворѣ только теперь начиналось нѣкоторое движеніе. Кучеръ Иванъ отправился съ сѣнницы сначала въ каретникъ, потомъ въ конюшню; въ кухнѣ и застольной загомозились, — и Адамъ Адамычъ разсудилъ воззвать къ себѣ на антресоли свою вѣрную сучку, дабы не избаловали ея на дворѣ и не искусили ея вѣрность приманчивыми кусками чего-нибудь съѣдобнаго.

Зазвавъ къ себѣ и уложивъ Пальму на обычное мѣсто ея, подъ кровать, которая самимъ Адамомъ Адамычемъ была прибрана и прикрыта тканьевымъ одѣяломъ, онъ принялся за важное дѣло.

Съ благоговѣніемъ отперъ онъ небольшую шкатулку, помѣщавшуюся на его письменномъ столѣ, довольно убогомъ и не очень пространномъ, и вынулъ изъ этой шкатулки толстую тетрадь въ четверку. Онъ очинилъ перо, обдулъ тетрадку, бережно развернулъ ее на письменномъ столѣ и принялся писать, тихо и съ любовью выводя каждую букву.

Адамъ Адамычъ былъ удивительный каллиграфъ: даже

отмѣтки, которыя дѣлалъ онъ въ книжечкѣ, подававшейся ежедневно, по вечерамъ, господину Желнобобову и заключавшей отчетъ объ успѣхахъ его чадъ, даже отмѣтки эти могли бы служить превосходными прописями. Но здѣсь, въ этой тетрадкѣ, которая заботливо хранилась въ шкатулкѣ и не могла никакъ идти въ сравненіе съ журналомъ объ успѣхахъ дѣтей, почеркъ руки Адама Адамыча достигалъ высочайшей степени изящества: остроконечныя нѣмецкія буквы ложились на бумагу такими ровными городками, придавки были такъ отчетливы, что душа радовалась, смотря на веленевую бумагу, расписанную такъ узорочно и красиво. Но далеко не такъ интересна, при всей своей красотѣ, была внѣшняя сторона тетрадки, какъ внутренняя, то-есть самое содержаніе.

Каждый день, въ означенный утренній часъ, Адамъ Адамычъ садился къ своему письменному столику, развертывалъ завѣтную книгу и вписывалъ въ нее все, что случалось съ нимъ наканунѣ. Акуратно были занесены въ дневникъ Адама Адамыча всѣ прожитые имъ дни: по нему могли бы вы прослѣдить всю его жизнь за двадцать лѣтъ. Если даже ничего особеннаго не случалось, то день означался цифрой и прибавлялось: «Ничего достопримѣчательнаго.»

Долго писалъ въ настоящій разъ Адамъ Адамычъ и остановился только на нѣсколько минутъ, чтобы наложить себѣ еще трубочку и зажечь ее посредствомъ зажигательнаго стекла, не расходуя понапрасну трута, ибо солнце какъ-разъ напрашивалось запалить ему трубку своими огненными лучами. Трубка догорѣла до тла; только отливъ издавалъ повременамъ отрывистые звуки; а почтенный наставникъ все еще писалъ.

А между-тѣмъ вѣчно-бѣгущее колесо времени не останавливалось, и кривая стрѣлка серебряной луковицы указывала уже на римскую цифру VII.

Забубеньевъ, не отступая отъ благословенныхъ нравовъ, воцарившихся въ немъ съ незапамятныхъ временъ, и привыкнувъ подыматься испоконъ-вѣку пораньше, давно уже кипѣлъ самою живою жизнью въ лицѣ своихъ почтенныхъ и смирныхъ обывателей. Въ домѣ господина Желнобобова жизнь эта проявилась въ особенности въ шумѣ чашекъ, ложекъ и прочаго чайнаго скарба.

Адамъ Адамычъ кончилъ свою лѣтопись, и въ ту самую минуту, какъ запиралъ завѣтную тетрадку въ шкатулку, дверь полуотворилась.

Пальма не показала ни малѣйшаго вида неудовольствія, когда въ комнату вошелъ мальчишка въ замасленномъ сертучкѣ, застегнутомъ доверху на крючкахъ и украшенномъ маленькимъ стоячимъ воротникомъ, изъ-за котораго виднѣлась голая шея, немного побѣлѣе сапожнаго голенища. Мальчишка безпрестанно подергивался и фыркалъ, причемъ его носъ, чрезвычайно похожій на пуговицу, совершенно сморщивался.

— Пожалуйте-съ чай кушать! проговорилъ онъ, поправляя что-то обѣими руками у себя на бедрахъ.

— Зейчасъ, отвѣчалъ Адамъ Адамычъ, подходя къ маленькому круглому зеркальцу на ножкѣ, пріютившемуся на окнѣ.

— Адамъ Адамычъ-съ! вкрадчиво произнесъ тутъ мальчишка, извѣстный во всемъ Забубеньевѣ подъ фирмою желнобобовскаго казачка Алешки. — А Адамъ Адамычъ! прибавилъ онъ снова, сдерживая глупую улыбку.

— Ну? спросилъ нашъ герой, не оборачиваясь и застегивая передъ зеркальцемъ наглухо свой табачный сертучокъ.

— Пожалуйте грошикъ-съ.

Адамъ Адамычъ быстро обернулся.

— Ach, du Schweinigel, du! проговорилъ онъ съ сердцемъ. — Знова? Я долженъ буду сказивайтъ то Максимъ Петровичъ.

— Не скажете-съ, Адамъ Адамычъ! спокойно возразилъ мальчишка, копая у себя въ ухѣ грязнымъ пальцемъ и ухмыляясь.

— Знова не умивалъ зебе? сказалъ Адамъ Адамычъ, озирая съ ногъ до головы казачка и стараясь повидимому замять непріятный споръ.

— Вотъ же Богъ, не скажете-съ! не отставалъ Алешка.

— И Макарвичъ скажу! воскликнулъ наставникъ, дѣлая впрочемъ усиліе, чтобы не улыбнуться.

— Не скажете-съ, Адамъ Адамычъ; пра, не скажете! Вы вѣдь добренькій такой-съ. А грошикъ дадите-съ.

Чувствительное сердце Адама Адамыча начало смягчаться, и онъ сказалъ болѣе ласковымъ тономъ:

— Ну, пошоль! Зегодня нѣтъ. Позлѣ.

Алешка подскочилъ пѣтухомъ къ почтенному нѣмцу и схватилъ его за руку.

— Что ти хочешь? спросилъ Адамъ Адамычъ.

— Ручку пожалуйте-съ! сказалъ мальчишка, обтирая свой носъ объ руку Адама Адамыча.

Непріятное чувство пробѣжало по всѣмъ нервамъ наставника юношей и отроковъ, когда Алешка прикоснулся къ его рукѣ.

— Оставъ! сказалъ онъ съ неудовольствіемъ. — Иди, вимой зебѣ лицо, или я не даваетъ нишего!

Алешка ухмыльнулся. Какъ видно, онъ болѣе сомнѣвался въ чистотѣ намѣреній Адама Адамыча, чѣмъ въ опрятности своей собственной особы.

— Что же, чай-то кушать-съ? сказалъ онъ, желая въ свою очередь отклонить разговоръ о своей личности.

— Ну, иди! проговорилъ Адамъ Адамычъ, отворилъ дверь, выпустилъ казачка и самъ послѣдовалъ за нимъ по узенькой лѣсенкѣ внизъ, заперши предварительно дверь свою на ключъ.

Внизу, въ лакейской, куда выходила лѣстница отъ Адама Адамыча, сердце его должно было поразиться чувствами жалости и соболѣзнованія. Только-что казачокъ просунулся въ лакейскую и слѣдомъ за нимъ вошелъ туда Адамъ Адамычъ, огромная жилистая рука ухватила за вихоръ Алешку.

— Ты что проклажаешься, негодный? а! говорилъ высокій лакей лѣтъ сорока-пяти, съ самымъ свирѣпымъ лицомъ. — Ты что? а!... А ножи-то? а!... Не чистилъ? не чистилъ, каналья? — Вотъ постой! постой! Вотъ я-те на конюшнѣ выпорю. Спишь все? а!... И рожи-то всплеснуть не успѣлъ? Ахъ ты, повѣса этакой!... Ишь, глаза-то гноятся.— Постой! Вотъ помяни мое слово, на конюшню сведу! — Что у-те штаны-то ползутъ? а!... Опять крючки оборвалъ?

Алешка глухо стоналъ, не смѣя взвыть подъ грозными лапами и увѣщаніями Макарыча.

Тронутый до глубины души истязаніями несчастнаго, Адамъ Адамычъ обратился умоляющимъ тономъ къ свирѣпому лакею:

— Оздавте, Макарвичъ! довольно! Онъ билъ у мене.

— Нельзя съ ними иначе поступать, Адамъ Адамычъ, отвѣчалъ Макарычъ, даруя свободу Алешкѣ. — Такой ужь народецъ! Разъ потакнешь — бѣда! все вверхъ-тармà пойдетъ! Рыла-то вѣдь самъ не умоетъ, Адамъ Адамычъ. Вы только посмотрите, что за поведенцъ у мерзавца! весь въ пуху, въ салищѣ!

— Вотъ, сказалъ Адамъ Адамычъ, обращаясь къ битому Алешкѣ: — я тоже говорилъ — лицо умивайтъ должно.

— Такъ вы говорили, Адамъ Адамычъ? воскликнулъ Макарычъ, накидываясь съ новымъ бѣшенствомъ на злополучную, побѣдную голову Алешки. — А ты наперекоръ, каналья! тебѣ говорятъ, а ты мимо уха пропущаешь! — Шельма ты этакая шальная! право, шельма! приговаривалъ онъ, качая казачка за вихоръ съ боку на бокъ.

— Оставте, Макарвичъ! повторилъ опять благородный нѣмецъ, обуянный милосердіемъ: — онъ не будетъ знова такъ поступайтъ.

Алешка и стонать уже пересталъ; онъ былъ бѣлъ какъ веленевая бумага, и слезы градомъ катились ему на грудь. Макарычъ насилу удовольствовался; далъ впрочемъ казачку еще порядочнаго лизуна по затылку и сказалъ:

— Пошелъ, бестія, ножи чистить!

Съ чувствомъ глубокой радости, что сыгралъ доблестную роль миротворца, перешелъ Адамъ Адамычъ коридоръ и буфетную, и очутился въ чайной комнатѣ, лицомъ къ лицу съ двумя особами, занимавшими въ домѣ мѣсто хозяевъ.

На кругломъ столѣ, помѣщавшемся посреди комнаты, отчаянно кипѣлъ большой самоваръ, и паръ отъ него подымался трубой къ самому потолку. Особа женскаго пола, лѣтами немного за тридцать, съ черными какъ сажа волосами, собранными на затылкѣ подъ маленькую роговую гребенку, и съ бойкими, моложавыми чертами лица, разставляла на подносѣ огромное количество чашекъ разнаго калибра.

Вокругъ стола находилось больше дюжины стульевъ, и между ними возвышалось одно кресло довольно древняго фасона. На этомъ креслѣ возсѣдалъ самъ сановитый хозяинъ дома, Максимъ Петровичъ Желнобобовъ. Широкій халатъ изъ какой-то азіатской матеріи съ лихимъ глянцемъ облекалъ его низменную и коренастую фигуру. На головѣ у него красовалась вязаная ермолка съ кисточкой въ родѣ цвѣтка трилистника. Ермолка эта служила не столько для согрѣванія головы, сколько для скрытія отъ постороннихъ глазъ совершенно голаго и непріязненно лоснящагося черепа, въ другое время таившагося подъ парикомъ. Черты лица у Максима Петровича, казалось, находились въ самыхъ враждебныхъ между собою отношеніяхъ. Лѣвая бровь никакъ не хотѣла

стоять наравнѣ съ правой и горделиво подымалась дюймомъ выше; глаза какъ-то неродственно расходились иногда въ своихъ взглядахъ на вещи; носъ непріязненно и насмѣшливо смотрѣлъ на нижнюю губу, какъ-бы желая клюнуть и уязвить ее; нижняя губа, съ своей стороны, нимало не унывала и въ ущербъ своей верхней сестрѣ, которую такъ-сказать совершенно затирала въ грязь, гордо лѣзла къ носу и показывала видъ, что нисколько не боится его угрозъ. Довольно обширный подбородокъ господина Желнобобова, украшенный перелѣскомъ сѣроватыхъ волосъ, и обнаженная его шея обрамлялись воротникомъ красной рубашки, не кумачной какой-нибудь, а настоящей шелковой, безъ малѣйшей примѣси шерсти или бумаги. На ногахъ Максима Петровича надѣты были красные казанскіе ичиги, которые ярко сіяли новизной, когда владѣлецъ ихъ мѣрно покачивалъ ножкой.

Собесѣдница господина Желнобобова была одѣта тоже, подъ пару къ нему, очень благопристойно и щеголевато. Полосатая тафтяная блуза обнимала ея полный станъ, врѣзываясь поясомъ въ то мягкое мѣсто, гдѣ у иныхъ бываетъ талія. Хотя таліи и не было у этой привлекательной и милой особы, однако тѣмъ не менѣе она была очень стройна и походила какъ двѣ капли воды, и ростомъ и дородствомъ, на одно историческое лицо, а именно на Бобелину, героиню Греціи, портретъ которой (съ саблей при бедрѣ) можно еще видѣть на шторахъ у нѣкоторыхъ обывателей Забубеньева. Вѣроятно тамъ только и сохранились еще эти прекрасныя шторы съ изображеніями историческихъ событій и персонажей; въ другихъ мѣстахъ расписныя шторы замѣнены нисколько не поучительными кусками бѣлаго каленкора и полотна. — Однимъ костюмъ прекрасной женщины, разливавшей чай, не гармонировалъ съ костюмомъ ея собесѣдника, а именно обувью. Козловые башмаки Бобелины, съ запахомъ, нисколько не напоминающимъ ароматъ розъ или амбру, ни-

какъ не могли быть сравниваемы съ роскошными спальными сапогами Максима Петровича, сшитыми изъ самаго лучшаго сафьяна. Читатель вѣроятно ошибается уже на счетъ положенія въ обществѣ означенной особы женскаго пола, занимавшейся разливаніемъ чая, и считаетъ ее конечно или законной супругой, или дѣвствующей сестрой, или вдовствующей кузиной Максима Петровича.

Татьяна Васильевна (такое имя носила эта особа) была ни больше ни меньше, какъ экономка и домоправительница у господина Желнобобова. — Хотя два злорѣчивыхъ и неблагонамѣренныхъ языка (только два замѣшалось ихъ въ добродѣтельное общество Забубеньева) и поговаривали, что Татьяна Васильевна находится у Максима Петровича на правахъ болѣе обширныхъ; но клевета эта оставалась безъ всякого оправданія и вниманія со стороны остальныхъ жителей города. Жители эти были убѣждены только въ томъ, что подобное мнѣніе можетъ быть приложено развѣ къ безнравственному штабъ-лекарю Шелопаеву, ибо онъ самъ открыто сознавался, что держитъ у себя, по его собственному выраженію, «незаконную старушку». Господинъ Желнобобовъ стоялъ въ мнѣніи Забубеньева выше всякого подозрѣнія, ибо всѣмъ знаема была неукоснительная нравственность и уваженіе къ религіи Максима Петровича. — Сановитый хозяинъ Татьяны Васильевны пришелъ, правда, въ болѣе тѣсныя отношенія къ экономкѣ своей съ тѣхъ поръ, какъ скончалась голубка его, Агаѳья Андреяновна; но это иначе и быть не могло. Сдѣлавшись вдовцомъ, долженъ же онъ былъ ввѣрить кому-нибудь бразды домашняго правленія, а ввѣривъ, долженъ же былъ и наблюдать за этимъ кѣмъ-нибудь.

Когда Адамъ Адамычъ вошелъ въ комнату, въ ней царствовало полное молчаніе, нарушаемое только изрѣдка свистомъ самовара и легкимъ сапомъ носа господина Желнобобова. Адамъ Адамычъ вошелъ тихохонько; сапоги его на

тонкой подошвѣ и безъ каблуковъ не простукнули. Онъ приблизился къ столу почтительно и поклонился учтиво, однимъ почеркомъ головы, и Максиму Петровичу и Татьянѣ Васильевнѣ, сидѣвшимъ на разныхъ сторонахъ чайнаго стола.

— Добрій денъ! проговорилъ онъ, описывая снова головою элиптическую линію отъ Максима Петровича къ домоправительницѣ.

— Здравствуйте! сказала громко и отрывисто экономка. — Что это вы долго? Чай-то ужь простылъ.

Адамъ Адамычъ подвинулся къ столу, молча и почтительно глядя на господина Желнобобова, который тянулъ чай изъ огромнаго стакана, болѣе похожаго на купель, чѣмъ на стаканъ, и не обращалъ вниманія ни на что происходящее окрестъ.

— А! сказалъ онъ наконецъ, выпячивая нижнюю губу, когда Адамъ Адамычъ стукнулъ стаканомъ. — А ну, здорово!

— Злава Богу! проговорилъ Адамъ Адамычъ, принимаясь мѣшать ложечкой въ стаканѣ.

— Нечего ужь мѣшать-то! сказала Татьяна Васильевна: — давно ужь разошелся сахаръ. Я вамъ первый стаканъ налила.

— Покорно вазъ блягодару, отвѣчалъ почтительный нѣмецъ.

— А ну, садись, Адамычъ! сказалъ хозяинъ дома, указывая нижнею губой на ближайшій стулъ: — а ну, садись! гость будешь.

Адамъ Адамычъ снова поблагодарилъ и присѣлъ на стулъ. Присѣлъ онъ уютно и скромненько на краешекъ, а не развалился на спинку и не закинулъ головы залихватски назадъ, какъ дѣлаютъ нынче нѣкоторые юноши, нетвердые въ правилахъ благопристойности и уваженія къ старшимъ.

— А ну, что киндеры? а!... Не былъ у нихъ? спросилъ господинъ Желнобобовъ.

Адамъ Адамычъ поспѣшилъ поставить стаканъ свой на столъ и произнести, вставая со стула:

— Ви прикажеть идти за нихъ?

— Нѣту, не надо! отвѣчалъ господинъ Желнобобовъ: — слышь, никакъ идутъ. А ну, какъ по нѣмецкому будетъ «идутъ»?

— Sie kommen, сказалъ Адамъ Адамычъ.

— Зи комменъ, зи комменъ... А ну, ладно! — Вотъ, сказалъ Максимъ Петровичъ, обращаясь къ Бобелинѣ: — еще словцо выучилъ нѣмецкое! Зи... зи... Какъ-бишь, Адамычъ?

— Kommen.

— Ну, да! да! зи комменъ... Да садись же, Адамычъ, садись! Что ты, расти что-ли хочешь?

Адамъ Адамычъ снова занялъ самый крохотный уголокъ стула.

— А я это слово давно знаю! сказала Бобелина гораздо привѣтнѣе прежняго. — «Зи комменъ» — это значитъ: идутъ; а «комменъ зи» значитъ: подите сюда!

— Вотъ тебѣ на! произнесъ Максимъ Петровичъ, подъѣзжая губой къ самому носу. — А какъ это вы знаете?

— Мнѣ Петенька сказали, отвѣчала экономка.

— А!

Максимъ Петровичъ хотѣлъ, кажется, сказать еще что-то; но по лѣстницѣ въ коридорѣ страшно затопали ноги, и въ чайную вошли четыре отрока въ клѣтчатыхъ холстинковыхъ рубашкахъ съ кожаными поясами, обстриженные по-русски — чада Максима Петровича. Они шли лѣсенкой одинъ за другимъ, по старшинству лѣтъ, и направились всѣ къ виновнику своего бытія. Старшему было не болѣе тринадцати лѣтъ; остальные были погодки. Облобызавъ поочередно руку родителя, они расшаркались передъ Адамомъ Адамычемъ и Татьяной Васильевной. Трое старшихъ вслѣдъ затѣмъ усѣлись на стульяхъ; но младшій, повидимому обладавшій большою бойкостью, подошелъ къ Адаму Адамычу и сказалъ ему:

— Адамъ Адамычъ! я учиться сегодня не буду: сегодня мое рожденье.

— 'S gut, 's gut! торопливо произнесъ Адамъ Адамычъ. — Задизъ и пей чай!

— Ахъ, Боже мой! воскликнула Бобелина, приподымаясь на стулѣ: — Максимъ Петровичъ! мы и забыли совсѣмъ... Вѣдь точно ганюшкино рожденье сегодня.

— А! сказалъ Максимъ Петровичъ, обращаясь къ новорожденному: — А ну, поди сюда!

Ганюшка подошелъ къ родителю, и родитель вонзилъ свою нижнюю губу въ его пухлую щеку.

— А ну, поздравляю! А ну, сколько тебѣ теперь лѣтъ, карась? а!... А ну, сколько? а!

— Девять, бойко отвѣчалъ Ганюшка.

— Девять?... девять; такъ, такъ!... А учишься плохо? а!... Вѣдь плохо учится, Адамычъ?

— Зпозобности большія! сказалъ Адамъ Адамычъ, уклоняясь отъ прямаго отвѣта, дабы не оскорбить Ганюшку въ такой высокоторжественный для него день.

— А ну, освободить его отъ ученья сегодня! освободить!... по случаю рожденья освободить! да!

— Ошенъ харшо, промолвилъ Адамъ Адамычъ.

— А ну, садись! пей чай!

— Задизъ, задизъ! подтвердилъ наставникъ, подставляя Ганюшкѣ стулъ.

Братья его давно ужь убирали за обѣ щеки огромные куски булки, и Ганюшка не замедлилъ пристать къ нимъ.

— А Петенька встали, Васенька? спросила Бобелина, обращаясь къ старшему изъ бывшихъ на лицо потомковъ господина Желнобобова.

— Да, да! сказалъ Максимъ Петровичъ, вправляя въ ротъ нижнею губой кусокъ калача: — а ну, гдѣ же онъ? гдѣ?

— Я здѣсь, папенька! сказалъ Петенька, входя въ комнату.

То былъ цвѣтущій восемнадцатилѣтній юноша довольно высокаго роста, съ длинными бѣлокурыми волосами и нѣжнымъ, довольно красивымъ лицомъ. На немъ былъ синій сертучокъ и пестрый галстукъ съ большимъ откладнымъ воротничкомъ. Во всей его фигурѣ была замѣтна щеголеватость. — Онъ тоже подошелъ къ ручкѣ родителя и подалъ руку Адаму Адамычу, который спросилъ его, какъ онъ почивалъ, на что Петенька отвѣчалъ ему по-нѣмецки, что очень хорошо.

— Вотъ вашъ стаканчикъ, Петръ Максимычъ! сказала Бобелина, подавая налитой стаканъ вошедшему юношѣ.

— Благодарю, сказалъ, слегка кланяясь, Петенька, и сѣлъ около домоправительницы.

— Сладко ли, Петръ Максимычъ? спросила дѣва.

— Сладко, очень сладко, отвѣчалъ юноша, пробуя чай ложечкой.

— Не хотите ли сухариковъ, Петръ Максимычъ? продолжала спрашивать Бобелина.

— А ну, а ну! воскликнулъ вдругъ Максимъ Петровичъ, качая головой: — ему сухариковъ? а!... а намъ нѣтъ?

— Да вѣдь никто не любитъ, кромѣ Петра Максимыча, произнесла домоправительница, отправляясь за сухарями къ шкапу.

— А ну, ладно! дать ему сухарей!

— Merci, отвѣчалъ юноша Бобелинѣ, которая съ нѣжной улыбкой подала ему корзинку съ сухарями.

— И мнѣ сухарей дайте! завопилъ Ганюшка: — мое сегодня рожденье.

— Verwöhntes Kind! вмѣшался Адамъ Адамычъ, отстраняя руки Ганюшки отъ корзинки съ сухарями. — Не должно прозитъ.

— А ну, дать ему сухарь... ради рожденья! сказалъ Максимъ Петровичъ: — а отъ ученья отстранить!

Бобелина сердито взяла въ корзинкѣ кривой и сожженный сухарь и сунула его въ руку Ганюшкѣ.

— А ну, пойти, пойти пріодѣться! сказалъ, вставая съ креселъ, Максимъ Петровичъ: — пойти погулять! Погода-то нынче славная.

Когда Максимъ Петровичъ удалился, Бобелина сказала, собирая чашки:

— Ну что? всѣ накушались?

— Взѣ, отвѣчалъ Адамъ Адамычъ. — Время естъ учиться.

— Да, ужь восьмой въ исходѣ, замѣтила домоправительница.

— Ну, идитъ! сказалъ наставникъ, обращаясь къ дѣтямъ. — Базиль, Іоганъ, Михель! Nun geht! haltet Alles parat! Я приду зейчасъ.

Адамъ Адамычъ удалился вмѣстѣ съ тремя отроками. Въ коридорѣ послалъ онъ ихъ на верхъ; а самъ направилъ стопы въ свою горенку, чрезъ лакейскую, гдѣ Алешка усердно чистилъ ножи, а Макарычъ все еще продолжалъ корить и усовѣщивать казачка.

Взойдя на верхъ, Адамъ Адамычъ кликнулъ изъ-подъ кровати Пальму, которая уже при звонѣ ключа въ замкѣ высунула изъ своего убѣжища вылинявшую голову. Онъ вынулъ изъ кармана кусокъ калача, положилъ его на полъ и нѣсколько разъ произносилъ: «Ein Jude hat d'ran gebissen! ein Jude!» Собака, виляя хвостомъ, взирала на лакомый кусокъ и не трогалась съ мѣста; но когда Адамъ Адамычъ произнесъ магическія слова: «Ein Mädchen!» Пальма быстро схватила калачъ и отправилась съ нимъ въ свой обычный пріютъ.

Вслѣдъ затъмъ Адамъ Адамычъ принялся за коробочку съ нюхательнымъ табакомъ, котораго снова истребилъ достаточное количество на приведеніе въ изящную чистоту своихъ зубовъ. Эту операцію герой мой привыкъ производить послѣ каждаго куска хлѣба или чего бы то ни было съѣстнаго, побывавшаго у него во рту.

Между тѣмъ, какъ почтенный нѣмецъ занимался такою внимательною заботой о Пальмѣ и своей особѣ, Ганюшка долго не хотѣлъ выходить изъ чайной, откуда выпроваживала его Бобелина то тихими и молящими, то строгими и грозящими словами. Наконецъ только обѣщаніемъ принести ему на верхъ пряникъ убѣдила домоправительница непокорнаго отрока — оставить чайный столъ.

Петенька продолжалъ еще пить чай, и Бобелина безпрестанно потчивала его то сухариками, то сахаромъ, спрашивая, сладокъ ли его чай.

— Не угодно ли вамъ пѣночку, Петръ Максимычъ? спросила она, одной рукой подставляя Петенькѣ сливочникъ, а другою поправляя кружевной воротничокъ, глядѣвшій изъ большаго отверстія ея блузы у самой душки.

— Нѣтъ, благодарю, отвѣчалъ прекрасный юноша: — я ужь допиваю.

— Скажите пожалуста, Петръ Максимычъ, продолжала нѣжная дѣва: — отчего вы такіе невеселые сегодня?

— Нимало; съ чего вы это взяли? сказалъ Петенька, глядя въ лицо Бобелинѣ.

Взоры домоправительницы подернулись маслянистой влагой, и пріятная улыбка легонькой лести покосила немного правый уголъ ея рта.

— Впрочемъ это къ вамъ очень идетъ, Петръ Максимычъ. Вы сегодня такіе антиресные!

— Будто? проговорилъ юноша, пріятно улыбаясь.

— Ахъ, да! я хотѣла спросить васъ, Петръ Максимычъ, продолжала Бобелина нѣжнымъ и вкрадчивымъ тономъ: — какое пирожное желаете вы сегодня?

— Мнѣ рѣшительно все равно.

— Я думала приказать сдѣлать суфлей. Я знаю, что вы любите суфлей. Только не знаю, изъ чего лучше?

— Изъ чего хотите, отвѣчалъ Петенька, торопливо допивая свой стаканъ чаю.

— Я велю изъ шиколату сдѣлать, Петръ Максимычъ, приставала домоправительница.

— Ну изъ шоколату такъ изъ шоколату! — Пора мнѣ однакожь... Адамъ Адамычъ, я думаю, ждетъ.

— Ну что за важность такая! Погодите немножечко, Петръ Максимычъ; доставьте мнѣ это удовольствіе!

— Нѣтъ, надо идти. Неловко.

— И чему вамъ учиться у Адама Адамыча, Петръ Максимычъ? Вы сами гораздо больше его знаете.

Лицо юноши озарилось усмѣшкою гордости и самодовольства.

— Это конечно отчасти правда; да папаша такъ хочетъ. Пусть ужь будетъ по его!

— Максимъ Петровичъ право странные такіе! Ну что знаетъ этотъ нѣмецъ? И по своему-то, кажется, гораздо хуже васъ.

— Ну не хуже, положимъ, сказалъ юноша, вставая. — Пора впрочемъ мнѣ, пора!

— Ахъ, позвольте! сказала вдругъ, воспрянувъ со стула, Бобелина, когда Петенька всталъ: — что это у васъ на головкѣ?

— Гдѣ? спросилъ Петенька, шаря у себя на лбу.

— Нѣтъ, не тутъ-съ. Вы не косматьте волоски, Петръ Максимычъ! Позвольте, я сниму. Это пухъ, кажется.

— Ну, снимите! сказалъ юноша, наклоняя немного голову.

Бобелина подошла къ нему почти вплоть и подняла обѣ руки на его голову. Хотя пушинка была самая микроскопическая, но тѣмъ не менѣе нѣжная дѣва одною рукою пригладила рядъ, пронятый въ волосахъ юноши, а другою стала бережно и медленно снимать пушинку, чтобы не сдвинуть

съ мѣста ни единаго волоска. Во время этой операціи крутая и горделивая грудь воинственной Бобелины коснулась жилета юноши. Руки Петеньки вдругъ обхватили мягкій станъ дѣвы и прижали ее къ груди. Бобелина слабо вскрикнула, освобождаясь отъ этихъ тѣсныхъ объятій.

— Ахъ, какіе вы шутники, Петръ Максимычъ! Какъ это можно? поутру? произнесла она съ жеманной улыбкой.— Что это вы? Ну, неравно папенька взойдутъ!

Въ ближайшей комнатѣ раздался скрипъ сапогъ.

— Вотъ онъ и легокъ на поминѣ! сказалъ Петенька, удаляясь изъ чайной.

— А ну, ну! воскликнулъ господинъ Желнобобовъ, просовывая въ дверь свою голову, облеченную уже въ парикъ съ пріятнымъ хохолкомъ: — а ну, велите сѣно принять, Татьяна Васильевна!... Привезли тамъ два воза.

— Сейчасъ! грубо произнесла Бобелина, съ досадой двигая чашки и оглушительно звеня чайными ложками.

Когда Петенька взбѣжалъ на верхъ и вошелъ въ классную комнату, которая была вмѣстѣ и спальнею четырехъ младшихъ дѣтей, наставникъ юношества только-что садился на свое наставническое мѣсто, на одномъ концѣ длиннаго бѣлаго стола, исчерченнаго разными фигурами посредствомъ перочинныхъ ножичковъ, карандашей и перьевъ.

— Gieb mir meine Aermel her! сказалъ онъ, обращаясь къ Васенькѣ, сидѣвшему на противуположной сторонѣ стола.

По приказанію Адама Адамыча Васенька выдвинулъ ящикъ стола и вынулъ оттуда два бережно сложенныхъ сѣрыхъ каленкоровыхъ рукава, которые Адамъ Адамычъ не замедлилъ натянуть на свои руки, съ цѣлью предохранить свой табачный сертучокъ отъ всякихъ постороннихъ пятенъ.

Вслѣдъ за этимъ послѣдовалъ процессъ ученія, который Адамъ Адамычъ выполнялъ всегда съ любовью и тщательностью человѣка, преданнаго душою своему предмету.

Время, кажется, сказать теперь читателю, чему и какъ училъ Адамъ Адамычъ дѣтей чадолюбиваго отца Желнобобова. Главнымъ предметомъ преподаванія былъ, разумѣется, нѣмецкій языкъ, Muttersprache Адама Адамыча; второстепенными предметами — каллиграфія, которую Адамъ Адамычъ воздѣлывалъ съ искреннею любовью, и географія, обогащенная немалымъ количествомъ замѣчаній самого преподавателя, замѣчаній, почерпнутыхъ имъ изъ многолѣтняго опыта и странствованій по многимъ городамъ, какъ русскимъ, такъ и инымъ.

Первымъ дѣломъ Адама Адамыча было отобрать отъ всѣхъ питомцевъ тетрадки съ нѣмецкими словами, положить ихъ въ кучку подъ одинъ изъ своихъ каленкоровыхъ локтей и начать спрашивать учениковъ сначала по порядку, потомъ въ разбивку, но все-таки соблюдая очередь.

Въ ученіи дѣтьми наизусть вокабулъ Адамъ Адамычъ слѣдовалъ самому строгому систематическому порядку, а именно: сначала заучивали питомцы его названія добродѣтелей и пороковъ, и вообще отвлеченныя понятія по предметамъ религіи и философіи; потомъ ученикъ отъ понятій высшихъ переходилъ къ природѣ, заучивалъ названія звѣрей, птицъ, рыбъ и травъ. Наконецъ входилъ онъ въ бытъ человѣка, какъ извѣстно, разумнѣйшаго изъ животныхъ, знакомился съ номенклатурой его домашнихъ и общественныхъ нуждъ; потомъ переходилъ къ самому организму человѣка, узнавалъ имена составныхъ его частей и самыя болѣзни и немощи бреннаго человѣческаго тѣла. — Въ тотъ день, который принялись мы изображать, ученики Адама Адамыча дошли уже до этого важнаго отдѣла. Впереди впрочемъ оставалось имъ еще много прекрасныхъ словъ по части физики и по другимъ неменѣе значительнымъ отраслямъ знанія.

Петенька давно уже не училъ вокабулъ, а занимался болѣе переводами, и потому сѣлъ къ особому маленькому

столику, развернулъ томикъ Карамзина и принялся передавать нѣмецкимъ языкомъ одно изъ «Писемъ Русскаго Путешественника».

Трое остальныхъ питомцевъ Адама Адамыча сидѣли смирно и скромно, опустивъ руки подъ столъ, и только Ганюшка, въ ознаменованіе высокоторжественнаго дня своего рожденія и вожделѣннаго вступленія въ десятый годъ своего возраста, помѣстился на одной изъ четырехъ кроватей, находившихся въ комнатѣ для помѣщенія четырехъ дѣтенышей господина Желнобобова, кромѣ Петеньки.

— Ну, Базиль! воскликнулъ Адамъ Адамычъ, обращаясь къ Васенькѣ. — Желтуха?

— Gelbsucht! произнесъ Васенька съ полнымъ достоинствомъ, какимъ облекаетъ человѣка знаніе.

— 'S gut! сказалъ Адамъ Адамычъ, тщательно скрывая книгу отъ глазъ Ванечки, который косвенно запускалъ въ нее свои любознательные взоры. — Михель! Чесотка?

Мишенька почесалъ у себя въ головѣ и заблагоразсудилъ выразительно промолчать.

Адамъ Адамычъ придвинулъ къ себѣ лоскутокъ бумаги, обмакнулъ въ чернилы перо и выставилъ на этомъ лоскуткѣ: Michel; потомъ противъ этого имени протянулъ небольшую черту. — Я бы, разумѣется, не сталъ утруждать читателей всѣми этими подробностями, еслибъ не имѣлъ благаго намѣренія познакомить педагоговъ съ образомъ преподаванія моего героя. Адамъ Адамычъ отмѣчалъ такимъ образомъ черточками каждое слово, которое не зналъ кто-либо изъ его питомцевъ. Такъ доставлялась ему возможность судить наглядно, такъ-сказать математически, о степени знанія ученика. Само собою разумѣется, что ни одна отмѣтка не пропадала даромъ для мудраго наставника.

— Ну, ти не знаешь. — Ванечка! Wie deutsch чесотка?

Хотя Ванечка подсмотрѣлъ не одно уже слово въ те-

традкѣ, пока Адамъ Адамычъ записывалъ ошибку Мишеньки, но тѣмъ не менѣе наскоро никакъ не могъ найти своимъ пытливымъ окомъ необходимое въ эту минуту слово. Поэтому Ванечка промолчалъ.

Зато Ганюшка, хранившій дотолѣ глубокое безмолвіе, вытащилъ потихоньку изъ-подъ подушки свою тетрадку вокабулъ, отыскалъ данное слово, тетрадку опять спряталъ, а самъ воскликнулъ:

— Я знаю, Адамъ Адамычъ. Krätze!

Адамъ Адамычъ, не подозрѣвавшій до тѣхъ поръ присутствія новорожденнаго отрока, обратилъ драгоцѣнное вниманіе свое на Ганюшку; но былъ очень непріятно пораженъ неблагочинною позой, въ которой лежалъ Ганюшка на кровати.

— So! сказалъ онъ съ видомъ неудовольствія: — aber не должно такъ лежайтъ во время урокъ, Габріель!

Ганюшка лежалъ попрежнему.

— Онъ посмотрѣлъ въ свою тетрадку! воскликнули въ три голоса остальные питомцы Адама Адамыча. — Онъ не зналъ, какъ чесотка, Адамъ Адамычъ!

— Зядъ, Габріель! продолжалъ Адамъ Адамычъ, не обращая вниманія на извѣтъ Васеньки, Мишеньки и Ванечки: — зядъ! нехаршо лежайтъ такой spanischer Bock.

Ганюшка всталъ, подошелъ къ столу и спросилъ:

— Was ist das, Адамъ Адамычъ: spanischer Bock?

— Я не знай, какъ въ русскомъ. Петенка! обратился онъ къ юношѣ: — ви не знаетъ, что обозначайтъ spanischer Bock?

— Нѣтъ, проговорилъ Петенька, не оборачиваясь.

— Искай въ лексиконъ, Габріель! сказалъ Адамъ Адамычъ, не забывая отмѣтить на лоскуткѣ бумаги промахъ Ванечки.

Затѣмъ Адамъ Адамычъ продолжалъ попрежнему спрашивать своихъ учениковъ о названіяхъ разныхъ недуговъ, неменѣе пріятныхъ желтухи и чесотки.

Послѣ спрашиванья вокабулъ наставникъ принялся за диктовку, такъ же тщательно отмѣтилъ всѣ ошибки и подписалъ число ихъ въ тетрадкѣ каждаго.

За диктовкою слѣдовало произнесеніе стиховъ наизусть, что Адамъ Адамычъ обозначалъ названіемъ декламаціи или практическаго упражненія въ произношеніи.

Когда все это было окончено, Адамъ Адамычъ развернулъ передъ каждымъ изъ своихъ питомцевъ по листку имъ самимъ выписанныхъ прописей, и дѣти принялись за каллиграфію.

Въ это время Петенька подалъ ему свой переводъ. Какъ нарочно, попадись Петенькѣ подъ руку то письмо Карамзина изъ Парижа, гдѣ говорится о Палероялѣ и о нимфахъ радости, заманивающихъ нѣжныхъ и чувствительныхъ путешественниковъ въ свои таинственные гроты. Переводя все только приблизительно, это мѣсто Петенька обдѣлалъ съ особою тщательностью и даже прибавилъ строкъ десять отъ себя. Когда Адамъ Адамычъ прочелъ его, глубокая тоска о безнравственности юноши обуяла его любящую душу.

— Не злѣдуетъ переводъ дѣлайтъ Карамзинъ. Переводійтъ другой зочиненіе.

— Отчего же не слѣдуетъ? грубо спросилъ Петенька: — развѣ это легко?

— Здѣсъ естъ мѣста, не должно которій знайтъ молодой человѣкъ.

— Что же, я мальчикъ по вашему что-ли? сказалъ Петенька съ оскорбленнымъ видомъ.

— Нѣтъ, но еще незовзѣмъ человѣкъ.

— Ха, ха, ха! несовсѣмъ человѣкъ!.... Вы, кажется, знаете, что я на будущій годъ въ университетъ ѣду.... такъ, я думаю, могу читать и переводить все, что мнѣ вздумается.

Давно уже замѣчалъ Адамъ Адамычъ въ питомцѣ сво-

емъ пагубную склонность къ вредоносному чтенію; ею отчасти потерялъ Петенька прежнее благоволеніе своего наставника, который считалъ и малѣйшій намекъ на что-либо «неподходящее» — растлѣніемъ нравовъ. Онъ молча взглянулъ на Петеньку. На устахъ его была написана глубокая укоризна; Петенька же улыбался иронически.

— Я би зовѣтовалъ вамъ, сказалъ послѣ нѣкотораго молчанія Адамъ Адамычъ: — «Разговоръ о Зчaзтіи» переводійтъ изъ хрестомати.

— Сами не хотите ли? спросилъ насмѣшливо Петенька. — Изъ хрестоматіи! Да что, младенецъ я что-ли?.... Вѣдь и то, что вы предлагаете переводить, тоже Карамзина.

— Озтавимъ этотъ разговоръ! сказалъ наставникъ, дочитывая переводъ Петеньки. — Mit ihnen hab' ich nichts zu sprechen: ви упрямъ, и ошенъ много о зебѣ думаетъ.

— Да вѣдь смѣшно слушаться-то васъ во всемъ! сказалъ Петенька, принимая самый гордый видъ. — Возьмемъ нѣмецкую литературу.... Что вамъ въ ней нравится? Кляуренъ какой-нибудь, который чортъ-знаетъ на что годенъ!

— Озтавте Кляуренъ zufrieden и задитесъ на мѣсто или уходійтъ! Ви мѣшаетъ мнѣ урокъ давайтъ.

Петенька не унялся и продолжалъ:

— Матиссонъ, напримѣръ... Ну что въ немъ?

— Отстанте отъ мене! проговорилъ, потупивъ очи, Адамъ Адамычъ.

Дверь въ это мгновеніе полуотворилась, и рука Бобелины поманила Петеньку.

— Не хотите ли кофейку, Петръ Максимычъ? спросила дѣвственная домоправительница: — ужь одиннадцать часовъ.

— Сейчасъ! сказалъ Петенька, дѣлая знакъ Бобелинѣ, чтобы она скрылась.

Ганюшка въ одну секунду вскочилъ съ кровати, которую занялъ-было снова, и бросился опрометью внизъ.

— Gieb mir her die Signatur! проговорилъ Адамъ Адамычъ, обращаясь къ Ванечкѣ.

Адамъ Адамычъ называлъ сигнатурою тетрадь, въ которую ежедневно вписывались отчеты о занятіяхъ дѣтей.

Противъ имени Ганюшки онъ отмѣтилъ: nicht gelernt; противъ Петеньки: gut. — Когда вписывалъ онъ это «gut», самыя горькія мысли шевелились въ его душѣ.

«Гдѣ же хорошо онъ учится?» думалъ Адамъ Адамычъ. «Ему слѣдовало бы отмѣтить: вольнодумствуетъ, непокорствуетъ.... Но съ Максимомъ Петровичемъ не сладишь; ничего ему не растолкуешь. Да и по-русски-то у меня выходитъ все не такъ, какъ вышло бы по-нѣмецки.»

Съ сокрушеннымъ сердцемъ ушелъ Адамъ Адамычъ изъ классной, зашелъ къ себѣ въ комнатку, взялъ фуражку и отправился изъ дому.

По неисповѣдимымъ судьбамъ, большинство народонаселенія городка Забубеньева состояло изъ дѣтей, и потому Адамъ Адамычъ не имѣлъ почти свободной минуты, давая многимъ изъ нихъ уроки, на что благосклонно соглашался господинъ Желнобобовъ.

На этотъ разъ Адамъ Адамычъ отправился къ исправнику Юзгину, у котораго было двое сыновей младенцевъ и одна дщерь, носившая панталончики, хотя лифъ ея платья почти каждый день надо было разставлять. То же раченіе, та же метода, какія употреблялись въ дѣло Адамомъ Адамычемъ при обученіи дѣтей господина Желнобобова, были пущены въ ходъ и тутъ. Адамъ Адамычъ съ особою нѣжностью смотрѣлъ на исправничью Лизаньку, называлъ ее соловьемъ, Nachtigall, и любовался, спрашивая вокабулы, бѣлой и полной ея шейкой.

Когда наставникъ окончилъ урокъ и отправился къ своимъ пенатамъ, былъ уже первый часъ въ половинѣ. Господинъ Желнобобовъ обѣдалъ по-христіански — въ часъ, и потому

Адамъ Адамычъ нашелъ столъ накрытымъ, казачка въ болѣе опрятномъ видѣ, а Макарыча, который заправилъ уже свой желудокъ, не столь свирѣпымъ.

Не успѣлъ выкурить и одной трубочки почтенный герой мой, какъ Алешка казачокъ возвѣстилъ ему, что супъ уже поданъ.

Въ большой залѣ, которая служила и вмѣсто столовой, растянутъ былъ довольно длинный столъ. Максимъ Петровичъ сидѣлъ уже на одномъ краю, обвязавъ выю свою салфеткой; на другомъ краю Бобелина, стоя, разливала супъ. Адамъ Адамычъ присѣлъ около хозяина, и слѣдомъ за нимъ явились его питомцы.

Адамъ Адамычъ находилъ обѣдъ своего хозяина очень хорошимъ и питательнымъ, когда не подавали къ нему раковъ, къ которымъ чувствовалъ онъ непреодолимую антипатію. Да и какъ, въ самомъ дѣлѣ, можно было не питать уваженія къ этому столу? Это не то, что какой-нибудь новомодный обѣдъ! Ужь если подадутъ супъ, такъ въ немъ чего хочешь, того и просишь: и говядина, и курица, и рисъ, и рѣпа, и картофель, и морковь, и петрушка. Не то, что какой-нибудь прозрачный буліонъ, въ которомъ ничего не выловишь! Пирожки къ супу обжарены въ маслѣ — и ужь видно, что масла не жалѣютъ: такъ съ нихъ и течетъ. Про пирожное же и говорить нечего.... Не такое пирожное, что только провизія на него выходитъ, а поѣсть нечего; пирожное и сладкое и питательное: оладьи, напримѣръ, заварныя или творожныя, или съ медомъ; каша рисовая въ формѣ, и съ изюмомъ, и съ корицей, и съ гвоздикой; розаны — точно живые, и одинъ съѣшь, такъ сытъ на весь день!

Обѣдъ прошелъ тихо и безмолвно. Бобелина смотрѣла съ нѣжностью на Петеньку, который сидѣлъ съ нею рядомъ, и указывала ему на лучшіе куски изъ каждаго блюда. Максимъ Петровичъ ѣлъ усердно; но какъ-скоро тарелка его

опрастывалась, онъ начиналъ дремать, ибо приближался часъ вожделѣннаго послѣобѣденнаго отдохновенія. По-временамъ только восклицалъ онъ: «А ну, что же? что же? Этакія бестіи: зайдутъ въ кухню — и заболтаются. А ну, пошелъ, пошелъ, Алешка! гони ихъ, мерзавцевъ! А ну, пошелъ, гони!»

Мудрый наставникъ смотрѣлъ болѣе въ свою тарелку и только изрѣдка, когда Ганюшка, мотая подъ столомъ ногами, задѣвалъ его пяткой по колѣнку, приговаривалъ съ укоризной: «Зиди зпокойно! Что дѣлаешь зъ ногами?»

Обѣдъ кончился; суфлей торжественно заключилъ его, и всѣ отправились по своимъ мѣстамъ: Ганюшка въ садъ — побѣгать на свободѣ, прочія дѣти въ классную — ждать русскаго учителя, Максимъ Петровичъ въ свой кабинетъ — на боковую. Бобелина ушла въ гостиную.

Одинъ Петенька остался въ залѣ, сѣлъ у отвореннаго окна и сталъ смотрѣть на пустую улицу. Лакеи, прожевывая захваченные съ тарелокъ куски, убрали со стола и отправились всхрапнуть, кто въ лакейскую, кто въ застольную.

Дверь изъ гостиной скрипнула. Оттуда высунулась голова Бобелины.

— Петръ Максимычъ, комменъ-зи! прошептала она съ улыбкой на устахъ и съ влагой во взорахъ.

Петенька усмѣхнулся, всталъ и прошелъ на цыпочкахъ въ гостиную.

Между-тѣмъ Адамъ Адамычъ почистилъ уже себѣ зубы нюхательнымъ зельемъ, покормилъ изъ обломка горшка свою Пальму, набилъ трубочку и сѣлъ съ книгою на кроватку.

И этотъ день, какъ многіе дни Адама Адамыча, канулъ въ вѣчность безъ особыхъ замѣчательныхъ происшествій.

Когда солнце утратило свою жгучесть и передъ закатомъ его разлилась въ воздухѣ пріятная свѣжесть, Адамъ Адамычъ пошелъ погулять. Какъ истинный любитель природы,

онъ направилъ стопы свои въ большой садъ, полный прохлады и тѣни, и тамъ, сидя подъ развѣсистой тополью, отдался весь своимъ мечтамъ и воспоминаніямъ.

Въ оврагѣ, оканчивавшемъ собою садъ и заключавшемъ въ себѣ цѣлое озеро воды, весело покрикивали лягушки; мошки сновали около лица Адама Адамыча; пѣсня какой-то птицы ярко звенѣла въ вѣткахъ густыхъ деревьевъ... Тѣнь длиннѣе и свѣжѣе ложилась по алеѣ; а мысли Адама Адамыча летали далеко, а воспоминанія тѣснымъ и шумнымъ роемъ бились въ его спокойное сердце...

ГЛАВА II.

И вся былая, давно промелькнувшая жизнь, съ картинами неотуманеннаго дѣтства и любящей юности, съ прошлыми и потому вдвое милыми сердцу радостями, воскресла передъ мысленными очами нашего героя, и подъ вліяніемъ могучей силы воспоминаній помолодѣла его начавшая уже сѣдѣть голова.

Видѣнія за видѣніями вставали передъ Адамомъ Адамычемъ.

Вотъ его далекая родина. Вотъ темный сосновый лѣсъ съ смолянымъ запахомъ, съ глухими тропинками, заросшими высокой травой и заваленными хворостомъ, съ звонкоголосыми птицами, съ вѣчнымъ таинственнымъ шумомъ и говоромъ вѣтвей.

А вотъ и маленькій сѣренькій домикъ въ лѣсу, обнесенный непышнымъ цвѣтникомъ, гдѣ пестрѣютъ мальфы, ноготки и гвоздики.

На небольшомъ дворѣ лѣснаго домика стоитъ полный и здоровый, небольшаго роста человѣчекъ съ самою довольною физіономіей, съ улыбающимися глазками и гладко выстриженной бѣлокурой головой. Погода тепла; лужайка, на которой

выстроенъ домикъ, вся озарена полуденнымъ лѣтнимъ солнцемъ. Человѣчекъ, стоящій на дворѣ, одѣтъ очень легко: на немъ одинъ длинный какъ камзолъ жилетъ съ огромными карманами, короткія бѣлыя штаны, сѣрые чулки и черные безъ пряжекъ башмаки самой простой работы. Важное занятіе поглощаетъ все его вниманіе: передъ нимъ лягавый щенокъ дѣлаетъ стойку надъ мертвой уткой, безпрестанно порываясь къ ней мордой. Терпѣливъ лѣсничій! Цѣлое утро бьется онъ съ безтолковой собакой; но не унываетъ, зная навѣрное, что достигнетъ своей цѣли, и что глупый щенокъ будетъ-таки со временемъ дивной охотничьей собакой. Сильный и безумолчный лай пяти другихъ псовъ, которыхъ лѣсничій нарочно заперъ въ сарай на углу двора, чтобы они не мѣшали лягавому новичку штудировать стойки и поноски, нимало не трогаетъ его и не мѣшаетъ ему продолжать свое дѣло.

Хорошенькій кудрявый мальчикъ, лѣтъ шести, вбѣгаетъ на дворъ, махая свѣжимъ, только-что срѣзаннымъ хлыстикомъ. Синяя курточка почти свалилась съ его плечъ, бѣлая рубашка растегнута, и дѣтская грудка тяжело дышетъ. Панталоны ребенка, поутру еще не уступавшіе бѣлизною снѣгу, теперь всѣ испачканы зеленымъ сокомъ травы и смолою сосенъ. Въ тонкихъ, мягкихъ и желтыхъ какъ ленъ волосахъ его запутались репьи и зеленыя иглы.

При появленіи ребенка, щенокъ, находящійся въ дрессировкѣ, собирается приласкаться къ нему; но строгій учитель взмахиваетъ своею плеткой, и щенокъ принужденъ продолжать свою стойку. — Лѣсничій грозитъ ребенку и говоритъ ему:

— Ступай къ мамѣ, Адамъ!

Мальчикъ вбѣгаетъ въ комнату, свѣтлую и въ высшей степени опрятную. Бѣлый, некрашеный полъ выскобленъ чисто-на-чисто и прикрытъ въ разныхъ направленіяхъ бѣлыми холщевыми половиками. Стѣны блестятъ на солнцѣ. Съ одной

стороны весело смотритъ портретъ непривѣтливаго въ натурѣ оберъ-форстмейстера; на другой широко раскинула запутанные рога голова оленя, поддерживая полдюжины свѣтлыхъ ружей. Простые, некрашеные стулья и такой же столъ составляютъ всю мебель комнаты. За нею слѣдуетъ скромная спальня лѣсничаго, съ кроватью подъ бѣлымъ кисейнымъ пологомъ, съ распятіемъ на стѣнѣ и молитвенникомъ на маленькомъ столикѣ.

Ребенокъ бѣжитъ черезъ эти двѣ комнаты прямо въ чистенькую кухню, гдѣ ослѣпительно бѣлая изразцовая печь заключаетъ въ себѣ простую трапезу небольшой семьи, и какъ жаръ горитъ посуда, систематически расположенная на полкахъ. Тамъ у окна, открытаго въ цвѣтущій садикъ, приготовленъ уже столъ для обѣда, и Адама встрѣчаетъ объятіями немолодая, высокая, худая, рыжая и очень некрасивая, но зато неизмѣримо любящая мать. Съ нѣжными укоризнами, больше похожими на ласки, расчесываетъ она его всклоченныя кудри, чиститъ вѣничкомъ синюю курточку, перемѣняетъ на немъ панталоны, застегиваетъ ему воротъ рубашки и обтираетъ лицо мокрымъ полотенцемъ, а потомъ нѣжно-нѣжно цалуетъ его глазки, щеки, губки и курчавые волосы нѣжными материнскими устами.

Но кукушка кукуетъ уже двѣнадцать разъ на стѣнныхъ часахъ; супъ разливаетъ пріятный запахъ, — и хозяйка, поправивъ свой полотняный чепецъ, полотняный воротничокъ и полотняный же фартукъ, бѣжитъ, гремя ключами, подвѣшенными къ ея поясу, звать обѣдать лѣсничаго. Собаки тотчасъ же выпускаются изъ засады; щенокъ бѣснуется отъ радости, что кончилъ долгій искусъ, — и семья собирается у дымящейся миски.

Вкусенъ супъ послѣ усталости, вкусна каша со свининой, вкусна приличная доза свѣжаго пива; но вкуснѣе всего миръ и спокойствіе домашняго круга! Нехитростныя рѣчи,

незлобивыя шутки и ласковыя слова сокращаютъ время обѣда, и всѣ трое совершенно счастливы. Счастливъ самъ лѣсничій, что достигъ нѣкоторой степени понятливости въ щенкѣ; счастлива жена его, что отлично удался обѣдъ; счастливъ и маленькій Адамъ, что вдосталь побѣгалъ по лѣсу и сытно поѣлъ, и кромѣ того счастливъ каждый изъ нихъ счастіемъ двухъ другихъ...

И идутъ такъ дни за днями, безмятежно смѣняя другъ друга.

Но ребенокъ подрастаетъ. Синяя курточка стала ему узка; пора бросить ее и сдѣлать ему изъ стараго кафтана отца новую; пора наконецъ дать ему и книгу въ руки. Довольно бѣгать по лѣсу безъ мысли и заботы!

Ребенокъ учится читать; онъ понятливъ, и скоро кончитъ азбуку. Знаетъ онъ и молитвы и двѣ-три басни наизусть. Скоро уроки матери нужно будетъ замѣнить другими уроками.

И настаетъ наконецъ время болѣе серіознаго ученія. Адамъ въ первый разъ прощается съ домашнимъ кровомъ. Правда, новое жилище его недалеко отъ прежняго — и мили нѣтъ; а все же грустно! Мать плачетъ, отецъ благоразумно уговариваетъ ее, хотя и самъ прослезился, а сынъ припалъ къ ея худощавой груди и не хочется ему оторваться. Но лошадка ждетъ у крыльца; лѣсничій надѣлъ кафтанъ, снялъ съ оленьей головы ружье и зоветъ ѣхать...

На новосельѣ хорошо Адаму. Онъ учится въ приходской школѣ маленькаго городка и живетъ у приходскаго шульмейстера, добраго стараго вдовца, давнишняго пріятеля лѣсничему. Адаму нравится новое житье, и весело ему играть съ маленькой и бѣленькой Минхенъ, дочкой учителя. Твердитъ онъ свою нѣмецкую граматику, склоняетъ латинскія nomina, спрягаетъ латинскія verba; узнаетъ понемножку о герояхъ, жившихъ встарину, о битвахъ, покрывавшихъ кровью

землю; идетъ не спѣша изъ Ассиріи въ Вавилонъ, изъ Греціи въ Римъ; знакомится и съ той наукой, которая раcказываетъ о томъ, какой главный городъ въ какомъ государствѣ, и о томъ, гдѣ родится хлопчатая бумага и гдѣ водятся слоны. По праздникамъ и воскреснымъ днямъ Адамъ ходитъ пѣшкомъ, съ сумкой за плечами, домой, гдѣ ждетъ его теплый привѣтъ матери, ласковое слово отца. Дома идетъ своимъ чередомъ его спеціальное образованіе. Отецъ его человѣкъ не ученый, но дѣльный и опытный практикъ. Адамъ заучиваетъ особенности разныхъ древесныхъ породъ, знакомится съ лѣсной энтомологіей, изучаетъ искуство дрессированія всякихъ собакъ, лягавыхъ и меделянскихъ, учится стрѣлять и ходитъ съ отцомъ на бекасовъ...

И дни идутъ за днями, безмятежно смѣняя другъ друга.

Но вотъ ужь золотистый пушокъ пробился на верхней губѣ Адама; онъ почти сравнялся ростомъ со своимъ учителемъ, школьный кругъ познаній почти весь обойденъ имъ, и дома вставляетъ онъ иногда свое словцо въ разговоры лѣсничихъ о культурахъ или о мѣрахъ къ истребленію какой-нибудь phalaena bombix monacha, какого-нибудь bostricus octodentatus. Ему уже шестнадцать лѣтъ, и недолго осталось ему до конца ученія.

Но чѣмъ болѣе приближается этотъ конецъ, тѣмъ сильнѣе становится какое-то странное волненіе въ его груди. Онъ не съ прежней уже радостью ходитъ домой; онъ все что-то думаетъ и передумываетъ. Зато скоро и радостно бѣжитъ онъ назадъ, къ шульмейстеру, и останавливается на дорогѣ только для того, чтобы нарвать цвѣтовъ, которыми обильно изукрашена недлинная его дорога. У маленькаго озерка на пути Адамъ снимаетъ съ себя платье и бросается въ воду, чтобы сорвать нѣсколько бѣлыхъ водяныхъ лилій, блестящихъ какъ жемчужины посреди изумрудной зелени широкихъ листьевъ и яхонтовой синевы водъ. Но срывая

ихъ, онъ думаетъ: «Она еще бѣлѣе этихъ лилій!» У пригорка, лежащаго близь городка и опушеннаго мелкимъ кустарникомъ, Адамъ рветъ или выкапываетъ съ корнями кустики фіялокъ; но при этомъ опять думаетъ: «Глаза ея нѣжнѣе этихъ фіялокъ!» И потомъ, глядя на весь букетъ, который назначенъ дочкѣ учителя, Адамъ шепчетъ улыбающимися устами: «Она краше во сто разъ этого букета!»

Вы уже поняли, читатель, что молодое сердце Адама забилось новымъ, невѣдомымъ ему дотолѣ чувствомъ. Да и какъ было не полюбить ее — эту тихую какъ ягненокъ, нѣжную какъ голубь и прекрасную какъ весенній цвѣтокъ дѣвушку. Минхенъ расцвѣтаетъ съ каждымъ днемъ лучше и лучше. Бирюзовые глазки ея сдѣлались точно сини какъ фіялки, и тихая нѣжность теплится въ нихъ подъ чистою влагой дѣвическихъ слезъ; льняные волосы ея стали темнѣе цвѣтомъ, не свиваются въ кольца и обрамляютъ гладкими широкими лентами ея бѣлое личико. Прежняя молочная бѣлизна и алая краска ея щекъ смѣнились какою-то матовою прозрачностью и тонкимъ розовымъ румянцемъ. Зато еще свѣжѣе развернулись пышныя губки Минхенъ, алыя какъ двѣ поспѣвающія вишни — и просятъ поцалуя; зато, какъ двѣ бѣлыя голубки, бьются подъ высокимъ лифомъ платья непорочныя груди дѣвушки, и настаетъ пора первой любви, блаженная пора, которой не купить уже потомъ никакими лишеніями, никакими горестями и бѣдствіями жизни.

Свѣтлая весна грѣетъ землю, и сердце Минхенъ смутно трепещетъ.... Свѣтлая весна уступаетъ мѣсто свѣтлому лѣту— и Минхенъ уже любитъ всею силой первой любви.

O klingender Frühling, du selige Zeit!
Und bist du vorüber, uns thut es nicht leid:
Wir liebten uns gestern, wir lieben uns heut',
Wir lieben uns morgen, wir glücklichen Leut'!

Въ маленькомъ садикѣ шульмейстера стоятъ три высокія липы, щедро одѣтыя зеленью, и дерновая скамейка прилажена между этими тремя липами.

По саду ходитъ самъ старый хозяинъ его, срѣзывая засохшія вѣтки и замазывая смолой свѣжія раны, нанесенныя деревьямъ его ножницами.

На дерновой скамейкѣ подъ липами сидитъ Адамъ, перелистывая исторію того великаго героя, который былъ еще юношей, когда почти весь свѣтъ покорился ему. Онъ смотритъ на портретъ, приложенный къ занимательной повѣсти Квинта Курція, и любуется этимъ прекраснымъ лицомъ, осѣненнымъ пышнымъ шлемомъ, изъ-подъ котораго выбиваются прекрасные локоны длинныхъ волосъ.... Но душа молодаго нѣмца не разгарается честолюбіемъ и, читая исторію сказочныхъ подвиговъ Александра, глядя на его благородный юношескій образъ, онъ думаетъ не объ упоительныхъ тревогахъ битвъ, а о тихомъ счастьѣ любви.

Минхенъ въ простомъ ситцевомъ платьѣ, въ бѣломъ передникѣ и съ маленькимъ чепцомъ на маленькой головкѣ, сходитъ со ступенекъ незатѣйливаго балкона и несетъ кружку вспѣненнаго пива старому шульмейстеру.

День клонится къ вечеру; солнце косыми лучами прорѣзываетъ гущу трехъ стройныхъ липъ, и каждый листъ ихъ обрамленъ свѣтлою чертой, какъ изумрудное сердечко, вставленное въ золотой ободокъ. Старикъ окончилъ свою работу, выпилъ всю кружку пива, обтеръ потъ съ лица и сказалъ, обращаясь къ ученику и къ дочери:

— Подберите-ка вѣтки, которыхъ я столько настригъ сегодня, да сложите ихъ въ кучу! Онѣ годятся для подтопки. А я усталъ и пойду отдохнуть.

Минхенъ поставила кружку, Адамъ всталъ со скамьи, шульмейстеръ ушелъ.

— Что вы читали? спрашиваетъ Минхенъ, наклоняясь

къ землѣ, чтобы поднять сухую вѣтку, и мгновенно краснѣя всѣмъ лицомъ.

— Квинта Курція, отвѣчаетъ Адамъ, дѣлая тоже.

— Какъ жаль, что я не знаю латинскаго языка! говоритъ Минхенъ.

— Я самъ, говоритъ Адамъ: — не знаю по-латыни на столько, чтобы читать на этомъ языкѣ. Это нѣмецкій переводъ, который далъ мнѣ вашъ батюшка.

Минхенъ идетъ по алеѣ, подбирая сучья; Адамъ слѣдуетъ за ней, и оба молчатъ.

Острая высохшая вѣтка яблони зацѣпилась за чулокъ Минхенъ.

— Вы наколете себѣ ногу! говоритъ вдругъ Адамъ, останавливаясь: — этотъ сучокъ разорветъ вамъ чулокъ.

Минхенъ остановилась. Адамъ бросается отнять вѣтку отъ чулка; Минхенъ наклоняется, чтобы сдѣлать тоже. Руки ихъ хватаются за одно мѣсто вѣтки.

Вѣтка въ рукѣ Минхенъ, рука Минхенъ въ рукѣ Адама. Оба покраснѣли до ушей.

— Минна! говоритъ Адамъ.

— Адамъ! говоритъ Минна.

Работа кончена, хворостъ сложенъ въ кучку въ углу сада, молодые работники устали. Смеркается.

— Сядемте на скамейкѣ, говоритъ Адамъ.

— Не хотите ли пить? спрашиваетъ Минна: — вы устали.

— Нѣтъ, отвѣчаетъ Адамъ.

Они сѣли на скамейку и молча взглянули въ глаза другъ другу. Рука Адама опустилась на дернъ и нашла тутъ маленькую ручку Минхенъ. Онъ взялъ эту руку тихо и нѣжно, не пожимая ея. Минна опустила синіе глазки.

Тихо дрожатъ ихъ молодыя сердца. Миліономъ своихъ зеленыхъ сердечекъ трепещутъ надъ ними три липы подъ легкимъ заревымъ вѣтеркомъ, вѣющимъ съ запада.

— Я васъ люблю, Минна, говоритъ Адамъ.

Минхенъ молчитъ, и кровь приливаетъ ей къ груди.

— Я васъ очень люблю, Минна.... А вы.... вы любите меня?

Рука Минхенъ невольно пожимаетъ руку Адама.

— Скажите, Минна.... вы любите меня?

Голосъ Адама рвется на каждомъ слогѣ.

— Да, отвѣчаетъ Минхенъ, еще ниже опуская хорошенькую головку и еще болѣе краснѣя отъ этихъ двухъ буквъ, которыя тихо произнесены ея свѣжими губками.

Такъ же низко наклоняется голова Адама, и онъ робко заглядываетъ въ лицо Минхенъ, боясь увидѣть на немъ смѣхъ; но по лицу ея катятся двѣ свѣтлыя слезинки. — Когда дѣвушка ихъ отерла и рѣшилась взглянуть на своего друга, глазки ея встрѣтились близко съ его глазами, губки ея сошлись съ его губами — и они поцаловались.... поцаловались короткимъ, какъ-будто холоднымъ, но единственнымъ сладкимъ въ жизни — первымъ поцалуемъ.

Любезный читатель! въ ту минуту, какъ я описываю вамъ эти весеннія сцены молодой любви, грозная сѣверная вьюга воетъ на дворѣ, снѣгъ тяжелыми хлопьями залѣпляетъ мое тусклое окно, вѣтеръ стонетъ и шумитъ по кровлѣ; въ моемъ уголкѣ становится такъ темно, что надо зажигать свѣчу, хотя и очень рано. А за часъ тому назадъ свѣтлый зимній день стоялъ за окнами, и все весело сіяло. Благосклонный читатель! въ эту минуту можетъ-быть не одна ясная и привѣтная идилія схоронена въ моей памяти, и въ груди не одно, не два горя; а эти идиліи были когда-то дѣйствительностью и, казалось, должны были продолжаться всю жизнь, — а сердце мое не знало не только двухъ, одного, но и половины горя. Вамъ, разумѣется, нѣтъ до этого никакого дѣла, если вы не сострадательны, читатель — и я сказалъ все это только для того, чтобы поцвѣтистѣе выразить простую истину, что всегда буря идетъ за тишиной и горе за счастьемъ.

Тоже сталось и съ моимъ героемъ. Вслѣдъ за тою отрадной жизнью, которою такъ хорошо жилось Адаму у сѣдаго шульмейстера, наступили года тяжелыхъ лишеній. Одинъ за другимъ отпадали отъ его жизни цвѣты, украшавшіе ее. Нечаянно умеръ лѣсничій отъ избытка здоровья: его зашибло апоплексическимъ ударомъ; слѣдомъ за нимъ умерла и жена его отъ недостатка здоровья: она была всегда худа и больна....

Но зачѣмъ станемъ мы повторять всѣ эти грустныя обстоятельства, которыя лишили моего героя и крова и родины, и привели его наконецъ въ Россію, гдѣ онъ долго странствовалъ изъ одного благороднаго семейства въ другое, пока не очутился въ домѣ господина Желнобобова?... Еще довольно предстоитъ намъ безотрадныхъ подробностей въ дальнѣйшемъ ходѣ этой исторіи.

Да и самъ Адамъ Адамычъ, молчаливо сидѣвшій подъ развѣсистой тополью и предававшійся мечтамъ, и самъ Адамъ Адамычъ, какъ только прекрасные года юности стали смѣняться въ его воспоминаніи ненастными годами его возмужалости, всталъ съ мѣста и только плюнулъ.

Становилось довольно темно. Герой нашъ опустилъ руку въ карманъ жилета, вынулъ оттуда кожаный мѣшочекъ, а изъ кожанаго мѣшочка свои толстые часы, и съ большимъ усиліемъ узналъ по нимъ, что ужь половина десятаго. «Пора спать!» подумалъ онъ и медленными шагами вышелъ изъ саду.

ГЛАВА III.

При домѣ господина Желнобобова находился небольшой флигель о трехъ окнахъ, въ которомъ обитало одно лицо, имѣющее именоваться въ сей повѣсти эксъ-студентомъ Закурдаевымъ. Этотъ Закурдаевъ состоялъ при четырехъ млад-

шихъ дѣтяхъ Максима Петровича въ качествѣ учителя по части русскаго языка, исторіи и ариѳметики; а старшаго сына господина Желнобобова, Петеньку, знакомаго уже съ нѣкоторыхъ сторонъ читателю, приготовлялъ къ университетскому экзамену.

Въ одинъ прекрасный лѣтній день, канунъ коего описанъ мною въ предшествовавшихъ главахъ настоящей повѣсти, часовъ около десяти поутру, Закурдаевъ лежалъ на клеенчатомъ диванѣ въ своей маленькой комнаткѣ и пускалъ къ потолку непроницаемые клубы табачнаго дыма изъ длиннаго черешневаго чубука и огромной трубки, изображавшей голову Аристотеля.

Здѣсь считаю я нелишнимъ прервать на нѣсколько страницъ нить моего расказа и сообщить читателю нѣкоторыя подробности о личности эксъ-студента Закурдаева, который имѣлъ, какъ окажется впослѣдствіи, вліяніе и на судьбу моего любезнаго героя.

Василій Семенычъ Закурдаевъ былъ сынъ небогатыхъ и незнатныхъ родителей. Отецъ его проживалъ въ главномъ городѣ той губерніи, къ которой принадлежитъ Забубеньевъ, и былъ извѣстенъ тамъ за перваго портнаго.

Когда юный Василій кончилъ свое ученье въ мѣстной гимназіи, отецъ нашелъ полезнымъ открыть сыну какъ врата знанія, такъ и болѣе обширное поле для общественной жизни, и потому препроводилъ его въ университетъ. Юноша отправился съ радостью, но радость его происходила не столько отъ жажды знанія, сколько отъ свѣтлыхъ надеждъ жить независимо отъ грознаго родителя, который столь же хорошо владѣлъ хлыстомъ, какъ и иглою.

Еще въ домѣ отца, при строгомъ и бдительномъ его надзорѣ, юный Васюкъ (какъ именовалъ его самъ Семенъ Закурдаевъ) часто выказывалъ буйство и непокорность своего необузданнаго нрава, а подчасъ, вечеркомъ, возвращаясь

домой отъ товарищей, являлся даже «подъ-шефе» очамъ гнѣвнаго родителя. Когда же судьба, олицетворенная на этотъ разъ въ отцовской волѣ, удалила его отъ родимаго крова и поставила въ полную независимость, дурныя наклонности быстро овладѣли Васильемъ Семенычемъ, который и не думалъ бороться съ ними.

Одаренный отъ природы блестящими способностями и прекраснымъ сердцемъ, онъ могъ бы пойти далеко, если бъ не сдѣлался игралищемъ недостойныхъ страстей. Неакуратно посѣщалъ онъ лекціи; да когда и бывалъ на нихъ, не выносилъ оттуда почти ничего въ головѣ. Въ комнаткѣ подъ кровлей, гдѣ онъ жительствовалъ съ двумя товарищами, ему былъ всегда готовъ дружескій ихъ привѣтъ, вмѣстѣ съ постоянно стоявшею на столѣ бутылкою рому. Юноша, отданный совершенно своей волѣ, мало по малу втянулся во много грустныхъ пороковъ, унижающихъ достоинство человѣка. Праздность была, разумѣется, ихъ родительницею.

Лежа большую часть дня на утлой кровати, съ трубкою въ зубахъ или съ гитарой, и съ постоянною «мухой» въ головѣ, Василій Семенычъ проживалъ день за днемъ — и прожилъ цѣлый учебный годъ, не замѣтивъ близости экзаменовъ.

Въ пагубномъ ослѣпленіи, онъ считалъ жизнь свою ровною и безмятежною, потому-что не произвелъ ни одного буйства ни въ одномъ публичномъ заведеніи, не выбилъ ни одного стекла кіемъ и не былъ ниразу поднятъ на улицѣ въ нехорошемъ видѣ. Но не видѣлъ онъ также и всей гнусности своихъ сожителей и, закрывъ глаза, вполнѣ отдался ихъ произволу.

Оба они были люди небогатые, и доходы Василья превышали многимъ ихъ рѣдкія получки денегъ отъ родителей. Тѣмъ не менѣе Закурдаевъ никогда не имѣлъ ни гроша денегъ.

Въ минуты жизни трудныя, когда грусть тѣснится въ сердце, трое сожителей усаживались на одну кровать, подвернувъ подъ себя ноги калачикомъ, и при громкомъ звонѣ трехъ гитаръ пѣли буйныя пѣсни.

Когда который-нибудь изъ пріятелей Василья Семеныча получалъ деньги, а самъ онъ былъ въ тонкихъ, друзья принуждали его, поваливъ на кровать и взявшись ему за горло, просить у нихъ взаймы. Несчастный юноша бралъ деньги и посылалъ покупать на нихъ того сладостнаго нектара, отъ котораго морщатся неиспорченныя души. При возліяніяхъ, совершаемыхъ на счетъ обманутаго друга, пріятели восхваляли его до небесъ и постоянно оканчивали попойку возглашеніемъ ему счастья на многая лѣта.

Когда же Василій Семенычъ получалъ изъ дому деньги, ему приходилось отдавать долги своимъ товарищамъ, платить одному за квартиру, нанимаемую втроемъ, и даже дѣлать запасы табаку, чаю и сахару не для себя одного. Добрая душа его не смущалась подобными злоупотребленіями ея любви со стороны друзей, а голова была въ безпрестанномъ чаду и не имѣла времени думать о чемъ-нибудь.

Прошелъ наконецъ годъ, пришли экзамены — и Закурдаевъ безвозвратно и неисправимо срѣзался.

Горе никогда не приходитъ одно къ человѣку, оно любитъ общество — и потому къ бѣдному студенту явилось три горя разомъ. Кромѣ дурнаго экзамена, его поразило приказаніе оставить университетъ: его выключили за непосѣщеніе лекцій.

Комнатка подъ кровлей, гдѣ обиталъ Василій Семенычъ со своими друзьями, наполнилась, въ знакъ грустныхъ событій съ главнымъ ея хозяиномъ, вчетверо сильнѣйшимъ, непроходимымъ дымомъ трубокъ. Нѣсколько стакановъ послѣ пунша было уже разбито, двѣ пустыя бутылки катались по полу, и три гитары отчаянно играли «Спирьку съ заходомъ»,

когда явился почталіонъ, чтобы поразить третьимъ горемъ Закурдаева.

Письмо, которое было взято въ руки съ надеждою на пріятное извѣстіе о близкомъ полученіи денегъ, заключало въ себѣ страшную вѣсть. Первый портной губернскаго города, гдѣ увидѣлъ свѣтъ Закурдаевъ, скончался послѣ кратковременной болѣзни на рукахъ своего закройщика, который и извѣщалъ о томъ сына въ казенныхъ, хотя и весьма плачевныхъ выраженіяхъ.

Спирька мгновенно утихъ, и глубокая печаль вызвала цѣлый градъ слезъ на исхудалыя и блѣдныя щеки осиротѣвшаго и уже сильно пьянаго Василья. Но дѣлать было нечего, помочь нельзя — и потому оставалось только накатиться вдосталь и залечь спать.

На другое уже утро обдумалъ несчастный эксъ-студентъ всю непріятность своего положенія. Денегъ у него почти не было и, чтобы получить необходимую для проѣзда домой сумму, Василій приступилъ къ распродажѣ своего скуднаго имущества.

Спустивъ за дешевую цѣну все, что можно было спустить, и выгадавъ изъ выручки цѣлковый на бутылку ямайскаго, Закурдаевъ распростился съ друзьями и кое-какъ отправился на родное пепелище.

Тамъ встрѣтило его грустное зрѣлище. Отецъ его былъ человѣкъ одинокій, вдовецъ, и Василій былъ его единственнымъ сыномъ. Умирая на чужихъ рукахъ, окруженный наемниками, старикъ не успѣлъ сдѣлать никакихъ распоряженій, чтобы обезпечить будущую жизнь своего любимаго дѣтища. Василій, по пріѣздѣ, нашелъ мастерскую отца пустою: все было растащено, и ему осталось только нѣсколько хозяйственныхъ статей, неимѣвшихъ никакой цѣнности.

Тутъ въ первый разъ привелось ему подумать серіозно о своей участи, и онъ принялъ рѣшеніе пріискать какое-ни-

будь мѣстечко, чтобы имѣть хоть неочень сладкій кусокъ насущнаго хлѣба. Всѣ поиски его въ губернскомъ городѣ остались тщетными, и только черезъ три года самой жалкой и безпріютной жизни помѣстился онъ домашнимъ учителемъ у господина Желнобобова, который выписывалъ изъ губернскаго города отъ старика Закурдаева ежегодно по стеганому халату.

Въ новомъ городѣ Василій Семенычъ, получившій уже не одинъ урокъ отъ наставницы людей судьбы, велъ себя вовсе не такъ дурно, какъ было три года тому назадъ. Правда, онъ сохранилъ любовь къ уединенному лежанью на кровати, къ гитарѣ и къ напиткамъ, дарующимъ веселье въ горѣ; но всему этому были должныя границы. Хотя и довольно рѣдко, однако все же показывался онъ по временамъ въ обществѣ Забубеньева; кромѣ гитары развлекалъ себя иногда и чтеніемъ; а крѣпкіе напитки употреблялъ умѣренно: только передъ обѣдомъ и передъ ужиномъ, за исключеніемъ развѣ нѣкоторыхъ случаевъ.

Добрый характеръ его пріобрѣлъ ему любовь почти всѣхъ знавшихъ его. Даже Адамъ Адамычъ, несошедшійся ни съ кѣмъ въ городѣ по своей дикости, посѣщалъ нерѣдко Закурдаева и любилъ бывать у него. Правда, часто умъ Василья Семеныча принималъ вдругъ саркастическое направленіе въ разговорахъ съ почтеннымъ нѣмцемъ; но сарказмы эти Адамъ Адамычъ считалъ изъявленіемъ привязанности къ нему эксъ-студента, ибо они большею частію дѣлались только съ глазу на глазъ между двумя наставниками желнобобовскихъ дѣтей.

И такъ Василій Семенычъ лежалъ на своемъ диванѣ и курилъ, повидимому не думая ни о чемъ.

Въ комнатѣ не имѣлось ничего, что могло бы привести къ мысли, что не всегда же онъ лежитъ на диванѣ и куритъ трубку. Слои пыли покрывали старую и некрасивую

мебель; куча табачной золы была навалена на жестяномъ листѣ, прибитомъ къ полу передъ печью; на столѣ стоялъ чайникъ съ отбитымъ горлышкомъ и недопитой стаканъ чаю.

Эксъ-студентъ докурилъ трубку и поставилъ ее около дивана. Онъ приподнялся-было, какъ-видно съ желаніемъ набить себѣ новую; но лѣнь превозмогла, и онъ опять протянулся на диванѣ, напѣвая про себя стихи одной извѣстной латинской пѣсни:

«Me jejunum vincere
Potest puer unus.»

При сей вѣрной оказіи авторъ обязуется сказать, что хотя годъ, проведенный Васильемъ Семенычемъ въ университетѣ, и не расширилъ его познаній, зато любознательный юноша сильно усовершенствовалъ себя въ наигрываніи на гитарѣ различныхъ забубенныхъ пѣсенъ и изучилъ нескончаемый репертуаръ разныхъ холостыхъ и застольныхъ энергическихъ гимновъ.

Стѣнные часы показывали одиннадцать, когда въ комнату вошелъ Адамъ Адамычъ. Эксъ-студентъ съ удовольствіемъ поднялся и привѣтствовалъ гостя громкимъ восклицаніемъ:

— А! Адамъ Адамычъ! здравствуйте!

— Guten Tag! сказалъ нѣмецъ, протягивая эксъ-студенту свою худощавую руку.

— Ну что? какъ вы, Адамъ Адамычъ? спросилъ эксъ-студентъ, вставая съ дивана и направляясь къ печкѣ выколачивать пепелъ изъ трубки.

— Нишего, отвѣчалъ нѣмецъ.

— Садитесь, побесѣдуемъ! продолжалъ эксъ-студентъ.

Адамъ Адамычъ занялъ полстула.

— Отчего это вы, спросилъ Закурдаевъ, взглянувъ на нѣмца: — смотрите такимъ сентябремъ?

— Какъ? спросилъ въ свою очередь Адамъ Адамычъ.

— Да такъ. Вѣрно есть какая-нибудь причина. Опять повздорили съ Петенькой?

Какъ-будто уколотый шиломъ, Адамъ Адамычъ воспрянулъ, взъерошилъ свои волосы и началъ прохаживаться взадъ и впередъ, тщательно избѣгая плевковъ, которыми Закурдаевъ испещрялъ ежедневно полъ своей комнаты.

—Да, да! говорилъ встревоженный нѣмецъ: — Богъ знаетъ, что дѣлайтъ зъ такой ученикъ! Вчера онъ ошенъ мене огорчиль; но зегодня... я не знай, что это такой!

— Да что же? Не на кулачки же онъ полѣзъ?

— Ви знаетъ мой характеръ, сказалъ Адамъ Адамычъ, подойдя къ Закурдаеву и взявъ его за рукавъ: — я терпливій, ошенъ терпливій. Но зегодня я не могъ терпѣйтъ!

Адамъ Адамычъ горячился съ каждымъ словомъ болѣе и болѣе.

— Онъ переводиль вчера зъ Карамзинъ's Werke о Палерояль. Я сказаль — тамъ много естъ неприличній для молодой человѣкъ. Да, тамъ много естъ такой. Но зегодня! Wissen Sie, was er gemacht? какъ ви думаетъ?

— Ну? произнесъ хозяинъ, продувая чубукъ, изъ котораго вылетали на стѣну куски накипи и капли табачнаго соку: — ну?

— Какъ ви думаетъ? продолжалъ Адамъ Адамычъ.

— Да ну? повторилъ Закурдаевъ.

— Онъ нашель, сказалъ Адамъ Адамычъ: — русскій переводъ зъ одинъ имморальній французскій романъ, и переводиль зъ него такой пассажъ! — О! прибавилъ почтенный наставникъ, качая головой съ такимъ видомъ, какъ-будто хотѣлъ сказать: волосы, дескать, дыбомъ.

— Что же дальше? спросилъ Закурдаевъ.

— Какъ что? воскликнулъ разъяренный Адамъ Адамычъ: — какъ что? О! это не может такъ оставайться! Я долженъ буду сказайтъ Максимъ Петровичъ. Да!

— Да какая же это книга?

— Это опизаніе интригъ одинъ кавалиръ...

— Фоблазъ?

— Да, да. Ви знаетъ это зочиненіе!

— Превосходная вещь! произнесъ эксъ-студентъ съ пріятной улыбкой: — удалое перо писало!

— Какъ? воскликнулъ Адамъ Адамычъ, съ изумленіемъ глядя на Закурдаева: — ви хвалитъ это зочиненіе?

— Да; по-моему это славная книга, сказалъ эксъ-студентъ, наколачивая трубку.

Адамъ Адамычъ покачалъ головой.

— Разумѣется, прибавилъ Закурдаевъ: — Петька еще молодъ этакія книги читать.

— Я говору тоже, сказалъ Адамъ Адамычъ.

Закурдаевъ поставилъ въ уголъ набитую трубку и подошелъ къ нѣмцу.

— Это вотъ нашему брату, Адамъ Адамычъ! нашему брату! сказалъ онъ, ухватывая за плечи своего гостя и качая его съ одной стороны въ другую. — Вѣдь и вы ухоръ, Адамъ Адамычъ! я васъ знаю. Вѣдь вы дока! все произошли!

Адамъ Адамычъ приготовился-было усмѣхнуться съ самодовольствомъ; но разсудилъ проглотить улыбку и принять солидный видъ.

— Sie spassen! сказалъ онъ: — я уже старикъ.

— Это ничего! да и не старикъ вы вовсе. Ну, а Петька, разумѣется, еще молодъ для такихъ вещей.

— Читаль ви, началъ Адамъ Адамычъ: — «Антипароссій Пещера», зочиненіе von господинъ Энгель, Verfasser des «Philosophen für die Welt».

— Ну ихъ ко псамъ — и пещеру, и философа! проговорилъ Закурдаевъ, закуривая трубку.

— Тамъ прекрасно говоритъ ауторъ, продолжалъ Адамъ Адамычъ: — какъ вредно читайтъ имморальній зочиненія.

— Къ чорту ихъ, Адамъ Адамычъ! право, къ чорту! Что о пустякахъ толковать!

Закурдаевъ взялъ со стола сигару и поднесъ ее Адаму Адамычу со словами:

— Цыгарку другу!

Адамъ Адамычъ поблагодарилъ, обмуслилъ сигару и закурилъ.

— Ну-ка, сядемте, да и Петьку-то туда же! къ чорту!

Оба сѣли.

— Охота вамъ такою дряпью заниматься, Адамъ Адамычъ! началъ хозяинъ. — Нѣтъ, вотъ я сегодня, какъ всталъ, думаю: сколько могу я сразу трубокъ выкурить? — да вотъ до вашего прихода все курилъ.... инда во рту чортъ знаетъ что сдѣлалось. Я думаю, кожа слѣзла съ языка?

Онъ показалъ языкъ Адаму Адамычу и, не давъ ему произнести ни слова, продолжалъ:

— Да! двѣнадцать трубокъ за присѣстъ! тринадцатую лѣнь стало набивать, такъ ужь я и бросилъ.

— Только баловство доводитъ до такихъ поступковъ! пробормоталъ Адамъ Адамычъ по нѣмецки, занятый вполнѣ мыслью о поведеніи Петеньки.

— А вы все свое! Да будетъ вамъ тростить одно и тоже! Знаете ли, что?... Есть у васъ уроки сегодня поутру?

— Нѣтъ.

— А послѣ-обѣда?

— Тоже нѣтъ: зегодня зубота.

— И прекрасно! Такъ мы и закусимъ, значитъ, вмѣстѣ?

Хозяинъ всталъ и выглянулъ въ переднюю.

— Гдѣ этотъ Дениска вѣчно шалберитъ?

— Я видаль, отвѣчалъ нѣмецъ: — онъ играйтъ въ карты зъ Макарвичъ.

— Экой мошенникъ! съ утра въ носки дуется! Носъ-то опухъ у мерзавца какъ дуля! — Дениска! крикнулъ Закур-

даевъ, высовываясь въ окно. — Эй, ты! Алешка! пошли ко мнѣ Дениску! вели ему принести хлѣба да телятины холодной! слышишь?

— А какъ онъ не пойдетъ? отвѣчалъ со двора Алешка.

— Какъ не пойдетъ? А спину вздуютъ! крикнулъ Закурдаевъ.

— Это вве такой люди, замѣтилъ Адамъ Адамычъ: — безъ никакой позлюшаніе.

— Ну, со мной Дениска шутить не станетъ: онъ меня знаетъ, сказалъ Закурдаевъ, возвращая свою голову и туловище въ комнату.

Дениска былъ ремесломъ домашній чеботарь; онъ работалъ различнаго рода обувь для дворни господина Желнобобова въ прихожей флигеля, гдѣ жилъ Закурдаевъ, и обязанъ былъ служить эксъ-студенту, что впрочемъ вовсе не считалъ за нужное исполнять какъ слѣдуетъ.

— А я покамѣстъ вытащу благословенный напитокъ, сказалъ хозяинъ, отправляясь въ маленькую темную конурку около той комнаты, гдѣ они сидѣли съ почтеннымъ наставникомъ.

Въ этой конуркѣ, весьма похожей на чуланъ, помѣщалось все хозяйство забубеннаго эксъ-студента. На стѣнѣ висѣла гитара. На полу валялось нѣсколько паръ сапогъ, около которыхъ стояла опрокинутая помадная банка съ разведенною въ донышкѣ ея ваксою. Въ одномъ углу навалено было горой черное бѣлье, а въ другомъ помѣщалась огромная бутыль. Безцвѣтная жидкость, которую вмѣщала въ себѣ эта посудина, была не что иное, какъ очищенное зелено-вино, которое Закурдаевъ именовалъ впрочемъ различно: и померанцевкою — отъ единственной померанцевой корки, лежавшей на днѣ бутыли, и травникомъ — отъ соломенки, которая плавала въ крѣпительной влагѣ.

Хозяинъ снялъ съ полочки довольно вмѣстительный, со-

вершенно пустой графинъ, накренилъ бутыль и наполнилъ графинъ померанцевкою или травникомъ. Тутъ же на полочкѣ взялъ онъ два хрустальныхъ стаканчика съ позолотой, извѣстныхъ подъ названіемъ ванекъ-встанекъ. Такую кличку стаканчики получили оттого, что куда ни наклоняй ихъ, они все таки встанутъ на свое круглое дно.

Все это торжественно вынесъ Василій Семенычъ въ свой пріемный покой и поставилъ на столъ передъ Адамомъ Адамычемъ, который не переставалъ думать о Петенькѣ и повторялъ про себя: «Вотъ до чего доводитъ баловство!»

— Нектаръ-то, нектаръ-то, Адамъ Адамычъ! сказалъ Закурдаевъ, указывая на графинъ. — Самое время выпить и закусить.

— О, я боюсь! проговорилъ Адамъ Адамычъ.

— Пустяки! сказалъ Василій Семенычъ. — Немножко можно выпить въ перемежку: сначала померанцевки, потомъ травничку.

Холодная телятина и нѣсколько ломтей хлѣба не замедлили явиться вмѣстѣ съ казачкомъ Алешкой, который объявилъ, что Дениска рѣшительно отказался принести завтракъ самъ, потому-что у него выходятъ безпрестанные хлюсты, и носъ его партнера съ каждой новою сдачей становится все болѣе и болѣе похожимъ на луковицу.

Закурдаевъ не преминулъ обругать Дениску ракаліей; потомъ сказалъ Алешкѣ, что какъ Адамъ Адамычъ, такъ и самъ онъ сегодня за общимъ столомъ обѣдать не будутъ, по поводу сборовъ на охоту, и потому приказалъ обѣдъ принести во флигель. Надо замѣтить, что хотя эксъ-студентъ и никогда почти не обѣдалъ вмѣстѣ съ семействомъ Желнобобова, однако считалъ необходимостью всякой разъ объявлять о томъ.

Алешка, выслушавъ приказаніе Закурдаева и бросивъ лукавый взглядъ на флягу съ нектаромъ, усмѣхнулся. Тотъ,

замѣтивъ такой неуважительный пассажъ малолѣтняго казачка, далъ ему за это здороваго тумака по затылку, выбранилъ его дуралеемъ и прогналъ вонъ.

Затѣмъ оба собесѣдника приступили къ закускѣ, выпивъ предварительно по стаканчику померанцевки. Приступъ этотъ совершился въ полномъ безмолвіи съ обѣихъ сторонъ.

Когда по куску телятины было уже отправлено въ желудокъ каждаго, Закурдаевъ громко крякнулъ и возгласилъ:

— И такъ, Адамъ Адамычъ, по померанцевкѣ прошлись и червяка заморили?

— Да, произнесъ сквозь зубы Адамъ Адамычъ, прожевывая корку хлѣба.

— Что слѣдуетъ теперь? спросилъ Закурдаевъ.

— Я не знай, отвѣчалъ Адамъ Адамычъ.

— Какъ не знаете? Послѣ померанцевки слѣдуетъ — травникъ. Да!

Онъ налилъ оба стаканчика.

— Вашъ здоровье! сказалъ нѣмецъ, выпивая залпомъ ваньку-встаньку.

— Дѣльно; и ваше также! произнесъ эксъ-студентъ, опоражнивая свой стаканчикъ.

Тутъ онъ взялъ своего гостя за руку и посадилъ на клеенчатый диванъ, а рядомъ сѣлъ и самъ. Задымились трубки, и разговоръ принялъ слѣдующее направленіе.

— Теперь намъ надо поговорить насчетъ охоты, Адамъ Адамычъ, сказалъ хозяинъ: — завтра непремѣнно надо ѣхать.

— О, да! да! воскликнулъ Адамъ Адамычъ, моргая огромными вѣками отъ полноты чувствъ.

— Предстоитъ одинъ вопросъ: завтра ли пораньше отправиться или на ночевую сегодня?

— Я думаль, лючше завтра, сказалъ Адамъ Адамычъ. — Я не люблю ѣхать въ ночь.

— Ну, завтра такъ завтра! отвѣчалъ Закурдаевъ. — Вы

встанете пораньше... Правда, вы всегда рано встаете... Дениска заложитъ намъ телегу; возьмемъ вотъ этого...

Эксъ-студентъ указалъ на графинъ.

— Затѣмъ и двинемся въ походъ, продолжалъ онъ. — Только собаки у меня нѣтъ... Ну, да я пошлю къ шелопаевскому Ванькѣ за Фингалкой. Но куда намъ ѣхать, Адамъ Адамычъ?

Произнеся послѣднія слова, Закурдаевъ улыбнулся. Адамъ Адамычъ не замѣтилъ этой улыбки.

— О! на мельницъ! отвѣчалъ нѣмецъ. — Гдѣ найдетъ ви столько дичь?

— Такъ! такъ! сказалъ Закурдаевъ, смѣясь лукавымъ смѣхомъ: — я зналъ, что вы скажете это. А не лучше ли къ Пролетовкѣ?

— О, нѣтъ! возразилъ Адамъ Адамычъ: — что тамъ? Перепель уже нѣтъ. Я знай одно мѣсто у мельница...

— Гм! прервалъ Закурдаевъ, взявшись за плечо Адама Адамыча и качая головой: — а какое бы это мѣсто?

— Тамъ ошенъ много вальдшнепфъ.

— Охъ, хитрецъ, хитрецъ! воскликну́лъ Закурдаевъ, разражаясь безцеремоннымъ хохотомъ. — Знаю я — знаю это мѣсто! Только туда не вальшнепы васъ тянутъ.

Адамъ Адамычъ немного обидѣлся.

— Что хочетъ ви сказайтъ? спросилъ онъ, собираясь встать съ дивана.

— Ничего, ничего. Фу ты пропасть! ужь и обидѣлся! Ну что же за бѣда такая!

— Я не понимай вашъ злова̀, холодно замѣтилъ Адамъ Адамычъ.

— Полноте, полноте, Адамъ Адамычъ! Развѣ другаго кого, а меня не проведете. Вѣдь я и самъ на эту руку не дуракъ.

— Я не знай, сказалъ Адамъ Адамычъ, оставляя съ раздосадованнымъ видомъ диванъ: — я не знай...

Хозяинъ тоже всталъ.

— Ну, ладно, ладно, сказалъ онъ: — не буду! Ужь если вы хотите быть такимъ скромнымъ, такъ я оставляю мельничиху въ покоѣ.

— Какъ? воскликнулъ почтенный наставникъ, широко раскрывая глаза.

Закурдаевъ не далъ ему продолжать и сказалъ, взявъ его за руку:

— Скажите-ка лучше: что слѣдуетъ послѣ травнику? Полноте сердиться! плюньте! Ну что послѣ травнику?

Морщины разгладились на лбу нѣмца; уста слегка улыбнулись.

— Померанцевка, сказалъ онъ, подходя къ столу.

Два стаканчика снова были опорожнены.

— Ну, пересталъ гнѣваться, Адамъ Адамычъ? спросилъ Закурдаевъ: — отошло сердце? а!

Адамъ Адамычъ кивнулъ головой, продолжая понемногу улыбаться.

— Ну изъ-за чего? спрашивалъ эксъ-студентъ: — изъ-за чего было обижаться?... Кто Богу не грѣшенъ? Ну, съякшался съ мельничихой, такъ съякшался. Эка бѣда! Напротивъ....

— Озтавте! сказалъ Адамъ Адамычъ, улыбаясь все болѣе и болѣе подъ вліяніемъ померанцевки и травника. — Это зовсѣмъ не правда.

— А что же ты смѣешься? чему же ты смѣешься? а! спросилъ эксъ-студентъ, рѣзко подступая къ Адаму Адамычу и тоже поддаваясь разбирающей силѣ крѣпительнаго. — Ну, признайся! Полно скрываться!

— Я не имѣетъ что сказайтъ; ви взе знаетъ! отвѣчалъ нѣмецъ, крутя головой.

— Вотъ спасибо! вотъ молодецъ! началъ кричать Закурдаевъ съ такимъ восторгомъ, какъ будто получилъ душъ

двѣсти наслѣдства. — Ну, а Александрина? а! тоже занозила сердце? Ну, признайся по дружески!

— Озтавте! отвѣчалъ Адамъ Адамычъ, качая укорительно головой. — Это зовсѣмъ другой дѣло!

Закурдаевъ не отставалъ.

— Ну, нѣтъ, Адамъ! Ты не скрывайся, я тебѣ скажу! Ты взгляни на меня! Я не скрываюсь. У меня душа вотъ... на ладони душа. Я тебѣ говорю....

Онъ налилъ въ стаканчики травнику, и оба выпили.

— Я тебѣ говорю, у меня у самого сердце нѣжное; за то и люблю тебя. Ты не смотри, что я такой! Я вотъ люблю и подвыпить, и подсмѣяться; а сердце у меня нѣжное....

— Когда я билъ молодъ, сказалъ Адамъ Адамычъ: — я тоже имѣль нѣжній зердце; но когда опитъ....

— Ну, оставь ты философію, Адамъ! не завирайся! Ты скажи прямо про Александрину!

Адамъ Адамычъ повѣсилъ голову; одинъ глазъ его почти совсѣмъ прикрылся огромнымъ вѣкомъ, и изъ-подъ него блеснула капля слезъ.

— Ну, садись! сказалъ эксъ-студентъ: — садись! Ну, и расчувствовался! Я ужь зналъ, зналъ....

— Женщина естъ фальшивій твореніе, замѣтилъ въ видѣ сентенціи нѣмецъ.

— Это никакъ еще вотъ кто сказалъ, Адамъ! отвѣчалъ эксъ-студентъ, указывая на трубку, изображавшую бородатую голову Аристотеля.

— Да! началъ-было Адамъ Адамычъ: — наружностъ....

— А ты выпей лучше! прервалъ хозяинъ, котораго начало уже безпрестанно тянуть къ графину.

— Довольно уже, проговорилъ нѣмецъ.

— Довольно? что ты? что ты, Адамъ?... Пей знай!

Оба выпили.

— Слушай, Адамъ! я дамъ тебѣ совѣтъ.... Вѣдь ты вѣришь мнѣ? а! вѣришь моей дружбѣ?...

Вмѣсто отвѣта, Адамъ Адамычъ вытянулъ свои влажныя губы и прикоснулся ими къ губамъ друга.

— Ты дѣйствуй! дѣйствуй молодцомъ! Слышишь, Адамъ? Да полно ужь ты! полно! не заминай ты меня! Слушай!... Будь ты смѣлѣе! дѣйствуй, братъ, молодцомъ!... Да ты вѣрь мнѣ!... Ну, что ты моргаешь?... Ты вѣрь!... Вѣдь это мнѣ вотъ.... какъ пять пальцевъ....

Рѣсницы Адама Адамыча увлажились, а правый глазъ совсѣмъ исчезъ подъ вѣкомъ, что дѣлалъ всегда, когда почтенный наставникъ выпивалъ два-три стаканчика закурдаевскаго нектару. Губы его задрожали, и онъ началъ говорить голосомъ, полнымъ слезъ, какую-то весьма длинную, весьма чувствительную, но совершенно непонятную рѣчь.

Закурдаевъ не выдержалъ и вдругъ неожиданно перервалъ краснорѣчивыя изліянія нѣмца.

— Ну, занесъ! сказалъ онъ. — Будетъ, братъ!...Споемъ-ка лучше что-нибудь!

— Я не могу, отвѣчалъ Адамъ Адамычъ дрожащимъ голосомъ, расчувствованный собственными своими словами.

— Пустяки! сказалъ Закурдаевъ, невѣрными стопами направляясь къ чулану.

Адамъ Адамычъ сидѣлъ, понуривъ голову, и плакалъ, думая то о родинѣ, то о Миннѣ, то объ Александринѣ, то о мельничихѣ.

Хозяинъ явился съ гитарой.

— Ну полно! сказалъ онъ нѣмцу. — Ну что ты хнычешь? А вотъ постой, постой! я тебя развеселю....

Рука его бойко заколотила по всѣмъ струнамъ гитары, и онъ запѣлъ густымъ басомъ:

«Знаешь ли причину:
Почему Ричардъ
Ѣздилъ въ Палестину
Турокъ воевать?»

— Ну, знаешь причину? сказалъ онъ, обращаясь къ Адаму Адамычу.

Тотъ улыбнулся сквозь слезы.

— Не знаешь? а!

«Я скажу причину....
Это потому,
Чтобы на полтину
Выпить одному.»

Эксъ-студентъ принялся наяривать свою пѣсню еще бойче и всею ладонью на струнахъ гитары, и возгласилъ слѣдующій куплетъ:

«Властелинъ Китая
Смотритъ подлецомъ,
Если въ чашку чая
Не вольетъ онъ ромъ.»

По мѣрѣ энергическихъ возгласовъ хозяина, меланхолическое лицо гостя просіявало понемногу, но хотя улыбка и играла уже на его устахъ, правый глазъ оставался по прежнему закрытымъ. Какъ ни старался Адамъ Адамычъ поднять вѣко, подъ которымъ таился этотъ глазъ, старанія его остались совершенно тщетными. Разыгрывавшаяся въ немъ веселость нимало впрочемъ не смутилась этимъ обстоятельствомъ. Онъ взялъ трубку Закурдаева, который хотѣлъ было уже умолкнуть, и, показывая ему на голову мудраго Аристотеля, сказалъ:

— Что не споетъ ви про Аристотелесъ?

— Ахъ, да! воскликнулъ Закурдаевъ, начиная опять колотить пальцами по струнамъ....

«Аристотъ ученый,
Древній философъ,
Продалъ панталоны —
За сивухи штофъ.»

Когда Закурдаевъ повторялъ послѣднюю строку куплета въ другой разъ, Адамъ Адамычъ пришелъ въ совершенный экстазъ.

— Sapperment! восклицалъ онъ: — Sapperment!

Въ такихъ и подобныхъ симъ занятіяхъ и разговорахъ прошло время до обѣда, который былъ принесенъ самимъ Денискою. Хозяинъ предложилъ выпить по стаканчику передъ щами, и графинъ тѣмъ кончился. Денискѣ было немедленно поручено отправиться въ чуланъ и наполнить его снова. Для возбужденія апетита, оба собесѣдника передъ каждымъ блюдомъ прибѣгали къ графину и стаканчикамъ, и къ концу обѣда, какъ говорится, не вязали уже лыка.

Адама Адамыча обуяла сильная меланхолія, и какъ ни старался собесѣдникъ разогнать ее различными выходками и пѣніемъ разныхъ забубенныхъ пѣсенъ, грусть не исчезала съ лица почтеннаго наставника. Даже когда Закурдаевъ забряцалъ на своей гитарѣ «По всей деревнѣ Катеньку» и запѣлъ на этотъ голосъ любимую пѣсню Адама Адамыча:

«Es ging einmal ein *Clericus*
Wohl in den grünen Wald —
Und *vidit ibi stantem*
Puellam wohlgestalt't!...»

даже и тогда морщины не разгладились на лицѣ нѣмца.

Наконецъ утомленный напрасными усиліями развеселить своего товарища и обуреваемый дремотою, эксъ-студентъ улегся на диванъ и молча потянулъ къ себѣ за рукавъ Адама Адамыча, изъясняя тѣмъ мимически, что приглашаетъ его лечь вмѣстѣ съ собою и успокоиться послѣ неоднократныхъ возліяній.

Адамъ Адамычъ, не произнося ни слова и не покидая своего задумчиваго вида, высвободилъ руку, которую взялъ у него Закурдаевъ, и, пошатываясь, направился къ выходной двери.

— Куда ты, Адамъ? спросилъ эксъ-студентъ, зѣвая во весь ротъ.

Адамъ Адамычъ кивнулъ въ молчаніи головою, причемъ потерялъ-было равновѣсіе; но поправился и пошелъ вонъ изъ комнаты.

Едва исчезъ онъ за дверью, какъ сонъ, этотъ мирный спутникъ всякихъ бойкихъ травниковъ и померанцевокъ, слетѣлъ на отяжелѣвшія вѣки эксъ-студента, и онъ громко захрапѣлъ, прижавшись лицомъ къ спинкѣ дивана.

Минутъ черезъ пять Адамъ Адамычъ явился назадъ. Лицо его было блѣдно какъ полотно; онъ качался еще болѣе. Шевеля губами, какъ-будто желая произнести что-нибудь, онъ подошелъ коснѣющимъ шагомъ къ ложу, на которомъ былъ распростертъ его пріятель, и совершенно машинально опустился на диванъ. Онъ протянулся тутъ рядомъ съ Закурдаевымъ, и вскорѣ разноголосный храпъ двухъ друзей огласилъ сѣрыя стѣны учительской комнатки.

Вскорѣ вошелъ въ комнату Дениска, чтобы убрать остатки обѣда, а остатокъ водки препроводить въ свой желудокъ. Видя двухъ наставниковъ совершенно безчувственными ко всему окружающему, онъ поспѣшилъ привести въ исполненіе свое намѣреніе, но не удовлетворился однимъ этимъ удовольствіемъ.

Хотя по росту, по лицу и даже по ревизскимъ сказкамъ, чеботарю значилось двадцать пять лѣтъ отъ роду, но душа у него была молода какъ у ребенка, и потому Дениска никакъ не могъ отказать себѣ въ слѣдующей забавѣ. Онъ вынулъ изъ чернильницы мохнатое перо и началъ водить кончикомъ его подъ носомъ уснувшаго нѣмца. Адамъ Адамычъ не шевельнулся ни однимъ волоскомъ. Дениска запустилъ перо въ лѣвую ноздрю Адама Адамыча — напрасно; въ правую — тоже.

Съ досадой воткнулъ Дениска перо въ чернильницу и

ушелъ изъ комнаты, ворча про себя, что вотъ нахлестался человѣкъ до такого безобразія, что ему хоть носъ отрѣжь, такъ онъ не услышитъ.

Долго царствовало безмолвіе въ сѣрыхъ стѣнахъ жилища Закурдаева, и прерывалось только мѣрными ударами маятника стѣнныхъ часовъ да повременамъ болѣе сильной выхрапкой, излетавшей изъ устъ котораго-нибудь изъ спящихъ, причемъ рой мухъ, облѣплявшій ротъ каждаго, съ досадою снимался съ пріютныхъ мѣстъ. Впрочемъ покруживъ надъ носомъ и глазами Закурдаева и нѣмца, и видя совершенное ихъ спокойствіе, мухи снова садились вокругъ ихъ губъ, размѣщаясь какъ гости за большимъ столомъ званаго обѣда. Часы прохрипѣли и пять, и шесть, и семь ударовъ, а наставники все спали.

Наконецъ когда солнце, передъ закатомъ, ударило цѣлымъ пучкомъ лучей въ окна закурдаевской обители, заиграло въ стеклѣ опорожненнаго графина и позолоченыхъ ванекъ-встанекъ, и слило въ два густыхъ столба всю пыль и весь трубочный дымъ, носившіеся по комнатѣ, хозяинъ ея проснулся. Онъ протянулъ-было руку къ трубкѣ, которая постоянно помѣщалась у дивана; но ощутивъ присутствіе Адама Адамыча, привсталъ и началъ его расталкивать.

— Вставайте, Адамъ Адамычъ! сказалъ онъ: — пора! Экъ мы заспались! Половина восьмаго.

Адамъ Адамычъ медленно потянулся; но увидавъ, что онъ не на своихъ антресоляхъ, тотчасъ же привскочилъ на диванѣ и сѣлъ, спустивъ ноги на полъ.

— Ахъ, какъ много я спаль! воскликнулъ онъ, бросивъ взглядъ на стрѣлку часовъ.

— Не бѣда! замѣтилъ хозяинъ. — Ладно, что выспались передъ охотой.

— Позлѣ обѣда спайть не харшо, сказалъ Адамъ Адамычъ, повидимому чувствовавшій уже угрызенія совѣсти.

— Ну, нехорошо! Все хорошо! — Постойте-ка! постойте-ка! сказалъ эксъ-студентъ, глядя на нѣмца: — что это у васъ губа-то?

Адамъ Адамычъ быстро схватился за нижнюю свою губу: она была толще грецкаго орѣха.

— Ахъ! произнесъ онъ съ замѣтнымъ неудовольствіемъ: — муха укусилъ.

— Такъ и есть! такъ и есть! сказалъ эксъ-студентъ: — вонъ ихъ сколько здѣсь, ракалій!

При этомъ Закурдаевъ сдѣлалъ изъ правой руки своей нѣчто въ родѣ ложки и махнулъ ею по спинкѣ дивана. Размахнувшись, онъ ударилъ объ полъ пойманныхъ мухъ и принялся давить ихъ ногой, приговаривая:

— Вонъ ихъ сколько здѣсь! Разъ, два, три... десятокъ цѣлый!

— Ахъ, какъ это непріятно! сказалъ нѣмецъ, утюжа распухшую губу ладонью.

— Вы оставьте! не трите! Еще больше разнесетъ. — Надо масломъ деревяннымъ помазать.

— Да, это помогайтъ, отвѣчалъ нѣмецъ.

— А теперь лучше покуримъ немного. Да не хотите ли чаю?

— Нѣтъ.

— Ну, нѣтъ такъ нѣтъ; и я не хочу! А вотъ трубку можно.

Онъ закурилъ трубку, потомъ подалъ Адаму Адамычу сигару и по обыкновенію произнесъ:

— Цыгарку другу!

Докуривъ сигару и поговоривъ съ Закурдаевымъ относительно поѣздки завтрашнимъ утромъ на охоту, Адамъ Адамычъ вышелъ изъ флигеля и отправился къ себѣ на антресоли.

Въ лакейской вниманіе Макарыча было поражено блѣд-

ностью лица почтеннаго нѣмца и совершенно закрытымъ правымъ его глазомъ. Зная капризъ этого глаза закрываться, когда Адамъ Адамычъ нетрезвъ, Макарычъ толкнулъ подъ бокъ Дениску, сидѣвшаго рядомъ съ нимъ на конникѣ. Дениска взглянулъ въ засаленныя карты, объявилъ, что у него хлюстъ, и потомъ уже обратилъ свой взглядъ на наставника. Тутъ партнеры перемигнулись, и глупая, но вмѣстѣ съ тѣмъ лукавая улыбка оскалила ихъ зубы. Припухшей губы Адама Адамыча, къ счастію, они не замѣтили, ибо онъ прикрылъ ее носовымъ платкомъ и не отнималъ его ото рта.

Чувствуя совершенную пустоту въ головѣ и въ желудкѣ, Адамъ Адамычъ пожалѣлъ отъ всей души тѣхъ часовъ, которые провелъ такъ безполезно и съ видимымъ ущербомъ какъ для здоровья, такъ и для репутаціи своей. Но дѣлать было нечего!

Утѣшивъ себя тѣмъ, что прошедшаго не воротишь, онъ снялъ со стѣны ружье, патронташъ и другіе охотничьи доспѣхи съ цѣлью приготовить все къ завтрашнему утру.

Пальма, пытавшаяся обратить на себя взоръ своего властелина, не успѣла въ этой попыткѣ. Адамъ Адамычъ не кликнулъ ея и не далъ ей понюхать затравки, какъ дѣлалъ это обыкновенно. Причиною такого уклоненія почтеннаго нѣмца отъ всегдашнихъ его правилъ было, разумѣется, тоже угрызеніе злой совѣсти и совершенное недовольство своимъ поведеніемъ въ настоящій день.

Только усиленная забота могла прогнать докучныя мысли изъ головы Адама Адамыча; онъ зналъ это, и потому, вооружась отверткою, принялся развинчивать свое огнестрѣльное орудіе. Потомъ началъ онъ чистить и промывать дуло ружья, вымазалъ ложе деревяннымъ масломъ, часть котораго употребилъ и на свою распухшую губу, намѣрялъ въ патронташъ пороху и дроби, нарвалъ изъ кудели пыжей и наконецъ зарядилъ ружье.

ГЛАВА IV.

«Чтобы васъ медвѣдь заѣлъ и съ охотой-то! Экъ взбударажила нелегкая чѣмъ свѣтъ! — Дался Дениска въ лапы: хомутай его ни свѣтъ ни заря! Что будни, что праздникъ — все одно. Въ будни ты чеботарь, въ праздникъ — конюхъ. Экое житье проклятое! А Макарычъ дрыхнетъ, старый чортъ! Тутъ бы те на слободѣ-то и поспать; анъ нѣтъ! поди вотъ шлею подъ хвостъ подлаживай да въ дегтю полоскайся!»

Такую рѣчь держалъ единственно для самого себя чеботарь Дениска, направляя шаги къ конюшнѣ и протирая едва глазѣющія, заплывшія со сна очи.

Солнце еще не всходило; но на краю синяго неба видна уже была близость его появленія: звѣзды угасли, и лицо мѣсяца, какъ испуганное, блѣднѣло все болѣе и болѣе, пока не слилось совсѣмъ съ посвѣтлѣвшей лазурью.

Ночная свѣжесть пробирала Дениску, и онъ не переставалъ ворчать.

Впрочемъ когда чубарая и тощая кобыла была выведена чеботаремъ изъ конюшни и телега выкачена имъ изъ-подъ навѣса, онъ немного согрѣлся и поуспокоился. Надо замѣтить, что Дениска къ прочимъ достоинствамъ своимъ — достоинствамъ чеботаря по ремеслу, картежника по призванію, и шутника и зубоскала по натурѣ — присоединялъ качество довольно плохаго стрѣлка и любилъ охоту. Несмотря на эту послѣднюю склонность, онъ имѣлъ обыкновеніе, по несчастному характеру своему, ругнуть того, кто его рано разбудитъ, хотя бы то было для его любимѣйшихъ занятій. Потому и теперь ропотъ вскипѣлъ въ груди его и утишился только послѣ нѣсколькихъ минутъ работы.

Почтенный наставникъ, уже припасшій все къ отъѣзду, опоясался ремнемъ, навѣсилъ на себя патронташъ, заткнулъ

за поясъ кисетъ и трубку, и съ самаго выхода Дениски изъ флигеля слѣдилъ за его дѣйствіями, стоя у своего окна и опираясь на ружье. Ни одно движеніе чеботаря не ускользало отъ вниманія Адама Адамыча.

— Ась? вскричалъ вдругъ Дениска, приправляя колѣнкомъ оглоблю, къ которой прицѣплялъ дугу.

Смутная рѣчь съ другаго конца двора донеслась до ушей моего героя. Онъ высунулъ голову въ окно.

— Забылъ! сказалъ Дениска. — Сейчасъ схожу.

Адамъ Адамычъ стукнулъ локтемъ по стеклу окна, какъ-будто нечаянно, а между-тѣмъ съ цѣлью подать вѣсть о своемъ незамѣчаемомъ Денискою присутствіи. Чуткое ухо Дениски услышало этотъ звукъ, и онъ взглянулъ на окно Адама Адамыча.

— Вонъ зовутъ они васъ къ себѣ! проговорилъ чеботарь, привязывая сѣделку и указывая головой на флигель Закурдаева.

— Я зейчасъ, сказалъ Адамъ Адамычъ, быстро отходя отъ окна и направляясь къ двери. — Пальма, въ походъ!

Пальма давно уже суетилась около ногъ почтеннаго наставника.

Только-что вышелъ Адамъ Адамычъ изъ комнаты и началъ-было запирать на ключъ свою дверь, неожиданная мысль вдругъ поразила его мозговые органы. Онъ ударилъ себя ладонью по лбу и произнесъ про себя: «Herr Je! какая забывчивость! Это непростительно.»

Сказавъ это, Адамъ Адамычъ возвратился въ свою горенку, высунулъ руку изъ окна и снялъ съ гвоздика, прибитаго къ наружной стѣнѣ дома, шнурокъ, на которомъ было нанизано что-то съ виду весьма похожее на грибы. Это было впрочемъ не что иное, какъ трутъ, собственноручно нарѣзанный Адамомъ Адамычемъ, вымоченный имъ же самимъ въ растворѣ селитры и вывѣшенный за окно на просушку.

«Я могъ бы остаться безъ огня!» сказалъ онъ, снимая два куска трута съ веревочки и помѣщая ихъ въ карманъ брюкъ.

Тутъ наставникъ лукаво и пріятно улыбнулся, глядя себѣ на ноги. Улыбнулся онъ такъ не потому, что сапоги его были густо смазаны сальнымъ огаркомъ и тѣмъ приведены въ непромокаемое состояніе, а потому, что онъ вспомнилъ еще объ одной, тоже забытой имъ вещицѣ. «Какъ глупо такъ забывать!» пробормоталъ онъ съ тою же лукавою улыбкой, когда извлекъ изъ своей драгоцѣнной шкатулки маленькій сверточекъ бумаги.

Онъ препроводилъ этотъ свертокъ къ себѣ за пазуху и наконецъ вышелъ изъ комнаты, чтобы уже не возвращаться въ нее до отъѣзда на охоту.

Закурдаевъ нетерпѣливо ожидалъ своего товарища, сидя за самоваромъ и глуша пятый уже стаканъ легкаго пуншу.

— Что это вы такъ долго? воскликнулъ онъ, когда Адамъ Адамычъ вступилъ въ сильно надымленную трубкой комнату.

— Мнѣ никто не сказивалъ, отвѣчалъ наставникъ.

— Этотъ мошенникъ вѣчно забудетъ! А я ужь и чаю вамъ нацѣдилъ. Садитесь-ка!

Адамъ Адамычъ сѣлъ и приступилъ къ питью чая.

— Да гдѣ же Пальма-то у васъ? спросилъ эксъ-студентъ, когда изъ-подъ стола вылѣзъ глупѣйшаго вида солвопѣгій съ подпалинами лягавый кобель, одаренный неимовѣрно огромными брылами, одну сторону которыхъ онъ постоянно закусывалъ зубами, отъ чего и пріобрѣталъ еще болѣе безсмысленное и тупое выраженіе.

— Она здѣсь, отвѣчалъ Адамъ Адамычъ, вставъ и отворивъ дверь, въ которую Пальма давно уже скребла изъ сѣней лапою.

— Ну вы! развозились! А гдѣ плеть? прикрикнулъ Закурдаевъ, когда Пальма, кокетничая со своимъ новымъ зна-

комымъ, ударила хвостомъ по чубуку, помѣщавшемуся въ углу комнаты, и уронила его на полъ. — Кушъ, пучеглазый! кушъ, Фингалка!

Адамъ Адамычъ допилъ свой стаканъ чаю. Закурдаевъ взялъ со стола сигару и вручилъ ее почтенному нѣмцу.

— Цыгарку другу!

— Покорно блягодару, отвѣчалъ нашъ герой.

— Ну, Адамъ Адамычъ, замѣтилъ Закурдаевъ: — теперь не мѣшаетъ пропустить стаканчикъ и съ ромцомъ! — Холодновато, канальство! прибавилъ онъ, потирая руками.

— Немного можно положійтъ, отвѣтилъ Адамъ Адамычъ.

— Ну да! для вкусу! сказалъ Закурдаевъ, взявшись за бутылку. — Ухъ! воскликнулъ онъ, переполняя ромомъ стаканъ нѣмца. — Эхма! Пересластилъ немножечко... Ну да ничего! Не колъ — пройдетъ!

— Ахъ! какъ много ви мнѣ налилъ! проговорилъ Адамъ Адамычъ.

— Полноте! ничего! сказалъ эксъ-студентъ.

Адамъ Адамычъ принялся за пуншъ.

— А куда бишь, спросилъ вдругъ Закурдаевъ: — куда бишь хотѣли вы ѣхать-то, Адамъ Адамычъ? Къ Пролетовкѣ никакъ?

— О, нѣтъ! сказалъ съ досадой нѣмецъ: — какъ это можно? Тамъ только...

— Ахъ! да, да! Я и забылъ совсѣмъ! Вы говорили, кажется, на Чортово Городище? — Ну да! такъ, на Чортово Городище!

— Ахъ! что ви говорійтъ? Это невозможно.

— Что я, въ самомъ дѣлѣ? И забылъ совсѣмъ, что вы хотѣли непремѣнно ѣхать къ Коровьему Озеру.

— О Василь Земенвичъ! воскликнулъ Адамъ Адамычъ, съ укоризною качая головой.

— Знаю! знаю! подхватилъ Закурдаевъ, хлопая ладонью по ляшкѣ достопочтеннаго наставника. — Охъ, вы! прибавилъ онъ, грозя пальцемъ. — Что можетъ быть лучше мельницы? Не такъ ли? а!

— Да; мнѣ кажется, тамъ прекрасній мѣста для охота.

— Знаю! знаю! повторилъ, громко смѣясь, эксъ-студентъ.

— Ви зъ вашъ двуствольній ружье? спросилъ нѣмецъ, заминая разговоръ о мельницѣ.

— Да. — А какъ вы думаете, Адамъ Адамычъ: не заправить ли намъ желудокъ померанцевкой и легкой закуской на дорогу? а!

— Нѣтъ! нѣтъ! Зачѣмъ? Теперь такъ рано. Ми имѣемъ время тамъ.

— А тамъ такъ тамъ! Я пожалуй и на то согласенъ. — Ну, что? готово у тебя что-ли? крикнулъ Закурдаевъ, высовываясь въ окно.

— Только вотъ взвозжаю, отвѣчалъ со двора Дениска.

— Ну, такъ значитъ, можно съ Богомъ и въ путь?

— Я зовсѣмъ готовъ, замѣтилъ Адамъ Адамычъ.

— А вотъ и я сейчасъ.

Сборы Закурдаева были недолги. Все было уже прилажено къ охотѣ, и ему оставалось только навѣсить на себя ружье и прочіе охотничьи снаряды, что онъ тотчасъ же и сдѣлалъ.

Чеботарь между-тѣмъ зарядилъ свое ружье и, завернувъ въ пестрядинную тряпицу наготовленные имъ заряды, сунулъ ихъ къ себѣ за пазуху. Готовый такимъ образомъ къ немедленному отъѣзду, онъ вошелъ объявить обоимъ охотникамъ, что телега ждетъ ихъ.

Передъ отходомъ Закурдаевъ подставилъ подъ самый носъ Адаму Адамычу три сигары, давая тѣмъ знать, что вотъ дескать цыгарки другу, и потомъ спряталъ ихъ въ карманъ.

Наконецъ охотники усѣлись въ телегу, на сѣно, при-

крытое войлокомъ, подъ которымъ таилась и дорожная, оплетенная тростникомъ фляга съ нектаромъ. Дениска тронулъ возжами; кобыла дернула и тряхнула головой; собаки взвыли и залаяли благимъ матомъ, прыгая у ея переднихъ ногъ, — и экипажъ двинулся, оглашаемый этими радостными и мелодическими звуками.

— Тише! тише! кричалъ эксъ-студентъ, когда телега повернула въ улицу, которая шла крутыми уступами подъ гору. — Голову сломишь! Говорятъ тебѣ, тише! Экой городокъ! съ тормозомъ надо ѣздить.

— Да, здѣсъ ошенъ непріятно! замѣтилъ Адамъ Адамычъ, подпрыгивая на войлокѣ.

— Гдѣ выстроился-то, дурачина! сказалъ Закурдаевъ, указывая на домъ исправника Юзгина, стоявшій на юру. — Посмотрите, что за видъ! Ахъ, дуракъ! дуракъ! Съ одной стороны въ окошко курица впрыгнетъ, а съ другой палкой окна не достанешь.

— Но здѣсъ такой мѣста, сказалъ Адамъ Адамычъ.

— Да развѣ не было другихъ мѣстъ въ городѣ? Глупъ онъ какъ чурбанъ — и больше ничего. — А что Лизанька? преуспѣваетъ?

— О, это дѣвушка зъ большой зпозобности!

— Ахъ ты, нѣжная душа! произнесъ эксъ-студентъ, потрепавъ по плечу своего товарища. — Ужь ни за что про женскій полъ не скажетъ дурнаго.

— Я думай, взѣ зоглязни, что это ошенъ умній дѣвицъ.

— Вона! и дѣвица!.. Какая же дѣвица? Дѣвчонка просто. Что ей? лѣтъ двѣнадцать?

— О, нѣтъ! пятнадцатъ.

— Ну все еще не того... А точно развивается, растетъ.

— Дерутся больно — сказывала ихняя Глафира! вставилъ свое замѣчаніе возница, укорочая шаги лошади.

— Мнѣ ошенъ нравится ей голосъ, сказалъ Адамъ Адамычъ. — Она поетъ какъ золовей.

— Батюшки-свѣты! ужь и соловей!

— Да, это справедливо.

— Ну-ка, Адамъ Адамычъ! посмотрите-ка на меня!

Нѣмецъ посмотрѣлъ.

— Ну нѣтъ еще, нѣтъ; а близко! сказалъ эксъ-студентъ: — того и гляди, влюбится!

— Полноте! что ви говоритъ?

— Ну да чего ужь? Вѣдь я знаю... Вѣдь душа нѣжная... охъ, какая нѣжная!

Адамъ Адамычъ промолчалъ; но зато Дениска сказалъ, оборачиваясь къ Закурдаеву:

— А вотъ Глафира ихняя сказывала: ай-ай безстыжая барышня! Хуже, говоритъ, мужчинки; все подслушиваетъ, что въ лакейской говорятъ. Извѣстно, что ужь у нашего брата выслушаешь? какое тутъ...

— А ты гляди впередъ! полно растабарывать-то! Куда ты заѣхалъ? вскричалъ сердито Закурдаевъ.

Телега точно наѣхала на бревно, лежавшее на одной сторонѣ улицы, и чуть не свернулась на бокъ.

— Экой ослопина! ворчалъ эксъ-студентъ: — точно у тебя глаза-то тѣстомъ замазаны.

Адамъ Адамычъ въ это время молчалъ, но думалъ о томъ, какъ большая часть слугъ не питаетъ ни малѣйшей привязанности къ своимъ господамъ и при всякомъ удобномъ случаѣ безнаказанно клевещетъ на нихъ.

«Можетъ ли статься,» размышлялъ онъ: «чтобы это прекрасное существо, полное непорочности и нѣжныхъ чувствъ, можетъ ли статься, чтобъ Лизанька Юзгина была способна на что-нибудь подобное?»

При этомъ размышленіи образъ хорошенькой ученицы ясно нарисовался въ мечтахъ почтеннаго наставника; сердце

его пріятно вздрогнуло, и онъ совершенно безсознательно произнесъ:

— Какъ можетъ это бить?

— Что такое? спросилъ Закурдаевъ.

Адамъ Адамычъ сконфузился и отвѣчалъ, запинаясь:

— Я сказаль: какъ можеть это битъ... такой дурной дорога?

— Полно такъ ли? возразилъ Закурдаевъ, грозя пальцемъ.

Телега спустилась наконецъ съ горы и въѣхала въ болѣе ровную и болѣе просторную улицу.

Когда охотники поравнялись съ однимъ довольно красивымъ домомъ о пяти окнахъ, въ которыхъ вездѣ были опущены занавѣски, Закурдаевъ выразительно толкнулъ товарища подъ бокъ локтемъ, а головою указалъ на домъ.

— Она спитъ! произнесъ онъ, вздыхая: — она спитъ, и сердце ея спокойно!

— Онѣ всегда въ десять часовъ встаютъ, замѣтилъ Дениска: — а обѣдаютъ въ три часа; поваръ ихній Степанъ сказывалъ.

Адамъ Адамычъ, при возгласѣ Закурдаева, почувствовалъ сильный жаръ въ лицѣ; на лбу его проступило нѣсколько капель пота. Онъ вынулъ платокъ и началъ обтирать себѣ лицо.

— Ахъ, да! я и не взглянулъ, сказалъ вдругъ Закурдаевъ: — что у васъ губа-то? никакъ опала?

— Нишего, зовсѣмъ нѣтъ, отвѣчалъ нѣмецъ, продолжая тереть себѣ лобъ и щеки.

— А хороша, волшебница! началъ опять восклицать веселый спутникъ, толкая подъ бокъ Адама Адамыча: — очаровательна! а?

Адамъ Адамычъ не отвѣчалъ; ему казалось, что войлокъ подъ нимъ превращается въ раскаленные уголья.

— Что же вы все молчите? спросилъ Закурдаевъ.

— Что буду я говорійтъ? пробормоталъ сквозь зубы чувствительный нѣмецъ.

— Какъ что? Ну вотъ я спрашиваю васъ.... Неужели по вашему Александра Ѳоминишна не очаровательна?

— Да, она ошенъ недурна.

— Похвалилъ, нечего сказать! Недурна! Я вамъ говорю, очаровательна!

— Это вѣдь какъ кому! замѣтилъ Дениска. — По мнѣ, Прасковья дергачовская попрозрачнѣе будетъ.

— Молчи ты, пентюхъ! Кто тебя спрашиваетъ? закричалъ Закурдаевъ. — Ну какого ты рожна смыслишь?

Адамъ Адамычъ чувствовалъ, что лицо его вспыхиваетъ все больше и больше, и что не усидѣть ему прямо на войлокѣ, превращающемся въ раскаленные уголья.

— А какъ умна-то? Господи Боже мой! какъ умна! Я и не видывалъ такой женщины! продолжалъ эксъ-студентъ воскурять ѳиміамъ Александрѣ Ѳоминишнѣ. — Неужто вы не согласны съ этимъ?

— О, да! она ошенъ, ошенъ большой имѣетъ умъ! сказалъ Адамъ Адамычъ, невольно увлекшись паѳосомъ рѣчи своего спутника.

Порою вѣтка, выросшая на отвѣсномъ берегу быстрой рѣки, долго лѣпится въ землѣ, какъ ни тянетъ ее окунуться въ синихъ летучихъ волнахъ. И жаль ей растаться съ пріютнымъ берегомъ, и потокъ манитъ ее къ себѣ, подмывая ея неглубокія корни... И вотъ, дрожа отъ желанія и обаянная стремленіемъ, сорвалась вѣтка, и потокъ несетъ ее съ собою...

Такъ точно было и съ Адамомъ Адамычемъ. Какъ ни крѣпился онъ на почвѣ своей таинственности, увлекающее стремленіе рѣчи товарища сорвало его съ этой почвы, и вслѣдъ за потокомъ закурдаевскихъ похвалъ нѣмецъ пошелъ катать огромную и патетическую тираду въ честь Александры Ѳоминишны. Съ жаромъ изложилъ онъ въ этой тирадѣ, что

такихъ умныхъ женщинъ встрѣтишь очень мало, даже вовсе не встрѣтишь въ нынѣшнемъ свѣтѣ; что большая часть прекраснаго пола подобна бабочкамъ, которыя стараются только о внѣшней красотѣ своей, а духовную сторону свою не стараются воздѣлывать и украшать познаніями или пылкими чувствованіями. Какъ контрастъ этимъ вѣтренымъ женщинамъ, почтенный нѣмецъ началъ превозносить Александрину и, кажется, сказалъ даже, что по уму она равняется извѣстнымъ семи мудрецамъ, что знаетъ отлично всѣ науки, чуть ли даже и не астрономію, что сердце ея открывается для всякого чувства съ самою полною симпатіею. Когда отъ чувствъ перешелъ онъ къ поэзіи, Шиллеру и любви, казалось, конца не будетъ восторженному гимну...

Но посреди этой послѣдней части своего панегирика Адамъ Адамычъ вдругъ остановился, вспомнивъ, какъ неумѣстно такое увлеченіе и какъ не должно обнажать предъ другими очами, можетъ-быть совершенно несочувствующими, глубокія нѣдра своего нѣжнаго и болѣющаго сердца.

Эксъ-студентъ трепалъ по плечу умолкшаго наставника и повторялъ:

— Молодецъ! молодецъ! Какъ по писанному! Романъ романомъ!

Очи Адама Адамыча были опущены долу, и онъ не могъ замѣтить иронической улыбки, которая судорожно сводила уста его друга, когда онъ произносилъ хвалу его рѣчи.

Телега выбралась наконецъ на совершенно гладкое мѣсто и пошла нестись, волею чубарой кобылы, по прямой улицѣ такъ называемой Ямской Слободки, мимо запертыхъ еще лавчонокъ, провалившихся деревянныхъ тротуаровъ, колодцевъ, пустырей, кривыхъ домишекъ, маленькихъ косыхъ оконъ, изъ которыхъ глядятъ бѣлыя подушки, увѣшанныя коклюшками, мимо пестрой версты, мимо питейнаго заведенія съ потемнѣвшей вывѣской, мимо гусей, гогочущихъ посередь улицы,

мимо свиньи, расчесывающей свои кудри жесткими кочками, мимо курносаго пса, который бросается съ лаемъ подъ ноги кобылы и отстаетъ только понюхавъ шерсть Пальмы.

За улицей тѣсныхъ и жалкихъ домишекъ, на самомъ выѣздѣ, стоялъ убогій монастырь съ деревянною оградой и длинною покачнувшеюся колокольней, а за нимъ лежало широкое кладбище, гдѣ подъ сѣнью простыхъ крестовъ спятъ непробуднымъ сномъ праотцы забубеньевскихъ обывателей.

Столбъ пыли несся надъ головами охотниковъ и только тогда началъ отклоняться въ сторону, когда телега проскакала мимо кладбища и выѣхала въ открытое поле, гдѣ свободный вѣтеръ запорхалъ вокругъ ѣдущихъ стрѣлковъ.

Когда безъ всякихъ особыхъ приключеній охотники наши отъѣхали версты три отъ города, на встрѣчу имъ попалась еще телега, въ которой возсѣдали двѣ особы, повидимому законные супруги.

Лишь только завидѣлъ Закурдаевъ ковыляющій и пылящій передъ глазами ихъ экипажъ, какъ воскликнулъ:

— Мельникъ нашъ катитъ! и съ дражайшею половиной!

Онъ не ошибся: это былъ точно мельникъ Игнатьичъ и жена его Марья Касьяновна. Какъ только телеги поравнялись, эксъ-студентъ схватилъ за плеча Дениску и велѣлъ ему остановить лошадь, а проѣзжающимъ махнулъ рукой.

— Постой, постой, Игнатьичъ! закричалъ онъ. — Здравствуй! Или не узналъ?

— А! Василью Семенычу! Адамъ Адамычу мое почтеніе! сказалъ мельникъ, затянувъ поводья своей живенькой и кругленькой лошадки.

То былъ человѣкъ лѣтъ пятидесяти, въ изсиня-сѣромъ долгополомъ кафтанѣ. Жирное лицо его озарялось веселой улыбкой; борода была обрита.

Сосѣдка его на тележной сидѣйкѣ и законная супруж-

ница была почти такъ же жирна, какъ и ея мужъ, но зато гораздо его моложе: съ виду казалось ей не болѣе тридцати лѣтъ. Волосы ея, подобранные подъ шелковый коричнево-пѣгій двуличневый платокъ, ярко лоснились на солнцѣ, такъ же, какъ и бѣлое полное лицо съ бойкими глазами и алыми толстыми губами, которыя, улыбаясь, выказывали рядъ рѣдкихъ и узенькихъ зубовъ. На высокой груди ея была кокетливо зашпилена булавкой голубая шерстяная шаль съ залихватской каймой, не прятавшая впрочемъ янтарнаго борка, который обнималъ сдобную шею мельничихи.

— Куда, Игнатьичъ? крикнулъ Закурдаевъ, спуская ноги за облучокъ телѣги и принимаясь набивать свою трубку.

— Куда, какъ не въ городъ! Къ обѣднѣ вотъ собрались. Да и дѣльце есть по мельницѣ.

— Ну а намъ найдется чѣмъ пообѣдать? спросилъ эксъ-студентъ.

— Милости просимъ! сказала съ улыбкою мельничиха. — Я къ той порѣ дома буду. Игнатьичу вотъ нельзя будетъ воротиться: ему до завтра въ городѣ остаться надо. А я послѣ обѣденъ сейчасъ и до мельницы.

Адамъ Адамычъ не сказалъ ничего; но зато многозначительно посмотрѣлъ на мельничиху, которая пріятно ему улыбнулась.

Закурдаевъ, закуривъ трубку, помѣстилъ ноги опять въ телегу, кивнулъ головою мельнику и велѣлъ Денискѣ ѣхать.

— Съ Богомъ! сказалъ мельникъ, тряхнувъ возжами. — Прощенья просимъ!

Встрѣчные разстались.

Вскорѣ охотники наши подъѣхали къ околицѣ, ворота которой Дениска отворилъ самъ, передавъ возжи въ руки Закурдаева.

За околицей дорога пошла уже и хуже; но зато глазамъ

Адама Адамыча представилось много очень знакомыхъ и очень милыхъ ему мѣстъ. Вотъ оврагъ съ бойкимъ ручейкомъ, оттѣненнымъ непроходимыми кустами; вотъ животрепещущій мостикъ, переброшенный чрезъ этотъ ручей. Бревна мостика заплясали и запрыгали подъ телегою, словно обрадовались прибытію своего стараго знакомаго. Вотъ маленькое озерко, обнесенное густымъ и звонкимъ камышомъ, съ цѣлыми стадами бѣлыхъ, жирныхъ цвѣтовъ, плавающихъ по гладкой поверхности воды. Тутъ пріютилась семья домашнихъ утокъ и то полощется и ныряетъ въ синей влагѣ, то выходитъ на берегъ отряхаться и сыпать на солнцѣ съ крыльевъ своихъ цѣлыя пригоршни крупнаго жемчуга. Вотъ и поляна, гдѣ пасутся стреноженные кони Игнатьича. Вотъ и гумно, обведенное плетенымъ заборомъ, сквозь который старается пробиться огромный боровъ, не сообразивъ, что рогатина, вздѣтая ему на шею, никакъ не доставитъ ему этого наслажденія. Вотъ и мельница шумитъ. Ѣздоки наши переправляются черезъ утлый мостикъ, устланный сѣномъ и соломой, и усѣянный домашними голубями, мимо входныхъ дверей, откуда слышно пѣніе жернова. По другую сторону далеко уносится быстрая рѣчка, у мостика вспѣненная и шумная, а далѣе синяя и гладкая. Частые ряды ветелъ склоняются надъ ея смирнымъ токомъ и купаются въ немъ своими длинными вѣтками и обнаженными, подмытыми корнями. Вотъ и хата хозяина мельницы съ приткнутымъ къ заваленкѣ мельничнымъ камнемъ, съ конькомъ надъ воротами и съ остервенѣлою собакой, которая давно уже охрипла отъ лая, а все ворчитъ и скалитъ зубы, выглядывая изъ дыры, пробитой въ подворотнѣ...

— Стой! закричалъ Закурдаевъ.

Телега остановилась. Фингалка подбѣжалъ къ подворотнѣ, взглянулъ въ самую морду мельничной дворнягѣ и зарычалъ, обнажая рядъ верхнихъ зубовъ.

Калитка отворилась. Приспѣшница мельничихи, Авдотья, толстая, здоровенная туша, одѣтая въ сарафанъ, выглянула оттуда и привѣтливо заговорила съ знакомыми гостями.

Оба они выскочили изъ телеги. Ворота были немедленно отворены, ставни открыты, телега втащена подъ навѣсъ, кобыла отпряжена, и Авдотья тотчасъ занялась приготовленіемъ яичницы для почтенныхъ посѣтителей, расположившихся въ парадной комнатѣ мельникова жилища.

Окончивъ завтракъ, передъ которымъ не преминули сдѣлать приличное, хотя и умѣренное возліяніе въ честь бога гроздій (не имѣвшаго впрочемъ ни малѣйшаго понятія о хлѣбенныхъ напиткахъ), оба охотника отправились на поискъ дичи.

Они шли спачала вмѣстѣ вдоль тѣнистаго берега рѣчки; но потомъ раздѣлились и отправились въ разныя стороны, чтобы избѣжать всякихъ могущихъ случиться непріятныхъ стычекъ, какія бываютъ часто между охотниками.

Чеботарь Дениска остался покамѣстъ на мельницѣ, чтобы не на тощій желудокъ идти стрѣлять сидячихъ утокъ. (На лету онъ не попалъ бы и въ корову, еслибъ корова могла летать.) Вслѣдствіе такого, заранѣе составленнаго соображенія, онъ обратился къ Авдотьѣ, бабѣ смирной и податливой, съ просьбою угостить его.

Авдотья не столько потому, что знала къ нему благоволеніе самой мельничихи, сколько по личному уваженію къ денискинымъ достоинствамъ и по любви, питаемой къ этому залихватскому парню, вытащила изъ печи заготовленный собственно для себя пирогъ и поставила его передъ Денискою.

— А что? сказалъ онъ, принимаясь за закурдаевскую флягу: — вѣдь, я думаю, можно и посогрѣться малехонько?

Съ него потъ катилъ градомъ.

— Вѣстимо, можно! отвѣчала Авдотья, улыбаясь реторической фигурѣ, отпущенной Денисомъ: — скрозь плетенку-то и не знать будетъ.

Чеботарь отвинтилъ чарку, служившую крышкою флягѣ; но не разсудилъ пить изъ этой чарки, а просто приложилъ горлышко сосуда къ губамъ и пошелъ булькать. Утоливъ жажду достаточнымъ количествомъ водки, Денисъ принялся за пирогъ, который на ружейный выстрѣлъ вокругъ себя разилъ лукомъ и капустой.

Тутъ чеботарь обратилъ такую рѣчь къ Авдотьѣ, къ которой питалъ взаимную склонность:

— Садись-ка, Авдотьюшка! поѣдимъ вмѣстѣ!

Авдотья сѣла, положивъ свою руку въ видѣ ласки на плечо Дениса.

— Ну что, какъ живешь-можешь, Денисъ Петровичъ? спросила она.

— Да чего? Извѣстное дѣло, какъ ужь! началъ чеботарь, напичкавъ ротъ пирогомъ.

— А вотъ у насъ, прервала Авдотья: — все вверхъ дномъ идетъ. Игнатьичъ нынче все разъѣзжаетъ: вонъ на мельницѣ поломка сдѣлалась, такъ заподряжать ѣздилъ плотниковъ... Почитай недѣлю дома его не было. А баба все погуливаетъ! То къ ней черепановскій заводчикъ, то писарь вонъ отъ становаго изъ Подзаборья. Только вотъ — видно не зналъ — вашъ-то колбасникъ не заглядывалъ.

— Прямой колбасникъ! замѣтилъ Дениска: — провалъ его возьми! Башку-то сѣдымъ волосомъ подернуло, а туда же!

— Да вѣдь она кому угодно въ душу влѣзетъ! Развѣ стыдъ что-ли у нея есть?

— И не завѣталось. Ужь чего я...

— А что? сказала Авдотья, сердито снимая руку съ плеча Дениски: — развѣ она и къ тебѣ?

— Ну нѣтъ! эфтого не было; а ужь насчетъ тамъ этакъ чего ни на есть... Тамъ картъ ей старыхъ привези, башмаки сшей — какъ бы все на шармака̀ наровитъ.

— Да вѣдь и къ колбаснику-то изъ-за чего подлипаетъ? Извѣстно, какъ бы что вывинтить.

— Ужь ай-ай глупъ онъ! ай-ай глупъ, я тебѣ скажу! Ему только баба платокъ съ шеи сними, онъ и разомлѣлъ.

— Его что-то давно ужь у насъ не видать. Прошлое воскресенье она его ждала — не пріѣхалъ; потомъ въ середу — праздникъ тоже былъ — тоже ждала... и тутъ не бывалъ.

— И нынче вдосталь позабавятся! пузатый-то вѣдь не скоро изъ городу.

— А онъ ей, нѣмецъ-то вашъ, вотъ какъ въ прошлый разъ былъ, видно далъ-таки деньжонокъ али чего. Какъ ужь она его ласково провожала!

— Экая баба, подумаешь! И куда ей деньги? И безъ того чай кубышка-то набита биткомъ!

— Развѣ ея душеньку насытишь? такая ужь жаднущая уродилась. — Да вѣдь и Игнатьичъ-то мошной даромъ не тряхнетъ: у него копѣйки не выклянчишь.

— Да ей-то куда?

— Какъ куда? Она вонъ и прифрантиться любитъ: вынь да выложи ей и сережки хорошія, и платокъ шелковой, и платье тоже чтобы позакатистѣе было. Вотъ и вино любитъ чтобы было не простое — давай все мушкателю!

— Извѣстно; не отвыкать стать! И въ дѣвкахъ-то была человѣкъ хожалый — кому хошь пожалуй!

Заключивъ такою сентенціей характеристику мельничихи, Денисъ всталъ изъ-за стола, погуторилъ еще немного со своею слабостью и отправился, въ чаяніи сидячихъ утокъ, на рѣку, намѣреваясь впрочемъ пройтись и по всѣмъ озеркамъ, во множествѣ раскинутымъ невдалекѣ отъ лѣска.

Между-тѣмъ Адамъ Адамычъ зашелъ уже очень далеко, въ одно изъ тѣхъ мѣстъ, которыя посѣщалъ и прежде, но не указывалъ никому, опасаясь соревнованія. — Онъ вступилъ въ мелкій кустарникъ, гдѣ надѣялся найти вальшнеповъ.

Хоть и ожидалъ онъ тутъ охоты недурной, однако на этотъ разъ ожиданія его были превышены сторицею въ дѣйствительности.

Одинъ знакомый Адама Адамыча, страстный охотникъ, какъ-то расказывалъ ему случай, необычайный въ лѣтописяхъ охоты. Случай этотъ состоялъ въ томъ, что помянутый знакомый нашего героя набрелъ будто-бы однажды на такое мѣсто, гдѣ вдругъ поднялся вокругъ него отовсюду... что бы вы думали?... миліонъ — ни больше ни меньше, какъ миліонъ вальшнеповъ! Это миѳическое количество пернатыхъ окружило охотника со всѣхъ сторонъ и совершенно заслонило отъ него дневной свѣтъ. Очутившись вдругъ во мракѣ, охотникъ напрасно искалъ своего ружья, которое обронилъ отъ изумленія. — Адамъ Адамычъ, слушая этотъ куріозный анекдотъ, при всей своей довѣрчивости къ людямъ вообще и къ расказчику въ особенности, никакъ не могъ признать непреложность подобнаго событія.

Теперь же, когда почтенный наставникъ вступилъ въ кустарникъ и вокругъ него начали вспархивать со всѣхъ сторонъ вальшнепы, онъ вѣрно нашелъ бы хоть тѣнь вѣроятія въ расказѣ своего знакомаго, если бъ только могъ думать о чемъ-нибудь въ эту минуту.

Фрр.... Справа взлетѣло три вальшнепа. Адамъ Адамычъ хватилъ изъ праваго ствола. Ни одного! Тоже повторилось слѣва. Адамъ Адамычъ хлопнулъ по птицамъ изъ другаго ствола. Ничего! Стриженая дѣвка не успѣла бы заплести и четверти косы, какъ Адамъ Адамычъ зарядилъ уже оба ствола ружья, несмотря на то, что руки у него тряслись и глаза слезились отъ сильнаго внутренняго волненія. Онъ выпалилъ въ кучку, поднявшуюся спереди. Промахъ! Мигомъ обернулся онъ назадъ и хватилъ еще разъ. Тоже! Собака, бросаясь послѣ каждаго выстрѣла въ ту сторону, куда таковой былъ направленъ, вспугивала еще болѣе бы-

стрыхъ птицъ. Нашъ Адамъ Адамычъ ужасно горячился. Пафъ! пафъ! раздавалось одно за другимъ, и двѣнадцать выстрѣловъ было уже растрачено, а еще не было положено ни одной штуки дичи въ пустой ягташъ.

Сердце страстнаго охотника колотило во всю мочь; руки опустились вмѣстѣ съ ружьемъ; онъ крикнулъ къ себѣ Пальму и отошелъ нѣсколько назадъ, по той тропинкѣ, по которой пробрался къ драгоцѣнному мѣстечку.

«Надо отдохнуть и успокоиться. Горячность всему виной.» Сказавъ эти благоразумныя слова, почтенный нѣмецъ опустился на землю, положилъ ружье рядомъ съ собой на траву, Пальмѣ приказалъ лечь и такимъ образомъ приступилъ къ успокоенію своихъ взволнованныхъ чувствъ. Долго старался онъ обратить мысли свои на какой-нибудь совершенно постороннiй охотѣ предметъ и долго не могъ сладить съ неугомоннымъ сердцемъ, которое, казалось, хотѣло выпрыгнуть у него изъ груди.

Наконецъ, когда послѣ долгихъ усилій все смятеніе Адама Адамыча исчезло и мѣсто его заступили только тихая любовь къ охотѣ и спокойствіе, онъ всталъ и отправился на старое мѣсто. Охота точно была въ этотъ день на диво. Каждый шагъ Адама Адамыча становился завоеваніемъ, и ягташъ безпрестанно наполнялся жертвами его неумолимо меткой руки.

Но какъ ни пріятна, какъ ни привлекательна была охота, все же долженъ былъ наступить ей конецъ, тѣмъ болѣе, что сердце Адама Адамыча влекло его болѣе къ мельницѣ, чѣмъ въ противную отъ нея сторону. Часы нашего героя показывали уже пять, время, далеко ушедшее отъ обычнаго обѣденнаго часа; желудокъ просилъ пищи; ноги начинали чувствовать сильную усталость.... И Адамъ Адамычъ направилъ стопы къ мельницѣ, гдѣ давно поджидала его полновѣсная, но тѣмъ не менѣе красивая мельничиха.

Закурдаевъ, не бывшій вовсе страстнымъ охотникомъ, еще въ третьемъ часу возвратился къ милой хозяйкѣ, поѣлъ на порядкахъ и, не могши преодолѣть давнишней привычки всхрапнуть послѣ трапезы, попросилъ мельничиху допустить его въ какой-нибудь анбаръ или погребъ для отдохновенія, ибо вездѣ въ остальныхъ мѣстахъ жарко и одолѣваютъ мухи. Марья Касьяновна отперла для него какой-то прохладный чуланъ, Авдотья распростерла на полу перину, и Закурдаевъ бросился съ наслажденіемъ въ объятія сна.

Когда Адамъ Адамычъ, измученный ходьбой, покрытый потомъ и обремененный тяжестью настрѣлянной имъ дичи, возвратился, Марья Касьяновна сказала Авдотьѣ, что объ обѣдѣ позаботится ужь она сама, какъ хозяйка, а она бы, Авдотья, шла куда знаетъ. Вслѣдствіе такого приказанія, Авдотья сошлась опять съ Дениской, который, застрѣливъ на охотѣ одну только утку, и то, какъ послѣ оказалось, не дикую, отдыхалъ на заваленкѣ, глядя на гусыню, гнавшуюся за свиньей.

Адамъ Адамычъ получилъ отъ хозяйки милый выговоръ въ невниманіи, какое онъ оказалъ ей въ послѣднее время, не заглянувъ ни разу на мельницу. Вслѣдъ за этимъ выговоромъ Марья Касьяновна поставила на столъ обѣдъ, и наконецъ уже, послѣ долгихъ и умилительныхъ извиненій Адама Адамыча, сѣла рядомъ съ нимъ и пріятно ему улыбнулась. При этомъ она сочла нелишнимъ снять съ крутыхъ плечъ своихъ большой платокъ, совершенно скрывавшій ихъ. Раньше не сдѣлала она этого изъ тонкаго кокетства, съ цѣлью показать Адаму Адамычу всю глубину оскорбленія, нанесеннаго ей невниманіемъ мудраго мужа.

— Экая жарынь какая! сказала Марья Касьяновна, свернувъ платокъ.

Адамъ Адамычъ, прожевывая послѣдній кусокъ жаренаго гуся, посмотрѣлъ влажными глазами на соблазнительницу и

не удержался: губы его прикоснулись къ бѣлому и плотному плечу хозяйки.

— Ахъ, Марья Касьяновна!

Вотъ все, что могъ онъ прошептать отъ полноты рта и чувствъ.

Чтобы сдѣлать читателю болѣе понятными отношенія между моимъ почтеннымъ героемъ и мельничихою, я долженъ сказать нѣсколько словъ въ объясненіе.

Марья Касьяновна, обладая въ сильной степени кокетствомъ, покорила чуть не съ перваго раза сердце и вмѣстѣ съ нимъ добродѣтель Адама Адамыча. Зная вполнѣ всю нѣжность чувствованій, а также и объемъ жалованья нѣмца, первую изъ двухъ-трехъ встрѣчъ съ нимъ, а второй изъ слуховъ, которыми, какъ извѣстно, земля полнится, корыстолюбивая супруга Игнатьича начала употреблять всѣ средства женщины, чтобы плѣнить моего героя. При шаткости своей въ дѣлахъ сердечныхъ, Адамъ Адамычъ не могъ противиться обаянію красивой мельничихи, не сумѣлъ отказать ей въ нѣсколькихъ подаркахъ и тѣмъ началъ эту невесьма благовидную интригу. Мельничиха была, разумѣется, совершенно равнодушна ко всѣмъ достоинствамъ добраго нѣмца, за исключеніемъ его карманныхъ качествъ; онъ же напротивъ привязывался къ ней съ каждымъ свиданіемъ больше и больше и, при всей своей расчетливости и бережливости, не жалѣлъ ничего для ея удовольствія.

Несмотря на то, что сердце его съ нѣкотораго времени клонится уже въ другую сторону, Адамъ Адамычъ пользовался каждымъ удобнымъ случаемъ побывать на мельницѣ и повидаться съ соблазнительной мельничихой.

Марья Касьяновна, не пренебрегая никѣмъ и ничѣмъ, обратилась-было и къ эксъ-студенту Закурдаеву съ цѣлью завоеванія его привязанности и кошелька; но Закурдаевъ былъ малый не промахъ и въ обманъ не дался. Какъ только уви-

дала Марья Касьяновна, что съ него взятки гладки, какъ только услыхала, что «ты, дескать, душенька съ этимъ не подъѣзжай! это, молъ, дудки, и мы видали виды!» наступательныя дѣйствія ея тотчасъ же и прекратились.

Послѣ обѣда Адамъ Адамычъ принадлежалъ уже одной мельничихѣ, неотвращаемый отъ нея ни голодомъ, ни задними мыслями, и весь прикованный къ ней силою ея неотразимыхъ прелестей.

Если бъ я владѣлъ нѣжнымъ стихомъ Тасса или чувствительною прозой Августа Лафонтена, я бы передалъ вамъ то полное любви «лей-перелей», которое началось тогда между моимъ героемъ и пышною Марьей Касьяновной. Если бъ у меня была кисть Тиціана, я изобразилъ бы вамъ возвышенный восторгъ, сіявшій на лицѣ Адама Адамыча. Если бъ наконецъ во власти моей была рѣчь Бокачіо, я передалъ бы вамъ всю глубину наслажденій мудраго мужа.... Но — увы! я лишенъ всего этого: я умѣю расказывать только самыя пустыя событія ежедневной, будничной жизни; міръ же чувства и души для пера моего — недоступное поле.... И такъ я молчу — молчу, чтобы не обезобразить своимъ неискуснымъ изображеніемъ неописанную красоту этихъ нѣсколькихъ часовъ, вполнѣ прочувствованную моимъ любезнымъ героемъ.

За нѣсколько минутъ до пробужденія Закурдаева, Адамъ Адамычъ, прикасаясь устами къ горячей щекѣ Марьи Касьяновны, вынулъ изъ-за пазухи маленькій сверточекъ, который утромъ взялъ изъ своей шкатулки.

— Вотъ, Марья Касьяновна, сказалъ онъ: — возмійтъ!

При этихъ словахъ лицо его вспыхнуло заревомъ стыдливости.

— Зачѣмъ это? отвѣчала мельничиха, отталкивая руку моего героя. — Ахъ, какіе вы, Адамъ Адамычъ! Вы ужь и такъ мнѣ столько дарите!

— Нѣтъ, возмійтъ, возмійтъ! продолжалъ Адамъ Ада-

мычъ, стараясь всунуть сверточекъ въ толстую ладонь Марьи Касьяновны.

— Не пора ли ужь и самоваръ ставить? сказала вдругъ она, отходя отъ Адама Адамыча.

Сверточекъ остался у нея въ рукѣ.

— Ахъ, батюшки! воскликнула она, подходя къ маленькому, довольно тусклому зеркальцу, висѣвшему на стѣнѣ промежь портретовъ Платова и храбраго Казарскаго. — Ахъ, батюшки! голова-то у меня! овинъ овиномъ! Причесаться взять....

Марья Касьяновна наклонилась къ столу, на которомъ лежалъ гребень, и съ неимовѣрною ловкостью и быстротою успѣла развернуть бумажку, данную ей Адамомъ Адамычемъ, и посмотрѣть, что въ ней содержится. Сущность сверточка, какъ видно, была несовсѣмъ противна вкусу и желаніямъ нашей красавицы, ибо легкая улыбка раздвинула ея губы.

— Куда ви? спросилъ Адамъ Адамычъ: — еще рано для чай.

— Нѣтъ, пора! пора! Скоро и Василій Семенычъ встанутъ. Еще пожалуй сердиться будутъ, что самоваръ не готовъ.

Съ этими словами хозяйка вышла изъ комнаты, оставивъ Адама Адамыча на жертву мечтамъ и нѣжнымъ воспоминаніямъ.

Закурдаевъ не замедлилъ явиться послѣ высыпки, и вся компанія усѣлась за самоваръ.

Остальныя событія этого дня, состоявшія въ питьѣ чая, легкомъ балагурствѣ, приготовленіи съ мельничихой пунша и обратной поѣздкѣ домой, не представляютъ особаго интереса для читателя, а потому авторъ и пропускаетъ ихъ. Но долгомъ считаетъ онъ изъять изо всего этого слѣдующее умозрѣніе, выраженное Закурдаевымъ и прямо касающееся выгодъ любезнаго героя моей справедливой повѣсти.

— Ахъ, Адамъ! Адамъ! говорилъ Василій Семенычъ,

трясясь на войлокѣ своей тележонки и мало-по-малу поддаваясь разымчивой силѣ нѣсколькихъ стакановъ крѣпкаго пунша. — Ахъ, Адамъ! Адамъ! Право же, ты глупъ, не говоря дурнаго слова. Вѣдь у тебя ни въ чемъ границъ нѣтъ.... ей Богу, нѣтъ!... Ну что ты головой-то качаешь? — Положимъ, и сердце у тебя доброе.... доброе сердце, нѣжное. Да что толку?... Вѣдь отъ этого ты на все, на все падокъ — на всякую дрянь. Ну вотъ что ты связался съ этой съ мельничихой? Ну разбери ты самъ.... сдѣлай такую милость, разбери! Вѣдь просто ты самъ въ петлю лѣзешь. Хорошо, не знаетъ Игнатьичъ.... такъ! Ну а какъ узнаетъ? что ты тогда?... Вѣдь ты передъ нимъ — просто дрянь, дурнаго слова не говоря. Вѣдь онъ ай-ай! Ты, братецъ, его не знаешь. Это звѣрь; это просто, братецъ, тигръ африканскій! Ну что ты морщишься? ты не морщь лба-то! Вѣдь во мнѣ что говоритъ? Во мнѣ любовь къ тебѣ говоритъ, любовь.... ей Богу, любовь, дуракъ ты этакой!

Тутъ Закурдаевъ наклонился къ своему товарищу съ цѣлью поцаловать его въ щеку, но толчокъ телеги позволилъ ему только увлажить своими устами високъ моего героя. Герой впрочемъ мало слышалъ и мало видѣлъ: сонъ одолѣвалъ его.

— А ты вѣдь мнѣ не вѣришь. Ты кому вѣришь? Ей ты вѣришь.... вонъ кому! А она просто въ душу къ тебѣ влѣзла. Да правда ты и простъ; у тебя душа нѣжная... знаю, братецъ, какая нѣжная! И сапоги снимать не надо — ей Богу, не надо: такъ въ сапогахъ и влѣзешь — въ душу къ тебѣ. Я тебѣ говорю, Адамъ.... ты вѣрь мнѣ; а ей, мошенницѣ, не вѣрь! Вѣдь она, братецъ, и ко мнѣ оборачивалась.... Ну что ты головой-то качаешь?

Адамъ Адамычъ началъ уже удить носомъ.

— Ты не качай головой-то! Ей Богу! Да я ей просто на отрѣзъ сказалъ: убирайся! говорю. Ну вотъ ты не вѣ-

ришь — а я сказалъ. Ну и отстала.... отстала — и не пристаетъ. А къ тебѣ пристаетъ. Отчего къ тебѣ пристаетъ? Оттого, что ты дуракъ. Да ужь такъ! ужь ты не спорь!

Адамъ Адамычъ и не думалъ спорить, потому-что дремалъ; но эксъ-студентъ дѣлался все говорливѣе и говорливѣе по мѣрѣ того, какъ пуншъ овладѣвалъ его головой.

— Ахъ, Адамъ! Адамъ! продолжалъ онъ: — да ты просто скотина, я тебѣ скажу.... ты не сердись!... ей Богу, скотина, свинья!... Ну что ты въ ней, братецъ, нашелъ? ну что? ну скажи! Ничего нѣтъ! ничего! Да, ничего! А мнѣ жаль тебя, Адамъ — очень, братецъ, жаль. А ты безчувственный.... вотъ какъ животное бываетъ безчувственное. Ты не понимаешь.... любви къ себѣ не понимаешь, колбаса ты нѣмецкая! Присталъ вотъ, какъ банный листъ, къ Машкѣ къ этой! Ну я не спорю съ тобой, не спорю: amabile opus... я не спорю съ тобой! Да ты скажи... говорятъ тебѣ, скажи: что въ ней? что хорошаго? Только и есть, что жиръ — больше ничего... да еще потѣетъ. Право, больше ничего. Да что ты молчишь, Адамъ? что ты молчишь, пентюхъ ты этакой? Вѣдь тебѣ добра желаютъ, ракалія! добра!

Закурдаевъ начиналъ уже сильно горячиться.

— Экъ его розняло! замѣтилъ сквозь зубы Дениска, и потомъ прибавилъ, обращаясь къ сѣдоку: — А вы тише, сударь! Въ городъ въѣзжаемъ. Нехорошо.

— Что нехорошо? Ахъ ты, бестія! Что нехорошо? крикнулъ Закурдаевъ. — Ты ко мнѣ не лѣзь! слышишь, не лѣзь! Я не спущу... вотъ увидишь, не спущу... Ты смотри! ты у меня смотри!

Въ такомъ родѣ эксъ-студентъ продолжалъ говорить до тѣхъ поръ, пока телега не въѣхала на дворъ желнобобовскаго дома.

Тутъ герой мой черезъ силу добрался до своей конурки и черезъ минуту уже храпѣлъ.

Эксъ-студента Дениска привелъ во флигель и самъ уложилъ въ постель; но Закурдаевъ долго не могъ заснуть и все говорилъ такъ же безсвязно, обращая неизвѣстно къ кому свою длинную рѣчь.

ГЛАВА V.

Если вы не откажетесь слѣдовать за мною, читатель, я поведу васъ опять тою же дорогой, по которой, какъ значится въ только-что прочитанной вами главѣ моего расказа, ѣхали двое охотниковъ. Но на этотъ разъ мы не пойдемъ такъ далеко и остановимся у того довольно красиваго домика о пяти окнахъ, который произвелъ между двумя желнобобовскими наставниками очень горячій разговоръ: съ одной стороны нѣсколько саркастическій, но зато съ другой совершенно серіозный и искренній. Владѣя преимуществомъ проникать всюду и быть незамѣчаемыми, мы войдемъ въ этотъ домикъ, хотя и незнакомы еще съ его хозяйкой.

Первая комната, въ которую вступаемъ мы изъ прихожей, веселенькая зала, съ банками ерани, жасмина, мѣсячныхъ розановъ, желтофіолей, левкоевъ и резеды на всѣхъ окнахъ и во всѣхъ углахъ. Тутъ помѣщаются и довольно старыя, весьма разбитыя фортепіаны, съ кучкой рваныхъ нотъ на крышкѣ.

За залой — гостиная, съ голубыми стѣнами и голубой мебелью. Она почти всегда пуста. Изъ гостиной дверь въ ту комнату, которая и есть постоянный храмъ богинихозяйки. Едва станешь приближаться къ этому святилищу, какъ уже чувствуешь какое-то благоговѣніе. Подходишь къ двери — и сладостные запахи пачули и ванили нѣжатъ обоняніе. А тамъ!...

Плющъ оплелъ и окна, и стѣны, и потолокъ уютной ком-

наты, и посреди этой поэтической зелени, на мягкомъ малиновомъ креслѣ покоится сама хозяйка дома, добродѣтельная вдовица, извѣстная между всѣми дамами и дѣвицами, а также и мужскимъ юношествомъ города Забубеньева подъ поэтическимъ именемъ Александрины, хотя въ сущности она просто-на-просто Александра Ѳоминишна, по мужѣ Дроздовская.

Такъ вотъ она, эта молодая вдова, покорившая сердце нашего мудраго героя! вотъ она! Посмотрите, какъ граціозно полулежитъ она въ своемъ креслѣ, протянувъ ножки на маленькую скамеечку! На ней бѣлое кисейное платье съ миліономъ кружевныхъ оборокъ; ножки обуты въ зеленыя ботинки. На колѣняхъ у ней лежитъ разогнутая книжка, кажется, на французскомъ языкѣ; на рабочемъ столикѣ рядомъ съ кресломъ помѣщена ея работа — кусокъ канвы и нѣсколько мотковъ шерсти. Но что же обращаю я вниманіе ваше на обстановку?... Впрочемъ обращать его на нее самоё, на прекрасную хозяйку — трудъ лишній: вниманіе ваше вѣрно давно уже приковано къ ней.

Вѣдь съ перваго взгляду она, кажется, и вовсе не хороша: носъ длиненъ, ротъ немного широкъ, брови почти не даютъ почувствовать своего существованія, коса тоже неочень пышна; а чѣмъ больше вглядываешься въ эту женщину, тѣмъ больше она нравится. Посмотрите, что за глаза у ней! Хоть они и сѣрые, очень сѣрые, но зато сколько въ нихъ томительнаго желанія, сколько страсти, сколько души, сколько ума, однимъ словомъ сколько всякой прелести! А каковы эти четыре тирбушона, которые раздѣлились на двѣ пары и такъ мило вьются за ушами Александрины, спускаясь на ея плечи?...

Но что значитъ весь наружный привлекательный видъ добродѣтельной вдовицы передъ тою сокровищницей, которую она носитъ и таитъ въ груди своей. Вотъ и теперь — она читала что-то, вѣроятно очень чувствительное (это ея вкусъ),

и мало-по-малу такъ увлеклась думами, возбужденными чтеніемъ, что бѣлая ручка ея опустилась вмѣстѣ съ книгой на колѣни, голова поникла нѣсколько на бокъ, и сердце наполнилось цѣлымъ роемъ разнаго нѣжнаго матеріалу. Не думайте однакожь, чтобы чувствительность нѣжной вдовицы (это лучшее украшеніе женскаго пола) была неразборчива и безсознательна. Нѣтъ! Александрина, выданная волею родителей, наперекоръ ея собственной волѣ, за господина Дроздовскаго, терзалась издавна жаждою увидѣть желанный идеалъ, созданный ея мечтами.

Такъ-какъ вся жизнь нѣжной Александрины была жаркимъ стремленіемъ къ этому идеалу, то авторъ думаетъ поступить несовсѣмъ неумѣстно, представивъ въ нѣсколькихъ строчкахъ прогрессивный ходъ ея тайныхъ мечтаній и развитія означеннаго идеала.

Когда прекрасная вдова была еще демуазелью Фищовой, когда по временамъ тревожилась еще длиною своего носа, думамъ ея безпрестанно представалъ юноша, полный красоты, отваги и свѣтскаго блеска. Мечтая о будущемъ героѣ своего романа, демуазель Фищова слышала гармоническое бряцанье шпоръ и сабли, видѣла очами сердца лихіе усы въ завиткахъ, блестящія эполеты и роскошный мундиръ, обоняла пріятный ароматъ благовонныхъ фиксатуаровъ и упивалась рѣкою самыхъ свѣтскихъ рѣчей, которыя сравнивали ее съ «неземною пери» и толковали о «волканахъ любви». Въ дѣйствительной жизни Александрина встрѣтилась съ однимъ смертнымъ, который нѣсколько приближался къ этому идеалу. То былъ гарнизонный прапорщикъ Казанцевъ. Сердце его вѣроятно поняло сердце нѣжной дѣвицы, потому-что онъ всегда танцовалъ съ нею мазурку. Эта любовь была впрочемъ не продолжительнѣе одной зимы, ибо прапорщикъ Казанцевъ былъ переведенъ изъ Забубеньева.

Послѣ отъѣзда его, мечты Александрины, вѣроятно уло-

влетворенныя вполнѣ этою встрѣчею въ дѣйствительности, создали новый идеалъ. Это былъ уже вдохновенный поэтъ, блѣдный, бѣлокурый, нечесанный, худой, съ чахоткой въ груди и вѣчными пѣснями на устахъ. И пошли сниться ей соловьи и ручьи, луна и тишина, слезы и розы, и безконечныя грезы! Въ мірѣ дѣйствительномъ такой личности Александрина не встрѣтила.

Вскорѣ холодная, безчувственная существенность спугнула ея поэтическія грезы посредствомъ нѣкоего господина Дроздовскаго, человѣка съ вѣсомъ, хотя и деревяннаго. Горько было Александринѣ раставаться съ теплыми мечтами о поэтѣ; но семейныя обстоятельства были сильнѣе и крѣпче ея воли, и она покорилась имъ. Деревянный женихъ былъ черноволосъ, гладко причесанъ, румянъ и полонъ, однимъ словомъ не походилъ нисколько на любимца харитъ. И ему-то пришлось отдавать свою руку и сердце!... Сердце Александрина оставила впрочемъ при себѣ; Дроздовскій получилъ только ея руку и повелъ ее къ вѣнцу. Такимъ образомъ демуазель Фищова превратилась въ мадамъ Дроздовскую.

Съ перемѣною званія дѣвушки на званіе замужней женщины не перемѣнилась Александрина и попрежнему поддавалась обаянію идеаловъ; но теперь, постигнутая разочарованіемъ, она хотѣла непремѣнно видѣть и въ героѣ своей судьбы человѣка разочарованнаго, удрученнаго злобою людей, опутаннаго узами свѣта, человѣка непонятаго и съ ироническимъ взглядомъ на вещи. Хотя этотъ идеальный образъ въ нѣкоторыхъ лишь чертахъ былъ сходенъ съ лицомъ Чацкаго, однако Александрина говорила, что только такой человѣкъ, какъ герой Грибоѣдова, достоинъ ея любви, и потому два года ея замужства посвящены были отыскиванію избранника, которому готовилось сокровище искренней ея привязанности.

Господинъ Дроздовскій умеръ; прошелъ годъ траура по

немъ; прошелъ и еще годъ; но Александрина не измѣнила своему идеалу и продолжала искать его въ жизни. Избранника все не являлось. И глаза, и сердце вдовы утомились отыскиваніемъ его въ тѣсномъ и ограниченномъ кругу забубеньевской молодежи. Она стала ждать утоленія своей сердечной жаждѣ извнѣ, и извѣстіе о каждомъ пріѣхавшемъ въ городъ новомъ лицѣ мужескаго пола кидало ее въ томительный трепетъ надежды.

Несмотря однакожь на то, что никто изъ окружающихъ не подходилъ подъ мѣрку созданій ея пылкаго воображенія, молодая вдова не пренебрегала никѣмъ и, вѣроятно съ цѣлію изощренія своего кокетства, привязывала безпрестанно новыхъ плѣнниковъ къ побѣдоносной колесницѣ своихъ красотъ и талантовъ. Въ часы, свободные отъ занятій по части завоеванія различныхъ сердецъ, вдова любила бесѣдовать съ музами: играла на фортепіанахъ и пѣла пріятные романсы, рисовала цвѣты и даже иногда, въ минуты грусти, изливала на бумагу стихи (большей частью семистопные) томныхъ элегій. Вообще молодая вдова была въ Забубеньевѣ первою артисткою во всѣхъ свободныхъ искуствахъ и главною цѣнительницею всего изящнаго.

Не упуская никакого случая къ украшенію своего ума и сердца, вдовица, искавшая Чацкаго, пожелала въ одно прекрасное утро прочесть въ подлинникѣ Шиллера. Такъ-какъ знанія ея въ нѣмецкомъ языкѣ хватало только на самый процессъ чтенія, то приходилось обратиться къ Адаму Адамычу, единственному въ городѣ источнику свѣдѣній по этому предмету. Добрый наставникъ, неумѣвшій никому отказывать, тотчасъ принялъ приглашеніе Александрины и акуратно два раза въ недѣлю ходилъ къ ней на урокъ.

Уроки были взаимны, какъ показало время. Получая долю знанія въ нѣмецкой литературѣ отъ Адама Адамыча, вдова съ своей стороны развивала понемногу чувства мудраго

наставника и своими восторженными рефлексіями разсѣивала мракъ, существовавшій въ головѣ нѣмца касательно понятій о любви. Нѣмецъ, раскрывъ ротъ и выпучивъ глаза, внималъ медоточивымъ устамъ вдовы и, покоренный давно уже со стороны сердца, поддавался понемногу и умомъ обаятельнымъ теоріямъ своей прекрасной ученицы. Съ самыхъ дней свѣтлой молодости Адама Адамыча, Александрина была первая встрѣченная имъ женщина, которая повидимому не пренебрегала имъ, одинокимъ и бѣднымъ человѣкомъ, излагая ему исторію женской любви и описывая идеальныя потребности женскаго сердца. Адамъ Адамычъ съ каждымъ разомъ болѣе и болѣе увлекался любовью къ чувствительной вдовицѣ — и въ ослѣпленіи своемъ не видалъ бездны, въ которую заманивала его эта сладкогласная сирена. Когда онъ сидѣлъ передъ нею съ томикомъ Шиллера и объяснялъ какое-нибудь стихотвореніе, сердце его сильно трепетало. Въ эти минуты часто закрадывалось въ его сѣдѣющую голову глубокое раскаяніе и недовольство тѣмъ, что онъ не можетъ отдѣлаться отъ мельничихи, чтобы принадлежать безъ раздѣла одной Александринѣ. Одно утѣшеніе нѣсколько смиряло его внутреннюю борьбу: это было размышленіе о двойственной любви человѣка, плодъ теорій его благоразумной ученицы. Онъ говорилъ себѣ, что крѣпкая привязанность, которую онъ чувствуетъ къ пышной Марьѣ Касьяновнѣ, груба и слишкомъ матеріальна, и не можетъ омрачить пылкихъ чувствъ любви къ прекрасной вдовѣ — чувствъ высокихъ и идеальныхъ, какъ любовь Петрарки къ Лаурѣ. Эти соображенія одни удерживали его на узкой стезѣ между двумя оконечностями великаго чувства любви.

Но мы наговорили уже слишкомъ много, и потому перейдемъ къ расказу того, что хотѣли расказывать.

Вдова сидѣла задумавшись надъ книгою, опущенною на колѣни.

Маленькая собачонка на тоненькихъ ножкахъ и крайне вертляваго свойства вдругъ соскочила со стула, на которомъ лежала, и бросилась вонъ изъ будуара. Въ залѣ она остановилась и, поджавъ одну переднюю ножку, залилась звонкимъ лаемъ. Вѣрно заслышала шаги по крыльцу. Чуткая собачонка!

Дверь въ переднюю отворилась, и вошелъ нашъ любезный герой. Знала ли Мимишка о любви Адама Адамыча къ собакамъ, или тонкій инстинктъ далъ ей знать о привязанности мудраго учителя къ своей рачительной ученицѣ, только она, Мимишка, тотчасъ приласкалась къ нѣмцу и немедленно стихла. Хорошенькая горничная Наташа выбѣжала, семеня ножками, въ лакейскую, вскрикнула: «Ахъ! это вы, Адамъ Адамычъ!» и побѣжала въ будуаръ своей госпожи.

Адамъ Адамычъ, гладко-на-гладко выбритый, особенно тщательно пріодѣтый, откашлялся, вынулъ изъ задняго кармана книгу и пошелъ къ завѣтной комнатѣ, видѣвшей рожденіе его страсти.

Вдова сидѣла попрежнему въ граціозномъ, небрежномъ и мечтательномъ положеніи, когда Адамъ Адамычъ вступилъ въ ея будуаръ. Она очень привѣтливо, очень мило поклонилась ему и указала книгою на кресло, стоявшее насупротивъ ея кресла.

Адамъ Адамычъ немного переминался, засмотрѣвшись на Александрину.

— Что же вы не сядете, Адамъ Адамычъ? сказала она.

Адамъ Адамычъ вѣжливо поклонился.

— А знаете ли, продолжала вдова: — что мнѣ сегодня вовсе не хочется брать урокъ?

— Значитъ, я могу.... началъ нѣмецъ, шаркая ножкой.

— Полноте! куда вы? Какъ-будто я говорю для этого! Напротивъ вы мнѣ очень нужны, Адамъ Адамычъ. Придвигайте кресла и садитесь! Да кладите вашу шапку!

— О! это нишего! сказалъ нѣмецъ, усаживаясь несовсѣмъ ловко на креслѣ.

— Признаюсь, меня занимаетъ одинъ планъ, продолжала вдовица: — планъ, который такъ овладѣлъ мной, что мѣшаетъ мнѣ сегодня заняться съ вами Шиллеромъ.

— Какой же это планъ? дерзнулъ спросить Адамъ Адамычъ.

— А вотъ какой... Вы знаете мою страсть къ литературѣ и ко всѣмъ искуствамъ!... Мнѣ хочется устроить маленькій вечерокъ, гдѣ бы соединить всѣ художественныя удовольствія. Этого еще не бывало въ нашемъ городѣ, и устроить такую вещь очень трудно. Надо заранѣе приготовиться.

Почтенный наставникъ слушалъ со вниманіемъ, не понимая впрочемъ, къ чему клонится рѣчь вдовы.

— Я хочу и васъ просить объ одолженіи, сказала Александрина.

— Но какъ могу я битъ полезній? спросилъ Адамъ Адамычъ.

— Вы не откажете мнѣ, Адамъ Адамычъ? Я знаю, вы не откажете....

Эти слова сопровождались такимъ взглядомъ, что герой нашъ началъ таять.

— Вы такъ любезны! прибавила вдова, нѣжно подавая руку Адаму Адамычу.

Адамъ Адамычъ бережно взялъ поданную ему ручку и глазами вопрошающими и исполненными глубокой преданности взглянулъ въ лицо вдовы.

— Цалуйте! сказала она съ усмѣшкой.

Нѣмецъ прильнулъ губами къ ручкѣ Александрины, замирая отъ блаженства.

— Такъ вы не откажете мнѣ? спросила снова вдова.

— Ви можетъ приказайтъ — и я здѣлаетъ взе.

Адамъ Адамычъ глубоко вздохнулъ, произнеся эти слова: ему они казались почти дерзостью.

— О, зачѣмъ все? я не требую такъ много. Просьба моя для васъ такіе пустяки!

Адамъ Адамычъ вытянулъ шею — и ждалъ.

— Вотъ видите ли что, продолжала Александрина: — такъ-какъ на вечерѣ, который мнѣ хочется устроить, должно быть какъ можно больше разныхъ художественныхъ развлеченій, то я прошу и васъ тоже написать что-нибудь.

— Но что могу я написайтъ?

— Вы? съ вашимъ умомъ, съ вашимъ чувствомъ, съ вашими познаніями?

— Ви злишкомъ харшо думаетъ обо мнѣ.

— Я думаю какъ всякой, кто умѣетъ цѣнить дарованія и достоинства людей.

— О! ви злишкомъ льститъ мнѣ! произнесъ нѣмецъ, сильно краснѣя.

— Нисколько; я говорю только правду! замѣтила вдова.

— Что могу я написайтъ для вашъ вечеръ? сказалъ Адамъ Адамычъ: — кто будетъ злюшайтъ мене?... Никто не знаетъ по-нѣмецки въ вашъ Gesellschaft.

— Да зачѣмъ же по-нѣмецки? Вы напишете по-русски.

— О, по-русски я такъ злябій!

— Вы слабы? Полноте! не скромничайте! Да и писать вѣдь вовсе не то, что говорить: тутъ можно подольше подумать.

— Право, я не буду знайтъ это здѣлайтъ.

— Вѣдь не много и нужно, Адамъ Адамычъ! Если вы напишете строкъ восемь, десять — и этого будетъ очень достаточно. Вы, разумѣется, сочините что-нибудь въ стихахъ....

— О! зтихи.... Это такъ трудно!

— А вы говорили мнѣ, что прежде писали стихи.

— Это ошенъ много лѣтъ.

— Стоитъ вамъ только припомнить прошлое. Восемь, десять строкъ — много ли на это нужно труда?

Адамъ Адамычъ возразилъ на это, что если онъ и напишетъ, всѣ будутъ смѣяться.

— Кто же смѣетъ? возразила вдова. — Вѣроятно то, что напишете вы, будетъ лучше сочиненій всѣхъ другихъ.

— Кто будетъ еще сочиняйтъ?

— Вотъ мосьё Погуровъ хотѣлъ прочитать свои стихи.... Знаете? этотъ пріѣзжій — отставной военный....

— Да.

— Я вчера просила еще Закурдаева: онъ такой образованный человѣкъ; жаль только, что дичится общества. Я и встрѣтила-то его совершенно случайно. — Онъ былъ такъ добръ, что обѣщалъ преодолѣть свою лѣнь и написать что-нибудь въ прозѣ.

— Онъ будетъ прекрасно писайтъ.

— Вы думаете?

— О, да! онъ имѣетъ много умъ.

— Ну и вы, Адамъ Адамычъ.... пожалуста! хоть нѣсколько строкъ! — Вотъ и Пьеръ Желнобобовъ (у него прекрасныя способности) хотѣлъ что-то свое прочитать.

Адамъ Адамычъ поморщился и сказалъ нѣсколько непріятнымъ тономъ, что вотъ уже и довольно.

— Нѣтъ! нѣтъ! приставала вдова: — и не говорите мнѣ этого! Мнѣ хочется во всемъ соблюсти симетрію. Я хочу непремѣнно, чтобы музыка перемежалась съ литературой. Мнѣ надо непремѣнно, чтобы вы участвовали тоже.

Почтенный наставникъ замѣтилъ, что вдова сама обладаетъ большимъ талантомъ и можетъ доставить болѣе удовольствія, если прочтетъ что-нибудь изъ своихъ сочиненій.

— О, нѣтъ! возразила Александрина: — мои жалкія сочиненія такъ незначительны! и вдобавокъ они такъ мало вы-

ражаютъ то, что хотѣлось мнѣ высказать! Только друзьямъ моимъ могутъ они нравиться.

— Нѣтъ, взѣмъ! взѣмъ! проговорилъ съ увлеченіемъ Адамъ Адамычъ.

— Въ васъ говоритъ пристрастіе, Адамъ Адамычъ, отвѣчала вдова. — Ну, такъ какъ же? даете вы обѣщаніе? прибавила она, нѣжно глядя на нѣмца.

Адамъ Адамычъ просилъ позволить ему отказаться.

— А вы забыли, что говорили сейчасъ?

— Нѣтъ; но я.... bei Gott! мнѣ такъ трудно это здѣлайтъ.

— Вамъ стоитъ только захотѣть. Вотъ единственный трудъ!

— Я не могу.

— А! Если такъ, если вы отступаетесь отъ своихъ словъ — то какъ хотите! ваша воля!

Прекрасная вдова нахмурила брови, надула губки и начала съ досадою стучать по столику развернутою книгой.

Надо признаться, что планъ Александрины былъ чрезвычайно хитеръ, и незлобивая душа Адама Адамыча никакъ не постигала, что его хотятъ выставить на всеобщее посмѣяніе, за неимѣніемъ другихъ, болѣе безгрѣшныхъ предметовъ для забавы. Мнимая досада вдовы, выказанная ею съ величайшимъ искуствомъ, произвела сильное впечатлѣніе на моего героя. Видя непріятность, причиненную имъ прекрасной женщинѣ, Адамъ Адамычъ глубоко раскаялся въ своемъ необдуманномъ поступкѣ и вознамѣрился поправить его сразу.

— Я зоглязній! сказалъ онъ вдругъ.

— Ну вотъ! давно бы такъ, чѣмъ отказываться отъ своихъ словъ! сказала прекрасная вдова, подавая Адаму Адамычу опять свою нѣжную ручку и крѣпко пожимая его руку.

Адамъ Адамычъ, не спрашивая уже о позволеніи ни сло-

вами, ни взорами, и озадаченный до мозга костей такою дружескою фамиліарностью вдовы, крѣпко поцаловалъ ея руку. Вдова улыбнулась.

— Ого! какъ же вы крѣпко! сказала она, грозя пальцемъ съ лукавымъ видомъ.

— Виноватъ! прошепталъ нѣмецъ.

— Ничего, ничего; прощаю! За ваше повиновеніе можно все простить.

— Когда же ми будетъ занимайться? спросилъ черезъ нѣсколько минутъ Адамъ Адамычъ, приподымаясь съ кресла.

— Послѣ-завтра. Приходите послѣ-завтра, Адамъ Адамычъ! Мы поговоримъ съ вами на свободѣ о томъ, что такъ близко моей душѣ....

Вдовица закатила глаза подъ лобъ. Адамъ Адамычъ трепеталъ восторгомъ.

— Поэзія — музыка — любовь.... произносила какъ-бы въ забытьи прекрасная Александрина: — вотъ предметы, о которыхъ всегда найдется у меня слово. Что была бы жизнь безъ этихъ кроткихъ спутницъ нашего земнаго существованія?

— Шиллеръ сказаль правда... началъ было Адамъ Адамычъ.

Вдова перебила его.

— Мы поговоримъ и объ немъ, дивномъ Шиллерѣ! сказала она, привставая съ креселъ. — А теперь.... Вы извините меня, Адамъ Адамычъ? не правда ли, извините?... Мнѣ нужно сдѣлать нѣсколько визитовъ. Условія свѣта — оковы женщины! Грустная обязанность — покидать для безчувственнаго общества искреннюю бесѣду съ лучшими друзьями....

Снова ручка вдовы была въ рукахъ Адама Адамыча; снова уста его прикоснулись къ ней.

— Такъ до свиданія! Вы обѣщаете? спросила Александрина.

— Да! да! сказалъ, откланиваясь, Адамъ Адамычъ, и вышелъ упоенный изъ дома вдовы.

Дорогой онъ все думалъ о томъ, что получилъ наконецъ полное доказательство благосклонности къ нему вдовы, и душа его ликовала, когда онъ припоминалъ всѣ сказанныя ею милыя слова....

Грустно ошибался мой чувствительный герой; но какъ быть! Ошибки сродны человѣку. И кто изъ насъ, читатели, не ошибался точно такъ же въ то время, какъ мы любили? кто не думалъ видѣть любовь тамъ, гдѣ было одно холодное кокетство или только обычная свѣтская любезность?... Увы! обманчивы женщины!

Вечеромъ того же дня, новоприбывшій въ городъ Забубеньевъ господинъ Погуровъ, человѣкъ лѣтъ тридцати двухъ-трехъ, возсѣдалъ въ будуарѣ чувствительной вдовы на томъ самомъ креслѣ, на которомъ поутру помѣщался Адамъ Адамычъ. Вдова страшно кокетничала съ этимъ гостемъ, несмотря на то, что онъ нисколько не походилъ на отдаленную цѣль ея поэтическихъ мечтаній, то-есть на Чацкаго.

Между прочимъ хозяйка расказала господину Погурову, какъ уговорила своего нѣмца-учителя сочинить стишки къ ея литературному вечеру. Господинъ Погуровъ, который считалъ себя великимъ литераторомъ, потому-что наскрибачилъ какіе-то стишки о Кавказѣ, и который далъ вдовицѣ идею устроить вечеръ съ разными артистическими наслажденіями, безбожно крутилъ усы, слушая расказъ Александрины, и хохоталъ во все горло....

Голубиная душа моего любезнаго героя никогда не могла бы и въ романѣ повѣрить такому коварству, какое онъ испытывалъ въ это время на себѣ; онъ не понималъ, какъ можетъ человѣкъ надѣть на себя такую искусную личину, что ея не отличишь отъ настоящаго лица.... Не зналъ онъ сего этого, и въ тѣ самыя минуты, когда вдова и Погу-

ровъ избрали его мишенью своихъ насмѣшекъ и остротъ, онъ, блаженный утреннимъ вниманіемъ вдовы и неподозрѣвающій никакого зла, сидѣлъ въ тѣнистомъ саду господина Желнобобова подъ развѣсистой тополью, лѣниво курилъ довольно скверную, дешевую сигару и грезилъ свои лучшія грезы....

ГЛАВА VI.

Недѣли черезъ полторы послѣ описаннаго мною визита Адама Адамыча вдовѣ, часовъ въ семь вечера, въ извѣстной уже благосклонному читателю чайной въ домѣ господина Желнобобова неменѣе извѣстная ему Татьяна Васильевна, Бобелина тожь, суетилась за чайнымъ столомъ и сильно негодовала на горничную Глашку, которая по вертлявости и модничанью своему, вытирая чашки полотенцемъ, уронила одну изъ нихъ на полъ, причемъ таковая разбилась въ дребезги. Чашка эта къ несчастію была та самая, изъ которой пилъ постоянно Петенька. Негодованіе домоправительницы сыпалось самыми рѣзкими и безцеремонными выраженіями на несчастную виновницу. Татьяна Васильевна раскраснѣлась до нельзя и гнѣвалась невыразимо.

— Экая бѣда какая! сказала наконецъ вертлявая Глашка, выслушавъ длинную укорительную рѣчь Бобелины. — Добро бы чашка-то была новая; а то еще барыня покойница изъ нея никакъ лѣтъ десять пила!

— Да замолчишь ли ты? крикнула Бобелина на Глашку, которая впрочемъ все молчала и уже послѣ долгаго безмолвія рѣшилась произнести немногія приведенныя нами слова. — Ахъ ты, халда проклятая! Чѣмъ тебѣ горло-то заткнуть?... Ты ей слово, а она десять.

На дѣлѣ выходило противное: на каждое слово Глашки пришлось бы по сту словъ воинственной Бобелины.

Неизвѣстно, когда кончился бы споръ между этими двумя особами по поводу разбитой чашки, если бъ въ чайную не вошелъ Петенька, облеченный въ высокій галстукъ и коричневый фракъ съ золотыми пуговицами, и съ шляпою въ рукахъ.

— О чемъ это у васъ такое жаркое преніе? спросилъ онъ Бобелину.

— Посмотрите, Петръ Максимычъ, какая жалость! сказала она, показывая Петенькѣ на осколки. — Эта мерзавка разбила вашу чашечку.

— Ну такъ что жь за бѣда?

— Какъ что жь за бѣда? помилуйте! Это вы только можете сказать, потому-что у васъ такой добрый характеръ. Она, тварь, готова все перебить!... Только пялиться знаетъ на мужчинъ!

Какая-то тайная злоба заставляла въ этотъ день Бобелину ворчать на Глашку еще и прежде, чѣмъ она разбила петенькину чашку.

— Застегни мнѣ перчатку! сказалъ Петенька, обращаясь къ Глашкѣ.

— Что вы, Петръ Максимычъ? зачѣмъ вы даете ей? она своими лапищами только испачкаетъ. Позвольте, я....

— Что вамъ безпокоиться? Не все ли равно?

Когда Глашка застегивала перчатку, Петенька ущипнулъ ее. — Поступокъ этотъ не укрылся отъ глазъ Бобелины, и она съ досады громко зазвенѣла ложками въ полоскательной чашкѣ.

— Ну что же ты стоишь?... глаза-то уставила!... Ступай! сердито произнесла домоправительница, обращаясь къ горничной, когда перчатка была застегнута.

Глашка удалилась.

Петенька подошелъ къ Бобелинѣ сзади и положилъ ей одну руки на плечо.

— Оставьте меня, Петръ Максимычъ! сказала она самымъ обиженнымъ тономъ, ворочаясь на стулѣ.

Юноша поставилъ шляпу на окно.

— Что это у васъ сегодня за неприступность такая? а! спросилъ онъ, тыкая экономку пальцемъ подъ мышку.

Какъ ужаленная, Бобелина вскочила со стула и вскрикнула:

— Ахъ, Боже мой! Вы, кажется, знаете, Петръ Максимычъ, что я щекотлива!

— Экая ревнивица! проговорилъ Петенька. — Ну что вы сердитесь? Вѣдь я нарочно хотѣлъ побѣсить васъ.

— Грѣхъ вамъ, Петръ Максимычъ! сказала съ укоризной Бобелина, занимая снова свое мѣсто: — знавши мою къ вамъ любовь....

— Ну ладно, ладно! будетъ! помиримся! Налейте-ка лучше мнѣ чаю! Я вамъ говорю, только немножко побѣсить васъ хотѣлъ.

Петенька сѣлъ къ столу. Прошло нѣсколько минутъ молчанія.

— Вотъ вы бы лучше побѣсили Адама Адамыча! сказала Татьяна Васильевна, наливая чай. — Вы его давно ужь не затрогивали; а на него, право, любо-дорого посмотрѣть, какъ онъ сердится.

— Ахъ, вотъ въ самомъ дѣлѣ прекрасная мысль! Постойте, онъ придетъ!

— Пожалуста, хорошенько побѣсите его, Петръ Максимычъ! Я ужасно это люблю посмотрѣть. Вѣдь вамъ еще рано къ Юзгинымъ?

— Рано еще. Жаль только, что Василья Семеныча нѣтъ.

— За Васильемъ Семенычемъ послать можно.

— И посылать нечего: я здѣсь на лицо! сказалъ Закурдаевъ, входя: — и даже, какъ видите, въ полномъ облаченіи!

Онъ былъ во фракѣ и въ пуху.

— Куда это вы собрались? спросилъ Петенька.

— Къ предмету общей нашей страсти, Александрѣ Ѳоминишнѣ.

— Какъ это вы вздумали?

— Сидѣлъ, сидѣлъ или, лучше сказать, лежалъ, лежалъ — да и вздумалъ. У меня притомъ и дѣльце до нея есть.

— Какое? не секретъ?

— Нимало. Дернула меня нелегкая обѣщать ей сочинить что-нибудь для ея глупѣйшаго литературнаго вечера, такъ хочу спросить: на сколькихъ листахъ сочинить? Коли много захочетъ, такъ ничего не сочиню.

— Да вѣдь вечеръ завтра. Когда же вы успѣете?

— Чего тутъ успѣвать! Сѣлъ да и написалъ — сегодня же вечеромъ. А вы вѣрно тоже какое-нибудь посланьице принесете?

— Какъ же... Да вотъ еще пѣть буду дуэтъ съ Лизой Юзгиной, такъ сейчасъ иду спѣваться.

— Ахъ, да! Зачѣмъ же вы послать за мной хотѣли?

— А вотъ хочется намъ, Василій Семенычъ, вмѣшалась Бобелина: — посердить Адама Адамыча.

— Дѣло! Давно пора: онъ и то что-то больно пришипился.

— Это, я вамъ скажу, подозрительно, Василій Семенычъ! продолжала Бобелина. — Когда онъ этакъ присмирѣетъ — значитъ, скоро закуритъ. Ужь я замѣтила это.

— А я такъ объясню вамъ дѣло это совсѣмъ иначе. Эта глупая нѣмецкая физіономія врѣзалась и тѣломъ и душой.... въ кого бы вы думали?

— Въ мельничиху что-ли? спросила Татьяна Васильевна съ лукавой улыбкой.

— Нѣтъ, это само собою!... Я говорю про Александру Ѳоминишну. Вотъ избранница его сердца!

— Не можетъ быть! воскликнулъ Петенька. — Да вѣдь она надъ нимъ смѣется!

— Это ничего; онъ все-таки влюбленъ въ нее по уши. Попробуйте только заговорить о ней съ нимъ — увидите!

— Начните вы, Петръ Максимычъ! произнесла экономка.—Вы его разсердите больше, чѣмъ Василій Семенычъ...

— Тсс.... идетъ! перервалъ Закурдаевъ, ибо въ коридорѣ послышались шаги.

Адамъ Адамычъ точно не замедлилъ вступить въ чайную и однимъ почеркомъ головы засвидѣтельствовать почтеніе свое всѣмъ присутствующимъ. Лицо его было совершенно лишено движенія; казалось, глубокая дума лежала гнетомъ на его высокомъ челѣ. Молча присѣлъ онъ къ столу, какъ-бы продолжая размышлять о чемъ-то весьма важномъ.

Собесѣдники перемигнулись.

— Что это вы такіе невеселые, Адамъ Адамычъ? спросила Бобелина.

Адамъ Адамычъ поднялъ голову, но и не собирался отвѣчать.

— «Что ты замолкъ и сидишь одиноко?» крикнулъ нараспѣвъ Закурдаевъ, ударивъ Адама Адамыча ладонью по ляшкѣ — и такъ сильно, что мѣдная заслонка печи затрепетала при этомъ ударѣ.

— Ахъ, какъ ви испугаль мене! воскликнулъ нѣмецъ, вздрогнувъ и поблѣднѣвъ.

— «Дума лежитъ на угрюмомъ челѣ!» продолжалъ Закурдаевъ. — Дума, глубокая дума! О чемъ это, Адамъ Адамычъ?

Адамъ Адамычъ не отвѣтилъ и опять погрузился въ прежнее забытье.

Закурдаевъ толкнулъ локтемъ Петеньку.

— Какъ бы папаша не пришелъ! сказалъ Петенька съ видомъ опасенія.

— У папеньки гость какой-то, сказала Бобелина: — они приказали чай туда подать — въ кабинетъ.

— Александрина велѣла вамъ кланяться, сказалъ вдругъ Петенька, обращаясь къ Адаму Адамычу.

Наставникъ опять вздрогнулъ; но внимательно посмотрѣлъ на Петеньку и сталъ вслушиваться въ его слова.

— Очень, очень велѣла вамъ кланяться, продолжалъ Петенька: — и еще просила передать вамъ, чтобы вы не забыли своего обѣщанія.

Юноша коварно улыбнулся. Вдова вовсе не просила его передать что-либо Адаму Адамычу.

— Что находійтъ ви змѣшное? спросилъ съ видимою досадой наставникъ.

— Ничего. Это я такъ, постороннее вспомнилъ.

— Нѣтъ, постойте! постойте! вскричалъ Закурдаевъ: — не о постороннемъ рѣчь. Дѣло тутъ въ обѣщаніи! да! — Еще другомъ мнѣ считается, другомъ.... а ни гу-гу!... Вонъ ужь у васъ куда пошло, Адамъ Адамычъ! а!

— Я не знай.... что вамъ? что ви хочетъ? пробормоталъ сконфуженный нѣмецъ.

— Вонъ оно какъ! продолжалъ Закурдаевъ: — это не по нашему. Тутъ ужь дѣло идетъ на обѣщанія! Вонъ оно какъ!

Адамъ Адамычъ только двигался съ безпокойствомъ на стулѣ.

— И другу-то, другу-то.... вѣдь другомъ меня величаетъ.... мнѣ-то ни полсловечка! а! Какъ вамъ это кажется?

— Въ амурныхъ дѣлахъ всегда скрытничаютъ, замѣтила Бобелина самымъ ироническимъ тономъ.

Адамъ Адамычъ бросилъ на нее такой презрительный взглядъ, какого, я думаю, не случалось еще ему употреблять во всю свою долгую жизнь.

— Ну что вы на меня этакъ смотрите? продолжала Бо-

белина, нимало не стѣсняясь презрѣніемъ великаго мужа. — Ужь нечего! Что? видно досадно, что узнали тайну?

— Я не имѣю никакой тайна.

— А отчего же сконфузились? а! отчего сконфузились?

— Я — нѣтъ....

— Чего нѣтъ? Посмотрите, Василій Семенычъ! посмотрите, Петръ Максимычъ! макъ макомъ.

Бобелина принялась громко смѣяться.

— Покраснѣлъ! покраснѣлъ! восклицалъ съ хохотомъ Закурдаевъ.

— Гдѣ? сказалъ Адамъ Адамычъ, прикладывая руку къ щекѣ, которая была горяча какъ самоваръ, стоявшій на столѣ.

— Покраснѣлъ! покраснѣлъ! повторялъ Петенька, подпрыгивая на своемъ стулѣ и ударяя въ ладоши.

— Вотъ она, любовь-то! сказала Бобелина.

Закурдаевъ захлопалъ ладонью по своему лѣвому боку и восторженно произнесъ:

— Кипятокъ, канальство!... Да, кипятокъ! ключемъ бьетъ!

Адамъ Адамычъ сидѣлъ ни живъ ни мертвъ и чувствовалъ, какъ лицо его разгарается все больше и больше. Насилу собралъ онъ остатокъ силъ и смогъ проговорить, не глядя впрочемъ на присутствующихъ:

— Я обѣщаль битъ тамъ завтра, на вечеръ.

— Ну, нѣтъ! ужь это, съ позволенія сказать, дудки, почтеннѣйшій Адамъ Адамычъ! замѣтилъ Закурдаевъ. — Кому бы другому говорили, а не мнѣ! Вѣдь я васъ знаю, насквозь васъ проникъ. Да!... Да и сказалось ретивое — не даромъ вспыхнулъ.

— Ужь если, когда помянешь про какую особу, да человѣкъ разгасится этакъ, какъ вотъ Адамъ Адамычъ, присовокупила Бобелина: — такъ ужь это вѣрный знакъ, что особа эта предьметъ того человѣка.

— А что, Адамъ Адамычъ? спросилъ Петенька, садясь около своего почтеннаго наставника: — кто говорилъ, что того не слѣдуетъ дѣлать, этого не слѣдуетъ читать? А сами какой примѣръ подаете?

Адамъ Адамычъ чувствовалъ, что ему не сдобровать, и сидѣлъ неподвижно, какъ между двумя огнями, между Петенькой и Закурдаевымъ.

— Вотъ онъ гдѣ, Фоблазъ-то! воскликнулъ Закурдаевъ, чуть не тыча указательнымъ пальцемъ въ носъ чувствительнаго нѣмца.

— А еще мнѣ запрещалъ переводить! сказалъ Петенька.

— Um Gottes willen! оставте мене zufrieden! пролепеталъ нѣмецъ, торопясь допить стаканъ чаю, чтобы улизнуть поскорѣе отъ этой пытки; но чай былъ очень горячъ, и Адамъ Адамычъ едва могъ пропустить въ горло два глотка.

— Что вы жжетесь, Адамъ Адамычъ? сказала экономка, вся сіяя отъ удовольствія. — Дайте простыть чаю!

— Вѣдь онъ отчего вамъ не велѣлъ переводить этой книги? обратился эксъ-студентъ къ Петенькѣ. — Вѣдь я его знаю... это хитрецъ первой степени, даромъ-что нѣмецъ!... Тамъ его любовныя интриги описаны! да! — Ну, не правда что-ли? прибавилъ Закурдаевъ, трепля по плечу Адама Адамыча: — а!

— А! такъ вотъ вы каковы! Хороши же вы! кричалъ съ другой стороны Петенька.

— Боже мой! воскликнулъ Адамъ Адамычъ въ совершенномъ отчаяніи. — Ради Бога! скажитъ, что я.... за что ви хочетъ такъ мене мучитъ?

— Ахъ! какіе вы смѣшные, Адамъ Адамычъ! Съ вами говорятъ смѣхомъ, а вы сердитесь!

— Я не говору зъ вамъ, отвѣчалъ Адамъ Адамычъ на замѣчаніе Бобелины, съ досадою ставя недопитой стаканъ на

столъ и подымаясь съ мѣста. — Я не знай, что это.... Это — Hölle! адъ! Боже мой!

— Куда же вы? спросилъ Закурдаевъ: — да посидите! полноте! Поговоримте по душѣ.

— Мы оставимъ этотъ разговоръ, вмѣшался Петенька: — мы потолкуемъ о чемъ-нибудь философскомъ.

Петенька зналъ, что этими словами уколетъ мудраго наставника еще болѣе: философскій разговоръ, на который намекнулъ Петенька, состоялъ обыкновенно въ томъ, что юноша принимался нести самую дикую и безалаберную чушь о разныхъ важныхъ и серіозныхъ предметахъ единственно съ намѣреніемъ разсердить Адама Адамыча. Отъ этой глупѣйшей философіи любящій нѣмецъ впадалъ въ совершенное бѣшенство отчаянія.

Быстро схватился Адамъ Адамычъ со стула, взялся обѣими руками за голову и вышелъ стремглавъ изъ комнаты, повторяя: «О, Gott! Gott!... Das ist 'не мученье!»

Дружный хохотъ трехъ устъ проводилъ его за дверь.

Ероша себѣ волосы, шелъ Адамъ Адамычъ по коридору, и когда четверо младшихъ питомцевъ его, поспѣшавшихъ пить чай, чуть не сбили его съ ногъ, а Ганюшка по врожденной бойкости своего характера принялся-было что-то объяснять ему, Адамъ Адамычъ крикнулъ имъ: «Weg!» такимъ страшнымъ голосомъ, что у дѣтей опустились руки, и они медленнымъ и робкимъ шагомъ продолжали путь свой къ чайной.

Въ залѣ Адамъ Адамычъ наткнулся на какого-то толстаго господина, который выходилъ изъ кабинета господина Желнобобова.

Когда маститый старецъ увидѣлъ наставника своихъ чадъ въ такомъ свирѣпомъ и страшномъ видѣ, то выдвинулъ половину своего тѣла изъ дверей кабинета и сказалъ:

— Что ты? что ты, Адамычъ? а!... А ну, постой! постой! зайди-ка сюда!

Адамъ Адамычъ повиновался.

— Что съ тобой? что съ тобой? а!

Смущенный наставникъ вошелъ въ кабинетъ господина Желнобобова. Господинъ Желнобобовъ сѣлъ въ кресла у письменнаго стола и пригласилъ сѣсть и Адама Адамыча, чтобы быть гостемъ; потомъ спросилъ его о причинѣ такого растеряннаго его вида и крайняго смущенія.

Прерывающимся и робкимъ голосомъ сталъ говорить Адамъ Адамычъ, объясняя старику нанесенныя себѣ оскорбленія; но по свойственной ему манерѣ началъ онъ не прямо съ дѣла, а предварительно завелъ рѣчь о томъ, какъ надо держать въ рукахъ дѣтей съ мягкихъ лѣтъ младенчества, до чего доводитъ баловство, какъ портятъ отрока раннія удовольствія свѣтской жизни, какъ надо удалять всякой соблазнъ отъ непрояснившихся еще очей юноши, и въ особенности напиралъ на вредъ, который производятъ книги, даваемыя для чтенія молодымъ людямъ безъ всякого разбора; потомъ произнесъ онъ цѣлую длинную тираду о томъ, какія пагубныя слѣдствія производитъ невзнузданность воображенія, свобода воли, вольнодумство и прочее, и наконецъ посовѣтовалъ старцу Желнобобову прочесть сочиненіе господина Энгеля, автора «Свѣтскаго Философа», подъ заглавіемъ «Антипаросская Пещера», не вникнувъ въ то обстоятельство, что Максимъ Петровичъ никогда не занимался такимъ вздоромъ, какъ чтеніе какихъ бы то ни было книгъ.

Долго слушалъ Адама Адамыча господинъ Желнобобовъ, безпрестанно подъѣзжая нижнею губой къ носу и произнося: «а ну! ну!» Но самаго дѣла онъ не могъ дождаться, почему и прекратилъ совершенно внезапно длинную рацею наставника тѣмъ, что вдругъ всталъ, подставилъ свой носъ къ самымъ устамъ Адама Адамыча и произнесъ:

— А ну, дохни-ка на меня! дохни! Выпилъ сегодня? а! выпилъ? А ну, дохни!

Адамъ Адамычъ, окончательно уничтоженный этою выходкой, стремительно выбѣжалъ изъ комнаты и бросился къ себѣ на антресоли.

Онъ не обратилъ ни малѣйшаго вниманія ни на Пальму, которая сунулась-было къ нему поласкаться, ни на трубку, которая глядѣла съ гвоздика такъ пригласительно, не почистилъ даже зубовъ нюхательнымъ табакомъ и въ изнеможеніи и горѣ упалъ на свою узкую кроватенку. Онъ прижался горящимъ лицомъ къ жесткой подушкѣ, чтобы заглушить отчаянныя рыданія. Слезы градомъ текли изъ глазъ его; бѣдная голова была совсѣмъ растеряна.

Послѣ ухода Адама Адамыча изъ кабинета, Максимъ Петровичъ приплелся въ чайную и съ глухимъ и хриплымъ хохотомъ говорилъ экономкѣ:

— А каковъ нашъ нѣмчура-то?... каковъ? а!... Да что съ нимъ, Татьяна Васильевна?... запилъ онъ что-ли? а! закурилъ что-ли?

— Нѣтъ! нѣтъ! проговорила Бобелина, пуская такую трель смѣха, какъ-будто на полъ высыпали цѣлый кулекъ орѣховъ.

— Да что же? а! что же онъ?... Занесъ такую ахинею... выплеталъ, выплеталъ кружева.... А ну, нѣтъ конца! нѣтъ конца! Я ужь всталъ; думаю: что онъ? что онъ? «А ну, дохни!» говорю ему: «дохни! Коль выпилъ, такъ выпилъ.... А ну, Богъ тебя проститъ!»

Максиму Петровичу тотчасъ же объяснили самымъ комическимъ образомъ причину растройства наставника, и онъ, похохотавъ вдоволь, пошелъ погулять, а черезъ пять минутъ и совсѣмъ забылъ о случаѣ съ нѣмцемъ, точно такъ же, какъ и всѣ виновники его огорченія.

А между-тѣмъ Адамъ Адамычъ долго лежалъ внизъ лицомъ на кровати и горько плакалъ. Онъ не потрудился даже скинуть съ себя зеленый сертучокъ и развязать широкій гал-

стукъ. Пальма, несмотря на свою природную тупость, слыша раздирающія душу всхлипыванья своего хозяина, подошла къ постели, и въ качествѣ утѣшительницы принялась лизать ухо Адама Адамыча.

Мало-по-малу добрый нѣмецъ началъ успокоиваться, и когда наступили сумерки, благодатный сонъ сомкнулъ его раскраснѣвшіяся вѣки, и богъ сновидѣній, одаренный, какъ извѣстно, великою жалостію къ несчастнымъ, немедленно перенесъ Адама Адамыча въ какой-то чудный, обѣтованный край, и тамъ окружилъ его всѣмъ, что любитъ его сердце. Адамъ Адамычъ блаженствовалъ; правда, это было во снѣ; но зато блаженство это было полно и безъ всякой примѣси даже непріятныхъ воспоминаній. — Недолго впрочемъ блаженствовалъ нашъ герой, никакъ не больше часа ...

Чуткое ухо Адама Адамыча вдругъ заслышало легкій скрипъ двери. Онъ приподнялъ голову. Въ комнатѣ было уже довольно темно; синяя ночь смотрѣла въ открытое окно. Нѣмецъ не могъ ничего разглядѣть съ просонковъ и спросилъ:

— Кто здѣсь?

— Это я, произнесъ голосъ Дениски, который и вошелъ въ дверь.

Адамъ Адамычъ всталъ съ кровати, вздулъ огня и тогда уже спросилъ у пришедшаго, что ему понадобилось у него ночью.

— Да какая же еще ночь, сударь? спросилъ чеботарь. — Вамъ это со сна только показалось. Всего девять часовъ.

— Да? спросилъ удивленный нѣмецъ и поспѣшилъ посмотрѣть на свои часы, которые и убѣдили его въ совершенной справедливости словъ чеботаря.

— А я по секрету-съ, таинственно произнесъ Дениска.

— Что такой?

У Адама Адамыча кровь прихлынула къ головѣ. Событія этого вечера сдѣлали его чрезвычайно раздражительнымъ.

— А вотъ дѣло какое! объяснилъ Дениска: — сейчасъ сюда Парфенка забѣгалъ мельниковъ. Онъ съ самимъ мельникомъ въ городъ пріѣхалъ.

— Ну? нетерпѣливо спросилъ Адамъ Адамычъ.

— Ну, такъ вотъ просилъ онъ сказать вамъ, что Касьяновна васъ завтра къ себѣ ждетъ; Игнатьичъ, слышь, до вечера въ городѣ пробудетъ.... И наказывала, что очень дескать нужно.

— Харшо, проговорилъ сконфуженный Адамъ Адамычъ. — Иди!

— А у меня до васъ просьбица, Адамъ Адамычъ; только не прогнѣвайтесь!

— Что такой?

— Да вотъ два гривенничка бы надо-съ. Макарычъ все съ меня долгъ спрашиваетъ.

— Вотъ, возми! Больше тебѣ нишего не надо?

— Ничего-съ; покорно васъ благодарю, Адамъ Адамычъ. А что же, какъ вы? поѣдете что-ли?

— Это не казается до тебе.

— Слушаю-съ.

— Иди!

— Иду-съ.

Когда чеботарь удалился, Адамъ Адамычъ началъ расхаживать по комнатѣ, думая, какъ ему поступить лучше.... Завтра назначена литературная вечеринка у вдовы, и онъ долженъ быть заранѣе дома, чтобы прифрантиться «по порадку», какъ онъ обыкновенно выражался; когда же успѣть ему ѣхать завтра на мельницу? Развѣ нейти ко вдовѣ? Но это невозможно: онъ обѣщалъ; а обѣщанія свои Адамъ Адамычъ считалъ святыми. Къ тому же слишкомъ недѣля, которая прошла со времени его утренняго визита Александринѣ, была посвящена почти вся на отдѣлку небольшаго антологическаго и сентиментальнаго стихотворенія, которымъ мудрый

нѣмецъ расчитывалъ окончательно покорить сердце вдовствующей красавицы. Какъ ни смущали его въ настоящую минуту невольно вкравшіяся въ память его оскорбленія со стороны его недостойнаго ученика Петеньки и коварнаго друга Закурдаева, однако рѣшеніе его было твердо, и онъ нимало не колебался въ намѣреніи — непремѣнно идти на литературный вечеръ и доказать своимъ стихотвореніемъ всю преданность вдовѣ и всѣ свои лингвистическія познанія. Зато очень шатки были его намѣренія касательно поѣздки на мельницу, и онъ справедливо разсуждалъ, что завтра ему никакъ не сумѣть добыть себѣ лошадку безъ помощи лихаго Закурдаева; а съ Закурдаевымъ сойтись послѣ его злостныхъ выходокъ не находилось ни малѣйшей возможности. Идти же завтра пѣшкомъ туда и назадъ — сильно устанешь, потому-что не успѣешь тамъ и отдохнуть. А между-тѣмъ Адама Адамыча все-таки сильно тянуло къ Марьѣ Касьяновнѣ, и потому, поразмысливъ немного, онъ рѣшился на слѣдующее: немедленно снарядиться въ путь и отправиться по вечерней прохладѣ на мельницу, отдохнуть тамъ до утра, пострѣлять часокъ-другой и возвратиться домой часамъ къ двѣнадцати утра, чтобы хорошенько собраться съ духомъ къ страшному вечеру.

Нимало не медля, Адамъ Адамычъ привелъ въ исполненіе свое намѣреніе.... Онъ облачился въ свой охотничій сертукъ, надѣлъ охотничьи сапоги, зарядилъ ружье, однимъ словомъ, собрался какъ слѣдуетъ и, сопровождаемый Пальмою, отправился изъ дому.

При видѣ его, снаряженнаго такимъ образомъ, Макарычъ, игравшій въ лакейской съ чеботаремъ Денискою въ фильку и въ это время показывавшій ему изъ-подъ колѣнка кукишъ, не преминулъ отпустить какое-то острое словцо насчетъ любовныхъ шашней и сѣдыхъ волосъ. Хотя Адамъ Адамычъ и не понялъ вполнѣ через-чуръ русскаго выраженія Мака-

рыча, однако догадался, что дѣло идетъ объ немъ, и потому прошелъ какъ можно быстрѣе мимо игроковъ и вышелъ на улицу.

Ночь была довольно темна, потому-что мѣсяцъ еще не всходилъ; но Адамъ Адамычъ, зная хорошо топографію города, шелъ вѣрными шагами по тѣмъ самымъ мѣстамъ, по которымъ обыкновенно ѣздили на мельницу.

Кривой домъ исправника Юзгина былъ освѣщенъ, окна растворены, и до слуха почтеннаго наставника доносилось пѣніе двухъ голосовъ при слабомъ акомпаниментѣ фортепіанъ. Въ одномъ голосѣ узналъ онъ соловьиный напѣвъ Лизаньки, всегда нѣжившій его душу, въ другомъ ненавистный и фальшивый теноръ безнравственнаго и избалованнаго Петеньки. Оба голоса орали не на животъ, а на смерть, какой-то очень хорошій дуэтъ.

«Мимо! скорѣе мимо!» произнесъ нашъ герой, учащая шаги, и вся горечь, налитая Петенькою въ фіалъ его сердца, вскипѣла въ немъ.

Чуть не бѣгомъ пустился Адамъ Адамычъ подъ гору.

Въ жилищѣ чувствительной вдовицы всѣ окна тоже горѣли, и почти всѣ были отворены. Вѣтерокъ взвѣвалъ бѣлыя занавѣски, и изъ-за нихъ виднѣлись: фигура пріѣзжаго Погурова, крутящаго съ безбожнымъ постоянствомъ черные усы, и растрепанный Закурдаевъ. Яркій хохотъ вдовы раздавался почти по всей улицѣ въ то время, какъ Закурдаевъ держалъ какую-то рѣчь густымъ басомъ. Адаму Адамычу показалось, будто Закурдаевъ произноситъ его имя, и онъ еще скорѣе побѣжалъ далѣе, съ отчаяніемъ повторяя про себя: «Мимо! скорѣе мимо!»

Безъ дальнѣйшихъ приключеній, но съ глубокою, невыносимою тоской вышелъ онъ въ поле. Луна подымалась изъ-за горизонта, какъ-будто окруженная блестящимъ туманомъ; звѣзды молчаливо и весело сіяли на синей, гладкой ткани неба. Свѣжій вѣтерокъ пахнулъ въ лицо Адаму Адамычу.

Забубеньевъ со всѣми своими каверзами и гадостями, окружавшими свѣтлую любовь нѣмца, остался у него за спиной, а передъ нимъ лежали только поля безъ конца, золотимыя легкимъ свѣтомъ восходящаго мѣсяца. Какъ рама картины, чернѣлъ только край небосклона далекою рощей.

«Что можетъ быть краше и дружелюбнѣе лѣтней, свѣжей и свѣтлой ночи?» подумалъ Адамъ Адамычъ.

И скоро та сила, которая такъ властна надъ человѣкомъ, сила природы охватила все существо Адама Адамыча. Тишина полей, казалось, переходила мало-по-малу въ его чувства; кроткое мерцаніе мѣсяца лилось утоляющимъ бальзамомъ въ его страждущее сердце; каждое дуновеніе благовоннаго вѣтерка смахивало съ головы его какую-нибудь черную и непривѣтную думу. Гдѣ найти такого друга, какъ природа? Кто сумѣетъ быть столько постояннымъ въ своей красотѣ и не смутить насмѣшкой или злобой любующееся имъ око? Какая женщина охватитъ васъ такими теплыми и любящими объятіями и не устанетъ держать васъ въ нихъ столько, сколько вы хотите?

«Боже мой! какая прекрасная ночь! Какъ хорошо и легко стало мнѣ!» вскричалъ Адамъ Адамычъ, сходя съ дороги и бросаясь на свѣжую росистую мураву.

ГЛАВА VII.

Вотъ собака воетъ невдалекѣ; вотъ огонекъ мелькнулъ въ глаза; вотъ шумитъ, словно толпа бѣгущаго народу, вода, падающая изъ-подъ колесъ мельницы. Вотъ и серебро мѣсяца разсыпалось по знакомымъ кровлямъ, и свѣтлой лентой синѣетъ рѣка, опушенная дрожащею зеленью.

Вотъ собака притихла; вотъ залаяла хриплымъ горломъ — громче и громче, злѣе и злѣе.

Рука Адама Адамыча стучитъ въ калитку; скрипитъ дверь мельниковой избы; черная фигура заслоняетъ въ окнѣ свѣтъ.

— Кто тамъ? раздается голосъ Авдотьи, заглушаемый лаемъ пса, который завязилъ уже рыло въ подворотню.

— Я, отвѣчаетъ ночной путникъ.

— Да кто ты? спрашиваетъ Авдотья.

— Я, отвѣчаетъ снова нѣмецъ.

— Много вашего брата.... Я да я! Всякого лѣшаго знать! Говори имя что-ли! кричитъ наперсница мельничихи.

— Адамъ.... начинаетъ-было нашъ герой.

— Да что ты дашь? прерываетъ Авдотья, торопясь отдѣлаться отъ докучнаго гостя. — На что твою подачку-то? Что, у насъ постоялый дворъ что-ли?

— Я Адамъ Адамычъ, произноситъ наконецъ нѣмецъ.

— Ахъ, батюшки! да что же вы сейчасъ не сказали? говоритъ, перемѣняя тонъ, Авдотья. — А я, дура этакая, и не узнала по голосу-то!

Засовъ отодвигается, щеколда гремитъ, и калитка представляетъ свободный входъ пришельцу. Собака угомоняется.

— Кто тамъ, Авдотьюшка? кричитъ съ крыльца нѣжный голосъ Касьяновны, картинно озаренной свѣтомъ изъ-за полуотворенной двери.

— Жданый гость! отвѣчаетъ Авдотья. — Что есть въ печи, все на столъ мечи!

Прекрасная мельничиха выходитъ навстрѣчу своего почтеннаго друга, и очи его съ нѣгой покоятся на облитыхъ луною, бѣлыхъ, полныхъ, пышныхъ, лоснящихся плечахъ соблазнительницы, ибо на ней, на соблазнительницѣ, не накинуто даже кофты поверхъ юбки и сорочки.

Когда Адамъ Адамычъ вошелъ въ комнату, пріятный запахъ ужина началъ нѣжить его обоняніе.

— Садитесь! садитесь, Адамъ Адамычъ! говорила мельничиха.

— Я думаль, ви ужь спитъ, сказалъ гость.

— Какое? Мы вотъ все съ этимъ проклажаемся! сказала Касьяновна, указывая на столъ: — къ завтрему готовимъ.

На столѣ лежалъ кусокъ сыраго мяса съ воткнутымъ въ него ножемъ, кусокъ сала, кусокъ тѣста, кучка муки и скалка. Все это служило матеріаломъ, изъ котораго хозяйка дома, вмѣстѣ со своею приспѣшницей Авдотьей, приготовляла достойное олимпійской трапезы кушанье, называемое пельменями, которыхъ и было уже надѣлано больше полусотни въ широкой деревянной чашкѣ.

Обѣ дамы принялись за оставленную на нѣсколько минутъ работу. Адамъ Адамычъ снялъ охотничье бремя со своихъ плечъ и, присутствуя уже не въ первый разъ при процессѣ заготовленія пельменей, началъ формировать пальцами шарики изъ тѣста и раскатывать ихъ скалкою, а потомъ подкладывать поближе къ хозяйкѣ для должнаго начиненія говядиной и саломъ.

Бойкій разговоръ со стороны двухъ собесѣдницъ почтеннаго желнобобовскаго наставника и отрывистые, хотя не лишенные пріятности отвѣты и замѣчанія его самого, сокращали однообразное занятіе. Адамъ Адамычъ не преминулъ между-прочимъ выставить на дружное порицаніе обѣихъ дамъ скверное и двусмысленное поведеніе коварнаго Закурдаева и молокососа Петеньки.

Къ одиннадцати часамъ работа была кончена и за нею послѣдовалъ ужинъ, вполнѣ удовлетворившій моего героя. Именно что только было въ печи, все явилось на столъ: и густыя, подбитыя сметаной, дымящіяся щи, и жирный гусь, и каша съ творогомъ.

Ужинъ кончился; рты сотрапезниковъ были отерты, и чашка квасу утолила жажду всѣхъ.

— Спокойной ночи! пріятнаго сна! говоритъ Авдотья, выходя изъ комнаты.

Сальный огарокъ подобрался къ бумагѣ, обвертывавшей его конецъ; сало зашипѣло, свѣтильня согнулась, бумага вспыхнула.

Фф.... Уста красавицы погасили широкое пламя. Мракъ и ночь воцарились въ пріютной горенкѣ.

Собака опять завыла, глядя на полный мѣсяцъ, который безмятежно катится по звѣздному небу; вода журчитъ, свергаясь черезъ загородь плотины, — и въ хатѣ мельника всѣ заснули, и спятъ крѣпко и сладко....

Но не спитъ судьба, бодрствующая надъ гибелью людей, и не спитъ мельникъ Игнатьичъ въ конуркѣ своего добраго пріятеля, мѣщанина Прохорова, торгующаго разнымъ мелкимъ товаромъ, ветчиной и ржавчиной, битой посудой и козьимъ пухомъ. Игнатьичу предстоитъ славное дѣльце на завтрашнее утро, и заранѣе улыбается во мракѣ его полное лицо, и мысли самаго усладительнаго свойства озаряютъ его мозгъ.

По пріѣздѣ въ городъ, тучный мельникъ успѣлъ уже заготовить одно пріятное для своего благосостоянія обстоятельство. Мѣщанинъ Прохоровъ, по дружбѣ своей, доставилъ ему хорошаго покупщика, который объявилъ Игнатьичу, что купитъ у него всю заготовленную имъ муку по выгодной цѣнѣ, если только она будетъ найдена имъ въ желанномъ качествѣ.

«Завтра, завтра....» думаетъ мельникъ, ворочаясь на постели: «въ девять часовъ пріѣдетъ и посмотритъ.... А ужь на счетъ доброты.... Это ужь что и говорить! И сумнительства никакого нѣтъ. Жернова новые; трутъ, голубчики, молодецки.... Тоньше пыли мучица.... Не то что какъ вонъ въ Подзаборьѣ — перецъ, а не мука. — Одно плоховато.... Угощеньемъ какъ бы не подгадить! Извѣстно, человѣкъ не простой, не нашъ братъ мужланъ: купецъ третьей гильдіи. Кизлярка есть.... Шпунтикъ можно будетъ сварганить.... Закуска тоже хорошая: бѣлая рыбица провѣсная, икра паис-

ная.... Вотъ бы къ обѣду-то.... того.... Щи-то будутъ, а вотъ гуся-то малесовато осталось.... А самимъ, поди, не вдогадъ!—Эхма! плоходыровато!... Надо самому пораньше....»

Хотя соображенія эти и очень занимали духовный организмъ Игнатьича, однако тучная физика его была сильнѣе и превозмогла. Онъ заснулъ. Впрочемъ сонъ его былъ не крѣпокъ, и на зарѣ, только-что забрежжилось раннее лѣтнее утро, мельникъ всталъ со своего ложа, надѣлъ длинный кафтанъ и вышелъ изъ комнаты.

Въ сѣняхъ принялся онъ расталкивать рыжаго мальчишку, храпѣвшаго во всю ивановскую.

— Парфенка! а Парфенка! Вставай, шельмецъ! Ладь, поди, телегу! да напой буланку!—Да вставай, дурень! Ну что ты зенки-то трешь? Вставай!—Ишь ты! Поворотился.... Говорятъ тебѣ добромъ, вставай!

Говоря добромъ, Игнатьичъ ткнулъ Парфенку ногой подъ бокъ. Такое дружелюбное внушеніе заставило мальчишку вскочить.

Черезъ нѣсколько минутъ все было готово къ отъѣзду, и Игнатьичъ зашелъ только проститься со своимъ хозяиномъ, который тоже ужь не спалъ. Сообщивъ Прохорову свой планъ относительно возврата домой для приготовленія дорогому гостю приличнаго угощенія и передавъ ему просьбу — сказать купцу, что его, молъ, купца, ждутъ на мельницу къ девяти часамъ, Игнатьичъ сѣлъ въ свою таратайку и отправился на мельницу.

Чувства его были такъ преисполнены радостью отъ ожидаемой выгодной сдѣлки, что онъ не далъ даже ни одного подзатыльника Парфенкѣ, который на семи верстахъ къ мельницѣ принимался десять разъ дремать и то опрокидывался въ телегу, то тыкался носомъ впередъ, причемъ разъ чуть не клюнулъ буланку въ задъ.

Когда телега остановилась у воротъ мельникова обиталища и Парфенка припасалъ уже кулаки, чтобы ударить тревогу

въ ворота, Игнатьичъ заказалъ ему шумѣть, а спустился съ телеги, поставилъ мальчишку себѣ на плечо и велѣлъ ему лѣзть черезъ заборъ, чтобы не бударажить весь домъ въ такую раннюю пору.

Ворота отворились, и хозяинъ дома вступилъ на дворъ. Тутъ первымъ предметомъ, попавшимся ему на глаза, была звонкобокая Пальма, лежавшая у крыльца. Предметъ этотъ былъ такъ знакомъ мельнику, что не удостоился даже его вниманія.

Игнатьичъ вошелъ въ сѣни и взялся за ручку двери, ведущей въ горницу; но тотчасъ же подумалъ, что отворить дверь — попытка тщетная, ибо она конечно на крючкѣ. Благоразумно разсуждая, что гораздо лучше разбудить сначала Авдотью въ чуланѣ, онъ уже хотѣлъ выпустить скобу изъ кулака; но дверь, поддаваясь самому легкому давленію руки, заскрипѣла на несмазанныхъ петляхъ и стала отворяться.

За занавѣсками кровати, стоявшей въ углу горницы, слышалось легкое храпѣніе; но при стукѣ, произведенномъ затворяемою дверью, мельничиха проснулась и соннымъ голосомъ спросила изъ-за полога:

— Это ты, Авдотья?

— Нѣтъ; это я, Касьяновна! сказалъ мельникъ.

Марья Касьяновна съ широкими отъ испуга и изумленія глазами высунулась изъ-за полога.

Въ ту же самую минуту глаза мельника наткнулись на охотничій кафтанчикъ Адама Адамыча, висѣвшій на спинкѣ бѣлаго стула, и на другія принадлежности его наряда, помѣщавшіяся на плетенкѣ того же стула.... Страшная мысль мелькнула у него въ головѣ, и онъ голосомъ, получившимъ интонацію большаго набатнаго колокола, прорычалъ такія слова:

— Ну что глаза-то выпучила? чего испужалась?

— Я ничего не испужалась.... начала мельничиха, сое-

диняя одною рукой распахивавшіяся полотнища полога. — Чего мнѣ пужаться?

— Чего-те пужаться? съ глухимъ хохотомъ проговорилъ Игнатьичъ: — а чьи сапоги?

— Чьи? Адама Адамыча....

Любезный герой нашъ пробудился въ ужасѣ при громкомъ произнесеніи мельничихой его имени.

— А камзолъ чей? продолжалъ допрашивать мельникъ голосомъ, переходившимъ все въ болѣе и болѣе густые тоны: — а штаны чьи?

— Его же.... смиренно отвѣчала Марья Касьяновна, начинавшая уже трепетать отъ звука мужниныхъ словъ.

— А самъ гдѣ? спросилъ наконецъ Игнатьичъ, держась руками за бока.

— Самъ онъ.... отвѣчала совершенно опѣшившая супруга: — самъ онъ....

Тутъ послѣдовала трагическая сцена.

— Батюшка, не бей! кричала мельничиха: — голубчикъ, не бей!

. . . .

Адамъ Адамычъ собрался бѣжать; мельникъ былъ совершенно погруженъ въ пучину своего бѣшенства и въ громѣ собственныхъ рѣчей не разслышалъ не совсѣмъ тихихъ движеній Адама Адамыча. Но когда сей послѣдній, облеченный уже въ сапоги, выскользнулъ вдругъ изъ-за полога, и хотѣлъ-было захватить по дорогѣ все свое платье со стула, а потомъ дать тягу въ дверь, Игнатьичъ остановилъ его слѣдующимъ перуномъ своей громоносной рѣчи, оставляя волосы несчастной жены:

— Куда, колбасникъ?... Улизнуть хочешь? а! — Погоди! Ты у меня не уйдешь! Я тебя, стараго чорта, проучу! Парфенка! а Парфенка!

Парфенка впрочемъ не явился.

— Постой! Погоди! Ты что? Вѣдь ты, колбаса, такой же мужикъ, какъ и я. Что ты, дворянинъ что-ли, подлые твои буркалы? а! Треклятый ты этакой чортъ! Да я въ тебѣ ребра живаго не оставлю!

Мѣра терпѣнія Адама Адамыча наконецъ переполнилась, когда жилистая и крѣпкая какъ сталь ручища Игнатьича готовилась повидимому заушить его или по крайней мѣрѣ ухватить за волосы. Какъ только замѣтилъ онъ такой превосходящій границы всякого приличія порывъ мельника, тотчасъ же съ удивительною ловкостью наклонился и вырвался изъ рукъ истязателя. Дѣломъ одной минуты было для него схватить со стула всю свою одежду и броситься къ выходу. Но мельникъ не выпустилъ его безъ всякого вреда изъ своей хаты: пяткой правой ноги далъ онъ ему такого толчка въ спину, что Адамъ Адамычъ ударился головой о косякъ двери и раскроилъ себѣ ухо.

Ошеломленный, поруганный и взбѣшенный, не произнося ни полслова, выбѣжалъ онъ въ сѣни. Мельникъ и тутъ не оставилъ его безъ преслѣдованія и, схвативъ что-то длинное и твердое въ углу сѣней, не то метлу, не то кочергу, такъ хватилъ имъ въ тылъ злополучнаго нѣмца, что тотъ слетѣлъ съ крыльца, какъ говорится, шеметомъ.

Тощая Пальма, въ которой никто никогда не подозрѣвалъ способности лаять или кусаться, при видѣ горестнаго пораженія своего хозяина и злодѣйственныхъ поступковъ мельника, бросилась на Игнатьича со свирѣпымъ лаемъ и принялась рвать ему широкія порты и кусать его за тучныя ляшки. Какъ ни билъ ее мельникъ тѣмъ орудіемъ, которымъ окончательно поразилъ Адама Адамыча, Пальма не унималась — и отстала только тогда, когда господинъ ея выбрался, прихрамывая, за ворота. Мельникъ принялся-было травить ее своею дворнягой; но дворняга не двинулась съ мѣста въ погоню за Пальмой, хотя и лаяла, вздирая морду кверху.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что по уходѣ Адама Адамыча разыгралась на мельницѣ не одна сцена самаго трагическаго свойства и колорита, но авторъ, не желая входить слишкомъ далеко въ семейныя тайны, опускаетъ здѣсь завѣсу на всѣ мельничныя происшествія и обращается прямо къ главному предмету своего расказа.

Адамъ Адамычъ на мельничномъ мосту успѣлъ снарядиться какъ слѣдуетъ и исправить все несовсѣмъ приличное неглиже своего одѣянія. При этомъ онъ съ горестью замѣтилъ, что нѣтъ съ нимъ пистонницы, которую онъ положилъ на столѣ въ мельниковой горницѣ, и что обронилъ онъ, вѣроятно въ сѣняхъ, одну изъ подтяжекъ.

Парфенка, повстрѣчавшійся ему на мосту, увидавъ его туалетъ и смущеніе, немедленно смекнулъ, что дѣло неладно, а потому остановился, сдѣлалъ какую-то весьма непристойную гримасу и потомъ задудилъ чуть не подъ самое ухо моего героя какую-то глупую пѣсню на глиняной уткѣ съ двумя дырами въ боку и въ хвостѣ.

Когда же Адамъ Адамычъ отправился далѣе и, чувствуя сильную боль въ правой ногѣ, очень замѣтно прихрамывалъ, Парфенка захохоталъ и кричалъ ему вслѣдъ:

— Эхма! Кониковъ-то пара, да и тѣ не разомъ берутъ. Припопонивай пристяжную-то, баринъ!

Странная вещь! какъ наканунѣ, когда Адамъ Адамычъ вышелъ изъ городу, чтобы идти къ мельницѣ, всякое явленіе умиряло его душевное безпокойство и вносило утѣшеніе въ его разбитое сердце, такъ теперь каждый предметъ, попадавшійся на глаза нашему герою, производилъ въ немъ больше и больше тревоги. Мельничныя колеса, казалось, подтрунивали надъ нимъ; лошадь, ковылявшая на лужайкѣ за мостомъ съ треногой на переднихъ ногахъ, какъ-будто укоряла его, что и онъ ковыляетъ; свинья, просунувшая глупую голову въ плетень околицы, представлялась ему живымъ укоромъ,

какъ-будто говоря, что вотъ, дескать, «и я, вислоухая, съ обоими цѣлыми ушами, а у тебя, добраго человѣка, одно въ кровь расшибено!» зеленыя кобылки выскакивали изъ зеленой же травы словно для того, чтобы показать Адаму Адамычу все преимущество своихъ ногъ передъ его некорыстной парой. Даже само яркое солнце, весело горѣвшее на свѣтломъ небѣ, казалось, для того только сіяетъ, чтобы озарять своими лучами всю глубину позора злосчастнаго нѣмца. Грустно, страшно-грустно было ему, и неизмѣримо-длинна казалась ему семиверстная дорога до города. Никакое утѣшеніе и не думало заглядывать въ его сердце — и неоткуда было явиться этому утѣшенію!

Возвратился Адамъ Адамычъ въ сѣренькія стѣны своей комнатки въ то самое время, какъ семейство господина Желнобобова занималось распиваніемъ чая. Никакъ не надѣялся онъ придти такъ рано и глубоко раскаивался въ своемъ необдуманномъ рѣшеніи пуститься вчера въ ночь на мельницу.

«Что бы идти мнѣ сегодня!» думалъ онъ. «Ничего бы подобнаго не могло случиться. Какъ покажусь я сегодня тамъ?...»

Подъ словомъ «тамъ» Адамъ Адамычъ разумѣлъ литературно-художественное собраніе въ домѣ любознательной и чувствительной вдовицы.

Наведенный этою мыслію на обсужденіе настоящаго своего положенія, герой нашъ тщательно обмылъ холодною водой свое раненое ухо, залѣпилъ его англійскимъ пластыремъ и завязалъ черной косынкой. Потомъ принялся-было выправлять свою хромую ногу, но ноги не выправилъ, а произвелъ въ ней еще сильнѣйшую боль.

Во время этой операціи казачокъ Алешка явился звать Адама Адамыча кушать чай; но Адамъ Адамычъ поручилъ сказать, что такъ-какъ онъ ходилъ на тягу вальшнеповъ и только-что воротился очень усталый, то проситъ чай прислать на верхъ, въ его комнатку.

Послѣ чая засѣлъ онъ перечитать и нѣсколько поисправить стоившее ему великихъ трудовъ стихотворное произведеніе на русскомъ діалектѣ, приготовленное къ вечеру Александрины. Онъ нашелъ въ немъ нѣсколько погрѣшностей, и потому разсудилъ переписать его снова. Для этой цѣли Адамъ Адамычъ взялъ чрезвычайно красивый листокъ почтовой бумаги свѣтло-лиловаго цвѣта съ золотымъ бордюромъ и на него перенесъ неразъ перемаранныя строки своего стихотворенія.

Безконечнымъ казался ему настоящій день, потому-что его безпрестанно тревожило ожиданіе вечера. Какое-то тоскливое чувство, нѣчто въ родѣ предчувствія не то горя, не то радости, волновало его душу. За что ни принимался онъ, читать ли книгу, курить ли трубку, мечтать ли — посидѣвъ минутъ съ пятнадцать, онъ глядѣлъ на свои часы, думая, что время подвинулось на цѣлый часъ къ назначенному вдовою термину; но время, какъ-будто въ пику Адаму Адамычу, шло чрезвычайно медленно.

Самъ собственноручно приготовилъ Адамъ Адамычъ все, что должно было дать ему торжественный видъ въ этотъ вечеръ: и черный фракъ, давно-давно сшитый и рѣдко надѣвавшійся, и брюки со штрипками, и жилетъ лиловый съ малиновыми цвѣточками, украшенный стеклянными пуговками — праздничный жилетъ! Сапоги свои Адамъ Адамычъ нѣсколько разъ обдувалъ и подносилъ къ окну, на солнце, посмотрѣть, не потускнѣлъ ли ихъ глянецъ. Стихотвореніе, свернутое трубочкой и обвязанное розовой ленточкой, лежало на столѣ совсѣмъ готовое къ прочтенію.

Но какъ ни занятъ былъ герой нашъ ожиданіями литературно-художественнаго вечера и приготовленіями къ нему, безпрестанно втѣснялась въ его голову скорбная мысль объ утреннемъ происшествіи и тяжелымъ камнемъ налегала на его темя.

Вечеръ наконецъ наступилъ.... Пробило семь часовъ.

ГЛАВА VIII.

Все лучшее общество Забубеньева собралось на вечеръ къ любезной вдовицѣ, отыскивавшей Чацкаго.

Вы можетъ-быть неразъ уже сѣтовали на меня, читатель, что я останавливаюсь слишкомъ долго передъ лицами, которыхъ безъ ущерба для исторіи Адама Адамыча могъ бы прейти молчаніемъ. Сердитесь и вините меня, сколько хотите, а въ настоящей главѣ я не могу удержаться, чтобы не представить вамъ избранный кругъ Забубеньева, собравшійся на торжество искуствъ къ прекрасной Александринѣ.

Какихъ достойныхъ людей не было на этомъ вечерѣ! Господи Боже мой! что за люди! И гдѣ же сосредоточилось такое по преимуществу отборное человѣчество? Въ маленькомъ городкѣ, который гордый столичный житель честитъ названіемъ глуши, захолустья и деревенщины; въ тихомъ, скромномъ, буколически-пріютномъ Забубеньевѣ.

Сіяютъ зала и гостиная, озаренныя кенкетами и лампами; меланхолическій свѣтъ бросаетъ на обдуманную обстановку уютнаго будуара подвѣшенный въ чащѣ плюща китайскій фонарикъ.

Свѣтлый домъ чувствительной вдовицы кишитъ гостями.

Вотъ они! вотъ достойные члены достойнаго забубеньевскаго общества!...

Вотъ городничій Перепелкинъ, длинный и тонкій какъ дигиль, но зато чрезвычайно любезный съ дамами, несмотря на ужасную ревность жены, крохотной черненькой дамочки съ желтоватымъ лицомъ. Что за удивительный тонъ! что за невыразимая прелесть обхожденія! Стоитъ только нечаянно оглянуться какой-нибудь барышнѣ, и Перепелкинъ бѣжитъ уже съ тарелкой варенья или со стаканомъ воды.... такъ предупредителенъ! Нѣсколько суровый съ подчиненными и

въ присутствіи ихъ прямой какъ верста, въ женскомъ обществѣ онѣ мягокъ какъ воскъ и гибокъ какъ угорь.

Зато супруга его, обладающая страшнымъ количествомъ желчи, въ женскомъ обществѣ становится еще сердитѣе. Вмѣстѣ съ нѣкоею дѣвицей Полетаевой, своею приживалкой, тоже чрезвычайно злой, хотя и горбатой, онѣ постоянно насмѣшничаютъ надо всѣми.

Эти два женскихъ лица нужны были вѣроятно для забубеньевскаго общества какъ тѣнь въ картинѣ, и это единственная тѣнь его.

Посмотримъ далѣе!

Вотъ господинъ Сафьяновъ, судья, человѣкъ немолодой, но стоящій молодаго. Щеки пышутъ пурпуромъ здоровья, и животъ играетъ почти главную роль въ его фигурѣ; тѣмъ не менѣе онъ человѣкъ чрезвычайно начитанный, что съ перваго же разу видно изъ его разговора.

Вотъ дама, очень хорошая и бывалая дама, мадамъ Дергачова, вдова, сестра исправника Юзгина. Единственная слабость ея — любовь къ ближнему. Нѣтъ ни одного столь незначительнаго происшествія въ городѣ, которое не возбудило бы ея участія. Какъ-то случилось, что учитель уѣзднаго училища Митрофановъ, человѣкъ совершенно ей незнакомый, разбилъ себѣ затылокъ во время гололедицы. Обстоятельство это, дойдя до ея свѣдѣнія, такъ потрясло ее, что она была цѣлый день какъ помѣшанная, и чтобы разсѣяться и раздѣлить свое соболѣзнованіе, поѣхала къ Марѳѣ Петровнѣ Юзгиной, къ Софьѣ Алексѣвнѣ Перекандовской, однимъ словомъ, ко всѣмъ своимъ знакомымъ въ городѣ. Сердце ея такъ нѣжно, что даже радостныя происшествія производятъ на нее такое же впечатлѣніе.

Марѳа Петровна Юзгина и Софья Алексѣвна Перекандовская — тоже дамы превосходныя. Эстетическая разборчи-

вость въ туалетѣ первой и образованность послѣдней достойны всякого вниманія.

Марѳа Петровна, несмотря на то, что у нея дочка ужь подрастаетъ въ невѣсты, все еще очень привлекательна и одѣвается съ удивительнымъ вкусомъ. Она выписываетъ и шляпы, и чепцы, и платья прямо изъ губернскаго города. Гармоническое соединеніе цвѣтовъ постигнуто ею въ тонкости: если шляпка на ней желтая, то платье всегда малиновое; если платье голубое, то мантилья непремѣнно зеленая.

Софья Алексѣвна столько же отличается своею образованностью и начитанностью, сколько Юзгина вкусомъ. Поэзія русская знакома ей очень коротко, и сужденія ея о разныхъ писателяхъ чрезвычайно вѣрны, хотя и не отличаются разнообразіемъ. По ея мнѣнію, Ломоносовъ мило пишетъ, Державинъ очень мило пишетъ, а Пушкинъ премило пишетъ. Замѣтьте, какая тонкость выраженія! пишетъ, а не писалъ! Всякой разомъ смекнетъ, что писатели эти никогда не умрутъ.

Мужъ Софьи Алексѣвны, Матвѣй Антонычъ Перекандовскій, уѣздный стряпчій, человѣкъ чрезвычайно положительный, и часто говоритъ Софьѣ Алексѣвнѣ, когда она примется разговаривать объ ученыхъ предметахъ, что она, душенька, зарапортовалась, а потому знала бы чулки да свивальники, что весьма огорчаетъ Софью Алексѣвну. Единственная нѣжная черта въ характерѣ Матвѣя Антоныча — чрезвычайная любовь къ дѣтямъ, которыхъ у него очень много. Для каждаго изъ нихъ нѣжный родитель имѣетъ въ запасѣ по нѣскольку самыхъ ласкательныхъ именъ. Ущипнетъ за щеку и скажетъ: «Ахъ ты, фигурантъ этакой!» или: «Ахъ ты, физикъ этакой!» Называетъ иногда и професоромъ, и камчадаломъ, и карбышемъ, и фанатикомъ, и скептикомъ, и шарманщикомъ. Случалось даже, что восклицалъ иногда: «Ахъ ты, карандашъ этакой!»

Вотъ еще одинъ замѣчательный господинъ: пріѣзжій изъ

губернскаго города, управляющій питейнымъ откупомъ Сольвычегодовъ, человѣкъ безъ затылка, но зато съ брюшкомъ, увѣшеннымъ цѣлой дюжиной всякихъ печатокъ. Онъ много видалъ, и бывалъ въ столицахъ; а нынче только-что возвратился съ нижегородской ярмонки и все расказываетъ, чрезвычайно пріятно картавя, про какую-то «актъизу», которая славно поетъ, хотя и дѣлаетъ «гъимазы».

Вотъ молодой человѣкъ очень пріятной наружности и высокаго роста, мосьё Подмикиткинъ, до невѣроятія разбитной и ловкій, совершенный живчикъ! Дамы очень къ нему благоволятъ; но особенное участіе принимаютъ въ немъ три дѣвицы Дергачовы, всегда одѣтыя въ одинаковыя платья, очень образованныя дѣвицы, хотя и нѣсколько заматерѣлыя въ безбрачномъ состояніи....

Но мнѣ придется говорить слишкомъ много, если я вздумаю представлять вниманію читателя поодиночкѣ всѣхъ членовъ прекраснаго забубеньевскаго общества.... Довольно, если я скажу, что остальные представители его такіе же достойные люди, какъ и упомянутые мною гости Александры Ѳоминишны. Однимъ словомъ, забубеньевское общество — премилое общество, какъ сказала бы Софья Алексѣвна.

Нечего и говорить, что, кромѣ всѣхъ поименованныхъ гостей, на вечерѣ милой вдовы находился и крутящій безбожно усы и совершенно безцеремонный пріѣзжій Погуровъ; и штабъ-лекарь Шелопаевъ, умащенный розовымъ масломъ, котораго прописывалъ изъ аптеки по полуфунту ежемѣсячно, прибавляя на рецептахъ: pro me; и Лизанька Юзгина въ локончикахъ, съ открытой шейкой и въ панталончикахъ съ кружевцемъ; и буйный эксъ-студентъ Закурдаевъ во фракѣ и, какъ водится, въ пуху; и вольнодумецъ Петенька, и достопочтенный его родитель Максимъ Петровичъ — лица, болѣе или менѣе уже знакомыя читателю.

Въ углу гостиной сидѣлъ и герой нашъ, прибранный по

праздничному, но все еще неговорливый и угрюмый, съ подвязанною щекой.

Хозяйка, обладая одной ей свойственною любезностью, не оставила ни одного гостя безъ нѣсколькихъ привѣтливыхъ словъ. Адама Адамыча спросила, отчего у него подвязана щека, и получивъ въ отвѣтъ, что у него болятъ зубы, чрезвычайно мило выразила свое о томъ сожалѣніе. У Маревы Петровны спросила, скоро ли пріѣдетъ изъ уѣзда ея супругъ. Услыхавъ расказъ Сольвычегодова о нижегородской «актъизѣ», лукаво погрозила ему пальцемъ и назвала его куртизаномъ.... Однимъ словомъ, каждому сказала что-нибудь очень любезное.

Наконецъ послѣ того, какъ взятый для послугъ отъ господина Желнобобова казачокъ Алешка разнесъ чай, художественное торжество начало понемногу устроиваться.

Въ залѣ составился бостонъ изъ Максима Петровича, губернскаго откупщика, вдовы Дергачовой и стряпчаго Перекандовскаго. Какъ люди несочувствующіе успѣхамъ изящныхъ искуствъ, они не должны были мѣшать своею зѣвотой полнотѣ торжества.

Городничій, при всемъ томъ, что питалъ сильную страстишку къ картамъ, никакъ не могъ измѣнить своему влеченію къ прекрасному полу, и потому перегибался чуть не въ три погибели передъ тремя Дергачовыми, говоря имъ вещи самаго милаго свойства.

Пожилыя дамы, какъ-то городничиха, исправничиха и стряпчиха, помѣстились на диванѣ въ гостиной и вынули изъ ридикюлей разныя работы — прошивки, чулки и тому подобное. Горбатая приживалка городничихи приткнулась гдѣ-то за диваномъ, у самаго уха Перепелкиной, и безпрестанно нашептывала ей всякія колкія замѣчанія, отъ коихъ у обѣихъ пріятельницъ губы сводило иронической улыбкой. Судья, какъ человѣкъ тонкаго ума и обхожденія и весьма способный

для дамскаго общества, помѣщался на креслѣ около пожилыхъ дамъ.

Закурдаевъ, повидимому очень хорошо сошедшійся съ усатымъ Погуровымъ, стоялъ съ нимъ въ дверяхъ залы, подсмѣиваясь надъ дѣвицами Дергачовыми, передъ которыми юлили городничій и вертлявый Подмикиткинъ. Дѣвицы Дергачовы чрезвычайно быстро шагали изъ залы въ гостиную и обратно, и производили платьями ужасный вѣтеръ, отъ котораго можно было очень легко получить флюсъ и зубную боль.

Петенька стоялъ передъ Лизанькой Юзгиной, которая сидѣла въ большомъ креслѣ въ будуарѣ вдовы, и признавался ей въ любви, отъ чего уши Лизаньки сдѣлались краснѣе кумача.

Только герой нашъ былъ одинокъ и сосредоточенъ въ самомъ себѣ на этомъ вечерѣ.

Замѣтивъ такое невеселое расположеніе нѣмца, Закурдаевъ собрался уже подойти къ нему, хватить его ладонью по ляшкѣ и возгласить: «Что ты замолкъ и сидишь одиноко?» Но не успѣлъ.

Въ гостиной показалась плѣнительная хозяйка. Она остановилась посреди комнаты, съ пріятностью закатила половину сѣрыхъ зрачковъ подъ лобъ и произнесла:

— Не пора ли намъ и начать?

Къ этому прибавила она нѣсколько словъ о пользѣ просвѣщенія, о развитіи талантовъ, словъ, которыхъ мы не приводимъ, боясь какъ-нибудь исказить ихъ своимъ неискуснымъ перомъ.

Потомъ вдова вошла въ свой будуаръ и вывела оттуда Петеньку и Лизаньку, и усадила послѣднюю за фортепіаны въ залѣ, а Петенькѣ указала мѣсто за стуломъ его дамы.

Разбитыя клавиши издали смутный звукъ, и два голоса залились дуэтомъ. Петенька напрягалъ всю силу своего горла;

плечи Лизаньки, отъ усильнаго акомпанимента, совсѣмъ вылѣзли изъ предписанныхъ имъ границъ.

Громкое одобреніе дѣвицъ Дергачовыхъ, Погурова, Подмикиткина и самой хозяйки наградило пѣвцовъ, когда они кончили.

Господинъ Желнобобовъ воскликнулъ:

— А ну, ничего! ладно спѣто! Только ты, Петя, только ты.... А ну, вамъ ходить! (обратился онъ къ Перекандовскому.) Ты только больно орешь, Петя!

Сольвычегодовъ при сей вѣрной оказіи замѣтилъ что-то о «гъимазахъ» нижегородской «актъизы».

Стряпчій, знавшій Петеньку съ раннихъ лѣтъ, обратился было къ нему, вѣроятно для того, чтобы сказать: «Ахъ ты, фокусникъ этакой!» или: «Ахъ ты, филантропъ этакой!» Но былъ остановленъ вдовой Дергачовой, которая не любила, когда во время игры говорятъ о постороннемъ.

— Молодецъ! возгласилъ Закурдаевъ, трепля Петеньку по плечу: — славно отколол дуэтецъ!

Дамы, сидѣвшія въ гостиной и опустившія во время пѣнія свои работы на колѣни, нашли нужнымъ сдѣлать тоже нѣсколько замѣчаній. Блестящая начитанностью Софья Алексѣвна сказала, отчасти съ цѣлью польстить исправничихѣ, что Лизанька премило поетъ и что у нея много акустики; на это господинъ Сафьяновъ, не желавшій уступить Перекандовской въ красотѣ выраженій, замѣтилъ, что его оптика совершенно согласна съ ея оптикой.

Горбунья пустила какую-то злобную штуку въ ухо городничихѣ, и та совершенно неожиданно выказала рядъ зубовъ, такихъ желтыхъ, какъ-будто и они были одержимы желчью.

Штабъ-лекарь Шелопаевъ, все начало вечера проведшій въ буфетѣ, только тутъ явился въ залу; но замѣчанія никакого не сдѣлалъ, справедливо полагая, что городничій вѣрно

ужь все объяснитъ, потому-что сильно размахиваетъ и вывертываетъ руками и ногами передъ покраснѣвшей Лизанькой.

Затѣмъ послѣ варенья, разнесеннаго гостямъ и сильно повидимому занимавшаго городничаго, ибо онъ безпрестанно совался къ подносу съ цѣлью угодить дѣвицамъ, послѣ варенья повѣсть, сочиненная Закурдаевымъ въ одинъ присѣстъ на рваныхъ и чумазыхъ лоскуткахъ, должна была усладить гостей Александрины. Поэтому всѣ, кромѣ игроковъ да штабъ-лекаря, который опять отправился въ буфетъ, усѣлись въ гостиной.

Закурдаевъ придвинулся со своимъ стуломъ къ столу и сказалъ:

— Извините, если мало будетъ связи! торопился.... Да и вообще, надо замѣтить, слогъ у меня отрывистый.

— Читайте! читайте! воскликнули въ одинъ голосъ дѣвицы Дергачовы.

Такъ-какъ одна изъ этихъ дѣвицъ, произнося означенныя слова, кивнула головой, то Перепелкинъ, принявъ этотъ кивокъ за выраженіе какого-то тайнаго желанія, бросился было подать ей варенья. Варенья однакожь не оказалось ни въ одномъ углу, и потому онъ долженъ былъ угомониться.

— Начинаю! произнесъ Закурдаевъ. — Глупѣйшая моя исторія не будетъ длинна.

И онъ началъ читать по вынутымъ изъ кармана четверткамъ и осьмушкамъ свою повѣсть.

. . . .

— Вотъ, и вся тутъ, не долга! сказалъ экс-студентъ, засовывая въ карманъ свои лоскутки.

Повѣсть произвела на трехъ дамъ, сидѣвшихъ на диванѣ, непріятное впечатлѣніе; горбунья свиснула даже на ухо городничихѣ самое нравственное «фи!» Дѣвицы Дергачовы ничего не сказали. Лизанька ничего не поняла, хотя и была довольно умная и дальновидная дѣвушка. Зато вдова подошла вмѣстѣ съ Погуровымъ благодарить автора.

Погуровъ взялъ его за руку и сказалъ:

— Мѣтко схвачено!

Александрина пожимала другую руку Закурдаева и повторяла:

— Вы геній! вы геній, Василій Семенычъ! Отчего вы такъ мало пишете?

— Я ничего не пишу, отвѣчалъ, кланяясь, Закурдаевъ.

Адамъ Адамычъ, съ тоскою смотрѣвшій на эту сцену, не могъ понять, что хорошаго нашла прекрасная вдовица въ исторіи, сочиненной Закурдаевымъ.

«Ужь если такая дрянь могла понравиться, то что же ожидаетъ меня?» думалъ онъ, ощупывая въ боковомъ карманѣ фрака листокъ, связанный розовой ленточкой.

Онъ уже, казалось, предвкушалъ свой будущій тріумфъ.

Вдовица подошла къ старшей дѣвицѣ Дергачовой и просила ее сыграть что-нибудь на фортепіанахъ. Дѣвица Дергачова не замедлила грянуть какую-то мазурку.

Вдовица, умѣвшая распредѣлить удовольствія своего вечера, рѣшилась вслѣдъ за игрою Дергачовой выставить на посмѣяніе всѣхъ нашего героя, и потому подсѣла къ Адаму Адамычу въ то время, какъ въ залѣ бойко выработывалась на разбитыхъ фортепіанахъ мазурка. Несмотря на громогласное разсужденіе Сафьянова о томъ, что въ повѣсти должна быть своя оптика, Адамъ Адамычъ слышалъ всѣ тихія рѣчи, которыми ласкала слухъ его Александрина. Она сидѣла такъ близко къ нашему герою, что порой благовонные тирбушоны ея касались его ланитъ, и обоняніе его нѣжилось упоительнымъ запахомъ пачули, который подымался отъ ея волнующейся груди и пышныхъ плечъ, сверкавшихъ подобно запретному плоду въ очи нѣмца. Любовь, страстная и безграничная любовь клокотала въ чашѣ его сердца въ то время, какъ слова, одно другаго слаще и медовѣе, лились въ его упоенныя уши. А между-тѣмъ горбунья шипѣла уже надъ ухомъ

городничихи, и желчные зубы Перепелкиной давно были наружѣ.

Когда мазурка была кончена дѣвицей Дергачовой, а ловкій городничій успѣлъ уже вырвать у казачка Алешки подносъ съ яблоками и предложить ихъ артисткѣ, вдова опять пригласила всѣхъ занять мѣста свои въ гостиной.

Адамъ Адамычъ, находясь въ самомъ восторженномъ состояніи, какъ пиоія какая-нибудь, подкуренная различными ладонами, вышелъ очень развязно на средину комнаты, сѣлъ на тотъ стулъ, гдѣ помѣщался до того Закурдаевъ, и вынулъ изъ кармана свои стишки.

Погуровъ, крутя усы, поталкивалъ Закурдаева; Закурдаевъ, насупливая брови, попихивалъ локтемъ Петеньку; а Петенька, улыбаясь, глядѣлъ на качающаго головою Подмиткина.

Штабъ-лекарь Шелопаевъ просунулся было въ гостиную; но вѣроятно замѣтивъ, что ему тутъ не предстоитъ ровно ничего особенно пріятнаго, немедленно скрылся опять въ буфетъ.

— Читайте, Адамъ Адамычъ! произнесла сладкимъ и вкрадчивымъ голосомъ вдовица.

— Читайте! сказала городничиха, показывая зубы своей приживалкѣ.

— Многое говоритъ въ пользу Адама Адамыча, сказалъ госпожѣ Перекандовской пурпурный Сафьяновъ, вывертывая рукой какую-то довольно темную фигуру. — Во первыхъ....

Но хозяйка не дала ему досказать, что во первыхъ и что во вторыхъ, потому-что снова повторила:

— Читайте, читайте, Адамъ Адамычъ!

— Мой зочиненіе, началъ дрожащимъ голосомъ Адамъ Адамычъ: — естъ идилія.

— Нѣмецкая душа! проговорилъ тихонько Закурдаевъ, толкая Погурова: — идилійку съяглилъ!

— Она называется, продолжалъ Адамъ Адамычъ съ усиливающимся дрожаніемъ въ голосѣ: — «Филемонъ....»

— Историческая тема! сказала Софья Алексѣвна Сафьякову.

— Сейчасъ послѣдуетъ Бавкида, шепнулъ Закурдаевъ Погурову.

— Читайте, Адамъ Адамычъ! повторила хозяйка.

Герой нашъ взглянулъ на нее. Она, казалось, вся превратилась въ слухъ; глубокая любовь свѣтилась въ ея глазахъ....

— «Филемонъ», началъ опять Адамъ Адамычъ, почерпнувшій силы во взглядѣ на вдову: — «Филемонъ и Бàуцисъ»....

— Ха, ха, ха! покатился Петенька: — какая Бàуцисъ?

— Какая Бàуцисъ? спросилъ и Закурдаевъ.

— Ви не читаль Овидъ! сказалъ, оборачиваясь къ смѣющемуся Петенькѣ, Адамъ Адамычъ. — Бàуцисъ....

Петенька продолжалъ хохотать и не могъ произнести ни слова.

— По-русски говорятъ Бавкида, а не Бàуцисъ, замѣтилъ Закурдаевъ.

Адамъ Адамычъ опять взглянулъ на вдову. Она попрежнему была вся—ухо, и смотрѣла на героя нашего съ любовью.

— Это неправильно! сказалъ Адамъ Адамычъ, защищаясь съ достаточной увѣренностію отъ замѣчанія Закурдаева.

— Полноте, полноте! сказала Александрина, подмигивая Закурдаеву.—Ваши придирки мелочны; да притомъ это только заглавіе. Не въ заглавіи дѣло, а въ содержаніи. — Продолжайте, Адамъ Адамычъ!

Герой нашъ, ободренный привѣтомъ вдовы, несмотря на досаду, произведенную въ немъ смѣхомъ Петеньки и замѣчаніемъ Закурдаева, откашлялся и началъ съ большимъ чувствомъ:

«Одинъ овецъ....»

Продолжать ему не дали. Казалось, никто и знать не хотѣлъ, что будетъ съ «однимъ овцомъ», ибо хохотъ всѣхъ устъ, бывшихъ въ гостиной, грянулъ оглушающимъ залпомъ въ слухъ пораженнаго стихотворца. Звонкимъ какъ колокольчикъ хохотомъ заливалась Лизанька Юзгина; три дѣвицы Дергачовы разсыпались горохомъ, придерживая обѣими руками дебелыя груди, ежеминутно угрожавшія разорвать тугіе корсеты; до ушей обнажались зубы городничихи; съеживъ губы въ родѣ бутылочнаго горлышка, тонкую трель пускала дѣвица Полетаева; хозяйка только прыскала по временамъ, стараясь удержаться отъ смѣха; Закурдаевъ басилъ; Погуровъ, вторя ему, забылъ даже о своихъ усахъ, о которыхъ помнилъ и въ самыя критическія минуты жизни; Петенька стучалъ ногами и моталъ руками, причемъ оглушалъ своимъ головнымъ хохотомъ всю честную компанію; господинъ Сафьяновъ пускалъ свое «ха, ха, ха!» откуда-то издали, вѣроятно изъ самаго живота; госпожа Юзгина благимъ матомъ взвизгивала и захлебывалась; начитанная Перекандовская совсѣмъ, какъ говорится, зашлась, упавъ головой на спинку дивана. Городничій и Подмикиткинъ вскочили, и оба подошли къ дѣвицамъ Дергачовымъ. Перепелкинъ превосходно акомпанировалъ дѣвицамъ; а Подмикиткинъ рѣшился было сказать какую-то фразу младшей Дергачовой, но отъ страшныхъ усилій удержать смѣхъ что-то совершенно ненужное выскочило у него изъ носу. Обстоятельство это сильно его сконфузило, и онъ отретировался, не говоря ни слова. — Концертъ былъ превосходный!

Адамъ Адамычъ, оглушенный всѣми хохочущими голосами, сидѣлъ на стулѣ какъ мертвый и сначала никакъ не сообразилъ, что предметомъ смѣха есть онъ самъ и его бѣдная идилія. Онъ все искалъ глазами гдѣ-нибудь за дверью скрывшуюся фигуру штабъ-лекаря Шелопаева, который вѣрно выкинулъ какое-нибудь забавное колѣнце для потѣхи всѣхъ;

но Шелопаевъ сидѣлъ въ буфетѣ, разговаривая съ Наташей, и глазъ Адама Адамыча нигдѣ не могъ открыть его. Тогда только уразумѣлъ герой нашъ, что смѣются просто-на-просто надъ нимъ самимъ, а не надъ штабъ-лекаремъ Шелопаевымъ, когда онъ замѣтилъ, что каждый, взглянувъ на него, единственнаго безстрастно серіознаго члена гостиной, разражался, если могъ, вчетверо сильнѣйшимъ взрывомъ хохота.

Только-что мысль о такомъ униженіи забрела въ голову Адама Адамыча, листокъ стиховъ былъ отчаянно скомканъ у него въ кулакѣ, лицо его страшно поблѣднѣло, губы затряслись, вѣки заморгали, и дрожащія ноги быстро понесли уничтоженнаго нѣмца, помимо вертляваго и сконфуженнаго Подмикиткина, по направленію къ передней.

Тщетно вдова, принявъ серіозный видъ, упрашивала его остаться: онъ ужь видѣлъ ея коварный смѣхъ! Тщетно Погуровъ и Закурдаевъ влекли его назадъ за обѣ руки. Тщетно самъ Желнобобовъ восклицалъ изъ-за картъ: «А ну, Адамычъ, Адамычъ! что ты упираешься?»

Тщетно, тщетно все!

Не произнося ни полслова, но блѣднѣя все болѣе и болѣе, Адамъ Адамычъ вырвался изъ удерживавшихъ его рукъ и бѣгомъ бросился изъ воротъ.

Долго еще шелъ вечеръ у вдовы. И Погуровъ прочелъ свое стихотвореніе, описывавшее Даріалъ, Казбекъ и Терекъ; и средняя Дергачова спѣла французскій романсъ; и Петенька прочелъ стишки, въ которыхъ говорилъ, что *она* (кто, покрыто мракомъ тайны), что *она* — цвѣтокъ, а онъ, Петенька — вѣтерокъ; что душа *ея* — ароматъ, а душа его, Петеньки.... однимъ словомъ, что-то чрезвычайно милое и нѣжное....

Но все это не будетъ уже описано моимъ перомъ. Я не могу болѣе говорить о веселыхъ предметахъ, когда любезный герой мой удрученъ тяжелымъ горемъ. Мнѣ стано-

вится грустно, очень грустно; чуть ли даже слезы не навертываются у меня на глаза.

ГЛАВА IX.

Страшное что-то творилось съ Адамомъ Адамычемъ, когда онъ не шелъ, а бѣжалъ по узкимъ и темнымъ улицамъ Забубеньева. Голова его горѣла, и сердце ныло. Всѣ эти, мелкія для посторонняго глаза, но крупныя и грозныя для собственнаго сердца неудачи, огорченія и насмѣшки давили бѣднаго героя нашего своею тяжестью. Онъ бы, казалось, хотѣлъ и заплакать; но, какъ нарочно, глаза у него и ломило и жгло, а ни одной капли не проступало на нихъ. Холодное, хмуро нависшее небо какъ-будто сжалилось надъ нимъ и заплакало, вмѣсто его, студеными дождевыми слезами.

«Хоть бы забыть все это горе! хоть бы уснуть! хоть бы умереть!» мелькало въ головѣ несчастнаго, уничтоженнаго нѣмца. «Забыть! забыть! Но гдѣ и какъ забудешь все это?... Вотъ бы.... Да нѣтъ, поздно!... Ужь заперто вѣрно.»

Но тутъ, на углу какой-то улицы, въ глаза его ударилъ свѣтъ изъ маленькаго оконца, и онъ, махнувъ рукой, завернулъ туда, откуда глядѣлъ этотъ свѣтъ, и скоро вышелъ назадъ съ небольшимъ сверткомъ подъ мышкой.

И черезъ часъ Адамъ Адамычъ забылъ свои горести; забылъ даже свои рѣдкія былыя радости, забылъ все окружающее, забылъ и самого себя.... Темно было въ его конуркѣ; недопитой полуштофъ стоялъ у кровати на стулѣ; Адамъ Адамычъ спалъ крѣпко, и ни одна греза не тревожила его.

На другой день по утру, прежде-чѣмъ семья достопочтеннаго Желнобобова собралась за чайнымъ столомъ, въ лакейской стоялъ тучный Игнатьичъ, дружески потчуя табакомъ Макарыча и ожидая выхода самого Максима Петровича.

— А ну, здорово, здорово!... зачѣмъ пожаловалъ? сказалъ, выходя въ переднюю, господинъ Желнобобовъ, облеченный въ ермолку и халатъ.

— Здравія желаю, батюшка Максимъ Петровичъ! сказалъ, кланяясь, мельникъ.

— А ну, что, какъ живешь? Помолу что-ли нѣтъ, что заглянулъ? а!

— Нѣтъ, слава Богу, дѣлишки плетутся себѣ по малехоньку, Максимъ Петровичъ.

— А ну, ладно, ладно! Такъ, значитъ, просто повидаться зашелъ? Спасибо!

— Нѣту, Максимъ Петровичъ, и дѣльце есть.... да признательно сказать, такое дѣльце, что хоть бы и не говорить, такъ въ ту же пору....

— Что же, что такое? спросилъ Желнобобовъ.

— Вотъ оно у меня гдѣ сидитъ, Максимъ Петровичъ! сказалъ мельникъ, наклоняя голову и тыча себя въ затылокъ указательнымъ перстомъ.

— Говори, говори! А ну, можно помочь — помогу!

— Да говорить-то, сказалъ Игнатьичъ, почесывая за ухомъ — ужь и говорить-то.... Ей Богу, срамительное такое дѣло.

Мельникъ взглянулъ косвенно на Макарыча, показывая тѣмъ, что ужь такое срамительное дѣло, что и говорить при людяхъ не годится.

— А ну, пойдемъ ко мнѣ въ кабинетъ! сказалъ Максимъ Петровичъ, показавъ губой на входъ въ залу.

Въ кабинетѣ услышалъ онъ отъ обманутаго мужа ту непріятную для чести его исторію, съ которой уже знакомъ читатель. Мельникъ расказывалъ съ такимъ жаромъ и азартомъ, что принужденъ былъ безпрестанно вооружаться правою полой своего долговязаго сертука, чтобы отирать потъ съ чела.

Расказъ мельника, передавшій всѣ малѣйшія подробности посѣщенія Адама Адамыча, произвелъ по видимому весьма сильное впечатлѣніе на нравственнаго отца семейства, потому-что губа его не могла никакъ придти въ нормальное положеніе и находилась въ постоянной тревогѣ.

— Вѣдь ужь это, Максимъ Петровичъ, оканчивалъ мельникъ: — это человѣку, что ножъ въ бокъ. Найпаче....

— Ахъ онъ, шельмецъ, шельмецъ! прервалъ Максимъ Петровичъ, расхаживая въ волненіи по кабинету и шлепая неистово своими красными казанскими сапожками.—А ну, постой! постой! Я изъ него канальскій духъ выгоню! постой! Онъ у меня запоетъ кота Еремѣя.... запоетъ. Погоди! — А ну, Алешка! Алешка!... Экая бестія! гдѣ этотъ мерзецъ? Подь-ка, подь-ка, Игнатьичъ! кликни Алешку сюда!

Алешка впрочемъ летѣлъ уже къ кабинету и попалъ головой прямо въ пузо мельнику.

— Что ты? что ты мечешься какъ угорѣлый? поросенокъ ты этакой грязный! крикнулъ Максимъ Петровичъ при видѣ сшибки, заставившей мельника возвратиться въ кабинетъ.

— Чего изволите-съ? спросилъ, не сробѣвъ, казачокъ и фыркнулъ на весь домъ.

— А ну, пошелъ, пошли ко мнѣ Адамыча! пошелъ — да живо у меня!

Алешка бросился на антресоли къ нѣмцу и засталъ героя нашего не спящимъ, но еще лежащимъ на постели.

Адамъ Адамычъ, проснувшись, и не поднялся со своего ложа, а чувствуя, что опять встаютъ въ душѣ его всѣ муки и страданія отверженной любви и пораженнаго самолюбія, протянулъ руку къ сосуду, ночевавшему на ближайшемъ стулѣ, и хлебнулъ достаточную струю забвенія. Правый глазъ его былъ уже закрытъ огромнымъ вѣкомъ, и только лѣвый смутно различалъ окружающіе предметы.

— Пожалуйте-съ къ Максиму Петровичу! сказалъ казачокъ, войдя въ комнатку нѣмца.

— Зачѣмъ? спросилъ Адамъ Адамычъ, обративъ на козачка свое лѣвое око.

— Я не знаю, зачѣмъ-съ. Они у себя въ кабинетѣ.

— Зачѣмъ? сердито повторилъ нѣмецъ.

— Не знаю-съ.

Герой нашъ поднялся съ постели и, скрипя зубами, показалъ казачку два сжатые кулака.

— Ей-Богу, не знаю-съ, Адамъ Адамычъ.... Тамъ у нихъ мельникъ-съ.

— Вонъ, вонъ отсюда! закричалъ бѣшенымъ голосомъ Адамъ Адамычъ, топая неистово ногами и хватаясь за стулъ.

Лицо его было такъ искажено яростью, что казачка пронялъ страхъ. Онъ быстро бросился въ дверь, прихлопнулъ ее и почти скатился съ лѣстницы. До самаго кабинета казалось ему, что онъ слышитъ за собой погоню взбѣшеннаго Адама Адамыча.

Когда казачокъ донесъ господину Желнобобову, что Адамъ Адамычъ не хочетъ явиться, потому-что пьянъ, Максимъ Петровичъ пришелъ въ неописанную злобу.

Онъ немедленно отправилъ къ нѣмцу Макарыча; но Адамъ Адамычъ принялъ уже свои мѣры. Только-что почтенный дворецкій просунулъ голову въ комнату нѣмца, какъ увидѣлъ направленное на себя дуло ружья и услыхалъ скрипъ зубовъ и крикъ: «Weg!» — Дѣломъ одной секунды было для Макарыча захлопнуться дверью и потомъ сбѣжать внизъ.

Всѣ горести спали въ Адамѣ Адамычѣ и бодрствовало одно только чувство — чувство самосохраненія. Бранясь и покачиваясь, ходилъ онъ по своей комнатѣ съ ружьемъ, ожидая новаго появленія какого-нибудь злокозненнаго человѣка, и только нечаянно набрелъ на мысль — запереться ключемъ въ своей конуркѣ.

Страннымъ психологическимъ явленіемъ было въ героѣ моемъ то, что когда онъ подгуливалъ случайно, на нѣсколько часовъ, и долженъ былъ вскорѣ протрезвиться, кротость его была необычайна; когда же наступало время запить на опредѣленный срокъ (нечего уже автору скрывать этой грустной болѣзни героя), онъ становился злымъ и бѣшенымъ до невѣроятія.

Всѣ старанія со стороны Максима Петровича привести въ нормальное состояніе голову Адама Адамыча оказались въ настоящій разъ тщетными попытками.

Какъ ни строго было наказано всѣмъ челядинцамъ имѣть бдительный за нимъ надзоръ и не выпускать его изъ дому, Адамъ Адамычъ, по окончаніи штофа, успѣлъ-таки уйти и возвратился въ еще болѣе плачевномъ положеніи.

Словно въ чаду прошла для Адама Адамыча цѣлая недѣля. Отлучался ли, не отлучался ли онъ изъ дому, незамѣтно было никакой надежды на его протрезвленіе.

Максимъ Петровичъ нарядилъ даже слѣдствіе для отысканія путей, по коимъ нѣмецъ получаетъ горячительную влагу. Слѣдователемъ былъ назначенъ дворецкій Макарычъ, и, по тщательнымъ его розысканіямъ, сильное подозрѣніе пало на Алешку, ибо Алешка по цѣлымъ днямъ грызъ орѣхи, купилъ себѣ огромный комплектъ бабокъ, и тѣшился очень часто въ орлянку, въ приличномъ званію его и лѣтамъ обществѣ. Авторъ обязуется сказать, что Алешка точно былъ главнымъ комисіонеромъ Адама Адамыча по части продовольствія его штофами и полуштофами зелена-вина; при исполненіи такихъ комисій казачокъ, разумѣется, усердно обворовывалъ несчастнаго моего героя. Хотя по окончаніи слѣдствія Алешку и высѣкли, однако это не помогло.... Алешка, какъ водится, нимало не исправился и продолжалъ такъ же непохвально служить Адаму Адамычу.

Цѣлые дни лежалъ нѣмецъ запершись у себя на кро-

вати, и впускалъ въ свою комнату одного Алешку. Онъ почти ничего не ѣлъ, похудѣлъ и ослабѣлъ невыразимо.

Наконецъ и другая недѣля болѣзненнаго состоянія Адама Адамыча приходила къ концу, и всѣ въ домѣ, казалось, забыли даже о его существованіи. Но въ одинъ прекрасный вечеръ Максимъ Петровичъ, сидя за чайнымъ столомъ, почувствовалъ вдругъ въ головѣ своей рожденіе одной геніальной мысли.

— А ну, послать за Шелопаевымъ! крикнулъ онъ, совершенно неожиданно прервавъ рѣчь Бобелины о какомъ-то хозяйственномъ предметѣ.

Глашка вынырнула изъ дѣвичьей.

— За кѣмъ послать-съ? спросила она съ обычной вертлявостью.

— За Шелопаевымъ! повторилъ господинъ Желнобобовъ.

— Что это? ужь не дурно ли вы себя чувствуете? спросила съ заботливостью Татьяна Васильевна.

— А ну, знать ничего не хочу! послать за Шелопаевымъ! проговорилъ Максимъ Петровичъ, и на всемъ лицѣ его выразилось довольство своею мыслью.

— Да зачѣмъ же это-съ? дерзнула опять съ нѣжностью спросить экономка.

— А ну, что жь ты стоишь? слышала—послать за Шелопаевымъ! произнесъ снова господинъ Желнобобовъ, обращаясь къ Глашкѣ.

— Сейчасъ-съ! сказала Глашка и ушла.

— Ахъ, Максимъ Петровичъ! воскликнула домоправительница:—вы меня пугаете, ей Богу!... ужь не сдѣлалось ли съ вами чего?

— Ничего, ничего, отвѣчалъ Максимъ Петровичъ: — ничего не сдѣлалось со мной. А ну, терпѣніе! терпѣніе!

При этихъ словахъ маститый Желнобобовъ громко чавкалъ нижнею губой и думалъ: «А ну, погоди! погоди! выгоню я изъ тебя канальскій духъ!»

Эта дума, какъ вѣроятно понялъ читатель, относилась прямо къ моему герою.

Когда вслѣдствіе посольства изъ дому господина Желнобобова явился штабъ-лекарь Шелопаевъ, благоухающій розовымъ масломъ, которое текло у него съ головы въ обильномъ количествѣ, Максимъ Петровичъ возсѣдалъ уже въ кабинетѣ, на своемъ мягкомъ креслѣ, и по обыкновенію почти ни о чемъ не думалъ.

Бобелина страшно терзалась любопытствомъ, и безпрестанно выглядывала въ залу изъ двери гостиной.

Когда же кабинетная дверь затворилась за штабъ-лекаремъ, экономка легкими шагами подкралась къ ней и приложила любопытное ухо свое къ замочной скважинѣ.

Въ кабинетѣ шелъ слѣдующій разговоръ.

— А ну, можетъ-быть и есть средство? говорилъ господинъ Желнобобовъ.—Посмотрѣли бы вы въ какой-нибудь книжицѣ!

— Да нѣтъ-съ, Максимъ Петровичъ! отвѣчалъ Шелопаевъ: — ужь я зналъ бы.

— Вѣдь это просто бѣда, бѣда! продолжалъ Желнобобовъ.—Дѣтямъ учиться надо, а онъ тамъ—чортъ его знаетъ въ какомъ видѣ!

— Надо построже присматривать-съ.

— А ну, нѣтъ человѣка — нѣтъ такого человѣка! Все мерзавцы.... Сами носятъ ему.

— Развѣ предложить вамъ вотъ что-съ, Максимъ Петровичъ.... Не знаю только, согласитесь ли вы-съ....

— А ну, что? что такое?

— Да вотъ отправили бы вы его въ больницу-съ. Ужь мы бы тамъ за нимъ присмотрѣли-съ!

— Ахъ, вотъ въ самомъ дѣлѣ хорошо! вотъ хорошо! воскликнулъ Максимъ Петровичъ, приподнимаясь съ креселъ. — А ну, не приходило мнѣ этого въ голову, не приходило.

Бобелина, чрезвычайно недовольная пустотою узнанной ею новости, ускользнула въ свою комнату.

Максимъ Петровичъ позвалъ немедленно дворецкаго Макарыча, пушившаго въ эту минуту казачка Алешку за его неблаговидное поведеніе, и отдалъ приказаніе отправить героя нашего въ больницу и употребить даже насиліе, если бы онъ вздумалъ артачиться и упираться.

Насилія впрочемъ не привелось употреблять, ибо когда Макарычъ съ постояннымъ партнеромъ своимъ по игрѣ въ носки и фильку, чеботаремъ Денискою, явился въ комнату нѣмца, нѣмецъ лежалъ вверхъ лицомъ на своей кровати, блѣдный какъ снѣгъ и недвижимый какъ пластъ.

Страшный хаосъ царствовалъ въ сѣренькой комнаткѣ, и при первомъ взглядѣ на нее можно было угадать бѣдственное положеніе хозяина, который въ здоровомъ состояніи держалъ въ порядкѣ и холѣ свой тѣсный уголокъ. Пальма лежала на постели, на ногахъ своего господина.—А господинъ ея уже другую недѣлю не снималъ съ себя фрака, въ которомъ возвратился отъ вдовы, и былъ весь покрытъ пухомъ и измятъ; изъ-подъ высокаго галстука, не снимавшагося съ шеи его съ той же самой поры, выглядывала щетинистая борода, которая дѣлала еще болѣе впалыми его худыя, ввалившіяся щеки; лѣвый глазъ едва проглядывалъ изъ-подъ краснаго сморщеннаго вѣка, а правый давно уже не видалъ Божьяго свѣта.

Грустна была картина, представшая очамъ Макарыча и Дениски; но, по врожденной нечувствительности своей, ни тотъ, ни другой не были тронуты этою картиной — отпустили даже по нѣскольку остротъ, обращенныхъ на личность, званіе и настоящее печальное положеніе несчастнаго моего героя.

Прежде-чѣмъ приступили къ исполненію порученія, возложеннаго на нихъ Максимомъ Петровичемъ, оба эти молодца осмотрѣли въ подробности комнату, причемъ не упустили

раздѣлить между собой нѣсколько монетъ мелкаго серебра, валявшихся безъ всякого призрѣнія на небольшомъ письменномъ столѣ Адама Адамыча. По страсти своей къ трубочнымъ дѣламъ, Дениска тутъ же наложилъ себѣ любимую трубку Адама Адамыча съ изображеніемъ города Магдебурга, и совершенно фамиліарно закурилъ ее. Въ продолженіе всего этого времени герой нашъ и не прикасался къ трубкѣ: она не снималась съ гвоздика и была вся покрыта пылью. Дениска разсудилъ также, что не должно упускать ничего изъ виду, и потому прибралъ весь табакъ, какой былъ у Адама Адамыча.

Только послѣ всего этого было приступлено и къ самому хозяину темной комнатки. Пальму согнали съ ногъ его на полъ, причемъ она такъ жалобно простонала, что болѣе чувствительные свидѣтели вѣрно бы заплакали. Макарычъ напротивъ далъ ей здороваго пинка и обругалъ ее самымъ неприличнымъ образомъ. Затѣмъ и Дениска и Макарычъ взяли подъ руки Адама Адамыча и подняли его. Неизвѣстно, спалъ онъ или бодрствовалъ: одинъ глазъ его глядѣлъ, и губы, едва шевелясь, бормотали что-то; но руки висѣли какъ плети по сторонамъ похудѣвшаго тѣла, и онъ былъ ужасно тяжелъ даже для сильныхъ мышцъ Макарыча и чеботаря. Не дѣлая никакого сопротивленія, не произнося ни одного внятнаго слова, и волоча, а не переставляя ноги, былъ онъ сведенъ внизъ, при довольно неучтивой брани обоихъ вожаковъ его.

Въ лакейской штабъ-лекарь Шелопаевъ посмотрѣлъ ему въ блѣдное лицо, покачалъ благовонною головой и съ свойственной ему живостью отправился домой, отдавъ приказаніе сдать паціэнта въ больницѣ съ рукъ на руки подлекарю Пименову.

У крыльца стояли уже заложенныя дрожки. Макарычъ и Дениска согнули кой-какъ колѣни несчастному и усадили

его. Макарычъ помѣстился рядомъ и, придерживая одною рукою фуражку, еле лѣпившуюся на головѣ моего героя, а другою обнявъ его плечи, велѣлъ ѣхать куда слѣдуетъ.

Дрожки двинулись — и въ этотъ вечеръ въ забубеньевской больницѣ стало однимъ больнымъ больше; но едва ли былъ въ ней хоть одинъ недужный, который сравнился бы страданіями своими съ тою страшною болью, которая едва затихла въ груди нашего героя послѣ частыхъ пріемовъ лекарства, называемаго струями забвенія.

ГЛАВА X.

Адамъ Адамычъ очнулся въ бѣломъ балахонѣ, въ бѣломъ колпакѣ, на больничной кровати съ черною дощечкой надъ головой. По большой комнатѣ слабыми шагами ходило два-три человѣка, одѣтыхъ такъ же, какъ онъ. Но — странная вещь! ни нарядъ его самого, ни эта большая, уставленная постелями комната, ни эти больные въ бѣлыхъ халатахъ и колпакахъ нимало не удивили его. Казалось, онъ очнулся только затѣмъ, чтобы взглянуть въ послѣдній разъ на дневной свѣтъ и на яркое солнце, которое весело глядѣло въ большія окна и играло на бѣлыхъ стѣнахъ.

Скоро глаза его опять закрылись, и огромныя вѣки уже не подымались болѣе.

Штабъ-лекарь Шелопаевъ, тщательно наблюдавшій за больнымъ нѣмцемъ, никакъ не могъ сообразить сразу, отчего онъ такъ долго не приходитъ въ себя. Прислушиваясь къ дыханію моего героя, онъ нашелъ, что дыханіе это очень тяжело и прерывисто; но думалъ, что все скоро пройдетъ, и дурь, какъ онъ называлъ недугъ Адама Адамыча, кончится. Къ вечеру дурь эта точно кончилась; но кончилась единственно потому, что пришелъ конецъ и бѣдственной жизни

Адама Адамыча. Тихо, безъ стоновъ отпустило изможженное тѣло жившую его душу въ иныя, болѣе безмятежныя страны. Когда Пименовъ, по особому наказу штабъ-лекаря заботившійся о нашемъ героѣ, принесъ ему буліонъ для ужина, Адамъ Адамычъ былъ уже бездыханенъ, и смерть его очень поразила подлекаря.

Немедленно дали знать о кончинѣ гувернера господину Желнобобову, который въ это время былъ въ чайной, въ кругу всѣхъ своихъ чадъ и домочадцевъ. Онъ многозначительно подъѣхалъ нижнею губой къ самому носу и произнесъ:

— А ну, жаль, жаль! Вѣчная ему память! Жаль!... Добрый былъ человѣкъ.

— Вотъ испивалъ только, сказала Бобелина: — а ужь точно простая душа былъ покойникъ.

— А ну, неожиданно, неожиданно помре! прибавилъ Максимъ Петровичъ.

Петенька сказалъ тоже что-то, но такое незначительное, что и повторять не стоитъ.

Господинъ Желнобобовъ началъ-было говорить Петенькѣ, чтобы онъ сходилъ въ больницу отдать послѣдній долгъ усопшему наставнику да и братьевъ бы съ собой взялъ; но Татьяна Васильевна забросала его такимъ множествомъ доводовъ, что не слѣдъ Петенькѣ идти туда, и доказала такъ хорошо нелѣпость этого предложенія, что Максимъ Петровичъ даже строго запретилъ отправляться на прощанье съ Адамомъ Адамычемъ, если бъ кто-нибудь и пожелалъ этого.

Дѣти господина Желнобобова какъ-то странно и порадовались кончинѣ нѣмца, и пожалѣли о немъ: порадовались, потому-что имъ предстояла длинная перспектива праздныхъ часовъ; пожалѣли, потому-что чувствовали нѣкоторую привязанность къ доброму Адаму Адамычу.

Макарычъ, прерванный приходомъ извѣстителя изъ больницы на самомъ бойкомъ ходу, которымъ думалъ совсѣмъ

подрѣзать Дениску, тотчасъ же оставилъ игру, и вмѣстѣ съ чеботаремъ отправился въ комнатку покойника, чтобы раздѣлить со своимъ партнеромъ кой-какія вещи Адама Адамыча.

Закурдаевъ узналъ о смерти героя нашего поздно вечеромъ, когда чеботарь явился съ поживой! Закурдаевъ былъ, кажется, во всемъ городѣ единственный человѣкъ, въ которомъ пробудилось нѣсколько грустныхъ мыслей по поводу этой темной и неожиданной смерти. Онъ глубоко раскаялся во всѣхъ своихъ шуткахъ, которыя производили такое рѣзкое впечатлѣніе на мягкое сердце его товарища по охотѣ.

Каждый вечеръ, пропустивъ въ желудокъ стаканчикъ померанцевки и потомъ стаканчикъ травнику изъ завѣтной бутыли, и поужинавъ, Василій Семенычъ имѣлъ обыкновеніе посидѣть нѣсколько времени въ бодрственномъ состояніи на своемъ диванчикѣ и спѣть на сонъ грядущій какую-нибудь пѣсенку съ акомпаниментомъ гитары. На этотъ разъ заслуженный инструментъ звучалъ у него несовсѣмъ весело; Закурдаевъ думалъ о томъ, какъ часто покойный нѣмецъ былъ его слушателемъ въ эти поздніе часы, какъ любилъ онъ нѣмецко-латинскую пѣсню про клирика, въ которой всегда съ особой энергіей пѣлъ стихъ: «Hic est meus dactylus!» Вспомнилъ также Закурдаевъ, какъ, бывало, подчасъ и прослезится добрый нѣмецъ, слушая иную пѣсню, какъ пріятно улыбается при «Gaudeamus». И Закурдаевъ запѣлъ эту прекрасную пѣсню; но веселые стихи ея выходили вовсе не такими веселыми, какими должны бы были выйти, и грустно, очень грустно прозвучали изъ устъ Закурдаева слова:

«Venit mors velociter,
Rapit nos atrociter,
Nemini parcetur.»

Затѣмъ Закурдаевъ легъ спать, рѣшившись на слѣдующій день пойти посмотрѣть покойника.

Вѣсть о смерти наставника желнобобовскихъ дѣтей скоро прошла по всему пространству Забубеньева, но не произвела почти никакой сенсаціи. Только сострадательная Дергачова ощутила въ себѣ какое-то треволненіе, и потому, чтобы разсѣять его, отправилась расказать о кончинѣ Адама Адамыча Софьѣ Алексѣвнѣ, Маѳѣ Петровнѣ и всѣмъ другимъ знакомымъ дамамъ.

Такимъ образомъ съ Адамомъ Адамычемъ было все покончено въ Забубеньевѣ. Его похоронили въ простомъ бѣломъ гробѣ на общемъ кладбищѣ, но вдали отъ всѣхъ другихъ покойниковъ, на самомъ краю — близь чахлой березки, одиноко выросшей у ограды.

Пальма все время, съ той самой минуты, какъ хозяинъ ея переѣхалъ въ больницу, выла не на животъ, а на смерть, подъ самыми окнами кабинета Максима Петровича. Пока Адамъ Адамычъ былъ живъ, ее только гоняли отъ оконъ и били — впрочемъ такъ неловко, что перешибли ей одну переднюю ногу; когда же Адама Адамыча не стало, и Пальма, вытянувъ шею, завывала еще сильнѣе и не унималась ни отъ какихъ угрозъ и побоевъ, господинъ Желнобобовъ, не терпѣвшій у себя въ домѣ подобныхъ безчинствъ, поручилъ чеботарю Денискѣ пристрѣлить неугомонную собаку, что чеботарь и исполнилъ съ невозмутимымъ хладнокровіемъ.

Въ тотъ день, когда, непровожаемый и неоплакиваемый никѣмъ, герой нашъ отправился на погостъ и занялъ новую квартирку, еще тѣснѣе той комнаты, въ которой жилъ на антресоляхъ у старика Желнобобова, въ тотъ день всѣ члены достойнаго забубеньевскаго общества получили по пригласительной карточкѣ отъ чувствительной вдовицы, искавшей Чацкаго. Карточки приглашали на чай въ этотъ вечеръ. На сей разъ вдова не приготовляла никакого литературно-художественнаго торжества, и никто не ожидалъ ничего осо-

беннаго. Но именно тогда-то и должно было случиться нѣчто истинно особенное.

Александрина нашла себѣ Чацкаго.... да! нашла Чацкаго — правда, болѣе похожаго на Ноздрева, чѣмъ на Чацкаго; но тѣмъ не менѣе нашла. Этотъ счастливецъ былъ пріѣзжій Погуровъ, безбожный преслѣдователь своихъ густыхъ усовъ.— Велико было удивленіе всѣхъ гостей, и особенно желчно проглянули зубы городничихи, когда въ полномъ присутствіи всей забубеньевской аристократіи вдова объявила, что сердце ея избрало пріѣзжаго Погурова.

ЭПИЛОГЪ.

Чахлая березка трясетъ на вѣтру своею непышной головкой, и краснѣющіе листья срываются съ тощихъ вѣтокъ; они желтѣютъ на сухой землѣ, свертываются въ трубочки, и вѣтеръ кружитъ ихъ надъ сѣрымъ холмикомъ, подъ которымъ улеглось тѣло Адама Адамыча.

Не много прошло времени съ его кончины, а Петенька раздумалъ уже ѣхать въ университетъ, и Закурдаевъ получилъ отставку, поздравивъ бывшаго ученика своего со вступленіемъ на службу, подъ начальство краснорѣчиваго господина Сафьянова.

Дожди принялись кропить осеннюю землю; ни листка не осталось на чахлой березкѣ, и сама она дрогнетъ и гнется подъ частымъ дождемъ — и сѣрая могилка потемнѣла.

А между тѣмъ Погуровъ успѣлъ уже опротивѣть своей чувствительной супругѣ, потому-что каждый день прожигаетъ ей платья своею неугасимою трубкой....

Наконецъ и зима наступила, и метели снуютъ по широкому полю, занося глубокимъ снѣгомъ одинокую могилу....

А между тѣмъ....

Что произошло между тѣмъ въ Забубеньевѣ, неизвѣстно автору. Тутъ оканчиваются всѣ его свѣдѣнія о городкѣ, въ которомъ угасла жизнь его героя.

Прощай, прощай, мой любезный герой! Пришлось тебѣ уснуть тамъ, гдѣ и не думалось. Любящее сердце твоей рыжей и худощавой матери не чуяло тебѣ такой далекой и грустной могилы: сердце это предвѣщало тебѣ иную, болѣе высокую чреду, чѣмъ какую занималъ ты на землѣ!

И что сталось теперь съ самою могилой твоей? Можетъ-быть она уже сравнялась съ землей, и нѣтъ у нея ни знака ни отмѣтины!

Что-то сталось и съ самимъ Забубеньевомъ? Можетъ-быть уже ни одинъ тамошній уроженецъ не произнесетъ теперь: «И я родился въ Аркадіи!» Можетъ-быть дни золотаго вѣка и тамъ стали пасторальнымъ вымысломъ — и нѣтъ тамъ ничего буколическаго, и не пахнетъ Шатобріаномъ.

А всѣ эти лица, окружавшія когда-то моего героя и прошедшія предъ глазами читателя!... Кто знаетъ! можетъ-быть уже истлѣли въ сырой землѣ и назойливая губа и угрюмый носъ господина Желнобобова; можетъ-быть Петенька женился уже на комъ-нибудь — положимъ, хоть на Лизанькѣ Юзгиной; можетъ-быть.... Все, все можетъ быть....

Но вѣрнѣе всего то, что если кто нибудь спроситъ теперь въ Забубеньевѣ объ Адамѣ Адамычѣ, то тамъ скажутъ:

«Что-то не помнится, чтобы былъ здѣсь когда-нибудь такой человѣкъ. Можетъ былъ; а можетъ и не было никогда такого.»

Pulvis et umbra sumus!

О Н Ъ.

ДНЕВНИКЪ УѢЗДНОЙ БАРЫШНИ.

Языкъ любви первоначальной....
Огаревъ.

10 мая.

Мы условились съ Анетой Куропаткиной вести ежедневный журналъ.... Какъ это должно быть весело! Будемъ перечитывать каждый мѣсяцъ вмѣстѣ.... Сегодня и она начинаетъ.

Я начну свой стишками:

«Кого-то нѣтъ, кого-то жаль,
Къ кому-то сердце мчится вдаль!»

Какъ Пушкинъ чувствительно писалъ!

11 мая.

Папенька сегодня былъ пьянъ.... Сердитый такой! Маменьку заперъ въ чуланъ.

Пришелъ въ гостиную. Я была тамъ съ сестрой Енечкой и читала ей книжку: *Два призрака*, французскаго сочинителя Фанъ-Дима.... Пришелъ и книжку вырвалъ, и говоритъ: дура!

Впрочемъ книжка такая странная; ничего не поймешь хорошенько. Должно-быть дурной переводъ.

Мы съ Еней цѣлый день и не одѣвались.... Мимо прошелъ *онъ*. Я спряталась за геранью, *онъ* меня и не видалъ.... А смотрѣлъ на окна.

18 мая.

Сегодня мое рожденье: мнѣ исполнилось семнадцать лѣтъ.

Вечеромъ у насъ были гости; былъ и *онъ*.

Я сѣла у окна въ залѣ, и гляжу на звѣзды. *Онъ* подошелъ и говоритъ:

— Которая ваша звѣзда?

— Вонъ та.

— А моя вонъ та.

Какой *онъ* душка!.... Ахъ, какъ хотѣлось бы расцаловать *его*!

Я сказала, что вышью *ему* сувенирчикъ — закладку въ книгу, съ *его* вензелемъ.

20 мая.

Скука смертельная!... Маменька все на кухню гоняетъ.

1 іюня.

Папенька сегодня опять заперъ маменьку въ чуланъ; а я ушла съ Енечкой въ садъ. Онъ насъ искалъ, да не нашелъ.

Я говорила тамъ съ ней объ *немъ*. Она влюблена въ Пьера Мошкина, и все говоритъ: Ахъ, Катя, Катя! какой *онъ* душка!»

5 іюня.

Онъ написалъ мнѣ стишки въ альбомъ—акростихъ. Когда читаешь начальныя буквы каждой строчки, выходитъ мое имя.

«Какъ душа моя страдаетъ!
Адъ въ груди моей кипитъ!
Та, кого люблю, молчитъ!
Ядъ мнѣ въ сердце проливаетъ!»

Ахъ, какъ хорошо *онъ* сочиняетъ! А страдаетъ, душка! Что же *онъ* не признается? вѣдь и я люблю *его*!... Правда, маменька вѣчно тутъ торчитъ.

6 іюня.

Маменька все бранится, что я дѣломъ не занимаюсь, рѣдко на кухню хожу. У нея одна пѣсня!

10 іюня.

Къ папенькѣ пріѣзжалъ знакомый, какой-то Коврижкинъ; онъ здѣсь служить будетъ.... Старый и такой странный: без-

престанно табакъ нюхаетъ и пришепетываетъ, и ко всякому слову говоритъ «таперича».

Папенька послѣ расказывалъ, что онъ очень богатый, а по виду нельзя этого сказать: фракъ старый, брюки въ пятнахъ, и жилетка потертая.

Папенька его ужасно хвалитъ.

— Вотъ, говоритъ: — человѣкъ! И уменъ, и богатъ; а ужь какъ заговоритъ — просто любо-дорого; заслушаешься.

Что онъ хорошаго въ немъ нашелъ? Только и слышишь, что «таперича».

— Женишкомъ больше! сказала маменька.

Ужь не знаю, кому этакое пугало въ женихи годится.

12 іюня.

Я была цѣлый день у Куропаткиныхъ; тамъ и обѣдала.— Вечеромъ пришелъ *онъ* и Мошкинъ.

Мы всѣ пошли въ садъ. Мошкинъ все увивался около Саши Куропаткиной.... Противный! Хорошо, что Ени не было.

Я отстала онъ другихъ, зашла въ темную алею, сѣла на скамейку и стала мечтать.... Вдругъ слышу:

— Что это вы однѣ, мамзель Катринъ?

Я такъ и обмерла. *Онъ* сѣлъ около меня, началъ говорить томъ, какъ хорошо мечтать въ уединеніи, потомъ о Пушкинѣ, о Бенедиктовѣ... и вдругъ взялъ меня за руку. Я вспыхнула, хотѣла отнять; но мнѣ стало жаль *его*.

— Что вы, говорю: — дѣлаете, мосьё Мишель?

А *онъ* мнѣ:

— Как ъя счастливъ! говоритъ:—такъ вы не презираете меня?

Я не знала, что дѣлать, что говорить; а *онъ* наклонился и поцаловалъ меня въ щеку. Мнѣ хотѣлось сказать *ему*: «душка!» но я вскочила и ушла поскорѣе, чтобы насъ не застали.

Пишу, а свѣчка сейчасъ догоритъ. Маменька никогда,

изъ экономіи, не дастъ цѣльной: вѣчно огарокъ, и то весь оплывшій.

Голова у меня въ огнѣ, а руки холодныя какъ ледъ. Я, кажется, не усну сегодня. И волненіе—да и клопы развелись.

17 іюня.

Вчера папенька былъ гдѣ-то въ гостяхъ. — Сегодня онъ нездоровъ; цѣлое утро его тошнило. Онъ чаю напился: думалъ, что пройдетъ — опять стошнило; водки выпилъ — опять. Даже слегъ.

18 іюня.

Онъ далъ мнѣ прочесть тетрадку своихъ стишковъ. Я хочу всѣ списать.

20 іюня.

Вчера вечеромъ стала я списывать *его* стихи, а маменькѣ пришла фантазія придти къ намъ въ комнату. Увидала, что я стихи переписываю, и раскричалась.

— Тебѣ, говоритъ: — умнѣе ничего въ голову нейдетъ! Отчего Еня вонъ ужь спитъ давно?

И свѣчку погасила.

Скорѣе ложиться спать, а то какъ бы опять крику не нажить!

Мишель! душка!

27 іюня.

Я ужь почти всю тетрадку списала, да насъ маменька изъ комнаты выгнала: изъ кроватей вывариваетъ клоповъ и всѣ стѣны мыломъ вымазала.

2 іюля.

Онъ былъ у насъ вечеромъ; все сидѣлъ со мной въ залѣ, и за руку держалъ, и еще одно... этого не напишу. Какъ я счастлива!

6 іюля.

Онъ былъ у насъ эти дни каждый вечеръ, и какъ-разъ у маменьки на ту пору гости. Я такъ рада была. О чемъ только мы не говорили!

— Прочли вы мою тетрадку? спросилъ *онъ*.

— Не только прочла, даже списала, говорю.

— Неужели всю?

— Всю.

Онъ ко мнѣ наклонился, поцаловалъ меня въ шею (а я была декольте) и говоритъ:

— Такъ бы тутъ и замеръ!

8 іюля.

У папеньки что-то растетъ животъ. Съ каждымъ днемъ все больше. Маменька говоритъ: водяная отъ пьянства.

9 іюля.

Не знаю, куда спрятать мнѣ *его* стишки. Только-что возьму ихъ въ руки, маменька тутъ какъ тутъ, и пойдетъ бранить: чего-чего не приговариваетъ!

11 іюля.

Вчера рѣшилась я спрятать тетрадку въ саду. Насилу придумала, какъ.

Сама вырыла ямку въ землѣ, и прикрыла ее дерномъ, и дернъ въ видѣ креста. Только не во что тетрадку положить; такой коробочки нѣтъ. Впрочемъ въ ящикѣ отъ цигаръ можно.

12 іюля.

Спрятала — и очень довольна! А то маменька все сжечь хотѣла. Даже вчера по всѣмъ ящикамъ искала.

Мишель! душка! на что я не рѣшусь для тебя?

17 іюля.

Повадился къ намъ Коврижкинъ. Почти каждый день бываетъ. Мнѣ ужасно надоѣлъ.

Какъ только стану я чай наливать, онъ и подсядетъ со своими «таперича».

Такой гадкій!

19 іюля.

Былъ *онъ*, и въ сумеркахъ, когда мы были одни, взялъ меня за руку и подалъ записочку. Вотъ она:

«Любовь выше силъ моихъ. Вы не отвергаете меня, ангелъ души моей! Приходите завтра въ садъ въ десять часовъ, когда у васъ всѣ лягутъ, и отоприте калитку на пустырь!»

Скоро ли придетъ завтра?

20 іюля.

Руки у меня дрожатъ; я насилу пишу.

Послѣ ужина пошла въ садъ, отперла калитку и жду.

Онъ скоро пришелъ. Сначала всталъ передо мной на колѣни... Ахъ, я не могу всего этого описать!... А потомъ всталъ и сказалъ:

— Сядемте въ бесѣдкѣ!

Мы пошли туда и сѣли. *Онъ* началъ меня обнимать и цаловать....

Ахъ! эта тайна со мной умретъ!

21 іюля.

Цѣлый день читала господина Бенедиктова сочиненія. Какъ тамъ хорошо про любовь описано!

27 іюля.

Пріѣхали сюда какіе-то Груздевы. Двѣ барышни есть невѣсты. *Онъ* съ ними познакомился.

29 іюля.

Пришелъ *онъ* вечеромъ. Свѣчей еще не подавали. Маменька ходила смотрѣть, какъ огурцы солятъ. Я стояла съ *нимъ* въ залѣ, за плющемъ. *Онъ* меня все обнималъ. Какъ обниметъ, я вся горю.

Вдругъ вошла маменька, а мы и не видали. Начала кричать и браниться.... Папенька услыхалъ, выскочилъ изъ кабинета и выругалъ *его* гадкимъ словомъ.

Его выгналъ, и сказалъ, чтобъ не смѣлъ къ намъ ни ногой.

Ахъ, какая я несчастная!

30 іюля.

Я все плакала. Папенька разсердился и заперъ меня въ чуланъ.

12 августа.

Сколько времени не писала я ничего въ своемъ дневникѣ! Я все плакала и тосковала.

Говорятъ, *онъ* женится на младшей Груздевой. О мужчины, мужчины! вотъ какова ваша любовь!

14 августа.

У насъ былъ Коврижкинъ. Весь вечеръ со мной сидѣлъ. Мнѣ на него смотрѣть тошно.

16 августа.

Папенька сегодня за обѣдомъ расказывалъ, что *его* выгнали отъ Груздевыхъ: будто *онъ* ложку серебряную у нихъ укралъ.

Чего здѣсь не сплетутъ!

20 августа.

Я хочу бросить дневникъ. Когда не видишь *его*, такъ и писать рѣшительно не объ чемъ.

23 августа.

Сегодня маменька позвала меня въ кабинетъ къ папенькѣ. Тамъ сидѣлъ Коврижкинъ.

Папенька сказалъ мнѣ:

— Вотъ, Катя, Матвѣй Спиридонычъ дѣлаетъ намъ честь — проситъ руки твоей.

Я залилась слезами. Меня выслали.

24 августа.

Весь день плакала. Маменька все меня бранила.

Енечка тоже плакала: Мошкинъ на Сашѣ Куропаткиной женится.

28 августа.

Онъ помнитъ и любитъ меня. Я часто вижу, какъ *онъ* проходитъ мимо нашихъ оконъ.

Вчера зашла къ намъ кривая торговка Ѳоминишна (шляпку она чью-то продаетъ), и какъ вышла я къ ней въ дѣвичью, она потихоньку сказала мнѣ, что *онъ* велѣлъ мнѣ кланяться

и сказать, чтобы я съ ней *ему* записочку написала. *Онъ* и не думаетъ жениться.

Душка! Мнѣ кажется, я еще больше прежняго люблю *его*.

1 сентября.

Я все плакала всѣ эти дни, а маменька меня все уговаривала. Вчера я согласилась.

2 сентября.

Прощай, моя радость!

Этимъ оканчивается тетрадка дневника.

Для полноты не мѣшаетъ присовокупить записочку, посланную къ *нему* съ кривой Ѳоминишной. Вотъ она:

«Душка! если бъ ты зналъ, какъ я люблю тебя! Я на все согласна, что ты мнѣ написалъ. Меня отдаютъ замужъ насильно, такъ я же имъ отомщу. Приходи, какъ ты хотѣлъ, къ калиткѣ. Ночи теперь темныя: никто не увидитъ, какъ я пройду къ тебѣ....»

КРУЖЕВНИЦА.

(Посв. Н. В. Гербелю.)

ГЛАВА I.

Если случалось вамъ въѣзжать въ губернскій городъ К. или выѣзжать изъ него московскою дорогой, вы конечно помните неимовѣрно длинную улицу, которою начинается, или пожалуй кончается городъ. Улица эта вся застроена маленькими трехъ-оконными домиками, между которыми прилажены мѣстами у нестройныхъ заборовъ сколоченныя живьемъ лубочныя лавчонки съ калачами и баранками. На усладу мирныхъ обитателей улицы есть на ней и бѣлая харчевня съ пузатымъ самоваромъ на вывѣскѣ и чернѣйшимъ бѣльемъ на столахъ, есть и два питейныхъ дома, есть наконецъ для болѣе прихотливыхъ и настоящій трактиръ — даже не просто трактиръ, а трактиръ Китай. Впрочемъ до всѣхъ этихъ общеполезныхъ учрежденій намъ нѣтъ никакого дѣла; а потому, минуя ихъ, остановимся у одного изъ самыхъ старыхъ, самыхъ непригожихъ домишекъ улицы, который помѣщается за ветхимъ и сквознымъ заборикомъ и какъ-то вовсе некстати осѣненъ двумя высокими пышными березами, стоящими рядкомъ передъ его узенькими окошками.

Много лѣтъ проживала въ этомъ домишкѣ старая мѣщанка Ивановна, добывая себѣ насущный хлѣбъ посильною работой. Она занималась стиркою бѣлья, и кромѣ того вязала на продажу нитяные и шерстяные чулки и носки. Единственный сынъ Ивановны — Тимоша, какъ называла его мать, несмотря на то, что онъ уже давнымъ-давно былъ

цѣлый Тимоѳей — служилъ гдѣ-то далеко, унтеромъ въ одномъ полку, и нерѣдко присылалъ письма, которыми питалъ въ старухѣ надежду видѣть вскорѣ сына офицеромъ. Ивановна каждый день ходила къ обѣдни и усердно молила Бога, чтобы дожить ей до того счастливаго времечка, когда явится къ ней ея голубчикъ Тимоша въ чинѣ и почетѣ. Была у Ивановны и невѣста на примѣтѣ для сына.

На рукахъ и попеченіи старухи выросла дѣвочка сиротка, оставшаяся безъ всякаго призора послѣ смерти матери, не то пріятельницы, не то родственницы Ивановны. Съ того самаго дня, какъ взяла старуха въ свой бѣдный уголъ пятилѣтнюю Сашу, въ головѣ ея зародилась мысль, что хорошо бы выростить это дитя въ честныхъ трудахъ и страхѣ Божіемъ, на утѣху себѣ и на счастье сыну, почтительной дочерью и доброй женой. Мысль эта никогда не оставляла старую мѣщанку, и Ивановна постаралась, чтобы названая дочка ея знала грамотѣ какъ слѣдуетъ — читать печатное и писаное, и хоть не очень красиво, да четко умѣла бы и писать. Когда Саша выучилась и тому и другому, Ивановна позаботилась научить питомицу свою и доброму ремеслу. Разумѣется, она никакъ не хотѣла сдѣлать изъ Саши прачку и чулочницу, какою была сама.... Для сашиныхъ ли ручекъ это занятіе? Дѣвочка не на то растетъ. Хорошій женихъ, вотъ какъ Тимоша напримѣръ, и не возьметъ за себя этакой рукодѣльницы. И стала Саша учиться у сосѣдки кружевницы плести кружева. Руки у нея были ловкія, проворныя, наука пошла ей въ прокъ, и къ той порѣ, съ которой начинается моя исторія, Саша была уже отличною мастерицей, чуть ли не лучшею во всемъ городѣ. Лѣтъ ей было тогда семнадцать.... И что за пригожая дѣвушка была эта Саша! Длинная и густая темнорусая коса; нѣжное бѣлое личико, словно свѣжее яблоко; каріе глазки, такіе бойкіе; круглыя плечи.... а стройна какъ! походка какая!... Ивановна не могла налю-

боваться своею дочкой, но видя, какъ съ каждымъ днемъ краше и краше распускается Саша, и зная по собственному опыту, что пора этого пышнаго расцвѣта — пора опасная, держала ухо востро и берегла невѣсту сына пуще глаза. Впрочемъ Саша была не такая дѣвушка, чтобы за нею много смотрѣть: тихая, скромная, гулять не охотница; а какъ сядетъ за работу, такъ и не оторвешь ея ничѣмъ отъ коклюшекъ, знай-себѣ перекидываетъ ихъ съ руки на руку да узоръ булавками закалываетъ.... головы не отведетъ.

Однажды лѣтнимъ вечеромъ у покачнувшагося забора, за которымъ обитала Ивановна съ Сашей, остановилась дѣвушка въ шляпкѣ и новенькомъ бурнусѣ, черноволосая, очень недурненькая, и наклонилась къ большой щели забора, въ которую свободно могла бы продѣть всю голову. По двору расхаживалъ небритый и прихрамывающій человѣчекъ лѣтъ пятидесяти, въ сильно потертомъ ситцевомъ кафтанчикѣ, и пѣлъ себѣ что-то подъ носъ.

— Иванъ Степанычъ! окликнула его дѣвушка.

Иванъ Степанычъ, извѣстный также, отъ пристрастія своего къ чарочнымъ и распивочнымъ дѣламъ, подъ именемъ Ивана Стаканыча, былъ не кто иной, какъ полный владѣлецъ домишка, въ которомъ квартировала старая мѣщанка.

Онъ тотчасъ же подбѣжалъ меленькимъ шагомъ къ забору и устремилъ свои заплывшіе мутные глазки въ отверстіе, откуда заслышалъ голосъ.

— А! сказалъ онъ, увидавъ стоявшую на улицѣ дѣвушку. — Здравствуйте, моя ягодка! здравствуйте! Что, голубушка? Сашеньку вамъ надо?

— Да, отвѣчала дѣвушка. — Дома она?

— Какъ же! дома, дома! Милости просимъ, моя красавица!

Иванъ Степанычъ бросился опрометью къ калиткѣ и такъ молодецки распахнулъ ее, что чуть совсѣмъ не оторвалъ.

— Что рѣденько къ намъ заглядываете, пуговка вы моя? спросилъ онъ входящую дѣвушку, стараясь сдѣлать изъ своего пухлаго лица нѣчто умильное.

— Я вечоръ у Саши была, сказала дѣвушка. — Это вы вотъ никогда дома-то не живете.

— Дѣла все, дѣла, моя ягодка! съ ногъ сбился съ дѣлами.

Иванъ Стаканычъ подразумѣвалъ вѣроятно свои ежедневныя посѣщенія столь близкаго къ его владѣніямъ Китая.

Дѣвушка подошла къ низенькому окошку домика, которое глядѣло какъ-разъ промежь двухъ березокъ.

— Дома ты, Саша? спросила она, заглядывая въ отворенное окно.

— А, Поля! здравствуй! Иди въ горницу! раздался голосъ Саши.

Поля застала Сашу въ сѣняхъ за раздуваньемъ углей въ самоварѣ. Дѣвушки поцаловались и вошли въ комнату.

— А Ѳеклы Ивановны знать дома нѣтъ? спросила гостья.

— Надо было кружева отнести заказныя, такъ она и пошла. Садись, Поля!

Единственная горенка, которую занимала Ивановна со своей питомицей, была очень опрятна и смотрѣла весело. За ситцевою занавѣской стояла широкая кровать, на которой спали вмѣстѣ обѣ жилицы домика; въ простѣнкѣ между оконъ помѣщался столикъ, на которомъ прилажена была большая подушка для плетенья кружевъ, прикрытая чистою салфеткой; на окнахъ стояло два-три горшка съ левкоемъ.

— Что? не кончила? спросила Поля, наклоняясь къ кружевной подушкѣ.

— Нѣтъ еще. Пожалуста потише ты, Поля: коклюшекъ-то у меня не перебей!

— Счастье твое, сказала Поля, пристально разсматривая работу: — что ты этакая мастерица! Вотъ кабы мнѣ умѣть такъ работать!

— А кто виноватъ, что не умѣешь? Со мной вѣдь вмѣстѣ училась.... И работа-то не Богъ знаетъ какая.... Зачѣмъ вотъ было бросать?

— Такъ ужь! бросила; а зачѣмъ, и сама не знаю. Теперь и каюсь, да поздно. Дорого возьмешь за кружевцо-то?

— Нѣтъ, это дешевенькое: всего по четвертаку аршинъ. Да что ты шляпки-то не снимешь?

Поля развязала ленты шляпки и бережно положила ее на стулъ; безъ шляпки она была гораздо некрасивѣе: волосы у ней были сзади обстрижены, а лицо, рядомъ съ свѣжимъ личикомъ Саши, казалось утомленнымъ.

— Никакъ плакала ты сегодня? спросила Саша, пристально посмотрѣвъ на гостью. — Глаза у тебя такіе красные.

При этихъ словахъ на глазахъ Поли показались слезы, и стали тихо, по одной скатываться у нея по щекамъ.

— Поля! что такое? что съ тобой? О чемъ ты плачешь? Полно! твердила Саша, обнимая ее. — Скажи, что случилось?

Поля вынула изъ кармана платокъ, обтерла себѣ щеки и печально махнула рукой.

— Сама все виновата! проговорила она.

— Вѣрно опять отъ него что-нибудь?

— Да.

— А что такое?

— Извѣстно, что.... Приревновалъ меня — вотъ что во флигелѣ-то рядомъ живетъ.... чиновникъ что-ли какой — такъ къ нему!... Пришелъ давича бѣшеный такой! Характеръ у него взбалмошный.... Сейчасъ и драться!

— Да брось ты его! сказала Саша: — брось, коль онъ этакой!

— Брось! брось! говорила Поля, и слезы у нея опять покатились. — Хорошо тебѣ такъ говорить.... А чѣмъ я жить-то стану?

— Работать будешь; вмѣстѣ будемъ работать.

— Я ничего не умѣю. Ото всего отвыкла. И на себя-то не могу работать, а ужь на другихъ и подавно!

— Я пожалуй и учить тебя стану. Тебѣ ужь вѣдь не сызнова начинать. Все кое-что знаешь.

— Нѣтъ; пускай ужь идетъ, какъ идетъ!

— Да вѣдь добро бы ты любила его, Поля; а то...

— Судьба, видно, моя такая! сказала Поленька, принимаясь ходить взадъ и впередъ.

Она опять вытерла слезы, закинула за уши упавшіе ей на лицо волосы и сказала болѣе спокойнымъ тономъ:

— Ну его совсѣмъ!... Давай лучше чай пить! Самоваръ-то ужь кипитъ, поди.

Выпивъ чашку чая, Поля окончательно успокоилась.

— Что я за дура, право! Точно мнѣ не въ привычку брань да побои — расплакалась. Богъ съ нимъ за его со мной обхожденіе! Спасибо, что хоть одѣться-то есть во что; не совѣстно на улицѣ показаться. Пусть ужь бьетъ—не бросалъ бы только! Вотъ ты, Саша, счастливая, право, дѣвушка: тебѣ не для чего на себя этакую долю брать: руки прокормятъ.

Саша призадумалась.

— А вотъ если бы ты да любила его? спросила она.

— Ну, любила бы, такъ и дѣло бы другое. За что любить-то? Ну, да пропадай онъ совсѣмъ! И говорить-то о немъ не хочу.

Скоро явилась и Ивановна; приземистая и жидкая фигура ея вся исчезала въ складкахъ длиннаго шерстянаго платка, покрывавшаго ея маленькую голову и приколотаго булавкой у подбородка. Освободясь отъ этого несоразмѣрнаго платка, старуха поклонилась Полѣ и поцаловалась съ ней.

— Здравствуй, Поленька, голубушка! Вотъ спасибо, зашла, съ Сашуркой посидѣла; а ужь я думала, пропадетъ она совсѣмъ со скуки, одна-то сидя. Ну что, родная, какъ поживаешь?

— Слава Богу, Өекла Ивановна, понемножку.

— Ну, и ладно, голубушка!... А барыни-то, Саша, дома не застала: такъ, понапрасну прошлась. Хотѣла было оставить кружево, да думаю, по нраву ли еще будетъ. Завтра ужь надо снести опять. А устала и не знай какъ. Спасибо ужь Прокофьевнѣ — попалась мнѣ па дорогѣ, зазвала къ себѣ. Поотдохнула у нея; а то въ силу бы доплестись до дому: головушку что-то разламываетъ, словно угорѣла.... А гдѣ бы, кажись, угорѣть?

Поля взялась было за шляпку.

— Куда же ты, Поленька? Посиди, голубушка! Вотъ чайку бы выпила еще чапарушечку.

— Нѣтъ, благодарствуйте, Өекла Ивановна! Я ужь и такъ четыре чашки выпила.

— А то походили бы вотъ по двору съ Сашей, погуляли. Тамъ никакъ и доска у забора прилажена — поскакать можно.

Напоивъ старуху чаемъ, Саша пошла со своей гостьей во дворъ. Онѣ думали встрѣтить тамъ любезнаго Ивана Стаканыча, который мастеръ былъ потѣшать дѣвицъ разнымъ балагурствомъ; но онъ сидѣлъ уже въ Китаѣ, попивая чаекъ и водку.

Дѣвушки постояли немного у забора, посмотрѣли на улицу, но не нашли тамъ ничего любопытнаго и простились.

— Куда ты только торопишься? замѣтила Саша.

— Нельзя. Душенька-то мой придти обѣщалъ.

— Ну его, право....

— Не заводись ты этимъ добромъ! сказала Поля, выходя въ калитку. — Бѣда да и только!

ГЛАВА II.

На другой день Ивановна, при всемъ желаніи идти изъ дому — отнести кружева, никакъ не могла сдѣлать этого:

она съ утра не вставала съ постели; голова у нея такъ разболѣлась, что трудно было оторвать ее отъ подушки. Послать съ кружевомъ было рѣшительно некого. Иванъ Степанычъ и сходилъ бы, да человѣкъ-то онъ былъ ненадежный: того и гляди забѣжитъ по дорогѣ въ заведеніе, а тамъ и прощайся съ кружевами: либо забудетъ, либо совсѣмъ потеряетъ. Надо было идти самой Сашѣ, чего старухѣ очень не хотѣлось.

— Погодить бы, Саша! И завтра можно отнести.... Право. А то дорога этакая дальняя, почти-что въ конецъ города; мало ли что случиться можетъ! Ты же трусиха этакая... Собака тамъ попадется — или пьяный....

— Барыня-то сердиться будетъ, мама; а то бы что не оставить до завтра? Она и такъ вѣдь два раза присылала на недѣлѣ-то.

— Не пойти ли ужь развѣ мнѣ самой, Саша? перемочься да и пойти.

И старуха принялась, охая и крехтя, подыматься съ постели.

— Что ты? полно, мама! Насилу головой шевелишь, а идти вздумала! Да что мнѣ-то не сходить? Кто меня тронетъ? Вѣдь теперь не ночь: вонъ только что къ вечерни благовѣстили; часа четыре теперь, или пятаго половина — больше не будетъ. Я мигомъ сбѣгаю.

— Да! ближній это свѣтъ — мигомъ сбѣгаешь! А надо снести — надо. Что это я, дура, вчера-то не оставила? Иди ужь, Саша — нечего дѣлать!

— Хорошо, я одѣнусь.

— Только пожалуста поскорѣе ты, Саша! А то пожалуй до вечера проходишь. Да по сторонамъ-то много не гляди! Ты Покровкой, Саша: хоть оно и дальше, да ужь не обидитъ никто; а Знаменкой не ходи: тамъ всякого шатущаго народу много.

— Хорошо, хорошо, мама: я Покровкой пойду.

Саша черезъ минуту была готова. Она затянула черный шелковый передникъ на своемъ ситцевомъ платьѣ, накинула на плечи мантилью, тоже черную, и надѣла шляпку.

Ивановна сама поощряла къ опрятности и даже маленькому щегольству свою Сашу (какъ и не пощеголять дѣвушкѣ на свои трудовыя деньги?), но очень не любила отпускать ее куда-нибудь кромѣ церкви, а ужь особенно гулять, или въ такія улицы, гдѣ много ходитъ народу. Отпуская на этотъ разъ Сашу съ кружевомъ одну, Ивановна нашла излишнимъ въ ея одеждѣ шляпку.

— Зачѣмъ ты, Саша, шляпку-то надѣла?... Ты бы платочкомъ лучше прикрылась.... Платочекъ же у тебя этакой славный. А шляпку что понапрасну пылить? Вонъ пыль какая сегодня!

— Нѣтъ, мама, я ужь въ шляпкѣ пойду. Что ей сдѣлается?... Я ее и такъ рѣдко надѣваю.

Старуха заохала.

— Что съ тобой, мама?

— Охъ, ничего. Голову что-то опять разламываетъ.

— Ну, я пожалуй платочекъ надѣну! сказала Саша, посмотрѣвъ на Ивановну, и стала медленно и неохотно развязывать ленты шляпки.

— Нѣту, иди ужь въ шляпкѣ. Я такъ сказала только. Охъ, головушка.... опять ее гнететъ.

Саша взяла сверточекъ съ кружевомъ, надѣла старенькія перчатки и подошла къ старухѣ.

— Ну, вотъ я готова, мама!

— Ладно, родная! съ Богомъ!

Старуха перекрестила Сашу.

— Знаменкой-то, Саша, не ходи, смотри!

— Хорошо, мама, хорошо!

Въ два послѣдніе года Саша выходила изъ дому одна не болѣе десяти разъ, и то неподалеку. Ивановна позволяла ей

иногда, но только по буднямъ, а никакъ не въ воскресные или праздничные дни, гулять немного съ Полей. Хоть и знала, старуха, что Поля и плохая работница и обзавелась душенькой, однако довѣряла ей Сашу охотно, потому-что Поленька все-таки была дѣвушка добрая и вѣрная.

— Зашла бы ты, Саша, за Поленькой, сказала она и на этотъ разъ, когда питомица ея подошла уже къ двери: — съ ней бы вмѣстѣ сходили.

— Ладно, мама, я зайду. Если она дома, такъ мнѣ съ ней идти веселѣе. Прощай, мама!

Саша отправилась, зашла къ Полѣ, жившей неподалеку, но ея не застала, и должна была идти одна. Въ точности исполнила она наказъ старухи — не заглядывать на Знаменку, но, возвращаясь, никакъ не могла удержаться, чтобы не пройтись по Черному Пруду.

Чернымъ Прудомъ назывался небольшой садъ, разросшійся вокругъ неглубокаго и необширнаго озерка мутной воды. Тутъ, въ опрятныхъ, хотя и очень жалкихъ алеяхъ, гуляли городскіе обыватели, за неимѣніемъ лучшаго мѣста для прогулокъ. Въ алеяхъ стояли мѣстами скамейки, на которыхъ можно было посидѣть и помечтать — безъ всякого впрочемъ комфорта; мѣстами помѣщались съ лотками пирожники, продающіе миндальное печенье подозрительнаго цвѣта. Въ лѣтніе вечера на Черномъ Прудѣ бывало довольно гуляющихъ.

Было часовъ шесть, когда Саша шла близь Чернаго Пруда. Шляпка на ней была новая, одѣта она была нарядно: какъ же не зайти? Скоро ли еще выберется время погулять въ саду?

И Саша зашла. Противъ обыкновенія, народу было тамъ очень мало, чѣмъ дѣвушка осталась очень довольна. Попались ей только два чрезвычайно разбитныхъ почталіона съ молоденькой женщиной въ веснушкахъ, да два вспотѣвшіе

купца, да нянька съ дитятей въ куцей рубашечкѣ, и только; было еще рано.

Сашѣ очень захотѣлось нарвать себѣ цвѣтовъ шиповника; но она все боялась, чтобы не вывернулся вдругъ откуда-нибудь сторожъ, строго наблюдавшій за неприкосновенностью не только цвѣтовъ, но и листьевъ на клочкѣ земли, ввѣренномъ его надзору. Долго оглядывалась Саша и, не замѣчая никого въ алеѣ, рѣшилась наконецъ сдѣлать похищеніе. Сорвавъ цвѣтовъ пять, она захотѣла достать еще одну вѣтку; но вѣтка была далеко отъ края алеи, и надо было наступить на дернъ, чтобы достать ее. Саша шагнула на дернъ; но въ ту самую минуту, какъ она надламывала вѣтку, за нею раздался голосъ — впрочемъ не сторожа:

— Что это вы дѣлаете?

Саша страшно перепугалась; руки у нея опустились, оставивъ надломленную вѣтку шиповника. Она быстро оглянулась, покраснѣвъ до ушей, и пролепетала робкимъ голосомъ:

— Я хотѣла… одну только вѣточку.

За нею стоялъ высокій, красивый молодой человѣкъ, одѣтый франтомъ. Ему стало вѣроятно совѣстно, что онъ перепугалъ такъ бѣдную дѣвушку, и онъ сказалъ:

— Извините: я спросилъ васъ потому, что хотѣлъ помочь вамъ.

Дѣвушка стояла уже на пескѣ алеи, бросивъ въ кустахъ и прежде сорванные цвѣты. Молодой человѣкъ очень ловко шагнулъ въ кусты и въ одну секунду нарвалъ болѣе цвѣтовъ, чѣмъ Саша въ нѣсколько минутъ. Она все еще стояла какъ ошеломленная, и смотрѣла съ удивленіемъ на молодаго человѣка. Онъ тотчасъ возвратился къ ней и подалъ ей большой пукъ блѣдныхъ розовыхъ цвѣтовъ.

— Зачѣмъ это вы? проговорила Саша, краснѣя опять всѣмъ лицомъ. — Я не возьму. Здѣсь вѣдь не велятъ рвать цвѣтовъ.

— Не бойтесь, сказалъ молодой человѣкъ. — Сторожъ ничего не смѣетъ сказать. Возьмите.

Саша и хотѣла и не хотѣла взять цвѣты; наконецъ рѣшилась и взяла. Молодой человѣкъ, предлагавшій ей ихъ, былъ такъ хорошъ и такъ любезенъ, что отказать ему было невозможно.

— Покорно васъ благодарю, сказала Саша, принимая букетъ.

— Не за что, отвѣчалъ молодой человѣкъ, идя рядомъ съ Сашей, которая пошла поспѣшнѣе. — Вы вѣрно въ первый разъ здѣсь въ саду, что такъ боитесь рвать цвѣты?

Саша думала было не отвѣтить; но вѣдь это будетъ невѣжливо. А между тѣмъ не отвѣчать хорошо бы: молодой человѣкъ вѣрно оставилъ бы ее и не шелъ бы съ нею такъ свободно рядомъ, словно старый знакомый.

— Нѣтъ, я здѣсь не въ первый разъ.

— Отчего же я никогда не встрѣчалъ васъ?

— Я очень рѣдко сюда хожу.

— Вы далеко живете?

— Далеко.

— А гдѣ именно?

— Зачѣмъ вамъ?

— Такъ.

— Не все ли вамъ равно, гдѣ бы я ни жила?

— Вы однѣ живете?

— Нѣтъ.

— Съ кѣмъ же?

— Съ родственницей.

— Молоденькая?

— Нѣтъ, старушка.

— Какъ однако вы скоро идете!

— Надо домой.

— А гдѣ вашъ домъ?

— Ахъ, Боже мой! вы опять?

— Впрочемъ и не надо! Не сказывайте! Я узнаю самъ.

— А какъ вы узнаете?

— Пойду за вами.

Саша остановилась.

— Ради Бога, сказала она, сложивъ руки и глядя въ глаза молодому человѣку: — не дѣлайте этого! Не ходите за мной. По улицѣ столько народу ходитъ: увидятъ, что я съ постороннимъ иду. Хорошо ли это?

— Такъ мнѣ, значитъ, уйти?

— Да, сдѣлайте милость!

— Я не могу.

— Отчего?

— Оттого, что вы мнѣ очень нравитесь.

— Полноте! какъ вамъ не стыдно такъ говорить? Я сначала думала, что вы....

Саша замялась.

— Что такое?

— Вы разсердитесь, если я скажу...

— Нѣтъ.

— Оставьте меня, сдѣлайте милость! Мнѣ домой пора; меня бранить будутъ.

— Нѣтъ, скажите сперва, что такое вы думали?

— Ахъ, Боже мой! какіе вы! Отъ васъ нельзя отдѣлаться.

— Ну, скажите же, что такое?

— Я ужь забыла.

— Неправда. Я не отстану, пока не скажете.

— Ну... я думала, что вы добрые — не станете обижать...

— А я васъ обидѣлъ?

— Ахъ, нѣтъ!

Саша покраснѣла.

— Господи! какая я глупая! Сама не знаю, что говорю.

— У меня и въ мысли не было обидѣть васъ.

— Ахъ, простите меня! Это я такъ сказала... Не подумала... Только пожалуста останьтесь здѣсь, не ходите за мной! Я умру со стыда...

— Такъ я васъ и не увижу больше?

— Да зачѣмъ намъ видѣться?

— Въ такомъ случаѣ я хочу побыть съ вами подольше — и провожу васъ до дому.

— Какіе вы злые!... Вотъ я и не знаю теперь, что дѣлать? Боже мой!

— Скажите, гдѣ живете?

— Да что вамъ въ этомъ?

— Я приду къ вамъ.

— Ахъ, что вы? Развѣ это можно? Вы забыли про маму...

— Да вѣдь не могу же я навсегда съ вами проститься?

— Не навсегда... мы встрѣтимся когда-нибудь опять.

— Когда-нибудь! Я этого не хочу.

— Боже мой! да что же мнѣ съ вами дѣлать?

У Саши навернулись слезы на глазахъ. Молодой человѣкъ сжалился.

— Вы скажите только, когда я могу васъ опять увидать — и гдѣ?

— Я не знаю, право. Я такъ рѣдко выхожу со двора. Что вамъ во мнѣ?

— Ну такъ я васъ провожу теперь, сказалъ молодой человѣкъ послѣ краткаго молчанія.

— Опять! Въ васъ вовсе жалости нѣтъ. Что я вамъ сдѣлала?

— Ну что вамъ стоитъ сказать? Когда же? гдѣ?

— Я, ей Богу, и сама не знаю, сказала Саша, то взглядывая на своего спутника, то опуская глаза. — Развѣ

завтра, какъ смеркнется, проговорила она почти безсознательно: — у оврага, что около Ямской.

— Ну хорошо. Куда же вы?

— Прощайте! Мнѣ давно пора. Того и гляди, придутъ еще сюда.

— Подождите немного! Скажите хоть, какъ васъ зовутъ?

— Сашей.

И Саша пошла такъ скоро, какъ только могла, торопясь выйти изъ саду. Сердце у ней сильно билось.

Неугомонный молодой человѣкъ догналъ-таки ее опять и, наклонясь къ самому плечу ея, спросилъ:

— Вы не обманете, Саша?

Дѣвушка вздрогнула и вся вспыхнула.

— Нѣтъ, пролепетала она едва внятно, бѣгло взглянувъ въ лицо своему преслѣдователю. — Оставьте меня! Идутъ.

Въ самомъ дѣлѣ, изъ другой алеи показался какой-то баринъ съ пуделемъ. Саша такъ была напугана, что еще ускорила шаги. Молодой человѣкъ пошелъ гораздо тише. Платье Саши давно уже исчезло изъ глазъ его, когда онъ сошелся съ бариномъ, имѣвшемъ при себѣ пуделя.

— Прогуливаетесь, Анатолій Петровичъ? спросилъ этотъ господинъ, приподнявъ шляпу, и рябое лицо его вдругъ озарилось милой улыбкой.

— Да, ходилъ немного.

— Замѣтили, какая сейчасъ пташечка пропорхнула?

— Да, очень недурна.

— Совершенный миленочекъ!

ГЛАВА III.

Анатолій Петровичъ возвратился домой поздно. Дома вѣрный и непьющій слуга его Никита подалъ ему два письма принесенныя съ почты.

Письма вѣроятно мало интересовали его, ибо онъ не прежде принялся за нихъ, какъ облачившись въ туфли и халатъ и выкуривъ трубку. Наконецъ, сломавъ печать перваго письма, онъ прочелъ въ немъ слѣдующее:

«Дражайшій Анатолій Петровичъ! Всего двѣ недѣли прошло съ того времени, какъ вы оставили нашу Козловку, а мы всѣ, въ особенности Лизанька, прожили какъ-будто цѣлый годъ безъ васъ: такъ время долго тянулось. Мы ждемъ отъ васъ ежеминутно вѣсточки и интересуемся узнать, какъ идутъ ваши дѣла. Молимъ Бога, чтобы какъ нельзя лучше все кончилось и вы имѣли бы полный успѣхъ. Лизанька въ большой горести, что должна быть въ разлукѣ съ женихомъ два мѣсяца. Она ужь просила меня, чтобы мы переѣхали въ К.; но это невозможно, вы сами знаете: пора теперь рабочая— нуженъ вездѣ глазъ да глазъ. Потерпите ужь это времечко: тѣмъ пріятнѣе будетъ свидѣться. Лизанька вамъ отдѣльное письмо пишетъ. Она все играетъ на фортопьянахъ вашу любимую польку-мазурку.

«Будьте здоровы, дражайшій Анатолій Петровичъ, и пишите къ намъ почаще. Остаюсь любящая васъ душевно будущая мать ваша Аграфена Кочуева.»

Другое письмо, писанное Лизанькою, было далеко не такъ кратко, какъ письмо ея маменьки. Оно занимало большой почтовый листъ и было написано до крайности мелко. Хотя въ немъ было много нѣжнаго и пріятнаго для самолюбія Анатолія Петровича, но онъ все-таки не дочиталъ его. Онъ былъ очень близорукъ, и при свѣчахъ было ему трудно разбирать тонкую и слишкомъ связную рукопись невѣсты. Письмо было снова вложено въ пакетъ и оставлено до слѣдующаго утра. Затѣмъ Анатолій Петровичъ улегся въ постель и опочилъ безмятежнымъ сномъ невинности.

А въ той далекой улицѣ, гдѣ процвѣтаетъ трактиръ Китай, въ томъ маленькомъ домишкѣ, передъ окнами кото-

раго растутъ двѣ березы, этотъ невинно спящій Анатолій Петровичъ произвелъ томительную и тревожную безсонницу. Саша не спала; глаза и щеки ея горѣли; въ комнатѣ было слишкомъ душно; левкой былъ слишкомъ пахучъ.

Много самыхъ разнородныхъ, то обольстительныхъ и манящихъ, то пугающихъ и грозныхъ мыслей осаждали пылающую голову дѣвушки. Она чувствовала себя и отчасти счастливою и вмѣстѣ несчастною, и больше всего чувствовала себя виноватою. А чѣмъ была она виновата?

Возвращаясь домой отъ барыни, которой отнесла кружева, Саша не переставала думать, что поступила очень легкомысленно и даже дурно, назначивъ свиданіе молодому человѣку. А между тѣмъ какъ могла она не назначить этого свиданія? Вѣдь онъ пошелъ бы за нею слѣдомъ, среди бѣлаго дня, провожать ее до дому, и всѣ бы увидали это, всѣ бы осмѣяли ее. Но развѣ нельзя остаться дома и нейти къ оврагу? Сашѣ становилось жаль молодаго человѣка, и какое-то тайное чувство говорило ей, что обмануть его чуть не грѣхъ.

Торопливо постучалась она въ дверь своей пріятельницы. Поленька была дома и одна. Она сидѣла у окна и гадала старыми картами о трефовомъ королѣ.

— Какъ это ты зашла ко мнѣ? воскликнула она съ удивленіемъ, отворяя дверь Сашѣ. — Неужто Ѳекла Ивановна отпустила?

Она обняла Сашу и поцаловала ее. Губы Саши дрожали; безъ отвѣта сѣла она на еле живой стулъ и вдругъ заплакала.

— Господи! что это съ тобой, Саша? Въ первый разъ вижу, чтобы ты такъ плакала.

Саша долго не могла придти въ себя; наконецъ сказала черезъ силу:

— Моя видно очередь теперь. Вчера ты пришла ко мнѣ плакать, сегодня — я къ тебѣ.

— Да что за горе случилось?

Саша все расказала.

— Такъ объ чемъ же ты плачешь-то? спросила Поленька такъ простодушно, что Саша поневолѣ немного успокоилась. — Что за бѣда? Вѣдь тебя никто съ нимъ не видалъ?

— Никто.

— Ну, и плакать не объ чемъ.

— А пойти къ оврагу-то?

— А зачѣмъ сказала ему? Да и то не бѣда. Не ходи!

— А онъ будетъ ждать...

— Подождетъ, да и домой уйдетъ.

Саша встала со стула, подошла къ Полѣ и стала обнимать ее. Та съ удивленіемъ смотрѣла на нее.

— Экъ ты раскраснѣлась-то, Саша!

— Поля, душа моя! говорила Саша, чуть не задыхаясь: — я не могу... я пойду... Если бъ ты только видѣла его...

Поленька покачала головой.

— Саша! сказала она, помолчавъ немного: — посмотри ты на мое житье, на самое на меня! Что я? тряпка грязная. Объ меня только ноги обтирать. А живу-то я какъ? Господи!... А все отчего?

— Ты пойдешь со мной, говорила Саша: — онъ при тебѣ будетъ не такъ, какъ со мной одной. Пойдешь вѣдь?

— Пожалуй, отвѣчала Поля довольно нерѣшительно.

— Право же, Поля... право... повторяла Саша, снова заливаясь слезами: — я не могу... мнѣ душно, скучно дома... Я умру, право...

Поленька принялась успокоивать и уговаривать Сашу; но рѣчь ея коснулась какъ-то той поры, когда она сама была поставлена въ такое же положеніе, какъ Саша, и слова Поленьки вдругъ приняли другое направленіе, голосъ ея зазвучалъ иначе, вся она похорошѣла вдвое отъ румянца, заго-

рѣвшагося на ея блѣдныхъ щекахъ, и вмѣсто того, чтобы отклонить Сашу, она увлекла ее къ полному рѣшенію.

Старуха долго ворочалась на постели, ожидая свою питомицу, и не знала, чему приписать долгое ея отсутствіе. Наконецъ Саша явилась въ сопровожденіи Поленьки.

— А я заждалась тебя совсѣмъ, Саша! ужь думала, Богъ знаетъ что случилось.

— Мы вмѣстѣ ходили, Ѳекла Ивановна, отвѣчала Поленька: — да устали очень, такъ ужь ко мнѣ зашли — отдохнуть немножко.

— Спасибо тебѣ, голубушка моя; а то я, признаться, боялась за Сашу. Выходитъ рѣдко; а тутъ мало ли что случиться можетъ. Близко ли идти!

Поленька распрощалась.

Дома ее ждалъ ужь ея душенька, покуривая трубочку и пуская въ окно красивыя колечки дыма.

ГЛАВА IV.

Весь день Саша провела въ страшной тревогѣ; работа у нея вовсе не спорилась; на глаза безпрестанно навертывались слезы. Она рѣшительно не понимала, что совершается съ нею и въ ней. Ивановна какъ на бѣду расхворалась больше вчерашняго; съ утра походила-было немножко взадъ и впередъ по комнатѣ, но потомъ опять улеглась. День тянулся для Саши невыносимо долго. На силу-то заблаговѣстили къ вечернѣ. При ударѣ колокола на ближайшей церкви сердце Саши сильнѣе забилось и мучительно сжалось какимъ-то тоскливымъ чувствомъ. А между-тѣмъ она не перемѣнила своего рѣшенія. Этотъ день тревоги сдѣлалъ ей какъ-будто тяжелою жизнь ея въ бѣдныхъ стѣнахъ тѣсной комнатки; сердце Саши рвалось на свободу, просило чего-то неизвѣст-

наго. Всѣ дни, однообразной чередой прошедшіе надъ ея хорошенькой бѣлокурой головкой, являлись ей днями пустыми и темными. И среди каждой мысли, среди каждаго занятія возникалъ передъ бѣдною дѣвушкой обольстительный юношескій образъ...

Вскорѣ послѣ вечерень пришла Поленька. Ивановна въ это время уснула.

— Что, не передумала ты, Саша? спросила Поленька шопотомъ свою подругу.

— Нѣтъ, отвѣчала такъ же тихо Саша.

— Ахъ, Саша, Саша!

Поленька покачала головой.

— Не могу, Поля... право... не могу.

И опять слезы.

— Полно плакать.

— Ничего... когда плачешь... легче...

— Θекла Ивановна пожалуй услышитъ.

— Нѣтъ, она спитъ.

— Пуститъ ли она тебя, Саша?

— Пуститъ... она ничего не знаетъ.

Саша принялась вытирать свои заплаканные глаза и мокрыя щеки.

— А я-то? я-то? сказала Поленька, опять качая головой. — Меня и пускать-то бы сюда не слѣдъ.

— Отчего? простодушно спросила Саша.

— Да такъ! отвѣчала Поленька: — вѣдь вонъ Θекла Ивановна мнѣ вѣритъ.

— Полно! сказала Саша, встала со стула и начала ходить по комнаткѣ. — Ты не виновата!

Въ этотъ тяжелый и грустный день Саша какъ-будто вдвое похорошѣла. На щекахъ ея, слегка похудѣвшихъ, пылалъ горячій румянецъ; влажные глаза смотрѣли томно. Губы у ней безпрестанно сохли, и ей было тяжело дышать. Волосы

ея никакъ не хотѣли въ этотъ день покориться гребню, можетъ-быть и потому, что гребень дрожалъ въ блѣдныхъ, холодныхъ рукахъ, и безпрестанно разбивались спереди и падали длинными прядями ей на глаза и на щеки. Грудь бѣдной дѣвушки высоко подымалась частыми вздохами.

Ивановна наконецъ проснулась. Сонъ очень укрѣпилъ ее; она приподнялась съ постели и прошлась по горницѣ.

— Вотъ мнѣ и полегче! Слава тебѣ Господи!

— Что голова-то, мама?

— Легче, не въ примѣръ противу давешняго.

— Ну и слава Богу, Ѳекла Ивановна! сказала Поленька.

Она едва собралась сказать Ивановнѣ, чтобы та отпустила Сашу къ ней посидѣть — на часокъ, не больше. Трудно было ей рѣшиться обмануть старуху. Ивановна, не подозрѣвая ничего, охотно согласилась.

— Не передумала ты? спросила Поленька Сашу, улучивъ минуту, когда старуха не могла ея слышать.

— Нѣтъ, отвѣчала Саша, и щеки ея вспыхнули еще ярче.

Начинало смеркаться, когда обѣ дѣвушки вышли изъ дверей комнатки, выслушавъ наказъ Ивановны воротиться поскорѣе.

Оврагъ около Ямской Улицы былъ пустынное и безлюдное мѣсто, лежавшее невдалекѣ отъ той улицы, гдѣ жили Саша и Поленька. За оврагомъ не было никакого жилья, и оба края его, довольно впрочемъ отлогіе, опушались мелкимъ кустарникомъ, посреди котораго вилась узкая тропинка, спускаясь на дно оврага и всползая на противуположную сторону. Въ одномъ изъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ кусты выше и дорожка ровнѣе, по сю сторону оврага, какой-то любитель природы приладилъ на двухъ большихъ камняхъ доску на подобіе скамьи.

На этой-то скамьѣ сѣли двѣ дѣвушки. Вечеръ былъ свѣ-

телъ даже и въ этомъ ихъ убѣжищѣ. Тишина была полная: ни листкомъ не шевелился окрестный кустарникъ, ни звука не доносилось изъ города.

— Поля, мнѣ страшно. Зачѣмъ я пришла сюда? говорила Саша.

— Пойдемъ назадъ.

— Нѣтъ, ни за что. Мнѣ и страшно — и хорошо... Я хочу увидать его.

— Да онъ вѣрно не придетъ, Саша! Можетъ, такъ, шутя сказалъ... Что намъ тутъ сидѣть?

— Придетъ, придетъ, Поля! Я не пойду отсюда.

— А мнѣ остаться?

— Нѣтъ, Поля... уйди!... Мнѣ стыдно... А уйти не хочется.

— Я не знаю, что это дѣлается съ тобой, Саша!

— А я, ты думаешь, знаю?.. Я точно умираю... Господи! что мнѣ дѣлать?

— Пойдемъ лучше домой; ты совсѣмъ словно больна; пройдетъ это — сама же станешь смѣяться.

— Нѣтъ... не пройдетъ... Я ужь давно мучусь, Поля!... Я не говорила только ничего... Словно все кого-то ждала... Какъ же мнѣ теперь-то не подождать?

— А по моему теперь-то и покончить. Пойдемъ, Саша! Послѣ труднѣе будетъ оторваться.

— Ахъ, не говори ты мнѣ этого! Не могу я... Слышишь, не могу...

— Какъ хочешь! Я уговаривать больше не стану. Такъ я пойду — буду ждать тебя наверху.

— Нѣтъ, останься! хоть покамѣстъ онъ не пришелъ, останься! Мнѣ одной страшно. Посмотри, какъ я дрожу вся

Поленька сложила руки и качала головой.

— Если бъ ты знала, Поля... какъ я терзалась эту

ночь — и сегодня... Я ужь думала, не дожить мнѣ до вечера. Ты и не знаешь, какъ я... точно я давно ужь...

Въ кустахъ что-то хрустнуло.

— Идетъ, сказала Поля, вставая.

Саша схватила ее за руку.

— Постой, постой, Поля!... Я боюсь... Не ходи!

Онѣ осмотрѣлись. Никого не было видно.

— Такъ это хрустнуло что-то, сказала Поля. — Онъ вѣрно забылъ и не придетъ вовсе. Право, пойдемъ, Саша! Здѣсь такъ холодно стало.

— Холодно? А мнѣ такъ жарко...

— Пойдемъ.

— Тсс... идетъ... Ахъ!

Черная фигура стояла уже передъ Сашей. У нея потемнѣло въ глазахъ; она хотѣла сказать что-то, но не могла; голова у нея закружилась, и она упала на руки — Поленьки?.. Нѣтъ, не Поленьки. Та была уже на верху оврага.

ГЛАВА V.

Три недѣли... Какое это длинное время! Чего не можетъ случиться въ три недѣли!

Посмотримъ на тотъ домикъ, гдѣ живутъ Ивановна съ Сашей. Много ли тамъ произошло перемѣнъ въ три недѣли?

Ужь поздній вечеръ, пора, когда всѣ спятъ въ домикѣ, а въ оконцѣ между бѣлыхъ стволовъ березъ видѣнъ блѣдный свѣтъ. Что такое могло тамъ случиться? Отчего такъ поздно засидѣлись дѣвушка и ея мама? Этотъ мерцающій огонекъ — не свѣтъ лампадки передъ иконой: лампадка горитъ блѣднѣе. Вѣрно Саша работаетъ къ сроку, торопится кончить и засидѣлась за своимъ дѣломъ далеко за полночь. Или не больна ли ужь Ивановна, и не сидитъ ли Саша у изголовья старухи?

Сальная свѣчка нагораетъ да нагораетъ; Ивановна здорова и сидитъ около свѣчки, вздѣвъ себѣ на носъ тяжелыя очки. Медленно шевелитъ она желѣзными спицами; петля прицѣпляется къ петлѣ, и выростаетъ рядъ чулка, и другой, и третій, а Саши нѣтъ и нѣтъ. Вывязавъ цѣлый рядъ, старуха пріостанавливается, почесываетъ за ухомъ спицей, сдвигаетъ съ уха платокъ и прислушивается, или привстанетъ, въ окно посмотритъ. Саши нѣтъ.

То досада, то жалость овладѣваютъ попеременно сердцемъ старухи. На свѣтильнѣ свѣчки выросъ цѣлый грибъ копоти; въ комнатѣ темно, и мысли Ивановны становятся темнѣе.

«Ужь я ли,» думаетъ она: «я ли тебя не баловала, Саша, не берегла? А что мнѣ за все мое добро, за всю мою любовь? Стара видно я стала и глупа, что думала уберечь молодость. Не моимъ слѣпымъ глазамъ смотрѣть было за дѣвкой: и позрячѣе глаза не усмотрятъ.»

И приходитъ Ивановнѣ на мысль ея молодая пора: вспоминаетъ она, какъ и ее берегли да не уберегли. А былъ сосѣдскій Ваня хорошъ и пригожъ: кудри въ завиткахъ, глаза съ поволокой; какъ перетянетъ себѣ стройный станъ поясомъ, какъ пристукнетъ сапожками или на бандурѣ заиграетъ — по неволѣ сердце забьется, да ночь не поспишь, проворочаешься на постели съ боку на бокъ. И билось же сердце въ ту пору! А какъ начнетъ сердце биться, колотить безумолку въ бѣлую грудь, такъ и до грѣха недалеко.

Плохо видятъ глаза Ивановны; наклонилась она къ чулку: не то спустила петлю, не то нѣтъ. Точно туманъ въ глазахъ. Вынула платокъ, вытерла глаза, опять наклонилась къ чулку... Плохо. Совсѣмъ, видно, ослѣпнуть приходится.

Придвинула Ивановна къ себѣ свѣчку, придвинула съемы. Ай-ай, какъ свѣча-то нагорѣла! «Быть письмамъ; вонъ одно большое какое на свѣтильнѣ выросло.»

Сняла со свѣчки: въ комнатѣ стало свѣтлѣе, и на душѣ

у Ивановны какъ-будто пооградиѣе. Вотъ вѣсточку отъ сына получитъ; можетъ, и свидятся скоро. Какой-то онъ, чай, молодчина — въ усахъ, въ серебрѣ, а то и въ золотѣ пожалуй. Только бы жену взять да дѣтей растить. А дѣти будутъ не простые: все офицерскіе — и хлопотъ съ ними не надо много: пойдутъ сами въ гору! А жена-то гдѣ? Эхма! и была невѣста — хорошая, кроткая, работящая, никакой шалости за ней не было — да отняли злые люди! Пропали всѣ труды Ивановны даромъ. Сколько лѣтъ расла, цвѣла и расцвѣтала дѣвушка подъ ея надзоромъ да уходомъ; а тутъ вдругъ — этакое горе! Вотъ тебѣ и невѣста Тимошѣ!

Опять голова Ивановны опустилась подъ тяжкой и безрадостной мыслью.

И гдѣ это теперь Саша? Ивановна ничего не знаетъ; и жаль ей, что она на глаза къ себѣ не пустила Поленьку, когда та зашла какъ-то Сашу провѣдать. Можетъ-быть Поленька и не виновата совсѣмъ, а она ни за что, ни про что обидѣла бѣдную дѣвушку. Вотъ и сиди теперь одна да передумывай то да это; а что выдумаешь? Поленька же и не заглянетъ теперь. Ивановна совсѣмъ ее разобидѣла.

И сколько ужь вечеровъ просиживаетъ Ивановна одна, жжетъ понапрасну свѣчу да ждетъ свою любимицу, и что ни вечеръ, все позже и позже приходитъ домой Саша. Какъ придетъ дѣвушка домой, старуха глаза опуститъ, хочетъ то сказать, другое сказать, да языкъ не поворотится, такъ и промолчитъ; только свѣчу передъ иконой зажжетъ, долго молится, часто земные поклоны кладетъ. Саша станетъ за ней, перекрестится разъ, другой, въ землю тоже поклонится да такъ-то тяжело вздохнетъ, что у старухи духъ захватитъ.... И пойдетъ спать. Спитъ ли, нѣтъ ли, Богъ ужь ее вѣдаетъ. Иногда подушка только мокра бываетъ; но не каждое утро. Старуха это хорошо подмѣчаетъ: всякой день подушку Саши щупаетъ. Коль мокра подушка, Ивановна перекрестится и

подумаетъ: «Видно, тяжело ей, сердечной. Авось одумается. Можетъ, сегодня и не пойдетъ со двора.» Потомъ и такъ смекнетъ: «На комъ грѣха не живало? Богъ дастъ, все перемелется — мука будетъ.» Но Саша не остается по вечерамъ дома и все дольше и дольше не возвращается.

Вотъ и теперь... Пѣтухи уже по три раза пѣли. Иванъ Стаканычъ (сквозь перегородку слышно) огня вырубалъ на трубочку: видно, выспался; въ сосѣдяхъ караульщикъ пересталъ ужь въ заборъ колотить. Днемъ сидишь-сидишь — ни слова отъ Саши: молча работаетъ; ночью сидишь-сидишь — ну, дождешься... опять ни слова: Богу помолилась, вздохнула передъ образомъ и спать ложится. «Охъ, горе, горе!»

Старуха положила свое вязанье, погасила свѣчу, поправила лампадку передъ иконой. Прислушалась — ничего-то не слыхать, словно весь міръ Божій умеръ. Только откуда-то издали пѣтухъ голосъ подалъ.

Ивановна вышла на дворъ. Мѣсяцъ стоялъ еще на небѣ, только блѣдный и въ туманѣ; березки чуть шелестили частою листвой, и неопредѣленная тѣнь ихъ дрожала на землѣ. Подошла Ивановна къ забору, въ щель смотритъ. Ноги озябли: трава у забора мокрая, въ росѣ... Иди-ка спать, старуха! На улицѣ все смирно; всѣ дома... кто объ эту пору изъ гостей возвращается?

Нечего дѣлать! пришлось Ивановнѣ воротиться въ свою горенку, раздѣться и улечься въ постель. А какъ легла она въ постель, то и рѣшилась: перемочь себя завтра — выговорить Сашѣ все, что только накопилось и накипѣло у ней на сердцѣ... Какъ только воротится дѣвушка домой... «Да полно воротится ли она?»

И старуха заплакала.

Когда Ивановна проснулась (а проснулась она очень рано), первымъ дѣломъ ея было заглянуть за занавѣску, въ другую половину горенки.

Саша сидѣла у открытаго окна и обрывала листочки съ левкоя. Она была одѣта такъ же, какъ вышла изъ дому: видно и не ложилась.

Саша только-что заслышала, что Ивановна подымается съ постели, встала, взяла кувшинъ, пошла во дворъ къ колодцу и принесла свѣжей воды умыться старухѣ. У колодца она опрыскала себѣ лицо студеной водой и вытерла его носовымъ платкомъ. Глаза у нея горѣли и плохо видѣли; дремота одолѣвала ее. Поставивъ кувшинъ къ умывальной чашкѣ за занавѣску, Саша взяла самоваръ и вынесла его въ сѣни вмѣстѣ съ кулечкомъ углей.

Тѣмъ временемъ Ивановна успѣла умыться и одѣться, и ждала только Сашу, чтобы сказать ей наконецъ все, что давно уже собиралась сказать.

Саша вошла съ самоваромъ.

— Здорово, Саша! сказала старуха кроткимъ голосомъ.

— Здравствуй, мама! отвѣчала Саша, опустивъ рѣсницы.

«Чаю ли ужь сначала напиться,» думала старуха: «да потомъ начать ей говорить, или теперь?... Какъ бы только не обидѣть ее больно теперь-то. Вонъ убитая она какая! А натощакъ-то все грубѣе слово сорвется.»

Ивановна вся преисполнилась жалостью и не прежде, какъ проглотивъ, черезъ сахаръ, чашку чаю, рѣшилась начать разговоръ, да и то издалека; глазъ же на питомицу свою и не подымала: все смотрѣла какъ-то въ сторону.

— Что, Саша, скоро ты кончишь косынку-то кружевную?

— Нѣтъ еще, отвѣчала Саша, понимая, къ чему клонится этотъ вопросъ.

— А какъ?

— Недѣли черезъ полторы.

Старуха помолчала, потомъ, собравшись съ духомъ, сказала:

— Ты ужь нынче не по прежнему работаешь. Прежде давно бы кончила.

Саша молчала.

— Меня тебѣ не жаль, Саша, начала опять, послѣ нѣсколькихъ минутъ молчанія, Ивановна: — такъ себя бы ты пожалѣла. Хорошее ли это дѣло, сама ты посуди? Еще вчера... ну, третьяго-дня поздно пришла домой — никто хоть не видалъ этого. А нынче, поди, всякой смотритъ: откуда это идетъ дѣвушка въ такую пору?.. Я не про себя говорю. Ну, горько мнѣ, тяжело... охъ, такъ-то ужь тяжело, что и сказать нельзя!... Пожалуй люди скажутъ еще, что сама я тебя до этого довела. Ну да пусть ихъ говорятъ!.. Мнѣ что? А тебя-то мнѣ, родная, жаль... Погубишь ты этакъ и честь свою... и здоровье погубишь...

Ивановна подняла глаза на Сашу. Дѣвушка смотрѣла въ окно; въ рукахъ ея была недопитая чашка чаю.

— Вонъ глаза-то у тебя стали какіе! усталые: словно ты либо не спишь, либо плачешь... Я вотъ никого не вижу, не слышу: можетъ, ужь и толкуютъ про тебя... Хорошая-то слава на печкѣ лежитъ, а дурная по дорожкѣ бѣжитъ. Да и на меня-то ты посмотри, Саша! И я-то, на тебя глядя, извелась вся: ночи не досыпаю, работу забросила... Одна дума въ головѣ. И на кого ты меня промѣняла, Саша? Али не любила я тебя?... Родную дочь мать иная такъ не любитъ, какъ я. А тамъ — кто онъ такой, не знаю... Развѣ любовь что-ли у него къ тебѣ? развѣ тебя онъ, сердце твое что-ли любитъ? Красота твоя да молодость приглянулись. А и красота-то сгинетъ по безсоннымъ ночамъ.

Ивановна опять робко взглянула на Сашу.... Чашка въ рукѣ у нея задрожала, и слезы широкими ручьями покатились изъ глазъ Саши.

Старуха замолчала и во весь день не говорила уже ни полслова своей воспитанницѣ.

Впрочемъ вечеръ этого дня успокоилъ отчасти и мысли и сердце Ивановны. Саша оставалась дома. Она сначала

много плакала, потомъ расказала мамѣ, разумѣется тоже не безъ слезъ, все какъ было, и Ивановна уснула съ отрадной мыслью, что не пропала еще Саша, что авось, Господь милостивъ, все устроится какъ слѣдуетъ; подумала даже Ивановна, что Тимоша добрый человѣкъ, что старымъ грѣхомъ не въ глаза же тыкать, да и кто безъ грѣха? что Саша все-таки дѣвушка хорошая, сердце у ней доброе, руки работящія, и вообще невѣста она хоть куда.

ГЛАВА VI.

За мирнымъ вечеромъ слѣдовалъ другой, вовсе не такой пріятный для Ивановны. Все пошло опять по старому — идетъ такъ недѣлю, идетъ другую... По неволѣ стала приходить старухѣ въ голову пословица о кувшинѣ, повадившемся ходить по воду. Сколько разъ собиралась она взяться за послѣднее средство: брань и крикъ; но въ томъ-то и бѣда, что Ивановна была женщина не такого десятка. Да впрочемъ, кто ни будь на ея мѣстѣ, Саша всякого обезоружила бы своимъ смиреннымъ видомъ и кроткимъ молчаньемъ. Ивановна рѣшилась подождать еще недѣльку. Прежде-чѣмъ дождалась она, какъ-то разъ вечеромъ Саша зашла къ Поленькѣ, встревоженная и блѣдная.

— Что съ тобой? спросила ее Поленька.

— Богъ знаетъ что! отвѣчала Саша: — только нехорошее.

— Что нехорошее?

— Поленька, душа моя! сказала Саша, вдругъ принимаясь плакать: — онъ меня бросить хочетъ.

— Съ чего это ты взяла, Саша? Тебѣ и не знай что всегда кажется.

Поленька говорила это спокойнымъ тономъ; но сердце ея шевельнулось тревожно.

— Да, онъ хочетъ меня бросить... вчера сказалъ мнѣ, что я не увижу его недѣли полторы. Подарилъ вотъ!

Саша бросила на столъ довольно большую коробочку, которую Поленька тотчасъ же съ любопытствомъ открыла. Въ ней были брошка и серьги.

— А на что мнѣ все это?

— Да не можетъ этого быть, Саша, сказала Поленька, закрывая ящичекъ съ вещами: — вѣрно куда-нибудь ѣдетъ онъ ненадолго.

— Да, сказалъ онъ и мнѣ, что ѣдетъ; да я не вѣрю.

— Отчего же не вѣришь?

— Такъ, и сама не знаю, отчего. До сей поры я ему во всемъ вѣрила... а тутъ, какъ сказалъ онъ мнѣ, что уѣзжаетъ отсюда, у меня сердце вдругъ и замерло, и показалось мнѣ, что все это неправда, что онъ обмануть меня хочетъ.

— А когда онъ уѣхать хотѣлъ?

— Сегодня по утру.

— Ну, что же, уѣхалъ?

— Не знаю.

— А гдѣ онъ живетъ?

— У самаго Чернаго Пруда.

— Вотъ, какъ смеркнется, пойдемъ туда. Увидишь, что и свѣту въ окнахъ нѣтъ.

— Да что ходить, Поля? сегодня ли, завтра ли, броситъ же онъ...

Саша не могла уже произнести больше ни слова отъ слезъ.

Дѣла Анатолія Петровича были приведены къ вожделѣнному окончанію, и онъ ожидалъ къ себѣ въ этотъ день свою будущую тещу и невѣсту. Вечеромъ, часовъ около шести, во дворъ занимаемаго имъ дома въѣхала бричка, привезшая въ себѣ жданыхъ гостей.

Будущая теща Анатолія Петровича и невѣста его пріѣхали въ городъ всего на два, на три дня. Анатолій Петровичъ служилъ въ Москвѣ, и такъ-какъ домашнія дѣла не требовали уже болѣе присутствія его въ К., то на другой же день послѣ бракосочетанія съ избранною имъ дѣвицей онъ долженъ былъ отправиться съ молодой женой и тещей на мѣсто своего жительства и служенія.

Я очень жалѣю, что мало занимался психологіей и не могу сообщить ничего относительно состоянія сердца Анатолія Петровича въ послѣднее время. Судя впрочемъ по наружности, онъ казался совершенно спокойнымъ, какъ-будто все шло самымъ обыкновеннымъ образомъ. Былъ онъ сначала озабоченъ своими дѣлами, но дѣла наконецъ обдѣланы, и ужь заботиться нечего. Сашѣ сдѣланъ приличный, даже очень дорогой подарокъ: значитъ, съ этой стороны все ладно; невѣста пріѣхала — и завтра свадьба: съ этой стороны тоже хорошо. И чело Анатолія Петровича не омрачалось ни малѣйшимъ облакомъ...

Какъ Поленька ни уговаривала Сашу пойти съ нею вмѣстѣ къ квартирѣ Анатолія Петровича, чтобы удостовѣриться, что онъ точно уѣхалъ, Саша не хотѣла идти.

— Сходи одна! сказала она. — Мнѣ мочи нѣтъ.

— Да что ты будешь здѣсь дѣлать?

— Посижу, подожду тебя.

— Ну, какъ знаешь! Только скучно тебѣ будетъ одной-то сидѣть.

— Нѣтъ... Да только зачѣмъ и тебѣ-то идти, Поля?

— Нѣтъ, какъ ужь ты хочешь, а я схожу! Все лучше: по-крайности узнаемъ навѣрное. И мнѣ спокойнѣе будетъ.

— Такъ я не пойду домой; здѣсь стану тебя дожидаться.

— Ну прощай!

Поленька поспѣшно одѣлась и пошла къ Черному Пруду. Было уже довольно темно.

Она скоро нашла тамъ домъ, гдѣ по всѣмъ примѣтамъ жилъ Анатолій Петровичъ. Ее очень удивилъ сильный свѣтъ во всѣхъ окнахъ. Поленька перешла на противуположную сторону улицы и увидала, что по залѣ ходитъ молодой человѣкъ подъ руку съ молодой женщиной, весело разговаривая. Поленька не знала, что подумать: или она ошиблась домомъ, или Саша обманута, или наконецъ квартира занята уже другими постояльцами.

За ворота дома вышелъ кучеръ въ плисовой поддевкѣ, и сѣлъ на лавочку у калитки.

Поленька рѣшилась подойти къ нему.

— Послушайте, сказала она какъ можно вѣжливѣе: — вы здѣшній?

— Нѣтъ, мы козловскіе, Кочуевыхъ господъ.

— А здѣсь въ домѣ кто живетъ?

— Суровской баринъ, Анатолій Петровичъ.

— Онъ еще не уѣхалъ?

— Послѣ вѣнца поѣдемъ.

— Какъ послѣ вѣнца?

— А какъ же... Нашу барышню за него отдаемъ. Для этого и пріѣхали-то сюда.

— Когда же свадьба будетъ? спросила Поленька взволнованнымъ голосомъ.

— Завтра вечеромъ въ семь часовъ... Да что вы, барышня, такъ распрашиваете?

Кучеръ пристально посмотрѣлъ на Поленьку.

— Знакомы были съ бариномъ-то?

— Нѣтъ, отвѣчала, смѣшавшись, Поленька: — я такъ...

— А были знакомы, продолжалъ кучеръ: — такъ, поди, не обидѣлъ баринъ: наградилъ какъ слѣдуетъ.

Поленька не дослушала: она была уже на другой сторонѣ улицы. Злобно наклонилась она къ мостовой и схватила

валявшійся около тротуара камень; рука ея едва удержалась, чтобы не пустить имъ въ свѣтлыя окна.

Быстрымъ шагомъ пошла она домой, съ твердымъ намѣреніемъ разразиться тамъ цѣлымъ градомъ проклятій Анатолію Петровичу, но на половинѣ дороги одумалась, и твердое намѣреніе ея рушилось окончательно. Вѣдь такой вѣстью и убить можно! Пусть ужь лучше Саша ничего не знаетъ: все легче... А узнаетъ, такъ нескоро, когда его, злодѣя, въ городѣ не будетъ, когда, можетъ, и сердце поугомонится немного.

Саша сидѣла у открытаго окна. Мѣсяцъ свѣтилъ прямо на подоконникъ, на которомъ были разложены старыя карты. Отъ нечего дѣлать, Саша гадала о своей судьбѣ: червонная дама безпрестанно окружалась пиковыми злодѣями и пиковыми разлучницами; на сердце ей выпадали все пиковыя слезы.

Она увидала Поленьку, когда та только-что вошла на дворъ, и побѣжала къ ней навстрѣчу.

— Ну что? спросила она.

— Уѣхалъ, отвѣчала Поленька, стараясь придать своему голосу какъ можно болѣе правдивости.

Саша опустилась головой ей на плечо и заплакала. Поленька стала гладить ее по головѣ и уговаривать.

— Полно! Воротится.

— Не воротится, Поля! сердце мнѣ говоритъ, не воротится. — Ну что жь? была радость — и за то спасибо! А нѣтъ ея, и съ горемъ жить станемъ. — Прощай, Поленька! Домой мнѣ пора — мама ждетъ...

Поленька пошла на слѣдующій вечеръ смотрѣть свадьбу. Она стала близко къ вѣнчаемой парѣ и не сводила глазъ съ невѣсты, сравнивая ее съ Сашей. Это сравненіе не было выгодно для дѣвицы Кочуевой: Поленька нашла, что у нея и коса жиже, чѣмъ у Саши, и глаза желтые какіе-то, и вся-то она худа и не такъ стройна, какъ Саша.

Не достояла Поленька до конца обряда и отправилась домой.

— Подлецъ! подлецъ! проговорила она невольно на возвратномъ пути. — И на кого промѣнялъ-то?

—

Вы въ правѣ спросить меня, что сдѣлалось съ Сашей послѣ того дня, какъ дорожная бричка съ новобрачными помчалась изъ города К., засыпая пылью низенькіе домишки Ямской Улицы. Я тоже въ правѣ не отвѣтить вамъ, потому-что не знаю ничего положительнаго о послѣдующей судьбѣ хорошенькой кружевницы.

Можетъ-быть она по прежнему сидитъ за своими коклюшками, и такъ же, какъ было до встрѣчи съ заѣзжимъ бариномъ, утѣшаетъ старуху, которая прочитъ ее все-таки своему Тимошѣ; а можетъ-быть обзавелась Саша другимъ пріятелемъ... Бабушка надвое сказала.

Впрочемъ — едва ли сказала она надвое.

ПОЭТЪ.

Любовь, ты погибла, ты, радость, умчалась;
Одна о минувшемъ тоска мнѣ осталась!
Жуковскій.

ГЛАВА I.

Анна Степановна Ковровская сидѣла за письменнымъ столомъ и писала.

Анна Степановна была женщина или, правильнѣе, дѣвица мужественныхъ размѣровъ, почтеннаго возраста и нѣжнаго сердца. У ней были широкія, круглыя плечи, горделиво выдавшаяся грудь, жесткій станъ и величественная походка. Года, которыхъ прошло ровно тридцать-шесть надъ многодумною головой дѣвицы, унесли съ собою не всю привлекательность ея: лицо Анны Степановны было полно выраженія и жизни, несмотря на нѣсколько пятенъ коричневаго цвѣта, которыя не укрывались подъ легкимъ слоемъ англійской пудры; глаза горѣли огнемъ вдохновенія; тонкія губы, главное отличіе которыхъ составляла особенная блѣдность и сухость, хранили всегда нѣсколько грустную улыбку. Не будь въ городѣ, который имѣлъ счастіе быть резиденціей Анны Степановны, такая дурная вода, у нея не порѣдѣли бы волосы за ушами и тонкая коса ея не сдѣлалась бы такою тощею: Анна Степановна имѣла привычку мочить по утрамъ голову свѣжей водой. Вредоносное свойство этой воды не произвело однакожь никакого вліянія на виски почтенной дѣвицы, и два восхитительные акрошкёра красовались надъ ея полными щеками.

И такъ Анна Степановна сидѣла за письменнымъ столомъ и писала. Ранніе зимніе сумерки спускались на землю, и въ комнатѣ начинало замѣтно темнѣть; но дѣвица была такъ углублена въ свое занятіе, что не заботилась велѣть подать огня, и только наклоняла къ бумагѣ голову все ниже и ниже по мѣрѣ того, какъ въ комнатѣ становилось темнѣе.

Наконецъ когда строчки мелкаго письма слились одна за другою передъ глазами Анны Степановны въ сплошныя черныя линіи, она отвела лицо отъ своей рукописи, быстро взялась за колокольчикъ, помѣщавшійся между перламутровыми чернильницей и песочницей, и позвонила. Въ домѣ царствовала полная тишина, и звукъ колокольчика рѣзко пробѣжалъ по пустымъ и стемнѣвшимъ гостиной и залѣ, и замеръ въ прихожей. Анна Степановна прислонилась къ спинкѣ кресла и ждала.

Хотя дворня, состоявшая при особѣ дѣвицы Ковровской, была довольно многочисленна, однако въ настоящую минуту никто не могъ слышать звона Анны Степановны. Двѣ горничныя, Ѳеклуша и Мавруша, накрывъ головы большими и толстыми платками, стояли, несмотря на значительную стужу, на крыльцѣ; красивый лакей Никандръ, котораго барышня очень любила, потому вѣроятно, что онъ былъ нѣкогда любимымъ казачкомъ ея родителя, и которому дарила ежемѣсячно по банкѣ помады и три раза въ годъ по флакону жасминныхъ духовъ, рисовался передъ свѣжими горничными въ новой шинели съ мѣховымъ воротникомъ, и соблазнялъ ихъ пройтись по улицѣ.

— А какъ барышня кликнетъ? говорили ловкому кавалеру въ одинъ голосъ обѣ горничныя.

— Ужь на этомъ будьте спокойны! Ѳедька въ лакейской посаженъ.

— А какъ онъ уйдетъ? или вдругъ барышнѣ что понадобится?

— Что жь за бѣда такая? Промяться вышли. Извѣстно, человѣкъ сидитъ-сидитъ — да съ сидки-то и одурь возьметъ.

— Ладно вамъ этакъ говорить! Съ васъ не взыщутъ.

— Со всѣхъ взыскъ одинъ.

— Не больно-то со всѣхъ.

— Вамъ и книги въ руки! А все бы по улочкѣ прошлись....

— Пойдемъ ужь что-ли, Мавруша!

— И давно бы такъ.

Никандръ взялъ подъ-руку дѣвицъ и отправился съ ними изъ воротъ.

— Вотъ мы какъ погуливаемъ! произнесъ кавалеръ, принимая все болѣе и болѣе развязную походку: — въ лучшемъ видѣ!

И такъ лакей и двѣ горничныя были заняты прогулкой; неменѣе пріятное занятіе выбралъ для себя и мальчишка Ѳедька, посаженный Никандромъ въ передней. Онъ не долго просидѣлъ безъ дѣла и расположился уснуть, что немедленно и исполнилъ. Звонъ барышнина колокольчика безъ пользы долетѣлъ до него.

Анна Степановна, обладавшая чрезвычайно энергическою и кипучей натурой, не могла не выйти изъ терпѣнія, когда и вторичный звонокъ ея безплодно прозвучалъ по всему дому. Она живо оставила свое кресло, причемъ юбки ея издали пріятный шумъ, и быстрыми шагами, потрясавшими не только полную грудь дѣвицы, но и большую часть мебели, отправилась въ дѣвичью.

Шитье горничныхъ было въ безпорядкѣ брошено на столъ, и въ дѣвичьей сидѣлъ только сѣрый котъ, предаваясь съ приличнымъ мурлыканьемъ сладостной дремотѣ.

— Ѳекла! Мавра! крикнула Анна Степановна.

Зовъ этотъ былъ такъ же тщетенъ, какъ и звонокъ.

— Эй! гдѣ вы всѣ?

Котъ раскрылъ-было глаза; но, сверкнувъ ими въ сумракѣ, снова смежилъ вѣки и затянулъ опять прерванную пѣсню.

Сердито шаркнула Анна Степановна по стѣнѣ сѣрною спичкой, съ неменѣе сердитымъ тѣлодвиженіемъ зажгла свѣчу и пошла черезъ всѣ комнаты въ переднюю. Увидавъ невинно спящаго мальчишку, барышня тотчасъ же растолкала его.

— Эй, ты!

Мальчишка вскочилъ съ конника.

— Экъ заспался! замѣтила довольно язвительно Анна Степановна. — Гдѣ всѣ?... Тебя спрашиваютъ... куда всѣ разбѣжались?

— Не знаю-съ.

— Ахъ! дуракъ какой! Долго ли спать-то тебѣ?.. Пошелъ, позови дѣвокъ!.. Гдѣ онѣ вѣчно слоняются?.. И Никандра сыщи!

Мальчишка умчался. Когда онъ выскочилъ на крыльцо, горничныя и Никандръ возвращались съ прогулки, угощаясь жемками изъ пестраго бумажнаго платка, искусно балансируемаго въ рукѣ Никандра.

— Что, барышня зоветъ? спросили обѣ дѣвушки, увидавъ Ѳедьку.

— Зоветъ, отвѣчалъ мальчишка: — всѣхъ приказала позвать.

Горничныя рванулись къ крыльцу; но этотъ порывъ удался одной Маврушѣ, потому-что Ѳеклу ловко удержалъ за платье Никандръ.

Мальчишка исчезъ ужь за дверьми вмѣстѣ съ Маврушей.

— Пусти, шальной человѣкъ! сказала Ѳекла, стараясь отнять свое платье изъ рукъ лакея: — экой неотвязный!

— Не подождетъ развѣ? Вишь, цыцъ-дама какая!

— Полно, бѣшеный! Браниться станетъ.

И точно, Анна Степановна была готова разбранить всѣхъ,

и только-что явилась предъ нею Мавруша, барышня раскричалась.

— Куда это изволили разбѣжаться?.. Ни одной души въ домѣ нѣтъ... Долго ли вамъ говорить? Это просто терпѣнья не достанетъ. Ѳекла гдѣ?

— Она идетъ-съ.

— Гдѣ побывала? спросила Анна Степановна у входящей Ѳеклуши. — Для того тебѣ даютъ дѣло, чтобъ ты его по столамъ валяла?.. Ахъ вы, гуляльщицы! Вотъ дамъ я вамъ знать! Шитье-то скомкала, да и бросила?.. Комкать его тебѣ дали? а?

Этотъ репримандъ происходилъ въ дѣвичьей, гдѣ улика Ѳеклы — скомканное шитье лежало на столѣ.

— Никандръ гдѣ?

Горничныя молчали.

— Стѣны я что-ли спрашиваю?

— Мы не знаемъ-съ, отвѣчали обѣ.

— Какъ вамъ знать!

Никандръ вошелъ и тряхнулъ кудрями.

— Какъ это тебѣ не совѣстно, Никандръ? сказала укорительнымъ тономъ Анна Степановна, обращая полное лицо свое къ вошедшему лакею: — хоть бы ты посмотрѣлъ, чтобы всегда былъ кто-нибудь въ комнатѣ.

Никандръ опять тряхнулъ головой, и молча вышелъ изъ дѣвичьей. Барышня воротилась въ свой кабинетъ, куда ужь были поданы свѣчи, сѣла-было снова за письменный столъ, но вдругъ, вспомнивъ что-то, встала и вышла въ гостиную.

— Никандръ! кликнула она тамъ и вошла опять въ кабинетъ.

Когда она сѣла на мягкій диванчикъ, Никандръ вступилъ въ комнату и подошелъ къ Аннѣ Степановнѣ.

— Что прикажете? спросилъ онъ.

— Ахъ, Никандръ, какъ ты опять накурился! Стань подальше: отъ тебя ужасно табакомъ пахнетъ..

Никандръ отодвинулся.

— Пошли, Никандръ, Өедьку въ почтамтъ... не пришла ли московская почта?.. Да если почмейстера въ конторѣ нѣтъ, такъ чтобъ на домъ къ нему сбѣгалъ... Или самъ бы ты сходилъ...

— Я самъ пойду, отвѣчалъ лакей.

— Пожалуста, Никандръ!

Слуга вышелъ.

Анна Степановна, уславъ Никандра, почувствовала въ себѣ нѣкоторое треволненіе и, съ нетерпѣніемъ ожидая почты, не могла ничѣмъ хорошенько заняться. Она нѣсколько разъ садилась писать, пробовала читать книгу, пыталась даже вязать бисерный кошелекъ, но не могла ничего продолжать, и потому отправилась ходить взадъ и впередъ по всѣмъ комнатамъ, бросая въ каждой бѣглый взглядъ въ зеркало и непосредственно за такимъ взглядомъ принимая болѣе величественную осанку. Грудь Анны Степановны волновалась какъ море; по всему видно было, что московская почта чрезвычайно интересуетъ дѣвицу Ковровскую.

Наконецъ посланный возвратился съ большимъ пакетомъ. Анна Степановна торопливо разорвала этотъ пакетъ, свидѣтельствовавшій объ уваженіи почтмейстера къ дѣвицѣ Ковровской, и нашла тамъ еще три пакета съ книгами толстыхъ журналовъ и одно письмо.

Отложивъ письмо въ сторону, Анна Степановна поспѣшила, чуть не задыхаясь отъ нетерпѣнія, пробѣжать оглавленія всѣхъ трехъ книжекъ, пробѣжала эти оглавленія даже три раза и потомъ съ досадой отодвинула отъ себя журналы. Грудь ея волновалась еще сильнѣе, и Анна Степановна тревожно позвонила.

— Воды подай! крикнула она вбѣжавшей Маврушѣ.

Когда стаканъ свѣжей воды нѣсколько успокоилъ Анну Степановну, она приписала ненапечатаніе ея стихотвореній ни въ одномъ изъ полученныхъ журналовъ безвкусію издателей и редакторовъ, и взялась за письмо, которое пришло вмѣстѣ съ ненавистными книжками.

Анна Степановна никакъ не ожидала, чтобъ это письмо, съ такою холодностью брошенное въ сторону тотчасъ по полученіи, заключало въ себѣ вѣсть, которая наполнитъ радостной тревогой ея сердце. Письмо пріѣхало изъ Москвы и было наполнено выраженіями глубокой симпатіи, которую питала къ Аннѣ Степановнѣ госпожа Алтаева, авторъ «Дѣтскаго Праздника» и многихъ другихъ произведеній для юношескаго возраста. Но не эти выраженія дружбы, къ которымъ ужь успѣла отчасти привыкнуть дѣвица Ковровская, произвели въ пышной груди ея новое треволненіе, а извѣстіе, что изъ Москвы ѣдетъ въ тотъ городъ, гдѣ живетъ Анна Степановна, одинъ господинъ, пишущій стихи. Хотя имя Геннадія Матвѣича Суслова и было совершенно неизвѣстно Аннѣ Степановнѣ, тѣмъ не менѣе она очень обрадовалась, что наконецъ встрѣтитъ человѣка, способнаго понять ее. Вслѣдствіе этого ночью снились дѣвицѣ Ковровской очень пріятные, поэтическіе сны.

ГЛАВА II.

Міръ, въ которомъ жила высокая душа Анны Степановны, не былъ нимало похожъ на окружавшую ее дѣйствительность; скажемъ болѣе, онъ былъ діаметрально противуположенъ этой дѣйствительности. Въ дивномъ мірѣ фантазіи и поэзіи и сама дѣвица Ковровская была совсѣмъ не тою Анной Степановной, которая въ прозаической житейской сферѣ бранитъ дѣвокъ, даритъ лакею помаду и кушаетъ съ безпри-

мѣрнымъ апетитомъ. Это противорѣчіе, которое порою замѣчала въ своей натурѣ и сама дѣвица, объясняла она обыкновенно стихотвореніемъ Пушкина «Поэтъ».

Часто повторяла она восторженнымъ голосомъ (нѣсколько въ носъ) извѣстныя строки:

«Пока не требуетъ поэта
Къ священной жертвѣ Аполлонъ,
Въ забавахъ суетнаго свѣта
Онъ малодушно погруженъ;
Молчитъ его святая лира,
Душа вкушаетъ хладный сонъ,
И межь дѣтей ничтожныхъ міра
Быть-можетъ всѣхъ ничтожнѣй онъ.»

Съ особеннымъ чувствомъ произносила Анна Степановна послѣдній стихъ.

Дѣвица Ковровская родилась подъ самыми благотворными условіями для развитія ея поэтическаго генія. Отецъ ея былъ непослѣдній изъ авторовъ шарадъ и мадригаловъ, плодившихся съ невѣроятною быстротой и въ невѣроятномъ количествѣ въ началѣ нынѣшняго вѣка. Но не одни шарады и мадригалы сливались съ тонкаго пера Ковровскаго: онъ написалъ также нѣсколько сатирическихъ писемъ, два историческіе отрывка, отличавшіеся высотою и цвѣтистостью слога, басню «Скорпіонъ и Чахотка» (въ подражаніе «Подагрѣ и Пауку») и наконецъ три весьма игривыя сказки вольными стихами, на подобіе лафонтеновскихъ. Обладая очень хорошимъ состояніемъ и пользуясь всеобщимъ почетомъ, Ковровскій имѣлъ въ Москвѣ, гдѣ родилась и Анна Степановна, открытый домъ для всего мыслящаго и чувствующаго, и преимущественно для всего пишущаго. Мать Анны Степановны умерла рано, когда единственной дочери ея было всего пять лѣтъ. Дѣвочка осталась при отцѣ, который нанималъ ей учителей и училъ ее самъ. Имѣя свои понятія о пользѣ знанія иностранныхъ языковъ, литераторъ хотѣлъ,

чтобъ дочь его знала ихъ достаточно для чтенія и понима-нія французскихъ и нѣмецкихъ писателей, но не заботился нимало о томъ, чтобъ дочь его говорила на какомъ-нибудь иностранномъ языкѣ.

Рано развились поэтическія способности дѣвочки: восьми лѣтъ отъ роду сочинила она первую басню.

Обрадованный родитель исправилъ всѣ ошибки противъ стихосложенія и граматики въ дочерниной баснѣ, и разослалъ по всѣмъ московскимъ писакамъ пригласительныя карточки на литературный вечеръ, на которомъ должна была новая Сафо прочесть свое первое произведеніе.

— Талантъ у Анюты, талантъ! говорилъ Степанъ Лукичъ, расхаживая по освѣщенной залѣ съ какимъ-то унылымъ авторомъ, пріѣхавшимъ на вечеръ раньше всѣхъ. — Вотъ что значитъ, батюшка, раннее знакомство съ классическими авторами. Вѣдь она у меня чего-чего не перечитала!

— Да-съ, уныло отвѣчалъ гость: — классическіе авторы — это наши лучшіе наставники.

— Она у меня питаетъ особенную склонность къ миѳологіи. Ну, и память, я вамъ скажу, удивительная! Спросите, о комъ хотите, и изъ самыхъ незначительныхъ именъ.... знаетъ-съ!

— Это полезно-съ, продолжалъ гость тѣмъ же унылымъ тономъ: — очень полезно для украшенія стихотворныхъ произведеній. Имена миѳологическихъ божествъ — это такъ-сказать цвѣты стихотворства.

Степанъ Лукичъ отъ полноты удовольствія безпрестанно начинялъ себѣ носъ табакомъ и блаженно усмѣхался.

Когда въ полномъ собраніи сочинителей, заключавшемъ въ себѣ и лавреатовъ, которые издали ужь въ десяткахъ томовъ свои творенія, и начинающихъ, подающихъ надежды авторовъ «Опытовъ», «Досуговъ Скромной Музы» и проч., когда въ этомъ собраніи была продекламирована первая басня

малолѣтней Анюты, всѣ чуть не въ одинъ голосъ одобрили попытку юной граціи и одобрили самыми краснорѣчивыми словами.

Одинъ изъ почетнѣйшихъ гостей, знаменитый сочинитель «Подражаній Восточнымъ Поэтамъ» и многихъ другихъ пресловутыхъ твореній, поманилъ къ себѣ Анюту и ознаменовалъ чело даровитой дѣвочки отеческимъ поцалуемъ. Авторъ «Подражаній и проч.» считался всѣмъ обществомъ, собиравшимся подъ литературною кровлей Ковровскаго, чуть не самимъ Фебомъ... Понятно, какъ цѣнился и поцалуй этого автора.

— Вы ужь слишкомъ балуете ее, Иванъ Евдокимычъ! сказалъ съ восторженной улыбкой хозяинъ, подходя къ великому гостю.

— Таланты слѣдуетъ окрылять къ дѣятельности, отвѣчалъ гость, гладя дѣвочку по головѣ: — а чѣмъ же окрыляются таланты, какъ не поощреніемъ и одобреніемъ?

Вѣроятно съ цѣлью еще болѣе окрылить талантъ Анюты, почтенный гость вынулъ изъ кармана свертокъ грязной бумаги, въ которомъ всегда носилъ съ собой миндаль для утишенія изжоги, постоянно мучившей его творческую грудь, и далъ одну миндалинку Анютѣ.

— На̀ тебѣ, душенька!

Анюта взяла миндалинку.

— Что же ты не кушаешь? спросилъ Иванъ Евдокимычъ.

— Я не люблю миндаль, отвѣчала дѣвочка.

— Кушай, дружокъ! сказалъ отецъ, трепля Анюту по плечу: — помни, кто тебѣ предлагаетъ... Вѣдь это отъ Ивана Евдокимыча, нашего Аполлона, защитника и покровителя отечественныхъ музъ.

Анюта положила въ ротъ миндалинку и стала ее жевать.

— Вотъ тоже наша будущая муза! сказалъ Иванъ Евдо-

кимычъ, сажая дѣвочку къ себѣ на колѣни и просвѣтляясь съ головы до пятъ чистою радостью мецената.

— Какая же я муза? спросила Анюта.

— Какъ какая, душенька?

— Вѣдь музъ девять. Такъ какая же я?

— Десятая.

— А какъ ее зовутъ?

Гость нѣсколько смѣшался.

— Анютой! сказалъ онъ, немного помолчавъ.

— Я не хочу быть десятой музой. Я буду лучше Калліопой.

— Отчего же Калліопой?

— Оттого, прошептала дѣвочка: — оттого, что

«Калліопа всѣхъ трубою
Чтитъ героевъ всезлатою».

— А! вотъ какъ! Такъ ты желаешь славы Гомера, душенька?

— Не надо говорить: Гомеръ, папенька велитъ говорить: Омиръ.

— Это все равно, дружокъ! подсказалъ папенька, нѣсколько сконфуженный смѣлостью, съ какою Анюта поправила маститаго гостя.

— Умница, умница! проговорилъ Иванъ Евдокимычъ, опуская Анюту на полъ.

— Какая начитанность въ дитяти! послышалось въ разныхъ мѣстахъ гостиной.

Иванъ Евдокимычъ взялъ однакожь за руку хозяина и, отведя его въ сторону, сказалъ шопотомъ:

— Напрасно вы, Степанъ Лукичъ, даете ребенку читать сочиненія Тредіаковскаго: это можетъ извратить вкусъ.

— Я не даю, Иванъ Евдокимычъ. Какъ можно такія вещи ей давать-съ?

— А вотъ она цитировала мнѣ сейчасъ его стихи.

— Неужели? Это странно. Эй, Анюта! поди-ка сюда!
Анюта подошла.

— Какіе ты стихи говорила Ивану Евдокимычу?

— Про Калліопу-то, душенька, объяснилъ гость.

— Вотъ какіе, отвѣчала Анюта:

«Калліопа всѣхъ трубою
Чтитъ героевъ всезлатою».

— Ты знаешь, чьи это стихи? спросилъ отецъ.

— Нѣтъ.

— Гдѣ же ты читала ихъ? спросилъ знаменитый гость.

— Въ «Письмовникѣ».

— Хорошо, душенька, больше ничего! сказалъ Иванъ Евдокимычъ, погладивъ Анюту по головкѣ, и принялся разжевывать миндалинку.

— Ступай, дружокъ, на мѣсто! сказалъ отецъ.

— И это не чтеніе для ребенка, замѣтилъ меценатъ-поэтъ Степану Лукичу:—Кургановъ издалъ свою книгу не для дѣтскаго возраста; къ тому же въ ней нѣтъ ничего классическаго.

На другой день Степанъ Лукичъ запряталъ «Письмовникъ» такъ далеко, что онъ не могъ ужь попасться на глаза Анютѣ.

Вечеръ, въ который была прочитана басня Анюты, опредѣлилъ окончательно судьбу дѣвочки. Съ этой поры она принялась писать, писать и писать. Неустанно писала она до самой кончины своего родителя, который умеръ въ тотъ годъ, когда дочери его исполнилось двадцать лѣтъ.

Оплакавъ въ печальной элегіи, состоявшей изъ трехъсотъ стиховъ, смерть отца, Анна Степановна принялась опять писать и писать. Къ этой порѣ относится первое изданное ею въ свѣтъ сочиненіе, именующееся «Цвѣтами Досуга» и заключающее въ себѣ десятка четыре длинныхъ стихотвореній.

Степанъ Лукичъ оставилъ дочери прекрасное состояніе, и

она могла свободно поддерживать репутацію родителя. По прежнему каждую недѣлю собиралось къ Аннѣ Степановнѣ нѣсколько разныхъ сочиняльщиковъ; но дѣвица Ковровская, взявшая себѣ въ компаніонки одну небогатую, но очень ученую даму, госпожу Алтаеву, не желала ужь быть главною музой собиравшагося у нея Парнаса, потому-что Парнасъ этотъ дряхлѣлъ не по днямъ, а по часамъ.

Такъ прошло лѣтъ семь-восемь. Общество Анны Степановны начинало рѣдѣть. Старые знакомцы или разъѣзжались по разнымъ мѣстамъ или умирали, а новыхъ литературныхъ дѣятелей не видать было около дѣвицы Ковровской. Кончилось тѣмъ, что въ одинъ изъ понедѣльниковъ, когда обыкновенно собирались къ Аннѣ Степановнѣ гости, къ ней пріѣхалъ одинъ только Иванъ Евдокимычъ, не имѣвшій въ то время, какъ говорится, ни глаза во лбу, ни зуба во рту.

Анна Степановна, не видя ни пользы ни удовольствія оставаться въ Москвѣ, рѣшилась поѣхать къ себѣ въ деревню. Изъ деревни, гдѣ прожила, промечтала, прописала и проскучала она цѣлое лѣто, дѣвица Ковровская переѣхала на зиму въ городъ, гдѣ мы ее ужь видѣли, и съ этого времени стала проживать зимой въ этомъ городѣ, а лѣтомъ въ своемъ недалекомъ деревенскомъ пріютѣ.

Мы расказали почти всѣ внѣшнія обстоятельства жизни дѣвицы Ковровской; теперь предстоитъ намъ расказать исторію ея поэтическаго сердца и его таинственныхъ стремленій.

Анна Степановна въ дѣтствѣ пропитывалась твореніями классическими (Степанъ Лукичъ былъ самый закоренѣлый классикъ) и жаждала славы Гомера или, правильнѣе, Омира. Въ лѣта ранней юности, когда такая слава начала казаться ей ужь черезъ-чуръ колосальною, она стремилась только получить наименованіе русской Дасье и принялась-было за латынь, но латынь не пошла ей въ толкъ. Когда дѣвицѣ Ковровской минуло шестнадцать лѣтъ, когда сердцу ея становилось тѣсно

и тоскливо подъ пышно развивавшеюся грудью, какъ-разъ кстати подоспѣлъ романтизмъ, чтобы наполнить все существо Анны Степановны неопредѣленнымъ и сладостнымъ томленіемъ. Полная тревожныхъ надеждъ и ожиданій, стала она всматриваться въ гостей своего отца, ища человѣка, который былъ бы способенъ и достоинъ отвѣчать сердцемъ ея пылкому сердцу. Напрасно всматривалась дѣвица Ковровская: сухими и черствыми показались ей юноши, собиравшіеся на литературныя вечеринки Степана Лукича; новое направленіе поэзіи и не коснулось ихъ: они по прежнему восторгались при чтеніи сатирическихъ писемъ и снотворныхъ эпопей, по прежнему говорили съ торжественнымъ видомъ о своихъ жалкихъ переводцахъ изъ Делиля и Жанъ-Батиста Руссо, о своихъ собственныхъ сочиненьицахъ — логогрифахъ и мадригалахъ. Анна Степановна ударилась между-тѣмъ въ элегію. Элегія составляла для нея теперь высшій родъ поэзіи (она называла ужь стихотворство поэзіей), элегія, разумѣется, не тибуллова, не проперціева, даже не овидіева, элегія новѣйшая, романтическая, со всѣми необходимыми атрибутами: съ луною, окруженной серебристымъ паромъ, съ туманною далью, съ порываніемъ въ неизвѣстныя мѣста, съ невѣдомымъ *тамъ*. Вліяніе романтизма совсѣмъ преобразило Анну Степановну. Она менѣе читала, болѣе сидѣла по ночамъ у окна, вдыхая холодный воздухъ пылающею и высоко-взволнованною грудью, чаще бродила по неопрятнымъ алеямъ огромнаго заброшеннаго сада, примыкавшаго къ дому, и нерѣдко промачивала себѣ ноги росою. Это томленіе не нанесло однакожь ни малѣйшаго вреда здоровью дѣвицы Ковровской; она была и полна и краснощека. Красавицей назвать ее не приходится, но она была молода и свѣжа; а свѣжесть и молодость многаго стоятъ. Единственный недостатокъ лица Анны Степановны состоялъ въ довольно рѣзкихъ чертахъ подъ глазами, бывшихъ конечно слѣдомъ часто проводимыхъ безъ сна ночей. И этому

сердцу, жаркому, любящему, не нашлось отвѣта! Многочисленные народы, прихлебательствовавшіе у Степана Лукича, смотрѣли на дѣвицу Ковровскую какъ на сочинительницу, какъ на музу пожалуй, но вовсе не какъ на женщину. Впрочемъ надо и имъ отдать справедливость: на нихъ нельзя было смотрѣть ни какъ на людей, ни какъ на сочинителей; это были какіе-то «ангики, въ пыли ходячіе», въ особенности молодежь. Изъ стариковъ были еще порядочные и небездарные; но юноши рѣшительно никуда не годились.... Анна Степановна отвернулась отъ нихъ, обратилась къ лунѣ и звѣздамъ и стала жаловаться имъ на свое одиночество. Луна то убывала, то прибывала, звѣзды дрожали на синемъ небѣ, элегіи расли и разрастались въ толстыя тетради, а сердца, достойнаго сердца не обрѣтала Анна Степановна.

Въ такихъ постоянныхъ ожиданіяхъ, не видавшихъ удовлетворенія, протекла жизнь дѣвицы Ковровской до самой кончины родителя. Смерть Степана Лукича не измѣнила однакожь общества, въ которомъ до этого времени вращалась Анна Степановна. Общество это, несмотря на совершенную противуположность стремленій своихъ съ ея стремленіями, положило свою печать на Анну Степановну: она сдѣлалась сухою и монотонною въ обращеніи съ другими, даже неловкою, и потому не могла привлечь къ себѣ иного, болѣе близкаго ей по направленію круга людей.

Нечего и говорить, что въ городѣ, куда переселилась впослѣдствіи Анна Степановна, не нашлось также ни одного человѣка, способнаго понимать и цѣнить ее. Она томилась и полнѣла.

И такъ вся исторія сердца Анны Степановны можетъ быть выражена тремя словами: постоянное, неутоляемое томленіе.

ГЛАВА III.

Со дня полученія письма отъ госпожи Алтаевой, дѣвица Ковровская начала гораздо тщательнѣе заниматься своимъ туалетомъ. Тощая коса ея получила нѣкоторое приращеніе; красивые локоны, спускавшіеся въ видѣ пробочниковъ на крутыя плечи дѣвицы, довольно удачно маскировали лысинки за ея ушами; пудра ложилась болѣе плотнымъ слоемъ на щеки и шею. Каждое утро Анна Степановна облекалась въ новое шелковое платье, и каждое утро бранила и Ѳеклу, и Маврушу, глядясь въ зеркало. Одѣвшись, дѣвица садилась на самое удобное кресло, садилась въ граціозной, поэтической позѣ, и развертывала книжку какого-нибудь современнаго журнала. Она только развертывала ее, потому-что читать не могла: была слишкомъ взволнована. Къ письменному же столу и не садилась вовсе; чернила сохли понапрасну въ перламутровой чернильницѣ.

Прождавъ все утро даромъ, дѣвица Ковровская обѣдала съ большимъ апетитомъ, но очень сердилась въ промежуткахъ между блюдами; послѣ обѣда новое шелковое платье снималось, надѣвалась старая шерстяная блуза, и дѣвица отходила соснуть часокъ или полтора. До полученія вышеупомянутаго письма, Анна Степановна обыкновенно, соснувъ послѣ обѣда, сочиняла пріятныя элегіи; но въ описываемое мною тревожное время только ходила взадъ и впередъ по комнатамъ, переполняясь самыми фантастическими мечтаніями.

Прошла цѣлая недѣля послѣ полученія московской почты; вторая почта не принесла ничего дѣвицѣ Ковровской, и на слѣдующее утро Анна Степановна встала съ постели пасмурнѣе тучи.

— Опять платье выгладила чортъ-знаетъ какъ! сказала она отрывисто и сердито, стоя передъ зеркаломъ и надѣвая

платье, поданное ей Маврушей.—Только и знаете, что сами пялиться передъ зеркаломъ! Гдѣ Ѳекла?

— Шьетъ-съ.

— Она вѣчно выдумаетъ шить, когда ее нужно.—Ѳекла!

Ѳеклуша вошла.

— Нельзя вамъ здѣсь побыть?

— Я шила-съ.

— Не знаешь ты, что я одѣваюсь?.. Булавокъ подай!

Ѳеклуша подала булавки.

— Шляетесь только по улицамъ да подолы бьете! сказала Анна Степановна, вырывая булавки у Ѳеклы.

Наконецъ кое-какъ туалетъ кончился. Анна Степановна сѣла на кресло, расправивъ какъ вѣеръ свое шумное платье, и взяла книгу. Посидѣвъ съ полчаса и тщетно пытавшись углубиться въ чтеніе, дѣвица Ковровская позвонила.

— Чего изволите-съ? спросила появившаяся въ дверяхъ Мавруша.

— Пошли Никандра сюда!

Пришелъ Никандръ.

— Вы спрашивали?

— Да, спрашивала, Никандръ. Ты вчера самъ на почту ходилъ?

— Нѣтъ-съ, Ѳедьку посылалъ.

— Что жь онъ сказалъ?

— Ничего, говоритъ, нѣтъ.

— Онъ самого почтмейстера видѣлъ?

— Не знаю.

— Ахъ, какой этотъ мальчишка безалаберный! Вѣрно не распросилъ какъ слѣдуетъ.

— Можно еще послать.

— У тебя есть время, Никандръ?

— Есть.

— Сходи пожалуста самъ еще разъ, да къ самому почт-

мейстеру обратись. Можетъ-быть вчера еще не разобрана была почта.

— Хорошо-съ.

Никандръ ушелъ и пропадалъ до самаго обѣда, что безпрестанно повергало Анну Степановну въ новую тревогу. Несмотря на долгое отсутствіе, Никандръ воротился съ пустыми руками.

— Вамъ ничего нѣтъ-съ.

— Ахъ, какая досада, право! Да гдѣ ты такъ долго былъ, Никандръ?

— Почтмейстера дожидался.

— Что же, видѣлъ его?

— Видѣлъ.

— Ну!

— Говоритъ, нѣтъ ни писемъ вамъ, ни посылокъ.

Анна Степановна кипѣла гнѣвомъ до обѣда, во время обѣда и даже послѣ обѣда.

Переодѣвшись въ домашнюю блузу, дѣвица Ковровская прилегла на диванъ.

Ѳедька былъ, какъ водится, посаженъ въ передней, и на заднемъ крыльцѣ опять составлялся проектъ небольшой partie de plaisir между Никандромъ и двумя горничными.

— Что это барышня-то какая сердитая? спросила у Никандра Ѳеклуша, на которую особенно падалъ въ этотъ день гнѣвъ Анны Степановны.

— Не доспала, должно-быть....

— Экъ ты! Она въ одиннадцать сегодня встала.

— Ну, такъ переспала.... Да что мы по пусту-то прохлаждаемся?

— Пойдемъ, Мавруша.

— Пойдемъ.

Никандръ взялъ дѣвушекъ подъ-руку и исчезъ за воротами. Ѳедька лежалъ въ передней и намѣревался уснуть.

Тоже намѣревалась сдѣлать и сама Анна Степановна, но намѣреніе ея не исполнялось. Голова дѣвицы была слишкомъ полна разными тяжелыми мыслями и заснуть не было никакой возможности. Она закрыла однакожь глаза и вытянулась на диванѣ.

Вдругъ, послѣ нѣкотораго забытья, дѣвица вскрикнула: что-то тяжелое и мягкое упало ей на грудь. Она открыла глаза: это былъ сѣрый котъ.

«Брысь!» крикнула отчаяннымъ голосомъ Анна Степановна, сбрасывая съ груди своей кота.

Она такъ испугалась, что не могла ужь болѣе лежать. Грудь ея страшно волновалась.

Начинало смеркаться, и Анна Степановна хотѣла велѣть подать огня; но въ ту самую минуту, какъ она протянула руку къ колокольчику, въ гостиной раздались торопливые и тяжелые шаги. Ѳедька вбѣжалъ стремглавъ въ кабинетъ дѣвицы.

— Что ты? спросила съ удивленіемъ Анна Степановна.

— Васъ баринъ какой-то спрашиваетъ-съ.

— Какой?

— Сусловъ, сказалъ-съ.

— Попроси завтра; скажи, что меня дома нѣтъ.... Ахъ, Боже мой!

— Я сказалъ, что вы дома-съ.

— Дуракъ! Кто тебѣ велѣлъ?... Ну, скажи, что я не принимаю, неодѣта.

— Они сюда идутъ-съ.

— Ахъ, Господи!... Ну, подай свѣчи поскорѣе!

Анна Степановна быстро поправила на себѣ блузу, поспѣшила затянуть покрѣпче ея поясъ, накинула себѣ на плечи мантилью и только нѣсколько утѣшилась тѣмъ, что коса ея не была лишена приращенія и локоны прикрывали недостатокъ волосъ за ушами.

Въ комнату немедленно вошелъ самымъ развязнымъ шагомъ высокій, довольно полный господинъ, и неменѣе развязно раскланялся хозяйкѣ.

— Извините, Анна Степановна, сказалъ онъ густымъ басомъ: — что я являюсь къ вамъ вечеромъ. Я только-что пріѣхалъ и спѣшилъ передать вамъ поклонъ госпожи Алтаевой, а вмѣстѣ съ тѣмъ и имѣть счастіе познакомиться съ вами.

— Очень рада, очень рада! произнесла нѣсколько въ носъ дѣвица Ковровская. — Садитесь пожалуста! Извините меня, что я встрѣчаю васъ въ такомъ неглиже. Я, признаться, никакъ не ожидала васъ.

— Помилуйте! что за церемоніи между людьми мыслящими?

— Вы смотрите на жизнь не такъ, какъ люди, преданные интересамъ пустаго свѣта...

— Я отчасти философъ въ моемъ взглядѣ на жизнь.

— Садитесь пожалуста!

Гость сѣлъ.

Анна Степановна позвонила.

— Огня! крикнула она вошедшему Ѳедькѣ.

Когда свѣчи были поданы, Анна Степановна могла вполнѣ разсмотрѣть своего новаго знакомаго.

Это былъ господинъ очень твердаго сложенія; грудь его совсѣмъ вылѣзла изъ узкаго фрака, просясь на просторъ и едва прикрываясь коротенькимъ жилетомъ съ перламутровыми пуговками. Лицомъ поэтъ Сусловъ былъ не красавецъ, но и не дуренъ. Бѣлокурые, довольно рѣдкіе волосы покрывали его уши, спускаясь на воротникъ фрака; бакенбарты красиво оттѣняли полныя щеки; носъ былъ очень хорошъ, не малъ и не великъ; глаза голубые и крупные. Вообще вся фигура Геннадія Матвѣича внушала пріятное чувство. Одежда его была несовсѣмъ свѣжа и несовсѣмъ современна: фракъ четверти на двѣ не сходился на груди, талія поднялась чрезвы-

чайно высоко, борты чуть не сплошь были усажены пуговицами, изъ-подъ узкихъ и короткихъ рукавовъ слишкомъ далеко выглядывали красныя руки безъ перчатокъ; бархатная фуражка, которую гость держалъ подъ мышкой, во многихъ мѣстахъ была вытерта и засалена.... Но Анна Степановна обращала мало вниманія на костюмъ мужчинъ и притомъ совершенно отстала въ своемъ городѣ отъ современныхъ идей портняжнаго искусва. Особенно пріятно подѣйствовали на нее снѣнной бѣлизны воротнички Геннадія Матвѣича, ложившіеся очень красиво на галстукъ.

— На долго вы сюда пріѣхали? спросила Анна Степановна.

— Еще и самъ не знаю. Думаю пробыть дня два. Вѣдь я проѣздомъ.

— А главная цѣль вашей поѣздки?

— Я ѣду въ деревню къ одному знакомому, по своимъ дѣламъ.

— Я надѣюсь, что вы и на возвратномъ пути навѣстите меня.

— Непремѣнно-съ, непремѣнно! Мы такъ рѣдко встрѣчаемъ людей, сходныхъ съ нами въ воззрѣніяхъ, что право...,

Сусловъ нѣсколько затруднялся продолжать.

— Благодарю васъ, Геннадій Матвѣичъ, сказала дѣвица Ковровская, протягивая руку гостю.

Гость принялъ эту руку своею могучею рукой и прижалъ ее къ губамъ.

— Вы не повѣрите, сказалъ онъ: — какъ тяжелы, какъ ненавистны для меня эти житейскія дѣла, которыя.... Вотъ хоть и теперь — я долженъ ѣхать по такимъ дѣламъ... А я бы, кажется, и не выѣхалъ отсюда.

— Полноте! вы стали бы здѣсь скучать.

— Я вижу васъ, познакомился съ вами — и этого довольно.... Мнѣ въ жизни главное—сочувствіе, которое рѣдко находишь между.... между....

— Наши взгляды совершенно сходны. Я еще недавно набросала одно стихотвореніе, въ которое вложила именно эту мысль.

— Позвольте быть нескромнымъ.... просить васъ прочесть эту пьесу! Поэзія для меня.... это.... это....

— Не будьте только слишкомъ строги! Я пишу не для свѣта; стихи — мое единственное утѣшеніе въ постоянномъ одиночествѣ.

— Прочтите, Анна Степановна! Я увѣренъ, что все, что вы.... что сольется съ вашего пера....

— Не льстите!

И, озарясь кокетливою улыбкой, Анна Степановна приложила правую руку къ лѣвой сторонѣ своей груди и пѣвучимъ голосомъ принялась читать свое произведеніе, длинное, длинное....

— Дивная вещь! произнесъ Геннадій Матвѣичъ, когда стихи были прочитаны.—Позвольте мнѣ.... позвольте благодарить васъ!

Сусловъ привсталъ и подставилъ свою руку Аннѣ Степановнѣ; Анна Степановна подала ему свою руку, и онъ съ увлеченіемъ поцаловалъ ее. Дѣвица Ковровская коснулась своими губами полной щеки Суслова.

— Вы тоже пишете, Геннадій Матвѣичъ? спросила Анна Степановна.

— Пишу, отвѣчалъ Сусловъ:—но тоже не для свѣта, а для себя. Я еще ничего не печаталъ. Люди, Анна Степановна... они не понимаютъ... люди не сумѣютъ оцѣнить....

— Ахъ, прочтите что-нибудь ваше! сдѣлайте одолженіе! Вы не повѣрите, какъ я люблю поэзію. Это моя страсть.

— Послѣ вашихъ стиховъ — мои не стоятъ чтенія.

— Перестаньте! Кчему такая скромность?

— Я страшусь вашего приговора.

— Не страшитесь. Я сужу не умомъ, а сердцемъ.... Я женщина.

— Я пожалуй прочитаю вамъ одну пьесу, которую недавно написалъ.

— Какъ названіе?

— «Отчаяніе».

— Ахъ, прочтите, прочтите!

Геннадій Матвѣичъ пріосанился, откашлялся, обтянулъ жилетъ на могучей груди и началъ читать завывающимъ голосомъ. Въ «Отчаяніи» описывались глубокія и тайныя страданія сердца Геннадія Матвѣича, описывались стихами, полными грома и жара.

«Чего не перенесъ этотъ человѣкъ?» думала дѣвица Ковровская, упиваясь токомъ поэтическихъ строфъ, сочиненныхъ Сусловымъ. «И такое сердце не нашло сочувствія!»

По прочтеніи стихотворенія, Геннадій Матвѣичъ попросилъ позволенія выкурить сигару, вѣроятно для услажденія страданій, пробужденныхъ въ его груди мыслью о прошедшемъ, на которую наводили стихи.

Дѣвица даже попросила гостя курить, сказавъ, что очень любитъ запахъ табаку, и потомъ велѣла подать чаю.

Геннадій Матвѣичъ просидѣлъ у Анны Степановны очень долго; они говорили очень много (все больше о сердцѣ, поэзіи и о любви), и дѣвица Ковровская ясно увидала, что Сусловъ созданъ для нея, а она создана для Суслова.

— Гдѣ вы будете завтра, Геннадій Матвѣичъ?

— Дома, я думаю.

— Пріѣзжайте ко мнѣ обѣдать.

— Съ величайшимъ удовольствіемъ.

— Да привезите и тетради свои.

— Со мной ничего нѣтъ, къ несчастью. Впрочемъ я помню всѣ свои стихи наизусть.

— Я бы хотѣла имѣть у себя нѣкоторые. Вы мнѣ продиктуете?

— Если позволите, напишу самъ.

— Благодарю васъ.

Анна Степановна пожала руку Геннадію Матвѣичу, и они растались.

Дѣвица Ковровская уснула съ отрадными мечтами въ сердцѣ.

ГЛАВА IV.

На другой день Анна Степановна сбила съ ногъ всю свою дворню. Она хотѣла угостить своего гостя на славу. Никандръ разъ десять бѣгалъ въ лавки и, бѣгая, какъ водится, сердился; поваръ получалъ безпрестанно новыя приказанія или подтвержденія старыхъ. Одѣваясь, дѣвица Ковровская ничѣмъ не была довольна и разбранила въ пухъ своихъ дѣвокъ.

— Что это у насъ за суета нынче? спросила Ѳеклуша у Никандра, встрѣтившись съ нимъ въ сѣняхъ.

— Гость будетъ.

— Какой?

— А вчерашній.

— Пріѣзжій-то?

— Должно-быть.

— Да кто онъ такой?

— Такъ, стрикулистъ какой-то.

— А еще кто будетъ?

— Никого.

— Такъ это для одного-то насъ мычутъ?

— Одинъ да милъ. Куда жь ты?

— Къ барышнѣ.

— Подождите малехонько, Ѳекла Купріяновна!

— А чего ждать-то?

— Секретецъ есть.

Въ то время, какъ въ домѣ Анны Степановны происходила страшная суматоха, виновникъ этого движенія лежалъ преспокойно на жесткомъ диванѣ одного изъ номеровъ гостинницы «Европы», и курилъ трубку. Въ номерѣ было очень пусто. Все имущество Геннадія Матвѣича заключалось въ старомъ чемоданѣ и погребцѣ, которые и лежали на двухъ стульяхъ комнаты. Кромѣ жесткаго дивана, ломбернаго стола и косаго зеркала, въ комнатѣ ничего не было.

Геннадій Матвѣичъ лежалъ и придумывалъ, что ему дѣлать, куда ѣхать, гдѣ поселиться, вообще размышлялъ о самомъ себѣ и о своей бродячей жизни.

Никогда не было у Суслова никакой опредѣленной цѣли, какъ почти никогда не было въ карманѣ денегъ. Отчего это такъ случалось, неизвѣстно.

Суслову было въ ту пору, о которой мы говоримъ, не менѣе тридцати лѣтъ отъ роду. Давно ужь началъ онъ жить какъ живется, мало заботясь о завтрашнемъ днѣ. А чѣмъ онъ жилъ, уму непостижимо. То въ картишки кое-что выиграетъ, то займетъ у пріятеля; а какъ заведутся деньги — кутнуть надо, хоть и не широко, да все-таки кутнуть. Геннадій Матвѣичъ очень не любилъ сидѣть на одномъ мѣстѣ; его безпрестанно подмывало постранствовать по разнымъ городамъ. Этого отчасти требовали и его обстоятельства. Какъ извѣрится совсѣмъ въ одномъ городѣ, потеряетъ кредитъ, надо въ другое мѣсто перебираться. Уѣзжая изъ одного города въ другой, Сусловъ расчитывалъ себя только такъ, чтобъ на прогоны денегъ достало, а тамъ ужь — какъ судьба разсудитъ! Такимъ-образомъ пріѣхалъ онъ и изъ Москвы въ городъ, гдѣ жила Анна Степановна.

Есть люди, прошедшее которыхъ для всѣхъ покрыто непроницаемымъ мракомъ, и никакая пытливость не въ силахъ

приподнять плотную завѣсу, за которою оно прячется. Къ такимъ людямъ принадлежалъ Геннадій Матвѣичъ Сусловъ. Самые близкіе пріятели его, у которыхъ онъ перезанялъ столько денегъ, не знали ни іоты ни о его происхожденіи, ни о его воспитаніи, ни о его средствахъ къ жизни; точно онъ съ облаковъ свалился.

Есть также люди, которые вдругъ ни съ того, ни съ сего принимаются сочинять стихи. И къ такимъ людямъ принадлежалъ Сусловъ. Ни призванія онъ не чувствовалъ, ни любви къ литературѣ, ни читать не любилъ, а такъ — какъ дѣлать нечего, да деньги всѣ вышли и табакъ весь вышелъ, вотъ, чтобъ не даромъ сидѣть или лежать, Геннадій Матвѣичъ возьметъ перо да и сочинитъ какое-нибудь «Разочарованіе» или «Отчаяніе». Къ чести его надо однакожь сказать, что онъ стихи свои цѣнилъ во столько, сколько они стоили въ самомъ дѣлѣ: онъ не совался съ ними въ журналы и прочитывалъ ихъ только иногда хорошимъ знакомымъ.

Лежа на диванѣ въ гостинницѣ, Геннадій Матвѣичъ придумалъ обревизовать свои капиталы, усчитать самого себя, а потому всталъ, досталъ бумажникъ и выложилъ изъ него все на столъ. Выложить пришлось немного, а именно одну синенькую бумажку. Сусловъ досталъ вязаный кошелекъ, подаренный ему на память госпожей Алтаевой, и тряхнулъ его надъ столомъ; изъ кошелька вылетѣлъ гривенникъ. Плохо!

Геннадій Матвѣичъ надѣлъ бархатную фуражку, запахнулъ халатъ и вышелъ изъ номера на холодную лѣстницу. Тутъ было окно, въ которое черезъ весь широкій дворъ тянулась проволока. Сусловъ потянулъ за проволоку и колокольчикъ, привязанный къ другому концу ея, находившемуся въ другомъ зданіи гостинницы, позвонилъ.

Геннадій Матвѣичъ воротился въ номеръ.

Немного погодя, къ нему вошелъ трактирный слуга, высокій и худощавый малый лѣтъ тридцати, который весь из-

гибался, словно у него всѣ суставы были вывихнуты, и постоянно улыбался, причемъ оказывалось, что у него недостаетъ двухъ переднихъ зубовъ.

— Вы изволили звонить-съ? спросилъ онъ, ловкимъ движеніемъ головы откинувъ назадъ длинные вьющіеся волосы.

— Я. Тебѣ, братъ, некогда?

— Нѣтъ-съ, время есть. Послать куда-нибудь угодно-съ?

— Нѣтъ, я поговорить съ тобой хотѣлъ.

— Есть время-съ.

— Вотъ что, братецъ. Скажи-ка ты мнѣ, кто у васъ здѣсь въ городѣ есть изъ порядочныхъ людей? Мнѣ ужь и скучно наконецъ одному-то все сидѣть.

— Да вамъ какихъ-съ?

— Разумѣется, изъ хорошаго общества.

— Такихъ много-съ.

— Ну, а напримѣръ?

— Да вотъ хоть бы откупщикъ.

— Какъ зовутъ?

— Яковъ Андреичъ-съ.

— Фамилія-то какъ?

— Красильниковъ. Человѣкъ это отмѣнный-съ. Живетъ можно-сказать прынцемъ въ городѣ.

— Богатъ?

— Богаче въ городѣ нѣтъ-съ.

— Холостой или женатый?

— Вдовъ-съ.

— Дѣти есть?

— Восемь человѣкъ у него дѣтей-съ, да двѣ сестры съ нимъ живутъ, да племянникъ еще при немъ-съ.

— Что онъ, какъ этакъ?... ты, чай, слыхалъ, братецъ.... добрый онъ человѣкъ?

— Для себя добрый-съ, а ужь такъ, съ другими-съ, оченно скупъ.

— Да, да, проговорилъ Геннадій Матвѣичъ, погружаясь въ размышленіе.

Слуга взглядывалъ по временамъ въ косое зеркало и любовался своею молодцоватостью.

— А вотъ Ковровская, сказалъ послѣ нѣкотораго молчанія Сусловъ: — богата она?

— Анна Степановна-съ?

— Ну да.

— Какъ-же съ. Имѣнье у нихъ хорошее, и въ ломбардѣ есть деньги-съ.

— И много?

— Доподлинно не знаю-съ, а сказывалъ ихній Никандра, что есть.

— Есть родственники у ней здѣсь въ городѣ?

— Кажется, что нѣтъ-съ; больше онѣ однѣ все-съ.

— Да ты почему же знаешь?

— Я все отъ Никандры больше-съ. Хорошій мнѣ пріятель.

— А! Ну какъ она-то?

— Барышня хорошая-съ, добрая....

— А замужъ хочетъ?

— Какъ, чай, не хотѣть! Вѣдь ужь не махонькая.

— А сколько ей лѣтъ?

— Примѣрно, за тридцать должно быть-съ.

— Такъ. Что же она замужъ-то не вышла до сихъ поръ?

— Намъ неизвѣстно-съ. И были женихи, да видно не по нихъ-съ.

— Ладно, братецъ; ступай! больше мнѣ ничего не надо. Сапоги бы вонъ только взялъ да почистилъ.

— Слушаю-съ.

— Да ужь кстати водки принеси да закусить чего-нибудь.

— Чего прикажете-съ?

— Чего хочешь, солененькаго чего-нибудь.

— Икры-съ?

— Пожалуй, хоть икры.

Когда слуга ушелъ, Геннадій Матвѣичъ закурилъ трубку и снова улегся на диванъ размышлять о своей судьбѣ.

Въ половинѣ втораго Сусловъ явился къ Аннѣ Степановнѣ и нашелъ ее въ самомъ блистательномъ видѣ. Она употребила всѣ усилія помолодѣть и похорошѣть на этотъ день, и усилія эти ей удались.

— Какъ провели вы ночь? спросила Анна Степановна послѣ обычныхъ привѣтствій.

— Почти не спалъ, отвѣчалъ гость, усаживаясь на диванъ около хозяйки.

— Отчего это? Вѣрно у васъ неудобная квартира?... Не холодно ли было?

— Нѣтъ-съ, отвѣчалъ Сусловъ, бросая длинный взглядъ Аннѣ Степановнѣ. — Подъ впечатлѣніемъ... или такъ-сказать подъ вліяніемъ нашей вчерашней бесѣды, я думалъ объ одной вещи, которую хочу написать.

— Стихи?

— Да-съ.

— Въ чемъ же они будутъ состоять?

— Я вамъ когда-нибудь раскажу это.

— Раскажите теперь!

— Нѣтъ, Анна Степановна, теперь я не могу.

— Отчего? спросила дѣвица Ковровская, глядя на гостя глазами, утопавшими въ нѣжной влагѣ.

Геннадій Матвѣичъ приложилъ свою широкую ладонь къ груди и сказалъ:

— Я теперь слишкомъ взволнованъ.

Грудь дѣвицы заколебалась, глаза ея не могли оторваться отъ вдохновеннаго Суслова.

— Кушанье поставлено-съ, произнесъ Никандръ, появляясь въ дверяхъ.

Анна Степановна привстала.

— Пойдемте, Геннадій Матвѣичъ, сказала она.

Геннадій Матвѣичъ, какъ ловкій кавалеръ, подалъ руку хозяйкѣ, хозяйка оперлась на нее, и они пошли въ столовую.

— Мнѣ кажется, какой-то сонъ, началъ Сусловъ, идя съ хозяйкой: — какая-то волшебная мечта перенесла меня въ замокъ... въ чертоги очаровательной феи.

— Льстецъ, отвѣчала хозяйка, улыбаясь и грозя пальцемъ гостю.

Сусловъ страстно пожалъ руку Анны Степановны; рука Анны Степановны отвѣтила слабымъ пожатіемъ.

За обѣдомъ разговоръ вертѣлся на самыхъ пустыхъ, обыкновенныхъ предметахъ, и только взгляды были краснорѣчивы. Геннадій Матвѣичъ поѣлъ такъ, какъ давно не случалось ему поѣсть — сытно и вкусно. Хозяйка совсѣмъ запотчивала его. Вино тоже было недурно, и Сусловъ выпилъ шесть большихъ рюмокъ хересу.

Когда собесѣдники вышли изъ-за стола, и Геннадій Матвѣичъ съ чувствомъ поцаловалъ руку у хозяйки, а она поцаловала его въ щеку, Никандръ получилъ приказаніе затопить каминъ въ кабинетѣ Анны Степановны и подать туда кофе.

— Какъ часто, началъ трагическимъ голосомъ Геннадій Матвѣичъ, сидя съ чашкою кофе около Анны Степановны и задумчиво глядя на огонекъ камина: — какъ часто мечталъ я въ прежніе годы... въ молодости, которая ужь не возвратится... о привѣтливомъ огонькѣ камина, о подругѣ жизни, которая бы раздѣляла со мною... дѣлилась съ моей душой радостью и горемъ. Но мнѣ не суждено было имѣть теплый уголъ... и прежнія мечты свои я оставилъ... назвалъ ихъ дымомъ.

— Вы были несчастны? спросила дрожащимъ голосомъ Анна Степановна, глубоко проникаясь сочувствіемъ.

— Я и теперь несчастенъ, отвѣчалъ Сусловъ, съ жестомъ отчаянія опуская на столъ допитую чашку.

Анна Степановна посмотрѣла на гостя, и глаза ея увлажились.

— Не хотите ли еще кофе? спросила она.

— Позвольте! отвѣчалъ Геннадій Матвѣичъ: — только пожалуста не такъ сладко.

— Что же вы не курите? спросила Анна Степановна, подавая гостю кофе.

— Я не смѣлъ.

— Полноте; я вѣдь говорила вамъ, что очень люблю запахъ табаку.

Сусловъ вынулъ сигару и закурилъ ее у камина.

— Вы сказали, что вы несчастны, произнесла нѣжнымъ и сладкимъ голосомъ хозяйка: — раскажите мнѣ ваши страданія. Одинъ нѣмецкій поэтъ сказалъ:

«Getheilte Freud' ist doppelt' Freude,
Getheilter Schmerz ist halber Schmerz.»

— Что это значитъ? спросилъ Сусловъ: — я не знаю нѣмецкаго языка.

— Это значитъ, сказала дѣвица Ковровская, принимая величественную позу: — раздѣленная радость — двойная радость, раздѣленное горе — половинное горе!

— Прекрасныя слова!

— И какъ много въ нихъ истины!

— Но какъ рѣдко, какъ рѣдко находишь человѣка, который можетъ... который способенъ раздѣлять чужія страданія. Не правда ли?... Раздѣлить радость — дѣло другое.

— Вы видите такого человѣка передъ собой, Геннадій Матвѣичъ.

Полный волненія, Сусловъ взялъ руку Анны Степановны и прижалъ ее сначала къ своимъ губамъ, потомъ къ сердцу. Анна Степановна потупила глаза на высоко вздымавшуюся грудь.

— Была пора, началъ торжественно и вмѣстѣ таин-

ственно Геннадій Матвѣичъ, пустивъ обильную струю дыма: — была пора, когда я, полный сладкихъ и обольстительныхъ надеждъ, глядѣлъ впередъ — въ невѣдомое грядущее. Мнѣ видѣлись слава, любовь и счастіе... Но теперь — теперь... Люди не поняли и не могли признать меня; любви я не нашелъ; счастіе... едва ли есть на землѣ счастіе!

— Не клевещите на всѣхъ! съ жаромъ воскликнула Анна Степановна: — счастіе есть... счастіе тамъ — «гдѣ любятъ насъ, гдѣ вѣрятъ намъ!»

Глаза Анны Степановны сверкали, голосъ дрожалъ.

— Гдѣ же? гдѣ же это? грустно произнесъ Сусловъ, наклоняясь съ тоскою во взглядѣ къ Аннѣ Степановнѣ.

— Здѣсь! здѣсь! сказала Анна Степановна, задыхаясь отъ полноты блаженства и ударяя себя ладонью по возвышенной груди...

Геннадій Матвѣичъ страстно сжалъ ее въ объятіяхъ, и уста ихъ слились въ сладкій поцалуй.

Поздно ушелъ Сусловъ домой. Прощаясь, онъ сказалъ Аннѣ Степановнѣ:

— Чего искалъ я такъ долго, такъ напрасно — нашелъ неожиданно.

Анна Степановна не спала всю ночь. Сердце ея било тревогу.

ГЛАВА V.

На слѣдующій день такъ же сидѣлъ Геннадій Матвѣичъ у камина, такъ же сидѣла около него Анна Степановна; но они ужъ поняли другъ друга, и бесѣда ихъ была спокойнѣе и тише: въ ней отражалось ихъ внутреннее счастіе и довольство.

— Я не иначе хочу объявить здѣшнему обществу, что

мы женихъ и невѣста, какъ когда пріѣдетъ ко мнѣ мой единственный другъ — Запольскій, о которомъ я, кажется, говорилъ тебѣ, сказалъ Сусловъ. — Я уже написалъ къ нему сегодня.

— Я бы тоже желала, Геннадій, чтобъ къ помолвкѣ нашей пріѣхала и Алтаева.

— Это было бы прекрасно. Я самъ уважаю эту женщину.

Геннадій Матвѣичъ задумался.

— Когда же назначимъ мы свадьбу? спросила дѣвица Ковровская.

— Когда ты хочешь, мой другъ, отвѣчалъ Геннадій Матвѣичъ.

Анна Степановна положила руку на плечо Суслова; Сусловъ поцаловалъ эту руку.

— Впрочемъ мы еще должны растаться прежде свадьбы.

— Какъ? зачѣмъ? воскликнула Анна Степановна, волнуемая страхомъ.

— Что дѣлать! грустно произнесъ Геннадій Матвѣичъ.

— Но для чего же?

— Ненадолго, мой другъ.

— Зачѣмъ же, Геннадій?

— Дѣла — жалкія дѣла житейскія.

Сусловъ опять задумался.

— Геннадій! сказала дрожащимъ голосомъ Анна Степановна: — ты обманулъ меня. Ты игралъ моимъ сердцемъ.

— Я? я? воскликнулъ Геннадій Матвѣичъ, складывая руки на своей груди. — И ты можешь думать такъ обо мнѣ?

Со слезами на глазахъ склонилась Анна Степановна на плечо Суслова.

— Не сердись, Геннадій! не брани меня! Это невольныя опасенія любви.

Геннадій Матвѣичъ молча сжалъ ее въ объятіяхъ.

— Мое счастье слишкомъ полно, продолжала дѣвица: — мнѣ за него страшно.

— Мы растанемся на самое короткое время.

— Но отчего жь ты не хочешь сказать мнѣ, зачѣмъ намъ должно растаться?

— Причина самая прозаическая.

— У тебя тайны отъ меня, Геннадій!

— Нѣтъ; но объ этомъ право не стоитъ говорить. Зачѣмъ въ нашу любовь, эту чистую поэзію, вмѣшивать сухую прозу жизни?

Анна Степановна вперила пытливый взглядъ въ Суслова.

— Неужели, воскликнула она вдругъ, какъ бы пораженная какою-то новою мыслью: — неужели и ты, Геннадій?... неужели и у тебя есть проступки, которые... которые...

Слезы покатились изъ глазъ Анны Степановны, проторяя узенькія дорожки на пудрѣ, покрывавшей ея щеки.

— Какая мысль! сказалъ Геннадій Матвѣевичъ, придвигаясь къ Аннѣ Степановнѣ: — и ты могла думать это?

— У любви, Геннадій, у страстной и безграничной любви — все поводъ къ подозрѣнію.

— Совѣсть моя чиста, возразилъ Сусловъ, кладя руку на грудь: — и я предлагаю тебѣ свободное сердце.

— Я не буду благодарить тебя, Геннадій. Лучшая благодарность моя — счастье, которымъ я постараюсь окружить тебя... Но эта тайна не даетъ мнѣ покоя.

— Это вовсе не тайна; но мнѣ не хотѣлось говорить о темныхъ житейскихъ дѣлахъ въ эти минуты свѣтлаго счастья.

— Что же такое? скажи!

— Видишь, въ чемъ дѣло. Я долженъ завтра непремѣнно ѣхать отсюда...

— Завтра? перебила дѣвица Ковровская: — ты безжалостенъ, Геннадій!

— Именно завтра, потому-что иначе я просрочу — и дѣло будетъ испорчено.

— Куда жь тебѣ нужно ѣхать?

— Я ужь говорилъ тебѣ, что главной цѣлью поѣздки моей изъ Москвы было — отправиться въ деревню къ одному знакомому, въ Оренбургской Губерніи.

— Зачѣмъ?

— Онъ долженъ мнѣ семь тысячъ ассигнаціями, и мнѣ надо получить ихъ.

— Такъ ты ѣдешь только за этимъ? Этимъ пустякамъ хочешь ты пожертвовать моимъ счастьемъ и спокойствіемъ? Ахъ, Геннадій! Геннадій! я не думала, что ты такъ корыстолюбивъ.

— Дослушай меня, мой другъ. Если бы эти деньги нужны были для меня самого, я тотчасъ же готовъ бы сжечь ихъ въ этомъ каминѣ, чтобъ только не разлучаться съ тобой.

Сусловъ трагически указалъ на пламя камина и горячо поцаловалъ руку Анны Степановны.

— Но я долженъ самъ, продолжалъ Геннадій Матвѣичъ. — Надѣясь на возвратъ этихъ денегъ, я занялъ у одного господина въ Москвѣ именно эту сумму — двѣ тысячи рублей серебромъ, и срокъ платежа черезъ двѣ недѣли. Если я не получу денегъ съ моего должника, можетъ быть худо. Впрочемъ довольно объ этомъ. Намъ не долго ужь осталось побыть вмѣстѣ; поговоримъ лучше о нашихъ чувствахъ.

Рука Анны Степановны лежала на плечѣ Геннадія Матвѣича, и дѣвица задумчиво смотрѣла на синенькій огонекъ камина.

— Послушай, Геннадій! сказала она послѣ нѣкотораго молчанія: — вѣдь если ты не получишь денегъ отъ своего знакомаго нынче, то, все равно, получишь же ихъ послѣ...

— Оставимъ этотъ предметъ! прервалъ Геннадій Матвѣичъ: — стоитъ ли говорить объ этомъ?

— Ахъ, нѣтъ, Геннадій! Я бы хотѣла, чтобъ ни одна тучка не смущала нашего счастья.

— Развѣ могутъ эти пустяки бросить тѣнь на наше блаженство?

— А раставаться, раставаться, Геннадій! Тебѣ не больно это?

Сусловъ, вмѣсто отвѣта, тяжело вздохнулъ.

— Пожалѣй меня, Геннадій!

— Но что жь мнѣ дѣлать, мой другъ?

— Послушай, Геннадій! возьми у меня денегъ и пошли ихъ.

Геннадій Матвѣичъ быстро всталъ съ мѣста и выпрямился передъ дѣвицей Ковровской.

— О, никогда! никогда! произнесъ онъ, качая головой: — чтобъ я воспользовался твоей довѣренностью! А если потомъ я не получу денегъ съ того пріятеля?

— Что жь такое? Не все ли равно? Мы будемъ оба въ потерѣ.

— Нѣтъ, мой другъ, нѣтъ, я не хочу брать у тебя денегъ. Не говори мнѣ объ этомъ!

— Зачѣмъ же ты всталъ, Геннадій? Сядь!

Сусловъ сѣлъ.

— Ты обижаешь меня, начала Анна Степановна: — обижаешь глубоко, Геннадій, отвергая первое и ничтожное доказательство моей любви къ тебѣ.

Геннадій Матвѣичъ молчалъ.

— Не правда ли, Геннадій: ты возьмешь деньги, отошлешь ихъ завтра — и мы не растанемся?

Слова эти глубоко растрогали Геннадія Матвѣича; онъ крѣпко прижалъ къ груди своей Анну Степановну, и уста ихъ слились въ сладкомъ поцалуѣ.

— Да? спросила послѣ поцалуя Анна Степановна.

— Да, прошепталъ Сусловъ.

Разговоръ, по желанію Геннадія Матвѣича, обратился на предметы болѣе возвышенные и длился до поздней поры въ этомъ же тонѣ. Счастливые любовники не слыхали, какъ пробило двѣнадцать часовъ ночи.

Впрочемъ Сусловъ первый замѣтилъ, что пора проститься. Онъ всталъ.

— Куда же ты, Геннадій?

— Пора, мой другъ. И тебѣ нужно спокойствіе. Ты слишкомъ взволнована. Къ тому же, какъ ты сама говорила, тебѣ не спалось прошедшею ночью.

— Ахъ! едва ли удастся мнѣ уснуть и нынче, со вздохомъ произнесла Анна Степановна:—но я желала бы уснуть, чтобъ видѣть тебя и во снѣ.

— Прощай, мой другъ!

— До свиданья, Геннадій! Приходи завтра пораньше.

Пожавъ руку Аннѣ Степановнѣ, Геннадій Матвѣичъ вышелъ изъ кабинета.

— Геннадій! Геннадій! кликнула дѣвица Ковровская, когда Сусловъ подходилъ ужь къ передней.

Онъ воротился.

— Что, мой другъ?

— Ты забылъ взять деньги.

— Послѣ, послѣ, отвѣчалъ Сусловъ, собираясь выйти изъ комнаты.

— Нѣтъ, Геннадій! Возьми теперь. Я буду спокойнѣе.

— Если ужъ ты хочешь этого непремѣнно...

Анна Степановна подала Суслову пачку ассигнацій; онъ небрежно положилъ ихъ въ задній карманъ.

— Благодарю тебя, мой другъ, проговорилъ онъ, наклоняясь къ рукѣ Анны Степановны.

— Полно, полно!

— И такъ — до свиданія.

— До свиданія. Да пораньше, смотри!

— Непремѣнно.

И Геннадій Матвѣичъ пошелъ въ гостинницу.

Тамъ произвелъ онъ большую сумятицу: принялся звонить на весь домъ; разбудилъ буфетчика и велѣлъ подать себѣ счетъ; разбудилъ коридорнаго и послалъ его съ подорожной за почтовыми лошадьми.

Когда забрезжилось позднее утро, Геннадій Матвѣичъ былъ ужь за восемьдесятъ верстъ отъ города, а Анна Степановна спала крѣпкимъ сномъ счастливицы.

Тяжело мнѣ описывать отчаяніе и слезы обманутой Анны Степановны, и потому я здѣсь умолкаю.

Необходимымъ считаю однакожь замѣтить, что черезъ двѣ недѣли послѣ отъѣзда Суслова все въ домѣ дѣвицы Ковровской вошло въ старую колею и поѣхало старымъ порядкомъ; только Никандръ почалъ новую банку помады, да къ собранію стихотвореній Анны Степановны прибавилась новая пьеса въ элегическомъ родѣ, подъ заглавіемъ: «Тщета Надеждъ.»

СКРОМНАЯ ДОЛЯ.

Жили-были на бѣломъ свѣтѣ или, попросту говоря, въ одномъ далекомъ отъ столицъ губернскомъ городѣ, два добрые и смирные человѣка, отецъ и сынъ, Иванъ Петровичъ и Петръ Иванычъ; пожили они, сколько надо было имъ пожить, и обоихъ теперь нѣтъ: оба лежатъ и тлѣютъ (а можетъ-быть и истлѣли ужь) на мирномъ погостѣ. Память о нихъ схоронилась вмѣстѣ съ ними, и конечно безвѣстными остались бы для всѣхъ тихая жизнь и тихая смерть ихъ, если бъ не было на свѣтѣ людей, которыхъ нигдѣ не спрашиваютъ и которымъ до всего дѣло. Люди эти подмѣчаютъ каждое явленіе жизни, какъ бы ни было оно повидимому мелко и незначительно, и доводятъ о немъ до всеобщаго свѣдѣнія. Такихъ людей называютъ по большей части досужими раскащиками. Не будь этого, никто никогда не услыхалъ бы ни объ Иванѣ Петровичѣ, ни о Петрѣ Иванычѣ, ни о скромной долѣ, которую дала имъ судьба и которою оба были такъ довольны. Выиграетъ ли что-нибудь читатель, узнавъ простыя событія, описанныя мною? Произведетъ ли на него предлагаемый расказъ такое сначала какъ-будто миротворное, а потомъ очень грустное дѣйствіе, какое произвела когда-то на самого повѣствователя жизнь, давшая содержаніе расказу?... Я могу только желать этого.

—

Въ то время, какъ мнѣ довелось познакомиться съ Иваномъ Петровичемъ и Петромъ Иванычемъ, отцу было ужь за пятьдесять лѣтъ, а сыну двадцат три-четыре года.

Иванъ Петровичъ былъ старичокъ очень добрый, смотрѣлъ козанкомъ, не толстый и не худой, а такъ-себѣ середка на половинѣ. Росту онъ былъ невысокаго; голова у него была небольшая, съ лысинкой, которую впрочемъ до половины скрывали зачесанные сзади сѣроватые волосы, лицо доброе, привлекательное, впрочемъ съ чертами самыми обыкновенными. Ходилъ Иванъ Петровичъ твердо и ровно, почти не махая руками; одѣвался не то чтобы плохо, не то чтобы щегольски. Да и къ чему, скажите, щегольство старику? Другое дѣло — сынъ; ему кстати: человѣкъ молодой.

И точно, сынъ Ивана Петровича отличался и тщательностью, и чистотою своего костюма. На немъ былъ всегда очень опрятный фракъ, непротертый галстукъ (какъ это бывало у самого Ивана Петровича), черный саржевый жилетъ, застегнутый доверху, и весьма приличные брюки и сапоги. Петръ Иванычъ былъ цѣлою головой выше отца, сложенъ неслишкомъ красиво и старообразъ. Взглянувъ на его изжелта-смугловатое лицо, на которомъ было нѣсколько довольно глубокихъ морщинъ около висковъ и надъ бровями, всякой бы сказалъ, что Петру Иванычу за тридцать лѣтъ. Лицомъ онъ былъ нехорошъ: сѣрые глаза не имѣли почти никакого выраженія; носъ походилъ нѣсколько на сапожную колодку; ротъ широкій. Когда Петръ Иванычъ улыбался, всѣ мускулы его лица приходили въ странно тревожное движеніе; даже уши двигались. Густые и очень жесткіе волосы свои Петръ Иванычъ причесывалъ по возможности гладко. Я говорю по возможности, потому-что на самомъ темени всегда оставалась неприглаженною довольно большая прядь, отличавшаяся неугомонностью. Петръ Иванычъ былъ повидимому очень недоволенъ непокорностью своихъ волосъ, и часто, поплевавъ на пальцы правой руки, старался примазать ими упрямую прядь; она прилегала только на весьма короткое время. Разумѣется, не было ничего легче, какъ избა-

виться отъ этого неудобства: стоило обстричься поглаже. Но Петръ Иванычъ, не любя крайностей, находилъ одинаково неприличнымъ и отращать длинную гриву, и выстригаться по солдатски наголо. Безъ височковъ, зачесанныхъ изъ-за ушей къ глазамъ, онъ никакъ бы не могъ обойтись. Плечи Петра Иваныча выдавались впередъ, а грудь вдавалась нѣсколько назадъ, и это, вмѣстѣ съ худобой, сообщало всей его нестройной фигурѣ чахлый и болѣзненный видъ. У Петра Иваныча была чрезвычайно странная походка: онъ ступалъ тяжело, всею подошвой ноги разомъ, причемъ длинныя руки его болтались какъ-будто прицѣпленныя къ плечамъ на крючкахъ; никогда не шелъ онъ по прямой линіи, а норовилъ всегда немножко наискось, словно боялся задѣть кого или сшибить съ ногъ.

Отецъ и сынъ жили въ полномъ ладу. Оба они помѣщались въ одной части своего маленькаго домика, отдавая другую въ наймы. Житье-бытье ихъ было крайне просто и тихо. Вся прислуга заключалась въ пожилой бабѣ Матренѣ, которая нанималась у Ивана Петровича съ незапамятныхъ временъ и привыкла къ дому какъ кошка. Безъ малѣйшихъ жалобъ на трудность своихъ многостороннихъ обязанностей исполняла она всѣ работы по домашнему хозяйству: и дрова рубитъ, и кушанье готовитъ, и полъ мететъ, и платье чиститъ, и за водой съ ведрами ходитъ, а колодецъ-то — не ближній свѣтъ, на самомъ концѣ улицы. Работящая была баба и ловкая, и все у нея подъ руками спорилось. Въ суботу, бывало, успѣетъ и полы въ комнатахъ выскоблить и вымыть, и бѣлье постирать; да еще и дворъ-то, глядишь, вымела. Когда только успѣетъ! Просто кладъ, не женщина. Будь у Ивана Петровича лошадь — кажется, и кучера бы нанимать ненужно: Матрена и кучеръ была бы лихой.

Помѣщеніе Ивана Петровича и Петра Иваныча состояло всего изъ двухъ комнатъ. Комнаты были не очень большія;

да для двоихъ куда же больше? Первая комната, въ которую былъ ходъ изъ сѣней черезъ крошечную прихожую, состояла въ должности пріемной, гостиной, залы, кабинета — какъ хотите, назовите. Она выходила окнами на улицу, и украшалась неширокимъ диваномъ съ прямой спинкой, круглымъ столомъ передъ нимъ да нѣсколькими стульями. Въ простѣнкѣ висѣло узкое, не очень-то льстивое зеркало. Слѣдующая комната служила спальней и отцу и сыну. Двѣ кровати, два сундука, бѣлый шкапчикъ съ посудой, два-три жиденькіе стула, въ углу кивотъ съ образами и лампадкой — вотъ и все, что было въ этой спальнѣ. Стѣны какъ первой, такъ и второй комнаты были изукрашены множествомъ картинокъ, большею частью модныхъ изъ старыхъ журналовъ, въ рамкахъ и за стекломъ. Если упомянуть еще о трехъ-четырехъ горшкахъ съ цвѣтами, стоявшихъ на окнахъ, то жилье Ивана Петровича и его сына будетъ описано въ совершенной подробности.

—

Иванъ Петровичъ ужь много лѣтъ состоялъ на службѣ въ одномъ изъ присутственныхъ мѣстъ города; онъ занималъ весьма незначительную и нехитрую должность, заключавшуюся въ нумеровкѣ, записываніи въ книгу и запечатываніи казенныхъ бумагъ. Петръ Иванычъ былъ канцелярскимъ чиновникомъ въ томъ же присутственномъ мѣстѣ.

Недвижимая собственность (я разумѣю домикъ, въ которомъ жили отецъ съ сыномъ) была нажита не самимъ Иваномъ Петровичемъ, а принесена ему въ приданое Катериной Степановной, недурною и доброю дѣвушкой, которая соединила судьбу свою съ судьбою Ивана Петровича, когда ему было лѣтъ тридцать отъ роду. Единственнымъ плодомъ этого союза былъ Петръ Иванычъ.

Катерина Степановна была здоровья хлипкаго вообще, а

тутъ, вскорѣ послѣ рожденія сына, какъ-то разъ не поберeглась, вышла налегкѣ въ холодное и вѣтряное осеннее утро на дворъ покупать лукъ, и простудилась. Съ этого времени Катерина Степановна стала все болѣе и болѣе хилѣть и недомогать; потомъ еще не побереглась раза два — ноги себѣ застудила, да и совсѣмъ ужь слегла въ постель. Иванъ Петровичъ попробовалъ сначала надъ недугомъ жены силу домашнихъ средствъ, какъ-то: мяты, липоваго цвѣта, бузины, горчицы и тому подобныхъ лекарственныхъ вещей. Эти вещи въ отношеніи къ Катеринѣ Степановнѣ оказались вовсе не лекарственными, и Иванъ Петровичъ вздумалъ обратиться къ одной весьма свѣдущей женщинѣ, жившей поблизости: помоги, матушка, чѣмъ знаешь! Свѣдущая женщина обѣщала непремѣнно помочь какимъ-то настоемъ, полезнымъ во всѣхъ возможныхъ болѣзняхъ; но не помогла: и всеисцѣляющій, многоиспытанный настой не произвелъ никакого утѣшительнаго дѣйствія на супругу Ивана Петровича. Въ одинъ годъ Катерина Степановна хизнула такъ, что узнать ее было невозможно; куда и миловидность ея дѣлась! «Авось лекарь поможетъ!» подумалъ Иванъ Петровичъ: «на то онъ лекарь.» Сходилъ къ лекарю и попросилъ его навѣстить больную. Лекарь обѣщалъ пріѣхать, да видно за недосугомъ, а можетъ и просто позабылъ, такъ и не пріѣзжалъ. Иванъ Петровичъ черезъ недѣлю въ другой разъ сходилъ къ нему, опять попросилъ заѣхать; лекарь опять обѣщалъ. Ждетъ-пождетъ Иванъ Петровичъ; еще недѣля истекаетъ, а лекаря все нѣтъ. «Ужь къ другому не сходить ли?» началъ подумывать Иванъ Петровичъ. Вотъ и собрался-было совсѣмъ къ другому доктору, къ нѣмцу, авось тотъ добрѣе будетъ и памятливѣе; но прежній лекарь видно вспомнилъ, какъ-разъ подкатился на парѣ рыжаковъ къ воротамъ Ивана Петровича. А той порой Катерина Степановна была ужь больно, больно плоха: чуть душа въ тѣлѣ держалась. Лекарь вошелъ, посмотрѣлъ на

больную, руку ей пощупалъ, темя пощупалъ, покрутилъ головой и спросилъ бумажки на рецептъ. Подали ему бумажку; ужъ сидѣлъ онъ, сидѣлъ надъ ней, оторветъ клочокъ отъ листка, пожуетъ-пожуетъ и выкинетъ. Наконецъ прописалъ какой-то рыжей дряни. «Нѣтъ, ужъ видно на то воля Божія!» говорилъ себѣ огорченный Иванъ Петровичъ, когда увидалъ, что и докторская микстура нисколько не улучшаетъ состоянія Катерины Степановны.

И точно, Катерина Степановна скоро скончалась, тихохонько, хорошохонько, словно уснула. Иванъ Петровичъ остался горькимъ вдовцомъ, а малый Петруша (ему тогда было всего три годочка) — сирымъ сиротой.

Плохо бываетъ жить ребенку безъ матери; но Иванъ Петровичъ былъ отецъ добрый, заботливый, и, на сколько могъ, старался замѣнить своими заботами о Петрушѣ материнскія заботы. И любилъ же Петруша отца! Не играетъ, бывало, не ѣстъ, сидитъ-себѣ въ уголочкѣ, если Иванъ Петровичъ у должности, или гдѣ-нибудь по дѣлу (въ гостяхъ Иванъ Петровичъ никогда не бывалъ). А какъ только заслышитъ Петруша, что калитка стукнула, мигомъ на крыльцо! Когда Иванъ Петровичъ обѣдалъ или пилъ чай, сынишка всегда помѣщался у него на колѣняхъ; оба и ѣли и пили съ одной тарелки, изъ одной чашки.

Но Петруша быстро выросталъ; Ивану Петровичу становилось тяжело держать его на колѣняхъ; пришлось сажать ребенка на особый стулъ, давать ему особый приборъ за столомъ и особую чашку чая. А тамъ скоро и грамотѣ пора учить. Иванъ Петровичъ, занимавшій при жизни жены всѣ четыре комнатки своего домика, по смерти ея нашелъ такое помѣщеніе слишкомъ широкимъ для себя и своего единственнаго дѣтища, и потому отдалъ двѣ лишнія комнаты въ наймы. Въ ту пору, какъ ему показалось нужнымъ начать учить сына азбукѣ, постояльцемъ его былъ дьячокъ ближайшей цер-

кви. Вотъ и учителя нечего далеко искать! За полтину мѣди въ мѣсяцъ дьячокъ согласился учить Петрушу чтенію гражданской и церковной печати. Начало ученія не произвело никакого измѣненія въ ребенкѣ. Сидѣть за книгой было ему вовсе не въ тягость, какъ бываетъ другимъ дѣтямъ, привыкшимъ бѣгать и играть. Петруша и такъ всегда сидѣлъ, и рѣдко-рѣдко, бывало, позабавится бѣготней съ сѣрымъ котомъ, котораго очень любилъ. Иванъ Петровичъ называлъ обыкновенно сынишку своего сиднемъ. Петруша питалъ особенную любовь къ картинкамъ и пестрымъ бумажкамъ и часто просиживалъ цѣлые дни, копаясь въ кучѣ своихъ жалкенькихъ картинокъ и узорныхъ лоскутковъ: то раскладывалъ ихъ въ различныхъ положеніяхъ на столѣ, то приклеивалъ слюнями къ стекламъ окна. Иныхъ игрушекъ у него никогда не было. Утомившись перебираньемъ своего богатства, Петруша подзывалъ къ себѣ сѣраго кота, сажалъ его къ себѣ на колѣни и начиналъ гладить, разговаривая съ нимъ какъ съ человѣкомъ. Только изрѣдка позволялъ онъ себѣ подшутить надъ своимъ любимцемъ: навязать ему на хвостъ бумажку, или закутать чѣмъ-нибудь голову.

Получивъ достаточныя свѣдѣнія въ россійской грамотѣ и достигнувъ десятилѣтняго возраста, мальчикъ былъ помѣщенъ Иваномъ Петровичемъ въ уѣздное училище. Тутъ только въ первый разъ вошелъ Петруша въ сношенія съ дѣтьми одного съ нимъ возраста; до этой поры онъ не зналъ никакого товарищества и какъ-то странно дичился дѣтей, тогда-какъ со старшими былъ довольно развязенъ. И въ училищѣ онъ ни разу не заговаривалъ самъ со своими соучениками, и почему-то старался всегда быть какъ можно дальше отъ ихъ шумнаго общества. За это товарищи сильно его не взлюбили. Само собою разумѣется, что прямымъ слѣдствіемъ этой нелюбви были безчисленныя шутки и обиды, сыпавшіяся отвсюду на смиреннаго Петрушу, который не умѣлъ защищаться и отвѣчать на кулакъ кулакомъ.

Товарищи умѣли даже не разъ выставить его виноватымъ въ своихъ шалостяхъ. Петруша не рознетъ, бывало, и рта для оправданія, стоитъ понуривъ голову. Такъ, съ перваго же взгляду и видно, что виноватъ. Какъ же виноватаго не наказать? Сегодня безъ обѣда оставили, не пустили изъ школы домой, завтра въ карцеръ заперли, а тамъ, смотришь, какъ не пронялся да въ третій разъ виноватъ, приходится рубашонку засучить да посѣчь. Не понравилось Петрушѣ въ училищѣ и захотѣлось поскорѣе выбраться оттуда; склонности особенной къ ученью и желанія просвѣтить умъ свой науками онъ не имѣлъ; къ тому жь и способностями былъ тугонекъ: только и бралъ усидчивостью да долбежкой. Петруша былъ вообще очень откровененъ съ отцомъ, но, удерживаемый какимъ-то стыдомъ, не говорилъ ему ни полслова объ обидахъ, чинимыхъ ему товарищами, и о крайнемъ нежеланіи своемъ продолжать ежедневное хожденіе въ школу. Иванъ Петровичъ самъ ужь замѣтилъ, что дитя его каждый разъ идетъ въ училище съ большою неохотой, а часто старается и вовсе уклониться отъ этой необходимости. Не разъ Петруша, чувствуя себя совершенно здоровымъ, жаловался отцу на какую-нибудь болѣзнь, которая будто бы мѣшала ему отправиться на урокъ: то животъ вдругъ заболитъ, то голову разламываетъ, только и остается, что въ постель залечь. Какая ужь тутъ школа? Случалось даже, что Петруша нарочно порѣжетъ себѣ ножемъ руку — писать нельзя, сиди дома! «Отлыниваетъ парень отъ ученья!» началъ думать Иванъ Петровичъ: «нейдетъ оно ему въ тукъ. Былъ здоровенькій мальчишка, а теперь такимъ хилымъ смотритъ.» И точно, Петруша замѣтно похудѣлъ. Этой худобѣ много способствовалъ конечно и очень быстрый ростъ его: мальчику было всего двѣнадцать лѣтъ, а съ виду онъ казался по крайней мѣрѣ пятнадцати-лѣтнимъ. Иванъ Петровичъ, разсуждая, что не для чего неволить сына къ ученью и что достаточно его познаній для домашняго обихода, рѣ-

шился взять Петрушу изъ училища, и взялъ. На другой же день испросилъ онъ у своего начальника позволеніе брать съ собою сына въ присутственное мѣсто, гдѣ самъ состоялъ у должности: пускай-де мальчикъ привыкаетъ къ службѣ, а тамъ, какъ откроется ваканція, начальство вѣрно не откажетъ, за долговременное и безпорочное служеніе отца, и сыну дать мѣстечко. Такъ и случилось, какъ думалъ Иванъ Петровичъ.

Не прошло и года послѣ выхода Петруши изъ училища, какъ одинъ изъ писцовъ захворалъ, а потомъ и умеръ. Мѣсто умершаго осталось свободнымъ и, по просьбѣ Ивана Петровича, сына его зачислили на службу съ званіемъ копіиста и назначили ему небольшое жалованье. Присутственное мѣсто не то, что школа; тутъ Петрушѣ не привелось испытать ни обидъ, ни гоненій отъ товарищей. Правда, началъ-было подтрунивать надъ нимъ одинъ писецъ, Головастиковъ Матвѣй, малый безпокойнаго характера, но, видя совершенное равнодушіе къ его шуточкамъ со стороны Петруши, скоро отсталъ отъ него.

—

Еще и къ ранней обѣднѣ не благовѣстили, а отецъ и сынъ ужь на ногахъ, оба въ ситцевыхъ подержаныхъ халатикахъ. Петръ Иванычъ отправляется черезъ сѣнцы къ уютной кухонкѣ, отворяетъ туда дверь и произноситъ:

— Матренушка, поставь-ка самоварчикъ!

— Поставила, родной, отвѣчаетъ Матрена, принявшаяся грѣть самоваръ, какъ-только заслышала движеніе въ комнатахъ.

И Иванъ Петровичъ, и Петръ Иванычъ страстные охотники до чая и пропускаютъ его въ желудокъ чашекъ по пяти и по шести за разъ.

Петръ Иванычъ любитъ самъ заняться разливаньемъ душистаго напитка и неутомимо исполняетъ эту работу. Впро-

чемъ ужь характеръ у него такой заботливый, что онъ ни до чего не допускаетъ отца. Вотъ, напримѣръ, Иванъ Петровичъ допиваетъ послѣднюю чашку, а Петръ Иванычъ вышелъ на скоро изъ-за стола, прочистилъ гвоздемъ коротенькую трубочку отца, продулъ ее и накладываетъ въ нее табакъ изъ кисета. У Петра Иваныча можно на лицѣ прочесть, какъ пріятно ему это занятіе: набиваетъ трубку не торопясь, ни соринки табаку не просыплетъ. Потомъ и огня самъ добудетъ. Иванъ Петровичъ знай-себѣ сидитъ и ждетъ своей первой утренней трубки.

Самъ же Петръ Иванычъ вовсе не куритъ: грудь слаба.

— А что, Петруша, говоритъ Иванъ Петровичъ, докуривъ трубку:—не сходить ли мнѣ нынче самому на базаръ?

— Ну ужь нѣтъ, тятенька, извините! отвѣчаетъ Петръ Иванычъ. — Я-то на что же? Да у васъ и ноги старыя, устанете. Не на задахъ у насъ базаръ-то.

Иванъ Петровичъ и самъ зналъ, что встрѣтитъ такое противорѣчіе своимъ словамъ, и, произнося ихъ, не питалъ ни малѣйшаго желанія идти на рынокъ. Петръ Иванычъ съ своей стороны тоже зналъ, что отецъ такъ только все это говоритъ и на базаръ отправляться вовсе не хочетъ, однако не оставилъ безъ отвѣта Ивана Петровича. Вѣдь надо же о чемъ-нибудь словечко перекинуть! И не то, чтобы Петръ Иванычъ ноги отцовскія берегъ — ноги у него крѣнкія, и не до базара дойдутъ — а такъ ужь привыкъ онъ самъ закупки дѣлать, и дѣлать ихъ было ему величайшимъ наслажденіемъ: хлѣбомъ не корми Петра Иваныча, только на базаръ дай сходить.

Петръ Иванычъ надѣлъ шинель и вышелъ изъ комнаты.

— Матренушка, возьми-ка кулечекъ!

— Сейчасъ, родной.

На дворѣ ждетъ ужь Петра Иваныча заслуженная вѣрная шавка, кличкою Шарикъ.

Знаетъ она, что Петръ Иванычъ вынесетъ ей кусочекъ хлѣба. Только вышелъ Петръ Иванычъ, Шарикъ ужъ у него въ ногахъ—и визжитъ, и кубаремъ катается, и трется, и весь хвостъ отбилъ, махая.

— Что, мошенникъ? что? Знаешь, у кого хлѣбецъ есть? знаешь? А за что тебѣ хлѣбца дать? за что? — Домъ бережешь? а? Ну, береги домъ! береги!... На̀ вотъ тебѣ!

Между-тѣмъ Матрена накинула на голову платокъ и сходитъ съ крылечка, кулекъ подъ мышкой. И идутъ на рынокъ.

Петръ Иванычъ любилъ иногда побаловать свой вкусъ, и потому, искупивъ все необходимое къ обѣду, весьма неприхотливому, дозволялъ себѣ повременамъ пріобрѣтать что-либо необыденное.

— Что, Матренушка, не купить ли почекъ?

— А купи, родной. Что не купить? Вишь, почки-то какія вонъ у мужика!

— Почемъ у тебя пара, любезный? спрашиваетъ Петръ Иванычъ.

— Одну что-ли берете?

— Да, одну. Намъ больше на что же?... Такъ почемъ?

— Почки-то?

— Да.

— Цѣна извѣстная — двадцать копеекъ.

— Что ты? али съ ума спятилъ? восклицаетъ Матрена.

— По такціи продаемъ.

— Двѣнадцать копеекъ возьмешь? спрашиваетъ Петръ Иванычъ.

Мужикъ молчитъ.

— Ну, я пятнадцать пожалуй дамъ.

Мужикъ все молчитъ и совсѣмъ въ противную сторону смотритъ.

— Оставь его, Петръ Иванычъ. Развѣ съ нимъ, жилой, сторгуешься?

И идутъ дальше.

— А что, Матренушка, не лучше ли студень купить?

— Что жь не купить, родной? Вонъ у Карповны — баба знакомая — студень отмѣнный, и не подорожится. Не впервой покупаемъ.

Такимъ образомъ купитъ Петръ Иванычъ студень, а иной разъ конечно и почки сторгуетъ за пятнадцать копеекъ. Эти предметы, не составлявшіе обычной принадлежности обѣда, который въ будни состоялъ только изъ щей, куска жареной говядины и каши, замѣнялись иногда, смотря по соображеніямъ Петра Иваныча, печенкою, или легкимъ, или гусинымъ потрохомъ. Передъ двунадесятыми праздниками Петръ Иванычъ покупалъ и не столь мелкія вещи: пріобрѣталъ или гуся, или поросенка, или зайца.

По возвращеніи Петра Иваныча домой, тятенька распрашивалъ его, каковъ въ тотъ день на базарѣ привозъ, какая цѣна такимъ-то и такимъ-то припасамъ, что вздорожало, что подешевѣло. Петръ Иванычъ на каждый вопросъ родителя давалъ, разумѣется, самый акуратный отвѣтъ.

Когда Петръ Иванычъ пріобрѣталъ на рынкѣ какую-нибудь изъ вышеисчисленныхъ съѣстныхъ вещей, долженствовавшую украсить нероскошную трапезу отца съ сыномъ, онъ обыкновенно задавалъ Ивану Петровичу угадать, что именно принесено въ кулькѣ излишняго противъ обыкновенной порціи. Рѣдко Иванъ Петровичъ рѣшалъ сразу загадку Петра Иваныча; чаще пересчитывалъ онъ многое множество всякой всячины, прежде чѣмъ доходилъ до слова разгадки. Исчерпавъ весь этотъ интересный предметъ для разговора, Петръ Иванычъ и родитель его отправлялись на службу.

Они всегда являлись къ должности первые.

Затѣмъ они разъединялись, потому-что Иванъ Петровичъ сидѣлъ въ одномъ, а Петръ Иванычъ въ другомъ отдѣленіи присутственнаго мѣста. Иванъ Петровичъ развертывалъ боль-

шую книгу, заключавшую регистръ исходящихъ или входящихъ бумагъ, зажигалъ свѣчу и принимался ставить номера на бумагахъ, вписывать содержаніе ихъ въ книгу и запечатывать исходящія въ пакеты. Иванъ Петровичъ велъ свои книги превосходно и вообще считался человѣкомъ работящимъ. Работа его была впрочемъ не головоломная. Петра же Иваныча все дѣло состояло въ томъ, чтобъ вѣрно и чистенько переписать данную бумагу. И ужь точно, дѣло это Петръ Иванычъ исполнялъ отчетливо. Почеркъ у него былъ довольно красивый; а что касается до вѣрности — его даже въ примѣръ ставили. Впрочемъ какъ и сдѣлать ошибку? Сидитъ Петръ Иванычъ, ни волоскомъ не шелохнется; кажется, тутъ же въ комнатѣ въ трубы затруби, такъ онъ не прежде оглянется, какъ допишетъ бумагу, или хоть по крайней мѣрѣ страницу начатую кончитъ.

Не прежде какъ черезъ полчаса, а иногда и черезъ часъ по приходѣ къ должности Петра Иваныча и его тятеньки, начнутъ собираться другіе чиновники. Приходъ товарищей нимало не разстраивалъ начатаго уже Петромъ Иванычемъ занятія. Тѣмъ изъ сослуживцевъ своихъ, которые сидѣли съ нимъ за однимъ столомъ, онъ очень вѣжливо кланялся и подавалъ руку. Говорилъ впрочемъ мало; спроситъ: «какъ ваше здоровье?» ему отвѣтятъ — и будетъ съ него; поправится на стулѣ, примется опять за письмо.

Одностольные товарищи Петра Иваныча, до самаго появленія столоначальника, большею частью занимались разговорами о разныхъ любопытныхъ предметахъ: сообщали другъ другу новости, что вотъ такой-то изъ казенной палаты или изъ губернскаго правленія невѣсту помолвилъ, въ переводъ подалъ, или выходитъ въ отставку. Немногіе только, въ ожиданіи своего ближайшаго начальника, подходили къ окнамъ и чинили перья, безпрестанно глядя на очинъ ихъ противъ свѣта; но и тутъ не преминутъ конечно поболтать и пере-

дать близко-стоящему товарищу какую-нибудь городскую вѣсть или незамысловатую сплетенку. А между-тѣмъ Петръ Иванычъ сидитъ-себѣ, безстрастно и безучастно водя перомъ по бумагѣ; если же и остановится, и подыметъ голову отъ работы, то только по крайней необходимости: перышко случится поскоблить, пескомъ написанное присыпать и т. п.

Но вотъ входитъ столоначальникъ.

— Петръ Иванычъ, говоритъ онъ: — потрудитесь поправить мнѣ немного перышко. Не вижу совсѣмъ раскепа: глаза становятся плохи.

— Пожалуйте-съ, отвѣчаетъ Петръ Иванычъ, и ужь очинитъ перо на славу.

Столоначальникъ придавитъ очинъ задкомъ къ бумагѣ, потомъ напишетъ на лоскуткѣ: «проба пера», или «вслѣдствіе», и похвалитъ перо.

Дѣла у него много; онъ примется усердно за работу. Десять перьевъ акомпанируетъ скрипу его пера.

Такъ проходили часы, совершенно незамѣтно для Петра Иваныча, до самаго выхода чиновниковъ изъ присутственнаго мѣста. Въ то время, какъ нѣкоторые изъ сослуживцевъ справлялись нерѣдко о томъ, который часъ, а къ концу присутствія — не уходятъ ли члены домой, Петра Иваныча ни то ни другое нимало не безпокоило. Онъ зналъ, что пойдетъ домой не раньше, какъ когда столоначальникъ скажетъ: «Спрячьте-ка, Петръ Иванычъ, всѣ эти дѣла на мѣсто!» и онъ уберетъ ихъ въ шкапъ.

Петръ Иванычъ часто оставался ужь совсѣмъ одинъ въ комнатѣ, складывая въ ящикъ стола свои бумаги и вещи, или дописывая до конца страницу. Послѣднее дѣлалъ онъ, какъ самъ говорилъ, потому, что какъ не допишешь сегодня страницу да примешься оканчивать ее завтра, то на другой-то день, смотришь, и чернилы блѣднѣе, и перо совсѣмъ

другаго очина: выйдетъ некрасива страница, точно двое писали ее.

Тутъ подходитъ къ сыну и Иванъ Петровичъ.

— Ну, идемъ, Петруша. Всѣ ужь разошлись.

— Идемте, тятенька, я сейчасъ.

И оба идутъ домой.

Тѣмъ временемъ работящая Матрена успѣетъ все въ домѣ прибрать и привести въ должный порядокъ. Къ приходу отъ должности Ивана Петровича съ сыномъ ужь и столъ накрытъ; хоть сейчасъ, какъ пришелъ, садись да кушай.

Окончивъ обѣдъ, Иванъ Петровичъ принималъ изъ рукъ Петра Иваныча тщательно наложенную трубочку и закуривалъ ее; а какъ выкуритъ всю, пойдетъ всхрапнуть.

Какъ уляжется тятенька, Петръ Иванычъ съ родительскою заботливостью примется поливать цвѣты на окнахъ. Растенія, занимавшія своимъ цвѣтомъ и зеленью Петра Иваныча, не имѣли особенной красоты, но Петру Иванычу были очень милы и дороги потому, что самъ онъ возрастилъ и воспиталъ ихъ. Еранка была имъ отсажена отъ большаго куста, имѣвшагося у постояльцевъ; лимонное деревцо, которое только-что прорѣзывалось изъ земли, получило бытіе отъ лимоннаго зернышка, стоившаго немало хлопотъ и ухода Петру Иванычу. Вѣточка олеандра, только-что принимавшаяся, обязана была существованіемъ своимъ тоже Петру Иванычу: сначала держалъ онъ ее въ водѣ, въ бутылкѣ, пока она не пустила корешокъ, потомъ пересадилъ въ горшокъ и долго лелѣялъ подъ стеклянною банкой.

Позанявшись своими горшечками, Петръ Иванычъ пойдетъ въ кухню, къ Матренѣ, которая тѣмъ временемъ конечно тоже не баклуши бьетъ: либо самоваръ тертымъ кирпичемъ чиститъ, либо скоблитъ поварской столъ, либо посудныя полотенца полощетъ въ корытцѣ

— Что, Матренушка, спросить Петръ Иванычъ: — красная курица сидитъ?

— Усѣлась, непосѣдная, отвѣчаетъ Матрена.

— И хорошо сидитъ?

— Смирнехонько.

— А схожу я, Матренушка, посмотрю, какъ она сидитъ.

— Сходи, родной! Что не сходить?

И Петръ Иванычъ отправляется поглядѣть, какъ усѣлась наконецъ на яйца неугомонная красная курица. Посмотрѣлъ — и доволенъ. А до вечера все еще времени остается много. Не сложа же руки сидѣть. Надо заняться какимъ ни на есть дѣльцемъ. И Петръ Иванычъ точно займется. Крахмалу разведетъ, картону нарѣжетъ, пестрой бумажки возьметъ, золотаго бордюру, клеитъ себѣ да клеитъ. Смотришь, корзиночка выйдетъ, либо коробочка. А то начнетъ обдѣлывать въ рамку картинку. Послѣднее онъ предпочиталъ клейкѣ коробокъ и корзинокъ. Въ картинкахъ, къ которымъ Петръ Иванычъ съ дѣтства питалъ особенную страсть, его занимало не столько самое изображеніе, сколько яркость красокъ; по мѣрѣ этой яркости картинка цѣнилась имъ дороже или дешевле. Кромѣ того необходимымъ условіемъ хорошей картинки полагалъ онъ, чтобы въ числѣ нарисованныхъ лицъ была хоть одна женщина въ богатомъ пестромъ платьѣ. Вслѣдствіе этого особенно любилъ Петръ Иванычъ журнальныя картинки модъ. Ими снабжала его по временамъ мѣщанка Кононовна, зашибавшая себѣ дневное пропитаніе съ разнаго ношебнаго стараго хлама, который продавала по комисіи. Въ занятіи не видишь какъ время идетъ. Петръ Иванычъ такъ втянется въ свою любимую работу, что и не думаетъ еще кончать ее, а тамъ, въ спальнѣ, тятенька ужь проснулся, потягивается, позѣвываетъ, наконецъ крякнетъ и отплюнетъ.

— Петруша!

— Что, тятенька?

— Не пора ли самоварчикъ?

Вечерній чай имѣлъ всегда самое благотворное вліяніе на душевное расположеніе и отца и сына. Оба, и въ остальное время дня полные безмятежнаго спокойствія, вечеромъ, за кипящимъ самоваромъ, чувствовали какое-то особенное блаженство. Тутъ-то живѣе шелъ разговоръ, занятый скромными интересами ограниченной жизни, разыгрывалась неприхотливая фантазія Петра Иваныча, и беззаботная веселость оживляла и его и Ивана Петровича. За дымящейся трубочкой старикъ иной разъ припомнитъ какую-нибудь старинную исторію временъ своей молодости и пораскажетъ сыну о прежней порѣ. Петръ Иванычъ состроитъ какой-нибудь воздушный зaмокъ въ своемъ грядущемъ, и тоже передастъ объ этомъ отцу.

Тихая бесѣда длится обыкновенно до самаго ужина, и время пройдетъ незамѣтно. Въ десять часовъ ужь и огонь погашенъ, и неутомимая Матрена осмотрѣла засовъ у воротъ и тоже отправилась отдыхать, оставивъ Шарика беречь домъ и дворъ. И Шарикъ бережетъ: чуть заслышитъ шаги на улицѣ или далекій лай собаки, зальется залаетъ, знай дескать, что не всѣ же улеглись, не спитъ караульщикъ.

Такъ-то, какъ скромный ручеекъ, текло житье-бытье Ивана Петровича и его возлюбленнаго сына. Только праздники и воскресные дни отличались нѣсколько. Тогда Иванъ Петровичъ и Петръ Иванычъ отправлялись къ обѣднѣ, сначала къ ранней въ свою приходскую церковь, потомъ, напившись дома чайку, къ поздней въ соборъ. Обѣдали раньше и вообще день оканчивали раньше обыкновеннаго.

Казалось, оба они были такъ довольны обществомъ другъ-друга, что считали даже обременительнымъ для себя быть съ кѣмъ-нибудь знакомыми. Ни у нихъ не бывало никогда посѣтителей, ни сами они не посѣщали никого. Даже съ по-

стояльцами — ужь чего бы, кажется, ближе — видѣлись только по необходимости, когда нужно было переговорить о какой-либо касающейся домашняго обихода матеріи или расчитаться. И это происходило вовсе не отъ дикости или несообщительности Ивана Петровича и Петра Иваныча, а собственно потому, что ужь такъ они издавна привыкли: имъ и вдвоемъ никогда не бывало скучно; на что же еще другихъ?

—

Однажды, возвратясь съ базара, Петръ Иванычъ поставилъ на полу въ прихожей какую-то утварь, прикрытую носовымъ платкомъ, и съ сіяющимъ лицомъ вошелъ въ комнату; и шинель даже забылъ снять. Такая торопливость и свѣтлая радость Петра Иваныча поразили его тятеньку.

— Что ты, Петруша? спросилъ онъ: — радъ ты что-ли чему, что въ шинели вбѣжалъ?

— Что я купилъ, тятенька! что я купилъ! воскликнулъ Петръ Иванычъ, чуть не прыгая отъ радости.

— А что бы такое? спросилъ Иванъ Петровичъ.

— Экіе скорые, тятенька! Вы угадайте! отвѣчалъ Петръ Иванычъ, снимая наконецъ шинель.

— А какъ я угадаю?

— Попробуйте.

Иванъ Петровичъ призадумался, и пока сынъ вѣшалъ свою шинельку въ прихожей, придумалъ отвѣтъ. Дѣло было за два дня до Петра и Павла, именинъ Петра Иваныча, и старикъ подумалъ, что нечего купить, кромѣ какой-нибудь съѣстной вещи большаго объема, преимущественно же гуся.

— Ну что, придумали? спросилъ Петръ Иванычъ, возвращаясь.

— Гуся.

— Анъ и нѣтъ, не гуся, не угадали.

— Такъ что же?

— Чего мнѣ давно хотѣлось, тятенька?

— А! поросенка?

— Ахъ, нѣтъ, тятенька; не съѣстное.

— Ну ужь я и не знаю.

— Когда же не знаете? Я еще такъ часто говорилъ. Вотъ, помните, и третьяго дня...

— А, помню, помню... мышеловку?

— Вотъ же и не мышеловку совсѣмъ. Развѣ я объ этомъ третьяго дня говорилъ?

— А какъ же! Сказалъ, много мышей въ чуланѣ развелось, ловушку надо.

— Да развѣ это третьяго дня?

— Ну да; еще молоко-то онѣ, проклятыя, изъ крынки вылокали.

— Это четвертаго дня было. Вотъ вы и забыли, тятенька.

— Ну, такъ не знаю.

— Да вы подумайте!

— И думать не хочу. Ну что я выдумаю?

— Да что я говорилъ-то?

— А я почему знаю! Отстань, не хочу отгадывать. Самъ скажи.

Петръ Иванычъ побѣжалъ въ прихожую, снялъ съ принесенной имъ вещи носовой платокъ и поднесъ Ивану Петровичу простенькую клѣтку, въ которой попрыгивала желтая птичка.

— Канарейку купилъ? Ахъ ты, мотыга! мотыга! сказалъ, качая головой и улыбаясь, Иванъ Петровичъ.

— А знаете ли вы, тятенька, что я заплатилъ-то? спросилъ Петръ Иванычъ.

— Чай, немало-таки. Экой живчикъ птица! такъ и скачетъ.

— По случаю продавали, тятенька. Баба на базаръ не-

сла, да по дорогѣ мнѣ попалась, я и остановилъ ее. На базарѣ бы не купить за эту цѣну.

— А что далъ? Цѣлковыхъ пять, небось?

— Экъ вы, тятенька! Всего-то два цѣлковыхъ и съ клѣткой. По бѣдности баба продавала. Этакой канарейки, тятенька, нигдѣ за два цѣлковыхъ не купишь.

— Два цѣлковыхъ — дешево, очень дешево.

— Просто даромъ, тятенька. Оттого и купилъ.

— А какъ же, воскликнулъ Иванъ Петровичъ, весело подшучивая: — какъ же говорилъ ты, что не съѣстное? Взялъ ее, желтобокую, да обжарилъ — вотъ тебѣ и съѣстное.

— Ахъ вы, шутникъ, тятенька! сказалъ Петръ Иванычъ, принимаясь смѣяться.

Къ смѣху его прибавилъ свой смѣхъ и Иванъ Петровичъ, замѣтно радуясь отпущенной имъ остротѣ. Оба громко смѣялись минутъ пять, и Иванъ Петровичъ раза два повторилъ свое острое словцо.

Съ этого утра Петру Иванычу прибавилась еще забота, забота впрочемъ доставлявшая ему живѣйшее наслажденіе. Клѣтка была повѣшена къ окну, и Петръ Иванычъ постоянно наблюдалъ, чтобы птичка его не нуждалась ни въ водѣ ни въ пищѣ. Птичка оказалась вполнѣ достойною заботъ Петра Иваныча. Лихая была пѣвунья; чуть не цѣлый день поетъ. И какъ поетъ-то! Петръ Иванычъ слушаетъ не наслушается. Такъ бы цѣлый день изъ дому не выходилъ, все бы сидѣлъ съ птицей да пѣсни ея слушалъ. А смолкнетъ канарейка хоть на минутку, Петръ Иванычъ присвистывать начнетъ, и птица опять заведетъ пѣсню. Впрочемъ присвистывать Петръ Иванычъ былъ не мастеръ: губы не такъ были устроены. Чаще бралъ онъ два столовые ножа и начиналъ водить лезвіемъ одного по лезвію другаго. Вотъ ужь тутъ пташка зальется. Просто уха не оторвешь.

—

Послѣ покупки канарейки время шло для отца съ сыномъ старымъ чередомъ, тихо и стройно. Вотъ и зима пришла съ рождественскимъ постомъ; вотъ пришло и рождество съ морозами; а тамъ и масляница съ оттепелью на дворѣ. Скоро идетъ время; не видали, какъ шесть недѣль великаго поста прошли. Наступила страстная, близка и свѣтлая недѣля съ весной и свѣтлой радостью.

Старикъ почувствовалъ себя какъ-то неладно: то знобить его начнетъ, то вдругъ въ жаръ кинетъ; только и спасался тѣмъ, что на ночь выпьетъ горяченькой бузины либо мяты. А тутъ, къ концу поста, снѣгъ развело; по улицамъ лужи; Иванъ Петровичъ должно-быть ноги промочилъ и сталъ еще болѣе жаловаться на нездоровье; къ тому же покашливалъ, и покашливалъ частенько.

Въ великій четвергъ Матрена сказала Петру Иванычу:

— Ну, Петръ Иванычъ, я все къ празднику изготовила: и муку просѣяла, и яички обмыла, и шафранцу у постояльцевъ взяла на куличъ; только приняться...

— Сандалъ-то есть ли у насъ, Матренушка?

— Есть, есть, родной. Какъ не быть! Чай помнишь, сколько въ прошломъ году купили. Куда ему дѣться-то?... Да ты самъ что-ли, Петръ Иванычъ, будешь яйца-то красить?

— Какъ же, Матренушка, самъ, самъ. Только не сегодня, а завтра. Ужь ты завтра все какъ слѣдуетъ припаси. Здѣсь вотъ печку затопимъ, да и станемъ красить. И тятенька посмотрятъ.

На слѣдующій день по утру Матрена, затопивъ печку въ главной комнаткѣ, принесла туда и всѣ снаряды, долженствовавшіе служить Петру Иванычу орудіями въ занимательномъ дѣлѣ крашенья яицъ. Снаряды эти заключались въ двухъ кастрюлькахъ, наполненныхъ водой, въ горсточкѣ сандала, въ кучкѣ тряпокъ, клубкѣ нитокъ, щепоткѣ луко-

выхъ перьевъ и деревянной ложкѣ. Затѣмъ Матрена поставила на столъ широкую деревянную чашку съ десятками-тремя яицъ, чисто-на-чисто вымытыхъ.

— Вотъ тебѣ, родной, все тутъ готово; принимайся знай! А мнѣ некогда.

— Что, тятенька, какъ вы думаете? Не красныхъ ли сначала яицъ накрасить? спросилъ Петръ Иванычъ, посматривая то на яйца, то на кастрюли.

— А красныхъ, такъ красныхъ, отвѣчалъ Иванъ Петровичъ, и закашлялся.

Онъ сидѣлъ, прижавшись въ уголокъ, на диванчикѣ, и имѣлъ очень болѣзненный видъ.

— Экъ вы, тятенька, покашливаете какъ! сказалъ Петръ Иванычъ, всыпая сандалъ въ кастрюлю.

— Плохо можется что-то, Петруша! Опять какъ-будто знобитъ, а въ головѣ словно свинецъ налитъ.

— Вы бы, тятенька, тулупчикъ надѣли: все теплѣе.

— Нѣту, не надо.

— Я вамъ его пожалуй принесу. Онъ тутъ лежитъ, на кровати.

— Нѣтъ, не ходи. Я вотъ ноги-то подъ себя подверну и согрѣюсь.

Иванъ Петровичъ подвернулъ подъ себя ноги и занялся зрѣлищемъ крашенья яицъ. Петръ Иванычъ исполнялъ это дѣло мастерски. Черезъ четверть часа изъ кастрюльки было вынуто съ десятокъ яицъ, отлично выкрашенныхъ алымъ сандаломъ.

— Посмотрите-ка, тятенька, какъ удались!

— Хорошо, ровно выкрасились.

— Ни одного пятнышка нѣтъ. Да что вы, тятенька, все пожимаетесь? Принесу я вамъ тулупчикъ...

— Сказалъ, не надо. Ноги только вотъ озябли у меня:

пальцы какъ мерзлые. Да онѣ сейчасъ согрѣются: я вотъ ихъ подъ себя подвернулъ.

— Какъ хотите, тятенька; а по моему, все бы тулупчикъ взять.

— Ты знай дѣло-то свое — яйца-то крась.

Иванъ Петровичъ опять закашлялся, и такъ сильно, что щеки у него раскраснѣлись. Петръ Иванычъ отправился въ другую комнату и принесъ оттуда въ листѣ бумаги цѣлую кучу разноцвѣтныхъ шелковъ. Еще въ началѣ поста озаботился онъ наказать торговкѣ Кононовнѣ, чтобы она принесла ему побольше шелковыхъ лоскутковъ разнаго цвѣта. Кононовна, шлявшаяся цѣлые дни изъ дому въ домъ, успѣла собрать для Петра Иваныча немало всякихъ пестрыхъ обрѣзковъ, за что, разумѣется, получила отъ него большую благодарность и приличное вознагражденіе. Петръ Иванычъ, пріобрѣтя лоскутки отъ Кононовны, посвящалъ часть своихъ досуговъ щипанью изъ этихъ лоскутковъ шелку. Дѣло было кропотливое, неспорое и повидимому очень скучное, но Петръ Иванычъ занимался имъ съ большимъ удовольствіемъ. Къ страстной недѣлѣ лоскутки были всѣ исщипаны и доставили порядочное количество разноцвѣтнаго шелку. Этотъ-то шелкъ вынесъ Петръ Иванычъ изъ спальни и положилъ съ торжественнымъ видомъ на столъ передъ Иваномъ Петровичемъ.

— Шелку-то, шелку-то что, тятенька! посмотрите-ка!

— Вижу, вижу. А вотъ посмотримъ, каковы-то яйца будутъ.

— Шелкъ все хорошій; надо бы выйти хорошимъ.

Петръ Иванычъ усѣлся къ столу, сталъ разглаживать принесенныя Матреной тряпочки и тщательно раскладывать на нихъ шелкъ. Наложивъ довольно толстый слой шелку, онъ нарѣзалъ изъ луковыхъ перьевъ крестиковъ и помѣстилъ ихъ на шелкъ. Дѣло было наполовину сдѣлано; оставалось только

завернуть яйца и обмотать ихъ нитками. Когда и это было кончено и яйца опущены въ кипятокъ, Петромъ Иванычемъ овладѣлъ какой-то неизъяснимый трепетъ, въ которомъ радость смѣшивалась съ опасеніемъ и сомнѣніе съ надеждой. Онъ присѣлъ на полу передъ печкой, помѣшивая въ кастрюлѣ ложкой, и ничто уже не могло бы отвлечь его вниманія отъ кипящей воды. Лицо его раскраснѣлось отъ близости огня, на лбу и вискахъ проступилъ потъ.

— Смотри, не перевари! отнесся къ сыну Иванъ Петровичъ, не спускавшій съ него глазъ.

— Не бойтесь, тятенька! ужь я знаю.

— Эй, перепустишь!

— Нѣтъ, еще надо минуточку подождать.

Петръ Иванычъ принялся еще дѣятельнѣе мѣшать ложкой въ кастрюлѣ, и при этомъ чуть не ошпарилъ себѣ пальцы.

— Вотъ теперь пора! сказалъ онъ наконецъ, обматывая руки полотенцемъ, чтобы не обжечься о ручку кастрюли.

Вытащивъ кастрюлю и выловивъ въ ней ложкой яйца, Петръ Иванычъ разложилъ ихъ на столѣ — пусть простынутъ. Паръ отъ нихъ валилъ столбомъ. Сердце Петра Иваныча было исполнено нетерпѣнія. Онъ, для скорѣйшаго удовлетворенія этого чувства, не уставалъ дуть на яйца, безпрестанно прикладывая къ щекамъ своимъ ладони: щеки у него горѣли. Насилу-то, насилу дождался Петръ Иванычъ, что можно было взяться за тряпочки, обвертывавшія яйца.

Руки Петра Иваныча дрожатъ, разматывая нитки.

— Ну-ка! ну-ка! каково вышло? Первое хорошо, такъ и всѣ хороши, говоритъ Иванъ Петровичъ.

Полная удача: яйцо вышло чудно красиво.

— Ахъ, тятенька, посмотрите, посмотрите! что за прелесть! крестикъ-то желтенькій какъ вышелъ!

— Да, хорошо, красиво яичко.

Еще нитка размотана, еще тряпочка развернута — яйцо лучше перваго; еще и еще... одно другаго красивѣе. Радость Петра Иваныча была умилительна. Онъ не удовольствовался тѣмъ, что указалъ Ивану Петровичу на особенныя черты въ узорѣ каждаго яичка, а отправился, сложивъ всѣ яйца въ чашку, на кухню, къ Матренѣ: на-ка, молъ, голубушка, полюбуйся! Матрена покачивала головой, почмокивала губами, однимъ-словомъ казалась вполнѣ удовлетворенною.

Петра Иваныча воротилъ въ комнату тяжелый удушливый кашель Ивана Петровича.

— Ахъ, тятенька, какой у васъ опять поднялся кашель! Вамъ бы тепленькаго чего напиться; да тулупчикъ-то право бы надѣли.

Иванъ Петровичъ еще болѣе скукожился въ уголкѣ дивана; видно было, что ему холодно, но надѣть тулупъ онъ не соглашался. Только къ вечеру успѣлъ Петръ Иванычъ уговорить его прикрыться тулупчикомъ. Здоровье Ивана Петровича было плохо.

Слѣдующій день не принесъ старику облегченія; напротивъ онъ чувствовалъ себя чрезвычайно дурно: и съ постели не всталъ. Петру Иванычу стало очень грустно. Онъ безпрестанно подходилъ къ кровати, на которой лежалъ отецъ подъ теплымъ стеганымъ одѣяломъ и овчиннымъ тулупомъ.

— Что, тятенька?

— Ничего, Петруша... Теперь вотъ... словно лучше.

— Что бы вамъ покушать чего-нибудь, тятенька? Вотъ вы давеча чай только чуть пригубили.

— Не хочу, Петруша... апетиту нѣтъ.

— А я нарочно велѣлъ-было Матренѣ легонькую похлебочку сварить — изъ моркови. Думалъ, вы покушаете.

— Нѣтъ, не стану, Петруша... не могу... Ужо развѣ...

Петръ Иванычъ машинально, безъ обычнаго удовольствія, занялся въ этотъ день кормленіемъ своей канарейки; потомъ

надо было сдѣлать кой-какія приготовленія къ празднику. И эти приготовленія шли не такъ споро, какъ бывало прежде, не такъ радовали Петра Иваныча. Къ вечеру на столѣ въ парадной комнаткѣ была разостлана чистая скатерть, и разставлены въ должномъ порядкѣ и куличъ и пасха, которую Петръ Иванычъ обложилъ кругомъ пестрыми яйцами, и плохо слѣпленный изъ масла барашекъ (дѣло рукъ самого Петра Иваныча). Петръ Иванычъ, прежде-чѣмъ уставилъ все это на столъ, сносилъ каждое блюдо показать Ивану Петровичу.

Петръ Иванычъ такъ до заутрени и спать не ложился. Онъ еще часу въ одиннадцатомъ одѣлся въ праздничное платье: на шею повязалъ бѣлую косынку, искусно соединивъ кончики ея на подобіе бабочки; жилетку тоже бѣлую надѣлъ; форменный фракъ былъ у него новенькій, съ иголочки.

Облачившись вполнѣ, Петръ Иванычъ пошелъ опять къ тятенькѣ въ спальню. Тамъ слабо горѣла лампадка передъ образами, и Иванъ Петровичъ лежалъ по прежнему. Въ немъ не замѣтно было никакой перемѣны къ лучшему; онъ по временамъ едва слышно стоналъ. Петръ Иванычъ подошелъ къ самой постели и посмотрѣлъ внимательно на отца; у него глаза были открыты.

— Не почиваете, тятенька?

— Нѣтъ... Петруша...

Старикъ съ великимъ трудомъ открылъ губы.

— Нѣту легче, тятенька?

— Нѣтъ...

Петръ Иванычъ грустно молчалъ.

— Вотъ, Петруша... началъ Иванъ Петровичъ: — вотъ... въ первый разъ... въ жизни моей... у заутрени не буду... на свѣтлое воскресенье.

— Что же дѣлать, тятенька! Вѣдь не по своей волѣ.

— Ужь ты за меня... помолись.

— Помолюсь, тятенька, помолюсь, отвѣчалъ Петръ Ива-

нычъ, у котораго глаза были полны слезъ. — Господь вѣрно молитву мою услышитъ. Вѣдь вы у меня, тятенька, одни-съ.

Тутъ онъ не могъ ужь сдержать въ глазахъ все болѣе и болѣе наплывавшія слезы. Двумя ручьями покатились онѣ на его бѣлый жилетъ. Петръ Иванычъ торопливо вышелъ изъ спальни и не прежде воротился къ постели больнаго, какъ приведя нѣсколько въ порядокъ свои растроенныя чувства.

— Какъ же вы, тятенька, одни-то останетесь, какъ мы съ Матреной въ церковь пойдемъ? Не побыть ли Матренѣ-то около васъ?

— Зачѣмъ, Петруша?... Пусть идетъ.

— Вѣдь это ей ничего, тятенька! Она такая баба добрая, къ вамъ такъ привязана.

— Нѣтъ, Петруша... не надо... Дверь заприте снаружи... вотъ и все.

Пришлось исполнить желаніе больнаго. Матрена завязала въ чистыя салфетки пасху и куличъ, повязалась новенькимъ платкомъ и отправилась въ церковь, хотя благовѣстить еще не начинали. Она пришла впрочемъ не первая; у того окна, гдѣ она помѣстилась, стояла ужь старинная знакомая ея, торговка Кононовна.

— Здравствуй, Матренушка! Какъ живешь, родная? Давненько не видались.

— Заспѣсивѣлась, Кононовна, и не заглянешь, матушка. А мнѣ какая ужь отлучка? Да нонѣ у насъ и горе приключилось: Иванъ-то Петровичъ, сердечный, ай-ай хвораетъ.

— Полно ты! Вотъ впервой слышу. А то зашла бы, право-слово, зашла бы. И больно неможетъ?

— Ужь такъ-то больно, Кононовна, что у меня у самой душа переболѣла. Все перемогался да перемогался, а тутъ и слегъ. Не говорю я только Петру-то Иванычу: онъ, сердечный, совсѣмъ съ горя убьется — я и не говорю ничего,

а Иванъ Петровичъ куда плохъ. Боюсь, встанетъ ли ужь. Глаза основались, ногами почитай совсѣмъ не владаетъ. Въ одинъ день скрутило.

— Что жь, лечите?

— Какъ же, лечимъ. Да какое наше леченье? Извѣстно — что дома найдется.

— Лекаря бы вамъ, Матренушка, взять. Жаль вѣдь, какъ умретъ старикъ-то.

— Какъ не жаль, матушка! вотъ-какъ жаль будетъ... Да самъ-то все не хочетъ. Петръ-отъ Иванычъ сказалъ ему намедни, а онъ и руками и ногами... Не надо, говоритъ.

— Кабы знать — есть у меня одинъ лекарь на примѣтѣ — его бы вамъ позвать. Онъ хоть и изъ простыхъ, а науку знаетъ — вотъ какъ знаетъ! Прохорыча вотъ просто мертваго на ноги поставилъ.

— Скажи, голубушка, какъ его звать? Петръ Иванычъ къ нему сходитъ.

Въ эту минуту ударили въ первый разъ въ большой колоколъ, и гулъ прокатился по церкви.

— Послѣ, матушка, послѣ, пролепетала Кононовна.

Обѣ старухи стали усердно креститься.

Этотъ ударъ колокола заставилъ перекреститься и Петра Иваныча, и немощнаго Ивана Петровича, который съ большимъ трудомъ отдѣлилъ голову отъ подушки и тихо знаменовалъ крестомъ свою худую грудь. Петръ Иванычъ поцаловалъ у отца руку, тотъ благословилъ его — и молодой человѣкъ отправился въ церковь. На дорогу взялъ онъ фонарикъ, потому-что ночь была очень темна. Когда Петръ Иванычъ вышелъ на крыльцо, Шарикъ подбѣжалъ къ нему съ радостнымъ визгомъ и сталъ ласкаться.

— Ну, смотри, Шарикъ, смотри! Береги же ты домъ! слышишь? хорошенько береги! Я долго не приду. Слышишь? а?

Вездѣ раздавался торжественный звонъ колоколовъ; среди

густой ночной темноты еще ярче казалось яркое освѣщеніе церкви, стоявшей въ концѣ улицы; со всѣхъ сторонъ слышался шумный говоръ пѣшеходовъ, у большей части которыхъ были въ рукахъ фонари; при бѣгломъ свѣтѣ ихъ мелькало порой то бѣлое, праздничное платье, то веселое, неменѣе праздничное лицо; съ грохотомъ неслись разнообразные губернскіе экипажи. Все бѣжало и ѣхало, полное самой ясной радости. Петръ Иванычъ торопливо шагалъ по крѣпко замерзшимъ кочкамъ; но на душѣ его было далеко не то тихое чувство счастія и спокойствія, какое въ прежніе года сознавалъ онъ въ себѣ въ эту торжественную ночь.

Иванъ Петровичъ полежалъ, полежалъ, посмотрѣлъ на лампадку, повернулся на правый бокъ и уснулъ. Онъ спалъ еще и въ ту пору, какъ Петръ Иванычъ, отстоявъ заутреню и обѣдню, воротился домой.

Бережно, стараясь не прошумѣть замкомъ, отперъ онъ наружную дверь, и еще тише прошелъ по комнатѣ: на ту пору сапоги у Петра Иваныча были противъ обыкновенія безъ малѣйшаго скрипа. Когда онъ заглянулъ въ спальню, изнеможенное болѣзнью, обросшее бородой лицо спящаго Ивана Петровича показалось ему необыкновенно страшнымъ. На дворѣ замѣтно свѣтлѣло, и слабый огонекъ лампадки все больше и больше замиралъ въ углу. Петра Иваныча вдругъ поразила неожиданная и необъятно ужасная для души его мысль: ужь не умеръ ли старикъ? Петръ Иванычъ едва сдерживалъ свой шагъ, подходя къ постели отца. Руки его дрожали, колѣни подгибались, когда онъ наклонилъ свое ухо къ подушкѣ Ивана Петровича; но лицо Петра Иваныча скоро приняло болѣе ясный видъ: онъ услышалъ тихое дыханіе больнаго.

Когда, притворивъ дверь въ спальню, Петръ Иванычъ вошелъ въ другую комнату, явилась и Матрена съ освященными пасхой и куличемъ.

— Христосъ воскресе, Матренушка.

— Воистину воскресъ.

Поцаловались. Матрена вынула изъ-за пазухи красное яичко, Петръ Иванычъ взялъ пестренькое, и обмѣнялись.

— Что Иванъ-то Петровичъ! спросила опасливымъ голосомъ Матрена, показывая головой на дверь спальни.

— Започивалъ, Матренушка.

— Ну и слава Богу! Пусть его почиваетъ. И будить не надо. На зарѣ сонъ крѣпкій, здоровый. А я пойду, Петръ Иванычъ, поставлю тебѣ самоварчикъ да сливочекъ вскипячу.

— Не надо, Матренушка. Я до той поры и разгавливаться не буду, покуда тятенька не проснутся.

— Полно, родной! Что по напрасну-то убиваться?... Ну, а проснется вдругъ Иванъ Петровичъ, тоже чашечку чайку бы выпилъ — разговѣться-то ему, сердечному, нельзя — а самовара-то и нѣтъ какъ нѣтъ.

— Ну ладно, поставь, Матренушка.

Матрена вышла. Петръ Иванычъ присѣлъ на диванъ, положилъ локоть на столъ и пригорюнился.

Минутъ черезъ пять Иванъ Петровичъ легонько простоналъ, потомъ какъ-будто зѣвнулъ и наконецъ чихнулъ довольно громко. Петръ Иванычъ тотчасъ же бросился въ спальню.

— Христосъ воскресе, тятенька!

— Воистину воскресе, Петруша!

— Что, тятенька, какъ вы теперь?

— Легче, Петруша... гораздо легче.

— Ну, славу Богу! Авось и совсѣмъ полегчаетъ. Вотъ вы и чихнули никакъ, тятенька?

— Чихнулъ, Петруша.

— Это добрый знакъ, тятенька. Говорятъ, къ выздоровленію.

— Дай-то Господи!

— А я, тятенька, и разгавливаться безъ васъ не хо-

тѣлъ; ждалъ, покамѣстъ вы проснетесь. Вотъ теперь и разговѣться отраднѣе, какъ знаю, что вамъ полегче. А вы чайку выкушайте чашечку. Матрена самоваръ грѣетъ. Да дайте-ка, тятенька, я вамъ подушки-то поправлю, чтобъ вамъ посидѣть было можно: чай, устали вы лежать-то?

— И то, Петруша... поправь.

Петръ Иванычъ усадилъ отца между подушками, подалъ ему полотенце мокрое — лицо и руки обтереть, и больной видимо освѣжился, а у Петра Иваныча на сердцѣ посвѣтлѣло.

— Вотъ, спасибо, Петруша... Мнѣ теперь хорошо... очень хорошо.

Петръ Иванычъ облупилъ себѣ красное яичко, разрѣзалъ его на двѣ половинки и посолилъ, потомъ отрѣзалъ кусокъ кулича, положилъ на него пасхи — и принесъ все это къ Ивану Петровичу.

— Нѣтъ, тятенька, какъ вы хотите, а безъ васъ не могу и разговѣться. Вы хоть губами вотъ притроньтесь.

— Ну дай... быть по твоему... Господи благослови!

Иванъ Петровичъ чуть прикоснулся своими сухими и горячими губами къ яйцу и пасхѣ, и передалъ ихъ сыну, который и разговѣлся.

—

Надежда на выздоровленіе Ивана Петровича, такъ ясно мелькнувшая сердцу Петра Иваныча въ раннее утро свѣтлаго праздника, къ вечеру этого дня снова поколебалась, и поколебалась очень сильно. Больнымъ опять овладѣлъ сильный жаръ, а къ ночи и бредъ сдѣлался. Петръ Иванычъ не отходилъ отъ постели всю ночь.

Утромъ на другой день Иванъ Петровичъ пришелъ въ себя, жаръ какъ-будто уменьшился, но признаковъ къ лучшему вовсе не было замѣтно. Больной такъ ослабѣлъ, что едва могъ связать слова два-три: языкъ у него чуть шевелился.

Часамъ къ одиннадцати пожаловала Кононовна поздравить съ праздникомъ и похристосоваться. Петру Иванычу вручила она даже позолоченое яичко, которое Петръ Иванычъ взялъ съ большою привѣтливостью, хотя и подумалъ: «за честь спасибо, а ѣсть не стану.» Зналъ эти золоченыя яйца Петръ Иванычъ, зналъ и молодцовъ, которые ихъ изготовляютъ: снаружи — золото, а ужь что внутри — лучше и не лупи. Кононовна не забыла также сообщить адресъ лекаря, о которомъ говорила Матренушкѣ, Кузьмы Кузьмича Губаренки, извѣстнаго болѣе подъ прозвищемъ Казака.

Петръ Иванычъ, не медля ни минуты, побѣжалъ къ Казаку и нашелъ его дома. Когда предстала глазамъ Петра Иваныча широкоплечая, приземистая фигура лекаря съ полнымъ какъ яблоко лицомъ и весьма пронзительными глазами, облеченная въ широчайшіе шаровары и красную кумачную рубашку, сквозь растегнутый воротъ которой видна была мохнатая грудь Кузьмы Кузьмича — Петръ Иванычъ такъ и обомлѣлъ. «Батюшки-свѣты!» подумалъ онъ: «уморитъ этотъ лекарь тятеньку. Вонъ какимъ палачемъ смотритъ.» Впрочемъ волненіе и колебаніе Петра Иваныча разомъ исчезли при первыхъ словахъ Губаренки — такъ мягокъ и нѣженъ былъ его голосъ, вовсе не соотвѣтствовавшій его тучному туловищу и свирѣпому виду. Когда Петръ Иванычъ высказалъ свое приглашеніе и изложилъ вкратцѣ исторію отцовскаго недуга, лекарь проговорилъ: «Ладно, ладно! Я сейчасъ.» И черезъ минуту явился ужь въ галстукѣ, жилетѣ и поношенномъ казакинѣ. Въ самомъ дѣлѣ, въ этомъ костюмѣ онъ былъ очень похожъ на казака и нимало не похожъ на лекаря.

Кузьма Кузьмичъ пошелъ вмѣстѣ съ Петромъ Иванычемъ. Осмотрѣвъ больнаго, онъ нашелъ нужнымъ вымазать всего его какою-то желтою мазью, что Петръ Иванычъ и исполнилъ съ помощью Матрены. Больной совершенно притихъ

и лежалъ чрезвычайно смирно, даже не простоналъ ни разу.

«Уснулъ-себѣ,» подумалъ Петръ Иванычъ: «успокоился. Пусть его поспитъ. Сномъ болѣзнь проходитъ. И такъ онъ измучился, родной: другой день все въ жару да въ бреду.»

За мазью слѣдовалъ спиртъ, который былъ принесенъ Кузьмой Кузьмичемъ въ бездонномъ карманѣ его шароваръ. И спиртомъ вымазали всего Ивана Петровича.

Прошелъ и третій день праздника, и четвертый день прошелъ; Иванъ Петровичъ лежалъ неподвижно, не говоря ни слова. Онъ все былъ въ безпамятствѣ. Изрѣдка только простонетъ. Тутъ Петръ Иванычъ зачерпнетъ въ стаканѣ отварной воды на ложечку и вольетъ ее слегка въ ротъ тятенькѣ, сквозь запекшіяся губы. Ничѣмъ Петръ Иванычъ не занимался все это время: какъ-то опротивѣло ему все. Даже канарейку въ кухнѣ велѣлъ помѣстить: больно-де громко поетъ, уши всѣ прожужжала; и Шарика ни разу не приласкалъ. Подадутъ ему обѣдъ — вкусу ни въ чемъ не находитъ; хлѣбнетъ раза два щецъ, каши возьметъ на ложку, посмотритъ на ложку, посмотритъ, въ ротъ и не подумаетъ взять — и полно. Призвалъ Петръ Иванычъ Матрену и велѣлъ ей одни щи готовить, и кромѣ щей ничего. Матрена заспорила-было, какъ дескать въ этакой праздникъ да одни щи; но Петръ Иванычъ слышать ничего не хотѣлъ. Онъ видимо началъ терять надежду на выздоровленіе отца, и самъ похудѣлъ съ горя. Цѣлый день, цѣлую ночь сидѣлъ онъ у кроватки Ивана Петровича и думалъ только (и Матренѣ не разъ говорилъ), что хоть бы словечко сказалъ тятенька передъ кончиной, если ужь суждено ему скончаться, а то вся душа у него, Петра Иваныча, поетъ, глядя на безпамятство Ивана Петровича. Такъ и не дождался Петръ Иванычъ ни единаго словечка отъ своего тятеньки. Въ пятый день праздника утромъ, на зарѣ, тятенька пересталъ дышать.

Нечего и говорить, какое глубокое уныніе поселила смерть Ивана Петровича въ небогатыхъ стѣнахъ его дома. Петръ Иванычъ долго не могъ придти въ себя; онъ рыдалъ, не отнимая рукъ отъ лица. Да когда наконецъ и поутихъ немного, то ходилъ словно растерянный: за то возьмется — не такъ, за это — не клеится. Матрена, отъ всей души жалѣя старика, громко голосила. Шарикъ тоже жалобно завывалъ на дворѣ. Одна канарейка, ничего не понимая, пѣла во весь голосъ на кухнѣ. Матрена разсердилась, поставила клѣтку на лавку и покрыла ее темнымъ платкомъ; глупая птица подумала, что ночь пришла, спать надо — и затихла. Хлопоты о похоронахъ шли неспоро у Петра Иваныча: то того забудетъ, то другаго не захватитъ; ужь кое-какъ уладилъ. И все-то слезы въ глазахъ дрожатъ; а пріѣдетъ домой — такъ и хлынутъ по щекамъ въ три ручья. Припадетъ, горемычный, на грудь къ покойнику; ужь всхлипываетъ онъ, всхлипываетъ — вчужѣ душа разрывается.

Тяжело было Петру Иванычу переживать эти печальные дни; но Богъ помогъ ему пережить ихъ. Тяжеле всего было ему въ ту минуту, когда онъ воротился подъ свою тихую кровлю съ кладбища, гдѣ опустили его тятеньку въ сырую могилу. Холодомъ повѣяло на него отъ стѣнъ дома, гдѣ такъ тепло жилось ему со старикомъ. На порогѣ встрѣтила Петра Иваныча Матрена, вся красная отъ слезъ, въ черномъ каленкоровомъ платьѣ, повязанная бѣлымъ платкомъ. Она оставалась дома, чтобы убрать все послѣ покойника и по русскому обычаю вымыть полы. Петръ Иванычъ не имѣлъ силъ произнести ни слова, опустился головой на плечо Матрены и зарыдалъ громко-громко.

—

Жизнь Петра Иваныча долго не могла войти въ свою

старую, ровную колею. Все шло какъ-то неладно: не было ни въ чемъ прежняго порядка.

Но нѣтъ на свѣтѣ печали, которую всеисцѣляющее время не успѣло бы если не совсѣмъ истребить, то по крайней мѣрѣ ослабить.

И Петръ Иванычъ привелъ наконецъ свое житье-бытье въ прежнія безмятежныя границы, хотя кое-что и измѣнилось въ немъ послѣ кончины отца. По прежнему сталъ онъ ходить на базаръ, по прежнему нѣжилъ иногда свой вкусъ какимъ-нибудь прихотливымъ блюдомъ, по прежнему клеилъ свои коробочки да корзиночки или обдѣлывалъ въ рамку картинки, по прежнему съ канарейкой хлопоталъ, Шарика гладилъ и разговаривалъ съ нимъ; но при всемъ этомъ было ему какъ-то неловко одному: не съ кѣмъ радость раздѣлить, некого удивить какой-нибудь покупкой, некому чаю налить, трубочку наложить. Матрена.... Да что Матрена? Конечно женщина она хорошая, добрая, и любитъ Петра Иваныча; да все-таки Матрена же она, не Иванъ Петровичъ, не отецъ. Вотъ какъ придетъ такое соображеніе въ голову Петру Иванычу, у него сердце вдругъ такъ-то сильно забьется и на глазахъ начнутъ навертываться слезы. Смотришь, а Матрена ужь тутъ какъ тутъ, словно почуяла, что взгрустнулось Петру Иванычу. Утѣшать пришла.

— Что это ты, родной? говорила обыкновенно Матрена, покачивая укорительно головой: — никакъ опять прослезился? Долго ли тебѣ изнывать-то?

— Нѣтъ, Матренушка, я ничего, отвѣчалъ Петръ Иванычъ, стараясь не глядѣть на Матрену.

— Какое ничего? Не вижу я что-ли родной? Ну что ты убиваешься? Ужь не воротить его, яснаго сокола.

— Право, я такъ, ничего, Матренушка. Вотъ что-то въ глазъ попало, такъ слеза идетъ.

А самъ за платокъ поскорѣе: того и гляди, что ручьемъ хлынутъ.

— Ну что ты отъ меня скрываешься, Петръ Иванычъ? Али ужь любви въ тебѣ нѣту ко мнѣ, старухѣ? Ну, тяжко на сердцѣ, такъ тяжко — такъ и сказалъ. Что я, не умѣю что-ли горя твоего съ тобою за одно разгоревать?

Матрена утѣшать пришла, а сама ужь навзрыдъ плачетъ.

Съ кончины Ивана Петровича, Матрена была почти постоянною собесѣдницей Петра Иваныча, когда у нея не было дѣла. Петръ Иванычъ самъ призывалъ ее къ себѣ потолковать, потому-что его замѣтно тяготило одиночество.

Вотъ и цѣлый годъ прошелъ со дня похоронъ Ивана Петровича, прошелъ онъ ровно, тихо и безмятежно подъ кровлей Петра Иваныча, не принесъ ему ни особой радости, ни особой печали; но зато много внесъ мира въ его осиротѣвшую душу. Петръ Иванычъ грустилъ гораздо рѣже, и только скучалъ повременамъ.

—

Однажды, по веснѣ другаго года, въ ту пору, какъ Петръ Иванычъ находился у должности, зашла торговка Кононовна провѣдать Матрену. Матрена тотчасъ же согрѣла самоваръ; обѣ усѣлись въ кухнѣ съ блюдечками и крохотными кусочками сахару у поварскаго стола и стали бесѣдовать. Бесѣда была очень серіозная и имѣла предметомъ ближайшіе интересы Петра Иваныча. Давно ужь Матрена просила Кононовну посматривать въ хорошихъ домахъ, нѣтъ ли невѣсты для Петра Иваныча. У Кононовны было много невѣстъ на примѣтѣ, но все или больно гордыя, или больно злыя, или больно бѣдныя: ни одна не подходила подъ пару Петру Иванычу по инструкціи, данной Кононовнѣ заботливою Матреной. Наконецъ невѣста была найдена; оставалось только показать ее Петру Иванычу, который впрочемъ во-

все и не думалъ объ этомъ, хотя Матрена съ нѣкотораго времени каждый день напѣвала, что нельзя безъ хозяюшки жить; не на кого будетъ и достоянья своего покинуть, никто и не утѣшитъ въ старости. Получивъ вѣрнѣйшія свѣдѣнія о невѣстѣ, Кононовна не мѣшкала ни минуты и побѣжала передать ихъ Матренѣ. Это и было единственною цѣлью прихода торговки въ кухню Петра Иваныча.

— Кабы видѣла ты, Матренушка, что за невѣста, сама бы диву далась, гдѣ такая сыскалась. Вотъ и подъ бокомъ у тебя живетъ, и сто разовъ мимо я ходила, а до вчерашняго дня и не знала.

— А какъ бишь зовутъ-то, Кононовна?

— А Марьей Петровной.

— А прозванье-то? Экое мудреное! все-то забываю.

— Что за мудреное? Херсонисова. Какая мудрость тутъ? Херсонисова — и вся недолга.

— Херсонисова, повторила Матрена. — Ну вотъ теперь буду помнить. А зовутъ Марья Петровна. И изъ-себя красива, Кононовна?

— Какъ есть писаная картина.

— Вотъ ужь это вѣдь, Кононовна, и бѣда! Какъ изъ себя-то видная, и захочется красу свою другимъ показать... Туда ее вези, въ иное мѣсто вези. Всѣ ужь онѣ таковы. А Петръ Иванычъ, сама ты знаешь, каковъ человѣкъ: онъ все бы, сердечный, дома сидѣлъ.

— Нѣтъ, Матренушка, ужь ты этого поклепа на мою Марью Петровну не взводи. Развѣ что къ обѣденкѣ выйти, а больше все дома сидитъ. Ужь такая-то скромница да рукодѣльница.

— Вотъ ты обо всемъ, Кононовна, сказываешь; а есть ли приданое какое? Вѣдь у насъ не золотыя горы.

— Есть, и приданое есть. Вишь ты, думаетъ, что она одна и помнитъ. Ужь когда я о приданомъ забуду!

— А какое?

— Важное приданое: платьевъ однихъ сколько — и шелковыхъ, и полушелковыхъ; перина будетъ двуспальная; ложекъ серебряныхъ дюжина — чайныхъ шесть, да столовыхъ шесть... Ну, еще...

— А деньгами ничего?

— Какъ ничего?.. И деньгами девятьсотъ рублей.

— Ну, этакъ-то вотъ ладно, а безъ денегъ Петру Иванычу куда брать?

— У матери-то и домъ тоже есть... Вотъ побол҃е никакъ вашего будетъ домъ. И то поболѣ... Ну, домъ не даетъ за дочерью.

— Что такъ?

— Сама еще человѣкъ молодой, думаетъ жениха найти.

— А невѣстѣ-то сколько годочковъ будетъ?

— Годочковъ семнадцать, али много что восемнадцать— болѣ не будетъ.

— Какъ-то, матушка, Петра Иваныча уговорю... Вотъ теперь моя бѣда!

— Что же это за бѣда? Вотъ велику бѣду нашла! Бѣда, коли черви въ животѣ завелись. Вотъ бѣда; а твоей-то легко пособить. Какъ пораскажешь ему все, что вотъ-молъ такъ, то и то, небось самому по сердцу придетъ.

— Попытаю вечеркомъ нонѣ.

— Попытай, попытай, Матренушка. А я завтра пораньше забѣгу, покол҃ онъ на службу не ушелъ, да тоже словечко залукну. Ну, а теперь прощай; надо еще зайти мѣстовъ въ пять. Ты такъ и скажи, Матренушка, что молъ Кононовна говорила невѣстѣ, что есть женишокъ на примѣтѣ, и обѣ онѣ не прочь — и мать и дочка. «Только бы», говорятъ: «человѣкъ былъ хорошій, да непьющій.» Ну прощай! Совсѣмъ я съ тобой заболталась! Спасибо на угощеньи.

— Не на чѣмъ, Кононовна. Прощай, матушка!

Вечеромъ Матрена тонкимъ образомъ навела разговоръ съ Петромъ Иванычемъ на скуку одинокой жизни, а потомъ довольно ловко свернула и на необходимость — жениться Петру Иванычу. Петръ Иванычъ, слышавшій этотъ совѣтъ Матрены очень часто, съ недавняго времени сталъ замѣчать и самъ, что въ немъ много правды, и ужь склонялся отчасти на сторону Матрены, хотя сильно робѣлъ при мысли о женитьбѣ.

— Ну хорошо, Матренушка, хорошо! сказалъ Петръ Иванычъ, выслушавъ отъ Матрены полное изложеніе всѣхъ выгодъ женатой жизни. — Ну, кабы я да непрочь и жениться, анъ вотъ тутъ-то и запятая. Невѣсты-то, смотришь, и нѣтъ. Да и кто за меня пойдетъ? сама ты посуди, Матренушка: собой я не казистъ, богатства тоже никакого, мѣсто занимаю копіиста...

Матрена, казалось, только и ждала отъ Петра Иваныча этого выраженія его сомнѣній, чтобы опровергнуть ихъ разомъ, пересказавъ ему все, что знала о пріисканной Кононовною невѣстѣ. Петра Иваныча это извѣстіе и сконфузило и удивило. Онъ начиналъ ужь находить мысль о женитьбѣ чрезвычайно неумѣстною.

— Да кто же ее просилъ хлопотать-то, Матренушка?

— Ну, ужь брани, не брани, я, Петръ Иванычъ, глядя на тебя на одинокаго, придумала да и сказала Кононовнѣ.

Петръ Иванычъ молчалъ.

— А я Кононовнѣ вѣрю, родной! Ужь такъ-то она и тебя и меня любитъ! И не даромъ долго высматривала. И прежде навѣдывалась она туда-сюда, да нѣтъ. «Все», говоритъ: «не по нраву будутъ Петру Иванычу.» Ну, а ужь эта, что теперь-то нашла.... ужь точно можно сказать, невѣста!

И Матрена принялась вычислять достоинства Марьи Петровны, которую въ глаза не видала. Петръ Иванычъ си-

дѣлъ задумавшись и не говорилъ ни слова. Такая дѣятельная забота о его интересахъ со стороны Коноповны и Матрены, и такое скорое нахожденіе невѣсты, которая непрочь пойти за Петра Иваныча (это было объявлено ему за вѣрное), совсѣмъ перепутали въ головѣ его обычную ровную нить мыслей.

— Никакъ осерчалъ ты на меня, родной, за мое о тебѣ радѣнье? спросила Матрена, озадаченная задумчивымъ видомъ Петра Иваныча. — Слова не промолвишь. Не любо тебѣ, такъ скажи; я и поминать не стану.

— Нѣтъ, Матренушка, что ты? Помилуй, за что я буду сердиться на тебя? Развѣ я не вижу, что ты изъ любви ко мнѣ стараешься? сказалъ Петръ Иванычъ, подымая голову.

— Такъ что же ты, родной, смотришь-то невесело такъ?

— Ахъ, Матренушка, Матренушка! Хорошо тебѣ такъ говорить. Вѣдь это, какъ пословица говоритъ, не башмакъ — жена-то, съ ноги не скинешь.

— Что говорить!

— Такъ вотъ и думаю я объ этомъ дѣлѣ. Это дѣло, Матренушка, не шуточное.

— Когда шуточное! Подумай, родной, подумай! А мой совѣтъ — посмотрѣть невѣсту, да коли пришла по сердцу, такъ и по рукамъ.

Увлекаясь желаніемъ благоденствія Петру Иванычу, Матрена принялась снова за описаніе будущихъ удобствъ своего молодаго барина, если онъ вступитъ въ законный бракъ. Она представила Петру Иванычу въ вѣрной картинѣ всѣ прелести того времени, когда его будетъ окружать собственное потомство; припомнила о покойницѣ Катеринѣ Степановнѣ и порасказала, какъ жилъ поживалъ съ нею покойникъ Иванъ Петровичъ; потомъ обрисовала Петру Иванычу (она ужь видѣла его женатымъ) и то, хотя грустное, но очень сбыточное обстоятельство, что и онъ можетъ овдовѣть, какъ

овдовѣлъ родитель его, но что не такъ горько будетъ его вдовство, если при немъ останется такой же другъ и товарищъ, какимъ былъ самъ Петръ Иванычъ Ивану Петровичу — царство ему небесное.

Послѣдній доводъ Матрены былъ въ глазахъ Петра Иваныча однимъ изъ самыхъ убѣдительныхъ въ пользу брака. Онъ долго не спалъ съ вечера и все думалъ да думалъ, и не разъ навертывалась въ голову его мысль, что отчего же и не попытать судьбу, что можетъ-быть самъ промыслъ Божій ведетъ его къ тому. Съ этою мыслью и заснулъ Петръ Иванычъ, далеко за-полночь. Матрена тоже долго не спала: и она думала, что-то скажетъ ей завтра Петръ Иванычъ. Онъ обѣщалъ дать ей по утру рѣшительный отвѣтъ — или нѣтъ, или да.

Петръ Иванычъ всталъ по утру съ окончательнымъ рѣшеніемъ попытать судьбу. Онъ тотчасъ же сообщилъ это Матренѣ, которая совершенно справедливо замѣтила, что никакой бѣды отъ попытки быть не можетъ, напротивъ, даже пожалуй навернется счастье. Но тутъ Петра Иваныча совершенно неожиданно поразила одна мысль, которая до сей поры не заглядывала въ его голову. Мысль эта была (такъ по крайней мѣрѣ казалось Петру Иванычу) столь важна, что могла легко опрокинуть все зданіе его предположеній. Онъ не успѣлъ еще передать Матренѣ своего сомнѣнія, какъ явилась Кононовна, словно deus ex machina, для разсѣянія возникшаго въ умѣ Петра Иваныча сомнѣнія. Дѣло въ томъ, что Петръ Иванычъ находилъ совершенно невозможнымъ идти знакомиться со вдовою Херсонисовой и ея дочерью, не имѣя къ тому инаго повода, кромѣ желанія посмотрѣть, годится ли Марья Петровна ему въ невѣсты. Предусмотрительная Кононовна ужь думала объ этомъ, и какъ только услыхала отъ Петра Иваныча, что онъ и готовъ бы, да есть заковычка, то сейчасъ же нашла ему превосходный по-

водъ для перваго визита. По словамъ ея, у Анны Антоновны Херсонисовой была продажная корова, и корова очень хорошая, хотя и ходившая теперь между моло́къ; Петръ же Иванычъ неоднократно ужь изъявлялъ желаніе обзавестись коровушкой. Какого же повода еще искать? Пришелъ будто корову посмотрѣть, а самъ и на барышню глаза закинулъ. Идея Кононовны очень понравилась Петру Иванычу.

— Ну, а когда же это сдѣлать, Кононовна?

— Да когда хочешь. Хоть завтра. Я пожалуй сегодня же сбѣгаю, скажу, чтобы завтра утромъ ждали.

— Нѣтъ, мнѣ завтра нельзя, Кононовна: день присутственный, на службу надо.

— Ну такъ чего лучше въ воскресенье послѣ обѣдень? Не Богъ вѣсть и ждать сколько: всего два дня.

— А какъ у нихъ кто изъ гостей будетъ?

— Вотъ, изъ гостей будетъ! Какіе гости? И никогда у нихъ по воскресеньямъ гостей не бываетъ.

— Ну ладно, ладно, Кононовна. Только все боязно что-то.

— Э-эхъ, Петръ Иванычъ! Полно! Грѣхъ тебѣ. Человѣкъ молодой, свѣжій, а боязно!

Отъ Петра Иваныча Кононовна чуть не бѣгомъ побѣжала къ Аннѣ Антоновнѣ — сообщить о согласіи молодаго человѣка явиться въ воскресенье съ первымъ визитомъ. Анна Антоновна и дочь ея ужь поджидали сваху торговку. Кононовна, еще идя къ Петру Иванычу, забѣгала ко вдовѣ Херсонисовой.

Хотя и сама Анна Антоновна считала себя еще очень годною для замужства, и хотя имѣла видъ очень здоровый и свѣжій, однако единственная дочь ея, Марья Петровна, была ужь очень созрѣвшая дѣвица; вопреки мнѣнію Кононовны, ей былъ двадцать шестой годъ. Немудрено, что замужъ хотѣлось. Жениховъ у Марьи Петровны никогда много не бывало,

хотя она была очень недурна собой. Всѣ знали, что состоянья у нея нѣтъ никакого, да къ тому же многимъ не нравилось и то, что и матушка и дочка были черезчуръ веселаго характера и безцеремоннаго обращенія. Была ли Кононовна поддѣта на удочку Анной Антоновной, желала ли порадѣть Марьѣ Петровнѣ, а не Петру Иванычу, была ли наконецъ задарена или подкуплена — не знаю, только ни въ одномъ словѣ ея расказа о невѣстѣ и невѣстиномъ приданомъ (за исключеніемъ двуспальной перины) не было правды. Матрена, чувствуя почти неограниченное довѣріе къ Кононовнѣ, и не думала сомнѣваться въ чистотѣ ея намѣреній, за которую Матренѣ ручалась долговременная дружественная связь съ торговкой. Петръ Иванычъ, по малой опытности своей и рѣдкимъ сношеніямъ съ людьми, тоже, разумѣется, вѣрилъ вполнѣ Кононовнѣ.

Два дня до воскресенья прошли для Петра Иваныча безъ всякихъ особенныхъ происшествій. Онъ чувствовалъ только повременамъ какое-то странное сжиманіе и замираніе сердца.

—

Въ многозначительное воскресенье Петръ Иванычъ, воротясь отъ ранней обѣдни, разсудилъ, что въ одиннадцать часовъ самое время идти, и потому, какъ только пробило на стѣнныхъ часахъ десять, принялся за свой туалетъ. Матрена была при немъ.

— Голову мазать, чай, не надобно, Матренушка? сказалъ Петръ Иванычъ: — давеча помадилъ.

— Все бы хватилъ немножко одной ладонью, родной; знать отъ шляпы посбились волосы-то.

Петръ Иванычъ припомадился еще разъ, причесался весьма тщательно и превосходно уладилъ височки.

— Что, манишка чистая? спросилъ онъ, растегивая передъ Матреной жилетъ.

— Чистая, чистая; вѣдь сегодня надѣлъ, родной.

— Все бы, я думаю, Матренушка, свѣженькую лучше надѣть?

— И, нѣтъ, нѣтъ, не надо: чистехонька манишка, точно сейчасъ надѣта.

— Ну такъ жилетку надо другую. Достань-ка, Матренушка, бѣлую пикеневую.

Матрена пошла въ спальню и воротилась оттуда, неся атласную жилетку, коричневую съ серебряными мушками.

— Ты бы эту лучше надѣлъ, Петръ Иванычъ. Что въ бумажной-то? А ужь эта — одно слово, шелкъ.

— Та параднѣе будетъ, Матренушка.

— Ну, ты вѣдь невѣсту идешь смотрѣть, родной. Пожалуй скажутъ еще: жилетки-то шелковой нѣту, надѣлъ бумажную. То ли дѣло эта. Надо и себя показать.

— Такъ я эту надѣну. Дай ее сюда, Матренушка.

Сверхъ шелковой жилетки Петръ Иванычъ надѣлъ свой новый фракъ. Обмахнувъ бѣлымъ носовымъ платкомъ шляпу, не забывъ надѣть на лѣвую руку свѣтлозеленую лайковую перчатку, а другую взявъ въ правую руку, Петръ Иванычъ попросилъ Матрену накинуть на него шинельку и отправился изъ дому.

Дорога ко вдовѣ была недальняя, но Петръ Иванычъ шелъ долго, собственно потому, что вздумалъ сдѣлать обходъ. День былъ свѣтлый, солнечный и очень теплый. Петру Иванычу было жарко въ шинели, да къ тому же и отъ сильнаго внутренняго волненія лицо его безпрестанно разгаралось. Петръ Иванычъ даже неразъ снималъ шляпу, чтобы вытереть платкомъ кожу внутри ея, а потомъ и лобъ, покрытый крупными каплями пота. Наконецъ близка и цѣль. Вотъ домикъ вдовы Херсонисовой, очень опрятный снаружи, хоть и небольшой. Петръ Иванычъ прочелъ на прибитой къ воротамъ дощечкѣ званіе, имя, отчество и фамилію вла-

дѣтельницы дома; но тутъ обуяла его такая робость, что онъ прошелъ мимо, искоса поглядывая на окна. Одно изъ нихъ было отворено, на немъ стоялъ горшокъ съ бальзаминомъ. Изъ комнатъ ничего не было слышно. Петръ Иванычъ сдѣлалъ шаговъ двадцать и воротился. Когда онъ опять подходилъ къ воротамъ, на лицѣ его можно ужь было прочесть, что онъ рѣшился и войдетъ теперь въ калитку. И точно, Петръ Иванычъ оченъ смѣло взялся за ручку калитки, калитка отворилась — и Петръ Иванычъ на дворѣ. Вотъ онъ и въ сѣняхъ, вотъ отворяетъ дверь въ прихожую.

Когда Петръ Иванычъ вступилъ въ переднюю и затворялъ за собой дверь, до ушей его донесся сочный контральто, крикнувшій довольно громко:

— Пашутка! поди, посмотри! пришелъ кто-то.

Вслѣдъ за этимъ приказаніемъ передъ Петромъ Иванычемъ появилась тринадцатилѣтняя Пашутка, весьма безобразная и неопрятная дѣвчонка, у которой верхняя губа не имѣла обыкновенія покрывать длинныхъ и кривыхъ зубовъ.

— У себя Анна Антоновна? спросилъ Петръ Иванычъ.

— У себя-съ. Пожалуйте! отвѣчала дѣвчонка, снимая съ Петра Иваныча шинель, для чего должна была неимовѣрно вытянуться и подняться на носкахъ своихъ босыхъ ногъ.

Петръ Иванычъ, съ пылающимъ лицомъ, медленными шагами вошелъ въ слѣдующую комнату. Комната была такъ-себѣ, какъ у Петра Иваныча; только вотъ шарманки у него не было въ углу, да вмѣсто щегленка канарейка. Пашутка быстрѣе молніи умчалась изъ передней и успѣла ужь доложить о приходѣ гостя барынѣ, и къ Петру Иванычу немедленно вышла на встрѣчу нарядная Анна Антоновна.

Это была женщина очень сильныхъ и грандіозныхъ размѣровъ. Посѣтитель разомъ почувствовалъ всю свою ничтожность передъ такою богиней. Анна Антоновна была недурна

собой, хотя всѣ черты ея отъ чрезмѣрной полноты сдѣлались довольно грубыми; выступала она плавно. На ней ради праздника было шелковое платье съ вырѣзнымъ воротомъ и весьма красивою модести. Когда Анна Антоновна выходила въ залу, Петру Иванычу показалось, что она выпустила изо рта густую струю дыма. Петръ Иванычъ счелъ это за оптическій обманъ, хотя въ комнатѣ очень пахло третьимъ сортомъ «жуковскаго».

Совершенно теряясь подъ взглядомъ проницательныхъ ярко-черныхъ глазъ вдовы Херсонисовой, Петръ Иванычъ съ трудомъ отрекомендовался.

— Я слышалъ, прибавилъ онъ: — у васъ есть корова продажная.

— Очень рада, очень рада познакомиться, проговорила вдова съ милою улыбкой и милымъ голосомъ. — О коровѣ мы послѣ. Милости прошу въ гостиную! Пожалуста безъ церемоній.

— Извините-съ, Анна Антоновна, лепеталъ Петръ Иванычъ, слѣдуя за хозяйкою: — что, не бывъ знакомымъ, осмѣлился...

— Полноте! полноте! помилуйте, мнѣ очень пріятно, что мы познакомились. Я такъ много наслышана о васъ и желала давно имѣть это удовольствіе. Да садитесь пожалуста, Петръ Иванычъ; вотъ сюда, на диванчикъ.

Петръ Иванычъ поблагодарилъ и сѣлъ.

— Что вы шляпу не поставите? она только безпокоитъ васъ.

— Ничего-съ, мнѣ хорошо и такъ-съ.

— Вы вѣрно курите, Петръ Иванычъ... Вотъ я велю вамъ трубку сейчасъ. Пашутка!

— Я не курю-съ.

— Какъ, неужели? Скажите, какая странность! А нынче

нѣтъ почти ни одного молодаго человѣка, который бы не курилъ.

Пашутка стояла уже въ дверяхъ.

— Нѣтъ, ужь не надо, ступай... сказала Анна Антоновна: — или нѣтъ, постой! возьми вотъ трубку, наложи мнѣ.

Пашутка взяла въ углу трубку и ушла.

— А я вотъ сдѣлала глупую привычку къ куренью, и отстать не могу. Сначала, знаете, отъ зубной боли присовѣтовали мнѣ, а потомъ и втянулась.

Минуты двѣ продолжалось молчаніе. Петръ Иванычъ былъ весьма недоволенъ женщиной, предложенной ему въ тещи, но ожидалъ съ нетерпѣніемъ появленія Марьи Петровны: авось та не такова.

Пашутка явилась съ закуренною трубкой.

— Что барышня? спросила Анна Антоновна, затянувшись изъ чубука.

— Одѣлись; сюда идутъ.

— Вотъ я сейчасъ познакомлю васъ съ моей дочерью; ей тоже будетъ очень пріятно.

Петръ Иванычъ приподнялся съ мѣста и поклонился въ знакъ благодарности.

— Она поздо у меня встаетъ, замѣтила Анна Антоновна про дочь: — съ вечера, знаете, долго работаетъ или читаетъ.

Въ комнатѣ рядомъ послышался шелестъ платья.

— Машочекъ! кликнула вдова.

— Что, мамаша? отозвался гармоническій голосъ.

— Что ты долго нейдешь сюда?

— Я сейчасъ, мамаша.

И вслѣдъ за этими словами въ двери явилась легкая и сильфидообразная Марья Петровна со взбитыми пуклями и нѣсколько заспанными глазками. На дѣвушкѣ было бѣлое кисейное платье. Петръ Иванычъ почтительно всталъ, только

урывками поглядывая на Марью Петровну, которая смѣло озирала его.

— Вотъ, Петръ Иванычъ, рекомендую — дочь моя, произнесла Анна Антоновна, оставляя трубку и приподнимаясь съ мѣста.

— Очень пріятно-съ, пролепеталъ Петръ Иванычъ, низко опуская голову, чтобы скрыть краску своего лица.

— Садитесь пожалуста, садитесь, произнесла, прищуриваясь, молодая хозяйка.

Она сѣла на мѣсто матери. Петръ Иванычъ занялъ снова свое мѣсто.

— Чѣмъ же васъ потчивать, Петръ Иванычъ? трубки вы не курите, сказала Анна Антоновна.

— Кофеемъ, мамаша, кофеемъ, отвѣчала Марья Петровна. — И я хочу кофею. Вѣдь вы кушаете кофей, Петръ Иванычъ?

— Пью-съ. Только зачѣмъ же безпокоиться?

— Такъ я пойду, распоряжусь, сказала Анна Антоновна: — ужь вы извините меня, Петръ Иванычъ. Впрочемъ васъ вотъ молодая хозяйка займетъ.

Анна Антоновна пошла изъ комнаты.

— Мамаша! мамаша! крикнула ей вслѣдъ Марья Петровна: — въ трубкѣ ничего не осталось?

— Нѣтъ, есть еще немного.

Молодая дѣвица бросилась къ трубкѣ и принялась раздувать ее. Трубка разгорѣлась, и Марья Петровна съ ожесточеніемъ затягивалась дымомъ до тѣхъ поръ, пока трубка не начала сопѣть и хрипѣть. Петра Иваныча всего покоробило.

— Чѣмъ вы занимаетесь? обратилась къ нему Марья Петровна, накурившись вдоволь и усаживаясь снова на диванъ. — Бывали вы нынче зимой въ клубѣ?

— Гдѣ-съ? спросилъ Петръ Иванычъ, слыша въ первый разъ отъ роду это иностранное слово.

— Въ клубѣ... вотъ что нѣмецъ содержитъ, Фау.

Петръ Иванычъ совершенно безсмысленно взглянулъ на свою собесѣдницу.

— Въ танцовальномъ собраніи, объяснила Марья Петровна, видя, что Петръ Иванычъ недоумѣваетъ:—не бывали?

— Никакъ нѣтъ-съ.

— А какъ весело тамъ было! Мы съ мамашей ѣздили каждый разъ.

Марья Петровна помолчала, желая дать сказать что-нибудь Петру Иванычу, но Петръ Иванычъ упорно молчалъ, смотрѣлъ себѣ на сапоги и гладилъ шляпу противъ шерсти. Молодая хозяйка рѣшилась поддержать разговоръ.

— Такъ вы, значитъ, не любите танцовать? спросила она.

— Нѣтъ-съ.

— Какъ это странно! Всѣ молодые люди любятъ танцовать. Вотъ и я ужасть какъ люблю. Повѣрите ли, готова даже цѣлую ночь протанцовать.

Краткое молчаніе.

— Отчего же вы не любите танцовать? спросила опять Марья Петровна.

— Такъ-съ.

— Ну, хоть и не любите, а все же вѣрно танцуете, хоть иногда, изрѣдка?

— Нѣтъ-съ, никогда.

— Да отчего же это?

— Я не обучался-съ.

— Ахъ, неужели?... Какъ это странно! Нынче всѣ учатся танцамъ.

Видя, что Петра Иваныча никакъ не втянешь въ разговоръ, Марья Петровна замолчала и ужь не хотѣла сама заговаривать съ дикаремъ. Къ великому изумленію ея, на этотъ разъ Петръ Иванычъ рѣшился прервать молчаніе:

— Гдѣ ваша мамснька-съ? спросилъ онъ.

— Она кофей тамъ варитъ. А вамъ развѣ нужно ее?

— Да-съ.

— Зачѣмъ?

— Мнѣ надо сказать имъ нѣсколько словъ-съ.

— Такъ позвать сюда ее?

— Пожалуста-съ.

— Ужь вы побудьте одни, если такъ; я сейчасъ схожу.

Марья Петровна пошла, граціозно припрыгивая, и не забыла захватить изъ угла трубку.

Только-что дѣвушка исчезла за дверью, Петръ Иванычъ стремглавъ бросился изъ гостиной, черезъ залу, въ переднюю, схватилъ тамъ свою шинель, набросилъ ее кой-какъ себѣ на плечи — и былъ таковъ.

Посудите сами, каково было изумленіе вдовы Херсонисовой и ея дочери, когда онѣ угадали, что Петръ Иванычъ улизнулъ. Анна Антоновна сначала разсердилась, а потомъ расхохоталась. Къ ней присоединилась и Марья Петровна.

— Да онъ просто, мамаша, болванъ необразованный! замѣтила дочка.

— Я постичь не могу, сказала мамаша:—гдѣ эта дурища Кононовна этакого чадушку выкопала? Ужь задамъ я ей гонку!

Петръ Иванычъ пришелъ домой, едва переводя духъ: онъ чуть не бѣгомъ несся отъ вдовы Херсонисовой. Потомъ, отдохнувъ и раздѣвшись, онъ, разумѣется, расказалъ все какъ было Матренѣ. Матрена страшно взъѣлась на Кононовну, говоря, что она хотѣла загубить на вѣки вѣчные ея барина; съ этого дня дружба между двумя старухами получила окончательный разрывъ, и Кононовна не переступала ужь за порогъ жилища Петра Иваныча.

Послѣ этой неудачной попытки жениться Петръ Иванычъ рѣшительно отложилъ всякое попеченіе относительно этого пункта; Матрена тоже перестала ему надоѣдать своими

просьбами пріискать невѣсту, и Петръ Иванычъ зажилъ по старому. Ему пришлось впрочемъ жить очень недолго. Онъ тихо скончался года черезъ четыре послѣ смерти Ивана Петровича, на рукахъ горько плакавшей Матрены. Вся жизнь его, отъ попытки жениться и до самой кончины, не представляетъ ничего, выходящаго изъ-подъ всегдашняго уровня его существованія. Причиною смерти Петра Иваныча была такая же простуда, какая свела въ могилу и Катерину Степановну, и Ивана Петровича.

Наканунѣ того дня, какъ Петру Иванычу простудиться и занемочь, съ Матреной случилось такое приключеніе, о которомъ никогда не могла упомянуть она безъ особеннаго ужаса. Дѣло было вечеромъ, а вечеръ былъ осенній, холодный и темный. Матрена пошла на погребъ принести къ ужину огурцовъ. Она взяла съ собой фонарь. Когда надо ей было лѣзть въ творило, она поставила фонарь наверху, а сама стала доставать огурцы въ потьмахъ, потому-что погребъ весь наизусть знала. Вотъ положила въ чашку огурцовъ, хочетъ изъ творила вылѣзть — глядь вверхъ, а у самаго фонаря Иванъ Петровичъ покойникъ стоитъ, да точно живой. Такъ у Матрены и подкосились ноги; начала она молитву творить. Потомъ опять взглянула вверхъ — Иванъ Петровичъ все тутъ какъ тутъ стоитъ, въ ситцевомъ халатикѣ, и губами шевелитъ. Кое-какъ собрала Матрена всѣ свои силы и полѣзла по лѣстницѣ, не подымая глазъ, да ужь какъ совсѣмъ вышла и фонарь въ руки взяла, такъ осмотрѣлась кругомъ — никого. «Не къ добру!» подумала Матрена и рѣшилась не сказывать о своемъ видѣніи Петру Иванычу. И точно не къ добру было это. Долго ли пожилъ послѣ этого ея молодой баринъ?

Послѣ Петра Иваныча осталось трое сиротъ: Матрена, канарейка и Шарикъ.

СЫНОКЪ И МАМЕНЬКА.

И всюду страсти роковыя,
И отъ судебъ спасенья нѣтъ.
Пушкинъ.

Маменька господина Калуферова не чаяла души въ единственномъ сынкѣ своемъ. Она считала его даже однимъ изъ красивѣйшихъ людей, какихъ когда-либо видало солнце, видѣвшее на своемъ вѣку столько всякой всячины. Былъ ли Герасимъ Андреичъ (такъ именовался господинъ Калуферовъ) дѣйствительно такой красавецъ, какимъ казался онъ любящимъ очамъ своей родительницы, можно судить по слѣдующему, самому добросовѣстному описанію его наружности.

Герасимъ Андреичъ былъ человѣкъ небольшаго роста; въ немъ было, какъ мнѣ достовѣрно извѣстно, ни болѣе, ни менѣе, какъ два аршина и два вершка вышины. Этотъ недостатокъ роста съ лихвою замѣнялся въ господинѣ Калуферовѣ его пріятно развитою корпуленціей. Особенной жизненностью и развитіемъ отличались плечи: на каждомъ плечѣ свободно укладывалось рядомъ пять цѣлковыхъ, причемъ Герасимъ Андреичъ могъ даже расхаживать по комнатѣ, не боясь сронить монеты. Опытъ этотъ чрезвычайно нравился какъ самому господину Калуферову и его маменькѣ, такъ и всѣмъ вообще знакомымъ его, вслѣдствіе чего и повторялся при каждомъ удобномъ случаѣ. Въ меньшей степени, хотя тоже очень сильно, была развита и голова Герасима Андреичя (я говорю все еще о его наружности): она могла бы служить красою и человѣку болѣе молодцоватаго роста, болѣе грандіозныхъ размѣровъ. Единственный недостатокъ головы его состоялъ въ необычайной плоскости затылка, который походилъ

какъ двѣ капли воды на одинъ изъ плоскихъ боковъ московской сайки. Волосы Герасима Андреича имѣли пріятное свойство расти съ неимовѣрной быстротой и притомъ были такъ густы, что частый гребень не дерзалъ имѣть съ ними ни малѣйшаго сношенія. Обиліе ихъ повредило даже отчасти объему чела господина Калуферова, которое могло бы назваться высокимъ и величественнымъ, если бъ не заросло почти на половину волосами. Цвѣтъ этихъ волосъ уподоблялся вполнѣ цвѣту кофе съ молокомъ; почему маменька господина Калуферова и называла свое дѣтище «шатиномъ». Такой же растительностью отличались и брови Герасима Андреича, съ большимъ эфектомъ оттѣнявшія его огромные глаза. Глаза эти были бы вѣроятно голубаго цвѣта, если бъ въ нихъ не было нѣкотораго желтоватаго отлива. Господинъ Калуферовъ имѣлъ къ сожалѣнію несчастную привычку безпрестанно моргать или, лучше сказать, хлопать вѣками, постоянно красными можетъ-быть отъ этого вѣчнаго морганья. Носъ у господина Калуферова былъ посредственный, такъ же какъ и губы; страннымъ въ физіономіи его казалось только то, что пространство отъ начала лба до кончика носа было гораздо незначительнѣе разстоянія отъ носа до конца подбородка.

Внутреннія, скрытыя отъ непрозорливыхъ глазъ достоинства господина Калуферова далеко превышали наружныя. Маменька его, нечаявшая, какъ уже сказано выше, души въ своемъ Герасѣ, считала его за умнѣйшаго и добрѣйшаго человѣка. Хотя сердце матери часто бываетъ ослѣплено излишнею, весьма впрочемъ понятною и похвальною любовью къ дѣтямъ, однако въ настоящемъ случаѣ было бы крайне нелѣпо не согласиться вполнѣ съ мнѣніемъ госпожи Калуферовой. Жаль только, что Герасимъ Андреичъ былъ человѣкъ слишкомъ сосредоточенный, мало общительный, и скупился дѣлиться съ людьми сокровищами своего ума. Онъ былъ очень неразговорчивъ, а если вмѣшивалъ въ бесѣду другихъ

какое-нибудь словечко или замѣчаніе, то большею частію словечко это или замѣчаніе были весьма некстати. Происходило это, разумѣется, отъ излишняго самоуглубленія. Поэтому Герасимъ Андреичъ между многими знавшими его людьми, привыкшими судить объ умѣ ближняго только по яснымъ проявленіямъ этой душевной силы, но не одаренными способностью проникать въ нѣдра чужаго духа, слылъ за человѣка весьма недальняго, чрезвычайно любящаго играть въ молчанку и слѣдственно скучнаго для общества. Нѣкоторыя барышни, хотя и получившія милое образованіе, называли Герасима Андреича даже insipide. Умнымъ людямъ, какъ знаетъ конечно и самъ читатель по собственному опыту, всегда завидуютъ; если же не завидуютъ, значитъ, не понимаютъ ихъ. Жребій не быть понятымъ выпалъ на долю и нашего умнаго человѣка — господина Калуферова. Нужно было видѣть его въ домашнемъ быту, съ маменькой, и слышать его разговоры, чтобы усмотрѣть совершенную нелѣпость общественнаго сужденія.

Мнѣніе маменьки Герасима Андреича, что господинъ Калуферовъ человѣкъ добрѣйшій, подтверждалось вполнѣ и общественнымъ мнѣніемъ. Если бъ древній философъ Діогенъ, искавшій днемъ съ огнемъ человѣка, искалъ не человѣка просто, а человѣка добрѣйшаго, и если бъ къ тому же былъ онъ современникомъ господина Калуферова, онъ, вѣроятно погасилъ бы свой фонарь предъ лицомъ Герасима Андреича. Сколько умъ господина Калуферова былъ непроницаемъ для его знакомыхъ, столько сердце было отверзто всѣмъ и каждому. Съ первой же встрѣчи съ какимъ бы то ни было человѣкомъ, сердце Герасима Андреича, столь вмѣстительное для всѣхъ благородныхъ чувствъ, переполнялось до краевъ любовью и симпатіей къ этому человѣку. Если бъ Герасимъ Андреичъ случайно попался вамъ на улицѣ, и вы, не будучи съ нимъ знакомы, были вынуждены спросить его о чемъ-ни-

будь, или наконецъ просто задѣли его локтемъ и извинились, я вполнѣ увѣренъ, что господинъ Калуферовъ на слѣдующее же утро явился бы къ вамъ съ визитомъ и почтеніемъ. На третій день знакомства Герасимъ Андреичъ готовъ уже пожертвовать своею жизнью для блага своего новаго знакомаго. Такую крайнюю доброту господинъ Калуферовъ наслѣдовалъ прямымъ путемъ отъ своей маменьки, Анисьи Сергѣевны, женщины, обильной любовью.

Вотъ кстати нѣсколько подробностей и о маменькѣ господина Калуферова.

Анисья Сергѣевна овдовѣла, когда ей было всего двадцать два года отъ роду. Несмотря на молодыя лѣта и красоту (господинъ Калуферовъ былъ вылитая маменька), она не кружилась въ вихрѣ свѣтскихъ удовольствій, а посвящала все время и всѣ заботы свои драгоцѣнному залогу ея первой и послѣдней любви. Воспитанія была она вовсе не блистательнаго; но ужь зато со стороны ума и сердца сіяла не менѣе своего сына. Вообще надо замѣтить, что маменька и сынокъ походили другъ на друга совершенно.

Все достояніе этихъ превосходныхъ людей заключалось въ десяти душахъ крестьянъ и приличномъ для такого количества крестьянъ пространствѣ земли. Доходы съ этого имѣньица, очень близкаго къ губернскому городу, въ коемъ проживалъ Герасимъ Андреичъ со своей маменькой, позволяли господину Калуферову нанимать не болѣе какъ весьма скромную квартирку о двухъ комнатахъ съ кухней. Жизненные припасы доставлялись, разумѣется, изъ деревни; прислуга, состоявшая впрочемъ изъ одной только особы, а именно коренастой дѣвки Маланьи, не требовала особенныхъ расходовъ.

Что сказать о положеніи въ обществѣ господина Калуферова и его маменьки? Этотъ пунктъ ставитъ меня совершенно въ тупикъ, и я не знаю, сумѣю ли выяснить его чита

телю. Говоря чистосердечно, маменька Герасима Андреича не имѣла никакого положенія въ обществѣ: ея никто не зналъ и она нигдѣ не бывала. Причина постояннаго домосѣдства Анисьи Сергѣевны была впрочемъ самая уважительная и достойная похвалы всѣхъ благомыслящихъ людей, а именно страстная и безграничная любовь къ сыну. Безпрестанная забота о доставленіи ему всевозможныхъ удобствъ и комфортовъ поглощала все время госпожи Калуферовой, а чувство, наполнявшее все существо этой доброй женщины при видѣ сыновняго счастія, дѣлало ее совершенно равнодушною къ тому обстоятельству, что даже самое существованіе Анисьи Сергѣевны Калуферовой не было извѣстно губернскому свѣту. Другое дѣло — сынъ ея. Онъ былъ извѣстенъ, очень извѣстенъ, и притомъ всѣмъ и каждому въ городѣ, начиная съ людей, вознесенныхъ на высшія степени общественной іерархіи, и кончая незначительнѣйшими горожанами. Но чѣмъ же былъ извѣстенъ Герасимъ Андреичъ? Всѣ знали его за дѣятельнаго и неутомимаго гранильщика — гранильщика впрочемъ не драгоцѣнныхъ камней, а просто-на-просто булыжника на городской мостовой. Нельзя не согласиться, что острый человѣкъ, нарекшій такое прозвище господину Калуферову, былъ совершенно правъ. Рѣдкій часъ дня не заставалъ Герасима Андреича внѣ дома; онъ постоянно находился на прогулкѣ, или ходилъ пѣшечкомъ по своимъ многочисленнымъ знакомымъ. И въ какой улицѣ, въ какомъ закоулкѣ не было у господина Калуферова знакомыхъ? Его можно было встрѣтить и въ великолѣпныхъ чертогахъ, и въ жалкой хижинѣ. Несмотря однакожь на такую усиленную дѣятельность по части прогулокъ и посѣщенія разныхъ домовъ и домиковъ, господинъ Калуферовъ имѣлъ время завѣдывать дѣлами какого-то отсутствующаго барина, за что и получалъ изрядную добавку къ своимъ помѣщичьимъ доходамъ. Знакомые Герасима Андреича принимали его очень радушно

и мило, хотя и всѣ до одного знали, что въ утилитарномъ отношеніи господинъ Калуферовъ — совершенный козелъ, недающій ни шерсти, ни молока; зато неменѣе извѣстна была безконечная доброта души Герасима Андреича и его примѣрная скромность. Люди, посвящающіе столько времени визитамъ, бываютъ большею частію склонны къ сплетнямъ и переносу вѣстей изъ дому въ домъ; по мѣрѣ упражненія въ этомъ занятіи пріобрѣтается ими и наклонность къ злорѣчію. Герасимъ Андреичъ составлялъ блистательное исключеніе изъ этого разряда: онъ сору изъ избы не выносилъ, и все, что влетало въ одно его ухо, немедленно вылетало въ другое.

Мнѣ кажется, я обрисовалъ достаточно для перваго знакомства личность господина Калуферова, и если прибавлю, что прошлою весной ему исполнилось двадцать пять лѣтъ отъ рожденія, то и могу перейти къ любопытному событію изъ жизни его и его маменьки, случившемуся именно въ прошлую весну. Да, я забылъ сказать о лѣтахъ почтенной Анисьи Сергѣевны: годъ ея рожденія мнѣ неизвѣстенъ, но нѣкоторыя данныя позволяютъ заключить, что ей не болѣе сорока двухъ трехъ лѣтъ.

Весна прошлаго года отличалась въ томъ городѣ, гдѣ живетъ господинъ Калуферовъ, особеннымъ благорастворенiемъ воздуха. Ласточки очень рано возвѣстили ее, и въ началѣ апрѣля на улицахъ не было уже ни лужицы; въ рѣдкомъ окнѣ оставались еще двойныя рамы. Весна, какъ извѣстно изъ твореній всѣхъ древнихъ и новыхъ поэтовъ, пора любви; а потому и господинъ Калуферовъ....

Впрочемъ забѣгать впередъ не слѣдуетъ; надо расказывать все по порядку.

Въ одинъ ясный апрѣльскій день, въ воскресенье, Герасимъ Андреичъ проснулся противъ обыкновенія очень поздно. Маменька его давно уже была на ногахъ, успѣла одѣться съ приличное вдовству и годамъ ея черное шерстяное платье

и заняться приготовленіемъ завтрака возлюбленному сыну. Намазавъ до десятка ломтиковъ хлѣба свѣжимъ сливочнымъ масломъ и вручивъ неуклюжимъ рукамъ Маланьи кофейникъ для должнаго помѣщенія его на плиту, Анисья Сергѣевна посмотрѣла на часы и нашла, что Герася спитъ что-то очень долго. Было уже одиннадцать часовъ.

Госпожа Калуферова взглянула за ширмы, гдѣ покоился въ мягкой перинѣ Герасимъ Андреичъ, желая удостовѣриться, точно ли онъ спитъ, а не просто нѣжится. Молодой человѣкъ проснулся уже; но встать ему было очень трудно. Долгій сонъ надѣлилъ его сильнымъ утомленіемъ и самою сибаритскою лѣнью. Закрывъ глаза, лежалъ онъ вверхъ лицомъ и, сколько мнѣ извѣстно, былъ ласкаемъ упоительно-сладкими мечтами.

Мечты эти не поглощали впрочемъ всѣхъ чувствъ господина Калуферова; тонкій слухъ довелъ до его свѣдѣнія, что кто-то подошелъ къ ширмамъ. Герасимъ Андреичъ зѣвнулъ и открылъ глаза. Голова маменьки его видна была изъ-за ширмъ, и глаза ея, устремленные на физіономію милаго сына, выражали глубокую любовь.

— Что это, какъ ты долго сегодня залежался, мой другъ? спросила Анисья Сергѣевна, когда молодой человѣкъ обратилъ къ ней изжелта-голубые зрачки свои. — Хорошо ли ты себя чувствуешь? Здоровъ ли ты?

— Здоровъ, маменька, отвѣчалъ господинъ Калуферовъ, закидывая руки на голову и зѣвая самымъ лѣнивымъ образомъ.

— Вставай, душа, проговорила маменька нѣжнымъ голосомъ: — поздно вѣдь, мой другъ. А нынче воскресенье, пойти тебѣ надо будетъ....

— Я, маменька, сейчасъ.... Вы подите къ себѣ въ комнату.

Только-что вышла Анисья Сергѣевна, Герасимъ Андреичъ

вытянулся опять на спинѣ, закрылъ глаза и намѣревался снова отдаться во власть ласкающихъ мечтаній; но слухъ его былъ опять потревоженъ: стѣнные часы начали бить.

При послѣднемъ, одиннадцатомъ ударѣ, господинъ Калуферовъ вскочилъ съ постели такъ быстро, какъ-будто перина вдругъ превратилась подъ нимъ въ ежевую кожу.

Онъ мигомъ очутился въ кухнѣ.

— Маланья, Маланья! умываться мнѣ поскорѣе! воскликнулъ онъ, стараясь попасть лѣвою рукой въ рукавъ халата, который набросилъ себѣ за ширмами на одно плечо. — Поскорѣе, поскорѣе!... Мыло-то гдѣ же? Ахъ, какая ты право, Маланья!... Куда ты? куда ты? Вонъ мыло... Не тамъ, не тамъ; вонъ на полочкѣ мыло.... А полотенце-то гдѣ?... Поди, сбѣгай за полотенцемъ къ маменькѣ.... Или нѣтъ, не надо.... Куда же ты? Ахъ, Господи!... Полей мнѣ водой голову!... Будетъ, будетъ!... Ну, иди теперь!

Господинъ Калуферовъ сбилъ Маланью съ ногъ своею торопливостью. Сонная и неповоротливая натура ея совершенно опѣшила отъ безпрестанныхъ понуканій Герасима Андреича. Вмѣсто обыкновенно употребляемаго имъ кокосоваго мыла она сунула ему въ руки кусокъ простаго сѣраго, бросившись-было къ барынѣ за полотенцемъ и воротившись облить голову барину, она такъ порадѣла ему, что налила ему воды не только на темя, но и на спину. Наконецъ, явившись къ Анисьѣ Сергѣевнѣ за полотенцемъ, выдвинула ящикъ комода чуть не весь на полъ, и къ довершенію всѣхъ золъ примчала Герасиму Андреичу вмѣсто полотенца барынину кофту.

Герасимъ Андреичъ находился въ состояніи человѣка, утратившаго всякую точку нравственной и физической опоры. Мысль его подобно сверчку скакала съ предмета на предметъ; плечистая фигура его металась изъ угла въ уголъ. Эта суетливость однако нимало не помогла ему одѣться и прибраться съ должною поспѣшностью.

Наконецъ, когда и волосы и манишка и панталоны отбились отъ рукъ Герасима Андреича, онъ плюнулъ и надѣлъ опять халатъ.

— Ну, опоздалъ такъ опоздалъ, пробормоталъ онъ, собираясь идти въ комнату своей маменьки.—Не натощакъ же изъ дому идти!

Между-тѣмъ маменька приготовила все къ завтраку, и появилась въ дверяхъ. Она заслышала ужасную суетню господина Калуферова.

— Куда ты торопишься, мой другъ? спросила она.

— Ахъ, маменька! Что это вы меня не разбудили? Какъ я проспалъ сегодня!

— Мнѣ будить тебя не хотѣлось. Ты такъ пріятно почивалъ, Герася....

— Маменька, прервалъ Анисью Сергѣевну господинъ Калуферовъ, укоризненно качая головой: — я просилъ васъ, чтобы вы меня этакъ не называли.

— Ахъ, другъ мой, я все забываю, какъ ты говорилъ.

— Эразмъ, маменька.

Основываясь на авторитетѣ одного изъ первыхъ франтовъ города, господинъ Калуферовъ напечаталъ для себя въ губернской типографіи визитныя карточки съ французскою надписью: Erasme de Caluferoff, и хотѣлъ непремѣнно, чтобы маменька называла его Эразмомъ, а никакъ не Герасей.

— Завтракъ готовъ, Эразмъ, сказала Анисья Сергѣевна:— иди, душа, кушать кофе.

— Сейчасъ, маменька; только поскорѣе бы надо, а то...

— Успѣешь еще, другъ мой.

За завтракомъ Герасимъ Андреичъ поглотилъ неимовѣрное количество тартинокъ, и взволнованный духъ его угомонился. Сладостныя мечты, ласкавшія его въ постели, опять зароились у него въ головѣ.

— Маменька, сказалъ онъ, очаровательно улыбаясь: —

какъ, я думаю, удивилась она, что я не былъ сегодня у Егорья.

— Кто это, Герася? спросила Анисья Сергѣевна, говорившая о чемъ-то въ дверяхъ кухни съ Маланьей и не разслышавшая половины словъ господина Калуферова.

— Опять, маменька...

Анисья Сергѣевна поправилась:

— Кто, Эразмъ?

— Ахъ, маменька! разумѣется, Людмилочка.

— Что Людмилочка?

— Удивилась, говорю, что я сегодня не былъ у обѣдни.

— Ужь конечно.

— Да присядьте вы, маменька, къ столу. Вы послѣ Маланьѣ прикажете, что надо. Мнѣ съ вами поговорить хочется объ одной вещицѣ.

— Ну, хорошо, мой другъ. Такъ ты ступай, Маланья, убери покамѣсть баринову постель.

— Сапоги мнѣ новые вычисти! обратился господинъ Калуферовъ къ Маланьѣ.

— Я чистила-съ, отвѣчала Маланья.

— Чистила, да не тѣ. Новые возьми. У тѣхъ подошвы пробиты.

Маменька господина Калуферова присѣла къ столу, за которымъ завтракалъ сынокъ.

— Не напасусь сапогъ, сказалъ Герасимъ Андреичъ, когда горничная отправилась въ его спальню: — давно ли новые были сапоги? подошва ужь никуда не годится. Надо будетъ сапожника перемѣнить; этотъ подло шьетъ.

— Ты бы вотъ тому заказывалъ, душа, что на Бѣдокурова работаетъ.

— Ахъ, маменька! маменька! воскликнулъ восторженно Герасимъ Андреичъ: — вы не повѣрите, какъ меня любитъ Людмилочка! Если бы вы видѣли, какъ она поглядѣла на

меня вчера вечеромъ на гуляньѣ! Я ужь хотѣлъ-было подойти къ ней и поговорить, да шелъ съ Платонидой Максимовной, такъ не ловко было отстать.

— Съ кѣмъ же, другъ мой, гуляла твоя Людмилочка?

— Съ папенькой своимъ, да еще съ ними одинъ шелъ... Я вамъ сказывалъ фамилію... Какъ бишь?.. Да, Куличовъ.

— Это тотъ-то, душа, что ты говорилъ, увивается около Людмилочки-то?

— Да, да. Смѣшно это мнѣ, маменька, право!.. вѣдь онъ воображаетъ, что можетъ Людмилочкѣ понравиться. Этакой глупый!

— Что же, влюбленъ что-ли онъ въ нее?

— Какъ же, маменька. Должно-быть врѣзался на свою бѣду. И еще воображаетъ, кажется, что Людмилочка за него пойдетъ.

— Туда же вѣдь лѣзутъ! Да развѣ онъ не видитъ, глупый, что ты Людмилочкѣ нравишься?

— Гдѣ же ему видѣть, маменька? Людмилочка вѣдь осторожна; она, какъ кто есть въ комнатѣ, такъ и не говоритъ со мной почти ни слова. Она вотъ какъ осторожна! Только взглянетъ этакъ... Ахъ, маменька! Какъ то-есть взглянетъ!.. такъ въ глазахъ написано: душка Эразмъ!

— Да что же ты мнѣ, другъ мой, до сей поры не покажешь ея?

— Сами вы виноваты, маменька. Вольно вамъ все дома сидѣть.

— Погоди ужь, вотъ дошью манишки тебѣ; тогда выберу какъ-нибудь времечко.

— Вѣдь красоточка-то какая, маменька! Одни глазки чего стоятъ! Какъ посмотритъ на тебя пристально, такъ просто сердце... сердце... Ужь и не знаю, что дѣлается... Этакое что-то неизъяснимое.

— Что же ты, другъ мой, не скажешь ей о своихъ чувствахъ? Чѣмъ скорѣе, тѣмъ конечно лучше бы.

— Эхъ вы, маменька, маменька! Да вѣдь я для чего гожу: я хочу, чтобы она еще больше ко мнѣ привязалась.

— Если такъ, то это прекрасно, Гера... Эразмъ. А Людмилочка всѣмъ бы тебѣ партія.

— Разумѣется. Фамилія хорошая... Бѣдокуровы, маменька — вѣдь это древняя фамилія. Вотъ я не помню только, чѣмъ одинъ какой-то предокъ ихъ прославился... Семенъ Семенычъ самъ это недавно за столомъ расказывалъ.

— Ну, и состояньице изрядное.

— Даже и очень... Кромѣ того, что теперь есть, имъ еще и наслѣдство, маменька, достается.

— Ты мнѣ этого, душа, не говорилъ. Какое же наслѣдство?

— Какъ же, маменька. Дядя у Семенъ Семеныча умеръ, богачъ страшный. Вотъ послѣ него, говорятъ, и виноградные сады Семенъ Семенычу достанутся, въ Крыму... тамъ и вино виноградное дѣлаютъ.

— Это городъ, что ли, Гера...

— Маменька!..

— Виновата, мой другъ. Такъ это городъ что-ли Крымъ-то?

— Городъ, маменька.

— А какой губерніи, Эразмъ? гдѣ это?

— Въ Малороссіи, маменька.

— Ахъ, какъ бы это тебѣ хорошо, другъ мой! Климатъ, сказываютъ, въ Малороссіи отмѣнный. Поѣхали бы мы всѣ туда, стали бы жить припѣваючи.

— Я, маменька, туда и крестьянъ своихъ переведу.

— Конечно, другъ мой. Тамъ вѣдь и земля, я думаю, не здѣшней чета?

— Одно слово, маменька — виноградъ растетъ. — Впрочемъ, пора мнѣ...

— Ты, Гер... Эразмъ, конечно у Бѣдокуровыхъ будешь обѣдать?

— Само собой, маменька. А то Людмилочка совсѣмъ разсердится. Вотъ въ прошлое воскресенье оставилъ меня Гвоздичкинъ обѣдать; такъ на другой день, какъ пришелъ я къ Бѣдокуровымъ, Людмилочка такъ со мной сухо обошлась. Обидѣлась вѣрно моимъ невниманіемъ, и все время съ Куличовымъ проговорила... Онъ, разумѣется, принялъ это по глупости за чистую монету. А я ужь видѣлъ, маменька, что она это нарочно такъ поступаетъ. Все изрѣдка на меня такъ-то взглянетъ сердито. Вѣдь какъ она, маменька, любитъ-то меня!

Герасимъ Андреичъ поднялся со стула, чтобы идти одѣваться; маменька подошла къ нему, обняла свое милое дѣтище и поцаловала его.

— Какъ тебя не любить-то, мой другъ? прошептала она отъ полноты нѣжнаго материнскаго сердца. — Одѣваться ты теперь?

— Да, маменька. Ужь коль проспалъ, такъ и не пойду ни къ кому кромѣ Бѣдокуровыхъ.

— Иди, мой другъ, иди. Въ самомъ дѣлѣ Людмилочка безпокоится, я думаю: давно такъ не видала тебя.

— Пожалуй и поплакала еще, маменька. Дѣвушки вѣдь всѣ такія чувствительныя.

— А вы, мужчины, замѣтила маменька, грозя пальцемъ и усмѣхаясь: — всѣ жестокіе.

— Мы, маменька, себѣ на умѣ! сказалъ съ лукавымъ видомъ господинъ Калуферовъ, и отправился въ свой кабинетъ, гдѣ ждали его вычищенные Маланьей новые сапоги, обреченные на тяжелый трудъ граненія мостовой.

Герасимъ Андреичъ одѣвался всегда очень изящно, но,

не любя тратить времени понапрасну, употреблялъ на свой туалетъ не болѣе десяти минутъ. Въ настоящемъ случаѣ онъ одѣлся даже поспѣшнѣе обыкновеннаго; помазалъ себѣ волосы недорогой, но превосходнаго качества лимонной помадой, надѣлъ чистую манишку, шелковую коричневую жилетку съ серебряными цвѣточками и черный фракъ. Наиболѣе времени отняло у него размышленіе о воротничкахъ: онъ долго не могъ рѣшиться — отворотить ли ихъ на галстухъ, или оставить стоячими. Насмотрѣвшись вдоволь въ зеркало, онъ нашелъ, что къ его полному лицу идутъ какъ нельзя болѣе откладные воротнички. Когда всѣ статьи одежды Герасима Андреича были приведены въ должную гармонію, онъ зашелъ на нѣсколько минутъ въ комнату маменьки.

— Дайте, маменька, чистый платокъ.

— Какой тебѣ, душа? миткалевый или полотняный?

— Полотняный, маменька.

— А амбре подушить?

— Какъ же.

Въ комнатѣ, занимаемой Анисьей Сергѣевной, находилось довольно большое зеркало, повѣшенное такъ искусно, что всякой желающій могъ видѣть въ немъ всего себя до кончика сапогъ.

Господинъ Калуферовъ нѣсколько разъ повернулся передъ нимъ, озирая свою фугуру, и съ особенною симпатіей взглянулъ на новые блестящіе сапоги.

Маменька подала ему надушенный платокъ.

— Полно ужь, полно смотрѣться-то, сказала она шутливымъ и вмѣстѣ радостнымъ тономъ: — хорошъ, хорошъ.

— Хорошъ, маменька? спросилъ, весь озаряясь восторгомъ, господинъ Калуферовъ.

— Не влюбилась бы Людмилочка, кабы не хорошъ былъ.

Самодовольная улыбка сіяла на устахъ Герасима Андреича, когда онъ вышелъ изъ дому.

Бойкимъ шагомъ пошелъ онъ по улицѣ; но бойкость эта скоро совершенно утратилась въ ногахъ господина Калуферовъ, ибо голова его исполнилась колебанія. Главною цѣлью его шествія былъ, разумѣется, домъ Бѣдокуровыхъ; но на дорогѣ туда жило столько хорошихъ знакомыхъ Герасима Андреича, что трудно было не зайти къ кому-нибудь. «Зайти или не зайти?» спрашивалъ себя господинъ Калуферовъ почти у каждыхъ воротъ. Влеченіе къ Людмилочкѣ пересилило въ немъ желаніе забѣжать къ откупщику Уховертову, къ почтенной и престарѣлой дамѣ Глухаревой и къ извѣстному остряку Мякишину; но когда господинъ Калуферовъ поравнялся съ квартирою братьевъ Мальковскихъ, когда младшій Мальковскій крикнулъ ему въ окно: «Калуферовъ, здравствуйте!» Герасимъ Андреичъ не утерпѣлъ и, раскланявшись, юркнулъ въ калитку.

Квартира двухъ братьевъ Мальковскихъ состояла изъ одной только комнаты и была вся почти занята биліардомъ, на которомъ съ утра до поздняго вечера катались оббитые со всѣхъ сторонъ шары, а ночью помѣщалась постель обоихъ братьевъ. Братья встрѣтили Герасима Андреича распростертыми объятіями. Оба они были въ старыхъ халатахъ; руки и у того и у другаго были выпачканы мѣломъ.

— Хотите партійку, Калуферовъ? спросилъ старшій Мальковскій.

— Нѣтъ-съ. Гдѣ же мнѣ съ вами играть? скромно отвѣчалъ господинъ Калуферовъ.

— Ну, не хотите ли водки, или закусить? спросилъ младшій Мальковскій.

— Покорно благодарю-съ. Сейчасъ завтракалъ.

— Чѣмъ же васъ угощать? спросили оба брата.

— Ничѣмъ-съ.

— А трубкой? хотите трубки?

— Не курю-съ.

— Жаль, сказалъ старшій Мальковскій.—Ахъ, да! Одолжите, Калуферовъ... Давно ужь я собираюсь попросить васъ... Вотъ братъ расказывалъ, что вы у Уховертова это дѣлали... Уложите на плечо пять цѣлковыхъ.

— Пожалуйте-съ.

— Да у насъ денегъ-то нѣтъ.

— И со мной тоже-съ.

— Ахъ, какъ это досадно!

— Да вотъ нѣтъ ли у васъ мѣдныхъ гривенниковъ-съ?..

— Есть, кажется, есть.

— Такъ вотъ все равно-съ.

Четыре трехъ-копеечника точно нашлись у братьевъ Мальковскихъ; но пятый надо было взять напрокатъ у хозяина дома. Съ замѣтнымъ удовольствіемъ уложилъ господинъ Калуферовъ монеты на своемъ лѣвомъ плечѣ и бодрымъ шагомъ прошелся три раза вокругъ биліарда.

— А вотъ можете ли вы пролѣзть этакъ подъ биліардомъ?

— Можно-то можно бы, да ужь въ другое время когда-нибудь-съ. Теперь запачкаешься весь, а мнѣ надо еще въ гости...

— Къ кому?

— Къ Бѣдокуровымъ-съ.

— Правда ли это, спросилъ старшій Мальковскій:—вотъ братъ у Гвоздичкина слышалъ, будто Людмила Бѣдокурова помолвлена за Куличова? Я вѣдь этого ничего не знаю, никуда не выхожу изъ дому.

— Мнѣ Гвоздичкинъ за вѣрное передавалъ, замѣтилъ младшій. — Вы ничего не знаете? обратился онъ къ господину Калуферову.

— Нѣтъ-съ, отвѣчалъ Герасимъ Андреичъ, и въ то же время подумалъ: «Какъ легко даются люди въ обманъ! И не замѣчаетъ никто, что Куличовъ тутъ только одинъ от-

водъ. Развѣ станетъ дѣвушка воспитанная явно показывать, кто ей нравится?»

Упоминовеніе братьями Мальковскими имени Людмилочки окрылило снова Герасима Андреича, и онъ, не убѣждаясь настоятельными просьбами братьевъ погодить немного и закусить чего-нибудь, немедленно простился съ ними и направилъ стопы свои къ Бѣдокурову.

Семенъ Семенычъ Бѣдокуровъ былъ человѣкъ съ хорошимъ сотояніемъ, жилъ открыто и отличался въ городѣ прекраснымъ тономъ. Лакеи у него ходили въ сѣрыхъ фракахъ со свѣтлыми пуговицами, на столъ подавалась серебряная посуда и изысканныя вина, самъ Семенъ Семенычъ одѣвался скромно, но до чрезвычайности прилично. Про жену же его Александру Ивановну и про милую дочку Людмилочку и говорить нечего: онѣ были предметомъ явнаго подражанія и потаенной зависти всѣхъ городскихъ дамъ и дѣвицъ.

— Дома Семенъ Семенычъ? спросилъ господинъ Калуферовъ, когда высокій лакей распахнулъ передъ нимъ дверь.

— Нѣтъ-съ, отвѣчалъ лакей съ чувствомъ собственнаго достоинства.

— А Александра Ивановна и Людмила Семеновна?

— Дома-съ.

Господинъ Калуферовъ вошелъ въ прихожую, снялъ съ себя пальто и спросилъ лакея:

— Что, Ѳедоръ? Какъ поживаешь?

— Ничего-съ, отвѣчалъ съ прежнею холодностью лакей. — Пожалуйте въ гостиную.

Герасимъ Андреичъ, видя невозможность побѣдить въ лакеѣ несвойственную званію его надмѣнность, не сказалъ ему болѣе ни слова, а окинулъ быстрымъ взглядомъ свои сіяющіе сапоги, пригладилъ шляпу рукавомъ и вступилъ въ гостиную.

Гостиная господина Бѣдокурова считалась лучшею гос-

тиной въ городѣ. Сколько вкуса было употреблено на уборку ея — и какъ согласно работали надъ этою уборкой три самые образованные вкуса! Вліяніе самого Семена Семеныча на эту великолѣпную голубую комнату проявилось въ акварельныхъ пейзажахъ, помѣщенныхъ симетрично на главной стѣнѣ, въ бронзовыхъ канделабрахъ, разставленныхъ по угламъ, въ дорогихъ лампахъ, украшавшихъ каждый столъ и столикъ. Изящно расположенная мебель и игриво драпированныя окна свидѣтельствовали о тонкомъ вкусѣ почтенной Александры Ивановны. Трельяжъ изъ мелкаго плюща, ограждавшій самое интимное мѣстечко гостиной, и столикъ съ пышными гіацинтами были безъ всякого сомнѣнія осуществленіемъ людмилочкиной мысли.

Не подумайте, чтобъ эта роскошь, чуждая господину Калуферову въ его собственномъ домашнемъ быту, производила въ немъ какое-нибудь чувство неловкости или робости. Нимало; Герасимъ Андреичъ былъ вездѣ одинаковъ и нигдѣ не терялъ сознанія своихъ неоспоримыхъ достоинствъ.

Въ настоящій визитъ свой онъ вошелъ въ гостиную весь поглощенный желаніемъ видѣть Людмилочку, и не обратилъ ни малѣйшаго вниманія на богатый коверъ, разостланный на столикѣ передъ диваномъ, на коверъ, которымъ Семенъ Семеничъ производилъ на всѣхъ посѣтителей особенный эфектъ. Глаза господина Калуферова бродили по большой гостиной, отыскивая главный предметъ, занимавшій все его сердце.

Ему показалось сначала, что никого въ гостиной нѣтъ; но послѣ вторичнаго обзора онъ примѣтилъ за трельяжемъ русый локонъ и граціозный профиль любимой особы.

Людмила Семеновна была занята чтеніемъ; но какъ только скрипнули въ гостиной сапожки господина Калуферова, дѣвушка положила книгу и выпорхнула подобно бабочкѣ изъ своего зеленаго пріюта. Она вѣроятно ждала кого-нибудь, только вовсе не господина Калуферова, потому-что на

лицѣ ея отразилось маленькое неудовольствіе при видѣ вошедшаго гостя. Герасимъ Андреичъ не замѣтилъ однакожь этой тѣни на хорошенькомъ личикѣ своей Людмилочки, занимаясь очень ловкимъ расшаркиваньемъ. Когда господинъ Калуферовъ поднялъ глаза на милую хозяйку, лицо ея улыбалось самымъ привѣтливымъ образомъ.

— Здравствуйте, Герасимъ Андреичъ.

— Ваше здоровье, Людмила Семеновна?

— Славу Богу, отвѣчала Людмилочка, идя къ трельяжу. — Идите сюда, Герасимъ Андреичъ. Сядемте тутъ.

Людмилочка сѣла на маленькій диванчикъ; господинъ Калуферовъ помѣстился насупротивъ ея на креслѣ, и, разглядывая барышню, нашелъ, что она въ этотъ день необыкновенно интересна. На ней было кисейное платье соломенаго цвѣта; изъ-подъ широкихъ короткихъ рукавовъ на прелестныя ручки упадали пышныя складки широкаго кружева; шейка снѣжной бѣлизны была охвачена черной бархатной ленточкой. Все это шло какъ нельзя болѣе къ Людмилѣ Семеновнѣ. Новую прелесть придавала ей и прическа, въ какой господинъ Калуферовъ еще никогда не видалъ ея. Свѣтлорусые волосы Людмилочки были высоко всчесаны на вискахъ и падали дивными локонами за маленькія уши. Въ косу дѣвушки былъ воткнутъ живой палевый гіацинтъ.

Погрузясь въ созерцаніе прелестей своей возлюбленной, господинъ Калуферовъ долго безмолвствовалъ.

— Книжку изволили читать? спросилъ онъ наконецъ, прерывая молчаніе.

— Да, отвѣчала дѣвушка, играя колечкомъ, которое то снимала съ пальца, то опять надѣвала на палецъ.

— Чьего сочиненія-съ? спросилъ господинъ Калуферовъ, стараясь поддержать разговоръ.

— Дюма, отвѣчала Людмила Семеновна, разсѣянно глядя на своего собесѣдника.

— Французская книжка-съ?

— Да.

Господину Калуферову сдѣлалось вдругъ какъ-то и неловко и пріятно, когда онъ взглянулъ на юную хозяйку. Голубые глазки ея были устремлены на него; но по взгляду этому замѣтно было, что она погружена въ какую-то думу, и что будь тутъ вмѣсто господина Калуферова кто хочешь, Людмила Семеновна наградила бы всякого такимъ долгимъ и пристальнымъ взглядомъ. Герасимъ Андреичъ почелъ однакожъ этотъ взглядъ страстнымъ выраженіемъ глубокой любви Людмилочки къ его особѣ. Ему очень хотѣлось сказать что-нибудь милое дѣвушкѣ, такое милое, что бы могло служить намекомъ на чувства Герасима Андреича и вызвать изустное признаніе самой Людмилочки; но ничего не могъ выдумать господинъ Калуферовъ, и только хлопалъ красными вѣками.

Людмилочка оторвалась наконецъ отъ своей думы, вспомнила о гостѣ и заговорила съ нимъ.

— Ну, что, какъ вы поживаете, Герасимъ Андреичъ?

— Ничего-съ.

— Чѣмъ занимаетесь?

Если бъ господинъ Калуферовъ хотѣлъ быть чистосердечнымъ, то онъ долженъ бы отвѣчать, что занимается утаптываньемъ мостовой; но онъ желалъ блеснуть передъ Людмилочкой, и потому солгалъ.

— Стишки одни началъ сочинять-съ, отвѣчалъ онъ.

— Вотъ какъ!... Не помните ли наизусть?

— Нѣтъ-съ... Впрочемъ я только-что началъ.

— Въ какомъ же родѣ?

— Чувствительные-съ.

Господину Калуферову чрезвычайно хотѣлось сказать «любовные», чтобы тѣмъ незамѣтно обратить разговоръ къ чувству, которое занимало всю его душу; но слово «лю-

бовные» казалось ему неприличнымъ для нѣжнаго слуха воспитанной барышни.

— Когда же вы кончите? спросила Людмилочка.

— Еще самъ не знаю-съ.

— Ждете вдохновенія?

— Да-съ.

— Кто же васъ вдохновляетъ обыкновенно?

— Идеалъ-съ, отвѣчалъ, помявшись немного, господинъ Калуферовъ.

— Идеалъ.. А я думала, какая-нибудь земная красавица.

Господинъ Калуферовъ похлопалъ глазами и никакъ не могъ придумать отвѣта.

— Что, какъ въ своемъ здоровьѣ Семенъ Семенычъ-съ? спросилъ онъ по нѣкоторомъ молчаніи.

— Папенька поѣхалъ съ визитомъ; онъ здоровъ.

— А маменька-съ?

— И маменька здорова. Она вѣрно скоро выйдетъ сюда.

— Вы изволили вчера прогуливаться?

— Да, и вы вѣдь тоже. Я видѣла васъ.

Господинъ Калуферовъ подумалъ: «Видѣла — и какъ взглянула!»

— Я очень сожалѣлъ-съ, началъ Герасимъ Андреичъ, желая сдѣлать разговоръ свой любезнымъ: — я очень сожалѣлъ, что былъ кавалеромъ Платониды Максимовны... и не могъ-съ... не могъ освѣдомиться о вашемъ здоровьѣ, добавилъ онъ скороговоркой.

— Гдѣ побывали вы сегодня? спросила Людмилочка, рѣшительно недоумѣвая, о чемъ говорить съ господиномъ Калуферовымъ.

— Почти нигдѣ-съ. Къ Мальковскимъ только забѣжалъ... Спѣшилъ явиться...

— Хороша сегодня погода? вѣтру нѣтъ?

— Очень-хороша-съ. А вы развѣ не изволили выѣзжать нынче?

— Нѣтъ.

— И у обѣдни не были?

— Нѣтъ.

— Я точно чувствовалъ-съ...

Господинъ Калуферовъ сильно заморгалъ вѣками.

— А что?

— Не былъ тоже-съ.

Въ гостиную вошелъ новый гость, а именно Платонъ Ѳедорычъ Куличовъ. Господинъ Калуферовъ первый увидалъ его и подумалъ: «Вотъ очень нужно было; только-что разговорчикъ завязался интересный, такъ помѣшать надо.»

Платонъ Ѳедорычъ, человѣкъ лѣтъ двадцати восьми, ловкій и красивый, былъ одѣтъ какъ модная картинка: все на немъ было свѣжо и ново — отъ изящнаго фрака до завитыхъ бакенбардъ.

Господинъ Калуферовъ, взглянувъ на вошедшаго франта, обратилъ вниманіе на свои протертыя на пальцахъ перчатки, и чуть было не сконфузился; но къ счастію вспомнилъ неожиданно милый стишокъ: «Во всѣхъ ты, Душенька, нарядахъ хороша!» и мгновенно успокоился.

Между-тѣмъ Куличовъ явился за трельяжъ, наиразвязнѣйшимъ образомъ подалъ руку Людмилочкѣ, пожалъ ея крошечную ручку и потомъ гордо кивнулъ головой господину Калуферову.

Герасимъ Андреичъ спросилъ гостя, какъ онъ въ своемъ здоровьѣ; но втайнѣ былъ глубоко огорченъ слишкомъ фамиліарнымъ и вольнымъ обхожденіемъ Куличова. Онъ пересѣлъ на другой стулъ, подальше. Платонъ Ѳедорычъ занялъ тотчасъ же его мѣсто и началъ безумолку болтать; Людмилочка оживилась, также болтала, смѣялась и шутила.

Къ несчастію разговоръ шелъ на французскомъ языкѣ, и Герасимъ Андреичъ долженъ былъ отказаться отъ всякого въ немъ участія.

Немного погодя, Куличовъ положилъ шляпу на окно, снялъ обѣ перчатки и безцеремонно закурилъ папироску.

Герасимъ Андреичъ сидѣлъ въ перчаткахъ, поглаживалъ свою шляпу и хлопалъ глазами.

Скоро однакожь явилась сама Александра Ивановна, и вывела господина Калуферова изъ затруднительнаго молчанія. Куличовъ ловко подошелъ къ ручкѣ хозяйки; Герасимъ Андреичъ думалъ-было послѣдовать его примѣру, но почему-то раздумалъ.

Поцаловавъ ручку Александры Ивановны, Платонъ Ѳедорычъ сѣлъ на прежнее мѣсто и возобновилъ прерванный разговоръ съ барышней. Господинъ Калуферовъ уступилъ свой стулъ хозяйкѣ и сѣлъ рядомъ, на диванъ.

— Какъ вы въ своемъ здоровьѣ, Александра Ивановна?

— Здорова, какъ видите, отвѣчала Александра Ивановна, расправляя на своихъ колѣняхъ складки новаго шелковаго платья: — какъ вы?

— Да такъ-съ, Александра Ивановна, по прежнему.

— Васъ давно ужь что-то не видно было.

— Занятъ былъ кое-чѣмъ.

Разговоръ оборвался, черезъ нѣсколько минутъ молчанія начался-было опять, но долженъ былъ снова прекратиться за совершеннымъ недостаткомъ матеріаловъ; зато не гасъ и не умолкалъ веселый говоръ и смѣхъ Людмилочки и Куличова, продолжавшихъ объясняться по французски.

Вѣки господина Калуферова сдѣлались уже краснѣе свеклы отъ безпрестаннаго морганья, когда вошелъ въ гостиную самъ Бѣдокуровъ. Семенъ Семенычъ привѣтливо улыбнулся своимъ полнымъ лицомъ дочери и женѣ, и подалъ правую руку Куличову, а лѣвую Калуферову.

Герасимъ Андреичъ передвинулся на другую сторону дивана и далъ мѣсто Семену Семенычу, который тотчасъ и опустился съ достоинствомъ на упраздненное мѣсто.

— Что новенькаго, Калуферовъ? спросилъ онъ тономъ покровительства.

— Ничего-съ, отвѣчалъ Герасимъ Андреичъ, дѣлая на лицѣ медовую улыбку.

— Какъ это вы никогда ничего новенькаго не знаете? сказалъ, подтрунивая, Семенъ Семенычъ, и началъ играть огромной кучей брелоковъ, привѣшенныхъ къ его часовой цѣпочкѣ.

— Я мало любопытенъ-съ, отвѣчалъ господинъ Калуферовъ, продолжая пріятно ухмыляться.

— Жаль.

Семенъ Семенычъ потеръ объ рукавъ своего сертука большой бриліантъ перстня, украшавшаго указательный палецъ его руки.

— Не видали вы сегодня Уховертова?

— Нѣтъ-съ.

— Я заѣзжалъ къ нему, Александра Ивановна; но дома не засталъ. Велѣлъ однакожь сказать, что мы ждемъ его.

— Онъ попался мнѣ давеча на улицѣ, Семенъ Семенычъ, сказалъ Куличовъ: — я говорилъ ему — и онъ обѣщалъ быть.

— Ну, и прекрасно.

— Да, Семенъ Семенычъ, сказалъ опять Куличовъ, оставляя разговоръ съ Людмилочкой: — вы не разсердитесь, что я пригласилъ отъ вашего имени Мякинина?

— Напротивъ, очень радъ.

— Кто будетъ еще, Семенъ Семенычъ?

— Гвоздичкинъ будетъ, Лакутьевъ, можетъ-быть и Игнатій Михайлычъ заѣдетъ.

Господинъ Калуферовъ моргалъ, не жалѣя вѣкъ. Долго моргалъ онъ, не пророняя ни словечка.

Александра Ивановна вышла изъ гостиной; Семенъ Семенычъ досталъ изъ боковаго кармана зубочистку въ видѣ шпаги и отъ нечего дѣлать принялся ковырять въ зубахъ, глубокомысленно глядя на люстру. Попрежнему кипѣла за трельяжемъ самая оживленная бесѣда.

— Семенъ Семенычъ! сказалъ вдругъ господинъ Калуферовъ.

— Что прикажете-съ? спросилъ Бѣдокуровъ, не отводя глазъ отъ люстры.

— Вы не изволите быть знакомы съ Мальковскими?

— Нѣтъ-съ.

Герасимъ Андреичъ погладилъ шляпу.

— А что? спросилъ Семенъ Семенычъ, не глядя на господина Калуферова.

— Нѣтъ, я такъ только спросилъ.

Тѣмъ и покончилъ.

Скоро явился откупщикъ Уховертовъ, сѣдой и высокій мужчина, имѣвшій привычку безпрестанно проводить ладонью правой руки по своей физіономіи, словно смахивалъ съ лица пыль или неотвязную муху; у него былъ очень гордый видъ, хотя въ сущности онъ былъ человѣкъ самый простой.

Герасимъ Андреичъ, къ которому откупщикъ обратился очень ласково, поздоровавшись съ хозяиномъ, Людмилочкою и Куличовымъ, долженъ былъ очистить диванъ для Уховертова и пересѣсть на другое мѣсто; онъ спросилъ впрочемъ предварительно у откупщика, какъ тотъ въ своемъ здоровьѣ.

Слѣдомъ за Уховертовымъ пріѣхалъ косой, но богатый Гвоздичкинъ, отличавшійся чрезмѣрною смѣшливостью; потомъ пріѣхалъ острякъ Мякининъ, худощавѣйшій человѣкъ съ жесткими усами, которые двигались у него подъ носомъ какъ живые; пріѣхалъ Лакутьевъ, докторъ съ бакенбардами и ап-

течнымъ запахомъ; наконецъ пріѣхалъ и весьма уважаемый всѣми гость, губернскій предводитель Игнатій Михайлычъ Талмазовъ, на котораго несовсѣмъ расчитывалъ Семенъ Семенычъ.

При появленіи каждаго изъ этихъ гостей, господинъ Калуферовъ пересаживался съ мѣста на мѣсто, и наконецъ былъ оттѣсненъ отъ Людмилочки такъ далеко, что не могъ даже слышать, на какомъ діалектѣ говоритъ она съ Куличовымъ — по-русски, или по-французски.

Всѣмъ посѣтителямъ Семена Семеныча господинъ Калуферовъ вѣжливо раскланивался, спрашивая каждаго, какъ онъ въ своемъ здоровьѣ. Зато каждый удостоилъ его нѣсколькими милыми словами.

Такъ сановитый Талмазовъ спросилъ господина Калуферова, гдѣ онъ такъ давно пропадаетъ — не заглянетъ къ нему.

— Виноватъ-съ, ваше превосходительство, пролепеталъ Герасимъ Андреичъ, осчастливленный такимъ милостивымъ вниманіемъ: — виноватъ-съ. Въ послѣднее время... былъ обремененъ... занятіями-съ...

— Какими же это занятіями? спросилъ Игнатій Михайлычъ.

Господинъ Калуферовъ не зналъ, что отвѣчать, и долженъ бы былъ неминуемо сконфузиться, если бы Александра Ивановна опять не вывела его изъ затруднительнаго положенія своимъ появленіемъ въ гостиной. Талмазовъ не замедлилъ подойти къ ней съ изъявленіемъ своего почтенія и не дожидался уже отвѣта отъ Герасима Андреича.

Острякъ Мякининъ не преминулъ замѣтить, что у господина Калуферова новые сапоги, и сообщилъ ему, что лицо его, обрамляемое воротничками, очень похоже на портретъ лорда Байрона.

— Кто это лордъ Байронъ? спросилъ Герасимъ Андреичъ.

— Одинъ извѣстный сочинитель, отвѣчалъ Мякининъ.

Господинъ Калуферовъ остался очень доволенъ сходствомъ своимъ съ извѣстнымъ сочинителемъ.

Гвоздичкинъ, стоявшій неподалеку, нашелъ сравненіе Мякинина, неизвѣстно почему, чрезвычайно смѣшнымъ и расхохотался. Глядя на него, никакъ нельзя было понять, чему онъ смѣется и на что устремлено его вниманіе: одинъ глазъ его былъ обращенъ къ печкѣ, другой къ окну.

И Гвоздичкинъ и Лакутьевъ не оставили безъ привѣта господина Калуферова. Гвоздичкинъ звалъ его къ себѣ послушать, какъ у него дворовый мальчишка Васька поетъ «Близко города Славянска». Лакутьевъ замѣтилъ, что у Герасима Андреича очень хорошій цвѣтъ лица.

Всѣ гости освободились отъ своихъ шляпъ и перчатокъ; одинъ только господинъ Калуферовъ не оставлялъ шляпы и не снималъ перчатки.

— Кушать готово-съ, произнесъ лакей, появляясь въ дверяхъ гостиной.

Герасимъ Андреичъ быстро поднялся съ мѣста, подошелъ къ хозяину и началъ раскланиваться.

— Мое почтеніе-съ, Семенъ Семенычъ.

— Куда же вы, Калуферовъ? Обѣдайте съ нами.

Господинъ Калуферовъ поклонился, отошелъ отъ Семена Семеныча и сталъ, хлопая глазами, снимать перчатки.

Мякининъ шепнулъ что-то на ухо близь-стоявшему Гвоздичкину, и Гвоздичкинъ схватился за животъ, разражаясь тоненькимъ смѣхомъ.

Шествіе въ столовую было торжественно. Талмазовъ велъ подъ руку Александру Ивановну; слѣдомъ за нимъ шелъ Куличовъ съ Людмилочкой. Семенъ Семенычъ обнялъ Уховертова и Гвоздичкина за талію и повелъ ихъ къ столу.

Мякининъ и Лакутьевъ шли рядомъ. Послѣдній и одинъ выступалъ на новыхъ подошвахъ господинъ Калуферовъ.

Какъ ни старался Герасимъ Андреичъ помѣститься рядомъ съ Людмилочкой, это ему не удалось. Столовая была очень невелика, и болѣе значительные гости оттѣснили господина Калуферова. Куличовъ, не переставая болтать съ Людмилой Семеновной по-французски, сѣлъ подлѣ нея. Герасиму Андреичу пришлось однакоже сидѣть vis-à-vis. Горько ему было, что онъ раздѣленъ отъ милой дѣвицы столомъ; но дѣлать было нечего. Людмилочка бросила на него три-четыре длинные и выразительные взгляда, и господинъ Калуферовъ утѣшился. Онъ подумалъ даже: «Ахъ, какъ осторожна Людмилочка! Какъ-будто занимается Куличовымъ — а сама все на меня посматриваетъ. Какія эти барышни тонкія штучки!»

Обѣдъ, которымъ угощалъ на этотъ разъ своихъ гостей Семенъ Семенычъ, былъ великолѣпный, далеко не похожій на его обычные воскресные обѣды. Винъ на столѣ было столько, что перепробовать всѣ ихъ не достало бы никому силы; къ тому же названія они носили такія громкія и трудныя, что не было возможности не спутаться въ нихъ.

Гости были веселы, а Игнатій Михайлычъ былъ столько любезенъ, что между соусомъ и жаркимъ продекламировалъ небольшую, но очень остроумную басенку, сочиненную имъ въ часы досуга. Эта художественная вещица всѣмъ доставила удовольствіе.

Когда жаркое было подано, къ Семену Семенычу подошелъ лакей съ серебрянымъ подносомъ, на которомъ стояли бокалы и бутылка шампанскаго. На почтенномъ лицѣ хозяина явилось высокоторжественное выраженіе; онъ медленно и важно поднялся со стула, причемъ брелоки его произвели нѣжный и пріятный звукъ. Господинъ Калуферовъ обратилъ свое лицо къ Семену Семенычу и старался, на сколько позволяли ему это его непрестанно мигающія вѣки, вперить взоръ

свой въ физіономію Бѣдокурова. Смутное ожиданіе чего-то необыкновеннаго, какое-то таинственное предчувствіе оковало молчаніемъ уста всѣхъ присутствующихъ, и всѣ смотрѣли на Семена Семеныча.

— Господа, произнесъ хозяинъ, озаряясь улыбкой и принимая отъ слуги бутылку: — позвольте мнѣ надѣяться, что вы раздѣлите мою радость. Дочь моя невѣста... (при этомъ словѣ господинъ Калуферовъ неистово захлопалъ глазами и придвинулся къ столу)... невѣста Платона Ѳедорыча. Пожелайте ей счастія, какъ желаемъ ей его мы — Александра Ивановна и я!

Палецъ съ бриліантомъ уперся въ пробку, пробка вылетѣла съ торжественнымъ шумомъ, и вино шипя полилось въ бокалы. Пробка, взлетѣвъ до потолка, упала прямо на голову Герасима Андреича и вышибла вѣроятно всякое соображеніе изъ его мозга. Господинъ Калуферовъ вытащилъ платокъ изъ кармана и принялся сморкаться такъ сильно, что изъ-подъ вѣкъ его выступили слезы. Ему очень хотѣлось взглянуть хорошенько на Людмилочку; но взглядъ его падалъ на нее только урывками изъ-за тумана, застилавшаго ему глаза.

— Поздравляю васъ, поздравляю, Семенъ Семенычъ! сказалъ Талмазовъ, первый получившій бокалъ отъ хозяина: — дай Богъ видѣть вамъ не только внучатъ, но и правнуковъ.

Предводитель вышелъ изъ-за стола и облобызалъ счастливаго отца; затѣмъ подошелъ онъ къ ручкѣ Александры Ивановны и повторилъ свое поздравленіе. Наконецъ и раскраснѣвшейся невѣстѣ и жениху сказалъ нѣсколько выразительныхъ, приличныхъ этой ясной минутѣ словъ.

Слѣдомъ за Талмазовымъ каждый изъ гостей принесъ приличное поздравленіе какъ совокупляемой любовью четѣ, такъ и счастливымъ родителямъ невѣсты.

При общемъ движеніи, господинъ Калуферовъ поспѣшилъ окончить свое громкое сморканье, смахнулъ носовымъ платкомъ туманъ, заволокшій его глаза, и всталъ съ мѣста молодцемъ, хотя бокалъ дрожалъ въ его рукѣ и вино плескалось черезъ край. Но прежде чѣмъ направился Герасимъ Андреичъ къ виновникамъ людмилочкина бытія, взглянулъ онъ на самоё Людмилочку, желая прочесть на лицѣ ея чувства, которыми должна была наполняться душа дѣвушки въ эти многозначительныя минуты. Когда глаза господина Калуферова остановились на миломъ личикѣ только-что провозглашенной невѣсты, сердце и голова его преисполнились тревоги, рука съ бокаломъ затрепетала еще болѣе и шампанское закапало на глянцовитые сапоги. Людмилочка глядѣла на Герасима Андреича; глаза ея были влажны, грудь подымалась, а на полуоткрытыхъ устахъ появилась вдругъ такая меланхолическая улыбка, что господину Калуферову пришлось опять вытаскивать носовой платокъ и сморкаться.

Наконецъ когда Людмилочка должна была отвести свои голубые глазки отъ Герасима Андреича, чтобы обратить все вниманіе свое на поздравлявшаго ее Лакутьева, господинъ Калуферовъ собрался съ силами и подошелъ къ Семену Семенычу. Въ эту минуту Семенъ Семенычъ былъ свободенъ отъ поздравителей, но все еще стоялъ и глубокомысленно потиралъ бриліантъ своего перстня о рукавъ сертука.

— Позвольте и мнѣ-съ... началъ, запинаясь, господинъ Калуферовъ: — и мнѣ, Семенъ Семенычъ... имѣть честь... принесть поздравленіе...

— Благодарю васъ, Калуферовъ.

Бѣдокуровъ протянулъ лѣвую руку Герасиму Андреичу: правая держала бокалъ. Герасимъ Андреичъ перемѣстилъ свой бокалъ изъ правой руки въ лѣвую и подалъ правую хозяину, отхлебнувъ немного изъ бокала.

— Что же вы не пьете всего, Калуферовъ? Развѣ не

желаете имъ счастія? спросилъ Бѣдокуровъ, кивая головой на жениха съ невѣстой.

— Желаю-съ, какъ же-съ, отвѣчалъ Герасимъ Андреичъ.

— Такъ пейте же все!

— Очень хорошо-съ.

Господинъ Калуферовъ выпилъ разомъ все вино, вмѣщавшееся въ бокалѣ, но вѣроятно нѣсколько капель попало ему не въ то горлышко, и онъ закашлялся.

— Плохо же вы пьете, Калуферовъ, проговорилъ съ милостивой улыбкой Семенъ Семенычъ.

— Поперхнулся-съ, отвѣчалъ Герасимъ Андреичъ, стараясь улыбнуться и вооружаясь снова платкомъ.

— Ну, это не бѣда. Давайте-ка сюда вашъ бокалъ!

И Семенъ Семенычъ наполнилъ снова бокалъ господина Калуферова.

— И васъ, произнесъ Герасимъ Андреичъ тѣмъ же запинающимся голосомъ, подходя съ полнымъ бокаломъ къ хозяйкѣ:—и васъ, Александра Ивановна... позвольте-съ... имѣть честь...

— Благодарю васъ, благодарю, Герасимъ Андреичъ, отвѣчала Александра Ивановна, нѣсколько разъ кивнувъ благосклонно головою.

Герасимъ Андреичъ приложилъ губы къ бокалу, но отпилъ изъ него опять очень мало. Семенъ Семенычъ слѣдилъ за нимъ глазами.

— Опять чуть губами притронулись, Калуферовъ? Пейте же все! сказалъ онъ, качая головой.

— Сейчасъ-съ, отвѣчалъ Герасимъ Андреичъ, и осушилъ бокалъ.

Принеся поздравленіе хозяйкѣ, Герасимъ Андреичъ долженъ былъ сказать нѣсколько милыхъ словъ жениху и невѣстѣ и прилично случаю раскланяться. Одна уже мысль, что сдѣлать это необходимо, поставила господина Калуфе-

рова въ тупикъ. Онъ подошелъ, запинаясь чуть не на каждомъ шагу, къ сіяющей особѣ Семена Семеныча и совершенно безсмысленно протянулъ къ нему руку съ пустымъ бокаломъ.

— Вотъ это дѣло, Калуферовъ. Хотите жениха съ невѣстой поздравить?

— Да-съ, отвѣчалъ Герасимъ Андреичъ, такъ неистово моргнувъ, что изъ его лѣваго глаза брызнуло нѣсколько капель въ налитой бокалъ.

Когда господинъ Калуферовъ приблизился къ счастливой четѣ, женихъ и невѣста были уже всѣми поздравлены, и всѣ гости сидѣли на своихъ мѣстахъ.

— Людмила Семеновна-съ, произнесъ едва внятно Герасимъ Андреичъ, шаркая ногой: — я-съ... вы-съ...

— Благодарю васъ, благодарю, Герасимъ Андреичъ, проговорила тономъ глубокаго чувства Людмилочка, вперяя въ сконфуженнаго поздравителя грустный, влажный взглядъ, причемъ локоны дрожали и колыхались за ея прекрасными ушами.

Господинъ Калуферовъ, не находя словъ для выраженія чувствъ, бушевавшихъ (выражаясь по дантовски) на озерѣ его души, промолчалъ. Онъ не обратилъ ни одного привѣтственнаго слова къ Куличову, сѣлъ за столъ, громко высморкался и устремилъ свои большіе глаза на лицо грустно улыбавшейся Людмилочки.

Это созерцаніе такъ поглотило всѣ чувства Герасима Андреича, что онъ, совершенно не сознавая, что дѣлаетъ, наложилъ себѣ чуть не полтарелки мороженаго и съ необычайною быстротой уничтожилъ эту огромную порцію.

Наконецъ стулья загремѣли; всѣ поднялись со своихъ мѣстъ, также и господинъ Калуферовъ; всѣ подошли къ хозяину и съ особымъ чувствомъ пожали ему руку; Герасимъ Андреичъ тоже не отсталъ отъ другихъ.

Неизвѣстно положительно, съ какою, но вѣроятно съ самою неблаговидною цѣлью, остроумецъ Мякининъ потрепалъ господина Калуферова по плечу и спросилъ:

— Хорошо мороженое?

Усы его задвигались.

— Да-съ, отвѣчалъ господинъ Калуферовъ.

Гвоздичкинъ держался уже за свои бока.

— Не знаете, какое оно было?

— Должно полагать, ванильное-съ.

Ни въ ожиданіи кофе, ни послѣ него Герасимъ Андреичъ не вставилъ въ бойкій и веселый разговоръ гостей ни одного слова. Онъ пристально глядѣлъ на трельяжъ, за которымъ мелькалъ повременамъ граціозный профиль Людмилочки. Сердце Герасима Андреича перевернулось вверхъ дномъ, когда онъ замѣтилъ, что рука Куличова держала обѣ ручки невѣсты. Послѣ этого господину Калуферову трудно было сидѣть на стулѣ.

— Мое почтеніе-съ, произносилъ онъ поочередно, подходя къ хозяину, хозяйкѣ и ко всѣмъ гостямъ.

То же, не болѣе, сказалъ онъ Людмилочкѣ, явившись за трельяжемъ, за что и получилъ самый нѣжный и грустно томный взоръ невѣсты. На жениха, на ненавистнаго и самонадѣяннаго Куличова Герасимъ Андреичъ не обратилъ никакого вниманія.

Въ прихожей господинъ Калуферовъ спросилъ у лакея:

— Что, нѣту дождя?

— Нѣтъ, отвѣчалъ лакей, находя очень страннымъ вопросъ господина Калуферова, озареннаго въ эту минуту горячими лучами солнца.

Идя отъ Бѣдокуровыхъ домой, Герасимъ Андреичъ придумалъ прогуляться немного, и потому отправился въ противную сторону отъ своей квартиры. Къ семи часамъ вечера онъ успѣлъ обойти чуть не весь городъ, и наконецъ зашелъ

провѣдать братьевъ Мальковскихъ. Оба были дома и, какъ водится, занимались игрою на биліардѣ.

— Хотите партійку? спросилъ Герасима Андреича старшій.

— Пожалуй, отвѣчалъ господинъ Калуферовъ, вооружаясь кіемъ.

— Ну, выставляйте!

Герасимъ Андреичъ противъ обыкновенія рѣшился выставить, и выставилъ такъ удачно, что загналъ и желтаго и дальняго краснаго шара въ домъ.

— Вотъ мнѣ и играть нечего, сказалъ старшій Мальковскій.

— Съ расчетцемъ сыграно, замѣтилъ младшій, принимаясь обтачивать кій.

Несмотря на то, что Герасимъ Андреичъ игралъ съ расчетцемъ, ему пришлось проиграть эту партію.

Тутъ появился въ дверяхъ лакей съ подносомъ, на которомъ были поставлены стаканы для чая и чайникъ, и игроки должны были прекратить катанье шаровъ, потому-что биліардъ служилъ обыкновенно и чайнымъ столомъ. Скоро явились на зеленомъ сукнѣ его и самоваръ, и бутылка рому.

— Что вы молчите все, Калуферовъ? спросилъ старшій Мальковскій.

— Да, что это вы все молчите? спросилъ и младшій, наливая чай въ стаканы.

— Такъ что-то, отвѣчалъ Герасимъ Андреичъ.

— Рому не хотите ли?

— Пожалуйте.

И выпилъ Герасимъ Андреичъ три стакана чая, разбавленнаго наполовину ромомъ; говорливѣе однакожь не сдѣлался, но ужь зато и двигался черезъ силу.

— Сыграемте партію, сказалъ онъ коснѣющимъ языкомъ

старшему изъ хозяевъ, когда чайныя принадлежности исчезли съ биліарда.

— Давайте, отвѣчалъ разгулявшійся Мальковскій старшій, засучивая рукава халата. — Да чуръ уговоръ: кто проигралъ, подъ биліардомъ пролѣзть.

— Хор...рошо, произнесъ Герасимъ Андреичъ, безплодно мѣтясь въ желтаго.

Онъ, какъ и должно было предполагать, проигралъ, и потому принужденъ былъ лѣзть подъ биліардъ.

— Ну-ка! ну-ка! приговаривали братья, когда Герасимъ Андреичъ, съежившись, занесъ одну ногу за рамку биліарда.

Но, переправившись черезъ этотъ барьеръ, господинъ Калуферовъ вдругъ совершенно неожиданно сѣлъ на полъ.

Оба брата опять воскликнули:

— Что же вы, Калуферовъ? Продолжайте!

Герасимъ Андреичъ вдругъ зарыдалъ.

Этотъ непредвидѣнный казусъ очень сконфузилъ хозяевъ; они поспѣшили вытащить гостя изъ-подъ биліарда и насилу утѣшили его.

— Хватилъ черезъ край! замѣтилъ одинъ изъ нихъ.

— Домой бы его надо отправить, сказалъ другой.

И господинъ Калуферовъ пошелъ домой въ сопровожденіи лакея Мальковскихъ.

Дома онъ тотчасъ раздѣлся, и не обращая ни малѣйшаго вниманія на вопросы маменьки, улегся въ постель и заснулъ.

Анисья Сергѣевна долго стояла у изголовья спящаго сына и терялась въ догадкахъ насчетъ его безчувственности къ ласкамъ матери. И постель не успокоила въ эту ночь маменьки господина Калуферова; Анисья Сергѣевна на часу разъ по пяти вставала и подходила къ сынку. Сынокъ спалъ крѣпко и храпѣлъ такъ громко, какъ ему еще никогда не случалось храпѣть.

На слѣдующее утро Герасимъ Андреичъ проснулся еще

позже чѣмъ наканунѣ, а именно въ часъ пополудни. Несмотря однакоже на такое несвоевременное пробужденіе, онъ не выказалъ ни малѣйшей торопливости въ дѣлѣ умыванья, приведенія въ порядокъ своихъ волосъ и одѣванья. Все это исполнилъ онъ очень медленно и не суетясь.

Маменька не прежде добилась отъ него отвѣта, какъ послѣ очень сытнаго завтрака, который вѣроятно привелъ въ нормальное состояніе какъ нѣсколько помраченный мозгъ, такъ и взбудораженныя чувства господина Калуферова.

— Маменька, сказалъ онъ, проглотивъ послѣдній кусокъ десятаго бутерброда и запивъ его приличнымъ количествомъ кофе: — какъ все странно на свѣтѣ происходитъ!

— А что, душа? спросила маменька, до nec plus ultra осчастливленная тѣмъ, что сынъ ея прервалъ наконецъ необыкновенное молчаніе свое, столь томительное для ея материнскаго сердца.

— Да такъ, маменька. Какъ судьба странно играетъ людьми!

— Да что же такое, Эразмъ?

— А то маменька, что Людмилочку мою замужъ отдаютъ.

— Не можетъ быть.

— Ужь это вѣрно-съ. Вотъ ихъ родительская-то любовь! А еще Семенъ Семенычъ все хвастался!

— Да какъ же это случилось-то, Гера... Эразмъ? За кого же?

— За Куличова.

— Это за того-то?

— За того самаго.

— Да вѣдь ты мнѣ говорилъ, душа, что она его не любитъ?

— Не любитъ, маменька; да что же ей дѣлать-то? Воля

родителей. Я всегда замѣчалъ, что Семенъ Семенычъ дурной отецъ.

— Что же она-то, Эразмъ?

— Ничего, маменька: только грустная такая — и все на меня глядитъ, точно сказать хочетъ: «прощай, Эразмъ!» А глаза, маменька, полнехоньки слезъ. Только-только не капутъ...

Въ эту минуту изъ глазъ Герасима Андреича, совершенно независимо отъ его воли, покатились на щеки крупныя слезы.

Маменька его быстро встала съ мѣста и подошла къ сыну, волнуясь сама внезапною грустью.

— Полно, другъ мой. Что это ты расчувствовался такъ? сказала Анисья Сергѣевна, наклоняясь къ сыну и гладя нѣжною рукой его плоскій затылокъ. — Нельзя ли поправить это дѣло, Эразмъ? Если бы ты, душа...

— Нельзя, маменька, перебилъ ее Герасимъ Андреичъ: — должно-быть судьба ужь такая!

— Ну, если такъ, что же прослезился ты, Герася?... Что ты, Эразмъ, прослезился? Тебѣ ли, другу моему, не сыскать невѣсты? Еще и не такая полюбитъ! Не уменъ что-ли, не пригожъ ты у меня?

— Главное, Людмилочку-то мнѣ жаль, маменька, пролепеталъ господинъ Калуферовъ, обливаясь новымъ потокомъ слезъ. — Какъ вѣдь любила-то она меня!

КУМУШКИ.

Петровна, мѣщанка, лѣтъ пятидесяти слишкомъ.
Стеша, племянница ея, дѣвушка невѣста.
Чигуненко, молодой писарь, женихъ Стеши.
Петръ Авдѣичъ, хозяинъ дома, въ которомъ живетъ Петровна, отставной унтеръ, другъ стешина жениха, лѣтъ сорока.
Анна Васильевна, жена Петра Авдѣича, баба съ гоноромъ, въ чепцѣ.
Сидоровна, беззубая старуха изъ богадѣльни.
Клементьевна, торговка, бодрая старуха, лѣтъ за пятьдесятъ.
Мосевна, нянька, шестидесяти лѣтъ.

(Небольшая горенка у Петровны, о двухъ окнахъ. Печь съ лежанкой. Промежъ оконъ бѣлый, некрашеный столъ; около него старые стулья. У лежанки поставецъ съ посудой.)

Петровна (*одна, идя къ поставцу*). Куды эфто, матушки мои, ложечка-то другая запропастилась? (*Ищетъ въ поставцѣ.*) Ну нѣтъ какъ нѣтъ! (*Пріотворяетъ дверь.*) Стешинька! а Стешинька! Подь-ка суды, голубушка!

(*Входитъ Стеша.*)

Стеша. Чего вамъ, тетенька?

Петровна. Да вотъ ищу не доищусь ложечки чайной — вотъ что Иванъ-отъ Лукичъ тебѣ подарилъ, серебряная-то.

Стеша. Она у хозяевъ на кухнѣ.

Петровна. А! ну ладно, матушка. А я не знала — заискалась совсѣмъ. Ужь думала, пропала. Да что, Стешинька, вечерни были?

Стеша. Не знаю, не слыхала.

Петровна. Наняли мы, матушка, фатеру съ тобой.... И благовѣсту ни отколѣ не слышно. Вотъ какой часъ теперь—и не разузнаешь.... Время-то этакое сѣрое; солнышко и не показывалось ноньче. По солнцу бы хошь узнать, анъ солнышка-то и нѣту. И у хозяевъ часы-то стоятъ.

Стеша. Часъ пятый теперь въ половинѣ — больше не будетъ.

Петровна. Время бы, коли такъ, и гостинькамъ подойти. Что-то никто не кажется. Клементьевна-то не диво, что запоздала: чай, все съ товаромъ мычется. Ну а Сидоровна-то безъ дѣловъ человѣкъ.... Что бы, кажись, не придти ужь? Развѣ вотъ къ вечеренкѣ пошла. (*Глядитъ на Стешу.*) А ты, Стешинька, ладно-таки принарядилась сегодня, голубушка. Платьице-то эфто вотъ-какъ къ тебѣ пристало. Ну извѣстно, жениховo подареньице!... Да что это, матушка, вотъ ужь никакъ третій день его не видать — глазъ не кажетъ?

Стеша. А видно дѣла много.

Петровна. Что ужь за дѣла такія, что и часочка-то не улучить! Вотъ и ноньче не заглядывалъ.... А вѣдь знаетъ, чай, что я аменинница.

Стеша. Вамъ ужь эфто, тетенька, пуще всего, что проздравить-то не пришелъ! А какая ему поутру отлучка?.. Вотъ вечеромъ—дѣло другое—будьте благонадежны, безпремѣнно придетъ.

Петровна. И ладно, голубушка, и ладно. Я вѣдь такъ только сказала... Не видала-то его больно давно.—Ты, Стешинька, не пойдешь ли къ хозяйскимъ, матушка?

Стеша. А что?

Петровна. Да вотъ Анну-то бы Васильевну еще разокъ попросила пожаловать. Обѣщалась она давеча—да вѣдь ты, матушка, ее знаешь: честь любитъ, горденька-таки. За одно

ужь и Петру-то Авдѣичу напомяни... Онъ вотъ славный такой человѣкъ — много будетъ пообходительнѣе Анны-то Васильевны... Напомяни ему, матушка—тоже обѣщался утрось. Шпунтикъ бы, другой выпилъ. Вотъ и Ивану-то Лукичу канпаньица будетъ... Придетъ ли вотъ Иванъ-отъ Лукичъ только?

Стеша. Ужь сказала я вамъ, тетенька, безпремѣнно придетъ.

Петровна. И я ужь думаю, какъ ему не придти! (*Смотритъ въ окно.*) А вотъ и Сидоровна, кажись... Такъ и есть, она.

Стеша. Такъ я сбѣгаю, тетенька, къ хозяевамъ-то.

Петровна. Сбѣгай, матушка, сбѣгай. Ложечку-то, смотри, захвати на кухнѣ, да у Анны-то Васильевны попросила бы двухъ стаканчиковъ на подержанье.

Стеша. Ладно, тетенька. (*Идетъ къ дверямъ и встрѣчается съ Сидоровной.*)

Сидоровна. Ахъ, Стешинька! Здравствуй, родимая! Какъ живешь можешь? Женихъ что?.. Охъ... охъ, устала-то какъ!.. Поцалуемся, Стешинька! (*Цалуется со Стешей.*) Что, послѣ жениховыхъ-то губъ не сладко? Ну какъ онъ?

Стеша. Слава Богу, Арина Сидоровна.

Сидоровна. Давненько ужь не видала я его... Да ты родимая, шла никакъ куды-то?

Стеша. Да, къ хозяйскимъ на минуточку.

Сидоровна. Иди, родная, иди. Я не держу. Охъ... Здорово, Петровна. Что, какъ, родимая, ноги носятъ?

Петровна. А ничего, матушка, помаленечку.

(*Стеша уходитъ.*)

Сидоровна. Ну, поцалуемся, родная... Охъ, вздохнуть-то не могу — умаялась.

Петровна (*цалуясь съ Сидоровной*). Да сядь ты,

матушка! Устала какъ и не знай что, а стоитъ — съ ноги на ногу переминается.

Сидоровна (*садясь*). А сѣсть-было такъ сѣсть. И сядемъ, родимая. Охъ, ужь конецъ-то вѣдь я какой сломала! Диво, какъ ноженьки-то не подкосились.

Петровна (*садясь около Сидоровны*). Что поздо, матушка, пожаловала? Гдѣ побывала?

Сидоровна. Гдѣ, какъ не у благодѣтелей моихъ, родимая. Къ енеральшѣ къ Тарарыкиной забрела. Амениница вѣдь она тоже ноньче — вотъ какъ ты Катерина... Катерина Ѳедоровна, родная... какъ же, амениница. Я и утрось послѣ обѣдень съ проздравкой была... Ухъ, родимая, дай духъ перевести!.. Такъ утрось-то дѣточекъ не видала: въ ученьи были. Ну вотъ и зашла послѣ обѣда. Дѣточки этакія-то милыя, воспитанныя — такъ-то меня, старуху, уважаютъ. Подлинно, за родительскую доброту Господь и дѣтей покорныхъ да умныхъ даетъ. Митенька вотъ, старшенькій-то, гривенничекъ подарилъ. Дитя такое скромное. Въ гусары вотъ хочетъ самъ-отъ енералъ отдать... Ну, а Катеринѣ Ѳедоровнѣ, голубушкѣ, не хочется эфтого: здоровьицемъ-то онъ такой плохой. Извѣстно, родимая, материнское сердце...

Петровна. Что и говорить, матушка!

Сидоровна. Далъ ей Господь утѣшеніе въ дѣточкахъ за ея за добродѣтель. А вотъ, родимая, взять хоть Лукьяновыхъ... Матвѣй Матвѣичъ — слыхала, чай?.. солянымъ приставомъ служитъ...

Петровна. Какъ же, матушка.

Сидоровна. Вотъ ужь не благословилъ Богъ дѣтьми, не благословилъ. Хаживала тоже къ нимъ, какъ ея-то самоё матушка вживѣ была, Анфиса Ниловна. Примѣрная была женщина, покойница—богомолица, и сиротъ и вдовъ призрѣвала. Мнѣ, родимая — чай, знаешь — жалованье помѣсячно

платила, по полтинничку. И чаемъ всегда паивала — да бывало, еще и въ бумажку чайку, сахарку завернетъ, съ собой дастъ. Не нажить ужь мнѣ никакъ этакой благодѣтельницы. Ну, Матвѣй-то Матвѣичъ суровый такой человѣкъ, Александра Юрьевна тоже... Я все, бывало, потихонечку къ покойницѣ-то свѣтъ, крадучись, чтобы самимъ-то на глаза не попасться — заднимъ крыльцомъ. Самъ-отъ разъ меня и повстрѣчай.... Крутой такой, знаешь... Какъ топнетъ на меня ногой, инда поджилки, родимая, затряслись—такъ я и остамѣла на мѣстѣ. «Куды, говоритъ, салопница?..» И салопа-то, родимая, николи не нашивала — испоконъ-вѣку все вотъ въ эфтомъ шугайчикѣ хожу... Ну, да извѣстно, осерчалъ ужь онъ больно. «Чего, кричитъ, не видала? Корокъ, говоритъ, арбузныхъ не хочешь ли? Вонъ, говоритъ, на дворѣ подбирай — много ихъ тамъ, у помойной ямы; а въ домъ ни ногой! Я васъ отважу, говоритъ, побирухъ.»

Петровна. Экой, матушки мои, аспидъ!

Сидоровна. И боюсь его, родимая, съ той поры—вотъ какъ боюсь! Завидишь ино время и не вѣсть гдѣ — на другомъ концѣ улицы... такъ бы вотъ скрозь землю лучше провалилась, чѣмъ на встрѣчу ему попасться. А разъ встрѣлся-таки мнѣ на паперти въ соборѣ. Я было между нищенокъ затереться хотѣла... такъ нѣтъ, родимая—увидалъ-таки. «Что, говоритъ, пеньшишь еще на бѣломъ свѣтѣ?» А самъ такъ-то сердито глядитъ — просто всѣ косточки, матушка, въ колѣнкахъ заныли. «Какъ быть! говорю ему: вашими, батюшка, молитвами, пнаю помаленечку.» Ну, въ этотъ разъ грошикъ сунулъ-таки мнѣ въ руку—только такъ-то сердито, что ужь и деньгамъ-то, родимая, не рада была. Такъ и дѣтки-то вотъ по родителямъ пошли.

Петровна. Знаю, матушка, знаю... Вотъ Мосевна — въ нянькахъ вѣдь она у нихъ жила — говоритъ, такія-то озорныя дѣти.

Сидоровна. И не видывала этакихъ озорниковъ — просто не видывала... Хуже деревенскихъ, родимая. Иду этта мимо ихняго дома... Пришлось ужь такъ—торопилась я больно, а то все обхожу больше проулкомъ... Такъ иду я, а середній-то сынишка за вороты съ хворостиной выбѣжалъ — то надъ головой ей махаетъ, то себя по колѣнкамъ хлыщетъ... Въ лошадки игралъ. Оно конечно, матушка, дѣтская игра — и ничего бы, да вѣдь ужь годочковъ-то ему много... Ну, да Богъ съ нимъ! игралъ бы себѣ, коли ума-разума не нажилъ; а то увидалъ, родимая, меня, да и ну языкомъ дразнить. «Стыдно, говорю, сыну хорошихъ родителей, да бѣдную, говорю, вдову и сироту обиждать.» Какъ вывернется тутъ на улицу собака ихняя дворная—Арапкой зовутъ; онъ и примись меня травить. Звѣрь этакой страшный, косматая вся, шельма. Я кричать давай... «Мамыньки, кричу, помогите! батюшки, кричу, помогите!» А онъ все травитъ да уськаетъ. Пустилась-было бѣжать—да ужь моимъ ногамъ куды уйти? На колѣнки такъ середь улицы пала. Спасибо ужь кучеръ въ сосѣдяхъ увидалъ—отогналъ Арапку. Все-то платьишко истерхала, проклятая... А страху-то я, страху-то что нанялась!

Петровна. Экое, матушка, дѣло! экое дѣло! Да приключись со мной этакая бѣда — я бы, кажись, тутъ же на мѣстѣ умерла.

Сидоровна. Теперь меня никакимъ пряникомъ туда не заманишь.

(*Входитъ Стеша.*)

Петровна. Ну что, Стешинька?

Стеша. Ложечку да стаканы принесла. Анна Васильевна сейчасъ придетъ, и Петръ Авдѣичъ тоже.

Петровна. Ну и ладно, голубушка. Клементьевны только все нѣтъ какъ нѣтъ.—А ты бы, Стешинька, гостинцевъ на столъ поставила. Вотъ Сидоровна хоть рожочковъ пожующеритъ.

Сидоровна. Спасибо, родная моя. Зубы-то совладаютъ ли только!

Петровна. Полно старухой-то прикидываться! И орѣшковъ еще погрызешь.

Сидоровна. Ну, ужь орѣха не сгрызу, родимая, не сгрызу. Этта тоже взяла-было попробовать—и орѣхъ-то былъ молодой, мягкій.... ужь валяла я его, валяла во рту—то на одной сторонѣ поваляю, то на другой. Только-что десны себѣ натрудила, а толку-то ни на грошъ.

Петровна. Ну, орѣховъ не сможешь, Арина Сидоровна, такъ вотъ хоть грушъ моченыхъ пожуй!

(*Стеша ставитъ на столъ тарелки съ десертомъ*).

Сидоровна. А пожуемъ, родимая, пожуемъ. Вчерась вотъ тоже зашла я къ Симаковой къ капитаншѣ — этакая-то госпожа благодѣтельная — такъ постилки она мнѣ грушевой ломотокъ вынесла.... Ужь что это за сладость такая! Ей-то братецъ изъ Кіева прислалъ — служитъ тамъ.

Петровна. Прикушай, матушка, прикушай. Да вотъ и жемочковъ-то бы отвѣдала—жемки свѣжіе, по зубамъ, чай, будутъ.

Сидоровна. И! гдѣ ужь мнѣ за жемки браться! Рожочковъ-то развѣ вотъ пососу.

(*Входитъ Анна Васильевна.*)

Петровна (*вставая*). Ахъ, матушка, Анна Васильевна! вотъ ужь и не знаю, какъ благодарить васъ, что пожаловали.

Анна Васильевна (*жеманясь*). Очень рада доставить вамъ это пріятное удовольствіе. Петръ Авдѣичъ тоже сейчасъ придетъ.

Сидоровна (*встаетъ и подходитъ къ Аннѣ Васильевнѣ*). А вы вѣрно не изволите узнать меня, матушка Анна Васильевна... Какъ здоровье ваше? дѣточекъ вашихъ? Можетъ, забыли вы, родная моя, а я вѣдь много разовъ имѣла честь встрѣчать васъ у Раисы Кузьминишны. Вотъ ужь,

истинно, добрѣющая женщина... У меня вѣдь, матушка, ихній домъ давно въ числѣ самыхъ что ни есть первыихъ благодѣтелей... Сколько разовъ видала васъ у Раисы Кузьминишны — и еще разъ имѣла удовольствіе двугривенничекъ отъ васъ получить.

Анна Васильевна. Ахъ! точно, помню. Васъ вѣдь, кажется, зовутъ...

Сидоровна. Сидоровной, родимая, Сидоровной, а по святомъ крещеніи Арина. Въ честь баушки покойницы отецъ нарекъ имя такое... Баушка Арина — по батюшкѣ-то Филатьевной звали — на селѣ у насъ была бабкой повитушкой. А давно ли изволили видѣть Раису Кузминишну?

Анна Васильевна. Нѣтъ, не очень давно.

Сидоровна. Здоровы онѣ?... Прихварывалось имъ что-то, какъ я къ нимъ заходила. Надо будетъ навѣстить на эфтихъ дняхъ. Вотъ ужь недѣля никакъ, не видалась-то я съ ними. Онѣ всегда ко мнѣ, сиротѣ, съ такимъ уваженіемъ. Жаль, вотъ прихварываютъ-то частенько.... У нихъ вѣдь правая нога все нѣмѣетъ.

Петровна. Да полно ты, Арина Сидоровна! заговорила совсѣмъ Анну Васильевну. Садиться милости прошу, матушка — да вотъ позабавиться чѣмъ не угодно ли?... Жемочковъ, либо рожочковъ; а то вотъ орѣшковъ — орѣхи свѣжіе. Грушъ не станете, я чай, кушать?

Анна Васильевна. Нѣтъ, благодарю; я ничего не хочу. (*Садится.*)

Петровна. Что же такъ, матушка? Не побрезгуйте! Чѣмъ богати, тѣмъ и ради. А то для дѣтокъ бы вотъ взяли — Петинькѣ да Васинькѣ. (*Садится.*)

Сидоровна (*тоже садясь*). Это вѣрно вашего сынка довелось мнѣ видѣть ноньче — какъ суды я шла, такъ на крылечкѣ вотъ встрѣлся.... въ красной рубашечкѣ, а сверху кортекольчикъ этакой надѣтъ....

Анна Васильевна. Да, это мой.

Сидоровна. Съ перваго разу видно, что милое дитя. Какъ подошла я къ крылечку-то, онъ меня и спрашиваетъ: «Тебѣ кого, нищенка?» — «Я не нищенка, говорю, голубчикъ ты мой; дай, говорю, рученьку мнѣ свою поцаловать.» Онъ мнѣ ручку и протянулъ. — «Что же ты, говоритъ, на нищенку больно похожа?» — «Доля-то моя, говорю, горькая — вдовья, мой родимый, доля.» — Такое-то милое, разумное дитя!

(*Входитъ Петръ Авдѣичъ.*)

Петровна (*идя къ нему навстрѣчу*). Ахъ, здравствуйте, батюшка Петръ Авдѣичъ.

Петръ Авдѣичъ. Здравствуй, здравствуй, Петровна. Что, какъ поживаешь?

Петровна. Понемножечку, батюшка — живемъ, хлѣбъ жуемъ.

Петръ Авдѣичъ. Что давно къ намъ не заглядывала?

Петровна. Какъ давно? Ноньче поутру, батюшка, была — нарочно приходила просить вашу милость моего амениннаго чайку откушать.

Петръ Авдѣичъ. Ахъ, да. Вотъ вѣдь и забылъ совсѣмъ, что именинница. Имѣю честь поздравить.

Петровна. Покорно, батюшка, благодарю. Садиться милости прошу. Гостинцевъ не прикажете ли?

Петръ Авдѣичъ. Нѣтъ, ужь это ваше бабье кушанье. Трубицу бы вотъ выкурилъ. Стешинька, нельзя ли одолжить-съ?

Стеша. Сейчасъ, сейчасъ, Петръ Авдѣичъ.

Петровна. Найдется, батюшка, и у насъ табачокъ — для стешинькина жениха держимъ... тоже вѣдь лютой трубокуръ.

(*Стеша подаетъ Петру Авдѣичу трубку.*)

Петръ Авдѣичъ (*закуривая*). Признательно благодарю-съ.

Сидоровна. Ноньче, матушки мои, чай, и человѣка такого нѣту, чтобы трубки не курилъ. (*Вставая, Петру Авдѣичу.*) Вы, голубчикъ Петръ Авдѣичъ, не изволили, можетъ, узнать меня, сироту?

Петръ Авдѣичъ (*садясь*). Пфф... Не помню, старушенька. Можетъ... пфф... и видалъ гдѣ.

Сидоровна (*опять усаживаясь*). У енерала Тарарыкина управляющаго имѣла эфто удоволствіе. Ну да гдѣ, батюшка, мою вдовью немощь помнить! Арина, Сидорова дочь... Изволили еще помочь тогда, послѣ кончины благодѣтельницы моей Анфисы Ниловны, царство ей небесное и вѣчная память. Вотъ не оставляла, родная, своими богатыми милостями.

Петръ Авдѣичъ. Теперь какъ будто... пфф... припоминаю, старушенька.

(*Стучатся въ окно.*)

Стеша. Кто это тамъ стучитъ?

Петровна (*глядя въ окно*). Иди, матушка, иди! милости просимъ. (*Къ гостямъ.*) Клементьевна пожаловала.

Сидоровна. Давненько-таки не видалась я съ ней... Вотъ у Симаковой у капитанши только встрѣтилась какъ-то — носила она туды лисій салопъ продавать... Такой-то салопъ богатѣющій!

(*Входитъ Клементьевна.*)

Петровна. Здравствуй, Татьяна Клементьевна. Насилу-то прибрела.

Клементьевна. А что, матка, запоздала развѣ? Хлопотъ-то вишь полонъ ротъ. Туды метнусь, суды метнусь, день-то, глядишь, и подъ-исходъ. Что, губы-то жалѣешь что-ли? поцалуемся. (*Цалуется съ Петровной и потомъ всѣмъ раскланивается.*) Всей честной канпаніи. Стешинька-то гдѣ же? А! здравствуй, голубка.

Стеша (*цалуясь съ Клементьевной*). Здравствуйте, Татьяна Клементьевна! Что новенькаго?

Клементьевна. Да что, голубка, новенькаго? Ничего. Свѣтъ вотъ колесомъ идетъ. Старый старится, молодой растетъ. А! и ты здѣсь, Сидоровна? Какъ это ты въ этакую погоду выползла? Али куды конь съ копытомъ, туды и ракъ съ клешней?

Сидоровна. Э-эхъ, Клементьевна, родная... Куды ужь намъ, матушка, за конемъ гнаться? Людьми, родная, живемъ, такъ не за уголъ же отъ людей прятаться... Къ благодѣтелямъ моимъ тоже заходила... Вотъ Тарарыкина-то енеральша аменинница. Ну, и съ Петровной-то, чай, не со вчерашняго хлѣбъ-соль водимъ. Для друга, матушка, и семь верстъ не околица.

Клементьевна. Вѣстимо. (*Подходитъ къ столу.*) Ахъ! и вы пожаловали, Анна Васильевна? А я только-что отъ знакомыхъ отъ вашихъ.

Анна Васильевна. Отъ кого это?

Клементьевна. А отъ Марьи Кондратьевны. Заносила прошивки вотъ показать... Продавать дала барыня одна московская. Ноньче вишь платья все такія пошли, съ прошивками. Не взяла Марья-то Кондратьевна ..

Анна Васильевна. Что она?

Клементьевна. Плачетъ, сидитъ.

Анна Васильевна. Какъ такъ? Опять развѣ...

Клементьевна. Такая-то баталія у нихъ ноньче вышла, что на-поди. Жизни, золотая, не рада была, что заглянула. Какъ куръ во щи вляпалась. Дала она этта мнѣ, Марья-то Кондратьевна, куртку продавать — матерія этакая шерстяная, да шелкомъ заткана... Названье мудреное тáкое...

Анна Васильевна. Тармалама?

Клементьевна. Бахтарма не бахтарма, а этакъ какъ то. И купилъ у меня эфту куртку Рожоновъ, Логинъ Ива-

нычъ. Я и деньги сполна отдала — хорошія далъ деньги, два цѣлковыхъ. Вотъ на мѣстѣ мнѣ провалиться, коли копейкой попользовалась. Да и то сказать, куртка-то болѣ не стоила... подъ мышками-то и узора не знать, все слиняло... Ноньче вотъ Марьи-то Кондратьевны мужененкъ и хватился... Гдѣ куртка?... Марья Кондратьевна туды-было, суды, да нѣтъ — вздогадался. Ну, и пошла перепалка. А и куртка-то вся — тьфу! яйца выѣденнаго не стоитъ. Ну, да вѣдь онъ, сокровище, радъ погрызться. И ко мнѣ было привязался.

Петровна. Садись, матушка, садись. Что стоишь-то? Будетъ ужь, чай — выросла. Да гостинцевъ-то бы вотъ отвѣдала.

Клементьевна (*садясь*). Что, Стешинька, пригорюнилась, голубка?... Есть, матка, женихи на бѣломъ свѣтѣ — не одинъ Иванъ Лукичъ. А провалъ его совсѣмъ возьми, коли на попятный дворъ двинулся!

(*Общее волненіе.*)

Петръ Авдѣичъ. Что-о?

Анна Васильевна. Какъ такъ?

Стеша (*быстро подходя къ Клементьевнѣ*). Съ чего это взяли?

Петровна (*разводя съ ужасомъ руками*). Что ты, матушка, пустяковину-то гнешь?

Сидоровна (*въ сильной тревогѣ*). Мамыньки светы!

Клементьевна (*качая головой*). Ахъ вы народъ, народъ! Али на васъ куриная слѣпота напала, что до сея-то поры не вздогадались?

Стеша. Чего не вздогадались?

Клементьевна. Ахъ ты, душа голубиная! Вѣдь, чай, не съ сегодня онъ отъ васъ отлыниваетъ.

Стеша. Кто?

Клементьевна. Кто-о? Извѣстно — кто.

Петровна. Да говори ты толкомъ, олаберная! Глянь

на дѣвку-то! Осовѣла дѣвка совсѣмъ. Что ты пужаешь-то понапрасну?

Сидоровна. Вотъ, родимыя мои, былъ тоже у меня, сироты, благодѣтель — Кобызовъ, Степанъ Ѳедорычъ... Этакой-то человѣкъ скромный, снисходительный... Еще въ уѣздномъ судѣ служилъ засѣдателемъ... И была одна дѣвица — души, матушки мои, въ немъ не чаяла. Ну...

Петровна (*Клементьевнѣ*). Что жь ты, и въ правду, Клементьевна, слова не скажешь, не дашь дѣвкѣ отвѣта-то? Болкнула этакую напасть, да и губы сжала. Сказывалъ тебѣ кто что-ли?

Клементьевна. А Мосевна сказывала, да и сама я видѣла.

Сидоровна. Вотъ тоже, родныя мои, тарарыкинскаго дворецкаго...

Стеша (*беретъ Клементьевну за плечо*). Что же видѣли? Что Мосевна сказывала?

Клементьевна. Ну садись! Все раскажу. Что перетревожилась-то вся?.. Ишь... ноги-то дрыгаютъ... Сядь что-ли! Эка невидаль — писаришка твой плюгавый... Найдемъ жениха и поначе!

Петръ Авдѣичъ. Что-о? Нельзя ли, старушенька, полегче?

Клементьевна. У всякого, батюшка, свои глаза; а на цвѣтъ, на любовь таварища нѣтъ... Не въ обиду вамъ будь сказано...

Стеша (*садясь около Клементьевны*). Ну, говорите что-ли?

Клементьевна. Да вотъ, можетъ, Петру Авдѣичу не любо будетъ? Онъ и то никакъ серчать изволитъ?

Петръ Авдѣичъ. Расказывай знай, расказывай? Нечего на меня-то клепать.

Клементьевна. Что жь? И раскажемъ.

Стеша. Ну!

Клементьевна. Да вотъ, мать моя, иду я ноньче къ Симачихѣ — и шла-то мимо сокуровскаго дома. Иду мимо ихняго-то дома, а Мосевна пырь мнѣ въ глаза изъ воротъ... Знаешь, чай, что она въ нянькахъ ноньче у Сокуровыхъ живетъ...

Стеша. Знаю, знаю.

Клементьевна. Ну, выбѣжала — меня въ окошко, знаешь, увидала. — «Здравствуй, говоритъ, матка!» — «Здравствуй, молъ.» — «Что, говоритъ, давно ли Петровну видѣла?» — «А не больно, говорю, давно — только-что не давеча. А что, молъ?» — «Эка бѣда-то, говоритъ, на нихъ нашла!» — «А какая, говорю, бѣда? Вотъ и ничевымъ-ничего не слыхала.» — «Пригрѣли, говоритъ, матушка, змѣя горыныча... Хлѣбъ-соль ѣлъ, въ глаза-то лебезилъ, а знать за пазухой-то камень держалъ.» Словно она меня обухомъ по лбу эфтими словами — и не разобрала-то я ничего хорошенько. — «Что ты, матка, говорю, этакую околесину несешь? Говори ты дѣломъ, а не сбрехомъ.» — «Али, говоритъ, не слыхала — писарь-то ихній другую невѣсту нашелъ.» — «Ой-ли? говорю»... и не повѣрила сперначала. — «Да ужь такъ, говоритъ; доподлинно, говоритъ, знаю. У Ивановны, говоритъ, и днюетъ и ночуетъ. Дочка-то вишь, Катька-то лупоглазая, больно полюбилась.» — Вотъ какъ!

Сидоровна. Охъ, матушки, дѣло сбыточное! Ивановнина-то тетка — знали, чай — не попусту ворожеей слыла. Чай, кореньемъ какимъ, али снадобьемъ молодца-то приворожили.

Петровна (*всплеснувъ руками*). Вотъ, Стешинька, говорила я тебѣ, горлинка моя — и часу не будетъ, говорила... Не хотѣла ты мнѣ вѣры дать... Недаромъ онъ, шальной человѣкъ, столько-то времени глазъ не кажетъ.

Стеша (*спокойно*). Ужь вотъ же и вздоръ... Кто бы другой, а ужь Катька ивановнина — безпремѣнно пустякъ.

Петръ Авдѣичъ. Конечно. Пустякъ Пустяковичъ Пустяковъ... я этого молодца знаю. Старухамъ онъ большой пріятель.

Клементьевна (*Стешѣ*). Нѣтъ, знать, голубка, не пустякъ. Одежу-то, чай, катькину знала — всегда отымалкой ходила. А ноньче, слышь, Иванъ-отъ Лукичъ подарилъ платье матерчатое... Расфрантилась этта — гулять пошла.

Сидоровна. Было, видно, дѣло такъ, матушки мои. Ужь эфто я сама, глазынькями своими видѣла.

Анна Васильевна (*тихо мужу*). Пріятная компанія, Петръ Авдѣичъ, нечего сказать! я домой пойду.

Петръ Авдѣичъ (*нахмурившись*). Что-о-съ? Иди съ Богомъ — никто не держитъ. Ахъ, Господи! фря какая — скажите пожалуста. (*Стешѣ.*) Нельзя ли еще трубицу, моя красавица?

Стеша (*вставая*). Сейчасъ, Петръ Авдѣичъ.

Петръ Авдѣичъ. Пожалуйте-ка, Стешинька, сюда — на минуточку, на два словечка.

(*Отходитъ съ Стешей въ сторону отъ старухъ.*)

Стеша. Что, Петръ Авдѣичъ?

Петръ Авдѣичъ (*тихо*). Ужь вы насчетъ Ивана-то Лукича не безпокойтесь. Этой сволочи-то не слушайте. Это все вздоръ, что онѣ тутъ толкуютъ. Вотъ посмотрите, какъ я ихъ отдѣлаю. Экіе языки-то! А и вретъ одна хуже другой.

Стеша. Ужь я и сама это вижу, Петръ Авдѣичъ. Тетенька-то вотъ только вѣритъ.

Петръ Авдѣичъ. А пускай ее вѣритъ покудова. Дайте часокъ мѣста. Я вотъ трубочку выкурю да и отправлюсь къ Ивану-то Лукичу. Онъ меня только поджидаетъ—обѣщался я зайти... Потому и сюда-то нейдетъ.

Клементьевна. Ивановна тоже — дочь-то, вишь, именинница — банкетъ ноньче заправила. Вотъ ужь эфто точно своими глазами видѣла... мимо окошекъ ихнихъ шла, такъ

заглянула... Ивановна сидитъ, Катька ея сидитъ... На столѣ самоваръ... Гости тоже собрались—Ѳедора цырульника жена, винный повѣренный, Антонъ Ѳедосѣичъ... еще тамъ кто-то... И вашъ-то Чигуновъ...

Петръ Авдѣичъ (*подходя съ закуренной трубкой*). Пфф... Чигуненко, старушенька.

Клементьевна. А все равно, родной — Чигуновъ ли, Чигуненкинъ ли... Хлѣба-соли съ нимъ не важивать.

Петръ Авдѣичъ. Почемъ, старушенька, знать... пфф... чего не знаешь?

Сидоровна. Какъ ужь, батюшка, Петръ Авдѣичъ, послѣ этакой да марали...

Петръ Авдѣичъ. Эй, не плюй, старуха, въ колодецъ! Вѣдь какъ знать — можетъ, иной разъ и гривенничекъ спонадобится... а взять-то негдѣ! Все лучше, какъ лишній человѣкъ есть про запасъ.

Сидоровна. Что и говорить, родной!... Только ужь тутъ-то — тутъ-то ужь какая надежда?... Вотъ, благодѣтели мои...

Петръ Авдѣичъ. Те-то благодѣтели! Языкъ-то вотъ у тебя дегтемъ смазанъ.

Сидоровна. Напрасно, голубчикъ мой, Петръ Авдѣичъ, обиждать меня, сироту, изволите... Можетъ, по насказамъ какимъ... Конечно, родимый... что я? человѣкъ маленькій... На меня что хошь взвалить можно. Нѣту, батюшка, защитниковъ... Была вотъ благодѣтельница — Анфиса Ниловна... Да тое ужь... Царство ей небесное... (*Всхлипываетъ.*)

Петръ Авдѣичъ. Разжалобила, старуха, разжалобила. Жаль вотъ мѣдныхъ-то у меня съ собой нѣтъ.

Анна Васильевна (*вставъ, тихо мужу*). Что это за охота тебѣ, Петръ Авдѣичъ?.. Вотъ связался.

Петръ Авдѣичъ. Оставь, не твое дѣло. (*Стешѣ.*)

Хорошо, Стешинька?... Погодите маленечко — я ихъ еще не такъ раскассирую.

Петровна (*стоявшая все время въ задумчивости и покачивавшая изрѣдка головой*). Куды это вы, матушка Анна Васильевна? Никакъ домой ужь собрались?

Анна Васильевна. Да; голова у меня что-то болитъ.

Петровна. Чайку бы вотъ, матушка, откушали. Бѣда-то у насъ этакая случилась. Ужь вы извините великодушно.

Анна Васильевна. Нѣтъ, право не могу: мнѣ очень нездоровится.

Петръ Авдѣичъ (*разсерженный*). Оставь ее, старушенька! Пусть идетъ. Дѣти малыя—плачутъ. Ступай, матушка Анна Васильевна, ступай; спой имъ тамъ: «А я, коза, въ бору была!» Мы вѣдь, старушенька, чепчикъ носимъ... Въ иной компаніи и зазорно. (*Аннѣ Васильевнѣ.*) Вонъ пошла!

Анна Васильевна (*прерывающимся голосомъ*). Что ты... Петръ Авдѣичъ?... Съ ума... что-ли... сошелъ?

Петръ Авдѣичъ. Я, старухи, съ вами побалагурю.

(*Анна Васильевна, до нельзя разсерженная, киваетъ Петровнѣ головой и быстро уходитъ.*)

Петровна. Что это вы, батюшка Петръ Авдѣичъ, такъ разсердиться изволили?.. Извѣстно — можетъ, въ нашей канпаніи и скучно Аннѣ Васильевнѣ... не такъ воспитана...

Петръ Авдѣичъ. То-то и есть, не такъ воспитана — мало, видно, сѣкли, какъ молода-то была... Съ дуру-то носъ кверху и деретъ. Ну, да что это? Все пустяки. Мнѣ вотъ, Петровна, тоже надо пойти...

Петровна. Куды же это, Петръ Авдѣичъ?... Посидѣли бы...

Петръ Авдѣичъ. Я какъ-разъ ворочусь — неподалеку надо. Вы, смотрите, безъ меня чаю не извольте пить... Я мигомъ...

Петровна. Подождемъ, батюшка, подождемъ. Какъ этакого гостя да не подождать?

Петръ Авдѣичъ. Ну, до свиданья, старухи! (*Тихо Стешѣ.*) Не робѣйте, Стешинька! (*Уходитъ.*)

Клементьевна. Экой, матушки, сахаръ медовичъ! Какъ онъ сердешную Анну-то Васильевну припугнулъ!

Петровна (*садясь къ столу*). Охъ, ужь и горда-таки вѣдь она.

Сидоровна. Да и онъ-то, родимыя мои, кажись, суровый такой человѣкъ. Ужь чего я, сирота—что съ меня, сироты, взять? Ни за что облаялъ.

Петровна. А я все, матушки, опомниться отъ бѣды-то нашей не могу. Этакая-то напасть! Господи!... И человѣкъ былъ хорошій, кроткій такой... Мы тоже, кажись, ничѣмъ ему не согрубили... Этакая-то проруха! Не кручинься, Стешинька, голубушка. И почище жениха сыщемъ.

Клементьевна. Ужь конечно не эфтому будетъ чета—просто въ носъ бросится!

Сидоровна. Охъ, мужчины этакіе-то всѣ фальшивые... Вотъ, родимыя мои, слыхали, чай, про мою сестрицу про Ѳенюшку? Тоже, матушки...

Клементьевна. А что такое? Впервой слышу.

Сидоровна. Какъ же, Клементьевна, какъ же, родная! Жили мы тогда въ Питерѣ послѣ матушкиной кончины. Ужь столько-то эфтому годовъ, что все-то словно во снѣ видѣла. Ай-ай молоденькія были тогда. . Мнѣ-то годочковъ никакъ пятнадцать было, а Ѳенюшкѣ-то моей покойницѣ двадцатый видно шелъ. Жила она, родимыя мои, у мадами у одной въ магазеѣ, у французины—и была что ни есть первая работница; а меня-то матушка, еще какъ вживѣ была, къ перчаточнику отдала—дѣла-то я не дѣлала, а только, бывало, полъ метешь, да посуду моешь... Такъ и не выучилась, родимыя, шить—скоро больно отошла-то отъ эфтого магазейщика... Ну,

такъ вотъ, матушки мои, жила Ѳенюшка у мадами—и шила, и кроила... И держали они ее словно родную — съ ними и обѣдала, и кофей пила, одна изо всѣхъ изъ мастерицъ... А и было мастерицъ не мало—болѣ двѣнадцати. Такая-то была, покойница, красавица—а ужь доброта какая, такъ и сказать нельзя. Лицо было бѣлое да свѣжее... Какъ умоется, родная, утромъ студеной водицей, такъ весь день румянецъ въ щекахъ горитъ. Глаза были каріе съ поволокой, а рѣсницы длинныя-длинныя, да словно золотыя. Бывало, какъ солнышко, такъ и отливаются золотомъ. А ужь коса, родныя мои—этакой косы и не видывала... Только-что не до пятъ.. Волосы-то мягкіе-размягкіе, что твой шелкъ шемаханскій — и русые, свѣтлые такіе русые... И носила она ихъ сзади-то подъ гребенку, а спереди кольчиками этакими да кудерками. Одежа всегда была отмѣнная — извѣстно, сама что ни главная швея въ магазеѣ. Сама-то мадама звала ее все Фаней—по нашему-то, вишь, Ѳеня, а по ихнему, по французскому, Фаня... Да и не скажетъ, бывало, просто: Фаня, а все: мамзель Фаня. Такъ ужь ее и мастерицы всѣ звали. Ну и по французскому она наторѣла—такъ-то бойко, матушки, говорила, что всякой все думаетъ, бывало — французинна тоже... Извѣстно, съ малыихъ лѣтъ все по французамъ жила. Вотъ ужь и не припомнить мнѣ теперича, какъ самое-то мадаму звали — мудрено больно. Только хаживалъ къ ней одинъ тальянецъ — молодой такой да красивый... сродственникъ что ли... И обѣдывалъ часто, и въ кентру вмѣстѣ ѣздили — Ѳенюшка тоже съ ними. Сама-то хозяйка немолода ужь была, да и изъ себя-то не красива... Ну, тальянецъ-то эфтотъ все, бывало, около Ѳени... И молодецъ же былъ!... усъ черный, брови черные.. и ростомъ взялъ. И полюбилась ему, родимыя, Ѳенюшка. Придетъ къ мадамѣ, а самъ больше все и сидитъ и говоритъ съ Ѳенюшкой. Дѣвка-то молодая, видная—какъ есть, матушки мои, парочка. Полюбился и онъ Ѳенюшкѣ. Подарки раз-

ные ей возилъ—виноградомъ тоже, канфетами, бывало, лакомитъ. Прошло эфтому видно съ полгода, какъ познакомились-то они. Ну, и мадама сама видѣла—добрѣющая такая женщина была, даромъ-что французина... Видитъ: что же? Человѣкъ онъ хорошій, степенный, Ѳенюшка дѣвушка тоже скромница. Какъ есть, женихъ да невѣста.

Клементьевна. А что, богатъ былъ?

Сидоровна. А какъ же, родимая!... Лавка своя тоже была — не знаю ужь теперича, чѣмъ онъ торговалъ-то. Ну, вотъ ходилъ онъ такъ-то кажный почитай день—и порѣшили они съ Ѳенюшкой въ первый же мясоѣдъ свадебку сыграть. Охъ ужь не мнѣ бы, сиротѣ, эфто горе-то, что приключилось съ нею, голубкой моей, расказывать!... Своего-то горя... (*Прослезилась.*) Своего-то горя не высказать.

Петровна. Ну, матушка, что жь онъ?

Сидоровна. Да что, родная? Такъ и порѣшили, что женихъ да невѣста. Только и говоритъ Ѳенюшкѣ тальянецъ-то — какъ имя-то ему было, не упомню — говоритъ онъ ей: «Будетъ тебѣ, Фаня, въ чужомъ домѣ жить, чужую хлѣбъ-соль есть. Придетъ, говоритъ, вотъ мясоѣдъ, и свадьбу какъ слѣдуетъ отпраздпуемъ.» Нанялъ ей фатеру — переѣхала она. И ужь любила же его! День иной не заѣдетъ онъ — съ тоски пропадаетъ, голубушка, да и только. Пришелъ вотъ мясоѣдъ; стала она, сердешная, жениха спрашивать: когда молъ свадьба? «Скоро, говоритъ, скоро. Дѣла, вишь, у меня теперь важныя; вотъ какъ дѣла-то покончу.» Идетъ недѣля за недѣлей, а дѣламъ все конца нѣту. Стала его Ѳенюшка просить да молить. Онъ-то все—добрый былъ съ виду такой—ее, бѣдняжечку, утѣшаетъ; всплакнетъ иио время, голубушка—а потомъ и успокоится... «Что, говоритъ, я за дура такая! Объ чемъ плачу-то? Развѣ не любитъ онъ меня что-ли?» И любилъ, родимыя, вотъ какъ любилъ... сама его любовь видѣла. Да ужь видно Ѳенюшкѣ на роду была написана горь-

кая долюшка. Отвели должно-быть недобрые люди. Вотъ какъ вспомню только... такъ вотъ... слезыньки... удержать не могу... (*Всхлипываетъ.*)

Петровна (*обтирая глаза*). Ну, матушка, ну!

Сидоровна. И болѣе году никакъ прошло этакъ-то. Все говоритъ: скоро да скоро; а все ничего не видать. Вотъ и было дѣло подъ осень... Какъ теперь вижу, денечекъ выдался такой-то свѣтлый, солнышко ясное — только холодно маленько. Какъ встала Ѳенюшка съ постели, и говоритъ: «Какой я сонъ дурной видѣла! Не къ добру, знать, эфтотъ сонъ.» Я было спрашивать: какой сонъ? Только и говоритъ, что дурной да дурной, а и не сказала такъ, какой. Сѣла, голубушка, кофей пить. Хлѣбнула разокъ-другой. «Не могу, говоритъ, тошно!» Глянула на меня, да какъ заплачетъ вдругъ — навзрыдъ, навзрыдъ. Вся-то душа у меня перевернулась. Бросилась я къ ней на шею, стала ее уговаривать. А она-то плачетъ, горько такъ, горько плачетъ, и все только говоритъ: «Охъ, ноетъ мое сердечушко. Словно змѣя грудь сосетъ.» Такъ-то и все утро проходила тоскливая да блѣдная словно полотно... Ходитъ, ходитъ—да вдругъ какъ вздохнетъ!.. А то вдругъ слезыньки изъ глазъ — одна за одной, одна за одной. Гляжу я на нее—сама съ тоски пропадаю, а помочь нечѣмъ. Вотъ, послѣ обѣда — за обѣдомъ-то, голубушка, и не пригубила она ничего — стала вдругъ снаряжаться... Что ни лучшее платье надѣла; волосы расчесала гладко-на-гладко, а на лобъ кудерки пустила; серьги вздѣла въ уши бралiянтовыя. Я все смотрю—слова сказать не смѣю... Куды эфто, думаю, собирается? Одѣлась какъ слѣдуетъ — и все то, походитъ-походитъ по комнатѣ, да къ зеркалу — въ зеркало на себя смотритъ.. А зеркало было большущее — съ головы до ногъ всю тебя видно. «Что, спрашиваетъ меня, али я дурна, Ариша?» — «Какъ есть, говорю, сестрица, красавица.» Она-то усмѣхнулась—только усмѣхнулась-то, словно заплакать

хотѣла... Да потомъ и ни словечушка не проронила.—Около вечерень этакъ, видно, позвонили у дверей... Въ Питерѣ-то, родныя, у всѣхъ дверей звонки подѣланы... Какъ всполохнется Ѳенюшка вся—подбѣжала къ зеркалу, потомъ меня за руку схватила. «Что, говоритъ, Ариша, красные у меня глаза?»—«Нѣтъ», говорю.—Побѣжала я отворять... Тальянецъ-то пріѣхалъ. Смотрю—весь завитой, перчатки бѣлыя, жилетка бѣлая, платокъ на шеѣ бѣлый... Самъ во фракѣ, духами надушился... Ѳенюшка на встрѣчу къ нему бросилась, да вдругъ и остановилась — глядитъ на него. «Куды ты, говоритъ, собрался?» — «Въ гости, говоритъ онъ, ѣду — на балъ звали.» Вошелъ въ гостиную — на диванъ сѣлъ. «Садись, говоритъ, Фаня, рядкомъ.» А я все изъ дверей гляжу. Сѣла Ѳенюшка. Сидятъ оба да молчатъ. Онъ-то посидитъ, посидитъ, да часы выметъ—посмотритъ. И стала вдругъ его Ѳенюшка просить, чтобы не ѣздилъ — у нея бы остался. «Нельзя, говоритъ, обѣщался.» А самъ опять за часы. «Пора, говоритъ, никакъ?» И всталъ. Какъ бросится къ нему Ѳеня. «Куды, говоритъ, пора? Рано! Только-что вечерни были.» А онъ-то ей: нужно, вишь, къ пріятелю заѣхать. Положила ему Ѳенюшка руку на плечо. «Не ѣзди, говоритъ, душа ты моя.» А у самой голосъ рвется... «Не ѣзди, коли меня любишь!» А онъ все свое; нельзя да нельзя. Подошелъ къ зеркалу, сталъ платокъ у себя на шеѣ перевязывать — узелъ-то, вишь, распустился. Вязалъ онъ его, вязалъ—не можетъ: руки дрожмя дрожатъ. «Постой, говоритъ ему Ѳеня, я тебѣ завяжу.» Стала завязывать... И у самой-то рученьки дрожатъ. Какъ завязывала она, а онъ наклонился, да въ лобъ ее, голубушку, и цалуетъ. «Прощай, говоритъ, Фаня!» Какъ сказалъ онъ эфто слово, словно кто Ѳенюшку подъ ноги подшибъ—пала она, горлица моя, на колѣни, да какъ зарыдаетъ. Схватила его за одежу, руки ему цалуетъ—слезами своими поливаетъ. Только и лепечетъ, сердешная: останься, да не ѣзди! Онъ-то ее под-

нялъ, началъ утѣшать... А самъ все: нельзя да нельзя. «Пріѣду, говоритъ, сегодня же пріѣду.» Словно снопъ она, матушки мои, на диванъ покатилась. Какъ почала вопить, какъ почала... Сердце у меня все разорвалось. И у него-то, знать, не совсѣмъ каменное сердце было — прослезился ни какъ тоже. Только взглянулъ опять на часы, да за шляпу схватился и вонъ — такъ-то скоро. Ѳенюшка и не видала — закрымши лицо, плакала...

Петровна. Ахъ, сердешная моя!..

Сидоровна. Только-что уѣхалъ онъ, родныя мои, Ѳенюшка и опамятовалась. Выпила воды холодной. «Охъ, душно! говоритъ: охъ, грудь давитъ!» Позвала меня. «Ариша, говоритъ, поѣдемъ кататься.» И послала за коляской. Пріѣхала коляска. Ѳенюшка шляпку надѣла. Поѣхали мы. Ѣдетъ она — и все-то головой то въ ту, то въ другую сторону... «Охъ, говоритъ, жарко.» И салопъ распахнула. А на дворѣ такъ-то было студено. Ѣдемъ мы... Я все — дѣвчонка еще была, какъ есть дѣвчонка глупая — по бокамъ глазѣю. «Гляди-ка, говорю, сестрица! Свадьба никакъ?» Какъ схватитъ она меня, голубушка, за руку. «Гдѣ? спрашиваетъ, гдѣ?» А рука-то холодная — вотъ какъ ледъ. «А вонъ!» говорю. Она къ кучеру. «Подъѣзжай!» говоритъ. И подъѣхали. Охъ... и говорить-то тяжко... Лучше бы мнѣ не видать этой напасти.

Клементьевна. Что же, матка, что же?

Сидоровна. Вышли мы изъ коляски, да на крыльцо. И трехъ ступенекъ, видно, не сдѣлали, какъ выходятъ изъ церкви молодые. И свѣта я, родныя, не взвидѣла. Онъ-то и есть — тальянецъ. Взвизнула моя Ѳенюшка — и грянулась наземь... да вискомъ объ камень... И удержать-то я, дура, не смогла. О-охъ! горе, матушки, великое!.. Легче бы... легче бы... и не поминать мнѣ... эфто горе. (*Плачетъ.*)

Клементьевна. Экая, матка, оказія!

Петровна. Понадѣйся вотъ послѣ эфтого на человѣка!

Клементьевна (*Стешѣ*). Слышала, голубка?

Стеша. Слышала.

Клементьевна. Вотъ и твой-то Чигуновъ такой же, видно, измѣнщикъ.

(*При этихъ словахъ входятъ Петръ Авдѣичъ и Чугуненко.*)

Петръ Авдѣичъ. Что-о? Кто измѣнщикъ?

Клементьевна. Про человѣка про одного говоримъ.

Петръ Авдѣичъ. Знаемъ, что не про борова. — Нука, Иванъ Лукичъ, раскажи намъ, братецъ: какъ ты ивановнину Катьку помолвилъ? какое платье ей подарилъ?

Чигуненко. А вотъ спервачала поздороваемся. Здравствуйте, тетенька! Оболгали меня злые языки. (*Обнимаетъ Петровну.*)

Петровна (*въ восторгѣ*). И не вѣрила, мой батюшка, видитъ Богъ — насказамъ не вѣрила.

Сидоровна. Я, голубчикъ мой, Иванъ Лукичъ, тоже говорила...

Петръ Авдѣичъ (*топая ногой*). Ммолчать!

Чигуненко. Я, тетенька, только-что изъ депа: по случаю накопленія дѣлъ безвыходно можно-сказать въ депѣ находился. А вотъ примите-ка гостинчикъ: ситчику на платье да башмачки козловые... Утрось-то не проздравилъ васъ. (*Стешѣ.*) А вотъ и тебѣ, Стешинька, не побрезгуй... марселинчику въ рядахъ взялъ... (*Цалуетъ Стешу.*)

Петровна. Спасибо тебѣ, мой голубчикъ, спасибо.

Клементьевна. Не даромъ я...

Стеша (*Чигуненкѣ*). Ужь знала я, что не попусту ты пропадаешь.

Клементьевна. Не даромъ я мосевнинымъ слозамъ вѣры не давала.

Петръ Авдѣичъ. Ммолчать!

Клементьевна. Что жь я...

Петръ Авдѣичъ. Сказано, молчать! (*Выходя на средину.*) Садитесь всѣ. Иванъ Лукичъ, садись! Съ невѣстой, братъ, рядкомъ, рядкомъ!

(*Стеша и Чигуненко садятся.*)

Петровна. Самоварчикъ бы, чай, пора, Петръ Авдѣичъ?

Петръ Авдѣичъ. Погоди маленько, старушенька! Я самъ скажу, когда пора. (*Клементьевнѣ.*) Какъ же это было, соколена? раскажи... Какъ ты мимо-то ивановиныхъ окошекъ шла?... Что ты тамъ видѣла?

Клементьевна. Что жь такое? И покажется иной разъ...

Петръ Авдѣичъ. То-то покажется! А я вотъ дверь тебѣ покажу... Дверь-то видала? Ахъ вы, сплетницы, чтобы на васъ икота напала!

Клементьевна (*вставая*). Да что это ты лаяться-то вздумалъ?.. Не Анна Васильевна тебѣ далась. Вишь боецъ какой! И почище вашего брата, да никто не лаялъ.

Петръ Авдѣичъ. Можно гнать, Петровна?

Петровна (*качая головой*). Вотъ ужь и не ждала, Клементьевна, чтобы у тебя да этакой черный ротъ...

Клементьевна. У самое-то не бѣлѣе. Вишь, расхоро хорились!

Петръ Авдѣичъ. Эй, погоню, старуха.

Клементьевна. Нечего гнать-то, сама уйду.

Сидоровна (*дрожа, про себя*). Мамыньки, уйти-было и мнѣ.

Клементьевна (*идя къ двери и безпрестанно оборачиваясь*). — Тьфу... Плевать мнѣ на вашу бесѣду... Вишь, воинъ какой выискался — Ѳедотъ нерубленый хвостъ!

Петръ Авдѣичъ (*бросаясь съ сердцемъ за Клементьевной*). — Ахъ ты, шушера!

(*Всѣ встаютъ. Клементьевна выбѣгаетъ, хлопнувъ дверью. Пользуясь минутой, когда Петръ Авдѣичъ воз-*

вращается къ столу, обтирая съ лица потъ, Сидоровна ускользаетъ.)

Чигуненко. Лихо, Петръ Авдѣичъ, лихо!

Петръ Авдѣичъ. А гдѣ же другая-то ворона?

Петровна. А ушла, батюшка. Перепужалась больно.

Петръ Авдѣичъ. Эхма! Что же ты, старушенька, не пріостановила?

Петровна. Богъ ужь съ ней, батюшка. И такъ у нея, чай, языкъ со страху-то отнялся.

Петръ Авдѣичъ. Ну нечего дѣлать! А все бы не мѣшало и ее маленечко погонять. — Ну, Петровна, пой насъ чаемъ теперь.

Петровна. Сейчасъ, голубчикъ, сейчасъ. Пойду самоваръ ставить. (*Уходитъ.*)

Петръ Авдѣичъ. Полноте вы, голуби, амурничать-то! Успѣете нацаловаться. — Что, каково обработалъ я старухъ-то? а!... душѣ любо!.. Побренькай-ка лучше на гитарѣ, Иванъ Лукичъ.

Стеша. Ахъ, и въ самомъ дѣлѣ!

Чигуненко. Съ моимъ удовольствіемъ. Гдѣ же гитара-то?

Стеша (*подавая гитару*). Вотъ.

Чигуненко (*настраивая*). Эхъ, басокъ-то сплоховалъ.

(*Дверь пріотворяется.*)

Петръ Авдѣичъ. Кто это тамъ еще?

Стеша (*всматриваясь*). Ахъ, Мосевна пришла.

Петръ Авдѣичъ. Это нянька-то сокуровская?

Стеша. Да.

(*Входитъ Мосевна.*)

Мосевна. Здравствуй, Стешинька. А Петровнушка гдѣ?

Петръ Авдѣичъ (*подходя къ Мосевнѣ*). Вотъ я тебѣ покажу, гдѣ Петровнушка! Вонъ пошла, да ни ногой

сюда — слышишь?.. Ступай къ товаркамъ своимъ къ Клементьевнѣ да къ Сидоровнѣ. Вонъ!

Мосевна (*всплеснувъ руками*). Батюшки, полоумный! глазищи-то соловые совсѣмъ. (*Бѣжитъ вонъ.*)

Петръ Авдѣичъ. Подобрала шпанготы-то! Знаетъ, небось, кошка, чье мясо съѣла. — Ну Иванъ Лукичъ, играй, братъ, вѣдь настроилъ ужь!

Чигуненко. А вотъ сейчасъ. (*Садится, беретъ два-три акорда на гитарѣ и поетъ нѣсколько въ носъ.*)

Спѣш-ши, дрруж-жо-чикъ мил-лай,
Спѣш-ши издал-лека!
Въ чуж-жой...

Эхъ, колокъ-то, варваръ, ослабъ!

(*Входитъ Петровна съ чайнымъ приборомъ.*)

Стеша. Мосевна приходила.

Петровна. Гдѣ же она?

Петръ Авдѣичъ. Драла дала. Я ей подпустилъ-таки фефферу.

Петровна. И Богъ съ ними совсѣмъ! этакія-то, право, сплетницы. Жаль вотъ только, вечеринка-то у меня не удалась.

Стеша. Нашли о чемъ жалѣть! Въ первый разъ вамъ ссориться-то что-ли? Этта вотъ у Сидоровны тоже чуть не передрались всѣ...

Петръ Авдѣичъ. А мы и безъ нихъ такой банкетъ справимъ, что любо-дорого. Что жь ты пріостановился, Иванъ Лукичъ? Затягивай пѣсню-то. А тамъ и шпунтикомъ запьемъ. Стешинька подсластитъ, коли горько покажется. Шпунтикъ-то будетъ, старушенька?

Петровна. Будетъ, батюшка, будетъ. Какъ же!

Петръ Авдѣичъ. Ну, уладилъ что-ли гитару-то, Иванъ Лукичъ? Затягивай!

Чигуненко. Уладилъ. (*Играетъ и поетъ.*)

Спѣш-ши, друж-жо-чикъ мил-лай!
Спѣш-ши издал-лека!
Въ чуж-жой стран-нѣ ун-ныл-лай
Обрра-до-вать дружка!

Петръ Авдѣичъ. Лих-хо! лих-хо!

СКРИПАЧЪ.

Лѣтъ двадцать тому назадъ, въ мирномъ городкѣ Б. (не знаю, каковъ-то онъ теперь: судьба давно сорвала меня съ его благословенной почвы и унесла вдаль) не существовало, я думаю, ни одного обывателя, которому не былъ бы извѣстенъ хоть по имени Трофимъ Смекаловъ.

Это впрочемъ и не удивительно: всѣ жители были тамъ на перечетъ; да и городокъ-то весь лежалъ какъ на ладони: въ какую улицу ни заверни — поле видно.

Справедливо говоритъ Карамзинъ, что и «Лапландецъ, рожденный почти въ гробѣ природы, несмотря на то любитъ хладный мракъ земли своей». Спросили бы вы любаго изъ старожиловъ городка Б., доволенъ ли онъ мѣстомъ своего жительства... Каждый навѣрное отвѣтилъ бы вамъ, что нѣтъ на всей поверхности земнаго шара болѣе пріютнаго, болѣе привольнаго уголка.

И не правъ ли былъ бы онъ съ своей точки зрѣнія?

Дальше пятидесяти, много ста верстъ за чертой города не бывала его ветшающая въ сараѣ бричка, а слѣдовательно не бывалъ и онъ самъ; то, что видѣлъ онъ за пятьдесятъ и за сто верстъ отъ своей родины, не могло затмить въ его глазахъ достоинствъ ея, и возвращался онъ домой съ радостнымъ біеніемъ сердца. Здѣсь онъ выросъ, здѣсь можетъ-статься былъ впервые влюбленъ, здѣсь женился, здѣсь родились его дѣти, которымъ (какъ знать!) придется можетъ-быть повторить тихую жизнь отца съ немногими измѣненіями.

Каждый зналъ здѣсь каждаго, каждый принималъ участіе въ каждомъ. Разумѣется, не все то, что зналъ одинъ про

другаго, дѣлало этому другому честь, такъ же, какъ не всякое участіе и здѣсь отличалось безкорыстіемъ; но — гдѣ же нѣтъ темныхъ сторонъ?

А какъ умѣли веселиться въ городкѣ Б.! Я готовъ дать руку на отсѣченіе, что на столичномъ балѣ, при ослѣпительномъ сіяніи тысячи свѣчъ, подъ очаровательные звуки многочисленнаго оркестра, никто не танцовалъ съ такой безпечной веселостью, какъ танцовали, при скудномъ свѣтѣ десятка сальныхъ свѣчъ, подъ визгливое пѣнье единственной скрипки, наши семь дамъ и три съ половиной кавалера. За половину я считаю сына засѣдателя Шестипалова — Ванюшу, тогда еще малолѣтняго: теперь онъ и самъ, пожалуй, засѣдателемъ.

Виртуозъ, напиливавшій на скрипкѣ кадрили и вальсы, матрадуры и экосезы, былъ Трофимъ Смекаловъ, къ которому пора возвратиться послѣ объяснительнаго вступленія.

Часто, глядя на сухопарую, сутуловатую фигуру этого скрипача, одѣтую въ синій нанковый кафтанчикъ съ коротенькимъ лифомъ, на его худое лицо, усердно потѣющее надъ темной декой скрипки, на его костлявые пальцы, такъ ловко перебѣгающіе по грифу, часто думалъ я:

«Какую важную роль опредѣлила тебѣ судьба, Трофимъ Смекаловъ, помѣстивъ тебя въ городкѣ Б.! Кто придалъ бы безъ тебя столько живости и веселости этой молодежи?.. Взгляни на свѣтлыя лица барышень и юношей, порхающихъ подъ звуки, извлекаемые тобой изъ вѣрнаго инструмента, и прочитай на этихъ свѣтлыхъ лицахъ безсознательную благодарность тебѣ! Вотъ лучшая награда твоей старательности!»

Но Трофимъ не поднималъ глазъ на танцующихъ, и все старательнѣй и старательнѣй пилилъ свою скрипку: казалось, подбородокъ его продавитъ деку, смычокъ перерѣжетъ струны. Даже въ краткіе промежутки, когда барышни, сдѣлавъ книксены своимъ кавалерамъ (у кого былъ конечно кавалеръ),

обмахивались носовыми платочками и спѣшили выпить по стакану холодной воды, а кавалеры удалялись въ сосѣднюю комнату затянуться трубочкой, даже въ эти промежутки скрипачъ не обращалъ никакого вниманія на то, что происходило вокругъ него.

Снявъ нагаръ со свѣчи, Трофимъ бралъ съ пюпитра клѣтчатый бумажный платокъ и вытиралъ имъ сначала задокъ скрипки, потомъ лицо свое, начиная съ морщинистаго лба, сливавшагося съ желтоватой лысинкой, и кончая острымъ подбородкомъ.

Послѣ этого скрипка снова ущемлялась между высокимъ и жесткимъ галстукомъ и бородой музыканта, и онъ, сверкнувъ на мгновенье своими маленькими глазками, которые тотчасъ же скрывались опять подъ сѣнь темныхъ вѣкъ, говорилъ отрывисто, тоненькимъ голоскомъ, тому, кто стоялъ или сидѣлъ ближе всѣхъ къ нему:

— Что теперича?

— Матрадуру!

Трофимъ вытягивалъ кверху руку со смычкомъ, чтобъ освободить кисть ея отъ обшлага, потомъ бралъ три приличные тону пьесы акорда — и скромная зала оглашалась игривыми звуками матрадуры, веселаго танца, уже исчезшаго въ безднѣ всепоглощающаго времени, какъ впрочемъ исчезаетъ въ ней и все земное — будь это веселый танецъ или горькая слеза.

Часто думалъ я также:

«Человѣкъ смертенъ... Что будутъ дѣлать всѣ эти ноги, такъ бойко вырабатывающія разныя мудреныя па, когда и тебѣ, Трофимъ Смекаловъ, придетъ чередъ покинуть сей бренный міръ? Кто будетъ наигрывать этимъ семи дамамъ и тремъ съ половиной кавалерамъ кадрили, вальсы и прочее, когда осиротѣетъ твоя скрипка? Кто замѣнитъ тебя для городка Б.?»

Боже мой! думая эту печальную думу, я все-таки не воображалъ, что близка пора, когда городокъ Б. утратитъ Трофима Смекалова. Но даже и не могъ я вообразить, что послѣднее время жизни этого тихаго и спокойнаго виртуоза будетъ жертвою неожиданныхъ треволненій, которыя ускорятъ его кончину.

Отецъ Трофима, нѣкогда крѣпостной человѣкъ одного изъ б—скихъ помѣщиковъ, былъ тоже скрипачъ не послѣдняго разбора.

Владѣлецъ его, питая въ душѣ своей благородную страсть къ музыкѣ, возымѣлъ когда-то намѣреніе составить изъ своихъ людей небольшой оркестръ, и поэтому отправилъ въ Москву, на выучку, трехъ дворовыхъ мальчишекъ, въ которыхъ открылъ какимъ-то образомъ музыкальныя способности. Изъ числа этихъ трехъ отроковъ только въ одномъ Матюшкѣ можно было подозрѣвать нѣчто подобное: онъ былъ постоянно вооруженъ какимъ-нибудь музыкальнымъ инструментомъ — или мѣднымъ варганомъ, или глиняной пикулькой, имѣющею отдаленное сходство съ уткой, или дудочкой, вырѣзанною изъ тростника. И точно, только одинъ Матюшка, вернувшійся домой рослымъ Матвѣемъ, оправдалъ господскія надежды; два товарища его, при самомъ началѣ своего артистическаго образованія, отбились отъ рукъ и были, какъ совершенно безнадежные дуботолки, возвращены въ лоно барскаго двора.

Пріѣздъ Матвѣя въ городокъ Б. былъ несказанно пріятнымъ событіемъ для всѣхъ охотниковъ потанцовать, потому-что до той поры только въ одномъ домѣ, именно у нѣкоего Карпа Андреича, можно было отплясать кадрильку или экосезецъ подъ звуки разбитыхъ клавикордъ. Это былъ тогда единственный музыкальный инструментъ въ городѣ, какъ единственною музыкантшей была сестрица Карпа Андреича, старая дѣва, которая никогда не прилагала своихъ тощихъ перстовъ къ помянутымъ клавикордамъ, не поломавшись по

крайней мѣрѣ съ полчаса. Къ тому жь она играла только двѣ пьесы: экосезъ, очень смахивавшій на пѣсенку: «Чижикъ, чижикъ, гдѣ ты былъ?» и какой-то монотонный вальсъ. Приходилось танцовать и кадрили и матрадуры подъ звуки «Чижика».

И такъ вы поймете, добрый читатель, радость всей б—ской молодежи при вѣсти о прибытіи изъ Москвы искуснаго скрипача.

Отправляя трехъ мальчишекъ въ ученье, владѣтель ихъ имѣлъ въ виду не столько собственное удовольствіе, сколько удовольствіе общества, въ которомъ онъ былъ однимъ изъ главныхъ членовъ; поэтому, возвратясь на родину, Матвѣй поступилъ такъ-сказать въ общее владѣніе.

Не проходило и недѣли, чтобъ Матвѣй не являлся къ барину своему со словами:

— Позвольте, сударь, отлучиться на нонешній вечеръ: звали на скрипкѣ играть.

— Кто?

Матвѣй отвѣчалъ, кто, и обыкновенно прибавлялъ, что приказано просить и «ихъ милость» — чаю откушать.

— Иди, братецъ, иди! говорилъ баринъ и, давъ Матвѣю выйти вонъ, принимался съ радостной усмѣшкой потирать руками.

На слѣдующее утро скрипачъ былъ обязанъ явиться къ своему господину съ рапортомъ о полученномъ наканунѣ вознагражденіи.

Maximum этого вознагражденія была красненькая ассигнація (за свадебные и тому подобные торжественные вечера), самая обыкновенная плата — цѣлковый, minimum — полтинникъ.

Въ первомъ и второмъ случаяхъ баринъ говорилъ обыкновенно:

— Ладно, братецъ, ладно. Копи денежку — пригодится.

— Вашей, сударь, милостью, отвѣчалъ, кланяясь, Матвѣй: — не пропадемъ.

Въ послѣднемъ случаѣ, то-есть при полученіи Матвѣемъ полтинника, баринъ замѣчалъ:

— Маловато; поскупились.

Но Матвѣй не роптал.

— Ничего, сударь, говорилъ онъ, такъ же кланяясь: — много благодарны и на этомъ.

Заботясь о благосостояніи своего музыканта, баринъ женилъ его на доброй дѣвкѣ Маланьѣ. Маланья родила Матвѣю сына Трофима, которому баринъ самъ вызвался быть крестнымъ отцомъ. При этомъ случаѣ Матвѣй, за свое искуство и за вѣрность, получилъ отпускную себѣ и своей семьѣ.

Матвѣй не чуждался чарки, но испивалъ очень умѣренно и былъ хорошій семьянинъ: любилъ жену и сына, и откладывалъ для нихъ въ особую кубышку излишки своихъ маленькихъ доходовъ. По смерти барина своего и благодѣтеля, онъ обзавелся и домкомъ: пріобрѣлъ на краю города, у самой заставы, избушку о трехъ окошкахъ, и поселился тамъ.

Маланья (на новомъ мѣстѣ стали, какъ и слѣдовало, звать ее Маланьей Петровной или, еще почтительнѣе, просто Петровной) славно устроила хозяйство: завела двухъ коровъ и цѣлый дворъ куръ, въ видахъ увеличенія мужниныхъ доходовъ.

«Пустилась баба въ торговлю,» говорилъ Матвѣй. «Ничего, дѣло доброе!»

Не все молоко, не все масло шли въ продажу; не всѣ куры и цыплята откармливались для чужаго рта: было чѣмъ полакомиться и самимъ, и сынишкѣ. И немало уплеталъ сынишка разныхъ сдобныхъ лепешекъ да ватрушекъ, и не обходилось ни одного праздника безъ того, чтобы Троша не съѣлъ двухъ-трехъ огромныхъ кусковъ жирнаго курника съ яйцами. Тѣмъ не менѣе мальчуганъ не походилъ на хорошо

кормленаго: ножонки тоненькія, брюха нѣтъ, въ лицѣ хоть бы кровинка. Мать приписывала эту худобу тому обстоятельству, что Трофимъ, когда ему еще и полугода не минуло, брякнулся однажды изъ колыбели на полъ — да такъ, что не пикнулъ и не дышалъ съ полсутки.

Несмотря однако на этотъ ушибъ, Трофимъ былъ полнымъ наслѣдникомъ музыкальныхъ способностей отца. Только-что началъ онъ ходить, какъ уже вооружался двумя палочками, одну упиралъ себѣ въ плечо словно скрипку, а другою водилъ по ней какъ смычкомъ, и при этомъ мычалъ и мурлыкалъ, подражая звукамъ скрипки. Когда же Матвѣй брался за свой инструментъ, мальчикъ, вытянувъ худенькую шею и поднявъ на отца внимательные глаза, казалось, не проронялъ ни одной нотки, и ничѣмъ не отвлекли бы вы его въ это время изъ комнаты — даже бѣлымъ пряникомъ, имѣющимъ видъ коня съ золотой гривой или пѣтуха съ золотымъ гребешкомъ.

— Тата! просилъ онъ часто отца: — дай мнѣ склипку! я поигляю.

— Погоди, братъ, погоди! отвѣчалъ Матвѣй, гладя ребенка по головѣ: — вотъ выростешь, тогда и будешь играть. Самъ учить стану.

— Дай тепель!

— Теперь на палочкѣ играй: гдѣ еще тебѣ на скрипкѣ играть? Вонъ ручонки-то какія! этакую махину и не сдержишь.

Матвѣю очень желалось пріобрѣсть для сына дѣтскую скрипку, но такой не нашлось въ городкѣ, и потому, когда Трофиму минуло семь лѣтъ отъ роду, отецъ принялся учить его играть на своей скрипкѣ, на большой. Мальчикъ оказывалъ, по словамъ Матвѣя, большое понятіе, хотя во время уроковъ приходилось учителю сажать ученика къ себѣ на

колѣни и постоянно придерживать и скрипку и смычокъ, чтобъ они не валились у него изъ рукъ.

Пятнадцати лѣтъ мальчикъ преисправно разбиралъ ноты и напиливалъ на скрипкѣ большую часть незамысловатыхъ пьесъ, составлявшихъ скудный репертуаръ Матвѣя. Маланья не могла нарадоваться успѣхамъ Трофима, а Матвѣй съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе сожалѣлъ, что нѣтъ у него для сына другой скрипки, ужь не маленькой.

— Вотъ бы мы показали себя, Трофимъ! говорилъ онъ: — я приму, а ты секунду. Какой хочешь оркестръ заткнули бы за поясъ. Ну, да погоди же!.. Будетъ и на нашей улицѣ праздникъ. Вотъ поѣдетъ Иванъ Ѳомичъ на макарьевскую ярмонку... благо, деньжонки есть у меня теперича залишнія... пускай купитъ тебѣ скрипицу.

Ивану Ѳомичу, торговавшему въ городкѣ Б. разными галантерейными вещами, не пришлось однакожь покупать на макарьевской ярмонкѣ скрипку, потому что еще до отъѣзда его отецъ Трофима внезапно умеръ.

Съ этого времени, наслѣдовавъ отъ родителя старую скрипку, къ звукамъ которой такъ привыкло б—ское общество, Трофимъ занялъ и мѣсто, которое оставалось вакантнымъ за смертью Матвѣя, мѣсто, сохраненное и Трофимомъ, подобно отцу его, до самой смерти.

Не болѣе какъ черезъ годъ танцующая молодежь городка, сначала изъявлявшая сильныя сомнѣнія въ способностяхъ новаго музыканта, стала гласно сознаваться въ своей ошибкѣ и утверждать, что Трофимъ Смекаловъ далеко превзошелъ въ дѣлѣ искуства своего отца и предшественника. И точно, никогда Матвѣю и въ голову не приходило украшать играемые имъ вальсы, матрадуры и другія пріятныя штуки такими фіоритурками, трельками и иными фигурками, какія рѣшался выдѣлывать на скрипкѣ своей Трофимъ.

Это было только началомъ, опытомъ. Впослѣдствіи Тро-

фимъ сталъ варьировать пьесы своего репертуара и наконецъ сочинять самъ. Особенно извѣстенъ былъ сочиненный имъ польскій, которымъ обыкновенно и открывались скромные, но веселые балики городка Б.

Трофимъ страстно любилъ свое искуство. Безъ скрипки едва ли было возможно для него счастье на свѣтѣ. Каждую свободную минуту посвящалъ онъ музыкѣ: или игралъ, или переписывалъ свои ноты, всякой разъ измѣняя въ нихъ что-нибудь; а свободныхъ минутъ или лучше-сказать часовъ было у него вдоволь: о домѣ, о хозяйствѣ хлопотала его мать, бодрая женщина, которая не казалась еще старухой, когда хилой сынъ ея глядѣлъ уже совершеннымъ старикомъ, которой пришлось и пережить его.

Петровнѣ крѣпко желалось понянчить внучатъ; но она никакъ не сумѣла женить Трофима.

— Вотъ у меня жена! говорилъ онъ нерѣдко, прерывая жалобы матери на его одинокое житье-бытье: — вотъ она!

И Трофимъ вытаскивалъ изъ суконнаго мѣшка свою милую скрипку.

— Э-эхъ, родной! начинала мать: — все это ладно; только все-таки...

Но тутъ обыкновенно кончалось ея возраженіе, потому-что Трофимъ упиралъ подбородокъ въ скрипку, и смычокъ его тихо скользилъ по струнѣ, запѣвая любимую пѣсню Петровны — «Лучинушку». Петровна прикладывала правую ладонь къ щекѣ, возводила на сына вдругъ подернувшіеся слезой глаза и готова была слушать хоть цѣлый вѣкъ.

Я уже сказалъ, что послѣднее время жизни нашего виртуоза было отравлено горемъ. Это горе пришло такъ неожиданно, было такъ тяжко и такъ ново для Трофима Смекалова, который, проживя на свѣтѣ сорокъ два года, зналъ жизнь только по ея свѣтлымъ сторонамъ, что трудно было не пасть подъ его бременемъ.

Однажды лѣтнимъ вечеромъ Смекаловъ, со своею скрипкой подъ мышкой, спокойно возвращался домой отъ исправника, который, по случаю собравшихся у него гостей, позвалъ скрипача сыграть этимъ гостямъ два вальса, двѣ кадрили и одинъ экосезъ.

Было еще не поздно—всего часовъ одиннадцать; вечеръ былъ удивительно хорошъ, и потому Трофимъ не торопился подъ свою кровлю. Онъ шелъ тихо; поглядывалъ на чистое небо, высоко голубѣвшее, гдѣ весело мигали звѣзды и стоялъ полный мѣсяцъ, изрѣдка серебря дружелюбнымъ сіяніемъ проносящееся подъ нимъ бѣлое волокнистое облачко; поглядывалъ и по сторонамъ, на маленькіе домики, мирно уснувшіе въ зеленой тѣни садовъ и садиковъ, вѣявшихъ на улицу ароматомъ и прохладой. Только кой-гдѣ густую сонную листву пронизывала дрожащимъ лучемъ мигающая какъ звѣздочка искра: лампада ли то теплилась передъ иконой, свѣча ли догорала у чьей постели. Воздухъ былъ свѣжъ, дыша еще влагой недавней росы; глубокая тишина только изрѣдка нарушалась какимъ-нибудь отдаленнымъ звукомъ, который казался особенно рѣзкимъ: то собака гдѣ-то тявкнула, то калитка скрипнула.

Вдругъ до ушей Трофима донеслась длинная нота, взятая на какомъ-то струнномъ инструментѣ, какъ-будто на скрипкѣ, и Трофимъ весь превратился въ слухъ. Онъ даже остановился, выжидая, что будетъ дальше, и соображая, откуда могъ взяться этотъ звукъ.

Секунды три-четыре спустя раздалась еще нота, за нею другая, третья — и Трофимъ уже не шелъ, а бѣжалъ къ краю улицы, потому-что (ясно) оттуда неслись чудные, никогда неслыханные имъ звуки какой-то чудодѣйственной скрипки, звуки столь свѣжіе и чистые, будто и они, какъ оглашаемый ими воздухъ, были омыты ночною росой.

Пораженный этою неожиданной музыкой, скрипачъ оста-

новился наконецъ у одного изъ маленькихъ домиковъ и оперся обоими локтями, не боясь раздавить стиснутую подъ мышкой скрипку, на деревянныя балясинки, ограждавшія разбитый передъ домомъ цвѣтникъ. Если бъ свѣтлый мѣсяцъ не спрятался за трубой домика, обливъ густою тѣнью и цвѣтникъ, и его загородку, и даже половину улицы, то онъ увидалъ бы на лицѣ Трофима Смекалова выраженіе высокаго восторга и въ то же время какой-то сладостной тоски. Губы его дрожали; и на глаза навертывались слезы.

«Боже мой! что это такое?» думалъ Трофимъ — и не могъ отвѣтить себѣ, что бы это такое было.

Зналъ онъ только, что въ этомъ домикѣ, на два окошка котораго, завѣшанныя зеленымъ каленкоромъ, такъ пристально устремлены слезящіеся глаза его, раздается музыка, какая снилась ему только въ несбыточныхъ (или и онѣ могутъ сбываться?) грезахъ; зналъ онъ только, что изъ той скрипки, которая двигала въ этотъ вечеръ нѣсколько танцующихъ паръ въ домѣ исправника, никакой смычокъ не извлечетъ такихъ мелодическихъ, то тихо ласкающихъ, то пронзающихъ сердце звуковъ... И что такое поетъ эта волшебная скрипка? Это не матрадура, не вальсъ, даже не польскій, не русская мелодія; это что-то такое — такое, чему Трофимъ Смекаловъ не знаетъ названія, но что заставляетъ страстно болѣть и ныть его сердце, что дыханье захватываетъ. Кто сложилъ такую дивную пѣсню? И что за чародѣй вызываетъ изъ мертваго инструмента эти обдающіе трепетомъ звуки?

Скрипка пѣла; изъ страстно тоскующаго адажіо она переходила въ бурное алегро... Казалось, сердце Трофима отвѣчало каждой нотѣ ея согласнымъ біеніемъ; по жесткимъ щекамъ музыканта, ему самому незамѣтно, скатывались одна за другой крупныя горошины слезъ.

Всю ночь готовъ бы Трофимъ стоялъ, облокотясь на заборъ, у этого домика, мимо котораго безъ вниманія прохо-

дилъ онъ ежедневно, и не только всю ночь, но и весь день, который смѣнитъ ее, и опять всю ночь, послѣдующую за этимъ днемъ, лишь бы только не смолкала эта чудная музыка.

Но она смолкла.

Трофимъ ждалъ. Вотъ, слышитъ онъ, кто-то шагаетъ по комнатѣ; зеленыя занавѣски оконъ слегка шевелятся. Вотъ какъ-будто щелкнулъ ключъ. Опять шаги... И снова все стихло.

Затаивъ дыханіе, прислонился Трофимъ еще крѣпче къ забору. Полуоткрытыя губы его двигались, словно шепча: «Что же? играй!» Но вдругъ занавѣски потемнѣли, и тонкія черты свѣта, обрисовывавшія ихъ въ окнахъ, погасли на зелени цвѣтника.

Долго ли, коротко ли стоялъ и слушалъ Трофимъ Смекаловъ — этого онъ не могъ бы сказать; если бъ въ то время, какъ онъ поворотилъ въ свой переулокъ, кто-нибудь спросилъ его, куда онъ идетъ — онъ и на это не сумѣлъ бы дать отвѣта... Волшебная скрипка продолжала еще звучать въ его ушахъ, и, направляясь къ своему дому, онъ нѣсколько разъ останавливался: не заигралъ ли опять неизвѣстный музыкантъ?

Придя домой, Трофимъ почти съ презрѣніемъ бросилъ на стулъ свою скрипку, съ которою обыкновенно обращался очень учтиво и нѣжно. Онъ ни слова не промолвилъ матери, накрывавшей столъ для ужина, сѣлъ въ уголкѣ и задумался.

— Садись за столъ, Трофимъ, сказала Петровна, неся миску щей.

— Ась? отозвался Трофимъ, поднимая опущенную голову.

— Садись! щи простынутъ.

— Я не стану ужинать.

— Что такъ?

— Не хочется.

— Э! полно. Гляди-ка, щи-то какія!

— Не стану.

— Да что съ тобой?

— Ничего.

— Болитъ развѣ что?

— Голова болитъ.

— Похлебалъ бы горяченькаго-то: авось и лучше будетъ.

— Нѣтъ, не хочу; лягу спать.

— Какъ же это безъ ужина-то? И не уснешь пожалуй.

— Усну. Прощай, матушка.

— Господь съ тобой, мой родной!

Петровна поужинала одна.

Послѣ ужина, прибирая со стола, она увидала около него на стулѣ скрипку.

«Что это онъ? И скрипку-то не убралъ къ мѣсту!» замѣтила старуха, вѣшая заслуженный инструментъ на издавна назначенный ему гвоздикъ.

Трофиму Смекалову плохо спалось въ эту ночь, и первою мыслію его на слѣдующее утро было — идти провѣдать, кто живетъ въ домикѣ, принадлежащемъ мѣщанину Колотушкину, и такъ восхитительно играетъ на такой восхитительной скрипкѣ.

Петровна не могла не замѣтить, что Трофимъ чѣмъ-то сильно озабоченъ: онъ и одѣвался какъ-то особенно торопливо, и не позавтракалъ какъ слѣдуетъ; но на всѣ ея вопросы сынъ отвѣчалъ очень неудовлетворительно: говорилъ все, что «нужно» идти, что онъ «обѣщался» придти — только; хотя, кажется, въ дѣлѣ, заставлявшемъ Трофима уходить изъ дому, не было ничего такого, что должно бы быть тайной для его матери.

Мѣщанинъ Колотушкинъ былъ горчайшій пьяница и никогда не имѣлъ никакихъ сношеній съ Трофимомъ Смекало-

вымъ; это однакожь не помѣшало скрипачу отправиться къ нему — въ надеждѣ получить хоть кой-какія свѣдѣнія о новомъ постояльцѣ.

Но — увы! хотя пора была и очень ранняя, а музыкантъ нашъ засталъ Колотушкина уже почти свалившимся съ ногъ и не могъ добиться отъ него путнаго слова.

Вотъ какой произошелъ между ними разговоръ.

— А я къ тебѣ, Сидоръ Аѳанасьичъ, по дѣльцу.

— По какому?

— Да вотъ вчерась, идучи отъ исправника, слышалъ я — кто-то у тебя въ домѣ на скрипочкѣ поигрывалъ...

— А кому у меня... поигрывать?

— Какъ кому? Игралъ кто-то.

— Никто... не игралъ.

— Вотъ еще! я слышалъ самъ.

— Никто... не игралъ. Кому играть?

— Да если я тебѣ говорю, что самъ слышалъ... Цѣлый часъ подъ окномъ стоялъ.

— Некому... играть.

— Вотъ затростилъ одно: некому да некому играть! Вѣдь толкомъ тебѣ сказано, что слышали.

— Ну игралъ такъ игралъ! Можетъ... и игралъ. Кто ему мѣшаетъ... играть? Пускай играетъ!.. Не хочешь ли вотъ... выпить?.. а?.. А онъ пускай... играетъ! Что ему... не играть?

— Да кто онъ такой? хоть ты мнѣ это скажи.

— Онъ-то?

— Ну да.

— Онъ-то?.. А... ну его совсѣмъ!.. Не замай!.. Пускай играетъ!.. Игра — ай!

Видя, что Титъ азы твердитъ, Смекаловъ разсудилъ за лучшее удалиться.

Тихо шелъ онъ по двору изъ флигелишка пьянаго хозяи-

на, надѣясь встрѣтиться съ кѣмъ-нибудь изъ домочадцевъ и распросить о занимавшемъ всѣ помышленія его музыкантѣ; но встрѣтилъ только забредшаго съ улицы, общипаннаго индѣйскаго пѣтуха, который на всякое крякапье Колотушкина, слышное па дворѣ, отвѣчалъ пыхтѣньемъ, шипѣньемъ и глупымъ крикомъ, отъ котораго трясся его багровый зобъ.

Окна домика, въ которыя Трофиму хотѣлось заглянуть, были закрыты зелеными шторами: видно новый жилецъ еще спалъ.

Воротился Трофимъ домой — воротился недовольный и хмурый. Пройдясь раза два по комнатѣ, онъ по привычкѣ остановился передъ гвоздикомъ, па которомъ висѣла скрипка, и протянулъ было къ ней руку; но вдругъ лобъ его еще болѣе нахмурился, и онъ, ударивъ рукой по спинкѣ стоявшаго вблизи стула, словно хотѣлъ наказать руку за то, что она протянулась къ скрипкѣ, принялся опять расхаживать изъ угла въ уголъ.

Петровна, видѣвшая изъ окна кухни, что сынъ возвратился, все ждала, что вотъ-вотъ заиграетъ онъ, какъ это всегда бывало по утрамъ; но она успѣла облупить и изрѣзать десятка два картофеля, успѣла нарубить говядины для пирога, а домъ все еще не огласился обычными звуками какого-нибудь польскаго или вальса. Старухѣ какъ-будто чего-то недоставало при стряпнѣ, и она, забывъ, что молоко, поставленное на таганъ и начинавшее уже закипать, можетъ все уйти, обтерла руки, опустила подоткнутое подъ поясъ платье и вышла къ сыну.

— Что, Трофимъ? не можется что-ли тебѣ? спросила она, остановясь по срединѣ комнаты, когда увидѣла пасмурную фигуру Трофима.

— Нѣтъ, отвѣчалъ Трофимъ, продолжая ходить (и даже не взглянулъ па мать): — я ничего.

— А мнѣ показалось, будто ты не по себѣ что-то. Не

хочешь ли ты поѣсть чего-нибудь? Вчерась вѣдь не поужинавши легъ.

Трофимъ отказался.

— Что это ты и на скрипочкѣ-то не игралъ сегодня?

— Не играется.

«Что бы это такое случилось съ нимъ?» шептала Петровна, возвращаясь къ своимъ хозяйственнымъ хлопотамъ (а молоко ушло-таки изъ кастрюльки).

Она долго думала да соображала; но думы и соображенія ничего ей не объяснили, хотя и порядкомъ повредили качеству приготовленныхъ ею блюдъ: то пережарилась, другое не допеклось.

Между тѣмъ Трофимъ, уставши ходить, присѣлъ къ столу и началъ перелистывать кучку своихъ нотъ. Это занятіе еще болѣе омрачило расположеніе его духа.

«Охота было тратить время на переписыванье всего этого?» думалъ онъ: «Что это такое?.. Развѣ музыка это?.. можно ли назвать эту жалкую дрянь музыкой послѣ того, что я слышалъ вчера?»

И Трофимъ съ досадой оттолкнулъ отъ себя свои тетради.

Онъ едва притронулся къ обѣду, что, разумѣется, очень огорчило старуху, которая не переставала выспрашивать сына разными обиняками, но такъ и не добилась отъ него хоть сколько-нибудь удовлетворительнаго отвѣта.

Трофимъ и самъ не зналъ, что съ нимъ творится: онъ нигдѣ мѣста себѣ не находилъ — то сядетъ, то встанетъ, то ходить примется, то у окна стоитъ, въ окно смотритъ, а ничего не видитъ. Послѣ обѣда брался онъ раза два за скрипку, вынималъ ее изъ мѣшка и прикладывалъ къ подбородку, но, проведя по ней смычкомъ, снова оставлялъ. Звуки ея, до сихъ поръ казавшіеся Трофиму нѣжными и пріятными, теперь били его по ушамъ.

Наконецъ начало смеркаться, и Трофимъ ушелъ изъ дому.

Долго странствовалъ онъ изъ улицы въ улицу, прежде-чѣмъ совсѣмъ стемнѣло. Мимо колотушкинскаго дома прошелъ онъ два раза, и видѣлъ въ окнѣ незнакомаго человѣка, лѣтъ двадцати пяти, худощаваго, съ длинными черными волосами. При видѣ его у Трофима какъ-будто сердце перевернулось: въ немъ вскипѣла страшная ненависть къ этому молодому человѣку, ненависть, къ какой едва ли можно было предполагать способною его добрую душу. До этой поры онъ мучился только сознаніемъ собственнаго ничтожества въ дѣлѣ искуства и желаніемъ узнать, кто этотъ счастливецъ, обладающій такою неслыханною скрипкой и такимъ безпримѣрнымъ даромъ; увидѣвъ же этого счастливца, онъ ощутилъ въ себѣ злобную зависть.

Не скоро дождался Смекаловъ такъ нетерпѣливо жданныхъ звуковъ — не прежде, какъ все смолкло въ городкѣ и уснуло. И опять, прислонясь къ загородкѣ цвѣтника, долго слушалъ онъ разнообразныя, то кротко-нѣжныя, то торжественно-громкія мелодіи, носившіяся чистыми звуками въ тихомъ воздухѣ и учащавшія біеніе сердца въ его стѣсненной груди.

Въ одну изъ тѣхъ минутъ, когда сердце Трофима совсѣмъ замирало отъ наслажденія, онъ вдругъ почувствовалъ прикосновенье чьей-то довольно тяжелой руки къ своему плечу.

— Что, плохо играетъ? спросилъ незнакомый голосъ.

Трофимъ вздрогнулъ и оглянулся. За нимъ стоялъ высокій мужчина безъ шапки, въ длинномъ сертукѣ.

— Плохо? а? повторилъ онъ.

Нашъ скрипачъ хотѣлъ было отвѣчать ему невѣжливостью: коль самъ, дескать, не смыслишь ничего, такъ хоть другимъ не мѣшай слушать! Но звуки скрипки смолкли на тихой, замирающей нотѣ.

— Кто это? невольно спросилъ Трофимъ, обращаясь къ заговорившему незнакомцу: — кто игралъ?

— Баринъ мой.

— Твой баринъ?

— Онъ самый. А что? хорошо?

— Въ первый разъ такую игру слышу.

— Да ты и самъ не маракуешь ли?

— Немножко.

— То-то и уставился такъ на окна-то. Я ужь давно на тебя смотрю: сидѣлъ тутъ, у воротъ на скамейкѣ.

— Какая у него скрипка?

— Извѣстно, какая — деревянная.

— Я не объ томъ... я то-есть хотѣлъ спросить — дорогая скрипка?

— Думаю, не дешева.

— Хоть бы посмотрѣть на такую!.. Да откуда вы съ бариномъ-то?

— А тебѣ, примѣромъ, на что это знать?

— Да такъ... Больно мастеръ онъ играть-то; да и скрипка у него... ахъ, скрипка!

— Некогда мнѣ толковать съ тобой: надо пойти барина раздѣвать. Заходи завтра передъ обѣдомъ: его дома не будетъ... я тебѣ пожалуй и скрипку-то покажу.

Идя домой, Трофимъ радовался, что завтра узнаетъ кое-что о своемъ побѣдителѣ въ скрипичной игрѣ, что чудодѣйственная скрипка будетъ въ его рукахъ, что онъ увидитъ ноты этой доселѣ незнакомой ему музыки; но дома онъ почувствовалъ опять ту тоску, которая мучила его цѣлый день. Она долго не давала ему спать и неразъ изъ глазъ его скатывались горькія слезы на ситцевую наволочку его жесткой подушки.

Наконецъ Трофимъ получилъ всѣ желаемыя свѣдѣнія.

Молодой человѣкъ, такъ артистически играющій на скри-

пкѣ, пріѣхалъ въ городъ на нѣсколько дней, по какому-то домашнему дѣлу, и вѣроятно потомъ уже не возвратится сюда; онъ учился въ Петербургѣ, и тамъ извѣстенъ какъ хорошій музыкантъ; скрипку свою онъ вездѣ возитъ съ собой, но ноты у него остались дома; съ собой нѣтъ ни листка, и онъ все играетъ наизустъ.

Эти свѣдѣнія навели-было Трофима на мысль представиться пріѣзжему музыканту, поговорить съ нимъ, попросить его совѣта, и прочее; но мысль эта такъ же скоро ушла изъ головы нашего скрипача, какъ и вошла въ нее. Съ краской въ лицѣ думалъ онъ, что этимъ глубоко унизитъ себя; гордость, какой онъ до того времени не сознавалъ въ себѣ, зашевелилась въ его душѣ.

Слуга пріѣзжаго музыканта по обѣщанію показалъ Трофиму скрипку своего барина. Долго и со всѣхъ сторонъ разсматривалъ Трофимъ старый неказистый инструментъ, и насилу рѣшился попробовать его. Когда смычокъ тихо пошелъ по струнамъ, рука Смекалова, державшая грифъ, задрожала, и онъ поспѣшилъ оставить скрипку: двѣ-три ноты, протяжно ею спѣтыя, казалось, вырвались изъ его собственнаго сердца— растерзаннаго, болѣющаго... Онѣ потрясли все существо Трофима.

Торопливо простился онъ со слугой проѣзжаго артиста.

— А къ тебѣ приходилъ лакей отъ Савы Петровича.

Этими словами встрѣтила сына Петровна.

— Зачѣмъ?

— Зовутъ тебя вечеромъ играть: гости, слышь, будутъ.

— Ну!

— Я сказала, что тебя теперь дома нѣтъ, а что вечеромъ придешь.

— Я не пойду.

— Отчего?

— Не пойду, нездоровъ.

Петровна смотрѣла на сына съ недоумѣніемъ и чуть не со слезами на глазахъ.

— Э-эхъ, матушка! сказалъ съ досадой Трофимъ и принялся, понуривъ голову, шагать по комнатѣ.

— Что ты, Трофимъ? что, мой родной? боязливо спросила Петровна и подгорюнилась.

— Нужно было тебѣ говорить, что я приду?

— Да почемъ жь мнѣ знать было, что ты не захочешь идти?

— Сказала бы лучше, чтобъ лакей меня подождалъ.

— Не сердись ты, родной! Вѣдь это дѣло поправное: ну, я схожу — скажу, что тебѣ нельзя придти...

Трофимъ остановился.

— И то сходи-ка, матушка! Болѣнъ молъ Трофимъ — не можетъ играть.

Петровна постояла и помолчала.

— Да что это тебѣ, Трофимъ, вздумалось на себя клепать? проговорила она наконецъ съ разстановкой: — что бы не пойти?

— Сказалъ я, такъ значитъ — нельзя!

И Трофимъ (чего съ нимъ никогда не бывало) сердито топнулъ ногой.

— Не сердись, голубчикъ! произнесла ласкательнымъ тономъ совершенно смущенная старуха: — ну, нельзя такъ нельзя. Я только такъ, съ простоты сказала. Сейчасъ пойду.

— Скажи, что руку ушибъ.

— Ладно, сердечный, ладно.

Трофиму ни разу и на мысль не вспало, что онъ будетъ виною великаго неудовольствія для молодежи, которая отправится въ этотъ вечеръ къ Савѣ Петровичу въ чаяніи полощить его негладкій полъ. Одно только помнилъ нашъ скрипачъ, что у Савы Петровича навѣрное будетъ пріѣзжій музыкантъ, что ничѣмъ въ свѣтѣ, никакими миліонами

не заставить его, Трофима Смекалова, играть передъ этимъ пріѣзжимъ.

Сава Петровичъ впрочемъ не удовлетворился вѣстью, принесенною ему Петровной, хотя на длинныя распрашиванья его, что и какъ, Петровна отвѣчала вполнѣ удовлетворительно, не подавъ повода къ сомнѣнію. Раза три въ теченіе дня присылалъ онъ двороваго мальчишку справиться о здоровьѣ Трофима.

Эти присылки еще болѣе взволновали и безъ того страшно взволнованнаго скрипача. Къ вечеру онъ принялся просто, какъ говорится, и рвать и́ метать.

Мать не знала, что и дѣлать. Ходитъ ея Трофимъ какъ растерянный, слова не промолвитъ толкомъ, ничего не ѣстъ, не пьетъ, за скрипку и не берется, словно и вправду рука зашибена, глаза какіе-то странные, и самъ какъ-будто еще худѣе сталъ въ эти два-три дня. Заговаривать съ нимъ Петровна боялась, чтобы не привесть его въ еще большую досаду и тревогу, и только втихомолку сокрушалась, глядя на сына да покачивая головой.

Тоска одолѣвала Трофима; мысли путались въ его головѣ.

То думалъ онъ пойти къ этому человѣку, такъ неожиданно и безъ всякого намѣренія разрушившему его покой и счастіе, показавъ жалкую ничтожность того, въ чемъ до той поры была вся его жизнь; пойти и сказать ему все, выложить передъ нимъ всю свою душу съ самыми сокровенными чувствами ея и мыслями; то казалось Трофиму легче утопиться, чѣмъ даже встрѣтиться съ пріѣзжимъ музыкантомъ, не только что говорить съ нимъ. Эти мысли смѣнялись безпрестанно какимъ-то неестественно-сильнымъ желаніемъ обладать чужой скрипкой. Но возможно ли это?.. Купить — гдѣ деньги у Трофима? да и захотятъ ли продать ее?.. Попросить хоть на время — у кого попросить? у него?.. И передъ Трофимомъ рисовалось спокойное лицо молодаго человѣка, вы-

глядывающее изъ окна колотушкинскаго дома, и злоба обливала сердце Трофима. А на этой скрипкѣ онъ можетъ-быть и сумѣлъ бы доиграться до такого искуства, какимъ обладаетъ этотъ ненавистный пріѣзжій... Можетъ-быть? А вѣрнѣе, что нѣтъ.

Если бъ пріѣзжій молодой человѣкъ могъ предвидѣть, какія глубокія раны нанесетъ каждая сыгранная имъ нота сердцу бѣднаго уѣзднаго музыканта, онъ вѣрно и не вынулъ бы изъ футляра свою скрипку въ городкѣ Б. Но молодой человѣкъ ничего не зналъ и очень спокойно любезничалъ въ гостиной Савы Петровича съ одной молоденькой вдовой въ то время, какъ Трофимъ Смекаловъ вышелъ изъ дому съ мутной головой и блѣднымъ лицомъ.

Еще блѣднѣе былъ онъ, когда черезъ часъ возвратился, и еще мутнѣе была его голова. Петровна замѣтила даже, что сынъ ея немножко пьянъ, и всплакнула.

«Господи Боже мой! мать пресвятая Богородица!» вздыхала она: «откуда этакая напасть на насъ?.. Никогда за нимъ этого не важивалось; а тутъ вотъ... О-охъ! охъ! охъ!»

Еще день прошелъ, не принесл никакого облегченія Трофиму и утѣшенія его матери: она не слыхала отъ сына ни словечка.

Когда, черезъ день послѣ неудавшагося вечера у Савы Петровича, кто-то изъ городскихъ старожиловъ прислалъ тоже звать Трофима играть на скрипкѣ, Петровна, не сказывая о томъ сыну, который становился все задумчивѣе и молчаливѣе, объявила посланному, что сынъ болѣнъ и не можетъ играть.

— Куда это ты, Трофимъ? спросила Петровна, когда Трофимъ поздно вечеромъ собрался изъ дому.

— Такъ, отвѣчалъ Трофимъ: — походить.

Петровна тоскливо и съ опасеніемъ посмотрѣла на него, вспомнивъ, какимъ воротился онъ съ прогулки своей третьяго дня; но она не выговорила своего опасенія.

Трофимъ ушелъ.

Ночь была темная, и весь городъ уже спалъ; только проходя мимо оконъ дома, откуда присылали за нимъ поутру, Трофимъ услыхалъ довольно шумный говоръ. Онъ остановился и посмотрѣлъ на окна. Много было тамъ гостей, и въ ихъ числѣ Трофимъ ясно видѣлъ пріѣзжаго музыканта, стоявшаго у окна съ какою-то дамой.

«Это онъ!» сказалъ себѣ нашъ скрипачъ—и вдругъ внезапная и быстрая мысль пронизала его голову.

Съ какой-то лихорадочной поспѣшностью побѣжалъ онъ дальше и дальше по улицѣ, и остановился запыхавшись у цвѣтника передъ домомъ Колотушкина. Тутъ, переведя духъ, онъ прислонился грудью къ загородкѣ и, сильно напрягая зрѣніе, хотѣлъ что-то высмотрѣть. На улицѣ была нѣмая тишина, въ домѣ тоже. Трофимъ замѣтилъ, что одно изъ оконъ не прикрыто занавѣской и какъ-будто полуотворено...

Онъ схватился рукой за одну изъ балясинокъ загородки, пошаталъ ее и оставилъ... за другую, за третью — крѣпки! Наконецъ одна пошевелилась подъ его рукой; онъ расшаталъ ее и вынулъ изъ забора; рядомъ съ ней попробовалъ другую — и та подалась; онъ вынулъ и ее, и боязливо осмотрѣлся. Все тихо; никто не видитъ — и Трофимъ быстро скользнулъ сквозь продѣланное имъ отверстіе въ цвѣтникъ.

Продолжая такъ же опасливо осматриваться, онъ осторожно крался къ окну, которое показалось ему полуотвореннымъ. Вотъ онъ и у самаго окна. Точно, нижняя половина рамы немного приподнята и подперта книгой. Едва переводя дыханіе, началъ Трофимъ поднимать раму выше; но то-и-дѣло останавливался, какъ только хоть чуть она скрипнетъ.

Приподнявъ раму на столько, что могъ просунуть въ окно свое туловище, Трофимъ еще разъ взглянулъ вокругъ себя, и голова его была уже за окномъ; рама окна уперлась въ его спину. Все это дѣлалъ Смекаловъ совершенно маши-

нально, безъ мысли, хотя каждое движеніе его и могло бы показаться соображеннымъ заранѣе и обдуманнымъ.

Правая рука скрипача ощупала столъ, помѣщавшійся у самаго окна, на немъ какую-то книгу, подсвѣчникъ... Ба! что это еще попалось подъ руку?.. Это завитки струнъ.... Отъ нихъ пальцы Трофима перешли къ грифу скрипки. Сердце у него замерло; онъ крѣпко схватился за скрипку и потащилъ ее къ себѣ.

Тихо-тихо освобождалъ онъ голову отъ оконной рамы; но въ ту самую минуту, какъ голова его была снова на улицѣ, рама, ничѣмъ не поддержанная, упала съ грохотомъ.

Зазвенѣли оборванныя струны, хрустнула разбитая дека.

Холодъ пробѣжалъ по всему тѣлу Трофима Смекалова — и онъ бросился отъ окна, какъ сумашедшій. Но не былъ ли онъ уже сумашедшимъ, и подходя къ этому окну?

Гдѣ-то залаяла собака... Ей откликнулась другая.

Если бъ кто-нибудь въ домѣ мѣщанина Колотушкина услыхалъ стукъ упавшей рамы и вышелъ за ворота, онъ увидѣлъ бы быстро бѣгущаго по улицѣ человѣка; но въ домѣ всѣ спали крѣпко, не боясь воровъ, потому-что о нихъ и слуху никогда не было въ городкѣ Б.

Трофима утромъ привезли домой безъ чувствъ; его подняли гдѣ-то на глухомъ пустырѣ.

Онъ ужь не вставалъ болѣе.

Кто-то замѣнилъ тебя, Трофимъ Смекаловъ, для мирнаго городка Б.?

СОДЕРЖАНІЕ.

СОЧИНЕНІЯ М. Л. МИХАЙЛОВА.

ВЪ ПРОВИНЦІИ.

М. Л. МИХАЙЛОВА.

ЧАСТЬ II.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ВЪ ТИПОГРАФІИ РЮМИНА И КОМП., ВЪ ТОРГОВОЙ, 17.
1860.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С. Петербургъ, 5 Августа 1860 года.

Ценсоръ *А. Ярославцовъ.*

ПЕРЕЛЕТНЫЯ ПТИЦЫ.

ГЛАВА I.

Прощальная пѣсня.

На грязно-сѣромъ полѣ занавѣса была изображена желтая лира. Зрители долго любовались ею. Наконецъ пріѣхалъ губернаторъ, и занавѣсъ поднялся.

Три кулисы иззелена-коричневаго цвѣта съ желтоватыми прожилками на правой сторонѣ сцены и три такія же кулисы на лѣвой очень натурально изображали дремучій лѣсъ. Два широкія полотнища сѣрой холстины, движимыя на полу сцены, въ самой глубинѣ ея, взадъ и впередъ восемью дюжими, тщательно скрытыми отъ глазъ зрителей руками, представляли точное подобіе волнующейся рѣки — и конечно не иной рѣки, какъ Днѣпра. Сизое небо съ бѣлесоватыми облаками, искусно намалеванное на заднемъ занавѣсѣ, не обращало на себя особеннаго вниманія, хотя и не уступало въ совершенной близости своей къ природѣ ни дремучему лѣсу, ни взволнованному Днѣпру. Все это — и лѣсъ, и рѣка, и небо съ облаками — было освѣщено очень расчетливо... расчетливо, вопервыхъ, въ смыслѣ домашней экономіи (за каждой кулисой горѣло по шести сальныхъ свѣчей, да у рампы восемнадцать, и того девять фунтовъ шестерику) и, вовторыхъ, расчетливо въ смыслѣ искуства, потому-что скудное освѣщеніе производило вполнѣ желанный эфектъ, придавая картинѣ нѣкоторую туманность.

Капельмейстеръ (онъ же и первая скрипка) постучалъ смычкомъ о пюпитръ; у суфлерской конуры появился кривой желѣзный шандалъ съ оплывшимъ огаркомъ и около него старая темнаго цвѣта тряпица, исправлявшая должность носоваго платка, и — оркестръ заигралъ, представленіе началось.

Первой скрипкѣ очень стройно подыгрывали двѣ вторыя скрипки, хотя смычки ѣздили взадъ и впередъ по ихъ тупозвучнымъ струнамъ совершенно машинально, какъ-бы независимо отъ воли вооруженныхъ ими рукъ. Смычокъ контрабаса дѣйствовалъ съ такою же увѣренностью, хотя на вспотѣвшемъ, одутловатомъ лицѣ музыканта явственно изображалась какая-то забота. Кларнетъ выказывалъ необычайную старательность. Конечно вслѣдствіе крайней добросовѣстности своей, онъ всегда особенно долго услаждалъ слушателей тѣми нотами, на которыхъ ему слѣдовало останавливаться. Нельзя сказать того же въ похвалу литавриста, обладавшаго не столько любовью къ искуству, сколько завидною способностью безпрестанно дремать. Если бъ Вилковъ (такъ звали капельмейстера) не сажалъ его какъ можно ближе къ себѣ и не касался когда нужно смычкомъ своимъ до его опущеннаго надъ литаврами чела, публика вѣроятно никогда не услыхала бы, какъ мастерски выбиваетъ литавристъ и крупную и мелкую дробь на своемъ инструментѣ.

Въ то время какъ музыканты, размѣщенные за утлою перегородкой, къ которой опасно было прислониться, вырабатывали ритурнель своими скрипками, кларнетомъ, контрабасомъ и литаврами, на зыбкомъ помостѣ, озаренномъ девятью фунтами шестериковыхъ свѣчей, собиралась разнохарактерная толпа, которая могла бы поставить рѣшительно въ тупикъ любаго этнографа, будь онъ знакомъ съ костюмами всѣхъ когда-либо процвѣтавшихъ и всѣхъ нынѣ процвѣтающихъ на земной поверхности народовъ. Впрочемъ должно отдать справедливость антрепренеру (онъ же и режиссеръ), это разно-

образное смѣшеніе тирольскихъ и ямщичьихъ шляпъ, польскихъ кунтушей и испанскихъ плащей, бараньихъ шапокъ и французскихъ штановъ, соотвѣтствовало какъ нельзя болѣе сказочному колориту обстановки. Толпа, вооруженная отчасти какимъ-то дрекольемъ, отчасти и настоящими ружьями, стояла очень смирно, руки въ струнку, за исключеніемъ одного изъ ея среды — по чулкамъ съ лентами и по башмакамъ тирольца, по кунтушу, несходившемуся вокругъ его здороваго туловища, поляка, а по смушковой шапкѣ, заломленной на бекрень, украинца. Кто бы ни былъ онъ — украинецъ, полякъ, или тиролецъ, только тѣлодвиженія его, рѣзко противорѣчившія тупой неподвижности и такъ-сказать деревянности остальной толпы, сосредоточивали на немъ вниманіе публики. Ухватками своими этотъ членъ невѣдомой національности напоминалъ тѣхъ полковыхъ ловкачей, которые, завязавъ сзади полы своей сѣрой шинели да бойко прищелкнувъ языкомъ, выдѣлываютъ въ своихъ десятифунтовыхъ сапогахъ, при веселомъ гиканьѣ хора, звонѣ и бренчаньѣ бубна и стукѣ «ложекъ», такія мудреныя па на неровной и пыльной почвѣ казарменнаго двора или на зеленой загородной лужайкѣ, какія дай Богъ сдѣлать иному Іогансону въ легкихъ башмачкахъ и на лощеномъ полу. Я увѣренъ, что половина зрителей, увидавъ человѣка въ смушковой шапкѣ, ожидала, что того и гляди свиснетъ онъ на всю залу и пойдетъ отламывать трепака. Но вотъ ритурнель сыграна, хотя кларнетъ и тянетъ еще со свойственной ему рачительностью послѣднюю ноту; вотъ Вилковъ снова подалъ знакъ музыкантамъ,—и человѣкъ, имѣющій снизу видъ тирольца, обводя глазами окружающую его толпу, показываетъ ей средній палецъ правой руки, вслѣдствіе чего немедленно раздается дружный хоръ:

«Трубятъ. - Поспѣшимъ!
Весь лѣсъ окружимъ
И станемъ разить свирѣпыхъ звѣрей...

На нихъ нападемъ
Мы съ острымъ копьемъ
И кровью звѣрей его обагримъ!»

Хотя никто и не думалъ трубить, однако толпа поспѣшила разить острымъ копьемъ (вышеупомянутое дреколье) свирѣпыхъ звѣрей, или, проще, скрылась за иззелена-коричневыми кулисами.

Во глубинѣ партера, одѣтой непроницаемымъ мракомъ, послышался смутный шумъ и смѣхъ, когда изъ-за темнаго дуба, занимавшаго лѣвую сторону авансцены, показалось какое-то баснословное четвероногое животное сѣрой масти, повидимому болѣе привыкшее ходить на двухъ заднихъ ногахъ, потому-что передними то и дѣло спотыкалось. Кровожадное рыканье, изданное этимъ животнымъ, произвело еще большій смѣхъ и шумъ въ мрачной части партера.

— Мáма! а мáма! спросилъ пискливый дѣтскій голосъ въ пятомъ ряду креселъ: — это ктò? это волкъ?

— Медвѣдь, душа моя, отвѣчала съ нѣжностью маменька.

— А я думалъ, это волкъ.

— Не говори такъ громко: нехорошо.

— Да развѣ медвѣдь такой?

— Такой, такой. Смотри знай, не разговаривай!

Любознательное дитя покорилось и замолчало; но слова маменьки вовсе не разсѣяли его сомнѣній: дитя вспомнило огромнаго медвѣдя, еще очень недавно плясавшаго и показывавшаго разныя штуки на улицѣ подъ глухой стукъ лубочнаго барабана и веселое щелканье деревянныхъ челюстей козы въ сарафанѣ; дитя вспомнило также, какъ нянька Леонтьевна, вздумавъ потѣшить его о прошлыхъ святкахъ, нарядилась волкомъ, то-есть выворотила овчинный тулупъ вверхъ шерстью и спрятала въ немъ свое худощавое туловище... Вспомнивъ это, умное дитя нашло, что звѣрь, явившійся изъ-за темнаго дуба, больше похожъ на няню Леонтьевну въ вы-

вороченномъ полушубкѣ, то-есть на волка, чѣмъ на медвѣдя, который и рычалъ вовсе не такъ, какъ рычитъ этотъ звѣрь.

— Смотри-ка! смотри! подтвердила маменька.

И дитя стало смотрѣть.

Вслѣдъ за звѣремъ изъ-за той же кулисы выступилъ великолѣпный полоцкій князь Видостанъ съ длиннымъ копьемъ въ могучей рукѣ. Видостанъ былъ великолѣпенъ не столько по кафтану, обшитому широкими, отчасти утратившими ужь свою первобытную свѣжесть галунами, не столько по шпагѣ съ золотою, тоже немного полинявшею перевязью черезъ плечо, не столько по свѣтлому шишаку, невольно приводившему на мысль шлемъ Мамбрина, который украшалъ нѣкогда многодумную голову знаменитаго любовника Дульцинеи, сколько по сильному и величественному тѣлосложенію, широкимъ плечамъ и высокой груди, по необыкновенной чернотѣ и яркости большихъ глазъ и по непроходимой для частаго гребня густотѣ гнѣдыхъ усовъ, острые концы которыхъ, вѣроятно крѣпко смазанные восковою помадой, поднимались кверху и образовали очень красивые рожки по сторонамъ орлинаго носа.

Если вы потрудитесь развернуть большую сѣрую афишу, которая излагаетъ въ подробности всѣ чудеса хитросплетеннаго спектакля, происходящаго передъ вашими очами, то узнаете изъ ея плохо отпечатанныхъ строкъ, что роль Видостана исполняетъ господинъ Живягинъ. Имя это можетъ-быть неизвѣстно вамъ; но оно самое громкое имя изъ числа мужскихъ именъ, красующихся въ настоящую минуту на афишѣ театра, въ которомъ мы присутствуемъ на представленіи пресловутой «Русалки». Госпожа Живягина, супруга великолѣпнаго Видостана, далеко не такая свѣтлая звѣзда въ труппѣ, какъ ея мужъ, хотя на этотъ разъ и выпала ей на долю заманчивая роль героини пьесы, днѣпровской русалки Лесты.

— Мама, это разбойникъ? спрашиваетъ опять тоненькимъ голосомъ любознательное дитя.

— Да, мой другъ, да, отвѣчаетъ маменька, чтобы не вдаваться въ длинныя объясненія

— Это у него пика?

— Пика, пика.

Между-тѣмъ пика Видостана, направленная въ грудь звѣря, который успѣлъ ужь подняться на дыбы, не оказавъ однакожь особенной крѣпости въ заднихъ ногахъ, пика Видостана сдѣлала свое дѣло: звѣрь зарычалъ еще громче и свалился въ днѣпровскія волны. Долго еще барахталось кровожадное животное, упавшее въ воду повидимому довольно неловко, и долго издавало глухія стенанія, но никто ужь не обращалъ на него вниманія, потому-что жестяной листъ, потрясаемый за крайней кулисой справа руками дѣятельнаго антрепренера, издавалъ таинственно-грозные звуки, подобные отдаленному рокотанью грома, и подъ эти таинственно-грозные звуки изъ-подъ струй днѣпровскихъ возникла прекрасная дѣва Леста съ распущенными по плечамъ русыми косами, съ фольговою діадемой не челѣ, въ бѣлой, усыпанной золотыми блестками одеждѣ.

Въ залѣ раздалось нѣсколько сдержанныхъ рукоплесканій, звукъ которыхъ можно сравнить съ тѣмъ звукомъ, какой издали бы штукъ десять блиновъ, брошенныхъ одинъ за другимъ на полъ съ высокаго потолка.

«Остановись!» раздался незримый хоръ пяти-шести женскихъ голосовъ, и Видостанъ остановился, пораженный чуднымъ видѣніемъ...

— Мáма, это она откуда? это она изъ-подъ полу вылѣзла? спрашивало дитя.

— Ну да... Перестань ты говорить! вотъ я не возьму въ другой разъ, отвѣчала маменька.

И дитя умолкло.

Госпожа Живягина употребляетъ нѣкоторыя усилія, чтобъ изобразить страстную любовь во взорѣ своихъ маленькихъ

глазъ, обращенныхъ на супруга. Эти усилія для вѣрнѣйшаго воспроизведенія отношеній днѣпровской русалки Лесты къ полоцкому князю Видостану—оказываются совершенно излишними, потому-что даже изъ перваго ряда креселъ, занятаго цвѣтомъ губернскаго общества, едва можно различить черты лица госпожи Живягиной. Опершись на копье, Видостанъ внемлетъ сладостному пѣнью водяной нимфы.

Леста поетъ — поетъ о краткихъ дняхъ миновавшаго блаженства, о восторгѣ погибшей любви, о страстныхъ клятвахъ — увы! нарушенныхъ... хорошо поетъ Леста, и незримый хоръ русалокъ гармонически заключаетъ ея грустную мелодію.

«Трру-ту-ту... тррру-ту-ту-ту...» слышится зовъ охотничьяго рога; но не слышитъ этого зова крутоусый Видостанъ, глядя въ уныломъ недоумѣніи на днѣпровскія волны, уже успѣвшія пріять въ свое холстинное лоно очаровательную дѣву.

«Трру-ту-ту...» раздается опять, и прежная пестрая ватага, предводимая смушковой шапкой и чулками въ лентахъ, высыпаетъ на сцену, оглашая ее громкою пѣсней:

«Трубятъ! насъ зовутъ —
И знакъ подаютъ,
Что звѣрь низложенъ,
Въ крови обагренъ.»

«Какое странное приключеніе!» говоритъ нѣсколько сиплымъ басомъ великолѣпный Видостанъ, опустивъ голову, полную тревожныхъ думъ. «Что я видѣлъ?»

Изъ-за кулисы, выпустившей на сцену толпу охотниковъ, выходятъ два новыя лица: это конюшій и ловчій Видостана— Тарабаръ и Останъ. Тотъ, у котораго для пущей комичности его фигуры придѣлано искуственное брюшко — Тарабаръ; другой, худенькій и тонконогій — Останъ. Что первый — конюшій, а второй — ловчій, въ этомъ вы можете удостовѣриться изъ афиши, хотя по костюму они ни-

сколько не отличаются одинъ отъ другаго: на обоихъ длинные сапоги, на обоихъ нѣчто въ родѣ куцыхъ венгерокъ, на обоихъ черныя шляпы съ маленькими полями и очень узкою вверху тульей... Виноватъ, разница есть: конюшій безоруженъ, а у ловчаго за плечами ружье.

Посмотрите пожалуста на походку Тарабара, сильно затрудненную фальшивымъ животомъ!... Мрачная сторона партера ужь помираетъ со смѣху. Рекомендую вамъ: это первый комикъ, господинъ Гудковъ! Конечно, чтобъ оцѣнить его вполнѣ, нужно видѣть этого артиста не въ «Русалкѣ», гдѣ очень мало простора для таланта исключительно комическаго; но посмотрите, какъ смѣшно повертываетъ онъ во всѣ стороны свою раскрашенную физіономію и семенитъ ногами, отвѣчая на вопросъ Видостана: неужели они, Тарабаръ и Останъ, ничего не видали? «Я ничего не видалъ кромѣ лѣса (и онъ показываетъ на лѣсъ, вывертывая ладонь) да воды (и онъ такъ же показываетъ на воду).»

Къ несчастью я не могу сказать ничего въ похвалу господина Румаковскаго, исполняющаго роль Остапа. Амплуа этого артиста такъ-называемые первые любовники, и на этотъ разъ онъ является ловчимъ Видостана единственно потому, что можетъ хоть сколько нибудь сносно спѣть два-три музыкальные номера роли Остана. Часто восхитительный, когда онъ на своемъ мѣстѣ, теперь Румаковскій (не могу скрыть этого) плохъ, или, лучше сказать, такъ безцвѣтенъ, что почти никто изъ зрителей не замѣчаетъ и присутствія его на сценѣ. И такъ оставимъ его пока въ сторонѣ и устремимъ лучше слухъ и сердца наши къ раздавшемуся снова пѣнію очаровательной Лесты...

«Приди въ чертогъ ко мнѣ златой!»

Не знаю, производятъ ли слова и мелодія этой пѣсни и на васъ, читатель, такое же волшебное обаяніе какъ на меня; но мнѣ сладко думать, что вы поймете меня, если я

скажу, что призывный романсъ днѣпровской нимфы, кто бы ни пѣлъ мнѣ его, охватываетъ волненіемъ мое сердце.

У меня была когда-то тетушка, отлично игравшая на гитарѣ и обладавшая самой восторженной душой, которой не обвѣяли холодомъ длинные года безбрачнаго одиночества. Отъ нея-то услыхалъ я въ первый разъ этотъ романсъ. Склонивъ къ худощавому плечику маленькую голову свою, которой крошечная коса, осѣненная высокой рѣзной черепаховой гребенкой, придавала оттѣнокъ тихой меланхоліи, тетушка слегка щипала струны гитары, и блѣдныя уста ея нѣжно звали «драгаго князя»...

«Приди въ чертогъ ко мнѣ златой!»

Давно ужь холодная могила взяла въ свое таинственное лоно дѣвственную пѣвицу; вѣроятно давно уже и гитара, которой конечно пришлось послѣ смерти своей владѣтельницы звучать въ иныхъ рукахъ иными пѣснями — можетъ-быть (какъ знать!) какимъ-нибудь «Спирькой», какою-нибудь »Ѳеней» — давно ужь и гитара эта исчезла съ лица земли, не оставивъ по себѣ ни осколка; давно ужь слухъ мой избалованъ великими пѣвицами и великими пѣвцами, мелодіями Моцарта, Россини... Но донынѣ люблю я внимать симпатичному голосу моей грустной тетушки, поющему мнѣ изъ темной глубины воспоминаній страстную пѣсню русалки...

«Приди въ чертогъ ко мнѣ златой!»

Бѣдная тетушка! сколько лѣтъ напрасно призывала ты «драгаго князя»! сколько лѣтъ только тайнымъ мечтамъ твоимъ представалъ обаятельный призракъ!... Слезы несбыточныхъ желаній трепетали въ ея голосѣ, и столько правды было въ ея пѣньѣ, исходившемъ какъ-будто изъ самыхъ нѣдръ ея любящаго сердца, что пятнадцатилѣтнюю голову мою невольно отуманивали блаженно-мучительныя грезы. Подъ вліяніемъ тетушкина пѣнья привыкъ я думать, что именно такъ, такими словами и такими звуками кликнетъ меня первая лю-

бовь въ свои желанныя объятія; изъ шороха темныхъ деревьевъ нашего сада, изъ тихаго шопота мелкихъ струй ближайшей рѣчки ждалъ я милаго зова, ждалъ столь знакомыхъ словъ:

«Приди въ чертогъ ко мнѣ златой!
Приди, о князь ты мой драгой!»

ждалъ въ-особенности страстнаго заключенія:

«Хочу твоею только быть —
И одного тебя любить!»

Шумѣли надо мной зеленыя вѣтки, играло солнышко въ синемъ зеркалѣ рѣчки; но незримая рука не осыпала меня, какъ Видостана, свѣжимъ дождемъ душистыхъ листьевъ, незримая дѣва не манила меня пѣсней въ свои золотые чертоги...

«Хочу твоею только быть —
И одного тебя любить!»

Счастливый Видостанъ!

«Кто ты такова, прелестная пѣвица, восхитившая чувства мои? кто ты такова?» спрашиваетъ онъ тѣмъ же нѣсколько сиплымъ басомъ, молодцовато выставивъ впередъ правую ногу.

Но громкія рукоплесканія не позволяютъ Лестѣ, явившейся уже посреди двухъ полосъ холстины, отвѣчать своему возлюбленному. Публика требуетъ повторенія романса, и только два голоса безсильно пытаются нарушить неумѣстнымъ шиканьемъ дружный кликъ всеобщаго одобренія.

Госпожа Живягина улыбается въ темной глубинѣ сцены; она раскрываетъ уста...

«Приди въ чертогъ ко мнѣ златой!
Приди, о князь ты мой драгой!
Тамъ все пріятство соберешь,
Невѣсту милую найдешь.»

— Браво! брра—во! бррра—вво!

За кулисой номеръ второй эти восклицанія производятъ несовсѣмъ пріятное впечатлѣніе. Изумрудные глазки юной

дѣвицы Нарукович, обращенные на госпожу Живягину, сверкаютъ сильной досадой; плечи ея, только-что начинающія округляться, но ужь выставленныя на-показъ изъ-подъ розоваго атласнаго платьица, передергиваются, выражая неудовольствіе.

Собственно говоря, дѣвицѣ Нарукович не слѣдовало бы такъ волноваться, потому-что ей сейчасъ придется поправить вѣнокъ на своей темнокудрой головкѣ и выпорхнуть на сцену.... На этотъ разъ она — Лида, дочь царицы днѣпровскихъ русалокъ.

Дѣвица Нарукович еще ребенокъ; но не вѣрьте пожалуста Лестѣ, когда она будетъ говорить про Лиду, что «четыре только раза видѣла она цвѣтущія древа».... Это не правда; не четыре раза, а навѣрное пятнадцать разъ. Увы! несмотря на свой весенній возрастъ, дѣвица Нарукович уже обуревается страстями, которыя можно назвать по преимуществу театральными; страсти эти — славолюбіе и желаніе блистать. Ужь теперь дѣвица Нарукович не можетъ простить ни одной женщинѣ, красующейся на подмосткахъ, воздвигаемыхъ то тамъ то здѣсь кипучею дѣятельностью ея родителя (который и есть содержатель труппы), не можетъ простить ни малѣйшаго успѣха, ни малѣйшаго достоинства, способнаго обратить на себя чье-нибудь увлаженное любовью око, не можетъ простить даже и новаго платья, новыхъ сережекъ, или чего-нибудь подобнаго.... Правда, случаи послѣдняго рода представляются чрезвычайно рѣдко: проходитъ иногда годъ, полтора года, прежде чѣмъ у кого-нибудь появится обнова; но все же случаи такіе бываютъ, и надо видѣть тогда, какой сердитый огонь сверкаетъ въ ея глазкахъ.

Глазки у дѣвицы Нарукович, какъ я ужь имѣлъ случай замѣтить нѣсколько выше, изумрудные, то-есть темнозеленаго цвѣта; они осѣнены длинными и темными рѣсницами и постоянно служатъ проводникомъ наружу чувствъ, которыми

занимается втайнѣ сердце милой дѣвицы. Дѣвица могла бы назваться очень хорошенькою, если бъ маленькое лицо ея съ нѣсколько приподнятымъ носикомъ и тонкими, но очень пріятно обрисованными губками, не мѣняло чуть не каждую секунду выраженія. Натура ли ужь была такая бойкая у дѣвицы Наруковичъ, привычка ли въ этомъ виновата — право, не знаю хорошенько; только черты лица ея никогда не находились въ спокойствіи. Дѣвица Колчанова, отличавшаяся большою нетерпимостью въ домашнемъ быту, хотя на сценѣ и была постоянно великою смиренницей, не разъ очень желчно замѣчала про юную дочь содержателя: «Экъ! вся искобенилась!... Только и знаетъ, что разныя фигуры выкидывать передъ зеркаломъ.... кошка противная!» Какъ ни досадно мнѣ это, а я долженъ признаться, что дѣвица Колчанова была не единственнымъ членомъ труппы, находившимъ, что юная Наруковичъ похожа на кошку, особенно когда сердится....

Была ль она похожа на это животное или нѣтъ въ ту минуту, какъ, стоя за кулисой номеръ второй, досадовала на неожиданный успѣхъ госпожи Живягиной въ роли Лесты — этого нельзя было примѣтить при жалкомъ освѣщеніи; когда же выступила она на сцену, на лицѣ ея изображалась веселая и привѣтливая улыбка, которой впрочемъ вовсе не стоили зрители: они не дали себѣ труда ободрить хотя слабымъ рукоплесканіемъ молодую жрицу драматическаго искуства.

Отъ этого холоднаго пріема голосъ дѣвицы Наруковичъ оказался не совсѣмъ ровнымъ, и слова роли ея, которыя произносила она дѣтски картавя (это было ея недостаткомъ), почти не слышались во глубинѣ партера. И смѣхъ Лиды надъ Тарабаромъ, и вертлявость ея, и лукавый видъ, когда она грозитъ пальчикомъ видостанову конюшему — вышло нѣсколько блѣдно....

Но суфлеръ постучалъ объ окраину своей конуры щипцами, которыми только-что поправилъ огарокъ, очнулись

дремотные музыканты, и дѣвица Наруковичъ начала входить въ роль

«Посъюсай-ка,» говоритъ молоденькая русалочка: «сто мнѣ ясказывая матуска объ васъ, невѣйныхъ мусцынахъ!»

Какъ восхитительно произнесены эти слова! сколько лукавства и кокетства въ этой притворной наивности!

Смычки коснулись струнъ.... Вниманіе! вниманіе!

Съ какой надеждой, въ то время, какъ раздается ея тоненькій голосокъ, обводитъ дѣвица Наруковичъ зрителей своими изумрудными глазками! Хлопайте, господа, хлопайте!

Пѣсня кончена; но у этихъ зрителей, вмѣсто сердецъ, куски льда въ груди! Слабые аплодисменты едва нарушаютъ мирную тишину залы, и дѣвица Наруковичъ ускользаетъ за кулису номеръ третій со слезинкой на рѣсницѣ.

Послѣ нѣсколькихъ словъ, комически, съ очень смѣшнымъ подмигиваньемъ произнесенныхъ Гудковымъ, раздается звонокъ за кулисами. Тарабаръ удаляется, и сцена остается совершенно пустою.

Еще звонокъ.

Пока происходитъ на подмосткахъ такъ-называемая «живая» перемѣна декорацій (живости при этомъ оказывается обыкновенно очень мало), перенесемъ взоръ нашъ на залу, вмѣщающую зрителей.

Если стать у досчатой, давно расшатавшейся загородки оркестра, оборотясь спиною къ сценѣ, то увидишь очень немного.... увидишь, именно, первые четыре ряда креселъ (такъ называются старые, выкрашенные черною краской стулья съ жесткими кожаными подушками и прямыми спинками) — и только. Четыре-пять дальнѣйшихъ рядовъ, уставленныхъ скамейками безъ подушекъ и спинокъ, теряются уже въ туманѣ, который превращается въ совершенную ночь у покатаго возвышенія, замыкающаго залу. Это покатое возвышеніе, очень похожее на противуположную ему сцену и крѣпко забранное

толстыми досками, назначается спеціально для публики низшаго сорта и, за неимѣніемъ скамеекъ, зрители должны тамъ стоять. Ложъ вовсе нѣтъ.

На обшитыхъ полинявшимъ тесомъ стѣнахъ, вмѣщающихъ въ себѣ театръ и его посѣтителей, висятъ восемь лампъ, которыя слабо мерцаютъ, покрывая копотью невысокій потолокъ и стекла, ограждающія ихъ свѣтильню, большею частью порядкомъ пооббитыя. Какъ ни хлопочетъ о ясности лампъ долговязый человѣкъ съ рыжими вьющимися волосами, облеченный въ темносинюю чуйку, лампы не измѣняютъ своего слабаго мерцанія въ полный свѣтъ и продолжаютъ устрашать собой сидящихъ по близости зрителей.

Порой зритель, имѣвшій можно-сказать истинное несчастіе занять мѣсто у самой стѣны, вдругъ съ замѣтнымъ безпокойствомъ отводитъ глаза отъ сцены, быстро бросаетъ косвенный взглядъ на лампу, подъ которою сидитъ, и потомъ такъ же быстро, съ тревожнымъ выраженіемъ въ лицѣ, повертывается къ сосѣду, стараясь обратить его вниманіе къ себѣ на плечо и на лопатку.

— Будьте такъ добры, взгляните пожалуста: кажется, капнуло.

— Гдѣ-съ?

— Тутъ вотъ, на воротникъ.... Самому не видно.

Сосѣдъ смотритъ съ большимъ вниманіемъ.

— Нѣтъ-съ, ничего незамѣтно.

— Слава Богу! Покорно васъ благодарю. Бѣда здѣсь сидѣть подъ лампой; безпрестанно боишься: совсѣмъ новую шинель недавно изгадилъ.... Сижу себѣ, смотрю на сцену, и не воображалъ вовсе, что на меня капъ да капъ изъ лампы.... Пришлось сукна прикупать на крагенъ. И теперь какъ нарочно опять угодилъ подъ лампу; того и гляди — обольетъ.

О! какъ странно измѣнчиво все на этомъ свѣтѣ! Какъ непонятно играютъ судьбы всѣмъ подлуннымъ, начиная съ

людей и кончая дѣлами рукъ человѣческихъ! Вотъ хоть бы это старое зданіе, куда собралось, конечно для развлеченія, общество города Камска.... Не далѣе какъ два года назадъ въ утлыхъ стѣнахъ этого угрюмаго дома, теперь почти цѣликомъ превращеннаго въ одну сплошную залу, не было угла, гдѣ можно было бъ найти что-нибудь способное возбудить такія чувства, какія возбуждаются здѣсь теперь. Напротивъ, все наводило тоску на сердце, нагоняло въ голову темныя мысли. Въ этомъ пространствѣ, которое оглашается нынѣ гармоніей, производимой совокупными усиліями трехъ скрипокъ, контрабаса, кларнета и литавръ; гдѣ раздаются игривыя нотки, выводимыя съ такимъ искуствомъ пріятными голосами госпожи Живягиной и дѣвицы Наруковичъ; гдѣ рисуется статный Видостанъ; гдѣ почти каждое слово, каждое тѣлодвиженіе брюхатаго Тарабара производятъ неудержимую веселость въ мрачной части партера, именуемой въ афишахъ парадисомъ (цѣна десять копѣекъ) — въ этомъ пространствѣ, говорю я, еще не такъ давно раздавались звуки совсѣмъ другаго рода. Клѣтки, на которыя было оно разгорожено (комнатами назвать ихъ нельзя), были населены самыми странными жильцами, и ни одинъ изъ этихъ жильцовъ, несмотря на свою въ высшей степени игривую фантазію, на свой неподдѣльный юморъ, не насмѣшилъ бы васъ какъ Тарабаръ, не плѣнилъ бы какъ Леста, Лида и Видостанъ, не утѣшилъ бы ни слуха вашего, ни взора, ни сердца. Про каждаго изъ обитателей угрюмаго дома можно было сказать словами Пушкина, что звѣрь узнаетъ въ немъ брата. Такъ, напримѣръ, учителя уѣзднаго училища, который былъ совершенно убѣжденъ, что онъ вовсе не учитель уѣзднаго училища и не человѣкъ даже, а волкъ, пришлось посадить на цѣпь, потому-что онъ постоянно чувствовалъ желаніе кусаться; связавъ его буйные члены, нельзя было связать его рта: онъ изгрызъ въ кровь свои руки и наполнялъ ужаснымъ, дикимъ

воемъ свою конуру, откуда вой этотъ разносился и по всему кварталу. Мѣщанинъ, зачитавшійся какихъ-то премудростей, не смущаясь оглушительнымъ воемъ мнимаго волка, распѣвалъ въ сосѣдней клѣткѣ какія-то неслыханныя рапсодіи и, какъ кажется, употреблялъ всѣ усилія, чтобы потрясти пѣніемъ своимъ если не стѣны, то по крайней мѣрѣ оконницы своего тѣснаго жилья. Молодая бабенка, потерявшая вслѣдствіе испуга даръ слова, но сохранившая способность мычать; старуха, причитавшая и голосившая съ утра до вечера надъ воображаемымъ мертвымъ тѣломъ, привезеннымъ изъ лѣсу; худой и длинный человѣкъ съ посоловѣвшими глазами, акуратно черезъ каждыя двѣ минуты восклицавшій во все горло: «пожаръ! горю!» другой, коротенькій и опухшій, вторившій судорожнымъ хохотомъ, отъ котораго багровѣли бѣлки его глазъ, неугомонному пѣнію сосѣда своего, зачитавшагося мѣщанина; дѣвушка съ бѣгающими по сторонамъ глазами, которая неутомимо расказывала самой себѣ безконечную, но тѣмъ не менѣе безтолковую исторію о какихъ-то семидесяти пяти самоварахъ, кипящихъ въ ея брюхѣ, а потомъ о семидесяти пяти брюхахъ, кипящихъ въ самоварѣ — этотъ концертъ способенъ былъ оглушить и ошеломить человѣка со здоровой головой, зашедшаго изъ любопытства въ грустное жилище безумія, способенъ былъ сдѣлать изъ самой здоровой головы самую больную. Только и можно было уцѣлѣть тутъ съ такимъ топорнымъ организмомъ, какимъ обладалъ Тертій Степанычъ Мальковъ, слишкомъ двадцать лѣтъ вращавшійся, въ качествѣ смотрителя, въ средѣ сумашедшихъ. Впрочемъ и этотъ достопочтенный мужъ, при всемъ безстрастіи своемъ, нерѣдко совершенно терялъ терпѣніе отъ раздававшейся вокругъ него разноголосицы.... Съ видимымъ отчаяніемъ ерошилъ онъ свои рѣдкіе волосы, сердито топалъ ногой и восклицалъ не тише паціента своего, призывающаго на пожаръ. «Экъ орутъ! Господи! точно давятъ ихъ.» И шелъ Тертій

Степанычъ колотитъ дубинкой въ каждую дверь, и громко кричалъ: «Эй вы! звѣринецъ! тише у меня!... забылъ палку? а?»

И вотъ гдѣ водрузило знамена свои искуство! вотъ гдѣ производится мирное служеніе дѣвственнымъ музамъ! Какъ смутились бы эти чистыя дѣвы, если бъ узнали, какія пѣсни распѣвалъ тутъ нѣкогда мѣщанинъ, зачитавшійся разныхъ премудростей!

Осипъ Ѳомичъ Наруковичъ, или, какъ обыкновенно зовутъ его за глаза всѣ актеры и актрисы, просто Ѳомичъ, нисколько не былъ смущенъ, когда мѣстныя власти города Камска предложили ему для его спектаклей упраздненный домъ сумашедшихъ; напротивъ, онъ крѣпко обрадовался возможности занять безъ всякого возмездія опустѣлое зданіе, въ которомъ для полнаго удобства стоило только разрушить многочисленныя, но ужь очень обветшавшія деревянныя перегородки. Домъ сумашедшихъ... Въ этихъ словахъ не обрѣталось для Ѳомича ничего такого, что могло бы заставить хоть на минуту призадуматься его грушевидную голову. Надо однакожь и то сказать: въ какихъ мѣстахъ не играла его труппа!... Играла она и на постоялыхъ дворахъ, и въ уѣздныхъ или приходскихъ училищахъ, и въ бывшихъ казармахъ, и въ очищенныхъ больницахъ, и въ старыхъ острогахъ, и въ упраздненныхъ жандармскихъ конюшняхъ. Да и не все ли равно, гдѣ помѣститься? Главное — сборъ; только сборъ-то сдѣлать бы хорошій!

Къ несчастью послѣдній пунктъ не всегда, далеко не всегда удовлетворялъ желанія содержателя.... Въ каждомъ городѣ непремѣнно находилось какое-нибудь упраздненное зданіе, и мѣстныя власти, почти всегда взирающія покровительственнымъ окомъ на такихъ увеселителей публики какъ Ѳомичъ и его труппа, охотно предлагали его къ услугамъ странствующихъ артистовъ; но — увы! не вездѣ находились

сердца, способныя биться любовью къ искуству, или по крайней мѣрѣ находились не въ такомъ количествѣ, чтобъ жаромъ своимъ поддерживать энергію Ѳомича и его сотрудниковъ.

Въ этомъ отношеніи и городъ Камскъ былъ, если хотите, не совсѣмъ удовлетворителенъ, хотя все-таки жителей его, по степени любви къ искуству, никакъ нельзя и сравнивать съ жителями нѣкоторыхъ другихъ городовъ, посѣщенныхъ бродячею труппою Наруковича: такъ напримѣръ въ городѣ Бенделеѣ (12,000 жителей, соборъ, гимназія и острогъ) на первомъ представленіи Ѳомича было всего — вы пожалуй не повѣрите — двадцать посѣтителей, изъ которыхъ четверо явились безплатно (и еще какую восхитительную піесу давали — «Чортову Мельницу»); въ городѣ же Тугаринѣ (18,000 жителей, тоже соборъ, тоже гимназія, тоже острогъ и вдобавокъ институтъ для благородныхъ дѣвицъ) составился абониментъ изъ — шести человѣкъ!...

Конечно, если судить о степени артистическаго образованія города Камска по числу зрителей, собравшихся на представленіе «Русалки», то Камску слѣдуетъ вручить лавръ предпочтенія не только предъ Бенделеемъ и Тугариномъ, но и предъ Шимханскомъ, Гороховомъ, Бубенцомъ и еще многими другими городами.... Но не надо забывать, что «Русалка» играется въ Камскѣ въ первый разъ, а труппа Наруковича играетъ, какъ гласитъ афиша, «въ послѣдній разъ передъ отъѣздомъ»; не надо забывать, что Ѳомичъ проѣздилъ по меньшей мѣрѣ два цѣлковыхъ на извощикѣ, странствуя съ одного конца города въ другой съ приглашеніемъ помочь его стѣсненнымъ обстоятельствамъ и съ кучею билетовъ въ карманахъ.

Какъ бы то ни было, а народу собралось въ театръ очень много, и душа Ѳомича ликуетъ, хотя лицо его, поминутно обращающееся за кулисами то къ тому, то къ дру-

гому члену труппы, не выдаетъ его глубоко затаенной радости.

И какая публика! самая отборная!

Зато и Наруковичъ не ударилъ себя въ грязь лицомъ. «Русалка» была сыграна какъ нельзя болѣе удовлетворительно. Все шло очень благополучно, за исключеніемъ маленькой непріятности, случившейся еще въ самомъ началѣ піесы съ медвѣдемъ: онъ, неловко упавши въ Днѣпръ, до крови ссадилъ себѣ щеку о гвоздь, который очень некстати торчалъ изъ половицы. Всѣ актеры и актрисы заслуживали одобренія публики, хотя и не всѣ получили его. Не говоря ужь объ упомянутыхъ выше, хороши были и тѣ, кому выпали на долю роли второстепенныя.

Хорошъ былъ господинъ Рѣшиловъ въ роли Славомысла, хотя роль эта и не относится къ его амплуа — амплуа благородныхъ отцовъ и богатыхъ дядюшекъ. Голосъ его, обыкновенно черезчуръ глухой и какъ бы выходящій не изъ устъ, а изъ носу, придавалъ особенную важность каждому слову, имъ произносимому.

Хороша была и дѣвица Колчанова со своимъ вѣчно смиреннымъ видомъ, такъ идущимъ къ характеру прелестной дщери славомысловой, Милославы.... Только жаль было прелестей госпожи Колчановой, которыя много теряли отъ слишкомъ увядшаго ея костюма: позументы, украшавшіе сарафанъ ея, напоминали цвѣтомъ своимъ кастрюльную мѣдь.

Дѣвица Сизогубова, столь искусная въ исполненіи ролей сварливыхъ женщинъ, создала со свойственной ей художественностью комическое лицо Ратимы, няньки милославиной, и въ сценахъ ея съ Тарабаромъ публика рѣшительно не знала, кому отдать первенство: Гудкову ли, или дѣвицѣ Сизогубовой. Хорошъ былъ Гудковъ, когда повторялъ, заслонивъ отъ Ратимы ладонью лицо свое: «О драгоцѣнное терпѣніе!» или: «Этакое сокровище мнѣ навязывается!» Но пре-

восходна была и Сизогубова, когда, узнавъ, что Тарабаръ занимаетъ должность конюшаго при Видостанѣ, она говорила со стыдливой улыбкой: «Это что-нибудь да значитъ.... У меня былъ женихъ также конюшій.... Это что-нибудь да значитъ!» или когда увѣряла, сузивъ губы воронкой, что она «честная, смиренная дѣвица», и что будетъ очень рада, если «добрый молодецъ (Тарабаръ) пріѣхалъ освободить ее отъ тягости незамужняго состоянія».

Пламидъ — этотъ хитрый соучастникъ Зломиры (дѣвица Сизогубова младшая) и неудачный любовникъ Милославы — былъ очень удачно воспроизведенъ господиномъ Милоглядовымъ. Милоглядовъ — лицо, къ несчастью непринадлежащее къ труппѣ: только изъ дилетантизма и чтобъ вывести изъ затрудненія Наруковича, въ вѣдѣніи котораго не хватало для «Русалки» одного сюжета, рѣшился Милоглядовъ сложить съ себя на одинъ вечеръ санъ писца въ конторѣ управляющаго питейнымъ откупомъ и принять на себя званіе актера, далеко не столь почтенное. И содержатель труппы и зрители остались очень довольны его игрою. Милоглядовъ не сробѣлъ. Голосъ, какимъ читалъ онъ свою роль, правда, несовсѣмъ соотвѣтствовалъ свирѣпому характеру Пламида, но зато звучалъ такъ же ровно и твердо, какъ звучитъ обыкновенно въ конторѣ, при повѣркѣ счетовъ изъ разныхъ питейныхъ домовъ.

Несмотря на вычерненныя жженой пробкой брови и выведенные этимъ же способомъ усы, бѣлобрысый Милоглядовъ былъ при первомъ появленіи на сценѣ узнанъ своимъ начальникомъ.

Пріятная улыбка озарила лицо почтеннаго Семена Иваныча Фуфаева. Онъ наклоняется къ уху своего сосѣда, предсѣдателя казенной палаты, съ которымъ, какъ и подобаетъ человѣку его званія, связанъ очень дружескими отношеніями, и говоритъ:

— Посмотрите-ка, Василій Астафьичъ! посмотрите-ка!

— Что такое? спрашиваетъ Василій Астафьичъ, оглядываясь, неизвѣстно почему, назадъ.

— На сцену посмотрите!

Предсѣдатель устремилъ-было глаза на сцену, но тотчасъ же снова обращаетъ къ сосѣду свое лицо, на которомъ выразилось недоумѣніе.

Управляющій питейнымъ откупомъ подмигиваетъ.

— Не узнали?

— Нѣтъ.... кого?

— Рыцарь-то, рыцарь-то!

Предсѣдатель опять взглядываетъ на сцену и опять-таки ничего не можетъ взять въ толкъ.

— Да вѣдь это мой Василій!

— Будто бы?

— Развѣ вы не видали на афишкѣ? Цѣликомъ выпечатано. Вотъ взгляните!

— Да, точно. Я вѣдь, признаться, и забылъ, что онъ по фамиліи-то Милоглядовъ.

— Какъ же, какъ же! Милоглядовъ.... Василій Милоглядовъ.

И оба смотрятъ съ большимъ вниманіемъ.

Когда Пламидъ уходитъ со сцены, Василій Астафьичъ даже ударяетъ въ ладоши (въ заднихъ рядахъ ему вторятъ) и потомъ, снова обратясь къ сосѣду, замѣчаетъ не безъ нѣкоторой важности:

— Вѣдь недурно играетъ.

— Да, ничего, подтверждаетъ начальникъ Милоглядова:— есть талантикъ. Онъ ужь давно норохтится въ актеры; да я все не пускаю: крестникъ вѣдь онъ мой.

— Что, какая тутъ ему дорога?

— То-то и есть. Малый онъ честный и почеркъ у него такой славный. Я его въ повѣренные готовлю. А вѣдь тутъ что? сопьется съ кругу — и только.

— Конечно.

Когда началось второе дѣйствіе піесы, Ѳомичъ, постоянно семенившій за кулисами и дѣятельно распоряжавшійся, исчезъ съ поля своей дѣятельности. Это доставило большое удовольствіе долговязому рыжему дѣтинѣ въ чуйкѣ, которому было вмѣнено въ непремѣнную обязанность присматривать за лампами и снимать со свѣчей за кулисами и у рампы (послѣднее, во время антрактовъ и живыхъ перемѣнъ, изъ оркестра); дѣтина служилъ предметомъ неусыпнаго вниманія антрепренера; но во вниманіи Ѳомича была такъ мало поощрительнаго, что щипцы безпрестанно содрогались въ неуклюжихъ рукахъ ламповщика, и свѣтильня свѣчи то и дѣло оказывалась срѣзанною до нельзя.

— Опять.... опять погасилъ! восклицалъ тогда Наруковичъ, хватаясь за виски и отчаянно качая головой: — экія лапищи!

— Ты бы еще подъ руку-то побольше кричалъ! бормоталъ съ досадой ламповщикъ, такъ однакожь, что Ѳомичъ не могъ разобрать словъ.

Тѣмъ не менѣе бормотанье ламповщика не оставалось безъ отвѣта, и Ѳомичъ замѣчалъ обыкновенно:

— Потолкуй еще, милый! потолкуй!

И счастливъ былъ долговязый дѣтина, когда Ѳомича отвлекала отъ него какая-нибудь иная забота: или надо было произвести громъ, или «глухой гулъ», которыми обыкновенно сопровождалось каждое появленіе на сценѣ и каждое исчезновеніе со сцены днѣпровской русалки; или слѣдовало крикнуть дѣвицѣ Колчановой: «Машенька, вамъ, вамъ выходить!» или требовалось привести въ движеніе какую-нибудь искусно устроенную машину, въ родѣ напримѣръ утвержденной на шестѣ доски, которая долженствовала изображать собою крыло вѣтряной мельницы и, зацѣпясь придѣланнымъ къ ней крюкомъ за поясъ Тарабара, доставить господину Гудкову воз-

можность поболтать ногами на воздухѣ и посмѣшить почтеннѣйшую публику.

Ѳомичъ (какъ я сказалъ ужь) исчезъ съ подмостокъ въ началѣ втораго акта. Впрочемъ верзила ламповщикъ недолго наслаждался спокойствіемъ — не больше пяти минутъ.

Наруковичъ явился снова, но ужь не въ прежнемъ длиннополомъ сертукѣ своемъ гороховаго цвѣта, а въ фантастическомъ облаченіи. На головѣ его красовалась черная картонная шапка, имѣвшая видъ опрокинутой воронки или, если хотите, шлема; спереди вмѣсто козырька былъ къ ней пришитъ лоскутъ черной тафты съ двумя дырочками для глазъ (забрало). Толстое туловище Ѳомича было все обтянуто чернымъ каленкоромъ; на плечахъ нѣчто въ родѣ куртки; куртка подпоясана чернымъ кушакомъ съ мѣдной бляхой на животѣ; на ногахъ узенькіе штаны. Сверхъ этого одѣянія, имѣвшаго назначеніе представлять собою черныя латы, на фантастическаго рыцаря была накинута огромная бѣлая простыня, которою почтенный Наруковичъ могъ превосходно драпироваться.

Хотя простыня безпрестанно сползала у него съ плечъ и попадала ему подъ ноги, однако она не помѣшала Наруковичу, тотчасъ по появленіи его за кулисами, приняться съ прежнею дѣятельностью за распоряженія.

— Эй, ты! ты! милый! обращался онъ то и дѣло къ злополучному ламповщику: — опять вонъ свѣчка оплыла?... опять?... Ты, кажется, кулисы у меня сжечь хочешь!

Но вотъ, бросаясь со сцены, прекрасная дѣвица Колчанова чуть не сшибаетъ содержателя съ ногъ; онъ торопливо обращается къ Румаковскому, который давно ужь, вслѣдствіе отданнаго приказанія, вооружился жестянымъ листомъ, и торопливо произноситъ:

— Ну, братецъ, ну!

Громъ гремитъ; Ѳомичъ закутывается въ простыню и медленными шагами выступаетъ на сцену.

Публика ободрительно и одобрительно рукоплещетъ, и Наруковичъ, откинувъ немного полы своей бѣлой мантіи, тихо раскланивается и прикладываетъ къ сердцу правую руку. Рукоплесканія такъ усиливаются, что за ними вовсе не слышно первыхъ словъ, произнесенныхъ Ѳомичемъ.

«Почтенный духъ!» спрашиваетъ Видостанъ, картинно выставивъ впередъ правую ногу: «кто ты таковъ?»

«Неужели ты не узналъ меня по этому одѣянію, въ которомъ отправился я на брань противъ гордыхъ враговъ?»

Привидѣніе (такова роль Наруковича) широко распахиваетъ простыню, и черный каленкоръ его доспѣховъ блеститъ даже при слабомъ освѣщеніи. Доспѣхи употребляются рѣдко и потому они довольно новы; только панталоны утратили отчасти прежній глянецъ, потому-что служатъ чаще куртки, именно для костюма меровъ, судей, нотаріусовъ, подъячихъ и вообще всякихъ какъ русскихъ, такъ и иноземныхъ крючковъ.

«Въ этой бронѣ вкусилъ я сладчайшую смерть, сражаясь за отечество!» продолжаетъ Наруковичъ, и торжественный звукъ его голоса нимало не напоминаетъ той интонаціи, съ какою раздаетъ онъ закулисныя приказанія: кажется, будто на этотъ разъ Ѳомичъ превратился въ брандмейстера, распоряжающагося на пожарѣ. «Въ этой бронѣ погребенъ я на ратномъ полѣ!»

Кусокъ черной тафты, скрывавшій отъ публики и Видостана черты почтеннаго артиста, приподымается, и публика и Видостанъ видятъ бѣлое какъ мука лицо.

«Видостанъ!» грозно произносятъ губы этого лица: «когда возвратишься ты въ свое владѣніе, то пойди въ ту храмину, въ которой находятся изображенія твоихъ прародителей, по-

смотри на мое изображеніе и замѣть черты стараго прародителя твоего Мечида.»

«Почтенная тѣнь!...» восклицаетъ молодцоватый Видостанъ.

Публика, должно полагать, очень довольна игрою содержателя странствующей труппы, потому-что каждая фраза, произнесенная этимъ почтеннымъ мужемъ, возбуждаетъ аплодисменты, къ которымъ даютъ сигналъ лица, украшающія собою первые ряды креселъ.

Наруковичъ съ своей стороны тоже очень доволенъ благосклонностью къ нему лучшей части общества города Камска, и въ первый разъ сожалѣетъ, что неудобство помѣщенія не дало возможности устроить въ сценѣ провалъ, куда привидѣніе, теперь по необходимости просто скрывающееся между кулисами номеръ второй и номеръ третій, могло бы такъ эфектно исчезнуть при вспышкѣ синеватаго пламени.

Не разъ слышались раскаты грома; не разъ получала всеобщее одобреніе героиня піесы, являвшаяся и въ видѣ старухи, съ повязанною по мѣщански головой, и въ видѣ барыни, въ шляпкѣ съ перомъ, и въ видѣ пустынницы, съ посохомъ въ рукахъ, и въ видѣ молдаванки, болѣе похожей на татарку, и еще въ какихъ-то видахъ; не разъ, возбуждая смѣхъ, ссорились Ратима и Тарабаръ; не разъ трубили охотники; не разъ раздавался незримый хоръ русалокъ; не мало помучился Гудковъ, мотаясь на крылѣ вѣтряной мельницы и попавшись въ лапы чудовища (съ рожками и хвостикомъ), которое умчало его подъ самый потолокъ.... Наконецъ поднялся задній занавѣсъ, и очамъ зрителей открылись чертоги Лесты, озаренные бенгальскимъ огнемъ....

— Браво! Живягина!

— Гудкова!

— Живягину!

— Наруковича!

— Всѣхъ!

— Брраво!

Дымъ, произведенный бенгальскимъ огнемъ, не позволилъ публикѣ замѣтить, явились ли вызванные артисты засвидѣтельствовать ей свою глубочайшую признательность, и зрители поспѣшили покинуть сильно надушенную порохомъ залу.

Черезъ часъ ни единой души не оставалась уже въ бывшемъ домѣ сумашедшихъ; чадный мракъ господствовалъ въ немъ, и глухая тишина только изрѣдка нарушалась вознею крысъ, которыя скреблись гдѣ-нибудь въ углу или пробѣгали по звонкому полу сцены.

ГЛАВА II.

Бездомная стая.

Нравы города Камска отличались по преимуществу семейнымъ характеромъ; въ немъ существовалъ только одинъ трактиръ, и то при гостинницѣ для пріѣзжающихъ. Единственное заведеніе это носило наименованіе «Магнита», хотя, по мнѣнію моему, далеко не обладало привлекающими или привлекательными свойствами. Хмурый видъ имѣли невыштукатуренныя и невыбѣленныя кирпичныя стѣны двухъ-этажнаго зданія, посвященнаго кормленію и поенію безсемейныхъ путниковъ житейскаго моря; едва ли еще не угрюмѣе смотрѣли внутреннія стѣны «Магнита». Тяжелые потолки съ изображеніями какихъ-то корзинокъ и голыхъ купидончиковъ, изображеніями, давно покрытыми коричневою копотью; люстры массивнаго вида и дешевой цѣны, увѣшанныя на половину оббитыми продолговатыми стеклышками, которыя издаютъ жалобный, робкій звонъ, когда трактирный слуга летитъ изъ одного угла въ другой по полинявшему полу; неизбѣжная принадлежность каждаго мало-мальски благоустроеннаго трактира —

огромныя картины въ старыхъ полинявшихъ рамахъ, картины невѣдомыхъ міру художниковъ, мрачная кисть которыхъ начертала не въ одномъ экземплярѣ зеленое лицо и желтыя плечи добродѣтельной римлянки, питающей грудью заключеннаго въ темницу престарѣлаго отца; громада буфетъ, сверху до низу испещренный синими и розовыми съ золотомъ узорами пузатыхъ чайниковъ и плоскодонныхъ чашекъ, разноцвѣтными и затѣйливыми ярлыками штофовъ, полуштофовъ и бутылокъ, и у этого буфета худое и рябое лицо «малаго» съ двумя жидкими клочками желтоватыхъ волосъ вмѣсто бороды; крашеные столы, покрытые толстыми скатертями съ какими-то фантастическими рисунками; старая шарманка въ углу, прилаженная на крестообразно сложенныхъ ножкахъ, которой впрочемъ очень рѣдко приходится выть и визжать какіе-нибудь «Не бѣлы снѣги» на услажденіе слуха и сердца трактирныхъ посѣтителей; половые разбитнаго вида, съ бородками и лоснящимися лицами, съ раздувающимися рубашками, которымъ, то-есть рубашкамъ, часто по неволѣ приходится спахивать пыль со столовъ; карта въ бѣлой рамкѣ безъ стекла, вся засиженная мухами, изъ которой значится, что въ заведеніи можно получать, кромѣ столь обыкновенныхъ поросенка подъ хрѣномъ, селянки и битка съ лукомъ, и такія изысканныя блюда, что выговорить трудно.... все это было, если хотите, въ порядкѣ вещей, то-есть въ порядкѣ трактировъ, но, опять скажу, вовсе не стоило того, чтобъ называться «Магнитомъ». Конечно бильярдъ, помѣщенный по сосѣдству съ кухней, въ одной изъ дальнихъ комнатъ, могъ бы отчасти оправдать наименованіе трактира, какъ единственный бильярдъ во всемъ городѣ; но сукно его было такъ изношено, борты такъ похожи по упругости своей на кирпичъ, а лузы— на широкіе рваные карманы, что желающихъ катать по этому зеленому полю кривыми кіями обколоченные со всѣхъ сторонъ шары оказывалось очень мало.

Основатель и содержатель «Магнита», купецъ Сундуковъ, вѣроятно вовсе не думалъ о несообразности фирмы своего заведенія съ его сущностью: «Магнитъ», совокупно съ гостинницею для пріѣзжающихъ, доставлялъ ему очень изрядный доходецъ.

Должно полагать, что и актеры странствующей труппы Осипа Ѳомича Наруковича вовсе не были согласны съ моимъ взглядомъ на «Магнитъ».... Во все продолженіе шестимѣсячнаго ихъ пребыванія въ городѣ Камскѣ не было, я думаю, дня, чтобы хоть кто-нибудь изъ нихъ не зашелъ въ трактиръ — либо выпить водки и закусить, либо отвести душу чайкомъ.

Такъ и послѣ представленія «Русалки» нѣсколько членовъ труппы отправилось подкрѣпиться въ заведеніе купца Сундукова. Сигналъ къ движенію туда былъ поданъ Живягинымъ, который, надвигая себѣ на лобъ старую шляпу, справедливо замѣтилъ, что много они нынче пѣли, да мало ѣли.

Дилетантъ писецъ, исполнявшій роль Пламида, весь сіялъ возвышеннымъ восторгомъ. Онъ готовъ былъ заключить всю вселенную въ свои объятія. Вотъ почему, услыхавъ слова Живягина, онъ немедленно пригласилъ его въ трактиръ напиться чаю и закусить.

Ему хотѣлось бы возблагодарить такимъ образомъ и всю труппу за данное ему мѣстечко въ ея средѣ; но въ карманѣ у него было очень не густо, и онъ по неволѣ ограничился только главными артистами.

На приглашеніе Милоглядова, обращенное къ самому главѣ труппы, Наруковичъ отвѣчалъ отрицательно.

— Некогда мнѣ, некогда, милый.

— Хоть на нѣсколько минутъ, Осипъ Ѳомичъ.

— Не могу.... и радъ бы, милый, не могу.

— Стаканъ чаю...

— Въ другой разъ когда-нибудь, теперь некогда — ей-Богу некогда, милый.

Нечего дѣлать! Милоглядовъ обратилъ къ другимъ свое приглашеніе; кромѣ Живягина, предложилъ онъ чай и закуску Румаковскому, Гудкову и Рѣшилову.

Рѣшиловъ отказался. Вилкова, которымъ писецъ хотѣлъ пополнить бесѣду, не нашлось на подъѣздѣ театра, и гостей у Милоглядова оказалось всего трое.

Отъ театра до трактира путь былъ не близокъ, но апрѣльскій вечеръ дышалъ ужь близостью мая, и груди было такъ легко на чистомъ воздухѣ послѣ чада и духоты театральной залы, что дорога никому не показалась длинною.

Когда три жреца драматическаго искуства размѣстились за небольшимъ столомъ въ главной залѣ «Магнита», вѣрно ни одинъ посторонній наблюдатель, глядя на нихъ, не подумалъ бы, что не дальше какъ за полчаса эти очень простые смертные были членами роскошнаго фантастическаго міра. Не говоря ужь о другихъ, и самъ Видостанъ, переставшій именоваться Видостаномъ, утратилъ чуть не на половину свое недавнее великолѣпіе. Мѣдный шлемъ сброшенъ, и на темени Живягина очень замѣтна изряднаго объема лысина; бѣлила съ лица смыты, и цвѣтъ у него какой-то зеленовато-желтый, и все оно какъ-то болѣзненно оплыло. Даже и глаза какъ-будто не такъ ужь черны и ярки, какъ давеча. Только усы хранили прежній гордый видъ, да могучее тѣлосложеніе оставалось конечно то же. Темносиній сертукъ Живягина, застегнутый на двѣ нижнія пуговицы, былъ сильно потертъ и не разъ заштопанъ подъ мышками благосклонною супругой трагика. Сапоги тоже не избѣгли бы ея рукъ, если бъ она смыслила что-нибудь въ чеботарномъ мастерствѣ.

Одежда другихъ актеровъ была ничѣмъ не лучше одежды Живягина. Гудковъ уже лѣтъ шесть почти не спускалъ съ

плечъ своей нѣкогда франтовской венгерки; шнуры, украшавшіе ея края и швы, давно разсучились; шелковыя кисти давно изсѣклись; изъ двѣнадцати крючковъ уцѣлѣло только шесть. У Румаковскаго, какъ у перваго любовника, были еще въ запасѣ довольно сносные фракъ и сертукъ; но на этотъ разъ онъ явился въ трактиръ въ старомъ пальто съ продраннымъ локтемъ.

Вообще и комикъ и первый любовникъ походили съ виду больше на какихъ-нибудь разночинцевъ средней руки, чѣмъ на артистовъ.... И не по одеждѣ только! Самыя лица ихъ имѣли какое-то грубо-тупое и отчасти жалкое выраженіе. Румаковскій очень часто глядѣлся въ затусклое зеркало, противъ котораго усѣлся; но это можетъ-быть свидѣтельствовало о его самолюбіи, только ужь никакъ не о красотѣ. Кажется, все было въ немъ очень недурно — и ярко вырисованныя брови, и маленькіе усы, и сѣрые глаза, и довольно правильный носъ, и волнистые темные волосы; но общее впечатлѣніе этихъ частностей было вовсе не въ пользу Румаковскаго; кромѣ того, онъ былъ очень худъ, и ярко алый цвѣтъ его губъ напоминалъ губы вурдалака.

Сравнительно съ Гудковымъ, Румаковскій однакожь могъ бы назваться даже красивымъ. Комикъ былъ просто безобразенъ. Если бъ въ роли Тарабара онъ и не поддѣлывалъ себѣ фальшиваго живота, публика потеряла бы не много: у него было собственное брюшко очень значительнаго объема, и вообще онъ отличался тучностью. Эта тучность не была однакожь слѣдствіемъ здоровья; Гудкову давно грозилъ параличъ. Глаза почти исчезли за одутловатыми щеками, которыя постоянно покрыты были сизо-багровымъ румянцемъ; подбородокъ казался лишнимъ наростомъ; онъ только задерживалъ дыханіе и производилъ хриплость въ голосѣ. Послѣднее было впрочемъ не безъ пользы для сценическихъ успѣ-

ховъ Гудкова: онъ смѣшилъ вообще не столько своею игрой, сколько фигурой и голосомъ.

Занявъ мѣста около трактирнаго стола, всѣ трое — и трагикъ, и комикъ, и первый любовникъ — смотрѣли невесело и молчали, вѣроятно вслѣдствіе сильной усталости. Только испещренное веснушками лицо Милоглядова озарялось постоянною улыбкой. Этотъ юноша (ему было не болѣе двадцати-трехъ лѣтъ отъ роду) каждымъ почти словомъ обличалъ свою крайнюю глупость; но къ счастью былъ не многорѣчивъ и больше любилъ дѣло, нежели слова. Въ одно мгновеніе ока слеталъ онъ въ буфетъ, гдѣ гостепріимный буфетчикъ немедленно распорядился сообразно наставленію Милоглядова. Половой Степанъ вооружился двумя чайниками, большимъ пустымъ и маленькимъ съ засыпкой, и помчался за кипяткомъ въ кухню; половой Кондратій понесъ въ залу графинчикъ водки, четыре рюмки и порцію какой-то соленой рыбы; самъ рѣдкобородый Андреянычъ, распоряжавшійся за буфетомъ, занялся откупориваніемъ бутылочки такъ-называемаго «ямайскаго».

Графинчикъ едва успѣлъ появиться на столѣ, какъ ужь и опустѣлъ; зато взглядъ собесѣдниковъ сталъ нѣсколько проясняться, и они прервали свое молчаніе.

— Вотъ оно и лучше какъ-то, замѣтилъ Гудковъ, глубоко дохнувъ: — и лучше, какъ подобьешь фуфайку-то!

«Подбить фуфайку» на языкѣ артистовъ значило — выпить водки.

— Еще бы! согласился съ своей стороны Живягинъ.— Вотъ я: не выпьешь водки послѣ спектакля — такая гадость въ головѣ.

— Ничего, невредно, подтвердилъ и первый любовникъ, закусывая ржанымъ сухаремъ.

Пустой графинчикъ смѣнился бутылочкой «ямайскаго» и приборомъ для чая или, лучше сказать, для пунша.

— Отчего это Семенъ Михайлычъ не пошелъ съ нами? спросилъ любитель писецъ, разливая чай.

— Вотъ захотѣлъ! отвѣчалъ Живягинъ: — да надо сначала арканъ взять да на арканъ его поймать.... и на арканѣ-то пожалуй не вытащишь.

— Странный онъ, въ самомъ дѣлѣ, человѣкъ: такъ всегда дичится.

— Медвѣдь! — Эй, малый! трубку!

Дѣло шло о Рѣшиловѣ.

— Звалъ и Осипа Ѳомича, сказалъ Милоглядовъ (въ голосѣ его было столько же подобострастія, какъ въ выраженіи лица и манерахъ): — тоже отказался. Некогда, говоритъ.

— Какъ же не некогда? деньги надо разъ десять пересчитать, отозвался трагикъ.

— Охъ, деньги! деньги! жалобно воскликнулъ Гудковъ, и зажмурился. — Долго не видать мнѣ отъ него денегъ!

Милоглядовъ предложилъ робкій вопросъ: отчего? Гудковъ отвѣчалъ, что Ѳомичу пришлось заплатить по счету изъ трактира столько, что онъ, Гудковъ, долженъ теперь заслуживать эти деньги чуть не полгода.

— Какъ это сумѣлъ ты столько задолжать? замѣтилъ Румаковскій.

— Да такъ же. На дню-то разъ пять сюда завернешь. Пуншъ, другой, третій; водки, закуски.... Полгода, вотъ, живемъ здѣсь. Ну клади хоть по полтинѣ въ день: трижды пять — пятнадцать..... да еще пятнадцать.... тридцать.... тридцать.... Ну, сколько тамъ выйдетъ? Сто рублей выйдетъ.

— Да, почти.

— А сколько еще Андреянычъ приписалъ! Это также въ счетъ поставь.

Милоглядовъ, которому захотѣлось вмѣшаться въ разговоръ, замѣтилъ, что расплата Ѳомича съ купцомъ Сундуко-

вымъ свидѣтельствуетъ о его добротѣ. Впрочемъ замѣчаніе это было произнесено очень нерѣшительно.

Гудковъ разразился хриплымъ хохотомъ, и щеки у него побагровѣли еще больше.

— Да, сказалъ съ сердцемъ Живягинъ: — говорятъ, добръ и волкъ до овецъ, а все не то, что родной отецъ.

Милоглядовъ смѣшался.

— То-есть, я не то-съ.... я хотѣлъ сказать, что Осипъ Ѳомичъ человѣкъ акуратный.... честный....

Гудковъ опять покатился со смѣху.

— Честный! воскликнулъ трагикъ еще сердитѣе: — какъ же не честный! Чортъ чесалъ да и чесалку-то потерялъ.

Милоглядовъ окончательно опѣшилъ и, не дерзая болѣе произносить никакихъ сужденій о Ѳомичѣ, принялся подливать своимъ собесѣдникамъ ромъ.

— Ромку-то, господа? ромку-то?

Въ то время, какъ актеры усердно занялись пуншемъ, половой Кондратій, изъ нижняго этажа, въ которомъ помѣщался трактиръ, побѣжалъ во второй этажъ, то-есть въ гостинницу для пріѣзжающихъ, и тамъ сообщилъ что-то наскоро коридорному служителю Ивану. Иванъ тотчасъ же пошелъ въ номеръ пятый.

Въ этотъ вечеръ, когда на извѣстной намъ сценѣ происходило третье дѣйствіе знаменитой оперы, во дворъ «Магнита» въѣхала новая, красивая бричка, запряженная тройкою почтовыхъ лошадей. Изъ нея вышелъ очень щеголевато одѣтый мужчина лѣтъ двадцати пяти, много шести, высокаго роста, бѣлокурый, красивый и стройный. Онъ пріѣхалъ одинъ, безъ слуги. Въ отведенное ему помѣщеніе, состоявшее изъ двухъ довольно опрятныхъ комнатъ, трактирная прислуга тотчасъ перенесла всю поклажу изъ брички. Ея было немного: чемоданъ, дорожный туалетный ящикъ, портфель, большой коверъ и двѣ кожаныя подушки. Пріѣзжій велѣлъ подать себѣ

чаю. Чай принесли. Слуга, поставивъ подносъ на столъ, хотѣлъ удалиться, но пріѣзжій остановилъ его.

— Погоди.

— Что прикажете-съ?

— Есть въ городѣ театръ?

— Есть-съ.

— Хорошъ?

— Не могу знать; не бывалъ-съ.

— А хвалятъ?

— Вотъ Иванъ коридорный ходилъ не однова; хвалитъ-съ.

— Много народу бываетъ?

— Народу не такъ-то слышь много; больше все господа-съ.

Пріѣзжій не могъ не улыбнуться простодушному отвѣту.

— Кто содержитъ? спросилъ онъ, помолчавъ.

— Купецъ Сундуковъ-съ.

— А не Наруковичъ?

— Никакъ нѣтъ-съ.

Слуга ухмыльнулся.

— Какъ же это мнѣ сказали, что здѣсь Наруковичъ?...

— Никакъ нѣтъ-съ.

— Да я что-то и не слыхалъ ни про какого Сундукова.

— Точно такъ-съ.... Сундуковъ.... Гаврила Антипычъ... Онъ содержитъ-съ... Я ужь у него пятый годъ-съ....

Пріѣзжій пристально взглянулъ на слугу.

— Да ты про кого говоришь?

— Про хозяина-съ....

— Ты, братъ, ужасно глупъ; пошелъ вонъ и пошли ко мнѣ кого-нибудь поумнѣе.

— Слушаю-съ.

Слуга ушелъ въ недоумѣніи, отчего это показался онъ барину дуракомъ.

— Иванъ! крикнулъ онъ въ коридорѣ: — поди въ пятый номеръ.

— Да вѣдь ты оттуда!

— Тебя зоветъ.

— Что такъ?

— Иди знай.

Иванъ явился въ номеръ пятый.

— Что прикажете, сударь?

— Какъ тебя зовутъ?

— Иваномъ, сударь.

— Коридорный?

— Точно такъ, сударь.

— Бывалъ въ театрѣ?

— Бывалъ, сударь; очень играютъ забавно.

— Кто содержитъ актеровъ?

— Наруковичъ, сударь, Осипъ Ѳомичъ.

— Часто играютъ?

— Два раза въ недѣлю, сударь.

— Нынче есть представленіе?

— Представляютъ, сударь; въ послѣдній разъ.

— Какъ въ послѣдній?

— Точно такъ-съ.

— Ѣдутъ что-ли?

— Ѣдутъ, сударь.

— Не знаешь, куда?

— Въ Голодаевъ, сударь, на ярмонку.

— Скоро?

— Должно-быть на этихъ дняхъ, сударь. Ужь и хозяину нашему все сполна заплатили.

— Часто бываютъ здѣсь?

— Почти что каждый день.

— Пьянствуютъ?

— Всяко бываетъ, сударь.

— Ладно. Ступай!

Иванъ повернулся на пяткахъ.

— А какъ ты думаешь, успѣю я теперь въ театръ?

Слуга остановился и сдѣлалъ полуоборотъ.

— Не поспѣете, сударь. Скоро, чай, и кончится. Начинаютъ рано.

— А что даютъ?

— «Русалку», сударь.

— Жаль, поздно. Да не будетъ ли кто изъ актеровъ послѣ спектакля здѣсь?

— Я думаю, что будутъ, сударь.

— Если кто изъ нихъ придетъ, дай мнѣ знать.

— Слушаю, сударь.

— Да вотъ возьми мой паспортъ, отнеси хозяину.

— Слушаю, сударь.

Иванъ удалился. При слабомъ свѣтѣ ночника, мерцавшемъ въ коридорѣ, онъ узналъ изъ полученнаго имъ документа, что пріѣзжій — недоросль изъ дворянъ Павелъ Павловъ сынъ Литовцевъ.

Извѣстившись чрезъ коридорнаго, что въ трактирѣ четверо актеровъ, пріѣзжій закурилъ сигару и сошелъ внизъ.

Когда онъ вступилъ въ залу, гдѣ сидѣли Живягинъ, Гудковъ, Румаковскій и Милоглядовъ, бутылка рому, стоявшая передъ ними, была уже на половину опорожнена. Разговоръ шелъ бойкій и громкій. Предметомъ былъ Ѳомичъ, и нельзя сказать, чтобъ артисты его щадили.

Всѣ однако смолкли при появленіи неизвѣстнаго лица. Милоглядовъ первый замѣтилъ его.

— Кто это? кто это? перешепнулись актеры.

Пріѣзжій подошелъ къ столу.

— Извините, господа. Кажется, я приходомъ своимъ нарушилъ вашу бесѣду?

Милоглядовъ подобострастно приподнялся со стула, взяв-

шись за спинку его лѣвой рукой. Барскій видъ незнакомца привелъ его въ робость.

Но и этотъ видъ и слова пріѣзжаго подѣйствовали совершенно иначе на трагика. Онъ гордо и почти презрительно оглядѣлъ Литовцева съ головы до ногъ, и сказалъ:

— Ошибаетесь. Не можете намъ мѣшать.

— Въ такомъ случаѣ позвольте рекомендовать себя вашему вниманію. Если не ошибаюсь, я вижу артистовъ здѣшней труппы?

— Есть немножко, отвѣчалъ Гудковъ.

— А я почитатель и другъ всѣхъ артистовъ.... только-что пріѣхалъ изъ Москвы; остановился здѣсь въ трактирѣ... фамилія моя — Литовцевъ.

Живягинъ снова окинулъ пріѣзжаго своимъ быстрымъ взглядомъ, но ужь не столь гордо какъ сначала; потомъ всталъ съ мѣста и, протянувъ руку Литовцеву, сказалъ довольно мягкимъ тономъ:

— Очень пріятно. Живягинъ.

— А! вы господинъ Живягинъ?... Много слышалъ о васъ еще въ Москвѣ. Вы вѣдь, кажется, играете больше въ драмахъ?

— Трагикъ.

— Позвольте, господа, познакомиться и съ вами, обратился Литовцевъ къ другимъ собесѣдникамъ.

У Милоглядова душа ушла въ пятки.

Пріѣзжій подалъ руку Гудкову и, узнавъ его имя, сказалъ, что слыхалъ въ Москвѣ и о немъ, какъ объ одномъ изъ замѣчательнѣйшихъ провинціальныхъ актеровъ. Комикъ прохрипѣлъ въ отвѣтъ что-то милое. Потомъ рука Литовцева перешла въ руку перваго любовника. Румаковскому новый знакомецъ не понравился; онъ вдругъ ощутилъ крайнюю неувѣренность въ своихъ достоинствахъ, какъ-то красотѣ, лов-

кости и свѣтскости. Взглядъ, брошенный имъ въ зеркало, не подкрѣпилъ его.

— Вы конечно тоже артистъ? сказалъ пріѣзжій, протягивая руку и Милоглядову.

Вопросъ былъ сдѣланъ какъ-то недовѣрчиво.

— Немножко-съ, отвѣчалъ писецъ, краснѣя до ушей и улыбаясь.

— Сегодня игралъ въ первый разъ, замѣтилъ Гудковъ.

— Выказалъ изрядныя способности, дополнилъ трагикъ.

— Только-что поступаете на сцену? спросилъ Литовцевъ, придвигая къ столу стулъ и садясь.

Писецъ рѣшился тоже присѣсть на кончикъ стула.

Трагикъ объяснилъ Литовцеву, что такъ-какъ за неимѣніемъ маркитанта служитъ и блинникъ, то молодой человѣкъ, не будучи членомъ труппы, занималъ роль Пламида только за неимѣніемъ настоящаго актера.

Затѣмъ Живягинъ предложилъ пріѣзжему выпить стаканъ чаю, и пріѣзжій не отказался.

— Малый! стаканъ и блюдечко!

И то и другое явилось въ одну секунду.

— А мнѣ, господа, позвольте предложить вамъ ужинъ, сказалъ Литовцевъ.

— Очень радъ, произнесъ трагикъ.

Тоже, кажется, отвѣчали и комикъ и первый любовникъ. Милоглядовъ промычалъ что-то невнятное, зато улыбнулся всѣмъ лицомъ.

— Человѣкъ! крикнулъ пріѣзжій:—что есть у васъ на ужинъ?

— Все, что угодно-съ, отвѣчалъ Кондратій.

И совралъ. Чего ни спрашивалъ пріѣзжій, ничего не оказывалось въ наличности. Пришлось заказать пять порцій бифстекса и столько же жареной телятины.

— Вина прикажете-съ?

— Непремѣнно, бутылку мадеры и бутылку краснаго.... самаго лучшаго — слышишь?

— Слышу-съ.

— Я думаю, вино у васъ — мерзость изъ мерзостей?

— Какъ можно-съ! отвѣчалъ половой: — изъ Москвы получаемъ-съ.

— Еще бы здѣсь дѣлали.... Такъ ступай же, давай намъ все это сюда.... Да не дурно, если заморозишь бутылки двѣ шампанскаго.

— Клека прикажете?

— Да, клико.

«Малый должно-быть теплый!» подумалъ половой и, въ чаяніи гривенника на водку, умчался на крыльяхъ вѣтра.

— Я слышалъ, вы скоро ѣдете отсюда, господа? спросилъ Литовцевъ.

— Надо бы на этой недѣлѣ.... Ужь куда надоѣло здѣсь! отвѣчалъ Живягинъ.

— Плохи сборы?

— Плоховаты.

— Сегодня былъ хорошъ, замѣтилъ Гудковъ.

— Только сегодня и есть, сказалъ Румаковскій.

— Публика деревянная, сказалъ трагикъ: — никакой любви къ театру.

— Такъ что же за охота оставаться здѣсь такъ долго? Вы вѣдь, кажется, давно въ Камскѣ.

— Полгода. Да куда ѣхать? Въ Шихманскъ? Прошлой осенью были; еще хуже.

— Содержатель-то, я думаю, покрякиваетъ?

— Что ему?

— Какъ что, помилуйте? Кому же и страдать въ этомъ случаѣ какъ не ему?

— Страдаетъ — держи карманъ!

— Да если сборы плохи?

— Что ты толкуешь: плохи сборы, плохи сборы? заговорилъ Гудковъ. — У кого они въ провинціи лучше?

— Понабилъ-таки нагрудникъ, замѣтилъ первый любовникъ. — Только нашъ-то братъ голъ какъ соколъ; намъ-то только....

— А знаете ли вы вотъ что? перебилъ трагикъ, обращаясь къ пріѣзжему: — вѣдь онъ у насъ изобрѣтатель, выжига. У него нагрудникъ. Для тепла носитъ. Не на ватѣ — на деньгахъ.

— Какъ? воскликнулъ съ изумленіемъ Литовцевъ.

— На ас-си-гна-ці-яхъ, продолжалъ Живягинъ, выколачивая каждый слогъ: — на ас-си-гна-ціяхъ. Недурно?

— Ха, ха, ха! Славное изобрѣтеніе!

— И спитъ въ этомъ нагрудникѣ; теплѣе. Одно плохо. Намъ отъ этого ни тепло ни холодно.

— Это, я вамъ скажу, такой скаредъ, какого поискать.

— Вотъ напримѣръ сколько разъ подзывалъ я его сюда, сказалъ комикъ: — самъ угостить хотѣлъ... Ни за что. Боится, какъ бы не заставили спросить пару чаю, либо выставить бутылку пива.

— Нельзя ему не бояться, возразилъ Живягинъ. — Ты вѣдь знаешь, есть у него одна струна — слабая струна. Крѣпокъ онъ, крѣпокъ, а прорывался. Только дай ему выйти на эту дорожку — пропалъ. Онъ ужь срѣзывался. Раза два цѣлый сборъ за буфетомъ оставилъ.

— Какой сборъ! сборъ сбору рознь, замѣтилъ Румаковскій.

— Разъ двѣсти рублей, другой сто — вотъ какой. Только бы попало сюда-то.

Трагикъ трижды выразительно ткнулъ себя безыменнымъ пальцемъ по лбу.

— Скажите пожалуста, отчего же труппа его не изъ лучшихъ?

— То-есть отчего она изъ худшихъ?

— Пожалуй хоть и такъ.

— Все отъ скаредства же. Нагрудникъ не хочется починать.

— Да вѣдь тутъ его же польза!

— Страшно! какъ бы не прогорѣть.

Подали ужинъ.

Разговоръ на время прекратился. Слѣдовало сначала утолить голодъ, на который Живягинъ не даромъ намекалъ при выходѣ изъ театра. Литовцевъ далъ артистамъ уничтожить бифстексъ и потомъ снова принялся за распросы.

— Меня давно занимаетъ бытъ странствующихъ артистовъ, сказалъ Литовцевъ: — и я очень радъ, что сошелся съ вами.

— Что нашъ бытъ?... Проживешь день — и слава тебѣ Господи! отвѣчалъ нѣсколько уныло первый любовникъ.

Водка, пуншъ и наконецъ мадера начали производить свое обычное вліяніе на Румаковскаго: взглядъ его на міръ дѣлался мрачнымъ. Напротивъ Гудковъ чаще сталъ смѣяться своимъ хриплымъ смѣшкомъ, который впрочемъ нерѣдко прерывался удушливымъ кашлемъ. Онъ все больше багровѣлъ, и глаза его ужь только изрѣдка показывали свои зеленые зрачки. Милоглядовъ давно осовѣлъ, и на него никто не обращалъ вниманія. Зато мощный трагикъ оставался твердъ какъ скала, и очень спокойно удовлетворялъ любознательность своего новаго знакомца.

— Часто вы переѣзжаете съ мѣста на мѣсто? спрашивалъ Литовцевъ.

— Блуждаемъ какъ номады. Сегодня здѣсь, завтра тамъ. Что дѣлать? Судьба! Дольше полугода нигдѣ не остаешься. Здѣсь зажились. Перелетныя птицы такъ-сказать!

— Вы давно въ труппѣ Наруковича?

— Къ счастью, нѣтъ, и къ-счастью, надѣюсь, не надолго.

— Что жь такъ?

— Я вамъ говорилъ, что свинья. Думаю поѣхать въ Бенделей — къ Сошникову. Зоветъ. Да вотъ съ этимъ контрактъ заключилъ.

— А на сценѣ вы давно?

— Да порядкомъ-таки. Пятнадцатый годъ идетъ.

— Вы вѣдь извѣстны въ провинціи; жалованье конечно получаете хорошее.

— Мало, очень мало. Прежде получалъ вчетверо больше. Имѣлъ глупость повздорить немножко съ Сошниковымъ... Слыхали про него?

— Какъ же!

— Лучшій содержатель. Повздорилъ съ нимъ — далъ ему въ щеку... Запальчивость — слабость моя. У него получалъ гораздо больше.

— А здѣсь сколько?

— Дрянь, самую дрянь. Семьсотъ ассигнаціями да два бенефиса. На платье, на сапоги—и только. Кабы не жена...

— Вы женаты?

— Есть грѣхъ.

— Она тоже играетъ?

— Да. Поетъ превосходно. Могла бы получать вдвое больше. Ракалія эта не умѣетъ цѣнить.

— А самъ онъ не играетъ?

— Какъ не играть! Прародителя въ «Русалкѣ» играетъ, тѣнь въ «Гамлетѣ», командора въ «Донъ-Жуанѣ»... Это его любимыя роли. Но главное — дочка отличается.

— И порядочная актриса?

— Какое! никуда не годится, и годиться-то не будетъ. Дрянь! А туда же первыя роли! Ни смыслу, ни таланту— ни на мѣдный грошъ; и вдобавокъ не то картавитъ, не то пришепетываетъ; ростомъ съ мою ногу... Хороша Параша Сибирячка напримѣръ, или Офелія!

Принесенное половымъ шампанское еще разъ прервало разговоръ Литовцева и Живягина; остальные собесѣдники говорили между собой или молчали. Они были ужь на готовѣ.

У Милоглядова шампанское плескалось черезъ край, и онъ едва могъ поднести стаканъ ко рту.

— Эхъ, братъ! сказалъ ему тономъ укоризны Живягинъ: — плохъ же ты!...

Писецъ заморгалъ, улыбнулся и несвязно прошепталъ:

— Под-гу-лялъ.

— То-то подгулялъ! Шелъ бы спать.

Совѣтъ трагика не остался безъ исполненія. Немного погодя Милоглядовъ всталъ со своего мѣста, прошелся несовсѣмъ вѣрными шагами по залѣ, спросилъ себѣ трубку и присѣлъ на диванъ въ другой сторонѣ комнаты. Когда ему подали трубку, онъ ужь спалъ съ легкимъ храпомъ и носовымъ присвистомъ.

Пріѣзжій развѣдалъ отъ трагика все, что было ему нужно, или что по крайней мѣрѣ хотѣлось ему развѣдать: біографію антрепренера, составъ труппы, объемъ жалованья каждаго изъ артистовъ, ихъ житье-бытье, отношенія между собою и предположенія относительно будущаго.

Читателю тоже не мѣшаетъ узнать нѣкоторыя изъ подробностей, переданныхъ Живягинымъ, и потому вотъ онѣ, дополненныя отчасти собственными свѣдѣніями автора. Мы будемъ говорить только о самомъ содержателѣ странствующей труппы.

Осипъ Ѳомичъ вовсе не прочилъ себя ни въ актеры, ни вообще въ какіе бы то ни было сценическіе дѣятели. Но театръ былъ вѣроятно истиннымъ призваніемъ его, потому-что на всѣхъ другихъ поприщахъ ему не очень везло; а между-тѣмъ способности у Наруковича были едва-ли не всестороннія. Къ сожалѣнію, образованіе мало способствовало ихъ развитію: оно было не блистательно, потому-что не шло за

предѣлы уѣзднаго училища. Окончивъ курсъ наукъ, Наруковичъ опредѣлился на службу. Отецъ не желалъ, чтобы его Осипъ прозябалъ въ глуши уѣзднаго городка, гдѣ жилъ и служилъ самъ онъ въ качествѣ мелкотравчатаго чиновника, и Осипъ отправился въ губернскій городъ. Старательность и умѣнье вести себя относительно начальства скоро принесли желанный плодъ — Осипа повысили. Но не успѣлъ Наруковичъ какъ слѣдуетъ обслужиться, не успѣлъ какъ слѣдуетъ упрочить за собою титло дѣльнаго, полезнаго и опытнаго чиновника, какъ случилось несчастіе: внезапно нагрянула какая-то ревизія и по окончаніи ея оказалось необходимымъ измѣнить весь персоналъ присутственнаго мѣста, въ которомъ состоялъ Осипъ. Онъ остался вдругъ безъ мѣста и съ аттестатомъ несовсѣмъ опрятнымъ. Можно было конечно вопіять на несправедивость судьбы, на людское лицепріятіе и проч. и проч. Да что въ этомъ толку? Наруковичъ твердо вынесъ первый ударъ судьбы. Это впрочемъ и понятно. Сердце у него было крѣпкое и мужественное; оно не поддавалось, несмотря на молодость Осипа, обольщеніямъ жизни, которыя часто увлекаютъ юношей въ свои сѣти: онъ съ ранняго отрочества любилъ не столько удовольствія, сколько деньгу. Зато и деньга любила его и всегда у него водилась. Оставшись безъ мѣста, онъ не остался — какъ это случается со многими въ подобномъ положеніи — безъ всякихъ средствъ существованія. Можно было и очень можно перетерпѣть нѣкоторое время и исподволь присмотрѣться къ какому-нибудь новому роду занятій. Осипъ ждалъ цѣлые три года. Этотъ промежутокъ не былъ, разумѣется, пустъ. Не имѣя возможности сунуться на старую дорогу (а сунуться хотѣлось бы), Наруковичъ принялся за ходатайство по дѣламъ. Дѣлъ однакожь было немного и ходатайствовать приходилось мало. «Въ этомъ проку большаго не будетъ!» думалъ Ѳомичъ: «ну да пока ладно; подождемъ, потерпимъ; авось

и дождемся чего-нибудь повыгоднѣе!» И дождался. Мѣсто управляющаго хорошимъ имѣньемъ — кладъ. Давно искалъ Осипъ такого клада и — вотъ кладъ дался ему въ руки. Около этой поры онъ женился на дочери какого-то мѣщанина. Тутъ судьба съ нимъ тоже немного подшутила. Мѣщанинъ обѣщалъ въ приданое за дочерью чуть не золотыя горы; оказалось, что нѣтъ и желѣзныхъ. Медовый мѣсяцъ скоро прошелъ, и начались домашнія неудовольствія. Жена Осипа была и безъ того баба жидкая, въ чемъ только душа держалась; а тутъ еще ежедневное полосканье со стороны супруга... Родивъ дочь, она отдала Богу душу. Получилъ Осипъ мѣсто управляющаго, отправился во ввѣренную ему вотчину — и принялся за дѣло живой рукой. Помѣщикъ много ужь лѣтъ не заглядывалъ въ свои помѣстья; онъ проживалъ постоянно за границей, и проживалъ, должно полагать, нескучно, потому-что на его расходы требовались частыя и значительныя высылки денегъ изъ отечества. Это было очень съ руки управляющему. Сначала, именно въ первые два или три года своего управительства, онъ высылалъ деньги помѣщику очень акуратно и въ изрядномъ количествѣ, хотя и жаловался постоянно на неурожай и разныя другія бѣды и невзгоды; но въ слѣдующіе два три года высылки дѣлались рѣже, и объемъ ихъ уменьшался, между-тѣмъ какъ жалобы на растройство деревенскихъ дѣлъ все увеличивались, а требованія барина вовсе не становились умѣреннѣе... напротивъ, они расли, шибко расли. Сомнѣнія въ акуратности управителя, въ его умѣньѣ вести дѣла, въ его честности, закравшись единожды въ голову помѣщика, должны были созрѣть со временемъ въ извѣстнаго свойства убѣжденіе. И точно, въ исходѣ шестаго года, который мирно доживалъ Осипъ на своемъ тепломъ мѣстечкѣ, властелинъ этого мѣстечка былъ ужь вполнѣ убѣжденъ, что управляющаго необходимо смѣнить. Вслѣдствіе письма барина къ од-

ному пріятелю, гдѣ выразительно говорилось, что «каналью управителя, который думаетъ, кажется, не о пользѣ помѣщика, а о томъ, какъ бы набить себѣ карманъ, надо немедленно выгнать», вслѣдствіе этого письма Наруковичъ получилъ отставку.

Плохо! Но что же дѣлать? «Посмотримъ (сердито говорилъ Осипъ), какъ-то съ другимъ управителемъ пойдетъ дѣло! Я о баринѣ помнилъ, а о себѣ только не забывалъ при случаѣ; а другой, можетъ, и наоборотъ станетъ поступать! Посмотримъ!»

Завистники Наруковича относятъ именно къ этому времени изобрѣтеніе нагрудника.

Послѣ оставки, полученной изъ Парижа, Наруковичъ поколотился годика два безъ всякого занятія въ губернскомъ городѣ Шимханскѣ. Если вѣрить его собственнымъ признаніямъ, жизнь его не была тутъ особенно цвѣтуща. Онъ постоянно въ теченіе этихъ праздныхъ лѣтъ жаловался и плакался на свои стѣсненныя обстоятельства, на крайнюю дороговизну существованія, особенно при семействѣ. Подъ «семействомъ» разумѣлась дочка, которая замѣтно подрастала. Но не всѣ, о! далеко не всѣ вѣрили жалобамъ Осипа; очень многіе лукаво подсмѣивались, когда онъ сколько могъ наивно утверждалъ, отражая обвиненія въ скупости, что богатства у него извѣстно какія: наготы да босоты навѣшаны шесты, а холоду да голоду полны анбары стоятъ. Не всѣмъ впрочемъ и жаловался Осипъ на свою нищету. Двумъ юнымъ франтамъ, игравшимъ не послѣднюю роль въ шимханскомъ обществѣ, онъ конечно не могъ плакаться на крутыя обстоятельства: обоихъ снабдилъ онъ за жидовскіе проценты, обеспечивъ себя вѣрнѣйшимъ закладомъ, очень изрядными суммами денегъ.

Наконецъ судьбы, которыя, какъ гласитъ старинное латинское изреченіе, желающаго ведутъ къ цѣли, а нежелаю-

щаго тащатъ, указали Наруковичу настоящее поприще для дѣятельности.

Смерть содержателя кочующей труппы, зимовавшей въ Шимханскѣ, произвела переворотъ въ жизни Ѳомича. Онъ былъ знакомъ съ покойникомъ и подробно разузналъ отъ него о всѣхъ выгодахъ и невыгодахъ антрепренерскаго дѣла. Труппа была очень жалкая, но все-таки давала содержателю возможность жить и дышать довольно свободно.

«Дѣло недурное (думалъ Ѳомичъ), и при умѣньѣ можетъ приносить знатныя выгоды. И главное, что хорошо — независимость. Ты ни отъ кого не зависишь, а отъ тебя многіе зависятъ. Самъ себѣ господинъ! Не будь Таракановъ (такъ именовался антрепренеръ) такая беззаботная голова, не кути во всю лопатку — у него навѣрнякъ были бы залежныя деньжонки.»

Но можетъ-быть Осипъ и не привелъ бы никогда въ исполненіе начавшаго въ немъ созрѣвать желанія заняться антрепренерствомъ, если бъ не случай, то-есть не смерть шимханскаго содержателя.

Таракановъ умеръ скоропостижно. Съ вечера былъ онъ здоровъ и очень плотно поужиналъ; а утромъ не могъ ужь подняться съ постели и къ полудню окончилъ свое здѣшнее существованіе. Неожиданное происшествіе это взволновало, разумѣется, всѣхъ, кто только состоялъ подъ вѣдѣніемъ покойника. Какъ быть? куда дѣться? Хорошо еще, что покойникъ не успѣлъ спустить съ рукъ всего послѣдняго сбора: пришлось бы пожалуй и на похороны-то сбирать съ тарелочкой. Просто бѣда! Поддержать соединенными силами труппу, которая грозила распасться въ ничтожество, никто и не помышлялъ: народъ все былъ неимущій. Къ тому жь и духа общительности было въ нихъ мало. Дѣвица Сизогубова старшая ужь рѣшилась-было возвратиться къ прежней чредѣ своей — служенію въ горничныхъ, которую

(такъ думала она въ эти грустныя минуты) слишкомъ опрометчиво промѣняла на шаткое положеніе актрисы; кромѣ себя, ей надо было заботиться еще и о сестрѣ, которой только что исполнилось тогда тринадцать лѣтъ. Младшая Сизогубова годилась въ труппѣ для дивертисментовъ, потому-что ловко выплясывала венгерскую и русскую; но куда же годится она внѣ театральныхъ стѣнъ? Была бы хоть хорошенькая по крайней мѣрѣ.... И на жениховъ-то нельзя расчитывать! Дѣвица Колчанова тоже была немало огорчена; она не знала, куда идти теперь и что дѣлать. Званіе горничной, на которое снова обрекала себя дѣвица Сизогубова, не удовлетворяло гордости дѣвицы Колчановой. Надѣясь на свою молодость, нѣкоторую красоту и свѣжесть, она гордо рѣшилась ждать счастія сложа руки — придетъ же съ которой-нибудь стороны!... Но никто изо всей труппы не былъ такъ пораженъ смертью Тараканова, какъ Рѣшиловъ. Онъ казался просто убитымъ. Черная хандра, постоянно державшая въ тискахъ его мозгъ и сердце, расходилась тутъ не на шутку. Безпріютное положеніе его, съ бранчивою женой и больнымъ ребенкомъ на рукахъ, представлялось ему такимъ безнадежнымъ, что не явись на выручку труппы Ѳомичъ, Рѣшиловъ, чего добраго, наложилъ бы на себя руки.

Во время знакомства читателя съ наруковичевой труппой только поименованныя лица остались въ ней отъ стараго персонала. Всѣ прочіе (ихъ было и не много) смѣнились новыми— кто умеръ, кто избралъ иную дорогу средь жизненной юдоли, кто поссорился съ содержателемъ и принужденъ былъ искать другихъ подмостокъ для своей дѣятельности.

Въ шесть лѣтъ, подъ управленіемъ Наруковича, бывшая таракановская труппа много усовершенствовалась. Правда, составъ ея сохранилъ прежній объемъ, но сюжеты были искуснѣе прежнихъ. Тогда при труппѣ вовсе не было оркестра, и въ каждомъ городѣ приходилось нанимать музыкантовъ (ка-

кіе случатся); теперь сформированъ свой оркестръ. Наруковичъ былъ вовсе не прочь отъ улучшеній; и если онъ не занялъ еще виднаго мѣста въ ряду провинціальныхъ содержателей, то единственно потому, что не любилъ поспѣшности въ дѣйствіяхъ, любилъ дѣлать все исподволь. Оно прочнѣе, и карману легче!

Когда Наруковичъ вступилъ на новое поприще, единственной дочкѣ его шелъ двѣнадцатый годъ. Сначала родитель думалъ не пускать ея на сцену; но, попривыкнувъ къ дѣлу, перемѣнилъ намѣреніе и сталъ заниматься съ нею самъ, приготовляя ее къ сценѣ. Дебюты ея были такъ же не блистательны какъ и ея школа. Сначала дѣвица отличалась въ разныхъ характерныхъ пляскахъ вмѣстѣ съ дѣвицею Сизогубовой младшей, потомъ въ маленькихъ водевиляхъ, и наконецъ, именно за два года до описаннаго мною представленія «Русалки» въ городѣ Камскѣ, принялась и за большія роли. Трагикъ былъ совершенно правъ, жалуясь Литовцеву, что дѣвица Наруковичъ только даромъ перебиваетъ роли у госпожи Живягиной; но что же прикажете дѣлать съ родительскимъ ослѣпленіемъ? Ѳомичъ былъ вполнѣ убѣжденъ, что его Софья чуть не первая актриса въ мірѣ.

— Не пора ли однако и на боковую? спросилъ наконецъ Живягинъ, расказавъ все, что хотѣлъ знать его новый знакомецъ.

Литовцевъ взглянулъ на часы.

— Да, скоро два.

— Пора, пора, сказалъ трагикъ, вставая. — Очень радъ, что познакомился. Надѣюсь, встрѣтимся еще.

Пріѣзжій пожалъ ему руку и отправился въ свой номеръ.

— Ну идемъ, братцы! крикнулъ трагикъ, подымая за руку сильно охмѣлѣвшаго Румаковскаго и расталкивая успѣвшаго заснуть Гудкова.

— Идемъ! проговорилъ Румаковскій, стараясь держаться прямо.

— Да вставай же, братецъ! какой ты смѣшной! толковалъ Живягинъ, будя комика.

— Оставь его! пускай спитъ! посовѣтовалъ первый любовникъ.

Пришлось по неволѣ послѣдовать этому совѣту, потому-что добудиться Гудкова было невозможно. О спящемъ въ другомъ углу Милоглядовѣ никто и не вспомнилъ.

Трагикъ и первый любовникъ отправились вдвоемъ.

Съ просонокъ Наруковичъ ужасно перепугался, когда могучая рука Живягина застучала въ наружную дверь дома, покоившаго въ стѣнахъ своихъ всю труппу. Онъ быстро поднялся съ подушки и обѣими руками схватился за нагрудникъ.

Стукъ повторился.

— Экіе полуночники, канальи! пробормоталъ съ досадой Наруковичъ: — до свѣту готовы въ трактирѣ сидѣть. Перепугали только!

И онъ снова улегся.

Дверь пришедшимъ отворилъ кларнетистъ, спавшій въ ближайшей комнатѣ. Онъ объявилъ, что клопы не дали ему заснуть.

Трагикъ прошелъ твердыми шагами въ спальню. Румаковскій въ потьмахъ ошибся дверью.

— Кто тутъ?

Этотъ окликъ заставилъ его вздрогнуть, когда онъ, воображая, что садится на свою постель, придавилъ чью-то голую ногу.

— Ли-за-ве... началъ было онъ нѣжнымъ голосомъ.

Но за плечи его ухватились двѣ крѣпкія женскія руки и онъ, ударившись о дверь рукой, опять очутился въ темномъ коридорѣ.

— Не туда попалъ, проговорилъ онъ.

Дѣвица Сизогубова старшая, сонъ которой былъ такъ неосторожно нарушенъ, поспѣшила запереть дверь, что вѣрно забыли сдѣлать съ вечера.

— Ахъ ты жизнь цыганская!

ГЛАВА III.

Стая на отлетѣ.

Почти съ разсвѣтомъ въ угрюмомъ зданіи временнаго театра закипѣла рьяная дѣятельность. Нѣсколько мужиковъ подъ предводительствомъ Осипа Ѳомича разбирали кулисы и складывали ихъ въ кучу на срединѣ сцены. Дремучій лѣсъ, въ которомъ наканунѣ происходили такія чудеса, превратился въ груду грязнаго холста, натянутаго на деревянныя рамы; тоже произошло потомъ и съ разными дворцами, храмами, домами, хижинами, пещерами и проч. Все это вытаскивалось изъ темной кладовой, которая занимала часть задней стороны бывшаго дома умалишенныхъ, все безъ разбору сваливалось вмѣстѣ, чтобы завтра быть перенесеннымъ на нѣсколько подводъ и поѣхать на нихъ въ Голодаевъ, на радость ярмоночныхъ гостей.

При пособіи энергическаго покрикиванья и изрядной бѣготни изъ угла въ уголъ содержатель успѣлъ довольно скоро привести въ должную готовность къ отправкѣ весь театральный хламъ — кулисы, занавѣсы, холстинные подзоры, ухищренно сооруженныя машины, старую и чрезвычайно ветхую мебель, бутафорскія вещи.... Послѣднія вмѣстѣ съ лампами, такъ уныло озарявшими сѣрыя стѣны залы, Наруковичъ собственноручно обернулъ въ сѣно и уложилъ въ большой деревянный ящикъ, который велѣлъ при себѣ же заколотить крѣпко на крѣпко гвоздями.

— Ну, теперь все, кажется! сказалъ онъ, отряхая запыленныя руки.

Трудившіеся надъ переноскою мужики получили немедленно умѣренную плату, за которую договорились съ Ѳомичемъ, и такъ-какъ просьба о прибавкѣ на водку оказалась совершенно безплодною, отправились къ другимъ занятіямъ.

Ѳомичъ очень усталъ; потъ катился градомъ съ его худощаваго лица; жилы на вискахъ напружились. Онъ безпрестанно вынималъ изъ-за пазухи своего гороховаго сертука полинявшій шелковый платокъ и проводилъ имъ по лицу, начиная съ широкой лысины, которая какъ-то особенно распространила свои владѣнія въ послѣдній годъ.... Что прикажете дѣлать? заботы! хлопоты! Желудокъ началъ напоминать о себѣ, потому-что Наруковичъ принялся за дѣло натощакъ. Быстро оглянувъ своими сѣрыми, плутоватыми глазками всѣ богатства, сваленныя на сценѣ, антрепренеръ еще разъ отряхнулъ пыль съ рукъ, съ наслажденіемъ понюхалъ табаку и отправился домой. Само собою разумѣется, что онъ заперъ на замокъ двери театральнаго зданія.... Хоть хламъ и не соблазнителенъ, а все лучше.

Домъ, занятый труппою Наруковича, находился въ недальнемъ разстояніи отъ театра. Онъ не представлялъ съ виду ничего особеннаго; бревенчатыя стѣны успѣли состарѣться, поджидая, скоро ли ихъ обошьютъ тесомъ, или хоть вымажутъ глиной; отъ оконъ до земли было не больше аршина, и подслѣповатыя, съ годъ немытыя стекла обильно обрызгивались грязью; ворота покачнулись; некрашеная кровля позеленѣла отъ моху.... Но дѣло не въ наружности, а въ удобствѣ помѣщенія. Домъ былъ словно нарочно выстроенъ для пріюта странствующихъ артистовъ. Длинный, узкій коридоръ раздѣлялъ его на двѣ почти равныя части; изъ нихъ каждая была въ свою очередь раздѣлена на нѣсколько комнатъ, которыя сообщались съ коридоромъ особыми дверьми. Ближай-

шую къ сѣнямъ комнату направо занялъ самъ Осипъ Ѳомичъ. Объ этомъ можно было догадаться съ перваго взгляда по крѣпкимъ замкамъ и пробоямъ, которые съ обѣихъ сторонъ ограждали безопасность двери. Убранство комнаты содержателя состояло только изъ самыхъ необходимыхъ предметовъ: небольшаго стола, на которомъ Ѳомичъ и обѣдалъ и писалъ свои счеты и выкладки, сундука съ его бѣльемъ и платьемъ, трехъ стульевъ и скромной постели, заключавшейся въ тюфякѣ и двухъ подушкахъ. Наруковичъ былъ неприхотливъ; могъ спать и безъ кровати. Насупротивъ помѣщались музыканты, за исключеніемъ впрочемъ Вилкова. У нихъ не было рѣшительно никакой мебели; и одежда ихъ и инструменты висѣли на стѣнахъ; спали они, какъ и Ѳомичъ, на полу. Рядомъ съ комнатою антрепренера обитали дѣвицы: Колчанова, Наруковичъ и двѣ сестры Сизогубовы. Двѣ первыя почивали на одной кровати, двѣ послѣднія на другой. Въ углу на треногомъ столѣ красовалось довольно большое круглое зеркало, около котораго находилось все нужное для женскаго туалета. Изъ-за этого зеркала выходило немало ссоръ между обитательницами комнаты. Только вздумала дѣвица Колчанова зашнуроваться и слѣдовательно посмотрѣть въ зеркало на свой пышный бюстъ, дѣвица Наруковичъ какъ нарочно усядется тутъ расчесывать свою косу; только-что старшая дѣвица Сизогубова соберется придать нѣкоторую бѣлизну и нѣкоторый румянецъ своему желто-блѣдному и худому лицу — смотришь, дѣвицѣ Колчановой понадобилось подщипать свои слишкомъ густыя брови. Бѣда да и только!... Стѣны комнаты были цѣликомъ закрыты (вмѣстѣ съ пятнами отъ клоповъ) множествомъ развѣшанныхъ чуть не на сотнѣ гвоздей крѣпко накрахмаленныхъ, бѣлыхъ и пестрыхъ, тонкихъ и толстыхъ юбокъ, а также и платьевъ, большею частью очень поношенныхъ, шелковыхъ, шерстяныхъ и бумажныхъ. Когда окна бывали открыты и вѣялъ хотя слабый вѣтеръ,

всѣ эти юбки и платья шевелились и шумѣли какъ роща. Два женатые члена бродячей труппы, Рѣшиловъ и Живягинъ, занимали каждый по комнатѣ на той же сторонѣ, гдѣ и антрепренеръ. Супруга трагика содержала свой уголъ въ большой чистотѣ, въ большомъ порядкѣ. Кромѣ опрятной постели, въ комнатѣ были софа, небольшой рабочій столъ и три мягкія кресла. Платье какъ самой госпожи Живягиной, такъ и мужа ея, не выставлялось на съѣденіе пыли, какъ у другихъ артистовъ и артистокъ а было прикрыто простынями, потому-что за неимѣніемъ шкапа тоже висѣло на стѣнѣ. Нѣсколько книгъ и тетрадей съ ролями лежало на стѣнной полкѣ (у собратій Живягина роли валялись обыкновенно по всѣмъ угламъ на полу). На окнахъ стояли горшки съ левкоемъ и резедой, и были повѣшены бѣлыя занавѣски. Сосѣдняя комната, владѣніе Рѣшилова, составляла совершенную противуположность помѣщенію Живягина. Въ ней было какъ-то тяжело дышать; какъ-то особенно жалко и бѣдно смотрѣлъ каждый предметъ. Большеголовый сынъ «благороднаго отца», лѣтъ пяти, въ англійской болѣзни, неподвижный и нѣмой, вѣчно торчалъ между двухъ подушекъ на постели, разостланной на полу; онъ издавалъ глухое мычанье и безсмысленно хлопалъ глазами. Постоянно озлобленная и бранчивая госпожа Рѣшилова (она только въ крайнихъ случаяхъ являлась на сценѣ, потому-что не знала грамотѣ) сидѣла обыкновенно на огромномъ сундукѣ у тусклаго окна и неустанно ворчала. Самъ Рѣшиловъ не выходилъ никуда, кромѣ театра; насупивъ брови, молча измѣрялъ онъ шагами свое тѣсное жилище и никогда почти не отвѣчалъ на сердитое бормотанье супруги, словно и не слыхалъ его. Остальные артисты были народъ холостой и жили всѣ въ одной комнатѣ нѣсколько больше другихъ, изъ двери въ дверь противъ помѣщенія дѣвицъ. Когда они сидѣли дома, въ комнатѣ исчезалъ прозрачный воздухъ, замѣняясь сѣрымъ, ѣдкимъ ды-

момъ неугасимыхъ трубокъ и сигаръ. Курили всѣ: и рѣдко трезвый Гудковъ, и Румаковскій, безпрестанно расчесывавшій свои кудри, и Вилковъ, съ утра до вечера наигрывавшій что-нибудь на скрипкѣ.

Самымъ незначительнымъ лицомъ въ труппѣ былъ столь важный для большинства актеровъ суфлеръ. Сообразно съ этой незначительностью онъ и помѣщенъ былъ въ домѣ чрезвычайно плохо. Ему достался на долю какой-то темный чуланъ, гдѣ Пастуховъ и пріютился съ женой и десятилѣтней доченкой. Онъ впрочемъ довольствовался всѣмъ, что ни посылала ему судьба; ни на что не роптал̃ъ. Человѣкъ онъ былъ простой, мѣщанинъ званіемъ; жена его, толстая и неуклюжая баба, была птица тоже не высокаго полета. До поступленія мужа въ суфлеры она служила въ кухаркахъ; кухаркою осталась и здѣсь.

Мира большаго, какъ водится, не было между многочисленными жильцами дома; впрочемъ должно къ сожалѣнію сознаться, что враждовала между собой только прекрасная половина народонаселенія.

Громкіе женскіе голоса, будто взапуски старавшіеся перекричать другъ друга, очень часто раздавались и въ отдѣльныхъ комнатахъ и въ коридорѣ; но главнымъ театромъ войны была всегда большая кухня, которою оканчивался коридоръ. Поутру почти ежедневно происходили тамъ ссоры и перебранки изъ-за кофейныхъ дѣлъ, и дѣвица Колчанова не разъ вступала въ отчаянную борьбу съ госпожою Рѣшиловой. Не знаю, всѣмъ ли будутъ понятны изъ вышесказаннаго поводы къ ссорѣ, и потому постараюсь объясниться примѣромъ.

Вотъ исторія одной изъ воинственныхъ схватокъ.

Утро. Ужь всѣ въ домѣ проснулись, хотя и не всѣ еще встали съ постелей. Не встала еще дѣвица Колчанова; но она ужь подправляетъ подъ чепчикъ разбившіяся ночью косы,

затягиваетъ завязки его подъ подбородкомъ, застегиваетъ воротъ рубашки — хочетъ тоже встать.

Между-тѣмъ Василиса Ивановна (таковы имя и отчество супруги угрюмаго Рѣшилова) ужь встала и подумываетъ о завтракѣ.

— Будешь ты кофей пить? спрашиваетъ она мужа.

— Нѣтъ, отвѣчаетъ онъ сурово.

Василиса Ивановна отпираетъ сундукъ, вынимаетъ оттуда свертокъ бумаги съ жженымъ и смолотымъ кофе и всыпаетъ въ кофейникъ порцію для одной себя.

— Опять кофею скоро не будетъ, замѣчаетъ она при этомъ случаѣ.

Рѣшиловъ тупо, но уныло глядитъ на жену.

Изъ сундука вынута жестянка съ сахаромъ и поставлена на колченогій столъ; Василиса Ивановна зашпиливаетъ полы своего ситцеваго капота, который то и дѣло распахивается, потомъ беретъ кофейникъ и идетъ на кухню.

Едва затворилась за нею дверь, какъ Рѣшиловъ быстро приближается къ столу, на которомъ стоитъ жестянка, быстро открываетъ ее, бросаетъ въ глубину ея мрачный взоръ, потомъ снова закрываетъ и принимается ходить взадъ и впередъ по комнатѣ.

Въ кухнѣ давно ужь разведенъ огонь подъ плитою. Этимъ озаботился долговязый Антипъ, ламповщикъ. Онъ раздуваетъ угли въ самоварѣ холостежи; еще два самовара ужь закипаютъ: одинъ будетъ отнесенъ къ четѣ Живягиныхъ, другой къ Осипу Ѳомичу.

Антипъ такъ занятъ раздуваньемъ углей, что и не замѣчаетъ несовсѣмъ честнаго поступка госпожи Рѣшиловой. Она наскоро присѣла къ маленькому самовару Ѳомича и въ одну минуту выпустила изъ него чуть не половину кипятку въ свой кофейникъ.

— Смотри, Антипъ, говоритъ она, ставя кофейникъ на плиту: — не давай никому снимать.

Антипъ молча киваетъ головой.

— Я сейчасъ приду.

Она идетъ въ свою комнату, чтобы взять мелкихъ денегъ и послать Антипа за хлѣбомъ. Опасенія Василисы Ивановны, что на мѣсто, занятое ея кофейникомъ, того и гляди кто-нибудь посягнетъ, къ сожалѣнію оправдываются. Какъ ни торопится она отпереть сундукъ, достать оттуда кошелекъ съ мѣдными деньгами (лицо мужа часъ отъ часу темнѣетъ), вынуть что слѣдуетъ, положить кошелекъ на прежнее мѣсто и опять запереть сундукъ, какъ ни скоро дѣлаетъ она все это — въ кухнѣ ужь явилась соперница ей.

И соперница не бездѣйствуетъ. *Ея* кофейникъ (а не госпожи Рѣшиловой) стоитъ на огнѣ; предшественникъ его сдвинутъ на холодное мѣсто плиты, что очень непріятно поражаетъ Василису Ивановну.

— Кажется, тебѣ говорили.... обращается она къ Антипу.

Антипъ бормочетъ про себя:

— Не драться же мнѣ изъ-за васъ!

Лицо госпожи Рѣшиловой блѣднѣетъ; губы дрожатъ.... Молча подходитъ она къ плитѣ, судорожно беретъ свой кофейникъ и, сдвинувъ кофейникъ дѣвицы Колчановой, ставитъ на его мѣсто свой.

— Это что значитъ? восклицаетъ дѣвица громовымъ голосомъ.

Она подступаетъ чуть не къ самому носу госпожи Рѣшиловой. Кофейники опять помѣнялись мѣстами.

— Я, кажется, прежде поставила.... произноситъ неровнымъ голосомъ Василиса Ивановна, ухватываясь за свой кофейникъ и сердито глядя на дѣвицу Колчанову.

— А мнѣ-то какое дѣло? отвѣчаетъ дѣвица Колчанова, дѣлая презрительный жестъ правой рукой.

— Нѣтъ, я не позволю.... начинаетъ съ еще большею злобой госпожа Рѣшилова.

Она пытается придвинуть свой кофейникъ къ спорному мѣсту.

— Чего не позволишь?

Голосъ дѣвицы могущественъ и почти грозенъ.

— Кто тебѣ-то позволитъ?

— Ты не тыкай пожалуста! не служанка твоя!

Дѣвица Колчанова не внемлетъ и съ опасностью обжечь себѣ пальцы держитъ свой кофейникъ, презирая ухищренія врага.

— Скажите пожалуста! говоритъ она какъ-будто сама съ собой: — она мнѣ не позволитъ!... Ха, ха, ха!... Всякая дрянь....

— Что-о?

— Отстань, покуда цѣла!

Одною рукой дѣвица Колчанова отстраняетъ руки Василисы Ивановны, другою удерживаетъ за собой оспариваемую у нея позицію.

— Что-о? повторяетъ госпожа Рѣшилова: — всякая дрянь?... Отъ дряни слышу. Какъ ты смѣешь?...

И руки ея опять тянутся къ предмету распри; дѣвицѣ Колчановой приходится снова отстранить ихъ.

— Тебѣ говорю, отстань! восклицаетъ она и поражаетъ молніеносным взглядомъ раздражительную родительницу неподвижнаго Ванюши.

— Нѣтъ, ты мнѣ сначала скажи, перебиваетъ ее Василиса Ивановна: — ты мнѣ скажи.... какъ ты смѣешь?... дрянь? скажите на милость.... Какъ ты смѣешь.... тряпка?

— Я тебѣ дамъ тряпку!

— Тряпка и есть....

— Слышишь, молчи! говоритъ, внѣ себя отъ бѣшенства, дѣвица Колчанова.

Она оставила кофейникъ и подвигается къ своей сопер-

ницѣ, сжавъ кулаки и устремивъ на нее сверкающіе злобою глаза. Ни дать ни взять, леди Макбетъ!

— Не замолчу! кричитъ госпожа Рѣшилова: — ты сначала замолчи! свволочь!

Кулаки дѣвицы Колчановой дрожатъ.

— Скажи-ка еще.... скажи....

Голосъ ея тоже дрожитъ.

— Скажу.... скажу.... кричитъ, не робѣя, Василиса Ивановна: — трррянка, трррянка.... свволочь!

— Вотъ тебѣ тряпка! восклицаетъ еще громче дѣвица Колчанова.

Тррахъ! кофейникъ госпожи Рѣшиловой отъ сильнаго удара дѣвической руки летитъ съ плиты въ противуположный уголъ кухни. Кофе плещетъ на полъ, кофейникъ попадаетъ въ лохань и тамъ мгновенно захлебывается мутными помоями.

— Ай!

Въ этомъ крикѣ Василисы Ивановны слышно не столько злобы, сколько сожалѣнія о погибели кофе.

— Хе, хе, хе! подсмѣивается Антипъ, созерцая ссору актрисъ.

Госпожа Рѣшилова, будь непріятельскія дѣйствія не столь рѣшительны, не пропустила бы случая накинуться на него и задать ему хорошаго руганца: какъ смѣетъ, розиня, зубы скалить! Но жажда мщенія не даетъ ей теперь времени заниматься какимъ-нибудь болваномъ ламповщикомъ. Она устремляется къ плитѣ съ цѣлью нанесть такой же уронъ дѣвицѣ Колчановой, какой потерпѣла сама.

Дѣвица, радуясь пораженію соперницы, хохочетъ, пересчитываетъ всѣ извѣстныя ей качества госпожи Рѣшиловой и — увы! не успѣваетъ предупредить враждебныхъ дѣйствій непріятеля.

Мщеніе совершилось.

Кофейникъ низвергнутъ на плитѣ; крышка его укатилась

въ коридоръ къ ногамъ явившихся туда въ качествѣ зрителей Вилкова, Румаковскаго и остановившейся въ дверяхъ жены суфлера, которая только что вернулась съ рынка; кофе шипя разливается по плитѣ во всѣ стороны.

Все это только начало войны.

Дѣвица Колчанова, подобно лютой волчицѣ, у которой отняли волчатъ, устремляется на госпожу Рѣшилову. Происходитъ крѣпкая схватка.

Вопли и крики вызываютъ въ кухню одного за другимъ всѣхъ жильцовъ дома, кромѣ мрачнаго Рѣшилова; вотъ спѣшитъ и самъ Осипъ Ѳомичъ....

Но — довольно! Хорошенькаго понемножку.

Авторъ былъ бы несправедливъ, если бъ сказалъ, что каждый разъ при схваткѣ супруги «благороднаго отца» съ дѣвицею Колчановой кофе пропадалъ даромъ. Такихъ случаевъ ему извѣстно только два; обыкновенно же дѣло кончалось уступкой со стороны Рѣшиловой. Уступить конечно трудно; но какъ же быть? не оставаться же безъ кофе? По скупости, свойственной ей въ такой же степени какъ и супругу ея, она не рѣшилась бы дважды расходоваться на прихоть. Вѣдь кофе — прихоть! На основаніи этого мнѣнія самъ Рѣшиловъ услаждалъ себя восточнымъ напиткомъ никакъ не болѣе одного раза въ недѣлю.

Въ описанной ссорѣ, строго судя, была виновата одна дѣвица Колчанова. Она не любила давать надъ собою верхъ кому бы то ни было, не только госпожѣ (собственно говоря и не госпожа она вовсе) Рѣшиловой. Съ другими женскими членами труппы дѣвица не имѣла такихъ бурныхъ столкновеній, но не питала къ нимъ никакого сочувствія.

Со своей стороны и актрисы не любили ея; даже отчасти боялись.... Госпожа Живягина, напримѣръ, старалась какъ можно рѣже сталкиваться съ нею. Дѣвица Наруковичъ служила очень часто развлеченіемъ дѣвицѣ Колчановой въ празд-

ныя минуты. Дразнить ее (а это было очень нетрудно) и доводить до слезъ — было однимъ изъ ея высшихъ удовольствій.

Какъ извѣстно, онѣ раздѣляли одну изъ кроватей, поставленныхъ въ ихъ комнатѣ. Почти ежедневно кровать эта была свидѣтельницею слезъ дочери содержателя.

— Перестань, Маша! говорила плаксивымъ голосомъ дѣвица Наруковичъ.

— Что такое?

— Отодвинься! ты меня на полъ столкнешь.

— Вотъ мило! не всю ли кровать тебѣ уступить?

— Я упаду, Маша.

— Падай съ Богомъ!

И дѣвица Наруковичъ едва держалась на самомъ краешкѣ.

Случалось и такъ. Наруковичъ засыпаетъ, но вдругъ открываетъ глаза: Маша даетъ ей порядочный толчокъ.

— Что ты, съ ума никакъ сошла? изволишь щипаться!

— Я и не думала, Маша; я засыпать стала.

— Что же, домовой это щиплется что-ли?... Какъ примусь я сама тебя щипать, такъ ты у меня запоешь.

— Ай! ай! кричитъ дѣвица Наруковичъ.

— Экъ связалась! замѣчала обыкновенно старшая Сизогубова, привставая на своей кровати: — точно маленькая.

— Вамъ еще что нужно отъ меня? отзывается Колчанова.

— Спать не даешь — вотъ что!

— Нельзя ли безъ наставленій?

Иногда и дѣвицѣ Сизогубовой приходилось такимъ образомъ вступать въ очень крупный разговоръ съ неуступчивой Марьей Алексѣвной.

Дѣвица Наруковичъ могла, разумѣется, жаловаться родителю на притѣсненія со стороны ея сожительницы, но отъ жалобъ пользы было бы не много. Она ужь испытала это.

Дѣвица Колчанова просто не дастъ тогда проходу. И дочь антрепренера дѣлаетъ всѣ уступки, глубоко затаивая злобу въ своемъ маленькомъ сердцѣ.

Въ то утро, какъ Наруковичъ производилъ ревизію и складку въ одну кучу театральнаго хлама, все было мирно въ его домѣ.

Всѣ ужь встали, даже слишкомъ крѣпко спавшій послѣ попойки первый любовникъ. Вилковъ игралъ на скрипкѣ. Гудковъ, возвратясь изъ трактира, сидѣлъ съ Румаковскимъ у окна и разговаривалъ о вчерашнемъ знакомцѣ. Рѣшиловъ ходилъ изъ угла въ уголъ, гляля въ тетрадь съ какою-то ролью, но не читая ея; супруга его кормила кашей своего больнаго оболтуса (это было ласкательное имя Ванюши, изобрѣтенное материнскою нѣжностью). Дѣвица Сизогубова старшая варила кофе; младшая укладывала въ дорожный ящикъ свои и сестрины платья и бѣлье. Дѣвица Колчанова расчесывала передъ зеркаломъ свою густую и длинную русую косу. Дочь содержателя гадала на картахъ о какомъ-то бубновомъ королѣ. Карты же служили развлеченіемъ четыремъ музыкантамъ. Кларнетистъ, двѣ скрипки и контрабасъ (литавристъ спалъ) занимались тою игрой, въ которой червонный король называется бородо́дымомъ, а червонная или трефовая (хорошенько не знаю) девятка — фалькой, и такъ далѣе.... Хорошая игра! Госпожа Живягина, очень опрятно одѣтая, шила что-то; супругъ ея громогласно расказывалъ ей, какъ провелъ вчера вечеръ.

Если ко всему этому прибавить, что на плитѣ давно ужь стояло нѣсколько кастрюль со щами, которыя закипали во второй разъ, что давно ужь была отбита говядина и очищенъ картофель для жаркаго, то легко сообразить, что Наруковичъ провелъ довольно времени за работой въ театрѣ.

Серебряные массивные часы, повѣшенные у него на шеѣ на толстомъ бисерномъ шнуркѣ и глубоко запрятанные въ

потаенный карманъ брюкъ, показывали, что ужь половина втораго, когда онъ покончилъ дѣло; а изъ дому вышелъ онъ ровно въ шесть часовъ. Поработалъ-таки! Ухъ! даже спинѣ больно. Можно теперь отдохнуть и закусить.

Когда Ѳомичъ повернулъ въ переулокъ, гдѣ была его квартира, одно повидимому ничтожное обстоятельство разстроило его и довольство дѣятельно проведеннымъ утромъ вдругъ въ немъ исчезло. Онъ увидѣлъ издали, что кто-то подошелъ къ его воротамъ и остановился. Прищуривъ глаза и немного напрягши зрѣніе, Наруковичъ узналъ одного изъ прислужниковъ «Магнита», именно коридорнаго Ивана. Нѣтъ сомнѣнія, что онъ идетъ къ нему, Наруковичу. Такъ, такъ! Онъ взялся за щеколду калитки; вотъ отворяетъ калитку, заноситъ ногу и исчезаетъ во дворѣ. Такъ, къ нему!

— Вотъ наказаніе Божеское! чуть не вслухъ проговорилъ антрепренеръ. — Опять! Я ужь и ждалъ этого. Такъ и было. Недаромъ вчера вся эта ватага пропала послѣ спектакля и воротилась чуть не на разсвѣтѣ. Опять плати!

Приходъ трактирнаго служителя Наруковичъ объяснялъ такъ: вѣрно вчера артисты изволили подгулять подъ вывѣскою пресловутаго «Магнита»; денегъ ни у одного изъ нихъ въ настоящую минуту нѣтъ (это ему хорошо извѣстно); ergo придется расплачиваться самому содержателю въ надеждѣ на вычетъ изъ жалованья.

Предположеніе Наруковича было очень сбыточно, но на этотъ разъ не оправдалось. Неразорительное угощеніе водкой и пуншемъ принялъ, какъ извѣстно, на себя любитель изъ винной конторы; ужинъ тоже не стоилъ артистамъ ничего.

Возвращающагося Ивана Наруковичъ встрѣтилъ у воротъ.

— Опять, братъ? сказалъ онъ, укорительно качая головой.

Иванъ раскланялся.

— Здравствуйте, Осипъ Ѳомичъ!

— Здравствуй! Зачѣмъ еще?

— Письмо принесъ.

— Что, братецъ, письмо — письмо! продолжалъ тономъ укоризны Осипъ Ѳомичъ. — Вѣдь, кажется, говорилъ я твоему хозяину — вчера говорилъ...

— Да это не отъ хозяина письмо.

— Какъ! да отъ кого же?... Набушевали они у васъ тамъ что-ли?

— Нѣтъ-съ.

— Да отъ кого же письмо?

— Отъ пріѣзжаго одного.

— Пріѣзжаго!

— Да-съ, господина Литовцева... Вчера вечеромъ пріѣхалъ... Хотѣлъ въ театръ, да ужь поздно было...

— Кто онъ такой?

— По пачпорту видно, что не велика птица — недоросль; а кажись богатый баринъ.

— Да что ему надо отъ меня?

— Не знаю-съ.

— Мои-то не накуролѣсили ль тамъ чего съ нимъ?

— И этого не знаю-съ. Познакомились.

— Гдѣ же письмо?

— Тамъ отдалъ-съ, дочкѣ вашей.

— Отвѣтъ что-ли надо?

— Ничего не говорилъ.

Наруковичъ пожалъ въ недоумѣніи плечами.

— Воротись, братъ; подожди. Что онъ тамъ пишетъ такое? Можетъ, надо отвѣтъ.

Иванъ пошелъ вслѣдъ за Ѳомичемъ.

Письмо, принятое дѣвицею Наруковичъ, было такого содержанія:

«Милостивый государь

«Осипъ Ѳомичъ!

«Имѣя крайнюю надобность переговорить съ вами объ одномъ серіозномъ дѣлѣ, касающемся васъ, покорнѣйше прошу сообщить мнѣ, когда могу я съ вами видѣться. Я готовъ быть у васъ самъ въ назначенный вами часъ. Если же вы найдете болѣе удобнымъ посѣтить меня, то я свободенъ во всѣ часы дня какъ сегодня, такъ и завтра.

«Готовый къ услугамъ

«Павелъ Литовцевъ».

Прочитавъ записку, Наруковичъ опять пожалъ плечами.

— Ничего не понимаю!

Онъ высунулъ голову изъ комнаты своей въ коридоръ и громко крикнулъ:

— Вася!

— Что? отозвался Живягинъ.

— Поди на минутку сюда.

Трагикъ могъ расказать и расказалъ всю исторію своего столкновенія съ пріѣзжимъ; но повода къ запискѣ, полученной отъ него Наруковичемъ, объяснить не умѣлъ. Онъ и самъ недоумѣвалъ, что понадобилось Литовцеву отъ Ѳомича.

— Ужь не въ труппу ли онъ хочетъ? сказалъ Живягинъ въ видѣ предположенія.

— Какъ можно-съ? замѣтилъ отрицательно Иванъ.

— А что?

— Да такъ-съ. Нейдетъ имъ это.

— Ну ладно, братецъ! сказалъ ему содержатель.—Ступай скажи, что я самъ приду; вотъ отдохну только немного — замаялся сегодня все утро — отдохну да пообѣдаю и приду. Слышишь?

— Хорошо-съ.

Коридорный ушелъ.

Тотчасъ послѣ обѣда Наруковичъ направилъ стопы свои къ «Магниту».

ГЛАВА IV.

Присталой.

— Пожалуйте!

Осипъ Ѳомичъ понюхалъ табаку, обтеръ себѣ верхнюю губу и вышелъ въ номеръ пятый.

— А! милости прошу! Осипъ Ѳомичъ?

Наруковичъ утвердительно кивнулъ головой.

— Очень радъ! очень радъ!

Двѣ небольшія руки сжали толстую и грубую десницу антрепренера.

— Садитесь пожалуста, садитесь!

— Позвольте узнать... началъ-было Наруковичъ.

— Сейчасъ, сейчасъ, перебилъ его хозяинъ: — чѣмъ прикажите потчивать васъ?

— Ничѣмъ, покорно васъ благодарю. Я только что пообѣдалъ.

— Такъ не хотите ли ликеру, коньяку, кофе?

— Еще разъ благодарю. Не пью никакого вина.

— Ну, такъ кофе. Кстати я самъ буду сейчасъ пить. Литовцевъ позвонилъ.

— Право, напрасно вы безпокоитесь.

— Полноте; какое же тутъ безпокойство?

Вошелъ слуга.

— Подай намъ кофе и коньяку. Рюмку коньяку вы выпьете?

— Право, не пью.

— Одну рюмку ничего; это полезно послѣ обѣда. Живо!

— Сію секунду-съ, отвѣчалъ, удаляясь, слуга.

— Ну-съ, теперь поговоримъ и о дѣлѣ, сказалъ хозяинъ. — Садитесь сюда, здѣсь лучше.

Ѳомичъ пересѣлъ на диванъ и былъ готовъ слушать.

Между-тѣмъ глазки его быстро обозрѣвали комнату и ничто не было въ ней оставлено имъ безъ вниманія.

По всѣмъ признакамъ можно было заключать, что пріѣзжій не любитъ мелко плавать. На немъ былъ халатъ изъ дорогой персидской матеріи, обшитый бархатомъ и шнурками, тонкое, прекрасно-сшитое бѣлье, небрежно, но очень ловко повязанный галстухъ, красивыя туфли. Чубукъ, изъ котораго курилъ пріѣзжій, украшался огромнымъ янтаремъ.

Подъ столомъ, передъ диваномъ, на который сѣлъ Наруковичъ, былъ разостланъ отличный коверъ — ужь конечно купленный не купцомъ Сундуковымъ. Передъ зеркаломъ туалетнаго стола сверкали на солнцѣ серебряныя вещи изъ дорожнаго ящика. Большая часть стульевъ была занята платьемъ разныхъ цвѣтовъ и покроевъ; откинутая крышка большаго чемодана черной кожи съ мѣдными пуговками обнаруживала немалый запасъ такого же тонкаго и дорогаго бѣлья, какое было въ эту минуту на хозяинѣ.

Глядя на пріѣзжаго и на обстановку его, Наруковичъ думалъ и не могъ придумать, зачѣмъ это пригласили его, Осипа Ѳомича, въ пятый номеръ сундуковской гостинницы. Предположеніе трагика не приходило ему и въ голову.

Литовцевъ впрочемъ скоро объяснилъ ему все.

— Слыхали вы про Мирвольскаго? спросилъ онъ.

— Нѣтъ, отвѣчалъ Наруковичъ: — кто онъ такой?

— Да вы читаете журналы?

— Читалъ бы, да некогда; вы знаете, какая наша жизнь. Развѣ заглянешь иногда въ «Московскія Вѣдомости».

— Въ такомъ случаѣ я долженъ объяснить вамъ, что въ началѣ этой зимы въ Москвѣ дебютировалъ актеръ Мирвольскій...

— Такъ-съ.

— Въ «Гамлетѣ», и имѣлъ большой успѣхъ; потомъ игралъ онъ во многихъ роляхъ въ теченіе двухъ слишкомъ мѣсяцевъ, и въ драмѣ, и въ комедіи, и даже въ водевилѣ...

— Такъ-съ.

Наруковичъ смотрѣлъ во всѣ глаза на своего собесѣдника и повертывалъ среднимъ пальцемъ правой руки круглую табакерку, которую держалъ въ лѣвой.

— По нѣкоторымъ причинамъ, о которыхъ расказывать теперь и скучно и долго, Мирвольскій оставилъ московскую сцену...

— Такъ-съ.

— Этотъ Мирвольскій, изволите видѣть, я.

Табакерка перестала вертѣться между пальцами Наруковича.

— Вы?

— Да... Хотите, чтобы я игралъ у васъ?

Наруковичъ принялся набивать себѣ носъ табакомъ и устремилъ глаза на коверъ.

— Чтобы вы имѣли понятіе о пріемѣ, который дѣлала мнѣ московская публика, я вамъ покажу сейчасъ нѣсколько печатныхъ отзывовъ обо мнѣ, сказалъ хозяинъ. — Поставь на столъ и иди! обратился онъ къ Ивану, принесшему кофе и коньякъ (что тотъ не замедлилъ исполнить). — Пожалуста безъ церемоніи, продолжалъ Мирвольскій, придвигая къ гостю поднось.

Онъ вышелъ и черезъ нѣсколько секундъ вернулся къ столу съ пачкой журнальныхъ и газетныхъ листковъ въ рукѣ.

— Вотъ, сказалъ онъ: — здѣсь можете вы прочесть...

Осипъ Ѳомичъ былъ такъ пораженъ неожиданностью сдѣланнаго ему предложенія, что не находилъ словъ.

— Вы позволите мнѣ заняться этимъ дома? сказалъ онъ наконецъ, указывая на поданные ему журналы.

— Съ удовольствіемъ, отвѣчалъ Литовцевъ.

Послѣдовало нѣсколько секундъ молчанія.

— Я ей-Богу не знаю... началъ Ѳомичъ чрезвычайно нерѣшительнымъ тономъ: — вамъ конечно не безызвѣстно, что у меня труппа маленькая..

— Знаю.

— Дѣломъ этимъ занимаюсь недавно; не успѣлъ еще ничего можно-сказать...

— И это знаю.

— Средствъ мало; публика совсѣмъ не поддерживаетъ; а ваши условія, разумѣется...

— Самыя умѣренныя; они не превышаютъ вашихъ средствъ.

Эти слова заставили Наруковича пристально взглянуть на хозяина и съ нѣкоторою недовѣрчивостью спросить:

— А какъ напримѣръ, позвольте узнать?

— Вотъ видите ли, еще будучи въ Москвѣ, я заключилъ условіе съ Мыльниковымъ — слыхали объ немъ?

— Какъ же! въ Турухтанскѣ?

— Да. Я буду играть у него съ августа, а до тѣхъ поръ могъ бы отправиться съ вами въ Голодаевъ. Теперь у насъ апрѣль... май, іюнь, іюль — значитъ, я пробылъ бы у васъ три мѣсяца. Надѣюсь, моя игра не принесла бы вамъ убытка.

— Такъ какъ же-съ насчетъ платы?

— Семьсотъ.

Наруковичъ понурилъ свою грушевидную голову и замахалъ надъ нею обѣими руками.

— Что вы? что вы? лепеталъ онъ.

— Вы находите, что это много?

— Да гдѣ мнѣ взять такія деньги? сказалъ Наруковичъ, взглядывая на Мирвольскаго и разводя руками. — Помилуйте! какія у меня средства?

— Я вамъ предложилъ свои условія; позвольте узнать ваши, если вы только хотите имѣть меня у себя.

— Это, что вы говорите, нечего и думать... и вообще теперь я не могу вамъ дать отвѣта... Надо подумать. Впрочемъ я вамъ постараюсь отвѣтить поскорѣе.

— Буду ждать.

Наруковичъ никакъ не хотѣлъ согласиться выпить коньяку и потолковать еще, поспѣшно откланялся и пошелъ домой, не забывъ захватить съ собою журнальные листки. Вернувшись домой, онъ принялся читать ихъ.

Оставимъ его читать и соображать, и взглянемъ, что за человѣкъ Литовцевъ-Мирвольскій.

Отецъ его былъ происхожденія невысокаго; въ ранней молодости поступилъ онъ на службу, служилъ очень усердно (добросовѣстно ли — это вопросъ посторонній), дослужился до дворянства и до значительнаго мѣста, потомъ женился и взялъ за женою прекрасное состояніе. Единственнымъ плодомъ этого брака былъ сынъ Павелъ. Какъ водится, отецъ и мать не чаяли души въ ребенкѣ. Баловство началось съ пеленокъ. Литовцевы жили открыто и такъ роскошно, какъ только можно въ провинціи. Павелъ не слыхалъ о нуждѣ и по расказамъ. Отецъ его не получилъ почти никакого образованія, но хорошо понималъ своимъ практическимъ умомъ, что сына слѣдуетъ образовать хорошенько — благо есть всѣ средства къ тому. Мать, женщина свѣтская, охотница до нарядовъ и выѣздовъ, хотѣла, разумѣется, тоже, чтобъ сынъ ея былъ человѣкъ образованный. Что понимали они подъ словомъ «образованіе» — объяснить довольно трудно. Едва ли впрочемъ и у нихъ самихъ было ясное понятіе, чего именно хотятъ они отъ сына. Прежде всего въ домѣ явился французъ Пюжоль, нѣчто въ родѣ парикмахерскаго подмастерья. Онъ былъ всегда превосходно завитъ и причесанъ, и очень опрятно, а по его мнѣнію даже щегольски одѣтъ, нра-

вился всѣмъ губернскимъ барышнямъ и дѣвицамъ, и занимался между прочимъ воспитаніемъ маленькаго Литовцева, то-есть болталъ съ нимъ по французски и водилъ его гулять. Родители считали общество Пюжоля полезнымъ для своего шестилѣтняго сына — тѣмъ лучше. Французъ былъ совершенно доволенъ своимъ положеніемъ и вѣроятно долго остался бы въ домѣ Литовцевыхъ, если бъ не одно странное обстоятельство. Онъ былъ мастеръ рисовать. Въ дѣвичьей госпожи Литовцевой цѣлая дюжина горничныхъ постоянно занималась плетеніемъ кружевъ и вышиваньемъ гладью. Маменька Павлуши, зная талантъ гувернера, не разъ поручала ему рисовать узоры для мастерицъ. Это послужило къ завязкѣ нѣкоторыхъ отношеній между дѣвичьей и комнаткой на антресоляхъ, въ которой обиталъ учитель. По крайней мѣрѣ половина мастерицъ начала поочередно навѣдываться на антресоли. Въ это же время, не предчувствуя ничего, госпожа Литовцева стала бросать страстные взоры на милаго чужеземца. Она даже позволила ему однажды (съ легкимъ выговоромъ) пожать ея ножку, когда французъ подставлялъ ей скамеечку. И вдругъ—вообразите, какъ должна была разсердиться госпожа Литовцева! французъ снизошелъ до горничныхъ. Какой вкусъ! какая нравственность! какой наконецъ примѣръ для ребенка!.. Француза выгнали.

Какъ же однако обойтись безъ француза? Взяли другаго, постарше. Маменька Павла не имѣла видовъ на мосье Гупи, и потому онъ остался въ домѣ дольше своего предшественника, до пятнадцатилѣтняго возраста ученика.

Чему выучился Павелъ у этихъ двухъ менторовъ? Бѣгло говорить по французски—и только. А развѣ этого мало? Въ городѣ говорили, что Литовцевы даютъ сыну «прекрасное образованіе». Это былъ общій голосъ. Признаемъ его справедливость.

Кромѣ француза, былъ у Павла и нѣмецъ гувернеръ.

Его взяли, когда мальчику минуло десять лѣтъ отъ роду. Французъ и нѣмецъ были Богъ-вѣсть изъ-за чего въ постоянной враждѣ; Павелъ клонился болѣе на сторону перваго, потому-что нѣмецъ былъ слишкомъ строгъ и требователенъ.

Нельзя конечно было ограничить образованія Павла только иностранными языками (изъ нихъ хорошо зналъ онъ впрочемъ только французскій; отъ нѣмецкаго же чувствовалъ постоянное и сильное отвращеніе). И вотъ къ маленькому Литовцеву стали ходить учителя гимназіи, поучая его исторіи, географіи, математикѣ, словесности и прочему. Отецъ непремѣнно хотѣлъ приготовить его къ университету дома. Это было бы возможно, если бъ Павелъ занимался какъ слѣдуетъ; но онъ былъ лѣнивъ и не чувствовалъ никакой любви къ ученью. Учителя, сначала усердно старавшіеся о просвѣщеніи его, скоро увидали, что изъ Павла не выйдетъ никакого прока; они продолжали свои уроки только потому, что этого желалъ родитель, и потому, что имъ хорошо платили. Иначе они давно бы отказались.

Отецъ по странной, необъяснимой слѣпотѣ не замѣчалъ вовсе крайняго невѣжества въ своемъ единственномъ сынѣ и воображалъ, что ученье его идетъ какъ нельзя успѣшнѣе. Павелъ поддерживалъ его въ этомъ убѣжденіи.

Мальчику минуло наконецъ семнадцать лѣтъ (года за два передъ тѣмъ умерла его мать), и отецъ сталъ думать, что ждать нечего: пора везти сына въ университетъ. Былъ ли сынъ достаточно приготовленъ дома, чтобъ выдержать пріемный экзаменъ — онъ не потрудился справиться. Къ чему? Вѣдь не даромъ же нанимались гувернеры, не даромъ ходили каждый день учителя математики, исторіи и прочаго. Что касается до учителей этихъ, они крѣпко сомнѣвались въ успѣхѣ экзаменовъ, предстоящихъ молодому Литовцеву. Сомнѣніе это было передано отцу съ совѣтомъ повременить по крайней мѣрѣ годъ: авось дѣло будетъ вѣрнѣе; но отецъ

видѣлъ въ совѣтѣ учителей не желаніе добра его сыну, а расчетъ давать уроки еще въ теченіе цѣлаго года, получая за нихъ хорошую плату.

Отецъ и сынъ снарядились въ дорогу и поѣхали въ столицу. Павелъ впервые выбрался изъ губернскаго города, бывшаго его родиной; понятно, что путешествіе очень заняло его, заняло такъ, что и тѣ немногія познанія, которыми онъ обладалъ, дорогой словно испарились. Онъ пріѣхалъ въ столицу совершеннымъ невѣждой. Стараясь наскоро приготовиться къ экзамену по своимъ учебникамъ, онъ хорошо сознавалъ, что ничего не знаетъ, но не давалъ и подозрѣвать это отцу

Назначены экзамены. Павелъ явился. Вопервыхъ пришлось отдавать отчетъ въ познаніяхъ по части всеобщей исторіи. Изъ древней исторіи попался ему билетъ о пуническихъ войнахъ; оказалось, что онъ не помнитъ, между кѣмъ онѣ происходили — и вдругъ ни съ того ни съ сего началъ расказывать что-то про Александра Македонскаго.

Професоръ пожалъ плечами и указалъ Павлу на кучку билетовъ по средней исторіи.

— Возьмите билетъ отсюда.

Павелъ взялъ.

— Что такое?

Билетъ былъ самый легкій.

— Ну-съ?.. проговорилъ професоръ.

Павелъ потерялъ всякую надежду быть студентомъ.

— Я не могу отвѣчать на этотъ билетъ.

— Не можете?

— Позвольте мнѣ взять другой.

— На этотъ билетъ не можете отвѣчать? спросилъ професоръ, устремляя глаза на экзаменующагося и дѣлая особенное удареніе на словѣ «этотъ».

— Да, проговорилъ Павелъ, едва подавляя въ себѣ желаніе хорошенько обругать экзаменатора.

— Вы не можете отвѣтить ни на одинъ, сказалъ професоръ и, взглянувъ въ лежавшій передъ нимъ списокъ, громко крикнулъ: «господинъ такой-то!»

Тотъ, чья фамилія была произнесена, поднялся со скамейки.

Павелъ еще стоялъ передъ професоромъ.

— Довольно-съ, сказалъ професоръ, быстро взглядывая на него: — можете садиться.

И Павелъ видѣлъ, какъ подъ рукою историка въ спискѣ экзаменующихся явился огромный нуль около его фамиліи.

— Ну что? что? нетерпѣливо спрашивалъ отецъ, встрѣчая сына.

— Срѣзался! грустно отвѣчалъ Павелъ.

— Изъ чего?

— Изъ исторіи.

— Ну а изъ другихъ предметовъ?

— Изъ другихъ и не держалъ.

Послѣдовали жалобы на несчастье, на строгость, на то, что при экзаменахъ не обращается никакого вниманія на способности молодаго человѣка, а требуется, чтобъ онъ зналъ всякую дрянь отъ доски до доски. Надо же было чѣмъ-нибудь утѣшать себя!

Что же дѣлать? Вотъ вопросъ, требовавшій немедленнаго разрѣшенія.

Зная по опыту, какъ легко при извѣстныхъ карманныхъ средствахъ устраиваются на бѣломъ свѣтѣ, и особенно на святой Руси, самыя трудныя дѣла, старикъ Литовцевъ вздумалъ-было поѣхать по професорамъ съ просьбой о снисхожденіи къ его сыну и приличнымъ подкрѣпленіемъ этой просьбѣ; но такое намѣреніе было отклонено его знакомыми, которые очень стойко утверждали, что подобныя мѣры неприложимы въ этомъ случаѣ.

— Ну, чудеса!

Только и сказалъ на это Литовцевъ.

— Нечего дѣлать, Паша, говорилъ онъ потомъ сыну: — будь хоть вольнымъ слушателемъ — все лучше. Къ будущимъ экзаменамъ авось приготовишься хорошенько. Будешь тогда и студентомъ.

Отецъ уѣхалъ, оставя сына на волѣ. Деньги, которыми онъ щедро снабдилъ Павла, скоро ушли изъ рукъ молодаго человѣка. На что? куда? Съ акуратностью ихъ хватило бы на годъ очень порядочнаго житья. Павелъ чуть не половину ихъ отдалъ портному за вороха разныхъ модныхъ костюмовъ, которые нашелъ необходимымъ заказать се[illegible]мо собою разумѣется, одѣвшись франтомъ, Павелъ не захотѣлъ сидѣть дома. Но не въ университетъ онъ ходилъ, а ѣздилъ по ресторанамъ, театрамъ, публичнымъ баламъ, маскарадамъ, гуляньямъ. У старика Литовцева было въ Петербургѣ мало знакомыхъ, и тѣ пришлись какъ-то не по душѣ Павлу; онъ оставилъ ихъ; но, будучи одинъ-одинехонекъ въ большомъ городѣ, сталъ скучать во всѣхъ увеселительныхъ мѣстахъ, которыя посѣщалъ очень усердно. Понадобились люди, съ которыми можно было бы раздѣлять удовольствія. Такъ-какъ у молодаго человѣка не было никакого занятія, которое привязывало бы его къ извѣстному кругу или обществу, дѣлало бы его законнымъ членомъ этого круга, то пришлось ему знакомиться и сближаться совершенно случайно. Съ кѣмъ могъ онъ сойтись въ своихъ вѣчныхъ странствіяхъ по публичнымъ мѣстамъ? Съ людьми, отъ которыхъ нечего было ждать добра или пользы. Къ концу года (отецъ въ теченіе этого времени чуть не ежемѣсячно былъ осаждаемъ просьбами о высылкѣ денегъ), къ концу года у Павла оказалось уже довольно знакомыхъ и даже пріятелей. Это былъ большею частью народъ праздный, отчасти богатый, отчасти проѣдающійся на чужой счетъ. Знакомство заводилось, продолжалось и поддерживалось общими попойками.

Старикъ Литовцевъ жался, получая частыя письма сына

съ просьбами о деньгахъ; но деньги высылалъ, сопровождая ихъ приличными наставленіями. Павелъ съ каждымъ письмомъ выказывалъ все больше и больше способностей въ такъ называемомъ піитическомъ изобрѣтеніи. Письма были очень убѣдительны. Деньги шли — куда по мнѣнію Павла и слѣдовало имъ идти — на удовольствія.

Скоро впрочемъ Павлу нечего было просить кого бы то ни было о средствахъ къ удовлетворенію своихъ желаній и прихотей; средства отца перешли въ его руки. Старикъ умеръ послѣ неожиданной, кратковременной болѣзни.

Молодой Литовцевъ поѣхалъ домой — вступить во владѣніе наслѣдствомъ. Онъ старался произвести нѣкоторый эфектъ своимъ прибытіемъ въ родной городъ, и вполнѣ успѣлъ въ этомъ. Всѣ встрѣтили его съ распростертыми объятіями, хотя до пріѣзда его и отзывались о немъ обыкновенно не весьма лестно. Отецъ Павла былъ человѣкъ не скрытный: всѣмъ расказывалъ онъ самъ, что сыну его не повезло въ дѣлѣ ученья (а ужь какъ приготовляли! лучше, кажется, и нельзя!), что онъ слишкомъ много тратитъ денегъ (впрочемъ и жизнь въ столицѣ страшно дорога!)... «Вотъ получитъ денежки-то отцовскія,» поговаривали въ городѣ: «пойдетъ транжирить!» Это предположеніе было совершенно справедливо. Павелъ давно думалъ о пріятности принять въ свое полное распоряженіе капиталъ, скопленный неусыпными трудами отца.

Капиталъ былъ весьма пріятный, но въ немъ одномъ заключалось все достояніе старика Литовцева: онъ не имѣлъ недвижимаго имѣнія ни за женой, ни своего благопріобрѣтеннаго. Когда въ рукахъ Павла очутились банковые билеты, изъ которыхъ значилось, что у него сто тысячь, онъ справедливо замѣтилъ, что этой суммой можно распорядиться очень хорошо.

Само собою разумѣется, весь городъ, немедленно по вскры-

тіи завѣщанія покойнаго Литовцева, узналъ объемъ полученнаго сыномъ богатства. Вслѣдствіе этого многія маменьки взрослыхъ дочерей стали очень умильно поглядывать на Павла, какъ на весьма выгоднаго жениха, хотя ему было всего восемнадцать лѣтъ, и чиномъ онъ былъ — недоросль изъ дворянъ. Что за дѣло до лѣтъ, до чиновъ!

Впрочемъ недолго Павелъ далъ полюбоваться на себя въ своемъ городѣ. Ему было скучно тутъ, несмотря на всеобщее радушіе. Негдѣ было развернуться. Какъ ни трать деньги — все ихъ не убавляется. Не балы же давать молодому человѣку! Даже ѣздить-то на балы онъ еще не могъ: не прошелъ годъ траура по отцѣ.

И Литовцевъ отправился въ Петербургъ.

Пріятели, съ которыми такъ весело шла его петербургская жизнь, успѣли конечно забыть о немъ во время его отсутствія; но стоило только явиться ему снова — и въ добавокъ явиться съ такимъ объемистымъ бумажникомъ, чтобъ быть принятымъ съ восторгомъ.

Первый визитъ сдѣлалъ Павелъ одному изъ самыхъ преданныхъ (какъ онъ былъ увѣренъ) друзей своихъ. Это былъ нѣкто Замятневъ, Сергѣй Александрычъ, въ своемъ кружкѣ извѣстный болѣе подъ именемъ Сережи, или Сержа. Никто изъ знакомыхъ его никогда не справлялся, что онъ такое, откуда, чѣмъ живетъ... Всѣ однакожь знали, что онъ не богатъ, что нанимаетъ онъ комнату съ мебелью, за которую очень неисправно платитъ, а можетъ-быть и вовсе не платитъ (послѣднее вѣрнѣе); знали, что онъ превосходный малый и великолѣпный товарищъ въ веселой компаніи. Этихъ свѣдѣній было очень достаточно, чтобы угощать его и увеселять на свой счетъ.

Къ нему-то отправился Литовцевъ тотчасъ по пріѣздѣ, Онъ жилъ все у той же толстой польки, Розы Адамовны.

содержавшей меблированныя комнаты и пускавшей деньги въ ростъ подъ вѣрные залоги.

— Боже мой! кого я вижу? воскликнулъ Замятневъ, быстро вскакивая съ кушетки, лежа на которой, придумывалъ, куда бы отправиться обѣдать. — Поль! Откуда? Ужь не съ того ли свѣта? И не чаялъ увидаться съ тобой! Давно ли?

И онъ принялся крѣпко обнимать и цаловать въ обѣ щеки вновь прибывшаго друга.

— Садись пожалуста; раскалывай, гдѣ пропадалъ.

Павелъ коротко, но ясно увѣдомилъ его обо всемъ.

— О! да ты теперь Крезъ! Поздравляю тебя!.. Обними меня, душа! Недурно бы распить на радостяхъ бутылочку другую шампанскаго. — Роза Адамовна! Роза Адамовна! началъ громко кричать Замятневъ, стуча въ дверь, заставленную комодомъ.

— Что вамъ? послышалось изъ-за двери.

— Пожалуйте сюда! скорѣе!

— Зачѣмъ тебѣ ее? спросилъ гость.

— Оставь, душа моя! Не твое дѣло!

— Роза Адамовна!

— Иду! иду!

И Роза Адамовна явилась по домашнему — въ бархатной мантильѣ и бѣлой юбкѣ.

— Ахъ, Іезусъ-Марья! воскликнула она, быстро скрестивъ руки на груди: — я и не знала, что у васъ гость.

— Ничего, ничего, кричалъ Сережа, бросаясь на встрѣчу къ хозяйкѣ и вовлекая ее въ комнату. — Радуйтесь, Роза Адамовна! Вотъ онъ! вотъ онъ!.. знакомы вы съ нимъ?

— Да, мы, кажется, видались, скромно замѣтила Роза Адамовна. — Очень рада, прибавила она, кланяясь и присѣдая Литовцеву.

— Все хорошѣете! замѣтилъ гость.

— Полноте! въ мои лѣта...

Розѣ Адамовнѣ было за тридцать — не весенняя роза! — и она, къ чести ея, не скрывала этого.

— Ну, какъ хотите, Роза Адамовна! сказалъ Замятневъ, взявъ хозяйку свою за обѣ руки: — какъ хотите! посылайте за шампанскимъ!.. Надо восчествовать пріѣзжаго! А у меня — вы знаете...

— Ахъ! начала-было величественная полька, желая уклониться отъ просьбы своего жильца: — ахъ, право...

— Нечего, нечего, Роза Адамовна! прервалъ ее Замятневъ.

— Да зачѣмъ же ты хочешь непремѣнно ввести въ расходъ Розу Адамовну?.. Вотъ возьми деньги у меня.

— Роза Адамовна! вскричалъ Сержъ: — я васъ не узнаю

— Сочтемся! сказалъ Литовцевъ, вынимая бумажникъ.

— Нечего дѣлать, давай!

И втроемъ было немедленно роспито двѣ бутылки.

— Гдѣ ты обѣдаешь?

— Да еще и самъ не знаю; думаю пойти къ Палкину.

— Полно, душа моя — къ Палкину! Ужь идти, такъ къ Леграну.

— Ну къ Леграну. Идемъ вмѣстѣ.

— Ладно.

— А потомъ въ театръ недурно бы.

— Что жь!

И отправляясь въ ресторанъ обѣдать насчетъ пріѣзжаго друга, и идя въ театръ на его же счетъ, Замятневъ не разъ съ горячностью обнималъ своего безцѣннаго Пашу.

— Ахъ, Паша! Паша! восклицалъ онъ въ упоеніи дружбы: — ты не повѣришь, какъ я радъ, что ты наконецъ опять у насъ, въ Петербургѣ.

Въ театрѣ Литовцевъ встрѣтился съ другими пріятелями; они такъ же обрадовались ему, какъ и Сережа. Слѣдовало сообщить старому другу всѣ любопытныя для него петербургскія новости, и потому послѣ театра былъ устроенъ общій ужинъ. Веселая бесѣда зашла далеко за ночь.

Сережа отправился ночевать къ Литовцеву, въ гостинницу.

— Ты конечно проживешь тутъ недолго? спрашивалъ онъ на слѣдующее утро своего друга. — Надо похлопотать тебѣ о квартирѣ, о лошадяхъ...

— Да, да; ты мнѣ поможешь въ этомъ.

— Непремѣнно, душа моя! Ты вѣдь знаешь... (объятія и поцалуй)... знаешь, какъ я люблю тебя.

Для милаго дружка, говоритъ пословица, и сережка изъ ушка. Сержъ цѣлыя полторы недѣли не заглядывалъ домой и совершенно позабылъ о заботливомъ характерѣ Розы Адамовны. Она начинала ужь безпокоиться: куда это запропастился ея жилецъ? Вотъ будетъ штука, какъ совсѣмъ пропадетъ! Самъ-то еще ничего бы, а вотъ какъ деньги за нимъ пропадутъ. Надо бы заявить въ кварталѣ. До этого Сережа не допустилъ своей хозяйки; черезъ полторы недѣли онъ вспомнилъ о ней и забѣжалъ успокоить ее.

Зато взамѣнъ безпокойства, доставленнаго квартирной хозяйкѣ, какимъ спокойствіемъ окружилъ Замятпевъ своего друга! Безъ него Литовцеву не устроиться бы такъ хорошо.

Какую квартиру нанялъ онъ ему — чудо!.. и какъ дешево!.. Какую мебель купилъ!

— Позволь ужь ты мнѣ распорядиться всѣмъ этимъ; вѣдь ты знаешь, что я поопытнѣе тебя.

— Дѣлай, дѣлай какъ знаешь.

— Скажешь спасибо, душа моя. Вотъ я и смѣту маленькую составилъ, что тебѣ нужно для меблировки кварти-

ры... Вчера заѣзжалъ къ Гамбсу и прицѣнился... Пустяки будетъ стоить. Вотъ посмотри!

— Неужто восемь тысячь?

— Да. Что, небойсь скажешь, дорого? Ужь я, душа моя ..

— Это однако ужасно много.

— Это много! помилуй!... Да ты посмотри, какая гибель тутъ всякой всячины... Вѣдь у тебя же и не одна комната... Изволь-ка меблировать дешевле четыре комнаты.

— По двѣ тысячи каждая.

— Да какъ меньше-то?... Впрочемъ если хочешь — въ гостиномъ дворѣ можно и дешевле...

— Ну ужь нѣтъ, спасибо!.. Нечего дѣлать, надо разориться.

— На что другое, а на это нечего жалѣть; нельзя же тебѣ жить какъ какому-нибудь департаментскому столоначальнику. Давай деньги; я ѣду сейчасъ...

— Вотъ возьми!

И за восемь тысячь квартира была меблирована какимъ-то гостинодворскимъ Гамбсомъ.

— Ахъ, душа моя! какой случай! князь Таптыгинъ ѣдетъ за границу и продаетъ лошадь. Рысакъ! да какой! И что за дешевизна! Впрочемъ это онъ только для меня уступаетъ; мы вѣдь съ нимъ старинные пріятели. Что это, Паша, за конь!.. картина, а не конь... Два раза на бѣгу выигралъ...

— А какъ цѣна?

— Полторы тысячи. Не пропускай этого случая, душа моя... это просто за безцѣнокъ.

— Я вѣдь, ты знаешь, не знатокъ.

— Да если я тебѣ говорю?.. Меня, не бойся, не проведутъ: старый воробей!

И Литовцевъ купилъ за полторы тысячи лошадь, которая не стоила и пятисотъ рублей.

Такимъ же образомъ какъ мебель и лошадь были пріобрѣтены посредствомъ Замятнева экипажи, упряжь, бронза, посуда, серебро, хрусталь, ковры — все необходимое по мнѣнію Сережи для комфорта его другу. Только къ портному относился Литовцевъ непосредственно; тутъ онъ могъ обойтись и безъ пріятельскаго содѣйствія: зналъ толкъ и самъ.

— Ну, душа моя, устроилъ же я тебѣ квартиру!

— Спасибо, Сережа, спасибо. Молодецъ ты, право!

— Ну, коль молодецъ, такъ обними же меня... Только знаешь ли, я не совсѣмъ этому радъ.

— Какъ такъ?

— Да своя квартира опротивѣла — и съ Розой Адамовной! Не выходилъ бы отсюда.

— Переѣзжай ко мнѣ.

— Полно, что ты?

— Да отчего жь не переѣхать?

— Только стѣснишь тебя, душа моя.

— Вотъ прекрасно! этакія громадныя комнаты — двоимъ тѣсно!

— Ты не шутишь, Поль?

— Нисколько; напротивъ прошу тебя.

— Серіозно?

— Ну да.

— Ахъ, Паша, голубчикъ! вотъ другъ такъ другъ...

Онъ бросился на шею Литовцеву.

— Вѣдь и тебѣ будетъ веселѣе, Паша; все не одинъ.

— Конечно.

— Одна бѣда: какъ я съѣду-то?

— А что?

— Долженъ, разумѣется.

— Хозяйкѣ?

— Да.

— Много?

— Неочень; да вѣдь ты знаешь, у меня и ресурсы не велики.

— А сколько именно?

— Да на что тебѣ?

— Возьми у меня сколько нужно...

— Полно, Паша, мнѣ ей-Богу совѣстно, душа моя...

— Вотъ еще! Вѣдь не Богъ знаетъ сколько...

— Такъ-то, такъ; да когда я расплачусь съ тобой?

— Все равно; сочтемся какъ-нибудь.

— Впрочемъ мнѣ скоро слѣдуетъ получить...

— Ну и прекрасно: вотъ и расплатишься.

— Нечего дѣлать, надо брать, коли даютъ.

— Сколько тебѣ нужно?

— Триста.

— Только-то?

Обниманьямъ и поцалуямъ не было конца.

Въ тотъ же день пышная полька лишилась своего жильца и къ крайнему своему изумленію не осталась въ накладѣ. Роза Адамовна смотрѣла на долгъ, наросшій на ея постояльцѣ за квартиру (сто, а не триста рублей) векселемъ, написаннымъ на водѣ. И вдругъ—вообразите ея радость!—жилецъ приноситъ ей разомъ уплату за квартиру. Роза Адамовна, разумѣется, не знала, какъ и благодарить его. Она не знала такъ же, какъ благодарить судьбу, что давно не выгнала Замятнева, видя его неакуратность въ платежѣ... ужь не разъ собиралась она изгнать его. И вдругъ!.. Роза Адамовна долго смотрѣла на ассигнаціи противъ свѣта: ужь не фальшивыя ли?.. «Ахъ, Іезусъ-Марья!.. опомниться не могу!»

Двое друзей зажили очень весело. Подробно описывать ихъ жизнь не стоитъ. Утро, начинающееся съ часу пополудни; обѣ-

ды и ужины по трактирамъ, съ шампанскимъ какъ необходимостью; театры, гдѣ оба изъ креселъ принимали участіе въ закулисномъ бытѣ актеровъ и актрисъ; катанья по Невскому для показанія людямъ себя, своего экипажа и лошадей; вечера у какой-нибудь Берты или Эрминіи, загородные пикники и гулянья.

До пріѣзда въ Петербургъ, капиталъ, доставшійся Литовцеву послѣ отца, казался ему чѣмъ-то неистощимымъ. Прожилъ годъ въ Петербургѣ—и капиталъ сильно убавился. Это впрочемъ не заставило Павла Павлыча задуматься — некогда; голова его постоянно была словно въ чаду.

И куда какъ скоро прошли два-три хмѣльные года. То, что еще недавно было такъ пріятно, что казалось даже необходимостью въ жизни, стояло теперь горькимъ упрекомъ передъ глазами.

Прощай изящная квартира! прощай многолюдная и нарядная прислуга! прощайте экипажи! прощайте рысаки! прощай — и это прежде всего — святая дружба!

— Я тебя оставляю, мой другъ.

— Что такъ?

— Нашелъ дешевую квартирку.

— Да отчего же ты не хочешь здѣсь жить?

— Эхъ, братъ...

— Что?

— Что? еще и спрашиваешь!

— Я не понимаю тебя.

— Да долго ли и тебѣ-то жить на этой квартирѣ?

— Вотъ продамъ лошадей...

— Ну и что жь?

— И будутъ деньги.

Замятневъ только покачалъ головой. Онъ зналъ лучше своего пріятеля, что стоятъ его лошади.

— Велики деньги!

— Можно прожить годъ.

— Ста тысячь не хватило ему на два съ половиной года, а тутъ лошадей продастъ — годъ проживетъ.

Любезный Сержъ ужь не кидался теперь на шею; онъ говорилъ хладнокровно.

— Лучше бъ ты мѣста какого поискалъ; это будетъ вѣрнѣе! Побѣсился довольно; пора и честь знать. Квартиру-то эту и оставить можно. Да и поневолѣ, правда, придется оставить — платить-то будетъ нечѣмъ.

Продолжая въ этомъ тонѣ, Замятневъ такъ вывелъ изъ терпѣнія своего пріятеля, что онъ просто на просто прогналъ его отъ себя. Слова Сережи мучили Павла Павлыча; но онъ все-таки не послѣдовалъ ни одному изъ его совѣтовъ.

Лошади были проданы, и деньги, вырученныя продажею ихъ, вышли чуть не въ одну недѣлю, хоть ихъ было и не мало. Литовцевъ не привыкъ отказывать себѣ въ чемъ-нибудь и не сумѣлъ остановиться въ виду бѣдности, широкими шагами шедшей ему навстрѣчу. Такъ же неблагоразумно промоталъ онъ все, вырученное отъ продажи серебра и половины мебели. Тутъ случилось одно забавное обстоятельство; при сбытѣ съ рукъ серебра, одна изъ вещей (а всѣ онѣ были куплены чрезъ Замятнева), именно туалетная шкатулка, оказалась вещью очень малоцѣнною: серебро было въ ней не настоящее, а накладное. Это была та самая шкатулка, которая вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими остатками прежняго великолѣпія пріѣхала съ Литовцевымъ въ Камскъ.

Литовцевъ началъ серіозно задумываться о своей судьбѣ. Что станетъ онъ дѣлать? куда дѣнется? Все, все передумалъ онъ; всѣ занятія перечислилъ въ своемъ умѣ — и ни на чемъ не могъ остановиться. Служить? но онъ не приготовленъ къ службѣ; онъ мало учился... Учиться? поздно — такъ по крайней мѣрѣ казалось ему.

Вдругъ онъ вспомнилъ, что есть поприще, къ которому въ немъ всегда было расположеніе—театръ. «А что (подумалъ Литовцевъ), я могу имѣть успѣхъ. Кто цѣнители въ театрѣ? Такіе же господа, какъ я. Друзья мои находили же, что я могъ бы заткнуть за поясъ самого Каратыгина, когда я передразнивалъ его въ Гамлетѣ; куплеты я тоже пою хорошо.»

И продавъ остатокъ мебели, на вырученныя деньги Литовцевъ поѣхалъ въ Москву, гдѣ, какъ вы знаете, и дебютировалъ въ трагедіи. Въ Петербургѣ онъ не хотѣлъ поступать на сцену; Петербургъ опротивѣлъ ему.

Въ Москвѣ онъ имѣлъ нѣкоторый успѣхъ, которому былъ обязанъ своимъ сценическимъ способностямъ, но никакъ не старанію, никакъ не любви къ искуству. Этой любви не было въ немъ. Но вѣдь надо же какъ-нибудь существовать!

Поводовъ къ отъѣзду изъ Москвы было два. Мирвольскій (такъ будемъ мы называть Литовцева) видѣлъ, что въ Москвѣ онъ никогда не сумѣетъ выдвинуться изъ среды только порядочныхъ актеровъ на первый планъ, а теряться въ толпѣ ему не хотѣлось, да и невыгодно, тогда-какъ въ провинціи онъ могъ сдѣлаться знаменитостью первой величины. Тутъ кстати подвернулся турухтанскій антрепренеръ, и Мирвольскій заключилъ съ нимъ контрактъ.

Контрактъ этотъ, имѣвшій силу только съ августа, не могъ бы заставить его покинуть Москву въ апрѣлѣ, если бъ не другое обстоятельство, болѣе важное и крайне непріятное для Мирвольскаго.

Думая поправить свои дѣла, онъ принялся играть въ карты. Искуство это дается не всѣмъ, а счастье — и того рѣже. Сначала ему какъ-будто повезло; но чѣмъ далѣе, тѣмъ становилось хуже и хуже.

Одна очень гадкая исторія, которая легко могла кончиться поединкомъ, заставила его поскорѣе убраться изъ Москвы.

Денегъ хватило у него только чтобъ доѣхать до перваго губернскаго города, въ которомъ есть театръ. Этотъ городъ былъ Камскъ.

Наруковича немало затруднило предложеніе Мирвольскаго, впрочемъ не надолго. Онъ хорошо зналъ (журналы, взятые у Мирвольскаго, утверждали его въ этомъ), что ему можетъ быть очень полезенъ такой актеръ: онъ играетъ и въ трагедіи, и въ комедіи, и въ водевилѣ — въ чемъ хотите. Но Ѳомичъ никакъ не могъ согласиться на его условія.

«Семьсотъ! экъ вѣдь куда хватилъ!» раздумывалъ онъ. «Семьсотъ въ три мѣсяца!.. Впрочемъ можетъ-быть онъ и не очень нуждается въ деньгахъ — вѣрно такъ, если заломилъ такую цѣну.»

И передъ мысленнымъ взоромъ Наруковича явилась вся изящная обстановка пріѣзжаго въ гостинницѣ.

«Только какъ же не нуждаться, когда съ московской сцены хочетъ поступать на мою? Ужь значитъ, туго пришлось. А должно-быть актеръ хорошій. Въ газетахъ очень хвалятъ. Пятьсотъ можно дать, но ужь никакъ не больше!»

Раздумывая обо всемъ этомъ, Наруковичъ ни полслова не сказалъ о предложеніи Мирвольскаго ни одному изъ артистовъ своей труппы. Какъ однако ни думай, надо дать отвѣтъ; онъ же обѣщалъ пріѣзжему сдѣлать это поскорѣе.

И вотъ часовъ около девяти вечера того же дня Наруковичъ пошелъ къ Мирвольскому.

— Съ благопріятнымъ отвѣтомъ? спросилъ пріѣзжій, встрѣчая антрепренера.

— Не совсѣмъ-то; на ваши условія не могу согласиться.

— А ваши?

— Мои-съ вотъ какія: четыреста бы рубликовъ да бенефисъ...

Мирвольскій насмѣшливо улыбнулся.

— Или пожалуй два бенефиса; только ужь деньгами-то больше...

— Значитъ, намъ нечего болѣе и толковать.

— Сами вы посудите: гдѣ мнѣ располагать такою суммой? Легко сказать — семьсотъ...

— Очень жаль; но мы не сойдемся.

— Право, нельзя-съ. Вѣдь всего три мѣсяца, вспомните вы это.

Мирвольскій замѣчалъ по лицу Ѳомича, что онъ крѣпко желалъ бы имѣть его въ своей труппѣ.

— Прибавляйте! полноте! сказалъ онъ.

— Четыреста пятьдесятъ — такъ и быть.

— Ну, что съ вами дѣлать? шестьсотъ — и конецъ разговору.

— Не могу, право...

Дѣло уладилось на пятистахъ рубляхъ.

Мирвольскій позвонилъ.

— Такъ по рукамъ! сказалъ Ѳомичъ, весело нюхнувъ табаку.

Вошелъ Иванъ.

— Шампанскаго! крикнулъ Мирвольскій.

ГЛАВА V.

Подъемъ.

Не успѣлъ Осипъ Ѳомичъ воротиться домой и сообщить своей дочкѣ о поступленіи въ труппу новаго актера, какъ во всѣхъ углахъ заговорили и зашушукали объ этомъ важномъ происшествіи.

Особенно важно было оно для Живягина. Амплуа новаго товарища—его собственное амплуа. Какъ ни бейся, безъ ин-

тригъ и непріятностей дѣло не обойдется. Не уступитъ же старый опытный артистъ какому-нибудь новобранцу, будь онъ хоть семи пядей во лбу.

Трагикъ сердился.

— Такъ вотъ что, чортъ возьми! говорилъ онъ женѣ, расхаживая по своей комнатѣ: — вотъ зачѣмъ подъѣзжалъ онъ ко мнѣ, бестія!.. А мнѣ и невдогадъ... Какъ у васъ то? какъ у васъ это?.. Часа три распрашивалъ.

— А ты пожалуй еще и похвалилъ?

— Было бы что хвалить-то... Нѣтъ; видно солоно пришлось, коли вздумалъ примазаться къ Ѳомичу.

— Вѣдь онъ, говорятъ, въ Москвѣ игралъ.

— То-то и есть; ужь поступалъ бы къ кому другому, а то къ Ѳомичу! Всю Россію исходи, хуже труппы нѣтъ. Тѣсны, знать, обстоятельства. Кабы не мой глупый характеръ, и я-то связался ли бы съ этимъ остолопомъ?

Рѣшиловъ услыхалъ вѣсть гораздо хладнокровнѣе; за то супруга его ворчала въ тотъ вечеръ больше обыкновеннаго. Не то чтобъ въ пріемѣ Мирвольскаго видѣла она какую помѣху себѣ или мужу, а такъ... отчего же и не поворчать?

Дѣвицы Наруковичъ и Колчанова были весьма довольны. Осипъ Ѳомичъ очень увлекательно расказывалъ о новомъ артистѣ, хотя во глубинѣ души и шевелилось у него сомнѣніе: полно будетъ ли отъ него какая польза?

— Что жь, когда онъ переѣдетъ сюда? спросила дочка содержателя.

— Да онъ и не переѣдетъ вовсе.

— Отчего?

— Оттого, что мы и сами послѣ завтра отправимся...

— Молодъ онъ, Осипъ Ѳомичъ? спросила дѣвица Колчанова.

Наруковичъ принужденно усмѣхнулся.

— А вамъ это зачѣмъ?

— Можетъ-быть въ женихи годится.

Дѣвица Колчанова произнесла эти слова такъ восхитительно и притомъ такъ кокетливо повела полными, круглыми плечами, что дѣвица Наруковичъ заранѣе приревновала ее къ Мирвольскому, да и Ѳомичъ началъ побаиваться за его сердце. Онъ думалъ, что прелести Машеньки Колчановой должны дѣйствовать на всѣхъ съ такою же силой, какъ и на него, и что—увы! не для всѣхъ сердце ея такая неприступная твердыня, какъ для него; молодому и пылкому герою твердыня эта сдастся пожалуй и безъ всякого сопротивленія.

Отношенія содержателя къ дѣвицѣ Колчановой были довольно странны.

Съ самаго почти поступленія ея подъ начальство Осипа Ѳомича была она цѣлью его сердечныхъ исканій. Обвинять Наруковича въ слабосердечіи, вовсе нейдущемъ къ лысой головѣ, мы не будемъ: Машенька хоть кого подвигла бы на волокитство. За нею «пріударяли» (техническій терминъ нѣкоторыхъ господъ, донъ-жуановъ по преимуществу) и ремонтеры, и губернскіе франты, и усатые тунеядные помѣщики, и ярмоночные купчики. Она была вовсе не красавица, и не имѣла никакого эфекта со сцены; но, видя ее вблизи, трудно было противиться искушенію... Что за побѣдоносный взглядъ! что за коса! и главное — что за станъ! что за лебединая грудь!

«Губы толсты,» говорилъ, разбирая недостатки дѣвицы Колчановой, одинъ заѣзжій гусаръ на голодаевской ярмонкѣ: «и брови точно помеломъ выведены.» Черезъ недѣлю однакожь гусаръ уже не говорилъ этого; не смотря на толстыя губы и густыя брови дѣвицы Колчановой, онъ не избѣгнулъ ея сѣтей. Еще черезъ недѣлю онъ уже утверждалъ, что и тотъ и другой недостатокъ—вовсе не недостатки, а напротивъ особенныя прелести.

Машенька не оставалась холодна къ большей части поклонниковъ, встрѣчавшихся ей во время ея безпрестанныхъ

странствованій съ труппою. Наруковичъ хорошо видѣлъ это (ревнивая дочка часто помогала его проницательности) и тайно негодовалъ. Мало того, онъ не разъ строилъ, и довольно удачно, контръ-мины противу опасныхъ непріятелей, подкапывавшихся подъ добродѣтель или, лучше сказать, подъ снисходительность дѣвицы Колчановой.

Къ несчастію дѣйствіями такого свойства онъ едва ли не болѣе вредилъ себѣ. Какъ ни таинственно совершались они, а не ускользали же отъ проницательнаго взора Машеньки. Держа крѣпость въ осадномъ положеніи около шести лѣтъ, Ѳомичъ все таки не питалъ еще надежды овладѣть ею. Три четыре приступа были слишкомъ безуспѣшны: онъ отступалъ позорно, хотя и не отходилъ совсѣмъ отъ крѣпости.

Средства были испробованы всѣ, но не помогли.

Ѳомичъ нѣжничалъ—надъ нимъ смѣялись; онъ принималъ строгій видъ и пускался взыскивать и придираться ко всякимъ пустякамъ — его немедленно хотѣли оставить.

— Что вы въ самомъ дѣлѣ? мѣста я безъ васъ не найду?.. Будьте покойны, не стану плакать.

Приходилось опять измѣнять тонъ.

Наруковичъ думалъ, что самою прямою дорогой къ сердцу Машеньки будетъ лесть ея самолюбію — увы! и это было средство плохое. Дѣвица Колчанова поступила въ актрисы вовсе не изъ желанія блистать на сценѣ. Не влюбись въ актера Караулова, никогда и не подумала бы она о театрѣ какъ о возможномъ для нея поприщѣ. Карауловъ не долго оставался въ труппѣ, въ которую увлекъ дѣвицу Колчанову. Онъ вдругъ исчезъ изъ Шимханска, и гдѣ теперь — Богъ вѣдаетъ! Дѣвица изрѣдка вспоминала о немъ, хотя и безъ особенной нѣжности. Единожды вступивъ въ актрисы, она не думала мѣнять своего положенія, но въ то же время вовсе не думала и о славѣ.

— Что бы вамъ, Машенька, взять въ бенефисъ «Ко-

варство и Любовь»? говорилъ Наруковичъ: — мы здѣсь ея не давали; сборъ будетъ хорошій.

— Пожалуй, отвѣчала очень хладнокровно дѣвица Колчанова: — только Рѣшиловъ опять роли не будетъ знать.

— Ужь я погоняю его хорошенько.

— А Луизу кто будетъ играть?

— То-то вамъ бы эту роль взять.

Дѣвица Наруковичъ становилась похожею на кошку, слушая это предложеніе.

— Подите вы! стану я учить! отвѣчала дѣвица Колчанова: — чтобъ ошикали?

— Отчего же? возражалъ антрепренеръ.

— Покорно васъ благодарю; пусть ужь ей шикаютъ! продолжала Машенька, указывая на дѣвицу Наруковичъ.

— Когда это мнѣ шикали? восклицала послѣдняя, сверкая зелеными глазками: — не про себя ли вспомнила?

И такъ далѣе.

Какія причины заставляли дѣвицу Колчанову такъ упорно держаться противъ любовныхъ ухищреній антрепренера, объяснять здѣсь не мѣсто. Пора обратиться къ прерванному расказу.

Черезъ день послѣ пріема въ труппу новаго члена актеры должны были ѣхать. Наканунѣ отъѣзда Наруковичъ возсталъ отъ сна такъ рано, что еще ни одинъ голубь не начиналъ ворковать. Онъ разбудилъ вялаго и неподвижнаго Антипа, рыжаго ламповщика, сбилъ его съ ногъ, торопя согрѣть самоваръ, наскоро напился чаю и чуть не бѣгомъ отправился по соннымъ улицамъ къ театру.

Заботливость Осипа Ѳомича выгнала его изъ дому слишкомъ рано. Съ добрыхъ полчаса пришлось ему пересматривать и перешаривать всѣ углы и закоулки театральнаго зданія (не позабыто ли гдѣ что-нибудь), прежде чѣмъ подряженный до Голодаева мужикъ подводчикъ пріѣхалъ съ пятью телегами.

Но и по пріѣздѣ его надо было снова ждать; работники, нанятые для нагрузки подводъ, тоже не отличались точностью.

— Этакой народецъ! ворчалъ Ѳомичъ, суетясь безъ всякой надобности:—коли по утру его нужно, такъ вели съ вечера приходить; а то и не дождешься до втораго пришествія. Дрыхнутъ до сей поры — экіе господа, подумаешь!

— Что нести-то? спрашивалъ подводчикъ: — покамѣстъ я и самъ кое-что перетаскаю.

— Да вотъ хоть это тащи! вотъ.

Мужикъ былъ ражій и взвалилъ себѣ на плечи цѣлый вьюкъ всякой дряни.

— Ай да молодецъ! крикнулъ Ѳомичъ, пріятно улыбаясь: — да ты, милый, пожалуй и все самъ перетаскаешь?

— Что не перетаскать? отвѣчалъ мужикъ, даже не покрякивая подъ тяжелою ношей.

— Такъ ты бы въ самомъ дѣлѣ все переносилъ одинъ. Чѣмъ тѣмъ еще мошенникамъ платить, лучше я тебѣ, милый, гривенку прибавлю.

— Пожалуй и одинъ переношу.

Осипъ Ѳомичъ былъ очень доволенъ, что могъ прогнать даромъ мужиковъ, съ которыми наканунѣ договорился: поздно-де явились.

— Ящикъ-то тебѣ одному не снести, милый, сказалъ Наруковичъ, когда ужь все было вытащено:—постой, я тебѣ помогу.

И какъ ни кряхтѣлъ, какъ ни надсажался, а помогъ-таки.

Театральныя принадлежности заняли три телеги. Осипъ Ѳомичъ самъ руководилъ подводчика въ удобной укладкѣ ихъ на возы: «это вотъ такъ положи, этимъ бокомъ; это сюда подсунь», и проч.

— А веревокъ принесъ?

— Какъ же.

— Ну, такъ увязывай хорошенько. Смотри, милый, чтобъ у меня ничего не пропало.

— Развѣ какъ ненарокомъ съ возу свалится, говорилъ подводчикъ, затягивая веревки:—а то кто позарится на этакой хламъ? Да и съ возу не упадетъ. Гляди-ка-сь, какъ крѣпко завязано.

И онъ принялся такъ раскачивать подводу, что чуть не повалилъ ея на бокъ и съ лошадью.

— Ладно, милый, ладно; вижу. Рогожа-то вотъ у тебя больно ветха.

— Да хоша бы и вовсе ея не было: что клади-то сдѣлается? Вѣдь не соль — не размокнетъ.

Когда три воза были совершенно готовы къ отправкѣ, Наруковичъ велѣлъ подводчику ѣхать съ ними и съ двумя порожними телегами къ своей квартирѣ.

— Въѣзжай, милый, во дворъ! крикнулъ Ѳомичъ, подходя къ воротамъ: — тутъ еще часокъ-другой придется обождать.

Онъ юркнулъ въ калитку, самъ выдернулъ засовъ у воротъ, вынулъ подворотню и распахнулъ ворота. Возы скрипя потянулись въ ворота.

«Ахъ ты наказанье Божеское!» заговорилъ Ѳомичъ, когда, вступивъ въ коридоръ, по глухому молчанію всего дома заключилъ, что подчиненные его покоятся еще сномъ. «Ни одинъ и не подумалъ подняться. Все я да я хлопочи. Теперь до вечера не успѣешь ничего собрать какъ слѣдуетъ.»

Онъ пошелъ къ кухнѣ.

— Антипъ! крикнулъ онъ, пріотворяя кухонную дверь.

Отвѣта не послѣдовало.

— И этотъ мошенникъ завалился!.. Антипъ! Антипка!

Долговязый ламповщикъ бросился откуда-то сбоку и едва не сшибъ съ ногъ Ѳомича. Рыжіе волосы его торчали во всѣ стороны; глаза были заспаны.

— Ты опять-таки, милый, свалился?.. Что я тебѣ говорилъ — а?

— Я будилъ — не встаютъ, отвѣчалъ Антипъ.

— Будилъ? Врешь, навѣрно врешь. Самъ залегъ дрыхнуть. Ты у меня смотри, милый, я терплю-терплю, да и...

Въ коридорѣ стукнула дверь. Ѳомичъ оглянулся. Изъ комнаты музыкантовъ вошелъ кларнетистъ.

— Ну какъ это вамъ не совѣстно, милый? обратился Наруковичъ къ нему: — до полудня никто не встаетъ. Вѣдь знаете, что сегодня ѣхать; а у насъ и не собрано ничего.

— Какой же полдень, Осипъ Ѳомичъ? возразилъ кларнетистъ: — я думаю, теперь часъ седьмой.

— Экъ заспался, милый! сказалъ съ укоризною Осипъ Ѳомичъ. — Часъ седьмой! теперь седьмой часъ!

И какъ бы желая удостовѣрить музыканта, что ужь первый часъ, онъ извлекъ изъ кармана часы. Семь. Быть не можетъ! Наруковичъ прислушался къ часамъ: идутъ. Въ которомъ же часу поднялся онъ самъ? Ужь вѣрно не позже пяти.

Какъ однако ни рано, а надо же разбудить всѣхъ, кому слѣдуетъ снаряжаться въ дорогу.

Музыканты, долженствовавшіе отправиться съ обозомъ (за исключеніемъ главы ихъ), собирались недолго: въ пять-шесть минутъ всѣ пожитки ихъ и инструменты были уложены и увязаны на возу. Сундуки и ящики съ имуществомъ другихъ актеровъ и принадлежавшая труппѣ мебель тоже скоро были перенесены на подводы. Оставалось заняться укладкою театральнаго гардероба, и за это дѣло взялся самъ Наруковичъ, пригласивъ къ себѣ на помощь свою возлюбленную дочку и дѣвицу Колчанову.

За неимѣніемъ лучшаго и удобнѣйшаго помѣщенія, гардеробъ находился на чердакѣ. На веревкахъ, протянутыхъ по всѣмъ направленіямъ отъ трубы къ трубѣ и пересѣкавшихъ

другъ друга, висѣли разнохарактерныя одежды въ самомъ непослѣдовательномъ смѣшеніи. Бархатный кафтанъ съ аляповатою звѣздой на груди—принадлежность какого-нибудь маркиза — терся объ алую миткалевую рубашку русскаго мужичка; атласная мантія, обшитая горностаемъ, осѣняла собою и такъ-называемый «комическій» жилетъ, сшитый изъ пестраго ситца самыхъ яркихъ цвѣтовъ, и куртку французскаго «пейзана», и турецкія шальвары, весьма удобныя для кривоногихъ; деревенскій сарафанъ висѣлъ въ сосѣдствѣ съ пышнымъ придворнымъ платьемъ, длинный шлейфъ котораго, закинутый на веревку, прикрывалъ собою часть каленкоровыхъ черныхъ штановъ подъячаго. Золотые и серебряные позументы испанскихъ костюмовъ чередовались съ лентами и шнурами пейзанскихъ; красный гусарскій мундиръ переплетался рукавами съ одной стороны съ курткой какого-нибудь швейцарскаго пастушка, а съ другой со старинною русскою тѣлогрѣей. Вблизи многіе изъ пышныхъ костюмовъ теряли свое великолѣпіе: золото оказывалось мишурой, бархатъ—плисомъ, какой употребляется кучерами на поддевки, атласъ — нанкой, горностай — кошкой.

Если бъ каждый изъ этихъ костюмовъ могъ расказать все, что видѣлъ онъ на свѣтѣ съ тѣхъ поръ, какъ вышелъ изъ рукъ портнаго, много занимательнѣйшихъ исторій услыхали бы мы. Не всѣ эти одежды были изготовлены стараніями Ѳомича; большая часть ихъ перешла къ нему отъ Тараканова, который въ свою очередь только отчасти дополнилъ гардеробъ, доставшійся ему вмѣстѣ съ нѣсколькими актерами отъ домашняго театра князя Хамовникова. Сколько разъ эта царственная хламида прикрывала исполосованную розгами спину! сколько разъ подъ этимъ комическимъ жилетомъ сердце обливалось желчью въ то время, какъ надо было смѣшить «просвѣщеннаго» барина! сколько вздоховъ слышало, сколько стыда и позора видѣло это королевское платье со шлейфомъ!.. Какъ знать: можетъ и кровь есть гдѣ-нибудь на этихъ костюмахъ. Имя князя Ха-

мовникова не даромъ сохранилось въ памяти благодарнаго потомства, какъ имя высокаго любителя и цѣнителя сценическаго искуства.

Цѣлый уголъ чердака у Наруковича былъ заваленъ коробами и лукошками, отчасти пустыми, отчасти наполненными тоже разными принадлежностями театральныхъ костюмовъ. Въ одномъ коробѣ хранились десятки париковъ: русыхъ и черныхъ, рыжихъ и сѣдыхъ, изъ кудели и изъ шерсти, изъ конскаго и человѣчьяго волоса, съ локонами и безъ локоновъ. Тутъ же были разныхъ размѣровъ и мастей косы, бороды, усы, жидовскіе пейсы. Въ другомъ коробѣ вы нашли бы коллекцію всевозможныхъ головныхъ уборовъ — отъ кучерской шляпы и солдатскаго кивера до треуголки съ плюмажемъ, воинственнаго шлема и даже короны.

Въ пустые короба были скоро уложены всѣ костюмы; укладывалъ самъ Наруковичъ; двѣ помощницы его только снимали тряпье съ веревокъ и подавали ему.

Дѣвица Колчанова то и дѣло глумилась надъ ветхостью костюмовъ, что чувствительно кололо Наруковича: онъ и самъ видѣлъ, что гардеробъ требуетъ обновленія... опять расходы!

— Ужь эту дерюгу пора бы въ сѣняхъ бросить — ноги обтирать, говорила Колчанова, встряхивая надъ самымъ носомъ Ѳомича какой-то суконный плащъ.

— Полноте, Машенька, полноте! отвѣчалъ любезнымъ тономъ Наруковичъ. — Чѣмъ это не плащъ?.. Только подолъ пооббился немножко.

Машенька такъ же, какъ и плащъ, встряхивала надъ головой антрепренера (онъ сидѣлъ на корточкахъ передъ коробомъ) и плисовый кафтанъ. Ѳомичъ чихнулъ уже разъ пять отъ пыли.

— Экая гниль! такъ и ползетъ... смотрите! такъ и ползетъ.

— Ахъ, Машенька! осторожнѣе! тише!.. Ну куда будетъ онъ теперь годиться?

— Да онъ и безъ того не годился.

— Какъ можно!

— Весь разлѣзается.

— Давайте его сюда!

И Наруковичъ спѣшилъ освободить кафтанъ изъ рукъ дѣвицы Наруковичъ: не сдобровать ему въ этихъ рукахъ.

— Ну, вотъ и все, Осипъ Ѳомичъ.

— Заколотить только — и дѣло съ концомъ.

— Руки-то, руки-то! точно у трубочистовъ.

Дѣвицы пошли мыть руки, а Осипъ Ѳомичъ запаковалъ короба и, сойдя внизъ, велѣлъ перенесть ихъ на возъ.

Черезъ полчаса обозъ двинулся въ путь. Четыре передовыя телеги были нагружены черезъ верхъ разной поклажей; двѣ заднія заняты людьми: въ одной сидѣлъ суфлеръ съ женой и дочерью, и приладился въ лежку литавристъ, намѣреваясь заснуть; въ другой, свѣся ноги за облучокъ, помѣстился контрабасъ. Трое остальныхъ музыкантовъ согласились пройти по городу пѣшкомъ, и шли за послѣднею телегой.

— Ну, съ Богомъ! съ Богомъ! твердилъ Наруковичъ, провожая поѣздъ изъ воротъ.

— Прощайте, Осипъ Ѳомичъ.

— Берегите вещи-то!

— Ладно, ладно.

— Ухъ! одно дѣло съ плечъ долой! вскричалъ Ѳомичъ, присаживаясь на крыльцо и понюхивая табачокъ. — Слава Богу!

Другое дѣло, то-есть отправка артистовъ, не представляло такихъ хлопотъ.

На другой день рано зазвенѣли колокольчики и бубенчики двухъ троекъ, приведенныхъ во дворъ наруковичевой квартиры. Изъ сарая выкатили три громоздкіе экипажа, нѣчто

въ родѣ телегъ, съ постановленными по угламъ ихъ шестами, на которые сверху и съ боковъ была натянута рогожа.

Тюфяки, подушки и узлы, сваленные въ глубь этихъ экипажей, сдѣлали довольно удобнымъ сидѣнье въ нихъ. Предстояло раздѣлиться всѣмъ поровну.

— Бабье особнякомъ! посовѣтовалъ трагикъ, и совѣтъ его былъ единодушно принятъ.

Одинъ экипажъ заняли госпожи Живягина, Рѣшилова, Колчанова и двѣ Сизогубовы; тутъ же былъ посаженъ въ углу и недвижимый Ванюша. Гудковъ, Живягинъ, Рѣшиловъ, Румаковскій и Вилковъ засѣли въ другой экипажъ.

— Трогай! крикнулъ Гудковъ.

И обѣ тройки тронулись.

Наруковичъ съ дочкой остался послѣднимъ; но это не помѣшало ему обогнать и обозъ съ музыкантами, и актеровъ. Онъ ѣхалъ на почтовыхъ, тогда-какъ актеры тащились на долгихъ.

Въ одно время съ Наруковичемъ выѣхалъ изъ Камска и Мирвольскій.

ГЛАВА VI.

Тяга.

Вечеръ только-что начинался, а между-тѣмъ замѣтно темнѣло; на встрѣчу двумъ фурамъ съ бродячими артистами подвигалась густая туча, за которою давно спряталось солнце.

Высунувъ голову и ноги изъ-за рогожъ повозки, Гудковъ довольно внимательно обозрѣвалъ окрестность. Видъ, раскидывавшійся передъ его взоромъ, не представлялъ ничего привлекательнаго: гладкое-гладкое поле, мѣстами черное, мѣстами зеленѣющее озимью, и вдали синѣющая гора, которую

еще озаряетъ солнце.... Комикъ не чувствовалъ особенной любви къ природѣ, и глаза его искали не ея красотъ, а какого-нибудь человѣческаго жилья.

— Холодненько-таки становится, замѣтилъ онъ, повернувъ голову къ своимъ спутникамъ.

— Даже руки зябнутъ, отозвался трагикъ, ущемивъ зубами потухшую трубку и принимаясь крѣпко бить о кремень огнивомъ.

— Очень бы не мѣшало чего-нибудь согрѣвающаго пропустить въ желудокъ, продолжалъ Гудковъ.

— Погоди, скоро пріѣдемъ.

— Эй, извощикъ! крикнулъ комикъ, еще больше высовываясь изъ повозки.

Извощикъ оглянулся.

— Далеко до ночлега?

— Недалече.

— А какъ этакъ?

— Какъ?... Да вонъ отъ того-то села шесть верстъ будетъ.

— Отъ какого села?

— А вонъ!

Извощикъ вытянулъ впередъ руку, вооруженную кнутомъ.

— А! и то село! сказалъ Гудковъ, прищуриваясь.

— Безводное прозывается, пояснилъ извощикъ.

— Минуемъ его?

— На что миновать!

— Такъ, значитъ, на дорогѣ оно? черезъ него поѣдемъ?

— Вѣстимо, черезъ него.

— А!

И комикъ сталъ еще пристальнѣе всматриваться. На лицѣ его отражалось такое радостное ожиданіе, что можно было подумать: онъ приближается къ своей родинѣ, которой не видалъ ужь много-много лѣтъ.

Вотъ фуры въѣхали въ ворота околицы; вотъ часовенка съ образомъ и кружкой; вотъ хлѣбные анбары, вотъ кузница, вотъ....

— Стой! крикнулъ вдругъ Гудковъ.

Извощикъ остановилъ лошадей и покосился не безъ опасенія на колесо: ужь не свалилась ли гайка?

— Лѣвѣе возьми!

Извощикъ успокоился.

— Къ крыльцу что-ли?

— Ну да.

— Куда это? спросилъ Живягинъ.

— Погрѣться.... Идемъ?

— Идемъ!

— Кстати ужь и мнѣ никакъ вылѣзть? замѣтилъ Румаковскій.

Повозка остановилась у самаго крыльца новой избы. Елка, привязанная на длинномъ шестѣ, высоко торчала надъ кровлей. На верхней крылечной ступенькѣ стоялъ востроносый цаловальникъ и дѣлалъ астрономическія наблюденія надъ быстро набѣгавшими клубами тучъ.

Дорожные люди, какъ извѣстно, невзыскательны; артисты зашли въ избу.

Вилковъ крѣпко спалъ; но когда фура перестала трястись и звонъ колокольчика смолкъ, тотчасъ проснулся.

— Гдѣ всѣ? спросилъ онъ, озираясь.

— Тамъ, неопредѣленно отвѣчалъ мрачный Рѣшиловъ.

— А!... проговорилъ музыкантъ, разомъ сообразивъ, въ чемъ дѣло: — что жь они меня-то не разбудили?

И онъ мигомъ перекинулся за облучокъ.

— Что тамъ опять? вскричала госпожа Живягина, выглядывая изъ своей повозки, когда и эта повозка, слѣдуя примѣру предшественницы, остановилась. — Ужь не изломалось ли что? — Ахъ Боже мой! продолжала она, убѣдив-

шись, что опасенія ея совершенно несправедливы: — мимо проѣхать не могутъ.

— Пивца бы стаканъ выпить, сказала дѣвица Сизогубова. — Никто не хочетъ?

— Ужь лучше меду, отозвалась Колчанова.

— Ну хоть меду.

Позвали извощика и отправили его за прохладительнымъ.

Извощикъ передовой фуры обхаживалъ между-тѣмъ со всѣхъ сторонъ свою тройку, и безъ всякой надобности то поправлялъ шлею у пристяжныхъ, то щупалъ черезсѣдельникъ у коренной, то покачивалъ ея тяжелую раскрашенную дугу. Наконецъ, оставивъ лошадей въ покоѣ, снялъ шляпу и посмотрѣлъ на небо, темнѣвшее все больше и больше. Холодная капля упала ему прямо на носъ.

— Э-ге! накрапываетъ! — Матюха, а Матюха!

— Чего?

— Дождикъ.

Матюха поднялъ голову.

— И то дождикъ; да и вѣтеръ что-то подулъ. Пожалуй настоимся у перевоза.

— Ничего; перевезутъ.

— Господа-то долго больно проклажаются....

— Кабы не останавливались у кажнаго кабака, ужь давно бы на мѣстѣ были! Съ утра-то....

— Сходи пожалуста, позови ихъ! прервала извощика супруга трагика: — что они засѣли тамъ? Хоть бы до дождя уѣхать!

— Гдѣ тутъ уѣдешь! замѣтилъ извощикъ, снимаясъ козелъ армякъ. — Зови поди, Микита!

Но артисты показались ужь на крыльцѣ; они поспѣшно заняли свои мѣста, и повозки тотчасъ двинулись. Едва село осталось назади, надъ головами артистовъ и артистокъ забарабанилъ въ рогожную кровлю крупный и частый дождь; вѣ-

теръ подулъ сильнѣе; онъ безпрестанно распахивалъ полы запоновъ и орошалъ путниковъ дождевыми каплями.

Какъ ни погоняли извощики свои тройки, какъ ни скоро бѣжали лошади, артистамъ не удалось въ этотъ день благополучно достичь назначеннаго ночлега. Не доѣзжая полутора верстъ до деревни, гдѣ Матюха и Микита должны были сдать своихъ пасажировъ въ другія руки, и гдѣ артисты располагали поужинать и отдохнуть, нужно было переправляться чрезъ широкую рѣку. Когда прибрежный кустарникъ застучалъ вѣтками по колесамъ фуръ, и подъ шинами захрустѣлъ вязкій песокъ, вѣтеръ былъ ужь такъ силенъ, что Матюха раза три хватался за шляпу и насаживалъ ее себѣ на самыя брови. Дождь тоже не прекращался; онъ лилъ какъ изъ ведра, и надъ головою Рѣшилова образовалась течь. Двинуться было некуда, и потому пришлось поневолѣ мокнуть. Армяки извощиковъ давно были пробиты насквозь — хоть выжми.

Наконецъ повозки повернули въ сторону, скоро потомъ выѣхали изъ кустарника и, выбравшись на болѣе твердую почву, остановились.

— Перевозъ что-ли? крикнулъ трагикъ, подвергая свой картузъ прихотямъ непогоды.

— Перевозить не станутъ, сердито отвѣчалъ извощикъ, слѣзая съ козелъ.

— Это отчего?

— Ишь время-то какое!

— Вотъ важность!... Зачѣмъ слѣзаешь?... Спускайся къ парому.

— И парома нѣту; на той сторонѣ.

— Ну бѣги, кричи!

— Какъ же! повезетъ въ этакую непогодь!

Не смотря на возраженіе это, извощикъ пошелъ-таки къ спуску, круто пролегавшему къ рѣкѣ.

Рѣка вся потемнѣла и расходилась не на шутку; вѣтеръ

съ воемъ проносился надъ нею, глубоко взрывая ея поверхность; крупныя волны съ шумными всплесками ударялись о берегъ; плотъ, къ которому пристаютъ паромы и лодки, тяжко колыхался и скрипѣлъ.

— Паро-о-омъ! крикнулъ во все горло Мякита, остановясь у пристани.

Голосу его конечно не было суждено достичь до противуположнаго берега, который исчезъ за дождемъ изъ глазъ.

— Паро-о-омъ! крикнулъ извощикъ снова.

У самаго почти плота стояла телега съ какою-то кладью; отпряженная лошаденка была привязана сбоку и покрыта рогожною попоной. При крикѣ извощика попона зашевелилась и изъ-подъ нея выглянула голова въ малахаѣ. Татаринъ, хозяинъ лошади, спасался отъ дождя, сидя на корточкахъ, у нея подъ брюхомъ.

Извощикъ отошелъ отъ берега.

— Знакомъ! окликнулъ его татаринъ.

— Ась?

— Кричалъ, кричалъ — нѣтъ ничего!

— Что кричать-то! Ишь, наволочь какая на небѣ. Гдѣ ужь тутъ переправляться?

— Бульна пагуда сирдитъ.

Порывъ вѣтра ударилъ попоной по головѣ татарина, и малахай слетѣлъ съ него.

— Ай-ай-ай! завопилъ онъ, выскакивая изъ-подъ лошади и кидаясь въ догонку за своей головной покрышкой.

Когда онъ поймалъ ее и воротился занять прежнее мѣсто, извощикъ ужь стоялъ у передовой фуры. Онъ объявилъ артистамъ, что переправиться черезъ рѣку нѣтъ въ настоящую минуту ни малѣйшей возможности, и при этомъ совѣтовалъ имъ выйти изъ экипажа.

— Да куда выйти-то?

— А вонъ!

Комикъ, сидѣвшій съ краю, поспѣшно оставилъ повозку. Примѣру его послѣдовали всѣ — даже Рѣшиловъ (дождь не давалъ ему покоя).

Около спуска къ рѣкѣ одиноко стоялъ утлый домишка о трехъ окошкахъ. Онъ смотрѣлъ такимъ безпріютнымъ, такимъ беззащитнымъ, что за него становилось страшно: вотъ-вотъ вѣтеръ сорветъ съ него кровлю, а пожалуй и всего его свалитъ.... Но домишка стоялъ тутъ на юру, цѣлъ и невредимъ, лѣтъ пять; бури и непогоды какъ-будто щадили его. Сзади къ нему примыкалъ небольшой дворъ, огороженный съ одной стороны плетнемъ, а съ другой — досчатымъ заборомъ, къ которому былъ прилаженъ соломенный навѣсъ.

Актеры прошли узкими сѣнями во внутренность дома. Онъ состоялъ изъ двухъ отдѣленій, довольно обширныхъ, чего никакъ нельзя было предполагать съ перваго взгляда. Три окна, смотрѣвшіе своими зелеными, составными стеклами на дорогу, принадлежали большой, чистой горницѣ. Тутъ въ одномъ углу былъ прилаженъ большой поставецъ, около котораго за бѣлымъ прилавкомъ сидѣлъ на обтесанномъ въ видѣ тумбы пнѣ самъ хозяинъ дома, человѣкъ среднихъ лѣтъ, съ бородкой, въ длинномъ нанковомъ кафтанѣ. Онъ занялъ это мѣсто, какъ только увидалъ въ окно, что проѣзжіе идутъ обсушиться въ его притонъ.

— Э! сказалъ комикъ, входя въ горницу первый: — да здѣсь помѣщенье хоть куда.

Онъ оглядѣлся вокругъ и съ несказаннымъ удовольствіемъ усмотрѣлъ поставецъ и хозяина, который всталъ при появленіи гостей и почтительно поклонился имъ.

— Ба! тутъ цѣлая ресторація.

Рѣшиловъ прошелъ прямо въ передній уголъ, снялъ съ себя мокрую шинель и сѣлъ на лавку около дубоваго некрашенаго стола.

Остальные путешественники подошли къ прилавку. Хозяинъ снова поклонился.

— Мое почтенье, господа! Чего прикажете?

— А что у тебя есть? спросилъ Живягинъ.

— Изъ винъ-съ? Есть донское....

— Травникъ есть? перебилъ Гудковъ.

— Есть и травникъ-съ.

Какъ не быть такому обыкновенному напитку, когда было даже донское?... И не одно донское! Вы могли бы спросить и рому, и сантуринскаго, и медоку, и мадеры — виноватъ, собственно мадеры не было, за то было «фаяльское отъ мадерныхъ лозъ» (вѣроятно вещь очень недурная); было даже дамское винцо, извѣстное подъ названіемъ «мушкателя».

— А закусить есть чѣмъ? продолжалъ спрашивать комикъ.

— Балыкъ, икра паюсная....

— Каково!

— Семга, сыръ....

— Да это что твой «Магнитъ»! воскликнулъ Вилковъ.

— Вотъ ужь никакъ не думалъ, что попадемъ на такой кладъ, проговорилъ Румаковскій.

Хозяинъ самодовольно улыбнулся.

— Можетъ вамъ угодно будетъ чего-нибудь горячаго? спросилъ онъ. — Можно уху получить-съ, жаркаго....

— Да неужто стоитъ держать все это?

На вопросъ Живягина хозяинъ отвѣчалъ, что непогода часто загоняетъ къ нему проѣзжихъ, что проѣзжихъ очень много, особенно объ эту пору: всѣ ѣдутъ на голодаевскую ярмонку.

Артисты немедленно потребовали себѣ самоваръ, ухи, жареной говядины, семги и травнику, и послали звать дамъ. Меркулычъ (такъ именовался хозяинъ), чрезвычайно довольный требованіемъ гостей, которое обѣщало ему изрядную поживу,

поспѣшно отправился самъ приглашать дамъ; потомъ побѣжалъ на другую половину своего жилья, гдѣ была еще небольшая горница и кухня. Жена Меркулыча, при помощи работницы, принялась за стряпню.

— Кто такіе? спрашивала она мужа.

— Комедіанты, отвѣчалъ онъ: — изъ Камска на ярмонку ѣдутъ; цѣлая орда.

Дамы скоро явились въ комнату и почти единогласно изъявили свое удивленіе, что нашли такое удобное перепутье. Никто не обратилъ вниманія на то, что ни на одномъ мѣстѣ широкой скамьи, тянувшейся вдоль трехъ стѣнъ горницы, нельзя спастись отъ простуды; вѣтеръ, свирѣпо потрясавшій оконницы и обдававшій ихъ дождемъ, пробирался со свистомъ въ многочисленныя щели оконъ и стѣнъ. Пламя двухъ свѣчъ, принесенныхъ Меркулычемъ и поставленныхъ на большой столъ въ переднемъ углу, ни на минуту не было спокойно, и свѣчи усердно оплывали.

Вся компанія такъ прилежно занялась ѣдой, что никто почти и слова не проронилъ, пока ужинъ не исчезъ со стола и на немъ не остались только бутылки, о которыхъ не забывали артисты. Вѣроятно чтобы согрѣться немного, даже дѣвицы Сизогубова старшая и Колчанова выпили по стаканчику (рюмокъ не было) «фаяльскаго».

— Гдѣ-то мы тутъ уляжемся? спросила жена трагика.

— На лавкахъ всѣмъ будетъ мѣсто.

Госпожа Рѣшилова, не дожидаясь этого совѣта, велѣла своему мрачному сожителю принести изъ повозки подушки и легла вмѣстѣ съ Ванюшей, который не замедлилъ уснуть, хотя въ самое ухо дулъ ему въ щель окна холодный вѣтеръ; сонъ невинности безмятеженъ. Дѣвицы и госпожа Живягина вскорѣ поступили по ея примѣру. На лавкѣ было очень можно помѣститься двумъ рядомъ; только младшей Сизогубовой не достало мѣста, и сестра отослала ее въ повозку.

Долго еще и послѣ того, какъ дамы успокоились, мужчины продолжали бесѣду, возліянія и куренье.

Подъ самымъ почти окномъ забренчалъ колокольчикъ.

— Ба! еще проѣзжій! сказалъ Живягинъ.

— Да это не наши ли тройки? возразилъ Румаковскій.

— Нѣтъ; онѣ на дворѣ, подъ навѣсомъ; это кто-нибудь еще прикатилъ.

И точно, скоро дверь отворилась, и въ нее просунулась голова старика съ окладистой сѣдой бородой; но она тотчасъ же исчезла снова. Заглянувъ въ горницу, старикъ только поморщился и сказалъ:

— Тьфу! табачища-то нажгли!

И дверь захлопнулась.

Старикъ пріѣхалъ не одинъ; съ нимъ былъ еще парень лѣтъ восемнадцати, съ курчавой бѣлокурой головой. Не желая сидѣть вмѣстѣ съ артистами, новый пріѣзжій прошелъ съ парнемъ на другую половину избы.

Оба усердно помолились двуперстнымъ крестомъ передъ темной иконой (старикъ сначала пристально всмотрѣлся въ нее) и поклонились въ поясъ Меркулычу и его сожительницѣ, которые дохлебывали оставшуюся послѣ актеровъ уху.

— Хозяину и хозяюшкѣ наше почтеніе.

— Милости просимъ. Не прикажете ли чего?

— Самоварчикъ бы.

— Сейчасъ готовъ будетъ; кипитъ ужь.

За самоваромъ старикъ разговорился съ хозяйкой; Меркулычъ услуживалъ артистамъ.

— Откуда ѣдете?

— Изъ-за Турухтанска.... Есть тамъ Боръ село; можетъ слыхала—въ пяти верстахъ отъ города.

— А далече ли?

— До Голодаева.

— Знать, къ ярмонкѣ?

— Да.

— Не торгуете ли чѣмъ?

— Торгую.

— Такъ, значитъ, съ товаромъ?

— Нѣтъ, порожнемъ; съ товаромъ оттуда поѣдемъ.

— А чѣмъ торгъ ведете?

— Панскимъ товаромъ.

— Это, знать, сынокъ?

— Нѣтъ, племянникъ. Везу — пусть учится дѣла вести.

— Доброе дѣло! доброе!

— Кто это у васъ тамъ въ горницѣ?.. Народу что-то много.

— Тоже проѣзжіе. Изъ Камска, слышь, комедіанты.

— Комедіанты?

— Да, родной.

— Такъ и видно, что скоморохи; зельемъ этимъ поганымъ накурили такъ, что и свѣту Божьяго не видно.

— Что, племянничекъ-то при васъ находится?

— При мнѣ; за прилавкомъ сидитъ. Нынче вотъ съ собой взялъ; не только свѣту, что въ нашемъ окошкѣ; надо и людей посмотрѣть. Потомъ станетъ и безъ меня на ярмонку ѣздить; старымъ костямъ и на покой пора.

— Въ первый разъ ѣдетъ?

— Въ первый. Ничего, окромя Туруханска, не видалъ; да и тамъ-то раза два всего былъ.

— А что, хорошій городъ Туруханскъ?

— Городъ какъ городъ: два монастыря, церквей пятнадцать. — Ты куда, Митя?

— Хочу вотъ посмотрѣть, куда нашу повозку поставили.

— Ступай-ка въ самомъ дѣлѣ, взгляни; подъ навѣсъ бы ее подкатили.

Митя пошелъ; но вовсе не повозка занимала его. Услы-

хавъ, что въ большой горницѣ сидятъ комедіанты, онъ почувствовалъ сильное желаніе узнать, что это за народъ; никогда не видывалъ.

Дверь въ комнату, гдѣ сидѣли артисты, была полуотворена, и Митя могъ вдоволь насмотрѣться на нихъ изъ сѣней; но вовсе не того ожидалъ онъ, что увидалъ. Комедіанты были такіе обыкновенные люди, какъ и онъ. А ему казалось... впрочемъ онъ и самъ не зналъ хорошенько, что казалось ему прежде.

— Сирота онъ у васъ что-ли? продолжала допрашивать пріѣзжаго любопытная хозяйка.

— Круглый сирота, отвѣчалъ пріѣзжій: — своихъ-то дѣтей Богъ не далъ; я и призрѣлъ братнина мальчишку... Авось будетъ мою старость покоить.

Посогрѣвшись чаемъ, дядя и племянникъ улеглись на скамьѣ; вмѣсто постели подостлали они подъ себя тулупы.

Между-тѣмъ и актеры чувствовали утомленіе послѣ дороги и сытной трапезы; они тоже поговаривали о снѣ. Изъ повозки вытащили тюфякъ, принесли въ горницу и разостлали на полу. Его заняли Живягинъ и Гудковъ; Румаковскій и Рѣшиловъ отправились спать въ свою фуру; подъ навѣсомъ «благородному отцу» нечего было страшиться дождя. Вилковъ остался безъ мѣста.

— Эй, хозяинъ! крикнулъ онъ.

Хозяинъ явился.

— Нѣтъ ли у тебя еще гдѣ мѣстечка — мнѣ вотъ прилечь?

— Какъ не быть! Пожалуйте сюда.

И Вилковъ прошелъ за Меркулычемъ въ ту горенку, гдѣ расположился проѣзжій купецъ.

— Вотъ, на лавкѣ тутъ.

Ни старикъ, ни племянникъ его еще не спали.

Вилковъ положилъ на лавку подушку свою; но прежде

чѣмъ легъ, отцѣпилъ отъ пуговицы своего казакина кисетъ съ табакомъ, набилъ трубку и принялся закуривать ее.

Старикъ вдругъ поднялся съ подушки.

— Почтенный! крикнулъ онъ.

— Мнѣ что-ли говоришь? отозвался музыкантъ.

— Тебѣ, тебѣ.

— Что надо?

— Брось!

— Что бросить?

— Трубку брось!

— Это еще что выдумалъ?

— Сдѣлай дружбу.

— Поди ты!...

— По́гань.

— По́гань, такъ по́гань... Мнѣ ладно, а тебя не почтую.

Старикъ вытащилъ изъ-подъ своей подушки бумажный клѣтчатый платокъ и зажалъ имъ себѣ носъ. Митя съ любопытствомъ смотрѣлъ на Вилкова, который какъ нарочно подошелъ ближе къ проѣзжимъ и пускалъ дымъ густыми клубами.

— Дружбы еще захотѣлъ! продолжалъ неумолимый музыкантъ. — Что, голова у тебя кружится отъ дыму?

— Да, отвѣчалъ старикъ, спуская ноги съ лавки: — оставь, почтенный!

— Вотъ далось ему; оставь да брось! Не хочу.

— Твоя воля; я честью просилъ. Вставай, Митя!

Митя всталъ.

— Неси подушки въ повозку!

— Куда жь ты? спросилъ, смѣясь, Вилковъ.

Отвѣта онъ не получилъ, но слышалъ очень ясно, какъ старикъ, сердито хлопнувъ дверью, проговорилъ въ сѣняхъ:

— Тьфу ты, окаянный!

«Вотъ чудакъ-то не послѣдней руки!» думалъ Вилковъ, укладываясь на лавку.

Скоро въ домѣ погасъ огонь, и стѣны его огласились дружнымъ храпомъ проѣзжихъ.

Съ половины ночи вѣтеръ сталъ дуть слабѣе и дождь прекратился, а часа за полтора до разсвѣта разлетѣлись понемногу и послѣднія оставшіяся кой-гдѣ по окраинамъ неба тучки. Солнце взошло съ ослѣпительною яркостью; съ его восходомъ вѣтеръ ужь чуть шевелилъ поверхность рѣки.

Татаринъ вылѣзъ изъ своего убѣжища и принялся горланить, призывая перевозчиковъ съ противуположнаго берега. Но тамъ въѣзжали ужь на паромъ одинъ за другимъ возы..

Повозка купца спускалась къ плоту и скоро остановилась рядомъ съ телегою татарина. Старикъ съ племянникомъ шелъ за повозкой.

Извощики нашихъ артистовъ расторопно впрягали въ фуры свои тройки. Хозяинъ разбудилъ гостей; гости расплатились съ хозяиномъ и всею компаніей отправились къ берегу, куда скоро пріѣхали и повозки ихъ.

Вилковъ, увидавъ старика, не замедлилъ сообщить всѣмъ товарищамъ объ оригинальной ссорѣ, въ которую ввязался съ нимъ вчера. Всѣ съ улыбкой посматривали на старика, и онъ, замѣтивъ, что на него обращено общее вниманіе, начиналъ не на шутку сердиться. Митя между-тѣмъ съ величайшимъ любопытствомъ обозрѣвалъ съ головы до ногъ каждаго члена наруковичевой труппы.

— Что уставился какъ дуракъ? крикнулъ на него дядя: — чего не видалъ?

— Я такъ, дяденька... отвѣчалъ въ замѣшательствѣ племянникъ, отводя глаза отъ труппы актеровъ.

— Шелъ бы лучше къ повозкѣ да уложилъ тамъ все поакуратнѣе.

Митя повиновался; но, и роясь въ повозкѣ, то и дѣло

поглядывалъ на артистовъ. Онъ все не могъ взять въ толкъ, какъ это они такіе обыкновенные люди.

Старикъ побрелъ вдоль берега.

— Какой хорошенькій мальчикъ! сказала дѣвица Колчанова, показывая на Митю.

— Недуренъ, подтвердила госпожа Живягина.

Онѣ говорили правду; у мальчика было такое свѣжее, такое открытое лицо, съ умными и выразительными голубыми глазами...

— Надо бы спросить у него, отчего старикъ не любитъ табаку, замѣтилъ Вилковъ.

— Вотъ охота! возразила госпожа Живягина: — видно раскольникъ.

— Спроси, Вилковъ, попросила Колчанова.

И музыкантъ, повинуясь желанію милой особы, подошелъ къ повозкѣ купца. Митя только-что сѣлъ на облучокъ и готовился отвѣчать на вопросъ Вилкова, откуда они ѣдутъ, какъ дядя оглянулся.

— Митька! крикнулъ онъ, нахмуривая брови и такимъ грознымъ голосомъ, что племянникъ вздрогнулъ и поблѣднѣлъ.

— Ась, дяденька? робко отозвался онъ.

— Иди ко мнѣ!.. Сейчасъ иди!

Митя соскочилъ на землю и, не успѣвъ удовлетворить любопытства музыканта, побѣжалъ по берегу въ догонку за дядей.

— Что еще вздумалъ расказывать? спросилъ старикъ тѣмъ же грознымъ голосомъ.

— Я ничего, дяденька... Онъ самъ подошелъ ко мнѣ...

— Зачѣмъ?

— Спросилъ только, издалека ли ѣдемъ...

— Ну?

— Я и отвѣтить не успѣлъ — ты кликнулъ...

— Не отходить отъ меня!

Митя думалъ: «вѣдь кажется, бѣда не велика, хоть бы и заговорилъ съ проѣзжимъ.» Онъ даже чуть не высказалъ эту мысль; только сердитые глаза старика заставили его промолчать.

— Не слѣдъ тебѣ водиться со скоморохами! сказалъ старикъ.

— Да вѣдь они, дяденька... началъ было Митя, и замялся.

— Что они?

— Такіе же люди какъ мы.

— Ась? сказалъ старикъ: — нечестивцы! бѣсовы слуги!

И Митя не дерзалъ болѣе возражать.

Паромъ подплывалъ уже къ плоту, на которомъ суетился татаринъ. Онъ безо всякой нужды кидался съ одного конца на другой и, размахивая руками, кричалъ:

— Кидалъ бичува! наша кидалъ!

Малахай сползъ у него на затылокъ.

— Кидалъ бичува!

Наконецъ мокрый конецъ бичевы бросили съ парома къ ногамъ усерднаго татарина. Бичева ударила его по икрамъ такъ сильно, что онъ даже привскочилъ; однако тотчасъ же схватился за веревку и принялся закручивать ее вокругъ кола.

Паромъ причалилъ; возы съѣхали съ него на берегъ, и скоро мѣсто ихъ заняли повозки артистовъ, купца и татарина. Татаринъ хлопоталъ и тутъ и тамъ: лошадей придерживалъ, колеса приподымалъ на окраину парома, камешковъ набралъ на берегу, подложилъ подъ колеса, чтобъ не катились... и только-что уставилъ на паромъ свою подводишку, какъ кинулся къ перевозчику.

— Засувъ давалъ!

— Вонъ, бери!

И татаринъ загородилъ засовомъ ту сторону парома, которая обращена къ плоту.

— Багра нада!

— На̀ тебѣ багоръ.

Татаринъ дѣйствовалъ съ такимъ безкорыстнымъ усердіемъ на пользу общую, что привлекъ къ себѣ общее благоволеніе. Только на срединѣ рѣки онъ поугомонился немного; сѣлъ на край своей телеги и закурилъ маленькую трубчонку съ коротенькимъ чернымъ чубукомъ.

У артистовъ вышелъ весь запасъ трута, и они съ крайнимъ сожалѣніемъ отказывали себѣ въ удовольствіи подкурить угрюмаго старика, выказывавшаго явное къ нимъ презрѣніе. Увидавъ, что татаринъ хватилъ огнивомъ о кремень, комикъ пронесъ кое-какъ свое тучное туловище промежь лошадей, колесъ и оглобель къ подводѣ мусульманина.

— Огонь барма, знакомъ? спросилъ онъ, вытаскивая изъ кармана дорожную трубку.

— Баръ, баръ, отвѣчалъ татаринъ.

— Давай, знакомъ!

— На!

Между-тѣмъ благоуханіе тютюна, запаленнаго татариномъ, донеслось до старика; пробормотавъ: «тьфу, проклятые!» онъ отошелъ къ самому краю парома, оперся на загородку его и сталъ смотрѣть въ воду. Черезъ минуту всѣ четверо артистовъ уже курили. За неимѣніемъ лучшаго развлеченія, они рѣшились позабавиться надъ старикомъ.

Гудковъ первый подошелъ къ нему, дотронулся слегка до его плеча рукой, и когда старикъ оглянулся на него, онъ пустилъ ему прямо въ лицо клубъ темнаго дыма и спросилъ:

— Изъ какихъ мѣстъ, любезный?

Старикъ наскоро вынулъ изъ-за пазухи платокъ и прикрылъ имъ себѣ носъ.

— Тьфу! тебѣ на что?

— Не очень же ты вѣжливъ, любезный!

— Я тебя не спрашиваю; и ты меня оставь!

— Что-то ужь больно ты осерчалъ, старичина.

— Не тропь ты меня, говорю.

— Кто тебя трогаетъ?

«Пфф... пфф...» Цѣлое облако табачнаго дыма застлало глаза старику.

— Тьфу, окаянный!

— О чемъ толкуете? спросилъ вдругъ надъ ухомъ старика подошедшій неслышными шагами трагикъ.

Старикъ даже вздрогнулъ.

— Тебѣ еще что надо? воскликнулъ онъ совершенно злобнымъ голосомъ.

— Ничего, отвѣчалъ Живягинъ, не упуская случая обдать старика дымомъ: — спрашиваю, о чемъ бесѣдуете?

— Тьфу! тьфу! тьфу! отплюнулся старикъ, и торопливо перешелъ на другую сторону парома.

Онъ думалъ, что ужь отдѣлался отъ озорниковъ. какъ тонкая струя дыма, прошедшая подъ самымъ носомъ его, заставила его снова вооружиться платкомъ.

— Фу ты, бѣсово племя!

— У тебя и на воздухѣ голова отъ дыму кружится?

Старикъ отвернулся, зажалъ носъ и не отвѣчалъ.

Къ Вилкову, который усердно занялся обкуриваніемъ попутчика, не замедлили присоединиться Живягинъ, Гудковъ и Румаковскій. Дамы, кромѣ госпожъ Рѣшиловой и Живягиной, смотрѣли съ большимъ вниманіемъ на продѣлку своихъ спутниковъ; онѣ повидимому находили удовольствіе въ этомъ спектаклѣ.

Супруга трагика напротивъ не разъ кликала къ себѣ мужа и говорила:

— Полно, Вася! какъ тебѣ не стыдно!

Василиса Ивановна не удостоивала спорящихъ даже взгля-

домъ. Она была занята: жевала булку и кормила жвачкою своего скорбящаго младенца, не выказывая при этомъ большой нѣжности.

Самъ Рѣшиловъ, никогда не принимавшій участія въ поступкахъ товарищей, и на этотъ разъ спрятался въ уголъ фуры; онъ чувствовалъ легкую лихорадку послѣ вчерашняго дождеваго купанья и лежалъ съежившись въ какой-то тоскливой полудремотѣ.

«Пфф... пфф... пфф...» Ничего, кромѣ этихъ ненавистныхъ звуковъ, не слыхалъ около себя старикъ; вѣтеръ какъ нарочно совершенно утихъ, и гнусный табачный дымъ ползъ у него по бородѣ, лѣзъ въ глаза и льнулъ подъ козырекъ его кожанаго картуза.

Злоба старика разгоралась съ каждой минутой все больше. Наконецъ онъ не выдержалъ и быстро обернулся къ курильщикамъ, крѣпко сжавъ кулаки и потому поневолѣ отнявъ платокъ отъ носа. Глаза его сверкали бѣшенствомъ изъ-подъ низкихъ бровей; борода тряслась.

— Да что вы въ самомъ дѣлѣ? Черти проклятые! скоморохи окаянные!

— О-го-го! замѣтилъ Живягинъ, выпуская трубку изо рта и дѣлая шагъ къ старику.

— Еще что? спросилъ Гудковъ.

— А вотъ что — сатанѣ душу продали! образъ Господень опозорили!

— Что это онъ занесъ такое? вскричалъ Вилковъ.

— Ну ужь и мы-то хороши: пристали къ нему! замѣтилъ Румаковскій. — Онъ просто сумашедшій!

— Не ты ли сумашедшій, чортова кукла!

— О-го-го! началъ снова грознымъ голосомъ трагикъ: — ты ужь слишкомъ изволишь забываться, любезный!

Онъ взялъ старика за плечо.

— Вспомни, съ кѣмъ говоришь!

— Нечего вспоминать-то. Скоморохи, такъ скоморохи... только и есть.

Рѣшительный приступъ Живягина нѣсколько сконфузилъ старика, хоть онъ и былъ, какъ изо всего видно, неробкаго десятка.

— Молчи, мужланъ; а то плохо будетъ!

Можетъ-быть на этомъ ссора еще не окончилась бы, если бъ паромъ не былъ уже у цѣли.

— Ну его, къ лѣшему! сказалъ Гудковъ, и артисты отошли прочь.

— Тьфу! тьфу! окаянные! тьфу, табашники! только и твердилъ взбѣшенный старикъ.

Паромъ подошелъ уже аршина на два къ плоту. Татаринъ юркнулъ мимо повозокъ и вдругъ очутился на плоту.

— Ишь, бритая голова, какой проворный! замѣтилъ одобрительнымъ тономъ даже сонный и молчаливый перевозчикъ.

Татаринъ ужь суетился и кричалъ:

— Бичува̀ кидалъ!.. Эй, знако̀мъ!.. кидалъ бичува̀!

ГЛАВА VII.

Новыя гнѣзда.

Широкая рѣка, омывающая съ двухъ сторонъ городъ Голодаевъ, только-что вошла въ берега послѣ весенняго разлива; пловучій мостъ, соединяющій городъ съ большимъ мысомъ противуположнаго берега, на которомъ ежегодно въ теченіе двухъ съ половиной мѣсяцевъ кипитъ шумная ярмоночная жизнь, только-что наведенъ; до открытія ярмонки оставалось еще мѣсяца полтора, но она составляла ужь почти единственный предметъ городскихъ разговоровъ. Одни радовались ея

приближенію и ждали ея съ нетерпѣніемъ, какъ поры разныхъ развлеченій, которыми городъ не былъ богатъ въ остальное время года; другіе напротивъ хмурились, предвидя расходы, сопряженные съ ярмоночною суетой, и дороговизну съѣстныхъ припасовъ, которую неминуемо произведетъ наплывъ ярмоночныхъ гостей.

Въ то время, какъ по сю сторону рѣки близость ярмонки приводила въ движеніе языки, по ту сторону она заставляла работать руки. Гремѣли тамъ топоры, шипѣли пилы, и съ ранняго утра до сумерекъ слышался гамъ разныхъ плотничныхъ подѣлокъ. Одна за другою выростали на пескѣ мыса, по сторонамъ упершагося въ него моста, деревянныя лавки, сверкая на вешнемъ солнцѣ своимъ свѣжо-выструганнымъ тесомъ; два новые балагана явились на площади, отдѣляющей каменный рядъ постоянныхъ лавокъ отъ торговой пристани, которая едва начинала оживляться приходомъ барокъ и судовъ.

Такъ-какъ ежегодно разливъ рѣки затоплялъ большую часть нежилыхъ ярмоночныхъ строеній, и дѣло рѣдко обходилось безъ какого-нибудь изъяна, то немало людей было обыкновенно занято объ эту пору всевозможными починками, передѣлками, исправленіями, поновленіями и прочимъ. Желѣзныя кровли на каменныхъ лавкахъ перекрашивались; самыя лавки бѣлились заново, а кой-гдѣ и подштукатуривались; подобными же средствами приводились въ должное благообразіе и деревянныя постройки, какъ-то: трактиры, постоялые дворы, балаганы...

Само-собою разумѣется, что въ числѣ чинимыхъ и обновляемыхъ ярмоночныхъ строеній не былъ забытъ и театръ, занимавшій довольно скромное мѣсто на главной площади, за десятками балагановъ и трактировъ. Это было деревянное зданіе очень почтенныхъ размѣровъ и довольно опрятной и приличной наружности. Главный фасъ, обращенный къ городу,

украшался даже деревянною колонадой, которая подпирала навѣсъ подъѣзда и крыльца. Шесть оконъ надъ шестью колонами принадлежали комнатамъ, назначеннымъ для помѣщенія актеровъ.

Ѳомичъ и труппа его могли прекрасно размѣститься тутъ, не стѣсняя другъ друга. Удобства, представляемыя голодаевскимъ театромъ, встрѣчались не вездѣ, и Наруковичъ былъ въ этомъ отношеніи очень доволенъ какъ за себя, такъ равномѣрно и за своихъ артистовъ.

Конечно еще болѣе доволенъ былъ Осипъ Ѳомичъ, что ему удалось выхлопотать право представленій на голодаевской сценѣ. Труппу свою везъ онъ на ярмонку въ первый разъ, и самъ былъ въ Голодаевѣ только на нѣсколько дней въ прошломъ году, чтобъ обезпечить себя относительно помѣщенія для спектаклей. Немало трудовъ и расходовъ стоило Наруковичу желаніе во что бы ни стало сдѣлаться увеселителемъ ярмоночной публики; но онъ не жалѣлъ о хлопотахъ и деньгахъ, надѣясь, что протори и убытки его съ лихвою заплатитъ публика... Это несомнѣнно: сталъ ли бы иначе Сошниковъ (малый очень расчетливый) ѣздить каждый годъ изъ Бенделея въ Голодаевъ со всею своею труппой... А онъ ѣздилъ ровно десять лѣтъ. Вѣроятно и еще на десять лѣтъ былъ бы онъ постояннымъ посѣтителемъ ярмонки, если бъ не Наруковичъ. Какъ сумѣлъ Осипъ Ѳомичъ устранить Сошникова, человѣка съ большими средствами и вдобавокъ издавна извѣстнаго въ Голодаевѣ — это тайна его, Ѳомича, и право не знаю, кого еще изъ мѣстныхъ властей. Сошниковъ, громко негодуя, называлъ конечно по имени виновниковъ своего устраненія; но его нельзя считать авторитетомъ въ этомъ дѣлѣ: злоба говорила его устами.

Какъ бы то ни было, а ярмоночная сцена поступила на этотъ разъ въ вѣдѣніе Наруковича.

Изъ Камска въ Голодаевъ прибылъ онъ очень скоро, на

третій день послѣ выѣзда. Мирвольскій не отставалъ дорогою отъ антрепренера (замѣчу мимоходомъ, что юная дщерь Ѳомича па каждой станціи дѣлала глазки своему новому товарищу, и къ сожалѣнію совершенно безуспѣшно); экипажи ихъ въ одно время застучали колесами по пловучему голодаевскому мосту. Въ одно время остановились они и у театральнаго подъѣзда.

— Я вамъ говорю, напрасно вы хотите искать себѣ квартиру, говорилъ Наруковичъ Мирвольскому, когда оба входили на крыльцо театра:—тутъ найдется вамъ отличное помѣщеніе.

— Да вы вспомните, сколько у васъ артистовъ кромѣ меня, возразилъ Мирвольскій.

— Увидите — всѣмъ будетъ мѣсто.

— Посмотримъ.

— Напрасно не велѣли отложить лошадей у брички: навѣрное останетесь тутъ.

— Останусь — тогда можно будетъ отложить.

— Въ гостинницахъ едва ли сыщете квартиру лучше здѣшней; развѣ въ городѣ...

— Вы пьйосто не хотите быть насымъ сосѣдомъ, жеманно замѣтила дѣвица Наруковичъ.

Изумрудные глазки ея бросили на Мирвольскаго заигрывающій взглядъ.

— Отчего же? отвѣчалъ Мирвольскій, очень равнодушно встрѣчая ласковое обращеніе къ нему антрепренерской дочки.— Только мнѣ кажется, судя по наружному виду театра, что тутъ не можетъ быть достаточнаго помѣщенія для всѣхъ вашихъ артистовъ и артистокъ.

— Что вы говорите! возразилъ Наруковичъ:—у Сошникова труппа гораздо больше моей, а всѣ, рѣшительно всѣ помѣщались.

— Помѣститься пожалуй можно вездѣ; да будетъ ли удобно?

— А вотъ посмотрите! повторялъ Наруковичъ:—вотъ посмотрите!

Несмотря однако на увѣренія антрепренера, новый членъ его труппы нашелъ, что мѣста, которое могъ бы онъ занять не безъ нѣкотораго комфорта, въ театральномъ зданіи дѣйствительно нѣтъ. Наруковичъ очень ошибался, думая, что Мирвольскій такъ же не требователенъ, какъ его новые товарищи... Отъ стараго богатства въ Мирвольскомъ осталась любовь къ роскоши. Какъ ни скудны были подчасъ его средства, онъ умѣлъ таки пустить пыли въ глаза не близко знающимъ его людямъ. Очень хорошо сознавалъ онъ пользу, которую можно извлечь изъ умѣнья поставить себя въ извѣстномъ свѣтѣ. Не дальше какъ за недѣлю онъ можетъ-быть своему дорогому халату и трубкѣ съ янтарнымъ мундштукомъ былъ обязанъ лишнею сотней рублей, выговоренною у Ѳомича. Поступай онъ иначе, съ большею скромностью— не пришли напримѣръ звать антрепренера къ себѣ, не выложи на видъ всего, что есть наиболѣе бросающагося въ глаза въ его имуществѣ — едва ли Ѳомичъ распоясался бы на такую сумму, какъ пятьсотъ рублей...

Для артистовъ наруковичевой труппы ярмоночная квартира должна была конечно показаться почти роскошною, особенно послѣ жилья въ Камскѣ; но Мирвольскій остался недоволенъ ею.

— Ну гдѣ же, скажите, гдѣ же мнѣ поселиться здѣсь? спрашивалъ онъ, обойдя съ антрепренеромъ всѣ комнаты. — Вы для каждой назначили жильцовъ; а на мою-то долю и не оказывается ни одной.

— А вотъ!

— Да вы сами же сказали, что здѣсь будутъ жить Гудковъ, Румаковскій и этотъ... какъ его? музыкантъ....

— Вилковъ.

— Ну да.

— Что жь! и вамъ бы съ ними. Комната просторная... Какъ поставить ширмы...

— Покорно благодарю.

— Народъ все холостой...

— Я не привыкъ такъ жить. Мнѣ одному нужно комнаты двѣ по крайней мѣрѣ.

— Да на что же?

— Ужь это мое дѣло.

— Не балы вамъ давать.

— Балы не балы; а тутъ мнѣ тѣсно... Я люблю просторъ.

— Какъ знаете! Только мой совѣтъ—остались бы здѣсь.

— Ни въ какомъ случаѣ.

— И расчету вамъ нѣтъ жить въ другомъ мѣстѣ... Тутъ вы ничего не платите, и вдобавокъ въ самомъ театрѣ — со сцены и домой. А тамъ — гдѣ еще пріищите квартиру!.. Какъ не близко, такъ на однихъ извощикахъ сколько придется проѣздить; утромъ на репетицію, потомъ домой, вечеромъ — играть, потомъ опять домой. А за квартиру-то! Здѣсь онѣ и всегда дороги; а теперь, я думаю, приступу нѣтъ; пріѣздъ большой.

Всѣ эти доводы остались тщетными. Мирвольскій простился съ антрепренеромъ и его дочкой, сѣлъ въ свою бричку и отправился искать квартиры.

Въ ярмоночныхъ гостинницахъ лучшіе номера были ужь заранѣе разобраны; оставшіеся же незанятыми не пришлись ему по вкусу, и онъ принужденъ былъ переѣхать черезъ мостъ въ городъ.

— Ступай на самую главную улицу! крикнулъ онъ ямщику.

— Въ Дворянскую что-ли?

— Ну хоть туда. Это хорошая улица?

— Лучше въ городѣ нѣту.

— Ступай въ Дворянскую!

При самомъ въѣздѣ въ эту улицу, пріѣзжій нашъ замѣтилъ довольно красивый, новый деревянный домикъ ѳ семи окнахъ, изъ которыхъ три были закрыты ставнями, и велѣлъ ямщику остановиться у затворенныхъ воротъ.

Во дворѣ встрѣтилъ Мирвольскаго громкій лай огромной цѣпной собаки, выскочившей изъ своей конуры при первомъ прикосновеніи его къ щеколдѣ калитки. Собака понапрасну утруждала себѣ горло, потому-что и безъ нея появленіе во дворѣ чужаго лица было замѣчено въ домѣ изъ оконъ. Не успѣлъ Мирвольскій поднять ноги на первую ступеньку чистенькаго деревяннаго крыльца, какъ изъ дверей показалась горничная.

— Не отдается ли у васъ квартира? спросилъ проѣзжій.

— Пожалуйте-съ.

Мирвольскій вошелъ.

— Барыня сейчасъ выйдетъ; не угодно ли вамъ подождать ихъ здѣсь?

Сбросивъ съ себя въ передней дорожный плащъ, Мирвольскій прошелъ въ комнату направо. Первый взглядъ, брошенный имъ кругомъ, заставилъ его подумать, что въ домѣ должны царствовать самое патріархальное спокойствіе, самые строгіе нравы, самый примѣрный порядокъ. Ни пылинки не было видно на простой мебели; полъ — какъ стеклышко; шторы и занавѣски — снѣжной бѣлизны; за цвѣтами, которыми были въ половину закрыты окна, видно ухаживали съ любовью: они смотрѣли такъ свѣжо и весело, пригрѣтые майскимъ солнцемъ. У одного изъ оконъ стояло мягкое кресло, и передъ нимъ рабочій столикъ; на столѣ разогнутая книга и какое-то женское рукодѣлье, повидимому только-что оставленное. Если бъ Мирвольскій читалъ когда-нибудь и что-

нибудь, онъ можетъ-быть полюбопытствовалъ бы, что за книги занимаютъ досугъ хозяевъ этого дома, тѣмъ болѣе, что ему почему-то казалось, что «барыня», упомянутая горничною, молодая и хорошенькая женщина; но онъ три раза прошелся поперегъ комнаты, не обративъ ни малѣйшаго вниманія ни на книгу, ни на ноты, развернутыя на открытомъ фортепіано.

Скоро отворилась дверь, изъ которой по предположенію Мирвольскаго должна была выйти молоденькая хозяйка; но оттуда явилась старушка, довольно бодрая, худощавая, небольшаго роста, съ покойнымъ и довольнымъ выраженіемъ въ лицѣ, съ очень яснымъ взглядомъ. На ней было дешевое холстинковое платье; плечи прикрыты большимъ шерстянымъ платкомъ; на головѣ бѣлый кисейный чепецъ. Одежда старушки соотвѣтствовала какъ нельзя болѣе всей безукоризненно опрятной обстановкѣ.

— Извините пожалуста, что заставила васъ ждать! сказала она, добродушно раскланиваясь съ гостемъ. — Вамъ угодно квартиру мою посмотрѣть? Пожалуйте со мной; мы со двора пройдемъ... Тамъ есть и съ улицы подъѣздъ, да дверь-то теперь заколочена. Пожалуйте!

— Прежде-чѣмъ мы пойдемъ, позвольте предложить нѣсколько вопросовъ, сказалъ Мирвольскій.

— Такъ прошу, батюшка, присѣсть.

— Благодарствуйте. Во первыхъ, велика ли ваша квартира?

— Небольшая — комнаты три.

— Мнѣ довольно; а есть ли мебель?

— Есть, есть; мы прежде сами весь домъ занимали, да вотъ Лелечка у меня, дочь, не любитъ, чтобъ больно-то просторно было: насъ вѣдь всего двое. Вы, коль не ошибаюсь, пріѣзжій?

— Да.

— Къ ярмонкѣ вѣрно?

— Именно, и потому мнѣ квартира нужна только на три мѣсяца.

— Это, батюшка, для насъ все равно; отдаемъ не отъ нужды; только бы пустая не стояла... А смѣю васъ со своей стороны спросить: вы вѣрно по торговымъ дѣламъ сюда? или просто повеселиться на ярмонкѣ?

Мирвольскій сообщилъ, кто онъ такой и зачѣмъ пріѣхалъ въ Голодаевъ. Старушка видимо смутилась. Несовсѣмъ прямо взглядывая на артиста, она проговорила съ запинкой:

— Не знаю, какъ вамъ сказать... Прошу васъ, не примите словъ моихъ въ дурную сторону... Мы съ дочерью однѣ-одинехоньки, всегда дома; любимъ, чтобъ спокойно было, тихо... А вы человѣкъ молодой... Товарищи — и все это... Ужь и званіе ваше такое... Вы пожалуста не сердитесь...

Старушка остановилась, чтобъ не зайти слишкомъ далеко и не обидѣть гостя.

— Могу увѣрить васъ честью, сказалъ, улыбаясь, Мирвольскій: — что вы не будете имѣть ни малѣйшаго повода быть мною недовольными.

Въ то же время онъ думалъ: «А! у васъ молоденькая дочка! И притомъ вѣрно хорошенькая: что-то недаромъ вы боитесь.»

— Я человѣкъ очень спокойный, продолжалъ Мирвольскій: — убѣдительно прошу васъ, не судите меня по другимъ изъ нашей братьи артистовъ, которые могли не понравиться вамъ. Я недавно въ труппѣ, съ которою пріѣхалъ; ни съ кѣмъ изъ актеровъ незнакомъ. Признаюсь, у меня съ ними очень мало общаго. Въ квартирѣ моей всегда будетъ тихо; по вечерамъ я, разумѣется, въ театрѣ, а днемъ — какъ случится. Притомъ я готовъ предложить вотъ какое условіе; при первомъ поступкѣ моемъ, который вамъ не по-

нравится, откажите мнѣ въ квартирѣ — и я немедленно съѣду. Но заранѣе увѣряю васъ, что этого никогда не можетъ случиться.

Что заставляло Мирвольскаго такъ настойчиво убѣждать хозяйку квартиры — трудно рѣшить... Можетъ-быть его начала интересовать ея дочь; можетъ-быть недоставало у него ни силы, ни воли странствовать послѣ утомительной дороги по городу, чтобъ пожалуй до самаго вечера не сыскать себѣ жилья, тогда-какъ ужь найдена повидимому вполнѣ удобная квартира.

Выслушавъ длинное объясненіе гостя, старушка наконецъ сказала снисходительнымъ тономъ:

— Если ужь вы такъ настаиваете, взгляните сначала на квартиру; можетъ-быть и не понравится вамъ. Пожалуйте!

Но тутъ случилась небольшая остановка. Старушка опустила руку въ свой вышитый гарусомъ суконный ридикюль, и вскричала:

— Ба!.. зову, а ключъ-то забыла. Взяла да не тотъ. Повремените минутку, батюшка: сейчасъ принесу.

И она вышла изъ комнаты.

Дѣйствуя сначала съ полной откровенностью, тутъ она прибѣгла къ небольшой хитрости. Ключъ былъ въ мѣшкѣ; но хозяйка хотѣла посовѣтоваться предварительно съ дочерью: можно ли принять къ себѣ въ домъ актера? надежный ли это народъ? Хоть онъ и смотритъ такимъ благовоспитаннымъ молодымъ человѣкомъ, а все какъ бы не нажить съ нимъ какой-нибудь бѣды! Безъ совѣта со своей Лелечкой старушка не предпринимала ни шага.

— Ничего, маменька, посовѣтовала ей дочь: — что жь за важность, что актеръ!

— Какъ бы исторій какихъ не было! возразила старушка.

— Что за исторіи! Вѣдь тамъ у насъ совсѣмъ отдѣльная половина; оттуда и стука здѣсь не слыхать.

— Пожалуй, что и такъ. Будетъ ли только исправно платить?

— Квартира недорога; я думаю, заплатитъ.

— Такъ я пойду, покажу ему комнаты.

— Отдайте, если понравятся. Что еще разъѣзжать ему по городу?

— Съ виду, кажется, такой смирный, заключила старушка, направляя шаги въ комнату, гдѣ оставила пріѣзжаго:— дай-то Богъ, чтобъ хорошій былъ жилецъ.

Черезъ пять минутъ дѣло было слажено: хозяйка получила плату за два мѣсяца впередъ, что подѣйствовало очень пріятно на ея образъ мыслей о новомъ постояльцѣ; постоялецъ немедленно водворился въ уютныхъ комнаткахъ, которыя очень ему понравились; бричка была помѣщена въ сарай... Мирвольскому оставалось только нанять слугу, чтобъ вполнѣ обезпечить себѣ спокойствіе на все ярмоночное время; это онъ сдѣлалъ на другой же день.

Прежде-чѣмъ явились остальные артисты, Наруковичъ позаботился довести до свѣдѣнія всѣхъ, кому надлежало о томъ вѣдать, что онъ наконецъ осчастливилъ пріѣздомъ своимъ городъ Голодаевъ. Сбросивъ съ плечъ свой неизмѣнный гороховый сертукъ и принарядившись во фракъ цвѣта масака съ длинными и узенькими фалдами, Осипъ Ѳомичъ нанялъ на цѣлый день извощичьи дрожки и поѣхалъ въ городъ. Предъявивъ личность свою губернатору, полицмейстеру и директору ярмонки, съ просьбою не оставить его своимъ милостивымъ покровительствомъ, а въ случаѣ надобности и защитою, какъ человѣка новаго, онъ счелъ также небезполезнымъ отдать свое почтеніе голодаевскому дворянству. Съ этою цѣлью онъ явился къ губернскому и къ уѣздному предводителямъ, къ одному разорившемуся, но веселому барину, князю

Михрюткину, имѣніе котораго было отобрано въ опеку ради малолѣтнихъ дѣтей его сіятельства, и къ извѣстному голодаевскому старожилу, отставному генералу Алексѣю Петровичу Охлестышеву, постоянно бывшему, по мѣстному выраженію, въ контрѣ съ губернаторомъ, великому меломану, владѣльцу изряднаго оркестра изъ дворовыхъ людей и вообще любителю всѣхъ изящныхъ искуствъ. У каждаго изъ этихъ корифеевъ голодаевскаго общества Наруковичъ разсыпался мелкимъ бѣсомъ въ любезностяхъ и лести; каждаго просилъ воззрѣть окомъ покровительства на его рвеніе для пользы общей, сопряженное съ совершеннымъ безкорыстіемъ, съ пожертвованіемъ даже собственныхъ скудныхъ средствъ, безъ всякихъ расчетовъ на могущее придти впослѣдствіи вознагражденіе. Само собою разумѣется, что въ ряду своихъ безкорыстныхъ жертвъ Наруковичъ указывалъ преимущественно на пріобрѣтеніе для труппы Мирвольскаго. Расказывая про новаго артиста, Осипъ Ѳомичъ не только дѣлался истинно краснорѣчивымъ, онъ кромѣ того проявлялъ замѣчательную творческую способность. Читателямъ извѣстно, какъ и когда познакомился онъ съ Мирвольскимъ; извѣстно также, что онъ принялъ его къ себѣ безъ всякого испытанія, довѣрясь единственно похвальнымъ печатнымъ отзывамъ: теперь Ѳомичъ повѣствовалъ съ очень характеристическими подробностями о томъ, какъ присутствовалъ при дебютѣ и великомъ торжествѣ Мирвольскаго въ Москвѣ, какихъ усилій и конечно расходовъ стоило ему, Ѳомичу, переманить такого значительнаго артиста на свою скромную провинціальную сцену, и тому подобное. Антрепренеръ зналъ столько же о происхожденіи и прежней, досценической жизни своего новаго сюжета, сколько и тѣ, которымъ предстояло ему рекомендовать его въ Голодаевѣ, то-есть ровно ничего, а между-тѣмъ Ѳомичъ передавалъ всю исторію его чуть не съ колыбели — въ такомъ широкомъ объемѣ и съ такими околичностями, какъ-будто Мирвольскій и родил-

ся, и былъ воспитанъ, и возросъ, и созрѣлъ подъ непосредственнымъ наблюденіемъ Наруковича. Исторія Мирвольскаго, сочиненная Осипомъ Ѳомичемъ на досугѣ во время пути изъ Камска въ Голодаевъ, очень заинтересовала всѣхъ слышавшихъ ее изъ устъ антрепренера и была найдена очень «романическою». Какъ же и могло быть иначе? Ѳомичъ сдѣлалъ въ ней нѣкоторымъ образомъ сводъ изъ разныхъ отчасти чувствительныхъ, отчасти неистовыхъ драмъ; ужь и то дѣлаетъ ему честь, что, пользуясь какъ матеріаломъ піесами въ родѣ знаменитаго «Сына Любви» Коцебу, онъ умѣлъ придать своему расказу нѣкоторую тѣнь правдоподобія.

Сѣденькій старичокъ съ хохолкомъ и крашеными усами, съ круглымъ румянымъ лицомъ и еще круглѣйшимъ брюшкомъ, отрощеннымъ на чужихъ обѣдахъ, извѣстный изъ края въ край по всему Голодаеву Капитонъ Валентиничъ Потатуйкинъ, находился въ кабинетѣ генерала Охлестышева и покуривалъ, безумолку болтая, трубочку, когда въ кабинетъ его превосходительства былъ немедленно по докладѣ допущенъ пріѣзжій антрепренеръ. Представившись хозяину, Ѳомичъ поклонился съ должнымъ подобострастіемъ и гостю; на нѣсколько вопросовъ, предложенныхъ старичкомъ, онъ отвѣчалъ, какъ и подобало, «съ наиглубочайшимъ почтеніемъ и совершеннѣйшею преданностью»... Но, оставивъ домъ голодаевскаго мецената, онъ и не вспомнилъ о старичкѣ ни разу; а междутѣмъ ему-то былъ онъ обязанъ, что, отправившись дня черезъ два по всѣмъ наиболѣе замѣчательнымъ жителямъ Голодаева съ книжечкой билетовъ, сдѣлалъ великолѣпный абонементъ. У него было въ одинъ день разобрано десять ложъ и чуть не цѣлые два ряда креселъ. Вездѣ, куда ни являлся Осипъ Ѳомичъ, его осыпали распросами о его главномъ артистѣ. Изъ этихъ распросовъ антрепренеръ узнавалъ такія событія изъ жизни Мирвольскаго, какихъ не сумѣлъ бы сочинить даже на основаніи извѣстныхъ ему невѣроятнѣйшихъ

драмъ. Такъ-какъ новые факты очень клеились съ расказомъ самого Θомича, то онъ безъ дальнихъ размышленій подтверждалъ ихъ. Сначала такая извѣстность его новаго артиста въ голодаевскомъ обществѣ удивила его; но потомъ онъ подумалъ, что, значитъ, не даромъ Мирвольскій заломилъ съ него такую дьявольски высокую цѣну. Наконецъ Θомичъ увѣрился даже, что сочиненная имъ исторія — точно исторія Мирвольскаго, и знали ее въ городѣ гораздо раньше его пріѣзда туда. Но и въ этомъ, какъ въ успѣхѣ абонемента, слѣдовало считать виновникомъ Капитона Валентиныча, къ которому антрепренеръ и не заѣхалъ съ приглашеніемъ абонироваться на его спектакли. Впрочемъ Θомичъ едва ли засталъ бы его дома. Съ самаго свиданія съ Наруковичемъ Потатуйкинъ былъ въ постоянныхъ разъѣздахъ. Рыжимъ коротконогимъ вяткамъ его, никогда не застаивавшимся въ стойлѣ, теперь не было времени и поѣсть какъ слѣдуетъ (это была впрочемъ ихъ всегдашняя участь въ ярмоночную пору). Новостей, недостатокъ которыхъ въ другое время повергалъ Потатуйкина въ уныніе, къ ярмонкѣ накопилось очень много, и ему представлялось достаточное количество поводовъ объѣхать своихъ знакомыхъ. А кто не былъ знакомымъ Капитона Валентиныча? Однихъ кумушекъ и кумовьевъ онъ никакъ не могъ перечесть безъ календаря, гдѣ были у него отмѣчены семейные праздники всѣхъ мало-мальски извѣстныхъ голодаевскихъ домовъ.

Въ день разъѣздовъ антрепренера (удивительно, какъ это Потатуйкинъ нигдѣ ни повстрѣчалъ его!) вятки принесли Капитона Валентиныча на разбитыхъ дрожкахъ и къ воротамъ Аграфены Петровны Гадаевой, у которой въ домѣ поселился Мирвольскій. Проѣзжая мимо ея оконъ, Капитонъ Валентинычъ не упустилъ изъ виду, что недавно затворенные наглухо ставни теперь открыты... значитъ, квартира отдана; необходимо справиться, кто поселился тутъ.

— Что, всѣ ли здоровы? спрашивалъ онъ горничную, суетливо обдергивая въ передней свои пестренькіе штаны и канареечнаго цвѣта жилетъ.

— Барышня не такъ-то здоровы-съ.

— Какъ! больна?... И очень?

— Нѣтъ-съ, не очень.

— Въ постели?

— Нѣтъ-съ; головка что-то болитъ.

— Ахъ, Боже мой! Боже мой! скажите пожалуста! произнесъ Потатуйкинъ такимъ тономъ, какъ-будто ему сказали, что барышня при смерти.

— Здравствуйте, батюшка Капитонъ Валентинычъ, привѣтствовала гостя Аграфена Петровна, сидѣвшая въ первой комнатѣ у окна, съ вязаньемъ. — Что давненько васъ не видать?

— Извините, добрѣйшая Аграфена Петровна...

Онъ подошелъ къ ручкѣ.

— Тысячу разъ виноватъ, тысячу разъ... что не заѣхалъ узнать о здоровьѣ Ольги Васильевны... Не зналъ, ей-Богу не зналъ. Что, какъ она теперь? Я слышалъ, захворала.

— Что за хворость! Такъ, голова немножко заболѣла что-то. Вчера мы въ саду все возились съ ней: цвѣты высаживали въ клумбы... Думаю, не слишкомъ ли долго на воздухѣ были... Сыро вѣдь теперь еще, особенно въ саду. Голова и заболѣла вотъ сегодня... А то, слава Богу, все здорова была. — Лелечка, выдь, мой ангелъ! крикнула Аграфена Петровна, оборотивъ голову къ двери: — Капитонъ Валентинычъ пріѣхалъ.

Старушка Гадаева была большая охотница поговорить сама и, что рѣдко бываетъ вмѣстѣ, послушать чужой болтовни; поэтому она любила Потатуйкина, вѣчно богатаго разными вѣстями, и никакъ не могла понять, отчего онъ не нравится

ея дочери. Аграфена Петровна всячески старалась примирить ее съ Капитономъ Валентинычемъ; можетъ-быть и теперь кликнула ее именно изъ желанія свести ихъ и заставить разговориться между собой: дѣвушка постоянно избѣгала встрѣчъ съ словоохотливымъ старичкомъ, словно боялась сдѣлаться и сама предметомъ его расказовъ.

Ей пришлось выйти къ гостю на зовъ матери. Капитонъ Валентинычъ стремительно бросился поцаловать ея ручку и освѣдомиться въ самыхъ льстивыхъ выраженіяхъ о ея здоровьѣ.

Ольга только-что вступила въ двадцатый годъ, и красота ея распустилась уже пышнымъ цвѣтомъ. Чтобъ имѣть понятіе объ этой красотѣ, еще недостаточно знать, что въ Голодаевѣ съ самаго пріѣзда ея туда (это случилось недавно) она считалась первою красавицей и возбуждала къ себѣ почти всеобщую зависть губернскихъ невѣстъ... А Голодаевъ былъ довольно богатъ хорошенькими невѣстами! Характеръ лица Ольги былъ чисто русскій; почти круглое, съ прямымъ и короткимъ носомъ, съ сѣрыми глазами, надъ которыми, едва замѣтно округляясь, лежали темныя брови, оно казалось очень обыкновеннымъ, но тѣмъ не менѣе останавливало на себѣ вниманіе почти каждаго. Не черты лица привлекали въ Ольгѣ, а выраженіе: дремотный наклонъ вѣкъ, опушенныхъ длинными рѣсницами, изъ-за которыхъ зрачки никогда не показывались вполнѣ; всегда задумчивый взглядъ, только изрѣдка оживляемый блескомъ глазъ, который напоминалъ тогда блескъ надрѣзаннаго свинца; тихая улыбка, озарявшая лицо только вполовину и рѣдко отражавшаяся въ глазахъ. У Ольги были густые темнорусые волосы, стройный станъ. Росту была она средняго.

— А слышали вы новость? спросилъ Потатуйкинъ, когда Ольга сѣла, и онъ занялъ прежнее мѣсто: — у насъ нынче другіе актеры.

— Знаю, батюшка, отвѣчала Аграфена Петровна:—вотъ одинъ и квартиру нанялъ у насъ.

— У васъ?! воскликнулъ, привскочивъ на стулѣ, Капитонъ Валентинычъ: — то-то я ужь это замѣтилъ: окна открыты; хотѣлъ все васъ спросить.

— Какъ бишь фамилія-то его, Лелечка?.. я все забываю, спросила старуха.

— Вѣрно Мирвольскій? нетерпѣливо перебилъ ее гость.

— Да, да.

— Онъ! вскричалъ съ какимъ-то неизъяснимымъ восторгомъ Капитонъ Валентинычъ: — онъ самый!

— Что такое? спросила удивленная старуха.

Ольга тоже взглянула на Потатуйкина съ изумленіемъ.

— Да вѣдь это великій артистъ!

— Вотъ какъ! замѣтила, слегка улыбаясь, дѣвушка.

— Что такое, батюшка?

— Великій, великій артистъ, и человѣкъ необыкновенный!.. Онъ игралъ въ Москвѣ—всѣхъ тамъ за поясъ заткнулъ... Трагикъ... удивительный артистъ!.. Если бъ не интриги, его бы озолотили... И какая судьба!.. поразительно!.. цѣлый романъ!.. Богатство, имя...

Видѣла я паспортъ его, прервала Аграфена Петровна:— у него тамъ другая какая-то фамилія написана.

— Да, это всегда такъ дѣлается: для сцены перемѣняютъ имя. Но что это, повторяю вамъ, за судьба!.. романъ... Вообразите...

И Капитонъ Валентинычъ принялся расказывать исторію жизни Мирвольскаго. Такъ-какъ онъ имѣлъ ужь случай повторить ее разъ двадцать, каждый разъ прибавляя къ ней какой-нибудь новый фактъ, изобрѣтенный его досужимъ воображеніемъ, то въ настоящемъ случаѣ повѣствованіе его длилось цѣлую четверть часа. Къ крайнему удовольствію Капитона Валентиныча, старуха Гадаева не разъ прерывала

его, требуя объясненія, и такимъ образомъ дала ему возможность подсочинить еще кое-что къ старому сочиненію.

Сначала Ольга слушала расказъ очень недовѣрчиво, но мало-по-малу приняла въ немъ участіе и заинтересовалась судьбою Мирвольскаго. Хотя и знала она, что почтеннѣйшій Капитонъ Валентинычъ любитъ прилгнуть, но никакъ не могла вообразить, что въ повѣствованіи Потатуйкина, за исключеніемъ одного свѣдѣнія, случайно совпадавшаго съ дѣйствительностью (именно, что Мирвольскій былъ очень богатъ и прожилъ свое богатство), не было ни словечка правды.

Аграфена Петровна и ахала, и разводила руками.

Окончивъ, гость принялся снова восхвалять сценическія дарованія Мирвольскаго и именовать его великимъ артистомъ.

— Вотъ меня что безпокоитъ, Капитонъ Валентинычъ, проговорила Аграфена Петровна: — не было бы у него въ квартирѣ какого дебошу.

Гость засмѣялся, покачивая головой.

— Ахъ, Аграфена Петровна! Аграфена Петровна!.. сказалъ онъ: — да развѣ вы не поняли изъ моихъ словъ, что онъ человѣкъ порядочный, то-есть истинно порядочный?

— Что же, батюшка, за порядочность, коль все отцовское наслѣдье чуть не въ годъ спустилъ?

— Молодость!

— Онъ и теперь не старикъ.

Капитонъ Валентинычъ поспѣшилъ привязаться къ этому замѣчанію, чтобъ распросить о наружности Мирвольскаго. Онъ намѣревался, пользуясь этимъ случаемъ, поѣхать прямо отъ Гадаевыхъ къ кой-кому изъ своихъ знакомыхъ расказать, что онъ сейчасъ познакомился съ пріѣзжимъ артистомъ.

— Что, каковъ онъ изъ себя, Аграфена Петровна?

— Видный мужчина.

— Высокъ ростомъ?

— Да, съ полицмейстера будетъ.

— Съ Кондратья Иваныча?

— Да.

— Ого! молодецъ, значитъ.

— И статный такой.

— Говорятъ, брюнетъ, носъ съ горбиной....

— Что вы? что вы? Вовсе нѣтъ. Совсѣмъ бѣлокурый и носъ прямой.

— Въ усахъ?

— Ну вотъ этого ужь и не помню.

— Вы не помните, Ольга Васильевна?

— Я не видала его, отвѣчала Ольга.

— Не видали?!

Капитонъ Валентинычъ былъ крайне изумленъ.

«Боже мой!» подумалъ онъ: «какое непростительное равнодушіе!»

— Кажется, съ усами, сказала старуха. — Да, точно, небольшіе усики есть.

Въ это время на улицѣ задребезжалъ чей-то экипажъ, и Потатуйкинъ бросился къ окну.

Къ воротамъ гадаевскаго дома подъѣхали и остановились извощичьи дрожки, съ которыхъ спрыгнулъ Осипъ Ѳомичъ.

— А! вотъ и самъ антрепренеръ... Къ вамъ? спросилъ Капитонъ Валентинычъ.

— Зачѣмъ ему къ намъ! отвѣчала Аграфена Петровна:— вѣрно къ своему-то пріѣхалъ.

Гость поспѣшно простился и ушелъ. Онъ надѣялся встрѣтиться во дворѣ съ Наруковичемъ и перекинуться съ нимъ нѣсколькими словами; но антрепренеръ успѣлъ ужь пройти въ квартиру Мирвольскаго, и Потатуйкинъ несовсѣмъ весело крикнулъ кучеру:

— Давай!

Ѳомичъ былъ лучезаренъ, когда вступилъ въ комнату,

гдѣ Мирвольскій лежалъ на диванѣ, куря изъ длиннаго чубука.

— Ну, Павелъ Павлычъ! воскликнулъ онъ, входя: — все идетъ какъ нельзя лучше.

— Что такое?

Ѳомичъ сообщилъ объ успѣхѣ абонемента.

— И прекрасно! сказалъ Мирвольскій.—Что жь вы теперь подѣлываете сами?

— Да что! совсѣмъ сбился съ ногъ. Съ билетами сначала возился, по начальству надо было явиться, а теперь принимаюсь дома за работу. Живописца вчера нанялъ: нужны будутъ новыя декораціи, да и старыя-то подновить... Охъ, бѣда да и только! Расходовъ-то! расходовъ-то!

И Ѳомичъ, по обыкновенію своему, понурилъ голову и замахалъ надъ ней руками.

— А я пріѣхалъ звать васъ обѣдать, продолжалъ онъ, немного помолчавъ.

— Извольте.

— Тамъ, на ярмонкѣ, у Бубнова въ трактирѣ.

— Ладно.

— Посовѣтоваться съ вами хочу.

— Насчетъ чего?

— Да вотъ что намъ пустить въ первый спектакль для вашего выходу?

— А какъ вы думаете?

— По моему «Жизнь Игрока».

— А по моему «Гамлета». Ваши играли его когда-нибудь?

— Какъ не играть! Вася отличался.

— Живягинъ?

— Да.

— Такъ назначайте «Гамлета». Я въ немъ лучше, чѣмъ Жоржемъ.

— У меня, видите ли, тутъ свой расчетецъ былъ... Испанскіе-то костюмы больно подгуляли у насъ. А у васъ для «Гамлета» нѣтъ своего?

— Разумѣется, нѣтъ.

— Эхъ! взять бы вамъ «Игрока»... тутъ въ городскомъ платьѣ...

— Нѣтъ, какъ хотите, я дебютирую не иначе, какъ «Гамлетомъ».

— Пожалуй, пожалуй; только я все на счетъ костюма...

— Надо новый сдѣлать.

— Охъ! охъ!

Ѳомичъ замахалъ руками.

— Нельзя же явиться въ первый разъ въ какой-нибудь рваной хламидѣ. Я не привыкъ — говорю вамъ это единожды навсегда — не привыкъ играть въ скверныхъ костюмахъ.

— Нечего дѣлать, сказалъ, скрѣпя сердце, Осипъ Ѳомичъ: — соорудимъ новый. Сегодня же заѣдемъ вмѣстѣ въ лавки и къ портному.

— У васъ своего портнаго нѣтъ?

— Помилуйте, гдѣ тутъ своего портнаго держать!.. Слава Богу, что сами-то кой-какъ держимся. У меня и костюмы-то съ начала моего антрепренерства не перемѣнялись. Хорошо еще, что удалось нынче перейти дорогу Сошникову: сюда-то попали; авось поправятся хоть немного дѣлишки, а то сущая бѣда: не разживешься въ какомъ нибудь Камскѣ.

— Когда же артисты-то ваши пріѣдутъ?

— Да послѣ завтра должны быть. То-то взбѣленится Живягинъ, что вы Гамлетомъ выходите. Пожалуй не уломаешь играть... Тогда безъ Полонія останемся.

— Я постараюсь обдѣлать это мирно.

— Трудно съ нимъ... ужасно горячъ! Однако не пора ли намъ?

— Ѣдемъ.

Наруковичъ въ этотъ день превзошелъ себя. Онъ заказалъ Мирвольскому весь новый костюмъ Гамлета по его собственнымъ указаніямъ, и угостилъ своего новаго артиста лучшимъ обѣдомъ, какой только могъ предложить имъ бубновскій трактиръ. Въ довершеніе своего истинно безпримѣрнаго поведенія, Наруковичъ, какъ извѣстно, не употреблявшій никогда ничего хмѣльнаго, къ концу обѣда оказался даже немного навеселѣ. Надо было ощущать слишкомъ великое довольство обстоятельствами, чтобъ рѣшиться на такое послабленіе своихъ строго нравственныхъ правилъ. Съ этого обѣда Ѳомичъ и Мирвольскій говорили ужь другъ другу «ты».

Дня черезъ два, шесть оконъ надъ шестью деревянными колонами театральнаго подъѣзда оживились человѣческими лицами.

ГЛАВА VIII.

Подъ родною кровлей.

Каждое утро, каждый вечеръ усердно молилась Аграфена Петровна и горячо благодарила Бога за миръ и довольство, которые осѣняли ея старую голову, за счастье, посланное ей на долю въ любимой дочери.

Долго пришлось ей прожить въ разлукѣ съ Ольгой; но это время миновало какъ тяжелый сонъ, и Аграфена Петровна старалась и не вспоминать о немъ.

Верстахъ въ тридцати отъ Голодаева было помѣстье графа Бѣловодскаго. Покойный Гадаевъ, мужъ Аграфены Петровны и отецъ Ольги, служилъ сначала въ губернскомъ городѣ, а потомъ вышелъ въ отставку и поступилъ въ управляющіе къ Бѣловодскому.

Графъ былъ очень богатъ, старъ и бездѣтенъ. Съ моло-

дости и до сѣдыхъ волосъ погруженный въ сознаніе собственнаго достоинства, онъ жилъ, чтобы заставлять другихъ чувствовать это достоинство и преклоняться предъ нимъ. Сказать по правдѣ, права Бѣловодскаго на всеобщее уваженіе были далеко не столь обширны, какъ это казалось ему самому. Старое имя, огромное состояніе, счастливо (не болѣе) проходимая карьера — и только. Личныя достоинства его заключались въ обыкновенномъ свѣтскомъ умѣ, въ обыкновенномъ свѣтскомъ образованіи, въ слишкомъ легкомъ взглядѣ на вещи и довольно обыкновенномъ сердцѣ.

Бѣловодскій былъ женатъ во второй разъ. Въ бракѣ онъ искалъ не семейнаго счастья, а твердой опоры для своего положенія въ свѣтѣ. И первое, и второе супружество его вполнѣ соотвѣтствовали этой точкѣ зрѣнія. Домъ Бѣловодскихъ былъ одинъ изъ первыхъ домовъ въ столицѣ. Графъ почиталъ бы себя совершенно счастливымъ, если бъ у него былъ наслѣдникъ имени, которымъ онъ такъ гордился; но ни первая, ни вторая жена не подарили его наслѣдникомъ.

Во второй разъ Бѣловодскій женился, когда ему было ужь пятьдесятъ лѣтъ. Невѣста его считала себѣ нѣсколько меньше половины этихъ годовъ. Она была не богата, не знатна, но хороша собой, и свѣтскій тактъ графа отличилъ ее, какъ дѣвушку, которая, войдя въ качествѣ жены въ домъ его, сумѣетъ поддержать графское достоинство. Бѣловодскій не ошибся. Изъ дѣвушки, не отличавшейся отъ сверстницъ своихъ ничѣмъ кромѣ замѣчательной красоты, Александра Николаевна разомъ превратилась въ женщину, сосредоточившую на себѣ вниманіе свѣта. Несмотря на поклоненіе, въ которомъ не было у нея недостатка, несмотря на роль, слишкомъ завидную для многихъ, Бѣловодская не считала себя особенно счастл ивой. Чувства ея къ мужу не были пламенны; мужъ былъ совершенно доволенъ, но это было довольство гордости или, лучше сказать, самолюбія, а ужь никакъ не

любви, даже не дружбы. Графиня, окунувшись въ холодныя струи свѣтской жизни, не была увлечена потокомъ; сердце ея, еще не знавшее любви и просившее этого чувства, какъ-будто съежилось въ два-три года, прожитые въ свѣтѣ; праздность сердца, какъ и праздность мысли, все болѣе и болѣе развивали въ ней какое-то смутное недовольство своею судьбой. Она стала скучать; обычныя развлеченія, обычный строго размѣренный и однообразный ходъ жизни утомили ее. Ей хотѣлось новыхъ ощущеній, новыхъ мѣстъ. Домашній докторъ, который, за отсутствіемъ другихъ болѣзней, вздумалъ заняться леченьемъ графини отъ скуки (она называла ее «невыносимою»), посовѣтовалъ ей сдѣлать хоть небольшое путешествіе. Александра Николаевна отправилась за границу. Была она въ Италіи, была въ Швейцаріи; но какъ-то мало подѣйствовали на расположеніе духа ея чудеса природы и искуства: въ самой натурѣ ея какъ-будто недоставало нѣкоторыхъ струнъ, которыя способны отзываться на все прекрасное. Бѣловодскую отчасти занимала только новизна предметовъ. Можетъ-быть она развлеклась бы и больше, если бъ ея странствованіе было сопряжено съ препятствіями, затрудненіями, опасностями и вообще какими-нибудь необыкновенными приключеніями. Ничего подобнаго не было; путешествіе графини было такъ же спокойно, такъ же полно комфорта, какъ если бъ она сидѣла дома. Большую часть того, что именно ѣдутъ смотрѣть въ мѣстахъ, посѣщенныхъ графинею, видѣла она изъ окна своей кареты, или вовсе не видала, погруженная въ апатическую дремоту. Англичанка, миссъ Сара, сопутствовавшая Александрѣ Николаевнѣ дѣвица лѣтъ сорока-пяти, вообще очень приличная и смирная, приходила въ такой восторгъ отъ «поэтической Италіи», что страна эта просто опротивѣла Бѣловодской отъ безпрестанныхъ восторженныхъ возгласовъ компаніонки. Той же участи, хотя и въ нѣсколько меньшей степени, подверглась «живо-

писная Швейцарія». Бѣловодская поспѣшила домой, не излечившись отъ своего недуга — мало того, не получивъ даже ни малѣйшаго облегченія.

Возвратясь, не долго прожила она въ Петербургѣ—только зиму и весну. Зима прошла если не весело, по крайней мѣрѣ не такъ скучно, какъ Александра Николаевна воображала. Полтора года отсутствія нѣсколько примирили ее съ обществомъ, которое до тѣхъ поръ не внушало ей ничего кромѣ скуки... Впрочемъ къ концу зимы прежнее чувство начало закрадываться въ нее, а въ концѣ весны она вспомнила даже не безъ нѣкотораго сожалѣнія о своемъ путешествіи. Ѣхать опять однакожь не рѣшилась... Ей хотѣлось побывать гдѣ-нибудь поближе, но въ мѣстѣ незнакомомъ. И въ одинъ часъ составился и созрѣлъ планъ поѣхать въ одно изъ помѣстій графа, гдѣ она еще не бывала.

Еще и двухъ лѣтъ не исполнилось со времени поступленія отца Ольги въ управители селомъ Сосновскимъ, когда графиня вздумала посѣтить это помѣстье. Господа не заглядывали туда лѣтъ двѣнадцать, и барскій домъ только единожды въ годъ оживлялся на нѣсколько дней въ началѣ весны. Управитель былъ обязанъ держать домъ наготовѣ для лѣта; и вотъ, въ половинѣ каждаго мая, въ домѣ начинались уборка, мытье и чистка. Въ теченіе двѣнадцати лѣтъ хлопоты эти происходили понапрасну. Ставни закрывались, и пыль продолжала всюду ложиться толстымъ слоемъ. Наконецъ-то пріѣхала графиня.

Съ терасы деревенскаго дома, гдѣ Бѣловодская скучала ужь мѣсяца полтора, она увидала однажды въ саду, подъ кустомъ шиповника, кудрявую дѣвочку, которая очень ей понравилась. Она вздумала подозвать малютку; но та, едва увидала незнакомую, быстро побѣжала и скрылась въ густой зелени сада.

Бѣловодская освѣдомилась, кому принадлежитъ этотъ пугливый ребенокъ. Ей отвѣчали, что это дочь управителя.

— Приведите ее ко мнѣ.

Дѣвочку привела сама мать.

— Это вашъ ребенокъ?

— Мой, ваше сіятельство.

— Какъ зовутъ ее?

— Ольгой, ваше сіятельство.

— Сколько ей лѣтъ?

— Всего шестой годъ-съ.

— У васъ только одно дитя?

— Одно, ваше сіятельство. Въ прошломъ году схоронили сына... Былъ ужь двѣнадцати лѣтъ.

— Я недолго останусь здѣсь; пускай она приходитъ сюда — играть въ домѣ.

— Слушаю, ваше сіятельство.

— Поди сюда, говорила графиня дѣвочкѣ, которая крѣпко держалась обѣими руками за платье матери и боялась отойти отъ нея на шагъ: — полно дичиться!

— Иди къ ея сіятельству, дурочка, иди.

Сама Леля не шла; ее нужно было подвести за руку.

— Она будетъ хорошенькая у васъ... Ну чего же ты боялась?

— Поцалуй ручку ея сіятельства, совѣтовала мать: — да коситься-то перестань.

— Руку цаловать мнѣ не надо, а надо смотрѣть веселѣе.

— Не привыкла, ваше сіятельство: большихъ господъ не видывала.

По желанію графини, дочь управителя была почти безвыходно въ барскомъ домѣ. Въ два дня ее одѣли какъ куклу, и мать не могла налюбоваться ею.

Лелю мало занимали обновы, и она никакъ не могла по-

бороть своей робости въ присутствіи дамы, которую мать называла не иначе какъ «благодѣтельницею».

— Экая ты какая! толковала Аграфена Петровна, когда Леля приходила изъ барскаго дома во флигель, занятый ея отцомъ. — Ну что ты глядишь такимъ волчецкомъ?

— Я ничего.

— Какъ ничего! Придешь сюда — говоришь, а тамъ и слова отъ тебя не добьешься: точно нѣмая.

— Я не знаю, что говорить.

— Какъ не знаешь? Когда тебя спрашиваютъ — отвѣчай. Вотъ вчерась графиня говоритъ: «Весело ли тебѣ, Леля, у меня?» А ты и ни гугу.

— Мнѣ не весело.

— Отчего не весело? Развѣ графиня не добрая?

— Добрая.

— Развѣ не ласкаетъ тебя?

— Ласкаетъ.

— Такъ что же тебѣ скучать! Нехорошо. Ну, сама скажи, отчего тебѣ скучать?

— Не знаю, отвѣчала Леля.

— Ахъ ты, дурочка, дурочка!.. «Не знаю!» Посмотри-ка, какое платьеце-то тебѣ сшили — а!

Дѣвочка смотрѣла на свое новое платье.

— Вѣдь ты этакого и не нашивала никогда... А башмачки-то, а чулочки-то какіе!

И Аграфена Петровна сажала дочь къ себѣ на колѣни, и принималась въ двадцатый разъ любоваться красивыми башмаками и тонкими чулками Лели.

— И надушили-то тебя какъ! продолжала она, цалуя ее въ голову. — Точно ты сама графиня! Ну, ступай теперь къ ея сіятельству.

— Лучше я здѣсь буду.

— Полно, полно. Ступай, играй тамъ въ свои игрушки. Вѣдь игрушки есть у тебя?

— Есть.

— Ну, и ступай!

— Право...

— Перестань, перестань, не капризься... ужо опять придешь сюда.

Леля шла не очень охотно. Игрушки, которыми щедро надѣлила ее графиня, какъ-то мало тѣшили малютку. Ей пріятнѣе было сидѣть дома и безъ игрушекъ.

За нѣсколько дней до отъѣзда изъ деревни (послѣ встрѣчи съ Лелей графиня пробыла тутъ не больше мѣсяца) помѣщица позвала къ себѣ жену управителя.

— Отдайте мнѣ вашу Лелю, сказала она ей: — я возьму ее съ собой въ Петербургъ.

— Ахъ, ваше сіятельство! воскликнула управительша, и въ восклицаніи ея какъ-то странно слышались въ одно и то же время и испугъ, и радость, и изумленіе.

— У меня она получитъ хорошее образованіе, продолжала графиня: — и можетъ сдѣлать порядочную партію; ужь я не забуду о приданомъ.

Аграфена Петровна не могла удержать слезъ... Какія слезы были это? что вызвало ихъ: радость дочерниному счастью, или печаль о разлукѣ съ единственнымъ дитятею? Скорѣе радость.

— Можетъ-быть на будущее лѣто я опять пріѣду сюда, сказала графиня: — привезу и ее повидаться съ вами.

— Позвольте подумать, ваше сіятельство.

— Подумайте.

Когда Аграфена Петровна объявила мужу о желаніи графини, они призадумались, но не надолго.

— Отдадимъ, Груша! сказалъ мужъ, рѣшительно махнувъ рукой: — счастлива будетъ. У графини состоянье не-

смѣтное: приданое дастъ хорошее. Воспитаетъ по графски.

Аграфена Петровна замѣтила съ своей стороны, что ея сіятельство доброты и кротости несказанной, и что Лелю будутъ лелѣять и баловать какъ родную дочь: вѣдь своихъ нѣтъ. Одно препятствіе — жаль растаться съ дѣвочкой: любятъ ее, привыкли къ ней, все веселье въ домѣ отъ нея. Но какое же это препятствіе, когда дѣло идетъ о благополучіи всей жизни?

— Навѣки осчастливитъ, говорилъ Гадаевъ.

Черезъ часъ дѣло было рѣшено. Мать Лели и плакала и смѣялась.

Зачѣмъ Бѣловодская вздумала взять съ собою маленькую Гадаеву?.. Дѣвочка была ей маленькимъ развлеченіемъ въ деревенскомъ одиночествѣ и бездѣйствіи; но изъ-за этого нечего еще было брать ее у матери. Въ поступкѣ своемъ графиня руководилась не любовью къ дѣтямъ вообще и къ Лелѣ въ особенности, не желаніемъ выказать доброту свою (а она была точно очень добра); нѣтъ, все произошло случайно, безъ всякихъ заранѣе составленныхъ намѣреній и обдумыванья. Это была просто прихоть, только отчасти подкрѣпленная мыслью: отчего и не сдѣлать добра бѣднымъ людямъ?

Когда Гадаева отпускала на чужбину свою маленькую Лелю, сердце ея сжималось и ныло больше отъ страха за судьбу дѣвочки, чѣмъ отъ горя разлуки. Въ минуты прощанья всѣ блестящія предположенія относительно будущности малютки, построенныя ею на доброжелательствѣ графини, разлетѣлись какъ дымъ. Ихъ заступили сомнѣнія... Что, если вмѣсто ласкъ, вмѣсто привѣта дѣвочку ждетъ на чужой сторонѣ пренебреженіе, нелюбовь? Что, если не дочерью, не воспитанницей будутъ держать ее тамъ, а просто служанкой? Что наконецъ, если и воспитаютъ ее въ довольствѣ, роскоши? Она пожалуй не захочетъ потомъ и знать роди-

телей. А какъ графиня да не исполнитъ своихъ обѣщаній, или (человѣкъ смертенъ) умретъ, прежде-чѣмъ пристроитъ дѣвочку — что тогда? На что ей графское воспитаніе? куда дѣнешься съ нимъ, какъ нѣтъ хлѣба насущнаго? А между-тѣмъ привыкла къ богатству, и грубая работа на умъ не пойдетъ.

Часто и впослѣдствіи такія мысли тревожили Аграфену Петровну. Ждала она каждое лѣто: вотъ-вотъ Александра Николаевна пріѣдетъ въ Сосновское и привезетъ съ собой Лелю; но годъ проходилъ за годомъ, а графиня и не думала ѣхать въ свое помѣстье. Извѣстія о дочери Аграфена Петровна получала часто, съ каждымъ господскимъ приказомъ управителю; но что это были за извѣстія! «Дѣвочка жива и здорова» — вотъ и все. Могло ли удовлетвориться ими материнское сердце?

Только съ той поры успокоилась немного Аграфена Петровна, какъ Леля стала извѣщать ее о себѣ собственноручными письмами. Это однакожь случилось нескоро. Графиня овдовѣла, когда Лелѣ было лѣтъ восемь. Сначала миссъ Сара, взятая графинею въ годъ смерти мужа въ гувернантки къ воспитанницѣ, выучила дѣвочку читать и писать по англійски и по французски, и потомъ ужь наняли для Лели русскаго учителя. Впрочемъ находила подчасъ на Аграфену Петровну недовѣрчивость и къ письмамъ дочери. «Такъ ли, полно, пишетъ она, какъ все на самомъ дѣлѣ? Можетъ, съ чужихъ словъ пишетъ: правды-то сказать не смѣетъ.»

Миссъ Сара очень полюбила ввѣренную попеченіямъ ея дѣвочку. Она была воспитана въ правилахъ строгой нравственности и религіи. Такое воспитаніе развило въ ней въ высшей степени смиренное покорство судьбѣ, и никогда ни слова жалобы не вызывала у ней жизнь, отъ которой миссъ Сара не видала ни одной улыбки. Съ весеннихъ лѣтъ и до пятидесятилѣтняго возраста она посвящала себя воспитанію

чужихъ дѣтей, и посреди заботъ своихъ забывала думать о себѣ. Можетъ-быть отъ постояннаго сношенія съ дѣтьми — и только съ дѣтьми, въ отчужденіи отъ общества, миссъ Сара до старости сохранила въ себѣ дѣтскую свѣжесть чувства и юношескую восторженность. Восторженность эта выражалась въ ней очень выспренно; миссъ Сара была подчасъ смѣшна, но всегда искренна.

Маленькая Ольга, которой все казалось такъ холодно и безучастно среди роскоши чужаго дома, съ радостнымъ изумленіемъ встрѣтила теплое участіе къ себѣ миссъ Сары, и съ первыхъ же дней сердце дѣвочки отвѣтило всѣмъ хранившимся въ немъ запасомъ любви вниманію англичанки. По мѣрѣ привычки и знакомства съ роднымъ языкомъ миссъ Сары, Леля привязывалась къ ней болѣе и болѣе.

Бѣловодская была всегда какъ-то лѣниво добра къ своей воспитанницѣ, холодно вѣжлива съ гувернанткой. Леля и миссъ Сара видѣлись съ Александрой Николаевной каждый день; но это были какія-то офиціальныя свиданія, вызываемыя не обоюднымъ желаніемъ встрѣчи, а приличіемъ. Они были всегда очень кратки, и миссъ опять удалялась съ ученицей въ свою комнату.

Комната эта составляла какъ-бы особенный міръ въ богатомъ домѣ графини. Въ него никогда не заглядывала скука, царствовавшая въ огромныхъ и пустыхъ покояхъ, вѣявшая съ высокихъ лѣпныхъ потолковъ, съ покрытыхъ дорогими обоями стѣнъ, гнѣздившаяся во всѣхъ уголкахъ роскошной мебели и продолжавшая давить собою молодую вдову.

У Лели были прекрасныя способности, и она скоро выучилась свободно говоритъ по англійски. Миссъ Сара, посадивъ ее около себя, часто расказывала ей, одну за другою, фантастическія сказки. Леля не отрывала уха отъ расказовъ гувернантки. Съ каждымъ днемъ тѣснѣе сближалась она съ ихъ героями, глубже входила въ сказочный міръ, исполнен-

ный всякихъ чудесъ. Склонная къ мечтательности и ко всему таинственному, Леля мало по малу населила весь всегда пустой, всегда безмолвный домъ графини множествомъ призрачныхъ существъ. Все получало въ глазахъ ея сверхъестественное значеніе. Въ пламени камина, такъ привлекавшаго ея дѣтское вниманіе, видѣлся ей теперь голубой, игривый образъ саламандры. За тихо шевелившимися отъ легкаго вѣтра занавѣсами оконъ скрываются (подозрѣвала она) крошечные шаловливые мальчики, которые, карабкаясь по шелку толстаго штофа, подсматриваютъ, что дѣлается въ комнатѣ.

Леля была ужь тринадцатилѣтнею дѣвочкой, когда Александра Николаевна вздумала ѣхать за границу, не то развлечься, не то полечиться.

— Я ѣду, миссъ Сара, сказала она лелиной гувернанткѣ: — и можетъ-быть пробуду за границей цѣлый годъ.

— О! что можетъ быть пріятнѣе путешествія? воскликнула миссъ: — какъ счастливъ, кто можетъ путешествовать!

— Но я ѣду одна, продолжала графиня: — Лелю мнѣ не хочется брать съ собой. Гдѣ останетесь вы? Хотите, будьте здѣсь и лѣтомъ переѣзжайте на дачу; хотите, отправляйтесь въ деревню.

— Не знаю, гдѣ будетъ лучше.

— Выбирайте.

Миссъ Сара никогда не выѣзжала изъ Петербурга; это былъ единственный извѣстный ей русскій городъ. Деревня въ самой глубинѣ Россіи пугала ее, и миссъ Сара выбрала Петербургъ.

— Но Лелѣ вѣрно было бы пріятно повидаться съ отцомъ, съ матерью?

Дѣвочки не было въ комнатѣ во время этого разговора.

— Она очень мало помнитъ ихъ, возразила гувернантка. — Къ тому же не лучше ли будетъ, когда они увидятъ

ее вполнѣ образовавшеюся дѣвицей? Ребенокъ можетъ пожалуй перенять тамъ дурныя манеры.

Это возраженіе было несовсѣмъ искренно: миссъ Сарѣ просто не хотѣлось ѣхать въ деревню. Какъ бы то ни было, графиня заключила свой разговоръ такими словами:

— Дѣлайте, что вамъ кажется лучше.

— Я думаю остаться здѣсь.

— И прекрасно. Для меня же это все равно. Я ѣду на будущей недѣлѣ.

И графиня уѣхала.

Вмѣсто года, она не возвращалась въ Петербургъ цѣлыя шесть лѣтъ. Леля и ея гувернантка не скучали.

Какъ прошли для нихъ эти шесть лѣтъ, можно расказать въ нѣсколькихъ строкахъ — такъ обыкновенна и однообразна была ихъ жизнь. Уроки, заключавшіеся въ чтеніи вмѣстѣ и потомъ въ разговорахъ о прочитанномъ, занятія музыкой, то-есть игрою на фортепіано и пѣніемъ, въ которыхъ (особенно въ послѣднемъ) Ольга дѣлала быстрые успѣхи, прогулки, довольно уединенныя, изрѣдка спектакль — вотъ и все. Дружба между ученицей и гувернанткой скрѣплялась все больше и больше. Надо замѣтить, что миссъ Сара получила довольно многостороннее образованіе, не часто встрѣчающееся между женщинами, и въ бесѣдахъ ея всегда было много полезнаго для Ольги. Дѣвушка замѣтно развивалась; она полюбила чтеніе не какъ праздную забаву, а какъ пищу для своей мысли, для своего впечатлительнаго сердца; взглядъ ея на міръ былъ слишкомъ идеаленъ, какъ и взглядъ миссъ Сары: можетъ-быть судьба заставитъ ее страдать, но никогда не будетъ Ольга томиться такой праздной скукой, какъ Александра Николаевна.

Письма, которыя Ольга часто получала отъ матери, все больше и больше утверждали ее въ мысли, что у нея мало общаго съ доброй старушкой и по воспитанію, и по образу

мыслей. Аграфена Петровна заключала обыкновенно письма свои горькими сѣтованіями, что столько лѣтъ не видалась съ дочерью, и спрашивала всякой разъ: когда же наконецъ придетъ для нея день свиданія?

— Графиня совсѣмъ загостилась за границей, говорила Ольга миссъ Сарѣ: — и я право начинаю терять надежду увидать ее когда-нибудь. Пишетъ она такъ рѣдко; вотъ мы не знаемъ даже, гдѣ она теперь.

— Шесть писемъ въ шесть лѣтъ, скромно замѣтила миссъ Сара: — это очень любезно съ ея стороны! Намъ и этого нельзя было ожидать.

— Да, особенной дружбы къ намъ она не питала.

— А она очень, очень добра! У нея прекрасное сердце.

— Да, и я особенно должна быть благодарна ей; если бъ не она, что вышло бы изъ меня въ нашемъ глухомъ Сосновскомъ?

— Мнѣ кажется, она не узнала бы васъ теперь, Ольга.

— Отчего?

— Вы много выросли съ ея отъѣзда, похорошѣли, расцвѣли..

— А мнѣ думалось, что я вовсе не измѣнилась съ тѣхъ поръ. Много ли времени!

— А такъ много, что изъ дитяти вы успѣли сдѣлаться взрослою дѣвушкой. Вѣдь вы были совершенный ребенокъ, какъ она уѣзжала.

— Мнѣ очень хочется, чтобъ она возвратилась поскорѣе.

— Намъ пожалуй не будетъ отъ этого веселѣе.

— Мнѣ нужно, миссъ Сара, непремѣнно нужно съѣздить повидаться съ маменькой. Она такъ проситъ, такъ зоветъ меня въ каждомъ своемъ письмѣ! Разумѣется, я могла бы отправиться въ Сосновское и теперь, безъ графини; но все думаю, что она скоро воротится.

— Ахъ! мнѣ придется раставаться съ вами, милая Ольга.

— Вы все-таки никакъ не хотите оставлять Петербургъ; не рѣшаетесь поѣхать отсюда?

— О, нѣтъ! ни за что.

— Даже со мной?

— Даже съ вами, мой другъ.

— Мы воротились бы сюда...

— О, нѣтъ! У меня есть какое-то странное предчувствіе... нѣтъ, дальше Петербурга я ни за что не рѣшусь ѣхать. Впрочемъ я утѣшаюсь тѣмъ, что намъ долго еще ждать графиню, и вы долго не покинете меня.

— А мнѣ сдается, что она вернется скоро.

— Не думаю.

Разговоръ этотъ происходилъ осенью. Предположеніе Ольги, что Бѣловодская скоро явится изъ путешествія, оправдалось: графиня воротилась въ началѣ зимы.

И миссъ Сара, и Ольга, поразившая Александру Николаевну своимъ развитіемъ и своею красотой, нашли въ ней большую перемѣну; графиня какъ-будто переродилась; въ ней вовсе незамѣтно было прежней вялости и холодности ко всему. Съ участіемъ распрашивала она свою воспитанницу о ихъ житьѣ-бытьѣ во время ея отсутствія, весело расказывала о своихъ поѣздкахъ по Европѣ изъ мѣста въ мѣсто, изъ города въ городъ. Никогда Александра Николаевна не была такъ говорлива, какъ теперь. Ольга удивлялась этой перемѣнѣ и не могла найти ей объясненія, какъ и миссъ Сара, несмотря на свое тонкое соображеніе. Даже и наружно графиня какъ-будто измѣнилась: сонное выраженіе лица, утомленіе, замѣчавшееся въ каждой почти чертѣ его, исчезли; оно было полно жизни.

Когда Ольга сказала Александрѣ Николаевнѣ о своемъ

желаніи побывать дома, графиня просила ее провести зиму съ ней, въ Петербургѣ.

— Зачѣмъ поѣдешь ты теперь?.. что дѣлать зимой въ деревнѣ? Подожди весны, и я отпущу тебя — только не надолго...

Ольга согласилась.

Со дня пріѣзда графини она не сидѣла ужь, какъ бывало, въ своей уединенной комнатѣ, одна или вдвоемъ съ миссъ Сарой; она почти постоянно присутствовала въ гостиной и будуарѣ Александры Николаевны.

Къ концу зимы обычнымъ посѣтителемъ графини былъ нѣкто Осмовскій, о которомъ Ольга часто слыхала, какъ о человѣкѣ богатомъ, очень умномъ, образованномъ и играющемъ непослѣднюю роль въ большомъ свѣтѣ. Безъ труда замѣтила дѣвушка, что между нимъ и графиней существуетъ большое сочувствіе. Если бъ она вращалась въ свѣтѣ, она узнала бы, что тамъ объ Осмовскомъ и графинѣ говорятъ какъ о рѣшенной партіи. Они познакомились за границей, гдѣ въ большей части посѣщенныхъ ими городовъ были одновременно.

— Вотъ и разгадка перемѣны, происшедшей въ графинѣ, говорила Ольгѣ миссъ Сара: — она любитъ.

Желаніе ѣхать повидаться съ матерью скоро должно было сдѣлаться для Ольги необходимостью. Отъ Аграфены Петровны она получила письмо за черною печатью, извѣщавшее о смерти старика Галаева.

«Пріѣзжай, ангелъ мой, Лелечка (писала мать Ольги), утѣшь ты мою старость. Схоронивши своего покойника, переѣхала я въ Голодаевъ; наняла тамъ себѣ маленькій домикъ. Осталось послѣ Василья Акимыча всего двѣсти рублей ассигнаціями. Одна моя надежда на ея сіятельство. Если не забыла свое обѣщаніе, такъ вѣрно поможетъ намъ — отпуститъ тебя ко мнѣ и наградитъ, какъ говорила, когда брала тебя съ со-

бой. Пріѣзжай, Лелечка; не дай ты и мнѣ въ могилу сойти, не видавшись съ тобой. Отецъ твой, умирая, только и говорилъ, что о тебѣ, и благословилъ тебя заочно. Писала ты ко мнѣ, Лелечка, что пріѣдешь весной. Теперь у насъ мартъ мѣсяцъ. Что бы тебѣ отправиться по послѣднему пути! Меня и горе-то одолѣло, да и хвораю все; а ужь какъ, душа ты моя, по тебѣ стосковалась, такъ и расказать это не въ силахъ.»

Мѣсяца черезъ полтора послѣ отправки въ Петербургъ письма, Аграфена Петровна дождалась пріѣзда дочери. Трудно передать радость матери, когда она увидала наконецъ свою ненаглядную и столько лѣтъ невидѣнную Лелю. Долго, долго ни одного словечка не могла произнести обрадованная старуха, долго не могла взглянуть на нее: рыданія заглушали ея голосъ, слезы туманили глаза.

— Господи! Господи! начала наконецъ говорить она, когда наплакалась досыта: — гляжу я на тебя, Лелечка: ты ли это? Боже праведный! Вотъ вѣдь тебя какую отпустила съ ея-то сіятельствомъ, вотъ какую — чуть видно было отъ земли. А теперь!.. Раскажи же ты мнѣ, голубушка, какъ тебѣ тамъ жить-то было... Поди, и не вспомянула ни разу обо мнѣ, старухѣ! А ужь мы-то, Лелечка: часу, кажется, не проходило, чтобъ не поговорили о тебѣ. Василій-то Акимычъ покойникъ — царство ему небесное! — нѣтъ-нѣтъ, бывало, да и спроситъ: «а гдѣ (говоритъ), Груша, птичка-то наша отлетная?» Такъ я и зальюсь...

При этихъ словахъ Аграфена Петровна не утерпѣла, чтобъ не всплакнуть и теперь.

— А какъ умиралъ, продолжала она, утирая платкомъ глаза: — такъ до самой до послѣдней минуты объ тебѣ твердилъ. Вонъ и образъ, которымъ тебя заочно благословилъ — трехъ радостей. Ну раскажи же мнѣ, раскажи про

свое-то житье: мнѣ про себя расказывать нечего: жили день за день, какъ Господу было угодно.

Удовлетворяя желанію старухи, Ольга передала ей въ подробномъ расказѣ все, что могло быть любопытнымъ для Аграфены Петровны изъ ея петербургской жизни. Аграфена Петровна то и дѣло прерывала дочь радостными восклицаніями и похвалами ея сіятельству, «благодѣтельницѣ и покровительницѣ» Лели.

— Какъ она отпускала-то тебя, голубушка? спросила она при концѣ расказа: — обѣщала ли намъ здѣсь-то помогать? Вѣдь тебѣ пожалуй, Лелечка, трудами жить придется. Писала я никакъ тебѣ, что послѣ Василья-то Акимыча всего на все двѣсти рублей осталось. Пріѣхала, матушка, сюда— расходы да расходы. Въ Сосновскомъ, бывало, все готовое; а здѣсь купи да купи... Совсѣмъ бѣда безъ денегъ; совсѣмъ...

— Я и забыла сказать вамъ, маменька, перебила ее Ольга: — что графиня, прощаясь со мной, подарила мнѣ ломбардный билетъ, котораго для насъ на всю жизнь достанетъ.

— Неужто?

Аграфена Петровна вся встрепенулась отъ радости.

— Ахъ, благодѣтельница наша! И много, Лелечка?

— Пятнадцать тысячъ.

— Господи, награди ты ее!

Слезы потекли ручьями изъ глазъ Аграфены Петровны.

Ольга отперла свою дорожную шкатулку, достала оттуда билетъ и подала его матери. Старушка взялась за него дрожащими отъ волненія руками. Когда слезы немножко унялись, и глаза могли ясно видѣть строки на билетѣ, она почувствовала новый и сильный приливъ радости къ своему сердцу.

— Голубушка! Лелечка! я думала, ассигнаціями пятнадцать тысячъ, а это серебромъ...

— Да.

— Господи! серебромъ пятнадцать тысячъ! Вотъ и не снилось никогда такое богатство!.. Это ты у меня, Лелечка, счастливая такая уродилась...

И Аграфена Петровна крѣпко обнимала и цаловала дочь.

— Вѣдь это, Лелечка, на ассигнаціи-то слишкомъ пятьдесятъ тысячъ. Пятьдесятъ тысячъ... что я!.. пятьдесятъ двѣ съ половиной... такъ, кажется?

— Да, маменька.

— Не забыла, голубушка, своего обѣщанья, не забыла. Какъ теперь вижу: позвала она меня по утру къ себѣ; сидитъ это въ креслахъ, съ книжкой въ рукахъ. «Отдайте (говоритъ) мнѣ Лелю!» Я сначала-то такъ и не вспомнилась отъ этихъ словъ; потомъ ужь собща разсудили отдать. «Я (говоритъ) воспитаю ее, приданое дамъ.» Не забыла, голубушка, не забыла своихъ словъ. Я, признаться, Лелечка, и всегда думала, что она не забудетъ обѣщанья; только ужь такихъ-то денегъ мнѣ и во снѣ не грезилось. Дастъ, думаю, рублей тысячу — и то, думаю, слава тебѣ Господи! не нищими останемся: судьбу можетъ хорошую найти. А теперь... Ахъ, святые угодники!

Радости Аграфены Петровны не было конца.

Немного поуспокоившись, она стала разсуждать, какъ имъ пообстоятельнѣе устроиться въ Голодаевѣ.

— Домикъ надо приглядѣть, Лелечка, говорила она: — небольшой да недорогой, чтобъ только намъ двоимъ мѣсто было; на квартирѣ-то жить и дороже и неудобнѣе... Да ты, Лелечка, писала мнѣ, что много музыкой занимаешься; фортопьяны вотъ надо будетъ тоже завести.

— Да, маменька, я буду васъ объ этомъ просить.

— Чего просить, голубушка ты моя! Распоряжайся, какъ сама хочешь. Тебѣ лучше знать, что надо и какъ. Я, живучи въ деревнѣ-то, ото всего отвыкла.

Черезъ нѣсколько дней былъ пріисканъ домъ на Дворян-

ской Улицѣ, и вскорѣ Ольга Васильевна Гадаева сдѣлалась его владѣлицею.

Въ этомъ-то домѣ, черезъ полтора года послѣ поступленія его въ новыя руки, видѣли мы Мирвольскаго.

Аграфена Петровна не могла вдоволь нарадоваться и налюбоваться дочерью. Ей хотѣлось въ то же время, чтобъ всѣ раздѣляли ея радость.

— Лелечка, говорила она, когда домъ былъ приведенъ въ совершенный порядокъ и ужь не оставалось никакихъ хлопотъ по домашнему хозяйству: — не все же намъ жить затворницами; познакомиться бы въ городѣ съ порядочными людьми.

— Мнѣ кажется, у насъ довольно знакомыхъ, маменька, отвѣчала Ольга: — я не скучаю, да и вы тоже.

— Эхъ, Лелечка, что у насъ за знакомства! Мнѣ еще, старухѣ, это компанія — такъ; потолкуемъ, соберемся, о старомъ времени, какъ жили, когда еще покойникъ Василій Акимычъ на службѣ здѣсь состоялъ — и ладно; а тебѣ, поди, и слушать тоска, какъ мы примемся свою канитель тянуть. Ты дѣвушка молодая, надо тебѣ въ обществѣ бывать, развлекаться... Слава Богу, невѣста не хуже другихъ. И то ужь говорятъ, слышь, что мы по скупости хоронимся отъ добрыхъ людей.

— Пусть говорятъ, маменька! Мнѣ право не хочется выѣзжать...

— Какъ это не хочется! Я тебѣ удивляюсь, Лелечка; молоденькая ты, а неохотница ни нарядиться, ни потанцовать. Вотъ въ собранье бы стали ѣздить, на балы, на вечера. Не вѣкъ тебѣ и дѣвушкой сидѣть.. Конечно время не ушло; что еще твои за года! А все же, въ четырехъ стѣнахъ сидя, судьбы не дождешься. Съѣздили бы, голубушка, съ визитомъ къ губернаторшѣ, къ предводительшѣ...

Ольга долго отговаривалась, но наконецъ должна была

уступить просьбамъ Аграфены Петровны. Знакомства въ губернскомъ городѣ составляются легко, и скоро Гадаевы сдѣлались необходимыми членами голодаевскаго общества. Ольга принуждена была въ угоду матери посѣщать почти всѣ балы и вечера, хотя и не находила въ выѣздахъ большаго удовольствія. Она считалась самою богатою изъ городскихъ невѣстъ, и потому немудрено, что у нея явилось много поклонниковъ.

Успѣхъ Ольги въ губернскомъ свѣтѣ несказанно радовалъ Аграфену Петровну, такъ же, какъ и ухаживанья за нею молодежи; но она не могла надивиться, какъ между столькими достойными по ея мнѣнію молодыми людьми Ольга не находила себѣ никого по сердцу. Когда Аграфена Петровна громко изъявляла свое удивленіе, Ольга обыкновенно говорила ей:

— Вѣрно еще не судьба мнѣ выходить замужъ.

— А я такъ думаю, Лелечка, отвѣчала мать: — тебѣ наши женихи не нравятся послѣ петербургскихъ.

— Да тамъ я и не знала почти никого.

— Конечно, какое у насъ образованіе здѣсь! продолжала Аграфена Петровна: — ты же вонъ у меня какая: все бы съ книжкой сидѣла. И между барышнями-то нѣтъ тебѣ подруги; такія все, прости Господи! либо вертушка, либо дура да необтесаная. — Изъ всѣхъ, признаться, здѣшнихъ жениховъ только одинъ и есть, про котораго ничего сказать нельзя.

— Кто это?

— А Ухманскій!

— Онъ вамъ нравится?

— Прелесть молодой человѣкъ! уменъ, образованъ...

— Полноте, маменька; онъ только думаетъ о себѣ больше, чѣмъ другіе — вотъ и все.

Видя, что Ольга нисколько не расположена искать себѣ въ Голодаевѣ жениховъ, Аграфена Петровна мало по малу

переставала говорить объ этомъ предметѣ и упрашивать дочь чаще выѣзжать. Ольга была очень довольна, что могла наконецъ больше сидѣть дома, заниматься чтеніемъ, музыкой или какимъ-нибудь рукодѣльемъ.

— Ужь какая же ты, посмотрю я на тебя, домосѣдка у меня, Леля! И какъ это не наскучитъ тебѣ все читать да читать! говорила Аграфена Петровна. — Совсѣмъ ты глаза себѣ испортишь; печать же нынче все такая мелкая...

Не питая особенной любви къ книгамъ, Аграфена Петровна очень одобряла занятія Ольги музыкой и часто сама просила ее играть на фортепіано или пѣть.

— Лелечка, спой-ка мою любимую.

— «Птичку»?

— Да.

Леля пѣла, и когда доходила до стиховъ:

«Птичка! птичка! даль да море,
Да чужая сторона...
Или вѣчно тамъ весна?
Иль зимы не страшно горе?»

на глазахъ старушки всегда выступали слезы, вызываемыя воспоминаніемъ о долгой разлукѣ съ дочерью.

Вскорѣ по пріѣздѣ Наруковича, Аграфена Петровна говорила дочери:

— Надо будетъ намъ съѣздить въ театръ, Лелечка, посмотрѣть новыхъ актеровъ.

— Поѣдемте.

— Нашего постояльца посмотримъ: каковъ-то онъ? Что-то много про него толкуютъ.

— Мнѣ не вѣрится всѣмъ этимъ похваламъ.

— Что жь такъ? Капитонъ Валентинычъ говорилъ навѣрное. Да ты еще не видала его?

— Не видала.

— И собой-то онъ такой молодецъ! Кажется, и не

может дурно сыграть. Не знаю, когда будетъ первое-то представленіе. Надо послать справиться у постояльца.

Дня черезъ два принесли афишу, изъ которой явствовало, что такого-то числа текущаго мѣсяца, артистами труппы господина Наруковича, на голодаевскомъ ярмоночномъ театрѣ будетъ, съ дозволенія начальства, представлена трагедія въ пяти дѣйствіяхъ: «Гамлетъ, принцъ датскій», въ коей роль Гамлета исполнитъ вновь-ангажированный извѣстный артистъ московскаго театра, господинъ Мирзольскій; за оною трагедіею послѣдуетъ разнохарактерный дивертисментъ, въ коемъ дѣвица Колчанова будетъ плясать по русски, дѣвицы Нарукович и Сизогубова младшая исполнятъ стиріанскій танецъ, а въ заключеніе господинъ Гудковъ пропоетъ комическіе куплеты: «Купецъ лавку отворяетъ.» За этимъ исчисленіемъ всѣхъ прелестей предстоящаго спектакля слѣдовали, какъ водится, краткія, но выразительныя строки, въ которыхъ говорилось, что «содержатель театра, нещадившій» и прочее, «льститъ себя надеждой» и такъ далѣе...

Аграфена Петровна послала взять ложу.

ГЛАВА IX.

Птицы спѣваются.

Насталъ день перваго представленія. О! стократъ треволненный день!

На разсвѣтѣ является Забота къ одинокому ложу Осипа Ѳомича, наклоняется къ уху этого почтеннаго смертнаго и шепчетъ: «Вставай! сегодня тебѣ много дѣла.» Шопотъ Заботы такъ же рѣзокъ, какъ трагическій шопотъ Живягина, когда онъ въ какой-то кровопролитнѣйшей трагедіи шепчетъ (въ сторону), хватаясь за кинжалъ и кидая смертельный взглядъ

на свою коварную возлюбленную: «Зззмѣ-я!» Осипъ Ѳомичъ быстро покидаетъ постель. Усѣвшись бриться, онъ второпяхъ срѣзываетъ прыщикъ на подбородкѣ; вмѣсто обыденнаго гороховаго сертука ни съ того ни съ сего натягиваетъ себѣ на плечи парадный фракъ, и только почувствовавъ, что подъ мышками рѣжетъ, замѣчаетъ свою ошибку. «Тьфу!» Бѣда имѣть заботливый характеръ.

Въ самую глубь крѣпкаго сна, въ которомъ потонулъ рыжій Антипъ, достигаетъ грозный голосъ, трижды именующій его; ламповщикъ пытается выплыть на поверхность, движетъ всѣми членами, но водоворотъ мчитъ его въ пучину. Нѣтъ силъ бороться; надо предать себя могучимъ волнамъ сна. Но вотъ утопающій чувствуетъ въ волосахъ своихъ спасительную руку; она извлекаетъ его изъ пропасти.

Весь всполохнувшись, долговязый дѣтина широко раскрываетъ глаза и видитъ предъ собою хмурое лицо Осипа Ѳомича.

— Что было сказано съ вечера? гнѣвно произносятъ уста антрепренера.

Дѣтина вскакиваетъ, выпрямляется и тупо глядитъ на Наруковича. Въ ушахъ его еще гудятъ волны, изъ которыхъ только-что вытащили его.

— Что было сказано съ вечера? повторяетъ Ѳомичъ.

Хоть убей, ничего не было сказано съ вечера.

— Все заспалъ?

Антипъ совершенно неожиданно кидается въ сторону.

— Куда? восклицаетъ разгнѣванный Ѳомичъ.

— Самоваръ поставить.

— Ну, живо!

Самоваръ ужь въ рукахъ Антипа; но едва подошелъ онъ къ плитѣ, враждебная стихія снова обуреваетъ его. Словно волна хлестнула его по рукамъ, и самоваръ летитъ на полъ, звеня и гремя; труба катится въ одну сторону, канфорка въ другую.

— Ахъ, косолапый! кричитъ Ѳомичъ.

Но самоваръ ужь въ крѣпкихъ объятіяхъ Антипа, и Антипъ окончательно проснулся.

— Изломалъ, милый?

— Нѣту.

— Живо у меня, живо!

Ѳомичъ начиняетъ себѣ носъ табакомъ и бѣжитъ внизъ, на сцену.

— Ишь, будила-мученикъ! ворчитъ рыжій ламповщикъ:— раньше солнца глаза продралъ. И другіе не спи! Наждешься у меня самовара. Покамѣстъ еще плиту разведу, да когда-то еще угли будутъ горячіе. И выйдетъ, что рано затѣялъ, да на поздо свелъ.

Громъ упавшаго самовара пробуждаетъ рѣшиловскаго Ванюшу; но это пробужденіе мгновенно: хлопнувъ безсмысленными глазами и раскрывъ ротъ, онъ опять засыпаетъ на тепломъ лонѣ матери. Ворчливость госпожи Рѣшиловой крѣпко спитъ вмѣстѣ съ нею; но не спитъ меланхолія «благороднаго отца», и самъ онъ всталъ ужь съ постели и сидитъ у окна.

Взоръ его тоскливо бродитъ по едва пробуждающейся мѣстности — бродитъ, ни на чемъ не останавливаясь, ничего не замѣчая и не видя, будто всѣ эти балаганы, лавки, барки, суда, мостъ вдали и городъ на горѣ, однимъ словомъ все, открывающееся глазамъ изъ окна, облечено въ такой же гнетущій туманъ, какой лежитъ на душѣ Рѣшилова. Чепуха подобно грознымъ тучамъ лѣзетъ къ нему въ голову.

Со вчерашней репетиціи не разглаживалось его чело; насупивъ брови и завивая рукой вихоръ за лѣвымъ ухомъ, онъ предается самымъ траурнымъ соображеніямъ, которыя, сказать по правдѣ, не имѣютъ никакого основанія.

Гораздо лучше сдѣлалъ бы Рѣшиловъ, если бъ читалъ тетрадку, лежащую около него. Это — роль Клавдія, о которой

ему нѣсколько разъ было сказано: «надо выучить потверже»; но онъ до нея не касается.

Давно ужь снѣдаетъ его тайный недугъ, о которомъ никто и никогда не слыхивалъ отъ него ни слова. Какая-то непонятная боязнь будущаго парализируетъ каждое движеніе его въ настоящемъ. Эта боязнь заставляетъ его копить деньги и отказывать себѣ не только въ прихотяхъ, но и въ необходимомъ (и у него накоплена уже изрядная сумма на черный день); эта боязнь заставляетъ его видѣть въ каждомъ своемъ товарищѣ личнаго врага, строящаго ему разныя козни. Пріемъ Мирвольскаго въ труппу не произвелъ на него сначала особенно непріятнаго впечатлѣнія; но со вчерашней репетиціи Рѣшиловъ ощутилъ нѣкоторый страхъ. Мирвольскій видимо отодвинулъ перваго актера труппы, Живягина, на второй планъ; передвигаясь, Живягинъ задѣнетъ, непремѣнно задѣнетъ и его, Рѣшилова, и отодвинетъ въ свою очередь на третій планъ. И въ растроенномъ воображеніи «благороднаго отца» ярко обрисовалась непріязненная фигура Осипа Ѳомича, который отказываетъ ему отъ мѣста, говоря: «У меня теперь полный комплектъ и безъ тебя; ты мнѣ больше не нуженъ. Иди, куда знаешь! Правда, кто тебя приметъ? Что ты за артистъ! Въ роляхъ вѣчно нетвердъ!»

Рука Рѣшилова протянулась къ тетрадкѣ.

Между-тѣмъ Осипъ Ѳомичъ думаетъ о немъ въ эту минуту акъ же мало, какъ напримѣръ недвижимый Ванюша о славѣ. Осипъ Ѳомичъ щупаетъ въ разныхъ мѣстахъ пальцемъ раскрашенный вчера заново холстъ декорацій. Убѣдившись, что краски успѣли за ночь высохнуть, онъ взбирается на самое высокое помѣщеніе для зрителей, именно въ раекъ, и ухватившись обѣими руками за его загородку, старается покачнуть ее. Загородка не подается ни на волосъ. А чуть-было не надѣлала она потѣхи! Не будь у Ѳомича такой заботливый характеръ, не пошелъ бы онъ вчера посмотрѣть, крѣпка ли

загородка; а не пойди онъ, и не узналъ бы, что она крайне ветха; а не узнай... ужасно! Народъ набирается въ раекъ, напираетъ все больше и больше впередъ, и вдругъ въ самую торжественную минуту, когда онъ, Осипъ Наруковичъ, является на сценѣ тѣнью гамлетова отца — трряхъ! зрители летятъ изъ райка вверхъ тормашкой... Отъ одной мысли о подобномъ казусѣ пробѣгаетъ по спинѣ и ознобъ и жаръ. Изъ райка Наруковичъ стремится на подъѣздъ, гдѣ трое плотниковъ чинятъ что-то.

— Что, скоро кончите?

— Скоро; малость додѣлать осталось.

— Вотъ доску только подшить. Сбѣгай-ка, Васюкъ; гвоздей мало.

— Ладно.

Васюкъ идетъ.

Акуратная душа Осипа Ѳомича возмущается.

— Экой народецъ! Не могли разомъ всего захватить?

— И захватили, да недостало.

— Ишь, тутъ всѣ доски вспучило.

— Ну, полно вамъ толковать-то! Кончайте живѣе, да идите ко мнѣ; тамъ еще дѣло есть.

— Живо кончимъ.

— То-то! Пожалуй еще что-нибудь забыли. Опять разгонъ начнется.

— Нѣту, все съ нами.

— Такъ работайте же, работайте! Что руки-то сложили?

— Да вотъ Василій за гвоздями пошелъ.

— Эхъ, народецъ! народецъ!

Печально помотавъ головой и понюхавъ табаку, Ѳомичъ поворачивается, чтобъ удалиться; но вдругъ глаза его поражаетъ важное упущеніе по части театральнаго интереса, незамѣченное имъ при выходѣ. Большихъ размѣровъ афиша, напечатанная на красномъ листѣ, которую онъ вчера собственно-

ручно прибилъ четырьмя гвоздиками къ одной изъ деревянныхъ колонъ подъѣзда, исчезла.

— Кто сорвалъ афишку? восклицаетъ Осипъ Ѳомичъ, яростно обращаясь къ плотникамъ, которые праздно переминаются съ ноги на ногу.

— Чего? спрашиваетъ одинъ изъ нихъ.

— Что сорвали? спрашиваетъ другой.

— Вотъ тутъ на столбѣ бумага была.

— Бумага?

— Кто ее сорвалъ?

— Мы не срывали.

— Такъ кто же?

— А почемъ намъ знать!

— Да вы же вѣдь тутъ съ утра толчетесь.

— Съ утра-то съ утра; да на что намъ ее, бумагу-то?

— Никто сюда не подходилъ?

— Никого не было.

— Вѣрно вы не видали. Вчера поздо вечеромъ тутъ была афишка.

— Можетъ, и была.

— Не «можетъ», а была; самъ видѣлъ.

— Мы не брали.

— Ужь вѣрно кто-нибудь подходилъ да стащилъ.

— И то, можетъ, подходилъ.

— Тьфу, дурачье! толкуй съ вами!

И Ѳомичъ удаляется раздосадованный.

Онъ идетъ къ себѣ въ комнату, куда слѣдомъ за нимъ является и Антипъ съ самоваромъ.

— Разгулялся? спрашиваетъ Наруковичъ, бросая недовольный взглядъ въ заспанное лицо рыжаго ламповщика.

— Что мнѣ разгуливаться-то?

— Ну-у! безъ разсужденій, милый!

Ламповщикъ бормочетъ что-то подъ носъ.

— Сказано! прикрикиваетъ Ѳомичъ.

Антипъ надвигаетъ на глаза свои густыя брови и умолкаетъ.

— Всталъ кто-нибудь?

— Нѣтъ еще.

— А всѣ дома?

— Всѣ.

— Поздно пришли вчера Гудковъ съ Румаковскимъ?

— Я не слыхалъ.

— Ты что услышишь!

Ѳомичъ наливаетъ кипятку въ чайникъ.

— Больше ничего не надо? спрашиваетъ, почесывая за ухомъ, Антипъ.

— Тебѣ бы, не бойсь, опять спать завалиться?

«Какъ же!» думаетъ Антипъ: «много наспишь съ тобой, будилой-мученикомъ!»

— На вотъ афишку, поди приколоти ее тамъ у подъѣзда...

— Тамъ вѣдь была?

— Иди, коли тебѣ говорятъ. Сорвали ее, такъ ты эту на старое мѣсто прибей! Гвозди есть тамъ.

Ламповщикъ беретъ афишку и молча удаляется.

Напившись чаю, антрепренеръ опять отправляется внизъ, но предварительно проходитъ, прислушиваясь, по коридору, въ который выходятъ двери изъ комнатъ артистовъ. Глубокое молчаніе царствуетъ вездѣ; сонъ держитъ еще всѣхъ въ своихъ сладостныхъ узахъ.

Только изъ комнаты Рѣшилова доносится до слуха Ѳомича глухое бормотанье, и онъ пріостанавливается.

«Злодѣйства паръ кровавый, страшнаго злодѣйства»,

слышится оттуда:

«Достигъ небесъ. Ужасно преступленье,
Мной совершенное — первоначальный грѣхъ —
Злодѣйство Каина — убійство брата!

Я не могу молиться, хоть порывы
Раскаянья терзают душу мнѣ —
Вина моя раскаянья превыше!»

— Слава тебѣ Господи! говоритъ Нарукович: — взялся за умъ: учитъ роль. Вчера слушаю — ни въ зубъ толкнуть.

«Злодѣйства паръ кровавый, страшнаго злодѣйства,
Достигъ небесъ!»

слышится снова.

Но Ѳомичъ ужъ на лѣстницѣ, ведущей въ театральныя сѣни. Внизу встрѣчаютъ его плотники и Антипъ.

— Прибилъ? обращается онъ къ ламповщику.

— Прибилъ.

— Ступай, лампы приведи въ порядокъ.

Антипъ взбирается на верхъ.

— Вы что? кончили? спрашиваетъ Наруковичъ плотниковъ.

— Кончили.

— Идите сюда за мной! Ступай кто-нибудь изъ васъ, принеси ручную лѣстницу! тамъ вонъ пройди! Во дворѣ стоитъ. Занавѣсъ надо будетъ прибивать.

И черезъ четверть часа занавѣсъ повѣшенъ.

— Ну-ка спусти!

Плотники дергаютъ съ обѣихъ сторонъ за веревки, но занавѣсъ и не думаетъ опускаться.

— Сильнѣе дергай! сильнѣе! Ну!

— Нейдетъ.

— Эхъ вы! чортовы куклы! Что-нибудь наверху тамъ не такъ. Ставь лѣстницу!

Осипъ Ѳомичъ взлѣзаетъ на нее самъ.

— Ну что ты тутъ надѣлалъ? Развѣ этакъ прибиваютъ? кричитъ онъ сверху. — Экіе молодцы! ничего путемъ сдѣлать не могутъ! Эй ты, влѣзай сюда съ топоромъ!

Кой-какъ дѣло улаживается.

— Спусти!

Желтая лира, на дняхъ подмалеванная, является очамъ Ѳомича во всей красотѣ своей.

— Подыми!

Лира уходитъ подъ потолокъ.

— Опять спусти!

Спускаютъ.

— Ладно теперь.

Въ хлопотахъ незамѣтенъ полетъ часовъ, и Наруковичъ не видалъ, какъ прошло время до одиннадцати. Не мало досталось ему побѣгать, не мало посердиться; особенно Антипъ взбѣсилъ его.

— Гдѣ лампы? спрашиваетъ Ѳомичъ.

— Вотъ.

— Ахъ, Боже мой! Боже мой! восклицаетъ Наруковичъ, ухвативъ себя за виски.

Антипъ тупо глядитъ въ бокъ.

Задавъ себѣ изрядную трепку за чужую вину, Осипъ Ѳомичъ обращается къ ламповщику.

— Что было тебѣ сказано съ вечера? кричитъ онъ: — что было сказано?

Тутъ только припоминаетъ долговязый дѣтина, что съ вечера было ему велѣно вычистить лампы.

— Да что ихъ чистить-то! замѣчаетъ онъ очень хладнокровно.

— Долго ли тебѣ умничать, рыжій чортъ? Сейчасъ чтобъ были вычищены!

— И такъ бы прогорѣли.

— Молчи! не выводи ты меня изъ терпѣнья, милый! Ну что стоишь? Бери да принимайся!

— Успѣю.

— Тьфу, пустая башка! Дѣлай, что велятъ. Зажги ихъ этакъ-то, и стекла всѣ перелопаются. Лѣнь-то прежде насъ родилась.

Антипъ складываетъ лампы къ себѣ въ грязный передникъ.

— Лѣнь надо на ремень! замѣчаетъ мимоходомъ Гудковъ, поспѣшая вслѣдъ за Румаковскимъ.

— Куда вы? кричитъ имъ Ѳомичъ.

— Нужно.

— Репетиція сейчасъ.

— Знаемъ.

Ухъ! кажется никогда не уставалъ такъ Осипъ Ѳомичъ, какъ въ это утро.

На башнѣ у каменныхъ лавокъ бьютъ часы одиннадцать.

— Эй ты! бѣги! зови всѣхъ на репетицію!

Антипъ очень небрежно бросаетъ лампу, которую только-что принялся промывать, и бормочетъ:

— Никакъ совсѣмъ разорваться приходится.

— Скажи еще слово, милый! замѣчаетъ Осипъ Ѳомичъ: — одно только слово скажи! вечеромъ же сегодня духу твоего здѣсь не будетъ.

На сценѣ ужь толкутся человѣкъ тридцать, которыхъ мы не видали въ труппѣ. Все это временные актеры, завербованные Ѳомичомъ на другой же день по пріѣздѣ за умѣренную поспектакельную плату, отъ гривенника до рубля включительно. Глядя на этихъ молодцовъ, невольно подумаешь, что при выборѣ ихъ условіемъ sine qua non были неуклюжесть и неповоротливость.

«Это ничего!» думалъ Ѳомичъ: «только бы роли выучили да не сбивались!»

И онъ успѣлъ ужь убѣдиться по репетиціямъ, что роли читаются безъ запинки, тогда-какъ Рѣшиловъ напримѣръ (игравшій Клавдія разъ двадцать) первой строки безъ суфлера не припомнитъ. Скажетъ:

«Сколь намъ ни драгоцѣнна...»

и сѣлъ какъ ракъ на мели.

Антипъ застаетъ Клавдія посреди комнаты, декламирующаго:

«Злодѣйства паръ кровавый, страшнаго злодѣйства,
Достигъ небесъ. Ужасно преступленье»,

и такъ далѣе.

— Эй, суфлеръ! Гдѣ суфлеръ? кричитъ Осипъ Ѳомичъ, появляясь на помостѣ съ книжкой въ рукахъ.

— Здѣсь я, Осипъ Ѳомичъ.

Изъ-за кулисы выходитъ Пастуховъ, утирая носъ. Это старенькій, рябой, приземистый человѣкъ въ родѣ сморчка. На немъ какъ на вѣшалкѣ колышется потертый казинетовый кафтанчикъ; изъ задняго кармана торчитъ огромная тетрадь. Голосъ у него, кажется, самой природой назначенъ для суфлерской конуры: Пастуховъ не говоритъ, а рѣзко шепчетъ.

Успокоившись тѣмъ, что суфлеръ на лицо, Осипъ Ѳомичъ обращаетъ драгоцѣнное вниманіе свое на новобранцевъ.

— Всѣ ли здѣсь?

— Кажется, всѣ, отвѣчаетъ нѣсколько голосовъ.

— Перекличка! возглашаетъ Наруковичъ.

Онъ развертываетъ свою книжку.

— Чебоксаровъ!

— Здѣсь.

— Корноуховъ!

— Я.

— Чернопятовъ!

— Я.

— Бѣлоносовъ!

— Здѣсь.

И такимъ образомъ поименовываются всѣ тридцать или болѣе человѣкъ.

— Да что вы всѣ въ кучу сбились, милые? говоритъ

Ѳомичъ, окончивъ перекличку.—Раздѣлитесь партіями. Придворные, сюда!

Онъ опять справляется съ книжкой.

— Гвоздыревъ! Культяповъ! Бѣлоносовъ! отдѣляйтесь!

Придворные составляютъ кружокъ.

— Свита Фортинбраса... Огурцовъ! Сидоровъ! Лебедкинъ! сюда!

Свита Фортинбраса отдѣляется отъ толпы.

— Ужь вы пожалуста во время спектакля-то не смѣшивайтесь. Кто съ рѣчами — впередъ; безъ рѣчей — сзади, подальше. Что ты, милый, все впередъ лѣзешь? Вѣдь ты безъ рѣчей! говоритъ Ѳомичъ одному бойкому франту въ чуйкѣ, изъ свиты Фортинбраса.

— Безъ рѣчей-съ, отвѣчаетъ франтъ.

— Такъ что же ты все ломишься впередъ? Стой, милый, позади!

На сцену является Рѣшиловъ и вслѣдъ за нимъ Вилковъ, на этотъ разъ сдающій должность капельмейстера второй скрипкѣ, ради роли Гильденштерна, съ которою волей Ѳомича слита воедино и роль Розенкранца.

— Гдѣ же другіе? спрашиваетъ Ѳомичъ.

— Не знаю, отвѣчаетъ Рѣшиловъ.

— Гудковъ съ Румаковскимъ пошли на биліардѣ играть, говоритъ Вилковъ.

Наруковичъ ухватываетъ себя за виски.

— Такъ и есть! такъ и есть! А еще давеча говорилъ, чтобъ скорѣе вернулись.

— Послать можно.

— Да гдѣ они?

— Въ трактирѣ у Воропаева.

— Антипъ! Антипка! кричитъ Наруковичъ.

Надо крикнуть по крайней мѣрѣ десять разъ, чтобъ улицезрѣть неповоротливаго дѣтину.

— Бѣги скорѣе въ воропаевскій трактиръ! распоряжается Ѳомичъ. — Знаешь, гдѣ?

— Какъ не знать!

— Зови Румаковскаго и Гудкова! Скажи, что репетицію начинаютъ. Да что Вася?

— Онъ велѣлъ за собой придти, когда пріѣдетъ новый актеръ.

— Такъ и зналъ! та же исторія, что вчера. — А дѣвицы что?

— Одѣваются.

— Какъ одѣваются? Да я ихъ сейчасъ видѣлъ — одѣты.

— Другія платья надѣваютъ.

— Вотъ нужно! Ну, бѣги за тѣми!

Антипъ уходитъ.

На ярмоночной башнѣ бьетъ ужь и двѣнадцать часовъ, а на сценѣ все еще сидятъ только Вилковъ да Рѣшиловъ.

— Ахъ, Боже мой! вотъ наказанье! Каждый день одна пѣсня — собрать нельзя! И добро бы жили далеко, въ разныхъ мѣстахъ!

Являются наконецъ комикъ и первый любовникъ, Гораціо и Лаэртъ трагедіи. Осипъ Ѳомичъ накидывается на нихъ съ укоризнами; но, мало обращая вниманія на его пропитанную горечью рѣчь, Гудковъ и Румаковскій расказываютъ съ большимъ воодушевленіемъ Вилкову о своихъ биліардныхъ битвахъ.

Мало по малу артисты и артистки собираются; пріѣзжаетъ Мирвольскій, и выходитъ Живягинъ.

Репетиція идетъ изрядно. Играютъ только придворные, стража, свита Фортинбраса и прочая шушера, да Рѣшиловъ. Остальные читаютъ роли почти про себя, и голова суфлера тщетно высовывается безпрестанно изъ будки; ему нетерпѣливо машутъ рукой — и только.

— Зачѣмъ ты далъ Рѣшилову Клавдія? спрашиваетъ Мир-

вольскій у антрепренера: — онъ только путать будетъ; ни слова роли не знаетъ.

— Ужь не говори! бѣда мнѣ съ нимъ — да и только.

— Далъ бы ему Полонія: роль меньше.

— Еще хуже! Эту роль онъ по крайней мѣрѣ прежде игралъ; а дай ему новую — просто зарѣжетъ.

«Да, мы увидимъ»,

шипитъ суфлеръ.

«Да, мы увидимъ»,

произноситъ Рѣшиловъ:

«...Надобно рѣшиться!
Безумцу сильному опасно дать свободу.»

Сказавъ эти слова, Клавдій тяжело переводитъ духъ и, закручивая вихоръ за лѣвымъ ухомъ, отходитъ отъ суфлерской будки.

— Матвѣй Михайлычъ! зоветъ его антрепренеръ.

Рѣшиловъ приближается.

— Ну какъ тебѣ не стыдно? Сколько тебѣ разъ говорилъ, чтобъ училъ роль потверже. Ты вспомни — вѣдь ты второе лицо въ піесѣ.

Не удостоивая Ѳомича отвѣтомъ, Рѣшиловъ удаляется къ кулисамъ и садится на скамейку.

— Сыграй хоть одно мѣстечко! проситъ Наруковичъ Мирвольскаго. — Покажи свою удаль!

— Какое?

— Ну-хоть «За человѣка страшно»!

— Хорошо.

Когда на вопросъ Гертруды Колчановой, за что Гамлетъ такъ жестокъ къ ней и что такое она сдѣлала, Мирвольскій начинаетъ отвѣчать по желанію Наруковича такъ, какъ отвѣтитъ вечеромъ на сценѣ, Осипъ Ѳомичъ весь превращается въ слухъ; онъ вытягиваетъ шею впередъ и прищуриваетъ глаза.

«........Такое дѣло,
Которымъ погубила скромность ты!»

произноситъ Мирвольскій, протягивая руку по направленію къ дѣвицѣ Колчановой:

«Изъ добродѣтели ты сдѣлала коварство; цвѣтъ любви
Ты облила смертельнымъ ядомъ; клятву,
Предъ алтаремъ тобою данную супругу,
Ты въ клятву игрока преобратила...»

— Такъ, такъ, шепчетъ Осипъ Ѳомичъ.

«Ты погубила вѣру въ душу человѣка...»

— Браво! браво!

«Ты посмѣялась святости закона,
И небо отъ твоихъ злодѣйствъ горитъ!»

Мирвольскій останавливается и вперяетъ взоръ въ дѣвицу Колчанову, поправляющую свой тюлевый воротничокъ.

— Браво! браво! повторяетъ антрепренеръ, едва переводя духъ отъ восторга.

«Да, видишь ли, какъ все печально и уныло,»

продолжаетъ глухимъ голосомъ Гамлетъ:

«Какъ-будто наступаетъ страшный судъ!»

— Славно! славно! лепечетъ Наруковичъ. — Артистъ! въ душѣ артистъ!

Монологъ въ самомъ дѣлѣ прочитанъ былъ очень хорошо. Слушая его, Живягинъ втайнѣ содрогнулся за свою репутацію передъ голодаевскою публикой, хотя и сдѣлалъ довольно презрительную мину и сказалъ, обращаясь къ близстоявшему Румаковскому:

— Ну, можно бы и получше прочесть; изъ-за этого еще не стоило пятисотъ давать.

— Ты въ тысячу разъ лучше читывалъ, замѣтилъ первый любовникъ.

— Голосъ совсѣмъ не для трагедіи.

Проба безъ особенныхъ происшествій оканчивается. Гамлетъ, осыпаемый отъ Наруковича похвалами, прощается со

своими товарищами и, пригласивъ съ собою обѣдать Полонія, удаляется съ нимъ.

Часъ. Осипъ Ѳомичъ, справившись въ кассѣ о продажѣ билетовъ (разбираютъ! разбираютъ!) и обозрѣвъ не безъ правоученія Антипу лампы, приведенныя въ достаточную чистоту, можетъ вздремнуть съ полчаса. Отдыхъ нуженъ.

Крѣпокъ, но кратокъ сонъ Наруковича. Недремлющая Забота снова наклоняется къ его уху, снова слышитъ Ѳомичъ ея трагическій шопотъ; и вотъ онъ ужь на ногахъ, и идетъ дымъ коромысломъ отъ его распоряженій по всѣмъ угламъ и закоулкамъ театральнаго зданія.

ГЛАВА X.

Соколу лѣсъ не въ диво.

Два жандарма стоятъ на подъѣздѣ, озаренномъ двумя фонарями. Къ одной изъ колонъ прислонился квартальный и разговариваетъ съ знакомымъ, слишкомъ рано явившимся на представленіе «Гамлета» (у него по какому-то случаю даровой билетъ). Въ кассѣ довольно успѣшно идетъ продажа дешевыхъ билетовъ. Чуйки, сибирки и полушубки, въ пріятномъ смѣшеніи съ женскими платками оранжеваго, голубаго и другихъ менѣе яркихъ цвѣтовъ, промявшись въ сѣняхъ, взбираются по крутымъ деревяннымъ всходамъ на самый высокій пунктъ театральной залы. Тамъ слышится отъ времени до времени щелканье орѣховъ и сдержанное хихиканье. Зала ужь освѣщена, и это не такое освѣщеніе, какъ было въ Камскѣ. Въ море не на душегубкѣ плыть! Камскъ могъ довольствоваться и восемью лампами; другое дѣло — Голодаевъ: здѣсь и восемнадцати лампъ мало, чтобъ освѣтить залу; нужно по крайней мѣрѣ двадцать пять. Нельзя сказать, чтобъ зала

была бездною свѣта, но въ ней не темно: у каждой ложи лампа — чего жь больше? Конечно хорошо бы спустить съ потолка люстру, да для нея и крюка нѣтъ.

На сценѣ и за сценой не мало шуму. Ѳомичъ ужь облачился въ фантастическій костюмъ, въ которомъ являлся замогильнымъ призракомъ полоцкому князю Видостану; только не накинулъ простыни да не надѣлъ еще шлема. Онъ безпрестанно, отрываясь отъ распоряженій, подходитъ къ занавѣсу и сквозь одну изъ дырокъ его смотритъ въ залу. Ни въ креслахъ, ни въ ложахъ нѣтъ ни души; впрочемъ еще рано. Какъ однако ни рано, а Ѳомича безпокоитъ, что въ оркестрѣ сидитъ и дремлетъ только одинъ литавристъ.

— Эй! кричитъ Наруковичъ: — гдѣ всѣ музыканты?

Изъ-за кулисы появляется кларнетистъ.

— Сидите по мѣстамъ! Что расхаживаете! Строили бы инструменты.

Черезъ нѣсколько минутъ въ оркестрѣ раздается терзающая слухъ разладица. Настроивъ свои инструменты, музыканты кладутъ ихъ на мѣста и, подойдя къ загородкѣ, отдѣляющей ихъ отъ партера, глазѣютъ на раекъ; какъ скоро музыка умолкла, литавристъ погружается въ сонъ.

Въ уборныхъ одѣваются, бѣлятся, румянятся и прочее.

Дѣвица Колчанова, которую слабосердечіе Ѳомича надѣлило на этотъ разъ, въ великую досаду госпожѣ Живягиной, ролью Гертруды, дѣвица Колчанова истинно великолѣпна. Бархатное платье малиноваго цвѣта позволяетъ выказаться въ полной красотѣ пышнымъ бѣлымъ плечамъ и обнаженнымъ по локоть рукамъ дѣвицы. Это платье придаетъ какую-то особенную величественность самой походкѣ ея. Оно не первой свѣжести конечно; но это не мѣшаетъ ему быть очень по душѣ Машенькѣ Колчановой: оно сшито какъ разъ на ея ростъ и станъ, и очень ей къ лицу.

Напротивъ дочка антрепренера чрезвычайно недовольна

своимъ костюмомъ; розовое атласное платьице, въ которомъ не разъ видѣла ее камская публика (и въ послѣдній разъ въ роли Лиды), совершенно блѣднѣетъ передъ нарядомъ Колчановой. Положимъ, дѣвицѣ Наруковичъ было бы неприлично явиться въ роли Офеліи въ бархатѣ; но зачѣмъ Гертруда обратитъ на себя болѣе вниманія публики (это вѣрно: еще никогда Колчанова не была такъ авантажна, какъ сегодня)? Зеленые глазки Офеліи увлажаются слезами досады. А тутъ еще и башмаки жмутъ!

Гертруда, шелестя бархатнымъ шлейфомъ, ходитъ по уборной и гордо посматриваетъ на дѣвицу Наруковичъ, которая въ десятый разъ заставляетъ дочь суфлера, служащую ей вмѣсто камеристки, перетягивать себѣ корсетъ.

— Скоро ли ты отойдешь отъ зеркала? говоритъ Гертруда: — ужь, кажется, пора бы!

— Сдѣлай одолженіе, смотрись! отвѣчаетъ дрожащимъ голосомъ Офелія, отодвигаясь немного отъ зеркала.

Окинувъ себя быстрымъ взглядомъ, дѣвица Колчанова направляетъ стопы къ дверямъ и презрительнымъ тономъ говоритъ антрепренерской дочкѣ:

— Можете глядѣться теперь, сколько вашей душѣ угодно! Лучше не будете.

Она идетъ на сцену, гдѣ Ѳомичъ встрѣчаетъ ее сладкимъ взглядомъ, который пропадаетъ даромъ. Онъ вѣроятно обратилъ бы къ ней и нѣсколько милыхъ словъ, если бъ не стремился за кулисы для какого-то нетерпящаго отлагательства приказанія. Королевскою поступью проходитъ Гертруда по сценѣ, приближаетъ правый глазъ къ дыркѣ занавѣса и смотритъ въ залу. Въ заднихъ рядахъ креселъ есть ужь пять-шесть зрителей; въ двухъ ложахъ разсаживаются по мѣстамъ многолюдныя семейства; въ райкѣ довольно шумно.

Сзади кто-то подходитъ, и Гертруда оглядывается. Это Гамлетъ.

— Вы прелестны, королева, говоритъ онъ, слегка кланяясь: — и мнѣ крайне непріятно, что я долженъ буду ссориться съ вами цѣлый вечеръ.

— Полноте насмѣшничать!

— Сама истина говоритъ моими устами.

Гертруда улыбается.

— Шутки въ сторону, продолжаетъ Гамлетъ: — вы восхитительно-хороши, и я влюбленъ по уши.

— Въ который разъ говорите вы это со вчерашняго дня?

— Какъ! развѣ я ужь говорилъ вамъ это?

— Не мнѣ.

— Кому жь?

— Такъ, вообще.

— А! такъ вы думаете, что у меня для каждой женщины одна фраза!

— Какъ у всѣхъ мужчинъ.

— Вы обижаете меня, а я все таки твержу, что вы прелестны! «О, нимфа!» восклицаетъ Мирвольскій сладостно-дрожащимъ голосомъ (извѣстная фраза изъ роли).

— Ахъ, какой вы! говоритъ, смѣясь, Колчанова.

— «О, ним-ффа!» повторяетъ Мирвольскій.

— Это относится не ко мнѣ, а къ Офеліи.

— Кстати, гдѣ Офелія?

— Старается понравиться вамъ.

— Заочно?

— Она вѣрно сейчасъ придетъ — одѣвается и причесывается.

— Отчего же вы предполагаете, что она старается понравиться мнѣ?

— Такъ; есть нѣкоторыя примѣты.

— Именно?

— Какое любопытство! А еще по уши влюбленъ.

— Виноватъ!

— Не правда ли, она хорошенькая?

— Похожа на кошку.

— И по вашему тоже? Я ужь давно это говорю.. Настоящая кошка! А есть мужчины, которымъ нравится.

Является Офелія, и разговоръ угасаетъ.

Ѳомичъ суетливо бѣгаетъ взадъ и впередъ по сценѣ; скоро надо начинать, ужь съѣзжаются.

Двери изъ сѣней въ партеръ то и дѣло хлопаютъ; у подъѣзда гремятъ экипажи и покрикиваютъ кучера.

Наконецъ оркестръ отработалъ увертюру, и занавѣсъ взвивается.

Первая сцена не обращаетъ на себя вниманія зрителей (театръ почти полонъ); всѣ нетерпѣливо ждутъ появленья Гамлета. И едва сказалъ онъ слово, громъ рукоплесканій потрясаетъ залу. Всѣ глаза, всѣ лорнеты устремлены исключительно на него. Оно и понятно; стоитъ ли смотрѣть на короля Рѣшилова, на королеву Колчанову? они совершенно меркнутъ въ присутствіи Мирвольскаго.

— Какъ хорошъ собой! говорятъ не въ одной ложѣ. — Какая грація! Каждую позу его рисуй!

Мнѣніе вполнѣ справедливое. Ужь самая свобода, съ какою держитъ себя на сценѣ Мирвольскій, упрочиваетъ за нимъ съ перваго раза общее вниманіе. Рѣшиловъ, несмотря на долговременное пребываніе свое на сценѣ, не отличается поворотливостью; дѣвица Колчанова ровно читаетъ роль, но она довольно безжизненна. Увы! многіе съ перваго же разу осудили ихъ навсегда.

Гертруда и Клавдій уходятъ, и одинъ остается на сценѣ Гамлетъ.

«. . . . . Для чего
Ты не растаешь, ты не распадешься прахомъ,
О, для чего ты крѣпко, тѣло человѣка!»

Театръ рукоплещетъ сверху до низу.

«Жизнь, что ты? Садъ, заглохшій
Подъ дикими, безплодными травами.
Едва лишь шесть недѣль прошло, какъ нѣтъ его —
Его, властителя, героя, полубога....
. . . .
О женщины! ничтожество вамъ имя!!»

Оглушительный трескъ.

По окончаніи перваго дѣйствія Мирвольскій единогласно вызванъ, и всѣ зрители предаются самымъ восторженнымъ похваламъ пріѣзжему артисту.

Въ буфетѣ, помѣщающемся вправо отъ кассы, собирается нѣсколько курильщиковъ, и кипитъ между ними жаркій споръ о томъ, кто выше: Мирвольскій или Каратыгинъ? Большинство на сторонѣ перваго.

— Никакъ не ожидалъ, говоритъ, стоя у загородки оркестра, генералъ Охлестышевъ собравшемуся около него кружку его знакомыхъ: — никакъ не ожидалъ, что мы увидимъ такого замѣчательнаго артиста.

— Да, подтверждаютъ нѣсколько голосовъ: — артистъ истинно замѣчательный.

— Жаль только, продолжаетъ генералъ: — что другіе-то нисколько не гармонируютъ съ нимъ.

— Полоній не дуренъ, ваше превосходительство, замѣчаетъ кто-то.

— Такъ-себѣ. Ну а Клавдій — просто деревяшка; королева тоже какая-то неподвижная...

— А хорошенькая!

— Недурна. Но ужь кто меня вывелъ изъ терпѣнья, такъ это Офелія. Вѣдь это, кажется, дочь самого содержателя? Сказала всего-то три слова, и тѣ было противно слушать. Вотъ разодолжитъ, какъ явится сумашедшею-то!

— Можетъ-быть поетъ хорошо, ваше превосходительство.

— Гдѣ ей пѣть! она и говорить-то не умѣетъ! Но Мир-

вольскій! Мирвольскій! — Это, я вамъ скажу, истинный артистъ.

— Какъ онъ попалъ въ такую жалкую труппу?

— Вы не слыхали? Это цѣлый романъ. Вотъ порасспросите Капитона Валентиныча: онъ узналъ всѣ подробности.

Охлестышевъ осматривается; но Потатуйкинъ, еще за секунду стоявшій тутъ, теперь ужъ далеко: онъ ходитъ по ложамъ знакомыхъ.

Посѣтивъ двѣ-три ложи, Капитонъ Валентинычъ намѣревается заглянуть и къ Гадаевымъ, узнать мнѣніе о спектаклѣ Ольги Васильевны; но оркестръ, игравшій нѣчто въ родѣ похороннаго марша, смолкаетъ, и Потатуйкинъ спѣшитъ занять свое мѣсто въ креслахъ до поднятія занавѣса.

Трагедія развивается довольно стройно. Если бъ Клавдій не тянулъ своихъ рѣчей, если бъ Офелія не картавила и не ломалась, большей части зрителей представленіе не оставляло бы ничего желать.

Впрочемъ (о вкусахъ, какъ извѣстно, не спорятъ) есть люди, которымъ нравится даже игра дѣвицы Наруковичъ. Изъ нихъ особенно отличается красноярскій купчикъ Кондрашевъ, малый лѣтъ тридцати, съ окладистой бородкой. Все вниманіе его сосредоточено на Офеліи, и онъ нѣсколько разъ обращался сіяющимъ лицомъ къ одному изъ своихъ земляковъ, сидѣвшему около него въ пятомъ ряду креселъ, и выражалъ въ краткихъ словахъ свое крайнее удовольствіе.

— Вотъ такъ актерка! говорилъ онъ, пройдя ладонью по бородѣ. — Экой живчикъ! Такъ и юлитъ, такъ и юлитъ!

— Хороша, соглашается сосѣдъ: — жаль, ростомъ мала.

— Настоящій вьюнъ.

Кондрашову и въ голову не приходитъ, что Офеліи вовсе не кстати быть похожею на вьюна и юлить.

Въ антрактѣ между вторымъ и третьимъ дѣйствіями Капитонъ Валентинычъ опять порывался зайти въ ложу къ Га-

даевымъ; но одинъ изъ знакомыхъ, давно невидавшійся съ нимъ, остановилъ его въ проходѣ между креселъ, чтобъ разузнать кое-что о новомъ артистѣ, и Потатуйкинъ, пустившись расказывать, такъ увлекся, что не только не могъ ужь выйти изъ креселъ, но даже не успѣлъ и расказа своего кончить...

Началось третье дѣйствіе.

— Послушаемъ, какъ-то прочитаетъ онъ «Быть иль не быть»! говоритъ генералъ Охлестышевъ, садясь на свое мѣсто: — тогда надъ нимъ можно будетъ произнести окончательное сужденіе.

Кажется, будто стѣны театра того и гляди обрушатся отъ хлопанья въ ладоши, топотни ногами и криковъ, завершающихъ знаменитый монологъ. Долго не молкнутъ они, и Мирвольскій принужденъ, по неотступному требованью публики, снова опустить въ раздумьѣ голову и начать:

«Быть иль не быть — вотъ въ чемъ вопросъ!
Что доблестнѣе для души: сносить
Удары оскорбительной судьбы,
Или вооружиться противъ моря золъ
И побѣдить его, исчерпавъ разомъ?
Умереть — уснуть...»

и такъ далѣе.

— Безукоризненно хорошо! превосходно! замѣчаетъ тономъ знатока Охлестышевъ.

— Здравствуйте, Аграфена Петровна! здравствуйте, Ольга Васильевна! говоритъ Капитонъ Валентиныч, входя наконецъ въ ложу Гадаевыхъ. — Ну что? каковъ по вашему Мирвольскій?

— Хорошъ, батюшка, очень хорошъ, отвѣчаетъ старушка.

— А ваше мнѣніе, Ольга Васильевна?

— Она въ восторгѣ.

— И вы тоже? Ну, вамъ можно вѣрить, Ольга Василь-

евна: вы много видали хорошихъ актеровъ. Жаль, другіе-то вовсе ему не подъ ладъ — не правда ли?

И Потутуйкинъ устремляетъ вопросительный взглядъ на Ольгу.

— Я не смотрѣла на другихъ, отвѣчаетъ Ольга.

— И не стоитъ смотрѣть. Ну, а какъ вы думаете о Мирвольскомъ? можно сравнить его съ петербургскими актерами?

— Я не знаю, какъ вамъ сказать, говоритъ, не разъ останавливаясь, Ольга: — оттого ли, что я давно не была въ театрѣ... мнѣ кажется, никто изъ видѣнныхъ мною прежде актеровъ не понималъ характера Гамлета такъ хорошо, какъ онъ...

— Такъ! такъ! восклицаетъ Капитонъ Валентинычъ: — вотъ и Алексѣй Петровичъ Охлестышевъ то же самое говорилъ мнѣ, а онъ знатокъ въ этомъ дѣлѣ. А что вамъ больше понравилось въ его игрѣ, Ольга Васильевна? какое мѣсто?

— Этого рѣшительно не умѣю сказать... Все понравилось мнѣ... Вообще никогда еще спектакль не производилъ на меня такого сильнаго, такого полнаго впечатлѣнія, какъ нынче.

— Вотъ видите! А вы еще слушали меня такъ недовѣрчиво, когда я говорилъ, что онъ замѣчательный артистъ!

— Признаюсь, я и не воображала того, что увидала.

— Какъ онъ въ обхожденіи-то? Былъ у васъ?

— Нѣтъ; я вижу его въ первый разъ.

— До свиданья однако, Ольга Васильевна! Мое почтеніе, Аграфена Петровна! Мнѣ надо забѣжать въ ложу надъ вами.

И Капитонъ Валентинычъ исчезъ.

Четвертое дѣйствіе рѣшило судьбу Офеліи... О! трижды горестное рѣшеніе!

Когда дѣвица Наруковичъ, распустивъ по худенькимъ плечамъ волосы, вбѣжала и запѣла пѣсню безумной Офеліи, въ театрѣ поднялось такое шушуканье, какого никогда и во снѣ ей не грезилось... Къ концу пѣсни чиханье, сморканье, покашливанье и говоръ усилились до того, что голосъ дѣвицы Наруковичъ оборвался, и она убѣжала со сцены прежде чѣмъ слѣдовало.

Тѣмъ не менѣе красноярскій купчикъ былъ очень доволенъ, и только-что Офелія исчезла за кулисами, ударилъ въ ладоши; примѣру его послѣдовалъ и его землякъ, но въ отвѣтъ на ихъ рукоплесканье во всемъ партерѣ раздалось согласное и громкое шиканье.

Тщетно бѣгалъ по всѣмъ кулисамъ Ѳомичъ, восклицая:

— Софья! Софья! гдѣ ты? Тебѣ сейчасъ выходить!

Софья не откликалась.

Она убѣжала въ свою комнату и бросилась, рыдая, въ подушки постели. Пришлось сократить піесу на цѣлое явленіе, что произвело нѣкоторое замѣшательство между актерами. Зрители впрочемъ не примѣтили пропуска.

Трагедія кончилась. Ольга поднялась-было со стула, но Аграфена Петровна желала посмотрѣть, какъ будутъ танцовать, и она опять сѣла. Между-тѣмъ тотчасъ по опущеніи занавѣса зрителямъ предсталъ у рампы самъ Осипъ Ѳомичъ во фракѣ и объявилъ:

«По внезапно случившейся болѣзни дѣвицы Наруковичъ, стиріанскій танецъ, назначенный въ афишахъ, отмѣняется, и вмѣсто онаго дѣвица Сизогубова младшая исполнитъ цыганскую, съ шалью.»

Ѳомичу похлопали.

Почти передъ самымъ поднятіемъ занавѣса для дивертисмента въ партерѣ появился Мирвольскій. Онъ прошелъ къ оркестру, обвелъ лорнетомъ всѣ ложи — и нечего говорить, что половина зрителей въ креслахъ принялась перешепты-

ваться и съ любопытствомъ его осматривать. Онъ былъ одѣтъ такъ хорошо, что два брата Скачкова, считавшіе себя первыми франтами въ подлунной, ощутили нѣкоторую неловкость; въ манерахъ его не было ничего бросающагося въ глаза: онѣ были спокойны, свободны и просты; двѣ дамы въ бенуарѣ назвали его «красавцемъ».

Когда дѣвица Колчанова, замѣнивъ платье Гертруды сарафаномъ, выплыла изъ-за кулисъ въ русской пляскѣ, въ дверь ложи, гдѣ сидѣли Гадаевы, кто-то постучался. Аграфена Петровна просила войти.

Это былъ Мирвольскій.

— Извините, проговорилъ онъ, входя: — что...

— Милости прошу, сказала очень радушно Аграфена Петровна: — очень рада васъ видѣть. Садитесь пожалуста. Вотъ, рекомендую, дочь моя!

Мирвольскій поклонился и сѣлъ.

— Вы вѣрно порядкомъ поскучали сегодня, сказалъ онъ: — у насъ такъ все не клеилось.

— Что вы! что вы! Напротивъ, возразила Аграфена Петровна: — вы играли такъ, что... Вотъ Леля внѣ себя отъ вашей игры... (Ольга покраснѣла.) А, слава Богу, видала и столичные театры.

— Не знаю, какъ и благодарить васъ, сказалъ Мирвольскій, дѣлая Ольгѣ легкій поклонъ.

Щеки ея вспыхнули еще ярче.

— Мнѣ должно благодарить васъ, проговорила Ольга: — я не помню, когда испытывала такое удовольствіе въ театрѣ, какое доставили мнѣ вы.

Мирвольскій еще разъ поблагодарилъ.

— А какъ находите вы составъ труппы вообще?

— Я не понимаю, отвѣчала Ольга: — какъ вы могли играть съ ними! Они должны сбивать на каждомъ шагу.

— Много значитъ привычка.

— Вы давно ужъ на сценѣ? спросила Аграфена Петровна.

— Полтора года; недавно, но ужь успѣлъ привыкнуть.

Въ это время танцы на сценѣ кончились, и Гудковъ, облеченный въ комическіе фракъ и жилетъ, запѣлъ:

«Купецъ лавку отворяетъ»...

— Ѣдемъ, Леля! сказала Аграфена Петровна. — Милости просимъ къ намъ, господинъ Мирвольскій; вѣдь сосѣди.

Мирвольскій сказалъ, что воспользоваться этимъ приглашеніемъ будетъ для него величайшее удовольствіе, и подалъ мантилью Ольгѣ и салопъ ея матери.

— До свиданья, проговорила Аграфена Петровна, выходя изъ ложи.

Павелъ Павлычъ послѣдовалъ за ними.

«Магазинъ, магазинъ —
Вотъ у нихъ предметъ одинъ!»

пѣлъ хриплымъ голосомъ Гудковъ, заставляя раекъ помирать со смѣху.

Съ Гадаевыми не было лакея, и Мирвольскій, сведя ихъ съ лѣстницы, постарался отыскать ихъ экипажъ.

— Кто это? кто это? спросилъ Живягинъ, подходя къ нему на подъѣздѣ.

— Хороша?

— Красавица.

— То-то.

— Гдѣ подцѣпилъ такую?

— А тебѣ на что?

— Каковъ! каковъ! Да кто это въ самомъ дѣлѣ?

— Моя квартирная хозяйка съ дочерью.

— Полно?

— Да.

— Ты ужь и ухаживать сейчасъ!

— А какъ же?

— Молодецъ! Ты же вѣрно и ложу подарилъ?

— Нѣтъ, сами взяли. Я, признаться, и не зналъ, что у этой старухи дочь такая красавица.

— Не поужинать ли намъ вмѣстѣ?

— Я ѣду домой.

— Полно, рано еще. На биліардѣ бы сразились.

— Нѣтъ, у меня что-то голова болитъ.

— Ну, такъ прощай.

— Прощай.

И артисты расталисъ.

Мирвольскій давно ужь не игралъ, и потому чувствовалъ сильное утомленіе. Пріѣхавъ домой, онъ выпилъ стаканъ слабаго чаю, легъ въ постель и скоро крѣпко заснулъ.

Вѣроятно ему никакъ не пришло бы въ голову, что образъ Гамлета, олицетвореннаго имъ сегодня, можетъ произвесть у кого-нибудь безсонницу; а между-тѣмъ это случилось съ однимъ изъ зрителей, скромно наслаждавшихся его игрою въ райкѣ.

ГЛАВА XI.

Въ клѣткѣ.

По застроенной и населенной набережной со стороны города, влѣво отъ моста, стояло нѣсколько каменныхъ и деревянныхъ зданій довольно большаго объема, съ глубокими и просторными дворами; зданія эти назначались исключительно для помѣщенія во время ярмонки пріѣзжихъ. Каменные дома, какъ болѣе представительные и удобные, носили наименованіе гостинницъ; деревянные назывались просто постоялыми дворами. И тѣ и другіе, зимой почти безлюдные, лѣтомъ наполнялись сверху до низу обитателями.

Въ одномъ изъ этихъ постоялыхъ дворовъ, наиболѣе скромномъ, въ крохотной каморкѣ о двухъ темноватыхъ окнахъ, поселился туруханскій торговецъ Климъ Бугровъ съ племянникомъ.

Въ теченіе двухъ-трехъ дней, проведенныхъ имъ въ Голодаевѣ, онъ успѣлъ многое уладить по своимъ торговымъ дѣламъ: съ нѣкоторыми изъ пріѣхавшихъ уже купцовъ, большею частью старыми знакомыми, совершилъ необходимыя сдѣлки, договорился и сошелся въ цѣнахъ, въ ожиданіи прибытія на ярмонку ихъ товаровъ. Посреди хлопотъ своихъ Климъ Лукьяпычъ успѣлъ съ глубокимъ огорченіемъ убѣдиться, что племянникъ вовсе не удовлетворяетъ его надеждъ: во всѣхъ почти порученіяхъ, которыя пробовалъ онъ возлагать на Дмитрія, парень оказался рохлей, ротозѣемъ.

Старикъ Бугровъ былъ суровъ, строгъ и взыскателенъ; бѣда прогнѣвить его!

Дома парень рѣдко попадалъ въ просакъ. Оно и не удивительно... Единственнымъ занятіемъ его было — сидѣть въ лавкѣ на базарной площади села Бора и продавать кумачъ, ситецъ, плисъ, сукно и прочее. Только для обѣда покидалъ онъ прилавокъ, уступая мѣсто самому хозяину; только по праздникамъ не лежало на немъ никакой урочной работы: ходилъ онъ ко всенощной или заутрени, ходилъ къ обѣднѣ, и все остальное время былъ свободенъ. Впрочемъ, не имѣть никакого дѣла въ лавкѣ — не значило еще, что можно идти гулять на всѣ четыре стороны. Митя былъ вовсе не гульливаго характера; парень тихій, скромный, подчасъ даже черезчуръ мямля; но ему вовсе не приходилось по сердцу быть вѣчно одному-одинехоньку: ни пріятеля нѣтъ, ни товарища. Безпріютнымъ сиротой вошелъ онъ въ домъ Клима Лукьяныча; сурово-холодное обращеніе дяди нагнало на него робость, не дало ему освободиться отъ дикости, свойственной каждому ребенку при вступленіи въ чужой домъ, и онъ остал-

ся навсегда боязливымъ, углубленнымъ въ самого себя и неоткровеннымъ въ своихъ отношеніяхъ къ дядѣ. Старуха тетка была баба очень добрая и сразу полюбила Митю какъ сына. Осиповна прожила съ мужемъ слишкомъ тридцать лѣтъ, но побаивалась его не меньше, чѣмъ племянникъ. Эта боязнь сдѣлать что-нибудь неугодное мужу, слѣпое, безусловное покорство его волѣ, были слѣдствіемъ не столько строгости и суровости Клима, сколько глубокаго убѣжденія Осиповны въ ея собственномъ ничтожествѣ сравнительно съ высокими достоинствами мужа. Старуха была убѣждена, что не найти во всей подлунной такого разумника, какъ ея Лукьянычъ.

Бугровъ пользовался уваженіемъ и авторитетомъ не только у себя въ домѣ: всѣ въ Бору считали его человѣкомъ богобоязненнымъ, живущимъ по старинѣ и по закону, человѣкомъ умнымъ и разсудительнымъ, умѣющимъ повести какое угодно дѣло, дать на каждый случай добрый совѣтъ; кромѣ того онъ былъ извѣстенъ за большаго «начетчика».

Однимъ изъ главныхъ желаній Клима было, чтобъ Дмитрій, принятый имъ вмѣсто сына, пошелъ по его стопамъ и упрочилъ за фамиліей Бугровыхъ то общее уваженіе, которое сумѣлъ пріобрѣсть онъ самъ. Сначала робость и покорство Мити давали старику надежду увидать въ немъ со временемъ именно такого человѣка, какого ему хотѣлось; но мало по малу, хоть и не теряя вполнѣ надежды, онъ началъ сомнѣваться и въ способностяхъ племянника и въ склонности его идти по слѣдамъ дяди.

«Конечно (раздумывалъ подчасъ Климъ Лукьянычъ) Митя еще очень молодъ: въ его лѣта другимъ только бы въ чурки да въ козны играть; конечно, онъ, можно сказать, и воды не замутитъ, притомъ и къ грамотѣ прилеженъ. Все это правда, такъ; ослушанія въ немъ нѣтъ, поступаетъ по моему наставленію, не перечитъ мнѣ—такъ; только кажись все это изъ страха одного; дай ему волю, пойдетъ у него

вся моя наука прахомъ. Что-то волкомъ глядитъ; сколько ни кормишь, онъ рыло все къ лѣсу воротитъ.»

Климъ былъ отчасти правъ; точно, Дмитрій тяготился своимъ житьемъ; не разъ думалъ онъ, какъ бы хорошо было освободиться изъ-подъ начала старика и пожить на своей волѣ! Но не самъ ли онъ, Климъ Лукьянычъ, былъ виною отчужденія племянника? не его ли чрезмѣрная взыскательность и жесткая строгость мѣшали сближенію?

Незадолго до отъѣзда изъ села на ярмонку случилось происшествіе, внушившее старику Бугрову еще большее недовѣріе къ племяннику. Расказъ объ этомъ происшествіи не будетъ здѣсь лишнимъ.

Когда, выучившись хорошо и бѣгло читать и писать, Митя былъ посаженъ дядею за прилавокъ, онъ сталъ тамъ сильно скучать, и старикъ далъ ему совѣтъ всегда имѣть при себѣ книгу. «Оно и занятно, и душеспасительно, и грамотѣ не разучишься.» Что читать — объ этомъ нечего было заботиться Дмитрію. Старикъ вручилъ ему одинъ изъ тѣхъ толстыхъ томовъ въ темномъ кожаномъ переплетѣ, изъ которыхъ самъ почерпнулъ всѣ свои познанія, всю свою премудрость. Митя читалъ — сначала почти не думая о томъ, что читаетъ, потомъ внимательнѣе; наконецъ началъ находить въ чтеніи и удовольствіе. Слѣдуя совѣту дяди, каждую книгу должно было прочитать отъ корки до корки разъ по крайней мѣрѣ десять и знать ее чуть не цѣликомъ наизусть, чтобъ извлекать изъ чтенія пользу и поученіе; но у Мити была прекрасная память, воображеніе его во время чтенія работало бойко, и прочитать книгу разъ было для него слишкомъ достаточно, чтобъ уже не возвращаться къ ней, или возвратиться долго спустя. Дядя впрочемъ стоялъ таки на своемъ.

— Всю прочиталъ? спрашивалъ онъ племянника, принимая отъ него книгу.

— Всю.

— Ну, такъ прочитай ее сызнова, говорилъ Лукьянычъ, снова отдавая Митѣ прочитанный имъ томъ.

И всякой, едва замѣтный порывъ противорѣчія отклонялся словами:

— Книгу эту цѣлый вѣкъ свой писали люди поумнѣе насъ съ тобой; а ты сѣлъ, продулъ ее въ одинъ день до конца, да и думаешь: дѣло сдѣлалъ!

Нелишнимъ было произвести тутъ и нѣкоторое испытаніе племяннику. «А что (спрашивалъ старикъ), что сказано вотъ въ такомъ-то мѣстѣ, вотъ о томъ-то?» Дмитрій, что припоминалъ, расказывалъ своими словами. Дядя рѣзко останавливалъ его на серединѣ фразы и начиналъ говорить точь въ точь словами книги.

— Вотъ когда будешь этакъ знать, заключалъ онъ: — тогда и говори, что читалъ.

Дмитрій поневолѣ бралъ старую книгу, чтобъ услаждать сю свои досуги; но то, что въ первый разъ занимало и заставляло думать, теперь нагоняло сонъ.

Однажды Дмитрій увидалъ въ рукахъ у прикащика сосѣдней лавки какую-то сильно затасканную книжонку небольшаго объема, и спросилъ, что это такое.

— Пѣсенникъ.

— А что въ немъ писано?

— Пѣсни разныя.

— Дай-ка мнѣ почитать.

— Возьми!

Этотъ сбродъ простонародныхъ пѣсенъ и большею частью нелѣпыхъ романсовъ показался Дмитрію гораздо болѣе удобнымъ для ученія наизусть, чѣмъ дядины книги. Дважды прочитавъ романсъ: «Пчелка златая», онъ могъ проговорить его безъ запинки. Вѣроятно вскорѣ такъ же твердо выучилъ бы онъ и весь пѣсенникъ, если бъ не пришлось возвратить его хозяину. Отдавая книгу назадъ, Митя справился о цѣнѣ ея.

— Да что, отвѣчалъ ему сосѣдній прикащикъ: — гривенника два стоитъ.

Не столько дешевизна, сколько занимательность книги (дремать Дмитрію надоѣло) навела его на мысль пріобрѣсть такой же пѣсенникъ въ полное и нераздѣльное владѣніе, а если случится, то и еще какую нибудь книжицу въ этомъ родѣ. Деньги случались у парня очень рѣдко. Дядя никогда не давалъ ему ни гроша, считая это излишнимъ баловствомъ: племянникъ сытъ, одѣтъ, обутъ, согрѣтъ — чего же ему больше? Но Осиповна, умѣвшая при всей прозорливости и расчетливости своего старика откладывать, незамѣтно для его глаза, по нѣскольку крохъ изъ денегъ, выдаваемыхъ ей Лукьянычемъ на расходы, Осиповна баловала по временамъ пріемыша, давая ему по пятаку, по гривеннику, а иногда и по цѣлому двугривеннику на пряники да на орѣхи. Задумавъ купить книгъ, Митя отказался отъ удовольствія лакомиться и въ короткое время скопилъ полтинникъ. Въ лукошкѣ бродячаго торгаша тесемками, шнурками, мыломъ, селитрой, гармоньями, синькой, пуговицами, крючками и тому подобной меледой, вниманіе Мити отличило между десяткомъ сѣренькихъ книжонокъ «Вѣнокъ Грацій», или что-то подобное, и знаменитую «Повѣсть о приключеніи аглинскаго милорда Георга и о бранденбургской маркграфинѣ Фридерикѣ Луизѣ, съ присовокупленіемъ къ оной Исторіи бывшаго турецкаго визиря Марцимириса и сардинской королевны Терезіи». Какъ было не польститься на такое заманчивое заглавіе! То-то должна быть занимательная повѣсть! то-то должно быть достопримѣчательное приключеніе!

Дешево покупаемъ мы иногда огорченія. За «Вѣнокъ Грацій» и за «Повѣсть о приключеніи милорда Георга» Митя заплатилъ какъ разъ полтинникъ.

Дня черезъ три послѣ покупки, глубоко заинтересованный судьбою бранденбургской маркграфини, онъ, сидя за прилав-

комъ, такъ углубился въ чтеніе повѣсти, что совсѣмъ позабылъ о приближающемся обѣденномъ часѣ, когда долженъ былъ явиться на смѣну ему дядя.. Дверь лавки была растворена, и Климъ Лукьянычъ вошелъ незамѣченный племянникомъ.

Первымъ движеніемъ Мити было удалить отъ вниманія дяди новопріобрѣтенную книгу; но онъ слишкомъ поздно спохватился, и движеніе его вышло очень неловко. Словно не замѣчая смущенія племянника, Лукьянычъ только проговорилъ своимъ обычно строгимъ голосомъ:

— Обѣдать ступай!

Оторопѣвшій Дмитрій поднялъ доску прилавка и въ то же время хотѣлъ незамѣтнымъ образомъ захватить книгу; но тутъ старикъ сурово крикнулъ ему:

— Оставь!

Парень взялъ поскорѣе свой картузъ и поспѣшно вышелъ вонъ.

«Слава Богу (думалъ онъ), что хоть отъ бѣды-то убрался.»

Но и трехъ шаговъ не отошелъ онъ отъ лавки, какъ голосъ дяди кликнулъ его назадъ.

— Дмитрій! громомъ раздалось у него въ ухѣ.

Не смѣя поднять глазъ, возвратился Дмитрій къ двери лавки. Брови Клима Лукьяныча, стоявшаго у входа, совсѣмъ надвинулись на сѣрые, сердито сверкавшіе глаза; онъ кусалъ губы, и борода его вздрагивала.

— И лба не перекрестилъ!

Дмитрій сорвалъ съ себя картузъ, сдѣлалъ три крестныя знаменія, сопровождая каждое глубокимъ поклономъ, предъ мѣднымъ складнемъ, утвержденнымъ снаружи надъ дверью, и стоялъ въ нерѣшительности.

— Иди! проговорилъ дядя, поворачиваясь назадъ, въ лавку.

Митя зналъ, что дѣло не можетъ этимъ кончиться, зналъ,

что возвратъ его предъ лицо дяди не обойдется безъ бури, и потому постарался протянуть время обѣда подольше, хотя кусокъ не лѣзъ ему въ горло. Какъ нарочно, время въ этотъ разъ бѣжало, словно кто погонялъ его. Вотъ наконецъ и пора. У Осиповны, которой Митя сообщилъ о неудовольствіи дяди, душа замирала.

— Откуда это?

Такими словами встрѣтилъ Климъ Лукьянычъ племянника, когда, не забывъ помолиться передъ дверью, Митя вошелъ въ лавку; въ рукахъ старика была роковая книга, и онъ сердито перелистывалъ ее.

У Мити словно языкъ отнялся.

— Откуда? тебя спрашиваю! продолжалъ старикъ.

— Купилъ, черезъ силу отвѣчалъ племянникъ.

Сначала хотѣлъ было онъ какъ-нибудь солгать, но никакой правдоподобной лжи не могъ наскоро придумать. Послѣ отвѣта своего Дмитрій и спохватился, да поздно! Оплошалъ таки: ужь пусть бы дядя напалъ на него одного, а то теперь гнѣвъ Клима Лукьяныча обрушится на двѣ головы... Вѣдь старикъ непремѣнно спроситъ, гдѣ Дмитрій взялъ денегъ на покупку.

Такъ и вышло. Лукьянычъ устремилъ на племянника горящіе глаза.

— Купи-илъ?.. А откуда деньги у тебя проявились? а!.. откуда?

Митя потупился.

— Тетенька... пролепеталъ онъ: — Марья... Осиповна...

— Что-о? началъ старикъ, съ каждымъ словомъ возвышая голосъ: — Осиповна дала тебѣ денегъ?.. На этакія книги дала? а!.. Да какъ ты посмѣлъ брать у нея деньги? какъ ты посмѣлъ просить? Развратъ одинъ! Не давалъ я тебѣ книгъ что-ли? Совращать себя вздумалъ грѣховными сказками. Вотъ онѣ — сказки твои! вотъ онѣ!

И во всѣ стороны посыпались клочки пресловутой «Повѣсти о приключеніи аглинскаго милорда Георга». Митя стоялъ передъ дядею ни живъ ни мертвъ.

— Слышишь ты у меня! заключилъ старикъ, стуча кулакомъ о прилавокъ (онъ говорилъ долго): — слышишь! не вводи меня во гнѣвъ! Чтобъ клочка этакихъ книгъ не было здѣсь. Помни!

Нечего и говорить, что сердце доброй Осиповны ныло не даромъ, что ей пришлось не мало таки выслушать отъ мужа горькихъ упрековъ и обидныхъ словъ. Какъ быть!

Съ самаго дня прибытія своего въ Голодаевъ, старикъ Бугровъ ежедневно видѣлся съ московскимъ купцомъ Крупчаткинымъ, съ которымъ издавна состоялъ въ самыхъ близкихъ сношеніяхъ по торговымъ дѣламъ. Ходилъ онъ къ нему обыкновенно вмѣстѣ съ Митей. У Крупчаткина былъ прикащикъ Степанъ, парень однихъ лѣтъ съ Дмитріемъ, но гораздо поживѣе и пообтесаннѣе его: слава Богу, повидалъ свѣту въ столицѣ. Митя навѣрное никогда не вздумалъ бы сойтись и познакомиться съ нимъ, если бъ не было на то желанія со стороны Степана, который первый заговорилъ съ молодымъ Бугровымъ и принялся распрашивать его о томъ да о семъ. Мало по малу заставилъ онъ несловоохотливаго Дмитрія вступить въ оживленную бесѣду. За откровенность Степы нехорошо было бы платить скрытностью, и вотъ незамѣтно молодцы подружились.

— Что, каковъ онъ у тебя, Иванъ Сысоичъ? спрашивалъ старикъ Бугровъ Крупчаткина про его прикащика. — Не шалявый ли какой? Не набаловался бы съ нимъ мой-то парень.

— Кто? Степанъ-то у меня шалявый!.. Золото, не молодецъ.

— Можетъ, чарки придерживается, али что тамъ...

— Вина въ ротъ не беретъ, и вовсе парень негуля-

щій; оно точно, побродить любитъ, поглазѣть... ну, мальчишка еще!.. А то — сохрани Господи!..

— То-то; за моего-то я больно боюсь. Такая, прости Господи, шебола! И понятіе есть, и покоренъ — ничего: а все норовитъ, какъ бы тайкомъ да крадучись то сдѣлать, чего не велятъ.

— Можетъ, строго держишь?

— Что за строго! Норовъ ужь знать такой.

Дмитрій, не сходившійся до той поры ни съ кѣмъ, не встрѣчавшій ни въ комъ желанія съ нимъ сблизиться, былъ несказанно радъ пріязни Степана, тѣмъ болѣе, что и самъ дядя не находилъ ея предосудительною.

Веселый, говорливый Степа безумолку повѣствовалъ своему новому пріятелю о Москвѣ и всѣхъ сладостяхъ московской жизни. Дмитрію и Голодаевъ казался земнымъ раемъ послѣ роднаго Бора да мелькомъ видѣннаго Туруханска. Москва на основаніи степановыхъ расказовъ рисовалась у него въ воображеніи чѣмъ-то сказочно-чудеснымъ, и его сильно разбирало желаніе посмотрѣть на всѣ тамошнія чудеса. Особенно увлекательно было краснорѣчіе Степана, когда онъ говорилъ о театрѣ, до котораго былъ великій охотникъ, и на который, по словамъ его, послѣдняя копейка шла у него ребромъ.

— Вотъ послѣзавтра и здѣсь впервой представляютъ на театрѣ, говорилъ онъ Дмитрію наканунѣ открытія спектаклей паруковичевой труппы. — Надо будетъ отправиться. «Гамлетъ» пойдетъ — это лихая штука: я ее въ Москвѣ разовъ никакъ пять видѣлъ, а все бы смотрѣлъ. Пойдемъ вмѣстѣ!

— Куда мнѣ! Дяденька и заикнуться не позволитъ.

— Попросись хорошенько.

— Э-эхъ! не знаешь ты его. Да онъ за то одно, что вздумалъ проситься-то, готовъ будетъ со свѣту согнать. Это, какъ ѣхали мы сюда, встрѣтились съ комедіянтами...

— Какіе комедіанты! это ахтеры называются.

— Ну ахтеры; встрѣтились это мы съ ними въ дорогѣ, такъ онъ не токмо что говорить, и смотрѣть на нихъ заказалъ.

— Ой-ли?

— Скоморохи, говоритъ, нечестивцы, бѣсовы слуги.

— Поди-ка-сь ты! Больно ужь, значитъ, крутъ?

— Вовсе житья нѣту, Степа — вотъ что.

Кстати Митя сообщилъ товарищу очень подробно приключеніе съ книжкой.

— Вотъ ужь, кажется, мѣсяца бы у этакого звѣря не выжилъ! сказалъ Степа, выслушавъ расказъ.

— Дядя вѣдь, возразилъ Дмитрій: — все же онъ благодѣтель мой.

— Такъ-то такъ; а все бы... Хоть въ чужіе бы люди тебѣ отпроситься.

— Куда ужь мнѣ!

— А что?

— Да такъ.

Митя почти съ отчаяніемъ махнулъ рукой.

— Только онъ, поди, все имѣнье свое тебѣ прочитъ... Дѣтей-то вѣдь нѣту.

— Да, мнѣ.

— Ну вотъ это дѣло десятое; тутъ пожалуй и потерпѣть можно. А много денегъ у него?

— У насъ по Бору богачемъ считается.

— Вонъ оно что! Это, Митя, дѣло ладное. Эхъ, кабы да у меня этакой дяденька былъ!

— Не бойсь, не пошелъ бы ужь въ театръ.

— Во-отъ! Это вѣдь ты, братъ, такого робкаго десятка. Я бы сладилъ съ нимъ.

— Хорошо тебѣ говорить не знамши.

— Да развѣ это дурное какое дѣло, театръ-то? Не бойсь лучше, какъ я въ питейный пойду, али въ харчевню? Такъ бы вотъ и сказалъ своему дяденькѣ-то.

— Пустилъ бы я тебя потолковать съ нимъ — не то бы ты запѣлъ.

— И уломалъ бы; вотъ какъ на этомъ мѣстѣ стою, уломалъ бы. Ну хочешь, отпрошу тебя?

— Нѣтъ, Степа, нѣтъ!.. Полно ты! И думать нечего. Бѣда...

— Какая тутъ бѣда? Самъ увидишь, пуститъ.

— Нѣтъ, не надо.

— Да вѣдь хочется?

— Мало ли что хочется! Дяденька-то вотъ говоритъ: на всякое хотѣніе бываетъ терпѣніе.

Степа подумалъ-подумалъ, да и говоритъ:

— А знаешь ли, что, Митя?

— Ну!

— Вѣдь тебѣ можно въ театрѣ-то побывать, не сказамшись старику.

— А какъ это? Догадается онъ.

— И не догадается. Я тебя отпрошу съ собой по городу походить... Посмотрѣть, молъ, городъ хотимъ; а сами драла въ театръ.

— Вечеромъ-то городъ смотрѣть!

— А то когда же? Днемъ дѣло есть — некогда; а вечеромъ самая пора: ноньче вечера, знаешь, какіе — что твой день. Театръ начинается въ семь...

— Кончается поздно; какъ домой-то придешь?

— Не сиди до конца.

— И то никакъ можно пойти, Степа! воскликнулъ съ радостью Митя. — На что до конца сидѣть?.. хоть маленько бы посмотрѣть.

— Давай денегъ; куплю тебѣ билетъ, а завтра и приду за тобой часовъ въ шесть.

— Хорошо. Сколько денегъ надо?

— Двугривенный.

— Дяденька-то пустилъ бы только.

— Пуститъ! не въ первый разъ; Иван-отъ Сысоичъ обнадежилъ его на мой счетъ.

Изъ трехъ рублей, данныхъ тайкомъ на дорогу Митѣ Осиповною, онъ готовъ былъ удѣлить хоть половину ради удовольствія побывать въ театрѣ, не только какой-нибудь двугривенный.

Все устроилось превосходно: старикъ Бугровъ, ничего не подозрѣвая, отпустилъ племянника съ крупчаткинскимъ прикащикомъ побродить по городу часъ другой.

Дмитрій былъ въ такомъ восторгѣ, въ такомъ волненіи отъ двухъ первыхъ дѣйствій трагедіи, что въ антрактѣ передъ третьимъ дѣйствіемъ, когда товарищъ замѣтилъ, что пора бы ему домой, онъ отвѣчалъ:

— Нѣтъ, Степа, погоди! рано. Я еще хоть немножко погляжу.

— Не опоздай, смотри!

— Нѣтъ.

Занавѣсъ поднялся. Митя облокотился на загородку райка и не могъ глазъ оторвать отъ сцены до самаго конца дѣйствія. Напрасно Степа напоминалъ ему о дядѣ. Митя только и говорилъ въ отвѣтъ:

— Ничего! оставь.

Когда кончился третій актъ, Митя на совѣтъ товарища отправляться спать отвѣчалъ ужь съ полною рѣшимостью:

— Нѣтъ, какъ ты хочешь, Степа, а я до самаго конца не уйду... ни за что не уйду.

— А дома-то... забылъ?

— И такъ опоздалъ.

— Старикъ вѣрно еще не спитъ.

— Эхъ! была не была! останусь... Что онъ мнѣ сдѣлаетъ?

— Вотъ ужь въ другой-то разъ и не думай...

— По крайней мѣрѣ теперь до сыта нагляжусь.

— Какъ, братъ, знаешь.

Смѣлость, съ которою онъ говорилъ о дядѣ товарищу, начала оставлять его, какъ только трагедія кончилась.

Ночь была свѣтла, какъ только-что начинающійся вечеръ, и Митѣ со страху казалось, что ужь наступаетъ утро. Торопливо сошелъ онъ съ подъѣзда, наскоро простился съ пріятелемъ и чуть не бѣгомъ пустился домой.

Вотъ перешелъ мостъ, взялъ влѣво, миновалъ три дома и остановился у воротъ своего постоялаго двора, волнуясь нерѣшительностью — войти или нѣтъ. Сердце перестало биться у Мити, какъ подумалъ онъ о свиданіи съ дядей. Но куда же дѣться? какъ избѣжать этого свиданія? Митя отворилъ калитку и перешагнулъ ея порогъ. Тутъ прежде всего устремилъ онъ глаза въ глубь двора, на два окна своего жилья: они темны; значитъ, старикъ спитъ. Дмитрій вступилъ въ сѣни и сталъ медленно и осторожно подниматься по узкой, расшатавшейся деревянной лѣстницѣ во второй ярусъ. При малѣйшемъ скрипѣ досокъ подъ ногой онъ обмиралъ. Въ сѣняхъ, куда изъ круглаго оконца слабо пробивалось сверху синеватое мерцанье ночи, Дмитрій притаилъ дыханіе и остановился, не чувствуя въ себѣ силы прикоснуться къ двери направо, за которою спитъ теперь, а можетъ быть и не спитъ, ждетъ его грозный дядя. Глубокая тишина господствовала кругомъ. Митя подкрался на цыпочкахъ къ двери, наклонилъ немного на бокъ голову и сталъ робко прислушиваться. Въ комнатѣ было такъ тихо, какъ-будто и живой души тамъ не было; но Дмитрію то и дѣло казалось, что вотъ старикъ поворотился на постели, кровать заскрипѣла,

старикъ ворчитъ. Парень взялся-было за рукоятку двери, но тотчасъ же отнялъ отъ нея свою горячую ладонь. Опять прислушался онъ... чу! шаги по двору — ближе, ближе. «Не сюда ли кто идетъ? По неволѣ надо постучаться, а то примутъ пожалуй за мошенника, подымутъ булгу на весь домъ» Дмитрій весь превратился въ слухъ... Никого; почудилось. Вмѣсто шаговъ раздался крикъ пѣтуха, такой громкій и рѣзкій, что Митя весь вздрогнулъ. Ноги подкашивались у него, и онъ присѣлъ на край какой-то кадки, стоявшей у самой двери. Опять закричалъ пѣтухъ. Дмитрія начинала бить лихорадка.

Вдругъ изъ комнаты очень явственно послышался хриплый и удушливый кашель, слишкомъ знакомый Дмитрію. «Что будетъ, то будетъ! одинъ конецъ!» Дмитрій съ рѣшимостью всталъ, и ладонь его опять очутилась на дверной рукояткѣ. Рукоятка громко звякнула. Въ комнатѣ повторился кашель; но ни этого кашля, ни движенія старика на скрипучей кровати, ни глухаго ворчанья, ни шлепанья туфлей по полу не слыхалъ Дмитрій: кровь била въ виски и шумѣла у него въ ушахъ.

— Кто тамъ? крикнулъ старикъ.

— Я, дяденька.

Ключъ щелкнулъ въ замкѣ, и дверь, быстро распахнувшись, ударилась въ плечо парню. Въ комнатѣ было довольно свѣтло... Бѣглый взоръ, робко поднятый на дядю, окончательно помутилъ голову Дмитрія: глаза старика, казалось, никогда не сверкали такъ яростно.

Дмитрій только-что занесъ ногу на порогъ, какъ дядя крикнулъ ему хриплымъ отъ сна и злобы голосомъ:

— Запри дверь!

Потомъ старикъ повернулся, дошелъ, шлепая туфлями, до кровати, скинулъ наскоро наброшенную на плечи чуйку и улегся снова.

Дмитрій заперъ комнату, на концахъ носковъ пробрался къ своей постели и сталъ торопливо раздѣваться, стараясь не произвести ни малѣйшаго шороха. Онъ ждалъ съ замывающимъ сердцемъ оклика дяди и вслѣдъ за нимъ цѣлаго града жесткихъ словъ; но старикъ прокашлялся и повернулся лицомъ къ стѣнѣ, съ явнымъ желаніемъ продолжать прерванный сонъ.

Долго, долго не спалось Митѣ. Тревожныя мысли о предстоящемъ разговорѣ съ дядей мѣшались въ головѣ его съ картинами изъ видѣнной имъ драмы. Замѣтно свѣтлѣло, когда глаза его сомкнулись. Онъ заснулъ какъ убитый.

Тягостное чувство овладѣло имъ при пробужденіи; невольная дрожь пробѣжала по всѣмъ его членамъ, и онъ открылъ глаза, полный смутнаго ужаса.

Отсвѣтъ оконъ яркими клѣтками лежалъ на стѣнѣ прямо передъ нимъ. Комната была пуста. Дмитрій быстро всталъ и поспѣшно одѣлся. Онъ недоумѣвалъ, какъ не слыхалъ ни востанія дяди отъ сна, ни ухода его изъ дому. Подойдя къ стоявшему въ углу самовару, поднесъ онъ къ нему руку. Самоваръ горячъ; значитъ, Климъ Лукьяничъ въ это утро принялъ на себя заботу, которую возлагалъ обыкновенно на племянника; онъ не хотѣлъ въ этотъ разъ и будить парня. Дмитрій подошелъ потомъ къ двери; заперта снаружи.

Онъ не успѣлъ собраться съ духомъ и обдумать, какъ поступать и что говорить при свиданіи съ дядей, какъ въ сѣняхъ послышался визгъ половицъ подъ тяжелыми шагами.

Вотъ шаги у самой ужь двери... Въ замочной скважинѣ загремѣлъ ключъ.

Громовая туча повисла надъ самою головой Мити.

ГЛАВА XII.

Дни идутъ за днями.

Пилы и топоры покончили свое дѣло, и шипѣнья и стука ихъ не слышно уже на ярмонкѣ. Пристань вся загромождена судами, и мостъ ночью разводятъ, чтобъ дать имъ проходъ. На башнѣ, которая высится надъ рядомъ каменныхъ лавокъ, развернулся наконецъ широкій трехцвѣтный торговый флагъ. Всѣ лавки отворились и кишатъ покупателями. Зашумѣло и закипѣло все. Ожили погруженные въ сонъ впродолженіи цѣлыхъ девяти мѣсяцевъ балаганы и трактиры... Въ балаганахъ скачутъ ловкіе наѣздники и прелестныя наѣздницы въ очень ветхомъ трико, представляются волшебныя пантомимы, раздается пальба и трескотня. Въ трактирахъ поютъ цыгане, играютъ на арфахъ и на цитрахъ тирольки. При наступленіи сумерекъ главная ярмоночная площадь оглашается самыми веселыми и разнообразными звуками. Съ одной стороны слышна духовая музыка, съ другой — залпы балаганныхъ баталій; здѣсь два трубача даютъ знать, что въ дощатой будкѣ, у входа которой они надуваютъ щеки, показываетъ себя великанъ или карликъ, альбиноска или женщина съ бородой; тамъ сквозь растворенное венеціанское окно въ мезонинѣ трактира доносится какое-нибудь «Крамбамбули» или «Мы живемъ среди полей», въ то время какъ внизу органъ гудитъ каватину изъ «Нормы».

Въ зданіи, находящемся въ полномъ распоряженіи Осипа Ѳомича, дѣла идутъ превосходно; на публику никакъ нельзя пожаловаться: театръ полонъ почти каждый вечеръ. Неожиданно быстрое развитіе матеріальнаго благосостоянія Наруковича не позволяетъ этому достопочтенному мужу коснѣть со своею труппой на одной степени; надо посильными улучше-

ніями нѣкоторыхъ частей театральнаго организма поддерживать благосклонность публики и упрочивать свое выгодное положеніе въ Голодаевѣ. И улучшенія производятся очень усердно.

«Партикулярный» портной Захаръ Умновъ, процвѣтающій въ Холодномъ Переулкѣ (на самомъ выѣздѣ изъ города), изготовилъ за весьма умѣренную цѣну, но очень тщательно, нѣсколько плисовыхъ мантій и французскихъ кафтановъ, которые придаютъ болѣе увѣренности игрѣ Рѣшилова и Румаковскаго.

Отчасти поновленныя, отчасти и совершенно новыя декораціи, освѣщаемыя съ меньшею расчетливостью чѣмъ прежде, такъ недурны, что даже вызываютъ иногда похвалы въ заднихъ мѣстахъ партера (о парадисѣ и говорить нечего).

Оркестръ значительно усиленъ: просвѣщенный генералъ Охлестышевъ, какъ истинный ревнитель и поощритель изящныхъ искуствъ, съ благороднымъ безкорыстіемъ предложилъ Осипу Ѳомичу своихъ домашнихъ музыкантовъ. Нетрудно вообразить, какъ доволенъ этимъ антрепренеръ; но несовсѣмъ довольны имъ новые музыканты.

Послѣ перваго спектакля, въ которомъ они участвуютъ, Наруковичъ угощаетъ ихъ водкой (по стаканчику на брата). Всѣхъ музыкантовъ шестеро; изъ нихъ трое оказываются не употребляющими горячительныхъ напитковъ. Тѣмъ лучше: все-таки экономія.

— Экая выжига! говоритъ на возвратномъ пути домой віолончелистъ Кондратій: — хоть бы по четвертаку на брата.

— Не видали мы его водки! подтверждаетъ фаготъ Аѳанасій.

— Сквалыга! замѣчаютъ еще два голоса.

На слѣдующій разъ даже и водкою не угощаетъ Наруковичъ охлестышевскихъ музыкантовъ; онъ просто обращаетъ къ нимъ словесную благодарность:

— Спасибо, милые, спасибо! Благодарите отъ моего имени его превосходительство Алексѣя Петровича.

Забывая, что «служенье музъ не терпитъ суеты», артисты негодуютъ больше вчерашняго: но — Богъ съ ними! Публика вполнѣ довольна — чего больше? Польза или удовольствіе общества выше личныхъ интересовъ.

Въ то время, какъ Осипъ Ѳомичъ радуется всѣмъ сердцемъ преуспѣянію своей труппы, возлюбленная дочка его желаетъ ей всевозможныхъ золъ и напастей. По дѣломъ! Какъ, напримѣръ позволить какому-нибудь Мирвольскому, который въ труппѣ безъ году недѣлю, распоряжаться въ театрѣ какъ у себя дома, помыкать артистами какъ своими подчиненными? Какъ не зажать ему рта, когда онъ (что игралъ въ Москвѣ, да оттуда выгнали, такъ есть отчего носъ задирать!), когда онъ осмѣливается говорить напримѣръ подобныя вещи:

— Какъ ты хочешь, Осипъ Ѳомичъ, а я Гамлета ни за что не играю, если Офеліей будетъ опять твоя дочь.

И то же самое смѣетъ онъ говорить о «Коварствѣ и Любви», о «Жизни Игрока» и множествѣ другихъ піесъ, въ которыхъ всегда (могло ли и быть это иначе?) главныя роли исполнялись ею, дѣвицею Наруковичъ! Хорошъ папенька, передъ которымъ можно отзываться съ такимъ неуваженіемъ о дочери... И какъ не совѣстно безпрекословно подчиняться желаніямъ или, лучше сказать, требованіямъ всякого встрѣчнаго... «Великій артистъ!» Скажите пожалуста! Мѣста себѣ не нашелъ нигдѣ кромѣ Голодаева. Былъ бы благодаренъ, что пріютили; а онъ тутъ еще командовать вздумалъ! И кому же изволь уступать! какой-нибудь Живягиной!... Добрый родитель — нечего сказать; умный содержатель — у себя дома власти не имѣетъ. Конечно все оттого вышло, что Мирвольскій подружился съ Васькой (дѣвица Наруковичъ, не забудьте, очень раздражена) Живягинымъ: каждый день вмѣстѣ обѣдаютъ и бражничаютъ по трактирамъ. Кажется,

и Колчанову думаетъ онъ выдвинуть впередъ: все толкуетъ ей о новыхъ роляхъ. Какой распорядитель выискался! А что такое Колчанова? Истуканъ какой-то — и больше ничего.

Госпожа Живягина, сценическимъ способностямъ и прекрасному голосу которой не воздавалось дотолѣ должнаго вслѣдствіе слѣпой родительской любви Ѳомича, госпожа Живягина выступаетъ теперь на первый планъ.

— Каково сыграно! Каково спѣто! замѣчаетъ въ каждомъ антрактѣ ея супругъ, обращаясь къ тому изъ артистовъ, кто стоитъ поближе (кромѣ безмолвнаго Рѣшилова).

— Хорошо.

— Нѣтъ, ты скажи, не артистка она? не истинная артистка?

— Артистка.

— А можно ли эту роль лучше сыграть — а?.. можно ли?.. скажи ты мнѣ вотъ это!

— Прекрасно сыграно.

— Нѣтъ, лучше-то можно ли?

— Да, трудно лучше сыграть.

— То-то!

Громкія рукоплесканія встрѣчаютъ, прерываютъ и провожаютъ госпожу Живягину въ роляхъ, отнятыхъ у антрепренерской дочки. Незримые кинжалы направляются въ грудь супруги трагика или, что теперь правильнѣе, первой трагической актрисы, изъ изумрудныхъ глазъ дѣвицы Наруковичъ, которая неизмѣнно наблюдаетъ свою соперницу изъ-за кулисы номеръ второй; маленькое, все изъѣденное самолюбіемъ сердце дѣвицы колотится тревожно.

Успѣхи «подлой» (о соперничество!) Живягиной прочны: Осипъ Ѳомичъ наконецъ прозрѣлъ и удивляется, какъ не случилось этого раньше.

«Вѣдь найдетъ же этакой туманъ на голову (думаетъ онъ, но никому не говоритъ своихъ мыслей): спятишь же этакъ

съ ума! Ужь сколько времени Вася у меня въ труппѣ, сколько разъ жена его нарохтилась въ главныя роли! И еще видѣлъ ее Мариной въ «Смерти Ляпунова»! Не могъ взять въ толкъ, что актриса — прелесть. Все изъ-за того, что Софья хнычетъ. Очень нужно смотрѣть! Ну гдѣ ей такъ сыграть, какъ Живягина? Этой вонъ аплодируютъ наравнѣ съ Мирвольскимъ!.. Боюсь только, какъ бы съ дуру-то не вздумалъ ея благовѣрный прибавки просить — чего добраго!»

Вышеприведенный фактъ, я убѣжденъ, озаритъ еще выгоднѣйшимъ свѣтомъ лицо Осипа Ѳомича въ глазахъ всѣхъ благомыслящихъ читателей. Жертва родственныхъ отношеній въ пользу искуства — черта прекрасная! И такъ, оставивъ безъ вниманія слезы и неудовольствіе дѣвицы Наруковичъ, принесемъ дань искренней похвалы ея родителю.

Все идетъ какъ нельзя лучше; но въ одно утро трагикъ является въ комнату антрепренера. Отрываясь отъ какихъ-то ариѳметическихъ выкладокъ, Ѳомичъ бросаетъ подозрительный взглядъ на вошедшаго и видитъ по глазамъ его, что онъ явился не даромъ. Зачѣмъ же именно? О выдачѣ въ счетъ жалованья не можетъ быть рѣчи: такая выдача произведена Живягину вчера, и деньги никакъ не могли быть всѣ истрачены; сколько извѣстно Осипу Ѳомичу, Живягинъ со вчерашняго дня никуда не отлучался.

— А! это ты, Вася! говоритъ антрепренеръ, вставая съ мѣста и водружая мохнатое перо въ зеленую склянку, на которой кругомъ наросъ толстый слой засохшихъ чернилъ.— Здравствуй! Что скажешь хорошенькаго? Садись-ка!

Осипъ Ѳомичъ подаетъ руку трагику, присаживается на окно и указываетъ ему на стулъ, съ котораго всталъ самъ — единственный стулъ во всей комнатѣ.

— Садись, Вася!

— Я по дѣлу, говоритъ трагикъ, занимая стулъ.

— А именно? спрашиваетъ Осипъ Ѳомичъ, и плуто-

ватые глазки его никакъ не могутъ остановиться на лицѣ Живягина.

— Вотъ по какому дѣлу, продолжаетъ трагикъ, медленно гладя ладонью свои густые усы: — женѣ надобно прибавку.

— Что?

Осипъ Ѳомичъ очень хорошо слышалъ слова Живягина.

— За то жалованье, что она получаетъ, играть ей нельзя.

— Вѣдь играла же, Вася! сколько времени играла!

— Что она играла?

— Да то же, что теперь.

— Полно то ли?.. Ты, я думаю, не забылъ — при поступленіи моемъ къ тебѣ поэтому и контракта не было съ нею сдѣлано...

— Почему? почему?

— Кабы не глупая моя ссора съ Сошниковымъ, я и носу бы къ тебѣ не показалъ, продолжаетъ, не слушая Наруковича, Живягинъ. — У него она на главныхъ роляхъ была... А ты тогда выдумалъ, что не надо тебѣ трагической актрисы. Ну и сдѣлали такъ... Помнишь, чай?.. Играла ли она у тебя въ первыхъ роляхъ до нынѣшней ярмонки?

— Да вѣдь въ этомъ ея же выгода, Вася, ты разсуди самъ.

— Никакой нѣтъ выгоды надсажаться даромъ...

— Гдѣ же даромъ?

— Даромъ, отвѣчаетъ Живягинъ самымъ спокойнымъ тономъ: — другое дѣло, какъ прибавишь...

— Э-эхъ, Вася! точно не видишь ты, лепечетъ, махая руками, Наруковичъ: — точно не знаешь, чего мнѣ стоитъ пріѣздъ сюда... Дня не проходитъ...

— Да, дня не проходитъ, перебиваетъ трагикъ: — чтобъ театръ не былъ полонъ...

— А расходы-то! я про расходы говорю.

— Знаю и о расходахъ; а прибавку, какъ хочешь, надо.

— Не могу, Вася; ей-Богу, милый, не могу.

— Такъ ты ужь объяви, что сегодня «Елена Глинская» не пойдетъ.

Наруковичъ спрыгнулъ съ подоконника.

— Вася! что ты?

— Ничего, отвѣчаетъ, вставая съ мѣста, трагикъ, и отвѣчаетъ такимъ голосомъ, что Өомича всего коробитъ.

— Вотъ ужь ты и вспылилъ сейчасъ! начинаетъ примиряющимъ тономъ Наруковичъ: — экая горячка! Говори ты, Вася, спокойно.

Вася устремляетъ на антрепренера пристальный взглядъ, подъ вліяніемъ котораго Осипъ Өомичъ ощущаетъ новую неловкость (глазки его забѣгали).

— Да или нѣтъ? спрашиваетъ Живягинъ очень рѣшительно.

— Что ты косишься-то!.. Вѣдь самъ знаешь...

— Да или нѣтъ? повторяетъ трагикъ.

Өомичъ замоталъ головой; наконецъ говоритъ:

— Развѣ малую толику.

— А какъ напримѣръ?

— Право не знаю и самъ. Что по твоему-то?

— По моему надо разовыя.

— Сколько?

— По три.

— Вася! восклицаетъ Өомичъ, разведя руками: — тебя ли я вижу и слышу?

— Меня.

— Помилуй! какъ это тебѣ въ голову пришло? Гдѣ я возьму?

— Въ карманѣ.

— Хорошо тебѣ толковать!

— Ну кончимъ, Осипъ Ѳомичъ; что цѣлое-то утро ломаться!

— Не могу, Вася.

— Не можешь? Ладно.

Трагикъ идетъ къ двери.

— Куда же ты? кричитъ ему вслѣдъ Наруковичъ: — постой!

— Что мнѣ стоять-то, коль съ тобой не столкуешь, отвѣчаетъ трагикъ, не оборачиваясь.

— Воротись, Вася! зоветъ Наруковичъ: — тебѣ говорю.

Живягинъ воротился.

— Ну?

— Половину...

— Поди ты!

— Да постой же! постой!

— Три — меньше ни копейки.

— Такъ и быть, Вася, два.

— Ни копейки.

— Два съ полтиной.

— Три, сказалъ я тебѣ, произноситъ Живягинъ такимъ раздраженнымъ голосомъ, что Ѳомичъ не на шутку струхнулъ.

— Ахъ, Господи! восклицаетъ онъ, воздѣвая къ потолку руки.

— Да, что-ли?

— Что съ тобой дѣлать!

— Давно бы такъ.

Въ игрѣ госпожи Живягиной, такъ же какъ и въ игрѣ Мирвольскаго, антрепренеръ видитъ собственныя выгоды, и потому неудивительно, что и та и другой ежедневно являются на сценѣ.

Никто не жалѣетъ о томъ, что дѣвица Наруковичъ не выходитъ болѣе въ роли Офеліи и въ другихъ роляхъ подобнаго же объема и значенія. Голосъ красноярскаго купчика

въ пользу дочери содержателя театра не можетъ быть принимаемъ въ расчетъ. И сама она не достаточно цѣнитъ вниманіе Кондрашова... А кто можетъ сравниться съ нимъ по внимательности? Что бы ни происходило на сценѣ, какія бы лица ни дѣйствовали тутъ, какъ бы ни была занимательна и трогательна драма, занимательна и смѣшна комедія — красноярскій купчикъ не видитъ и не хочетъ видѣть ничего происходящаго передъ нимъ, какъ скоро царица сердца его не на сценѣ. Да, она точно царица его сердца: зоркій глазъ Кондрашова проникаетъ, отыскивая ее, за каждую кулису; и какъ скоро усмотрѣлъ онъ маленькую фигурку дѣвицы Наруковичъ, все лицо его превращается въ одну радостную улыбку. Въ сладостномъ волненіи поталкиваетъ онъ своего земляка сосѣда, который постоянно сопутствуетъ ему въ театръ, и подмигивая говоритъ:

— Смотри-ка, братъ, смотри! Живчикъ-то! а? Ишь, куда спряталась!

Торговое движеніе растетъ съ каждымъ днемъ; дѣла Кондрашова идутъ отлично, и онъ позволяетъ себѣ всѣ удовольствія. Изъ театра онъ направляется обыкновенно въ бубновскій трактиръ, гдѣ очень весело проводитъ время.

Бубновскій трактиръ вѣчно полонъ: днемъ истребляется въ немъ несметное количество чая, вечеромъ — несметное количество шампанскаго и другихъ винъ...

Плотно поужинавъ и наслушавшись пѣнья тиролекъ въ большой залѣ внизу, красноярскій купчикъ поднимается въ мезонинъ. Онъ велитъ принести туда за собой шампанскаго и весь погружается или въ игру на биліардѣ (играетъ какъ нельзя хуже, и воображаетъ, что хорошо), или въ дикое пѣніе цыганскаго хора. Особенно нравится Кондрашову голубоглазая Стеша, въ которой очень мало похожаго на цыганку, и лицо которой остается совершенно спокойнымъ и безстрастнымъ при самыхъ отчаянно-забубенныхъ мотивахъ, выводи-

мыхъ ея полнозвучнымъ голосомъ. Разгулявшись, купчикъ подсаживается поближе къ ней, безпрестанно останавливаетъ пальцы ея на струнахъ гитары и тающимъ голосомъ произноситъ: «чамуда манъ (поцалуй меня)!» Стеша улыбается и подставляетъ ему ладонь. Кондрашовъ кладетъ въ нее что вынется изъ кармана, и повторяетъ единственную извѣстную ему цыганскую фразу. Просьба: «чамуда манъ!» произносимая имъ въ продолженіи двухъ недѣль, разъ по двадцати въ вечеръ, остается неудовлетворенною.

Впрочемъ Стеша занимаетъ его на мгновенье, и постоянно живетъ въ сердцѣ и мысляхъ его только одинъ образъ — образъ наруковичевой дочки.

Съ перваго появленія ея въ роли Офеліи, Кондрашовъ горитъ желаніемъ познакомиться съ кѣмъ-нибудь изъ странствующихъ артистовъ, чтобъ получить доступъ къ своей владычицѣ. Случай скоро представляется.

Мирвольскій, Живягинъ и Гудковъ, снявъ съ себя сценическую мишуру, направляютъ стопы къ бубновскому трактиру.

Еще на подъѣздѣ Живягинъ говоритъ московскому артисту:

— Не грѣхъ бы тебѣ угостить насъ хорошенько послѣ выигрыша-то.

— Я и намѣренъ это сдѣлать, отвѣчаетъ Мирвольскій.

— Много ты выигралъ? спрашиваетъ Гудковъ.

— Пятьсотъ.

— О-го! У кого?

— У Скачкова.

— Это бѣлобрысый-то франтикъ, что въ первомъ ряду абонировался?

— Онъ.

— Богатый человѣкъ?

— Нѣтъ, такъ-себѣ.

— Пофорсить любитъ, замѣчаетъ Живягинъ.

Артисты садятся ужинать въ большой залѣ, какъ разъ рядомъ со столомъ, за которымъ красноярскій купчикъ и его неизмѣнный спутникъ землякъ уписываютъ жирную стерляжью уху.

— Актеры, говоритъ спутникъ, обращая вниманіе своей планеты на вошедшихъ.

Кондрашовъ немедленно требуетъ себѣ бутылку клико, наливаетъ три бокала и посылаетъ ихъ артистамъ.

— Отъ кого? спрашиваетъ Мирвольскій.

— Господа, позвольте просить! говоритъ привставая купчикъ.

Мирвольскій слегка кланяется и беретъ бокалъ; собесѣдники слѣдуютъ его примѣру.

— Что это за гусь? спрашиваетъ трагикъ.

— Я вижу его каждый день въ театрѣ, отвѣчаетъ Гудковъ: — и здѣсь часто встрѣчалъ... купецъ.

Мирвольскій справляется вполголоса о фамиліи и родѣ торговли его у трактирнаго слуги, и получаетъ удовлетворительный отвѣтъ.

Когда слуга ототкнулъ съ громомъ бутылку у стола артистовъ, Мирвольскій посылаетъ въ свою очередь два бокала на сосѣдній столъ.

— Покорнѣйше васъ благодарю, господа! говоритъ умильнымъ голосомъ и съ умильною улыбкой Кондрашовъ, подходя къ артистамъ: — позвольте чокнуться.

Чокаются.

— Очень пріятно познакомиться; давно желалъ. Могу присосѣдиться къ вашей компаніи?

— Пожалуста, приглашаетъ Живягинъ.

Распросивъ о томъ, что за піеса играется завтра и кто да кто участвуютъ въ ней, красноярецъ изъявляетъ желаніе принять на себя расплату за ужинъ артистовъ; но Мирволь-

скій, не обращая вниманія на подмигиванье трагика, отказывается на отрѣзъ отъ такой любезности.

— Винца по крайней мѣрѣ позвольте выставить.

— Это можете, говоритъ Мирвольскій: — только не лучше ли намъ отправиться наверхъ?

— Самое любезное дѣло, отвѣчаетъ Кондрашовъ.

И вся компанія идетъ въ мезонинъ, гдѣ стонъ стоитъ отъ «Якъ мы жили на горѣ». Нѣсколько меломановъ, засѣдающихъ около цыганъ, неистово топаютъ ногами. Слѣдомъ за артистами является въ цыганскую комнату подносъ, нагруженный чѣмъ слѣдуетъ, и Кондрашовъ скоро приходитъ въ самое нѣжное расположеніе духа. Онъ прищелкиваетъ пѣнью и языкомъ и пальцами. Къ несчастію голубоглазая Стеша отдѣлена отъ него другимъ любителемъ съ ужасающими усами. Усачъ сидитъ очень близко къ ней и, какъ по всему видно, не уступитъ никому въ мірѣ своей выгодной позиціи. Видя совершенную невозможность остановить пальцы Стеши, бьющіе по струнамъ гитары, и пролепетать обычное: «чамуда манъ!» Кондрашовъ предлагаетъ Мирвольскому сыграть партію на биліардѣ.

— Очень радъ, соглашается артистъ.

Они переходятъ въ сосѣднюю комнату и вооружаются кіями; но прежде чѣмъ партія начинается, красноярецъ обращаетъ вниманіе собесѣдниковъ на подносъ, послѣдовавшій за ними въ биліардную.

— Пожалуйте, господа!

Отерши усы и бороду, онъ чувствуетъ приливъ удали къ своему сердцу, сильно ударяетъ кіемъ объ полъ и восклицаетъ:

— Ухъ! гуляй!

— Почемъ играемъ? спрашиваетъ Мирвольскій.

— Бутылку шампанскаго.

— Я не играю на вино.

— Ну на деньги!

— Десять рублей партія.

— Идетъ. Ухъ!

— Выставляйте!

— Никого и ничего! вскрикиваетъ соннымъ голосомъ маркеръ.

Мирвольскій срѣзываетъ желтаго въ среднюю съ карамболемъ по красному.

— Восемнадцать и очень мало!

— Ловко! одобряетъ купчикъ.

— Тридцать и очень немного! возглашаетъ маркеръ, въ другой разъ вынимая желтый шаръ изъ средней лузы.

— Алловко!

— Сорокъ два и очень досадно!

— Плохо дѣло! лепечетъ купчикъ.

— Партія!

— Еще? спрашиваетъ Мирвольскій.

— Еще, непр-мѣнно! А сн-чала... тово...

Онъ дѣлаетъ выразительный жестъ, который догадливый слуга тотчасъ понимаетъ. Раздается громкая оттычка.

— Выставилъ, говоритъ Мирвольскій.

Кондрашовъ нацѣливается и вмѣсто шара попадаетъ кіемъ въ сукно.

— Стиксъ, лепечетъ онъ.

Каждый ударъ его — киксъ; но онъ не соглашается на предложеніе Мирвольскаго взять тридцать впередъ, не хочетъ оставить кій и играетъ партію за партіей. Игра оканчивается тѣмъ, что рьяному купчику приходится выложить на биліардъ двѣсти рублей проигрыша.

— Ловко же ты его огрѣлъ! замѣчаетъ Живягинъ. — Со мной не срѣжешься ли? обращается онъ къ Кондрашову.

Но Кондрашовъ ужь черезчуръ утомился, хоть и не со-

знается въ этомъ; землякъ, бывшій хладнокровнымъ зрителемъ игры, теперь насильно увлекаетъ его домой.

Знакомство съ артистами доставляетъ красноярцу возможность пробраться за кулисы, гдѣ Живягинъ рекомендуетъ его антрепренеру и антрепренерской дочкѣ. Нельзя сказать, чтобъ во глубинѣ души дѣвица Наруковичъ была недовольна изъявленіями почтенія и преданности Кондрашова, обращенными къ ней; но она отвѣчаетъ ему какъ-то жеманно-холодно. Тѣмъ не менѣе Кондрашову пріятно каждое слово дѣвицы. Неискренность ея вызвана насмѣшливыми взорами Колчановой. Взоры эти слѣдятъ за каждымъ движеніемъ дѣвицы Наруковичъ и не даютъ ей покоя. «Нашла поклонника! Нечего сказать, хорошъ!» Колчанова имѣетъ въ нѣкоторомъ родѣ право смотрѣть насмѣшливо на ухаживанье Кондрашова: вчера и третьяго дня она вгоняла въ краску досады дочь содержателя, надѣвая новое шелковое платье и застегивая золотой браслетъ, поднесенные ей двумя любителями искуства, имена которыхъ не безызвѣстны въ голодаевскомъ обществѣ.

Впрочемъ не ударитъ себя въ грязь лицомъ и купчикъ. Что же въ самомъ дѣлѣ! денегъ у него что-ли нѣтъ? Какъ же! Скоро и дѣвица Колчанова измѣняетъ о немъ свое мнѣніе, хотя по прежнему подтруниваетъ надъ нимъ при дѣвицѣ Наруковичъ и продолжаетъ называть бороду его мочалкой. Противъ браслета Колчановой дочь содержателя можетъ теперь выставить нѣсколько вещицъ гораздо болѣе цѣнныхъ, противъ двухъ новыхъ платьевъ ея—четыре, изъ коихъ одно стоитъ полтораста рублей.

А что подѣлываютъ Рѣшиловъ, его супруга и ихъ чадо? Неподвижный Ванюша не можетъ дѣлать ничего; онъ по прежнему сидитъ между подушками, хлопаетъ глазами, изрѣдка промычитъ — и только. Маменька по прежнему кормитъ его кашей и ворчитъ...

Но все гуще и гуще становится мракъ, облекающій мозгъ

самого Рѣшилова. «Благородный отецъ» такъ упрямо закручиваетъ вихоръ за лѣвымъ ухомъ, словно въ рукахъ у него не волосы, а буравъ, которымъ онъ хочетъ просверлить черепъ, чтобъ дать такимъ образомъ выходъ чепухѣ, забравшейся къ нему въ голову и упорно засѣвшей тамъ. Сидитъ онъ по утрамъ у своего окна и, забывая о тетрадкѣ съ ролью, направляетъ взоръ свой вдаль и погружается въ томительныя думы. Думаетъ онъ о судьбѣ своего младенца—не сидня Ванюши, а того, что долженъ мѣсяцевъ черезъ пять родиться... вотъ понадобилось еще приращеніе семейства! думаетъ о жалкой роли своей въ труппѣ, о томъ, какъ съ каждымъ днемъ ниже и ниже падаетъ онъ во мнѣніи публики, а слѣдовательно (что гораздо важнѣе) и во мнѣніи антрепренера...

Но что это? Во маркъ тяжелыхъ думъ Рѣшилова начинаетъ какъ-будто закрадываться слабый свѣтъ... и вдругъ, подобно одному изъ яркихъ лучей утра, встающаго въ эту минуту надъ городомъ Голодаевымъ, геніальная мысль пронизываетъ отуманенный мозгъ «благороднаго отца». Мало по малу морщины разглаживаются на лбу Рѣшилова, и впервые послѣ многихъ лѣтъ слабая улыбка появляется на его тонкихъ губахъ.

— Да, да, лепечетъ онъ:—завтра же начну! завтра же!

Жизнь остальныхъ лицъ, прикосновенныхъ къ труппѣ, идетъ себѣ старымъ чередомъ, и излишне было бы распространяться о Румаковскомъ, Гудковѣ и Вилковѣ, сражающихся ежедневно на биліардѣ, о долговязомъ Антипѣ, съ которымъ въ способности дремать можетъ поспорить развѣ литавристъ, о прочихъ музыкантахъ, услаждающихъ свои досуги игрою въ три листика, о сестрахъ Сизогубовыхъ, столь же мало замѣтныхъ въ домашнемъ быту какъ и на сценѣ, о семьѣ Пастухова, по старому отправляющей свои обязанности.

Дни идутъ за днями, и незамѣтно прошло количество ихъ, составляющее ровно половину срока, опредѣленнаго на ярмонку.

ГЛАВА XIII.

Молодыя крылья.

Мирвольскій не заблагоразсудилъ отправиться на репетицію. Онъ можетъ себѣ позволить это, какъ артистъ, которымъ держится вся труппа. Наруковичъ, получивъ записку отъ него съ извѣстіемъ, что онъ не будетъ на пробѣ, даже и не поморщился, тогда-какъ будь на мѣстѣ Мирвольскаго кто-нибудь другой, сотни жесткихъ словъ посыпались бы изъ устъ антрепренера.

Мирвольскій сидѣлъ дома и ждалъ къ себѣ Скачкова, молодаго человѣка, у котораго недавно выигралъ пятьсотъ рублей, и который можетъ-быть въ этотъ разъ отыграется. Зеленый столъ былъ ужь разложенъ; карты и мѣлъ лежали на немъ.

Прежде ожидаемаго гостя явился Живягинъ.

— Ба! ты какими судьбами?

— Узналъ, что ты не будешь на репетиціи, и пріѣхалъ провѣдать тебя. Я вѣдь не играю сегодня. — А! это что? битва готовится?

Живягинъ указалъ на карточный столъ.

— Да, жду къ себѣ одного молодца... Чѣмъ у васъ вчера кончилось? Много просадилъ тебѣ этотъ купчикъ?

— Много не много, а годится.

— Сколько?

— Всего пятьдесятъ.

Гость закурилъ трубку.

— Сейчасъ видѣлъ въ окно дочку твоей хозяйки, сказалъ онъ, пустивъ цѣлую тучу дыма. — Ну, какъ тутъ идутъ твои дѣлишки?

— Ничего.

— Часто бываешь?

— Каждый день.

— Да что ты дѣлаешь тамъ? Я думаю, скука ужасная..

— Скуки ужасной ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть ужь потому, что Ольга дѣвочка очень хорошенькая, очень умная.

— Мало ли на свѣтѣ хорошенькихъ да умныхъ; только стоитъ ли время терять, какъ ничего добиться нельзя?

— Да кто же тебѣ говоритъ, что я напрасно время теряю?

— Не жениться же вздумалъ?

— Это ужь мое дѣло.

— Э-ге, братъ! да у васъ видно далеко зашло!.. ты, значитъ, тутъ этакъ настоящимъ Донъ-Жуаномъ... Ихъ однако вчера въ театрѣ не было; а вѣдь онѣ абонировались, кажется?

— Да. Вчера не были; старуха заболѣла.

— Славный домикъ у нихъ, говорилъ Живягинъ, расхаживая по комнатѣ и глядя то на стѣны, то на потолокъ.— Говорятъ, и деньги водятся — правда это?

— Правда.

— Порядочно образованная дѣвочка эта Ольга?

— Очень: воспитывалась въ Петербургѣ, въ одномъ изъ аристократическихъ домовъ.

— Вотъ какъ!

— Хорошо играетъ на фортепіано и превосходно поетъ.

— Лучше жены поетъ!

Живягинъ (должно отдать ему честь) высоко цѣнилъ достоинства жены и въ особенности ея пѣвческій талантъ; Мирвольскій, зная слабость его, сказалъ, что Ольга поетъ хорошо, но что все таки не лучше госпожи Живягиной.

— Ну, а что, какъ она къ тебѣ? спросилъ трагикъ:— ты-то, я вижу, неравнодушенъ... благоволитъ къ тебѣ?

— Ужасно ты любопытенъ, отвѣчалъ Мирвольскій съ такою улыбкой, которая ясно говорила: «еще бы!»

— Злодѣй!

Пріѣздъ Скачкова прервалъ этотъ разговоръ; хозяинъ распечаталъ карты и придвинулъ стулья къ столу.

Въ словахъ Мирвольскаго объ отношеніяхъ его къ Ольгѣ была правда; но правда эта была высказана такъ грубо, что, случись Ольгѣ услыхать разговоръ двухъ артистовъ, она горько проплакала бы цѣлую ночь.

Благородная игра Мирвольскаго въ «Гамлетѣ», его прекрасная наружность и манеры, обращавшія на него вниманіе не только въ средѣ странствующихъ актеровъ, но и въ первыхъ рядахъ театральныхъ креселъ, судьба его, столь похожая на романъ (послѣ перваго появленія Мирвольскаго на голодаевской сценѣ, дѣвушка уже не сомнѣвалась въ истинѣ слышанныхъ ею расказовъ), наконецъ и то обстоятельство, что артистъ живетъ подъ одной кровлей съ нею — все это заставило Ольгу, незанятую ничѣмъ и никѣмъ въ ея родномъ городѣ, думать о Мирвольскомъ.

Жилецъ на другой же день воспользовался приглашеніемъ Аграфены Петровны. Первый визитъ его былъ непродолжителенъ; разговоръ велся довольно живо, но о вещахъ самыхъ обыкновенныхъ, и Ольга не могла извлечь изъ него ничего, что познакомило бы ее ближе съ артистомъ, съ его образованіемъ, взглядомъ на вещи. Тѣмъ не менѣе первое впечатлѣніе осталось въ ней во всей его силѣ.

Аграфена Петровна, какъ сама говорила, и думать никакъ не могла, чтобъ актеръ былъ такой благовоспитанный, вѣжливый, развязный и милый человѣкъ.

— Я всегда воображала ихъ сорванцами какими-то; а этотъ совсѣмъ не то. Онъ и съ перваго разу понравился; и чѣмъ больше вижу его, тѣмъ онъ больше кажется мнѣ порядочнымъ. Да его въ какое общество ни пусти, нигдѣ

послѣднимъ не будетъ. Про нашу молодежь и говорить нечего: все фанфароны. И живетъ такъ тихо; а ужь я боялась таки, чтобъ у него гулянокъ не было. Какъ посравнить его съ товарищами-то, такъ онъ между ними — князь, просто князь.

Ольга была согласна со всѣмъ этимъ, хотя и не высказывала своего мнѣнія.

— И играетъ отлично — тоже сравненья никакого нѣтъ съ другими... Надо бы намъ еще поѣхать въ театръ. Какъ ты думаешь, Лелечка?

Ольга не только была согласна посмотрѣть еще разъ игру Мирвольскаго, она даже предложила матери абонироваться на ложу. Старуха, готовая исполнять малѣйшія желанія дочери, съ удовольствіемъ согласилась на это, тѣмъ болѣе, что и сама любила театръ.

Каждый выходъ Мирвольскаго въ новой роли подтверждалъ мнѣніе Ольги, составленное по дебюту его, что у него замѣчательный талантъ. Сначала думала она, не вводитъ ли ее въ заблужденіе обстановка новаго артиста, среди которой нетрудно отличиться: большинство актеровъ такъ мало удовлетворяетъ требованіямъ искуства, что человѣкъ даже съ обыкновеннымъ талантомъ будетъ казаться цѣлою головою выше ихъ. Но Ольга не остановилась на этой мысли и, вдумываясь въ роли, исполняемыя Мирвольскимъ, слѣдя за игрою его до мельчайшихъ подробностей, убѣдилась, что онъ хорошъ не потому только, что окруженъ плохо.

И какъ изумилась она, когда, заведя съ Мирвольскимъ, во второе посѣщеніе его, разговоръ объ искуствѣ, услыхала сужденіе его объ артистической его карьерѣ!

— Главное дѣло — деньги, говорилъ онъ: — что тутъ искуство! Я никогда не чувствовалъ въ себѣ никакого призванія къ сценѣ, и конечно никогда не попалъ бы въ актеры, если бъ не заставили крутыя обстоятельства. Не за сла-

вой же гоняться! не за извѣстностью!.. Извѣстность хороша только потому, что за нее больше даютъ денегъ.

— Я вамъ не вѣрю, возразила Ольга: — поприще актера не таково, чтобъ на него вступать для денегъ. Кто хочетъ нажиться, тотъ вѣрно выберетъ другую дорогу.

— Нажиться нельзя безъ большихъ трудовъ, а трудиться способенъ не всякой... и я первый не рожденъ для труда или, лучше сказать, вовсе не приготовленъ къ нему. Когда пришлось мнѣ искать себѣ средствъ для существованія, я выбралъ театръ, какъ самое легкое.

Ольга недовѣрчиво качала головой.

— Можетъ-быть я и ошибаюсь, но мнѣ кажется, что безъ любви къ искуству нельзя быть такимъ артистомъ, какъ вы.

— Неужто, батюшка, вамъ выгоднѣе играть у насъ? вмѣшалась въ разговоръ Аграфена Петровна. — Вы вѣдь, я слышала, были сначала на московскомъ театрѣ.

Этотъ вопросъ заставилъ Ольгу покраснѣть и взглянуть на мать съ бѣглымъ упрекомъ. Но Аграфена Петровна не смекнула, что ея слова могутъ непріятно затронуть самолюбіе гостя.

Мирвольскій съ безпечнымъ, почти веселымъ видомъ обратился къ Ольгѣ и сказалъ:

— Вотъ вамъ и доказательство, что любви къ искуству во мнѣ очень мало, если не вовсе нѣтъ. Чтобы пріобрѣсть въ Москвѣ такое значеніе, какое имѣю здѣсь, чтобы сдѣлать себя замѣтнымъ въ ряду сильныхъ соперниковъ, мнѣ нужно было трудиться, а любовь не могла принудить меня къ труду. Какая же это любовь!.. Я опять-таки выбралъ что полегче: здѣсь, въ провинціи, я и не трудясь могу быть первымъ, тогда какъ въ столицѣ...

Все это Мирвольскій говорилъ отъ души, но должно быть въ самомъ тонѣ его было мало искренности, потому

что Ольга, сначала удивленная его сужденіями, къ концу разговора была убѣждена, что Мирвольскій шутитъ съ единственнымъ желаніемъ вызвать ея противорѣчіе и оживить разговоръ. Мирвольскій замѣтилъ недовѣрчивость Ольги и скоро понялъ, что его откровенность не можетъ принести ему никакой пользы въ глазахъ дѣвушки.

Въ слѣдующій визитъ его къ Гадаевымъ Ольга встрѣтила его такими словами:

— Вы и теперь станете увѣрять меня, что въ васъ нѣтъ никакой любви къ искуству, что вы не даете себѣ труда думать о совершенномъ исполненіи ролей?

— Отчего же нѣтъ?

— Теперь вы можете говорить сколько угодно, и я не буду вамъ вѣрить.

— Развѣ вы узнали отъ кого-нибудь, что я говорю неправду?

— Я видѣла васъ вчера Фердинандомъ.

— И что же?

— И больше ничего.

Ольга очень нравилась Мирвольскому, и споръ съ нею, поддерживаемый дѣвушкою очень горячо, доставлялъ ему большое удовольствіе.

— Скажите, началъ Мирвольскій: — къ чему же любовь, чтобъ быть такимъ артистомъ какъ я?.. маленькія способности — и этого очень достаточно.

И споръ опять возгорѣлся.

Аграфена Петровна слушала-слушала, не принимая участія въ бесѣдѣ, и наконецъ сказала:

— Ахъ, какая ты стала нынче спорщица, Лелечка! И объ чемъ спорить-то принялась! Ну, кому знать это дѣло лучше, какъ не Павлу Павлычу? Сыграла бы лучше что-нибудь да спѣла.

Къ совѣту старушки Мирвольскій присоединилъ свою просьбу, и Ольга сѣла къ фортепіано.

— Что вамъ спѣть? спросила она гостя.

— «Птичку» бы спѣла, 'Леля, сказала Аграфена Петровна.

— Нѣтъ, маменька, пусть выберетъ Павелъ Павлычъ.

Мирвольскій выбралъ изъ кучи нотъ шубертова «Странника» и развернулъ его передъ Ольгой.

— Знаете ли? вы угадали мою мысль: мнѣ именно хотѣлось спѣть «Странника», сказала она, поправляя ноты на пюпитрѣ.

— Я очень люблю Шуберта.

— Я тоже.

Павелъ Павлычъ облокотился на спинку стула Ольги, и Ольга запѣла.

Въ квартиру Мирвольскаго не достигало ни звука съ половины хозяевъ, и онъ не зналъ, что Ольга поетъ; но когда и узналъ, никакъ не воображалъ, что услышитъ такой прекрасный голосъ и такое артистическое пѣніе.

— Не знаю, сказалъ Мирвольскій, когда Ольга кончила: — любите ли вы музыку, знаю только, что у васъ чудный голосъ, и въ пѣньѣ безконечно много души.

Съ этого времени каждый разъ, являясь къ Гадаевымъ, Мирвольскій просилъ Ольгу пѣть, и она не отказывалась. Онъ увѣрялъ ее, что съ такимъ талантомъ она могла бы имѣть огромный успѣхъ на сценѣ — и не на провинціальной; но Ольга отвѣчала на это только улыбкой.

Ежедневныя свиданія съ Мирвольскимъ незамѣтно сдѣлались потребностью для Ольги; въ часы, когда жилецъ имѣлъ обыкновеніе приходить, дѣвушка чувствовала въ сердцѣ тревогу ожиданія, которая заставляла ее откладывать въ сторону книгу или шитье, бывшія у нея въ рукахъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ при каждомъ визитѣ Мирвольскаго Ольга утрачивала ту сво-

боду въ обращеніи съ нимъ, ту увѣренность въ самой себѣ, которыя актеръ видѣлъ въ ней при началѣ знакомства. Теперь она какъ-то робко и осторожно вступала въ споры, была менѣе говорлива, будто боялась обличить свою любовь... Она съ неменьшею боязнью примѣчала, какъ это чувство все больше и больше овладѣваетъ ею... А что же онъ? Правда, онъ видимо находитъ удовольствіе бывать у Гадаевыхъ, сидѣть съ Ольгой; но не оттого ли это, что лучшаго развлеченія не найдешь въ Голодаевѣ? Всѣ едва замѣтныя для посторонняго и равнодушнаго глаза движенія, въ которыхъ любящее сердце ищетъ себѣ отвѣта или объясненія, подвергались разбору Ольги; но она только колебалась между сомнѣніемъ и увѣренностью.

Однажды подъ вечеръ, передъ началомъ спектакля (это было накапунѣ того дня, какъ Мирвольскаго посѣтили Живягинъ и Скачковъ), Павелъ Павлычъ зашелъ къ Гадаевымъ.

Ольга сидѣла въ первой комнатѣ одна, опустивъ на колѣни разогнутую книгу, и разсѣянно смотрѣла въ окно.

— Здравствуйте, Павелъ Павлычъ, сказала она, увидавъ Мирвольскаго, и подала ему руку.

— Собираетесь въ театръ? спросилъ онъ, садясь противъ Ольги.

— Нѣтъ, маменька нездорова: у нея такой жаръ, что я боюсь, не горячка ли... Послала за докторомъ. Вѣрно вчера простудилась, возвращаясь изъ театра. Ночь была такая холодная, въ театрѣ такъ жарко, а мы поѣхали въ открытомъ экипажѣ.

— Аграфена Петровна въ постели?

— Да; теперь немного уснула, я и вышла сюда; хотѣла читать, да что-то не читается.

— Такъ же, какъ вамъ не читается, мнѣ, кажется, не будетъ сегодня играться.

— Отчего же? развѣ вы не расположены?

— Для кого играть, если не будетъ васъ?

Ольга нехотя улыбнулась: эти слова непріятно кольнули ея сердце.

— Какъ вамъ не грѣхъ, сказала она: — говорить такія фразы! Неужто мы не достаточно знакомы, чтобъ обходиться безъ комплиментовъ другъ другу?

Во взорѣ дѣвушки, обращенномъ на Мирвольскаго, было такъ много грустнаго и вмѣстѣ съ тѣмъ нѣжнаго чувства, слабая улыбка, подтверждавшая упрекъ, была такъ плѣнительна, что артистъ почувствовалъ, какъ сердце его уклоняется отъ своего обычнаго, очень ровнаго біенія. Глаза его и все лицо оживились.

— Боже мой! сказалъ [illegible] придвигаясь къ дѣвушкѣ: — неужели вы могли думать, что мои слова — пошлый комплиментъ? Развѣ говорилъ [illegible] вамъ когда-нибудь подобныя фразы? Съ тѣхъ поръ, к[illegible] играю здѣсь, въ каждомъ спектаклѣ привыкъ я вид[illegible], привыкъ знать, что есть строгій судья моей игры, [illegible] и похвала котораго мнѣ дороже аплодисментовъ ц[illegible]. Я увѣренъ, вамъ, однимъ вамъ, вашему прису[illegible]ъ я тѣми шагами впередъ въ искуствѣ, котор[illegible]о мнѣ вы сами. Если я полюбилъ искуство, по[illegible] значеніе его — вы же, опять вы указали мнѣ [illegible] дорогу. Сколько споровъ было у насъ изъ-за этого — [illegible] знаете. И вы усомнились въ моихъ словахъ!

Ольга не подымала г[illegible], щеки ее покрывались румянцемъ.

— Или въ голосѣ м[illegible] продолжалъ Мирвольскій съ большимъ и большимъ одушевленіемъ: — была какая нибудь фальшивая нота, когда я говорилъ, что мнѣ не для кого играть, когда нѣтъ васъ въ театрѣ? Это такая же правда, какъ то, что солнце свѣт[illegible]. Скажите же мнѣ, что вы поняли меня, что не считаете [illegible] сочинителемъ праздныхъ

фразъ! Мнѣ горько будетъ оставить васъ безъ увѣренности въ этомъ.

Ольга подняла голову; глаза ея на мгновенье обратились на Мирвольскаго; она хотѣла говорить и не могла; но и въ мгновенномъ взглядѣ дѣвушки былъ достаточный отвѣтъ.

— Одного взгляда вашего, сказалъ Мирвольскій: — одного взгляда довольно, чтобъ дать мнѣ силу, которая начала падать въ безпрерывной борьбѣ съ судьбой. За одинъ взглядъ сочувствія готовъ я отдать всю остальную жизнь со всѣми ея радостями, со всѣмъ ея счастьемъ, если только ждетъ меня впереди какая-нибудь радость, какое-нибудь счастье. До сихъ поръ мнѣ не приводилось испытывать ничего, кромѣ горя, неудачъ; до сихъ поръ я былъ окруженъ пустотой, мишурой и блестками, или тиной и грязью; только съ вашимъ появленіемъ жизнь моя начала свѣтлѣть... Неужели и теперь, какъ прежде, это только призракъ счастья?

Ольга взяла книгу съ колѣнъ, чтобъ положить ее; другую руку протянула къ платку, лежавшему на окнѣ: глаза ея были полны слезъ; она боялась, что слезы сейчасъ покатятся по щекамъ.

— Скажите, или дайте увидать въ глазахъ вашихъ мой приговоръ! Ангелъ! жизнь! воскликнулъ Мирвольскій, взявъ Ольгу за обѣ руки.

Голова его наклонилась къ нимъ, и руки задрожали подъ горячими поцалуями. Мирвольскій не слыхалъ, какъ слезы капали изъ глазъ дѣвушки на его волосы.

Въ эту минуту онъ былъ вполнѣ искрененъ.

Аграфена Петровна, проснувшись посреди ночи, увидѣла, что дочь сидитъ около ея постели.

— Ахъ, Лелечка, ты не спишь, мой ангелъ! Лягъ, успокойся. Я, слава Богу, ничего. Мнѣ гораздо легче. Вотъ какъ уснула, и освѣжилась какъ-будто. Раздѣнься и ложись, мой ангелъ! Зачѣмъ ты утомляешь себя?

— Я не хочу спать, маменька, отвѣчала Ольга.

— Какъ не хотѣть, Лелечка! полно, мой другъ!

Ольга послушалась и легла въ постель; но сонъ до самаго разсвѣта не закрывалъ глазъ ея.

Широко раскидывалась передъ нею новая, необоримо влекущая жизнь; но еще робко замирала душа, порываясь на просторъ. Такъ молодая птичка, только-что почувствовавшая силу въ крыльяхъ, чуть взмахиваетъ ими, сидя на краю гнѣзда. Грудь ея жадно вдыхаетъ въ себя свѣжительный воздухъ встающаго утра; голубой безграничный просторъ манитъ ее... Еще мигъ — и молодыя крылья несутъ ее далеко-далеко отъ родинаго дерева, и не чуетъ она, что ужь надвигается откуда нибудь черная туча, которая омрачитъ это лучезарное утро.

ГЛАВА XIV.

Пара.

Капитонъ Валентинычъ, знающій рѣшительно все, даже и то, чего вовсе не знаетъ, не однажды уже сообщалъ своимъ знакомымъ, что по всѣмъ его соображеніямъ актеръ Мирвольскій и Ольга Гадаева неравнодушны другъ къ другу, или, правильнѣе, Мирвольскій ухаживаетъ за Ольгой, и Ольга неравнодушна къ его ухаживаньямъ. Соображенія Капитона Валентиныча были основаны на неопровержимыхъ по его мнѣнію свидѣтельствахъ. Два раза впродолженіе ярмонки посѣтилъ онъ Гадаевыхъ, и въ оба раза засталъ у нихъ Мирвольскаго. И это бы еще ничего: артистъ живетъ у нихъ въ домѣ; почему жь не бывать ему у хозяевъ? Дѣло въ томъ, что онъ исключительно говорилъ съ дочерью, только изрѣдка обращался къ маменькѣ и (что обличаетъ большое

незнаніе приличій) нехотя отвѣчалъ на вопросы Потатуйкина. Ольга тоже была занята однимъ Мирвольскимъ: по первому слову его садилась къ фортепіано и пѣла — пѣла именно то, что онъ хотѣлъ, тогда какъ Капитонъ Валентинычъ не допросится, бывало, спѣть ему любимый романсъ его: «Коварный другъ, но сердцу милый!» Не ясно ли дѣло, какъ солнечный день?

Всѣ, кому ни передавалъ свои наблюденія Капитонъ Валентинычъ, считали необходимымъ произнести посильное сужденіе о новоузнанномъ фактѣ, хотя бы Гадаевы были извѣстны имъ только по имени. Сужденія были разногласны, но большинство ихъ было противъ Ольги.

Такъ одна барыня, не выѣзжавшая съ тремя взрослыми дочками своими изъ голодаевскаго уѣзда и постоянно пламенѣвшая желаніемъ побывать въ Москвѣ и въ Петербургѣ, говорила:

— Вотъ вамъ и столичное воспитаніе! Влюбиться въ актера — Богъ знаетъ откуда и что за человѣка!.. Нѣтъ, ужь лучше пусть мои (подразумѣвалось: дочери) ничего не видятъ кромѣ Голодаева: по крайней мѣрѣ я увѣрена, что подобный пассажъ и въ голову имъ не придетъ. Богъ съ нимъ — и съ пѣніемъ (ни одна изъ дочерей этой дамы не пѣла), и съ англійскимъ языкомъ (ни одна не говорила по англійски)! Хоть и не на большую ногу воспитаны, а не влюбятся въ какого-нибудь актера. Помилуйте! вѣдь она же была въ обществѣ здѣсь принята... До того унизиться!

Другая маменька, косившаяся на Ольгу за то, что одинъ изъ голодаевскихъ молодыхъ людей, который выказывалъ прежде особенное расположеніе къ ея Машенькѣ (или Пашенькѣ), тотчасъ по пріѣздѣ Ольги вздумалъ ухаживать за нею, эта маменька отзывалась такъ:

— Не знаю, что тутъ удивительнаго находятъ! Что за птица такая эта Гадаева! Дочь приказнаго, управителя имѣ-

ніемъ — и больше ничего. Воспитана недурно да смазлива — вотъ и все. Не вижу никакой несообразности, если бъ она и замужъ вышла за актера, и на сцену поступила. Вольно жь было считать ее не знаю за что! Я при самомъ пріѣздѣ ихъ въ городъ сказала своей Машѣ (или Пашѣ): «будь ты подальше Гадаевой: она вовсе не компанія тебѣ ни по происхожденію, ни по... словомъ, ни по чему.»

Нѣкоторыя говорили своимъ дочкамъ:

— Пожалуста прекратите всякую дружбу съ Ольгой: она ведетъ себя неприлично.

Капитонъ Валентиныч, попавшій на этотъ разъ въ догадкахъ своихъ на правду, не остановился на распространенномъ имъ по городу слухѣ. Скоро послѣдовало къ нему прибавленіе, въ которомъ не было ужь ни капли истины.

Когда толки и пересулы объ Ольгѣ и Мирвольскомъ обошли всѣ улицы и большую часть домовъ въ Голодаевѣ, Потатуйкинъ рѣшилъ направить совсѣмъ отощавшихъ вятокъ своихъ въ Дворянскую Улицу и навѣстить Гадаевыхъ.

Его не приняли; горничная говорила, что Аграфена Петровна нездорова, а Ольга Васильевна не почивала по этому случаю цѣлую ночь, и теперь легла немного отдохнуть. Все это было очень обыкновенно и не могло бы, кажется, служить основой какой бы то ни было сплетнѣ.

Не такъ думалъ Потатуйкинъ.

— Слышали, говорилъ онъ встрѣчному и поперечному: — бѣдняжка-то Аграфена Петровна. .

И онъ останавливался, чтобы произвести больше эфекта на слушателя.

— Что такое?

— Больна! при смерти больна! совсѣмъ поражена этой любовью своей дочери къ Мирвольскому. Начала-было она говорить ей. «Я, говоритъ, слышать этого не хочу! Для того ли, говоритъ, графиня дала тебѣ такое воспитаніе?..»

ну, и прочее — понимаете, что можетъ говорить въ подобномъ случаѣ мать, и притомъ мать, которая любитъ дочь. Но та, что называется, и руками и ногами... «Я, говоритъ, жить безъ него не могу! готова, говоритъ, всѣмъ для него пожертвовать!» Это такъ подѣйствовало на бѣдную мать, что она слегла въ постель и теперь очень опасна.

— Скажите пожалуста! Какъ жаль старушку!

Ольгу очень и очень многіе называли неблагодарною, безчувственною, непочтительною дочерью, и все это только оттого, что какой-нибудь тунеядецъ съ сѣдымъ хохолкомъ, пользуясь тѣмъ, что языкъ безъ костей, мелетъ имъ съ утра до ночи.

Само собою разумѣется, что Мирвольскому пришлось услыхать немало тонкихъ намековъ на отношенія его къ Ольгѣ отъ губернской молодежи, съ большею частью которой онъ былъ знакомъ. Похвально или нѣтъ поступалъ Мирвольскій — пусть разсудятъ сами читатели: на всѣ вопросы, на всѣ намеки этого рода отвѣчалъ онъ почти такъ же, какъ, помните, отвѣчалъ Живягину.

Ольга, никуда не выѣзжавшая и почти не отходившая отъ постели матери (старушка опасно расхварывалась), не слыхала ничего изъ городскихъ сплетень. Но если бъ и слышала, онѣ вѣроятно огорчили бы ее не надолго: сердце ея было слишкомъ полно, и не будь больна Аграфена Петровна, Ольга чувствовала бы себя вполнѣ счастливою.

Она не вдавалась въ анализъ своего чувства: не разбирала, какъ зародилось оно въ ней, какъ развивалось; не думала о томъ, стоитъ ли Мирвольскій любви ея... Она ужь такъ слѣпо отдалась увлекавшему ее стремленію, что неожиданное объясненіе Мирвольскаго, въ которомъ было всего два три проблеска искренности, нисколько не показалось ей театральнымъ, и она вполнѣ повѣрила ему.

Мирвольскій поддерживалъ эту вѣру, являясь каждый

день. Свиданія были кратки, говорилось немного; но Ольга жила все остальное время дня воспоминаніемъ нѣсколькихъ минутъ, проведенныхъ съ Мирвольскимъ. Онъ и вполовину не чувствовалъ того къ Ольгѣ, что она къ нему; но — дѣвушка была такъ хороша! въ любви ея было столько обаятельнаго!..

Такъ прошло двѣ недѣли. На вопросы жильца о положеніи Аграфены Петровны, Ольга съ каждымъ днемъ грустнѣе и грустнѣе отвѣчала, что болѣзнь старушки все усиливается, и что-то мало надежды увидать ея выздоровленіе.

Однажды утромъ, когда Мирвольскій надѣвалъ перчатки, чтобъ ѣхать на репетицію, къ нему прибѣжала горничная Ольги звать его къ ней.

— Что такое? спросилъ онъ, выходя.

— Барышня проситъ васъ поскорѣе пожаловать, отвѣчала горничная: — барынѣ очень дурно... Ольга Васильевна опять цѣлую ночь глазъ не смыкали.

Мирвольскій поспѣшилъ и встрѣтилъ въ прихожей Гадаевыхъ доктора.

— Что, докторъ? спросилъ онъ.

— Плохо, плохо... никакой надежды. Развѣ до вечера доживетъ.

Торопливо вошелъ Мирвольскій въ первую комнату. Здѣсь встрѣтила его Ольга, блѣдная, утомленная, вся въ слезахъ.

— Павелъ Павлычъ, проговорила она, едва подавляя слезы: — она умретъ... что мнѣ дѣлать?

— Полноте, Богъ милостивъ...

— Нѣтъ... отвѣчала Ольга (слова ея прерывались рыданіями): — докторъ... сказалъ мнѣ...

— Докторъ можетъ ошибиться, возразилъ Мирвольскій: — не плачьте! успокойтесь!

Они вошли въ слѣдующую комнату. Ольга въ изнеможеніи опустилась на софу.

— Научите, сказала она, подымая глаза на Павла Павлыча: — что мнѣ дѣлать?

Онъ сѣлъ около нея и взялъ ее за обѣ руки.

— Зачѣмъ такъ отчаиваться? Надо надѣяться! Не плачьте!

Въ голосѣ Мирвольскаго, въ его глазахъ было столько участія, столько нѣжности, что Ольгѣ стало какъ-будто легче; но слезы все еще бѣжали у ней по щекамъ.

— Не плачь же, мой ангелъ! сказалъ Павелъ Павлычъ, цалуя ея руки.

— Боже мой! повторяла Ольга: — неужто она умретъ?

Мирвольскій употреблялъ всѣ старанія утѣшить дѣвушку и, прощаясь съ нею, чтобъ ѣхать на репетицію, обѣщалъ непремѣнно придти по возвращеніи, именно часа черезъ два.

— Пожалуста! сказала Ольга, вставая съ софы. — Боже мой! Боже мой! что мнѣ дѣлать?

Слезы опять заглушали ея голосъ.

— Все кончится хорошо... началъ говорить Мирвольскій, слегка обнимая ея станъ (ему казалось, что Ольга того и гляди упадетъ отъ усталости и волненія): — нечего плакать заранѣ. Полно...

И онъ, наклонясь, поцаловалъ ея прекрасные, нѣсколько разбитые волосы, до которыхъ въ это тревожное утро не прикасался гребень.

— До свиданья!

— До свиданья!

Ольга пошла въ спальню матери. Больная была въ безпамятствѣ.

Ольга остановилась у постели и смотрѣла на нее. Какъ измѣнилась старушка въ немного дней! Лицо ея осунулось и все покрылось темными морщинами; глаза ушли глубоко въ свои впадины; кожа на выступахъ костей лоснилась. Обычное добродушное выраженіе смѣнилось выраженіемъ страданія. Полураскрытыя губы покосились, носъ заострился

Ольга закрыла себѣ глаза платкомъ и отошла отъ постели.

Каждые полчаса слѣдовало давать больной лекарство. Она, казалось, ничего ужь не чувствовала, и лекарство вливали ей съ ложки въ ротъ независимо отъ воли ея. Нескончаемо долго тянулись для Ольги эти получасы.

Мирвольскій пріѣхалъ, какъ сказалъ, часа черезъ два. Присутствіе его не могло окончательно успокоить бѣдную дѣвушку; но все же ей стало при немъ гораздо легче.

Наступилъ вечеръ; спальня была освѣщена только одною лампадкой. Ольга отпустила отдохнуть неспавшую всю ночь и сильно уставшую горничную, и осталась одна около больной. Она придвинула къ самой постели низенькую скамейку и сѣла на ней, чтобъ имѣть передъ глазами небольшіе часы, стоявшіе на столикѣ у постели, и не пропустить времени дать больной лекарства. Безпрестанныя заботы о матери, нѣсколько безсонныхъ ночей и постоянное волненіе такъ утомили Ольгу, что едва опустилась она на скамейку, голова у ней закружилась, всѣ предметы заволоклись въ глазахъ ея туманомъ, сердце послѣ усиленнаго біенія замерло и дѣвушка упала головой на край постели, около самой подушки, на которой покоилась голова умирающей.

Во всемъ домѣ не слышалось живаго звука. На половинѣ Мирвольскаго не было никого: самъ онъ красовался въ это время на сценѣ, а слуга его любовался имъ изъ-за кулисъ; въ дѣвичьей одна горничная крѣпко спала, а другая шила что-то и тоже готова была отдаться дремотѣ. безпрестанно отуманивавшей глаза ея посреди всеобщаго молчанія, но не покидала работы, ожидая звонка или зова изъ спальни. Даже въ кухнѣ и людской было тихо: поваръ завалился спать, и сна ждалъ недолго, а кучеръ отлучился побалагурить у сосѣднихъ воротъ съ знакомыми дѣвками.

Все блѣднѣе и блѣднѣе мерцала догарающая лампадка въ спертомъ и душномъ воздухѣ спальни. Больная лежала непо-

движно, и можно было бы подумать, что она уже перестала быть больною, если бъ слабое дыханіе ея не пошевеливало изрѣдка волосъ Ольги. Часы въ этотъ день забыли завести, и частое мѣрное чиканье ихъ, слабѣя понемногу, наконецъ совсѣмъ стихло. Голова дѣвушки лежала такъ же неподвижно, какъ голова больной. Обморокъ ея мало по малу перешелъ въ сонъ. Лохматая дворовая собака, скребя передними лапами землю у своей конуры, потихоньку завыла, какъ-будто боялась нарушить болѣе громкимъ звукомъ безмолвіе дома. Этотъ сдержанный вой или, лучше сказать, стонъ мимолетомъ коснулся слуха Ольги; но не пробудилъ ея: глубокій сонъ безъ видѣній и грезъ овладѣлъ всѣми ея чувствами.

Вдругъ неподвижныя черты лица больной какъ-будто оживились; она открыла глаза, и устремила ихъ впередъ, словно высматривала что-то; сухія губы ея зашевелились, произнося неслышныя слова; костлявая рука ея, выставленная изъ-подъ одѣяла, судорожно искала чего-то; коснувшись волосъ безчувственно спавшей дѣвушки, рука вздрогнула и тяжело легла на горячую голову. Губы больной перестали шевелиться, глаза остановились, голову ея повело назадъ, какъ отъ глубокаго вздоха.

Горничная, сидѣвшая за шитьемъ, вдругъ вскинулась отъ овладѣвшей ею дремоты.

— Съ нами крестная сила! проговорила она, крестясь и быстро вставая съ мѣста. — Агаша! Агаша! (Она принялась дергать за руку другую, спавшую дѣвушку.) — Вставай! скорѣе!

— Что тебѣ? спросила та, съ усиліемъ пробуждаясь.

— Встань пожалуста! посиди со мной! Я боюсь. Сейчасъ вотъ задремала — вдругъ слышу надъ самымъ ухомъ барынинъ голосъ; будто она наклонилась ко мнѣ, и спрашиваетъ: «гдѣ Леля?» страшно такъ спрашиваетъ... Какъ от-

крыла я глаза, словно мелькнула она передо мной—вонъ къ той двери.

— Надо въ спальню пойти; не звонила ли барышня... Можетъ, это тебѣ съ просонья-то колокольчикъ почудился голосомъ.

— Ужь и я съ тобой пойду, одна здѣсь ни за что не останусь; меня со страху просто лихорадка бьетъ.

— Пойдемъ.

Онѣ пошли.

Дверь отворилась безъ малѣйшаго шума; въ комнатѣ было почти совсѣмъ темно; лампада готова была погаснуть, какъ только-что погасло пламя болѣе сильное. Дѣвушки осторожными шагами приблизились къ постели. Рука усопшей лежала еще на головѣ глубоко-спящей Ольги, какъ-будто усопшая благословляла дочь. Горничныя остановились въ испугѣ. Вѣянье смерти чувствовалось около постели.

Агаша безсознательно протянула руку къ головѣ Ольги и легонько прикоснулась пальцами къ рукѣ мертвой. Съ испугомъ отдернула она свою руку, быстро отступила отъ кровати и произнесла дрожащимъ шопотомъ:

— Мертвая!

— Господи! проговорила другая горничная, крестясь.

— А барышня-то уснула.

Агаша наклонилась къ Ольгѣ, взглянула ей въ лицо и прислушалась къ ея дыханію.

— Почиваетъ, и не чуетъ видно ничего.

И Агаша, и другая дѣвушка заплакали.

— Снять бы руку-то у нея съ головы, проговорила одна.

— И то.

Рука была холодна и тяжела.

— Остыла ужь, сказала плача Агаша.

Едва сняла она руку мертвой съ головы Ольги, Ольга

открыла глаза; во взорѣ ея, брошенномъ на горничныхъ, выразилась сильная душевная тревога.

— Что вы? сказала она такъ громко, какъ никогда не говорила у постели больной.

Мигомъ поднялась она со скамейки, опустила голову къ груди матери, припала губами къ ея холоднымъ рукамъ, и громкія рыданія огласили тѣсную комнатку.

Красноярскій купчикъ Кондрашовъ, тотчасъ по окончаніи спектакля появившійся за кулисами, тщетно въ самыхъ изысканно-льстивыхъ выраженіяхъ умолялъ Мирвольскаго принять участіе въ заказанномъ у Бубнова ужинѣ, на которомъ кромѣ главныхъ членовъ труппы обѣщалъ присутствовать и самый глава ея — Осипъ Ѳомичъ Наруковичъ. Мирвольскій наотрѣзъ отказался. Какое-то темное предчувствіе говорило ему, что присутствіе его необходимо дома. Поспѣшно отправился онъ со сцены въ уборную, наскоро переодѣлся и поѣхалъ въ городъ. Прежде всего, когда онъ подъѣхалъ къ дому, поразили его полоски свѣта, пробивавшіяся на улицу сквозь затворенные ставни; сердце у него какъ-будто сжалось немного. Переступивъ порогъ калитки, онъ узналъ все. Въ надворныя окна, у которыхъ вовсе не было ставней, виднѣлись толстыя восковыя свѣчи въ высокихъ подсвѣчникахъ и черная фигура монахини, наклоненной надъ налоемъ.

Въ одну секунду былъ Мирвольскій уже у стола, на которомъ лежала покойница. Тихій голосъ псаломщицы сливался съ рыданіями Ольги, которая молилась около нея, припавъ лицомъ къ полу. Мирвольскій сталъ рядомъ на колѣни и нѣжно приподнялъ плачущую дѣвушку.

— Это вы? едва внятно произнесла Ольга, обращая блѣдное лицо къ Мирвольскому и не видя его сквозь слезы.

— Встаньте, Ольга, сказалъ онъ: — сядьте и успокойтесь немного! Слезы совсѣмъ растроятъ васъ.

Онъ взялъ изъ рукъ ея платокъ и приложилъ его къ глазамъ дѣвушки.

— Полноте!

— Не могу...

Рыданія душили ее.

— Пройдите въ ту комнату!

Мирвольскій вывелъ Ольгу и притворилъ дверь, чтобы печально-однообразный голосъ чтицы не слышался такъ явственно.

— Сядьте!

Ольга сѣла.

— Что будетъ со мной? вскрикнула она, закрывая лицо руками.

Мирвольскій сталъ на одно колѣно на коврѣ около нея.

— Зачѣмъ вы такъ отчаиваетесь? Что же дѣлать! Аграфена Петровна была ужь въ такихъ лѣтахъ... Плакать и плакать — этимъ не измѣнить того, что случилось.

— Боже мой! у меня теперь... никого не осталось...

— Я остался съ тобой, Ольга, сказалъ Мирвольскій, взявъ обѣ руки ея и нѣжно прикасаясь къ нимъ губами: — со мною тебѣ нечего бояться.... я готовъ слѣдовать за тобою вездѣ, вездѣ... готовъ быть для тебя всѣмъ — отцомъ, братомъ, мужемъ.

Ольга пыталась остановить свои слезы, но всѣ ея усилія были напрасны.

— Успокойся же, дитя мое! повторялъ Мирвольскій.

Онъ поднялся съ ковра и сѣлъ на софѣ около Ольги.

— Успокойся! твои слезы горьки и для умершей: душа ея носится еще надъ нами.

Ольга хотѣла говорить, но не могла произнести ни слова.

Павелъ Павлычъ наклонилъ къ себѣ на грудь ея голову.

Онъ нѣжно гладилъ ея волосы, цаловалъ ихъ и кротко утѣшалъ ее. Вопли изнуренной, обезсиленной Ольги скоро

стали затихать, и она незамѣтно заснула, изрѣдка вздрагивая отъ слезъ и во снѣ, какъ ребенокъ.

Мирвольскій знаками велѣлъ заглянувшей въ комнату горничной принести подушку; уложилъ на нее голову Ольги и удалился.

Если рыжія вятки Капитона Валентиныча, стоя у чужихъ подъѣздовъ и думая о недоѣденномъ кормѣ, сравнивали когда-нибудь одинъ съ другимъ свои трудовые дни, то конечно день, наканунѣ котораго скончалась Аграфена Петровна Гадаева, онѣ должны были считать однимъ изъ самыхъ тяжелыхъ дней своей жизни. Руководимый какимъ-то чутьемъ, Потатуйкинъ сдѣлалъ въ это утро первый визитъ свой къ покойницѣ. Онъ наговорилъ съ три короба разныхъ безтолковыхъ утѣшеній Ольгѣ, и пустился по городу, желая быть вездѣ первымъ вѣстникомъ и отчасти истолкователемъ печальнаго происшествія.

— Вообразите! начиналъ онъ свой расказъ: — несчастная старушка!.. Вы конечно слышали?

— Что такое?

— Умерла.

— Кто? кто?

— Аграфена Петровна Гадаева.

— Ахъ, Боже мой!

— Давно ли, кажется, была здорова? Помните, въ театрѣ тогда..

— Да, да.

— Грѣхъ на душѣ дочери. Она свела въ могилу ее, бѣдняжку.

— Неужто Аграфена Петровна умерла именно отъ этого огорченія?

— Какъ же!

— Богъ накажетъ такую дочь. Были вы тамъ? что, какъ она?

— Плачетъ конечно; но плачетъ, разумѣется, больше отъ сознанія своей вины, нежели отъ сожалѣнія о матери.

Похороны Аграфены Петровны совершились тихо. За гробомъ шло нѣсколько старушекъ, давнихъ знакомыхъ покойницы, да Мирвольскій и Потатуйкинъ, который тоже почелъ приличнымъ отдать послѣдній долгъ умершей.

Прямо съ кладбища Капитонъ Валентиныч пріѣхалъ пить кофе къ той дамѣ, которая находила, что Ольга Гадаева вовсе не компанія ея Машѣ (или Пашѣ).

Когда гость сообщилъ ей, что въ числѣ провожавшихъ гробъ былъ Мирвольскій, дама спросила:

— Да скажите пожалуста, Капитонъ Валентиныч, чѣмъ же должны кончиться эти ухаживанья? Жениться онъ хочетъ на ней что-ли?

— Вѣроятно, отвѣчалъ Капитонъ Валентинычъ: — а впрочемъ кто его знаетъ!

— И на ваши глаза она не прочь сдѣлать такую партію?

— Помилуйте! да ужь это между ними едва ли не рѣшено. Покойница Аграфена Петровна ..

И Потатуйкинъ начиналъ старую небывальщину о горѣ старухи Гадаевой, бывшемъ причиною смерти ея.

— Я всегда говорила, замѣчала хозяйка: — что Мирвольскій и Ольга сошлись, тутъ нѣтъ ничего удивительнаго, и признаюсь, удивляюсь одному: отчего было тутъ убиваться старухѣ матери. Чѣмъ они не пара? Ну скажите сами, Капитонъ Валентинычъ!

— Оно, точно, если строго разсудить, отвѣчалъ Капитонъ Валентинычъ, обдергивая свой коротенькій жилетъ:— ваша правда.

ГЛАВА XV.

Разныя дороги.

— Что такое наша жизнь? глубокомысленно спрашиваетъ Осипъ Ѳомичъ, выпивая однимъ духомъ рюмку мадеры и потомъ ставя рюмку на столъ такъ сильно, что донышко ея чуть не отлетаетъ отъ ножки.

Философскій вопросъ этотъ обращенъ къ четыремъ собесѣдникамъ Наруковича, обѣдающимъ съ нимъ въ трактирѣ у Воропаева. Собесѣдники — Живагинъ, Гудковъ, Румаковскій и купчикъ Кондрашовъ, который и есть учредитель и хозяинъ обѣда. Завтра почтовая пара понесетъ его, гремя бубенчиками, изъ пріюта наслажденій, именуемаго Голодаевомъ, въ далекій, слишкомъ знакомый и потому скучный родной его городъ; на прощаньѣ онъ угощаетъ артистовъ, какъ людей, которые доставили ему много наслажденія взамѣнъ переплаченныхъ имъ въ кассу театра рублей Особенно пріятно купчику упрочить за собою снисканное уже отчасти расположеніе Осипа Ѳомича, какъ виновника бытія очаровательной дѣвицы, которая, какъ извѣстно, завладѣла его сердцемъ.

— Что такое наша жизнь? повторяетъ Осипъ Ѳомичъ, придвигая рюмку къ Кондрашову, который не упускаетъ случая снова наполнить ее мадерой.

Вѣроятно считая вопросъ неразрѣшимымъ, артисты не отвѣчаютъ и прилежно занимаются только-что принесенными на столъ жареными цыплятами.

— Жизнь наша есть путешествіе, отвѣчаетъ Ѳомичъ на свой вопросъ. — Не такъ ли, Вася?

— Да, говоритъ Живагинъ, глодая крыло цыпленка: — жизнь — путешествіе, а человѣкъ — путешественникъ.

— Именно путешественникъ! восклицаетъ Наруковичъ, очень довольный, что его поняли. — Вотъ и мы, и мы путешественники.

— Охъ, ужь такіе-то путешественники, замѣчаетъ съ нѣкоторою горечью Живягинъ: — что отъ дороги бока ноютъ.

— Ахъ, Вася! говоритъ умильнымъ голосомъ Ѳомичъ, успѣвшій въ это время проглотить еще двѣ рюмки чего-то: — зачѣмъ, братецъ, роптать?

И онъ прижимаетъ къ груди руки, какъ бы умоляя трагика не роптать.

Трагикъ машетъ рукой и говоритъ улыбаясь:

— Вотъ расфантазировался! Ты скажи-ка лучше, много ли ты накопилъ здѣсь денегъ?

Ѳомичъ укорительно качаетъ головой и быстро лепечетъ:

— Ахъ, Вася, Вася, Вася!

Въ это время совершенно неожиданно рука Гудкова, подмигивающаго Румаковскому (оба уже навеселѣ), просовывается подъ мышкой Осипа Ѳомича и щупаетъ его нагрудникъ.

— Мягко, говоритъ комикъ, щуря глаза и хрипло хихикая.

Ѳомичъ въ сердцахъ вскакиваетъ со стула. Хотя пріятный ходъ и неменѣе пріятное окончаніе дѣлъ заставили его забыть на время свои строгія правила, однако не позволитъ же онъ никому забываться въ обращеніи съ собой.

— Это что такое! кричитъ Ѳомичъ. — Какъ тебѣ не стыдно, милый!

— Чего ты сердишься-то? Вотъ, пошутить нельзя!

— Что за шутки!

— Ну полно! говоритъ смѣясь Живягинъ: — садись! Вѣдь ты самъ же сказалъ, что жизнь есть путешествіе, а безъ прогонъ далеко не уѣдешь.

— Путешествіе... остроумно замѣчаетъ Гудковъ: — человѣкъ — путешественникъ. Послушай, Осипъ Ѳомичъ! вѣдь путешественникъ-то — ты, а мы лошади.. ха! ха! ха! мы тебя... ха! ха! ха! веземъ.

Смѣху Гудкова вторятъ и Живягинъ, и Румаковскій; но Ѳомичъ все еще дуется, хотя и сѣлъ уже на свое мѣсто

— Такъ или нѣтъ? спрашиваетъ Гудковъ, обращая къ нему свое раскраснѣвшееся и лоснящееся лицо: — вѣдь веземъ?

— Ну да! говоритъ Осипъ Ѳомичъ такъ серіозно, что Гудковъ принимается хохотать еще сильнѣе.

— Выпей-ка вотъ лучше, совѣтуетъ Наруковичу Живягинъ, придвигая къ нему стаканъ портвейну. — Этакъ дѣло-то будетъ складнѣе.

Антрепренеръ не отказывается, и по мѣрѣ того, какъ портвейнъ проходитъ глотокъ за глоткомъ къ нему въ желудокъ, чело его проясняется. Опорожненный стаканъ поставленъ на столъ, и на лицѣ Ѳомича нѣтъ уже ни облачка неудовольствія.

Желая перемѣнить разговоръ, принявшій такое непріятное направленіе, безмолвный дотолѣ купчикъ предлагаетъ антрепренеру вопросъ: куда отправится трупа его изъ Голодаева.

— Поѣдемъ въ Тугаринъ, отвѣчаетъ Ѳомичъ: — хоть мѣсто и не больно бойкое, а все же лучше, чѣмъ тутъ.

— Отчего же здѣсь вы не остаетесь? спрашиваетъ купчикъ.

— Не сложа же руки сидѣть!

— Да вѣдь Голодаевъ городъ не маленькій; можетъ, кажется, поддерживать постоянный театръ.

— Какъ не поддержать!.. Пустилъ бы я тебя попробовать! Ужь бывали опыты. Здѣсь всѣ къ ярмонкѣ только и копятъ деньги — тутъ раскошутся; а то живутъ какъ въ захолустьѣ какомъ.

— А на будущій годъ пріѣдете сюда къ ярмонкѣ-то?

— Пріѣдемъ; ужь это дѣло теперь покончено: театръ за мной.

— Въ Тугаринѣ до самой ярмонки пробудете?

— Нѣтъ; съ голоду-то помирать еще не припала охота. До зимы можно пожить — куда ни шло! а зимой надо будетъ другаго мѣстечка поискать, потеплѣе да посытнѣе.

— Такъ зимой-то куда же вы думаете?

— А опять туда же, откуда сюда подъявились — въ Камскъ.

Эти расспросы прерываетъ Живягинъ предложеніемъ сразиться на биліардѣ, такъ-какъ обѣдъ уже конченъ. Купчикъ очень радъ этому; но находитъ, что одной распитой пятерыми бутылки шампанскаго вовсе недостаточно для хорошаго расположенія духа, и что слѣдуетъ предварительно выпить еще бутылочку. Дѣльная мысль одобряется единогласно. Бутылка выпита, и всѣ идутъ кто прямо, кто немного пошатываясь— въ мезонинъ, гдѣ на этотъ разъ не встрѣчаетъ ихъ громозвучное пѣнье цыганскаго хора: на ярмонкѣ уже мало осталось меломановъ. Но Кондрашовъ тотчасъ приводитъ въ движеніе полусонное цыганское народонаселеніе трактира, и Наруковичъ, порывавшійся уйти домой (какъ бы не переступить границъ благоразумной умѣренности!), остается еще на нѣкоторое время какъ прикованный удалыми пѣснями. Вотъ и шары застучали на биліардѣ... Красноярскій купчикъ — увы! дѣлаетъ ежеминутно киксы и партія за партіей проигрываетъ немаловажную сумму сначала Живягину, потомъ Гудкову.

Пирушка, какъ по всему видно, кончится не скоро: собесѣдники разгулялись. Осипъ Ѳомичъ готовъ бы остаться съ ними, но внутренній голосъ его, навремя смолкшій при пѣньѣ цыганъ, снова слышится ему изъ глубины души. Онъ ускользаетъ изъ веселаго общества, и никто къ несчастію не замѣ-

часть его таинственнаго ухода. Какъ и не уйти, скажите! Вѣдь на слѣдующее утро надо вставать пораньше и приниматься за сборы въ дорогу. .

Сборы идутъ довольно успѣшно, хоть и не безъ нагоняевъ косолапому Антипу. Опять свиваются занавѣсы, разбираются и сваливаются въ груды кулисы, являются на сцену ящики и сундуки, и отверзаютъ глубь свою разнохарактернымъ костюмамъ, разношерстнымъ парикамъ и прочему театральному хламу.

Ѳомичъ ощущаетъ совершеннѣйшее довольство собою и своею ярмоночною дѣятельностью. Ни одинъ изъ членовъ труппы не можетъ также сѣтовать на городъ Голодаевъ и его ярмонку... Напримѣръ хоть бы Живягинъ — правда, онъ не пользовался особенно горячею любовью публики (встрѣчали его такъ-себѣ, какъ и всякого другаго), но за то имѣлъ онъ удовольствіе видѣть огромный успѣхъ на сценѣ жены. Къ тому жь и время провелъ очень весело, и карманныя обстоятельства поправилъ: не говоря ужь объ отличныхъ сборахъ въ бенефисы его самого и его супруги, какъ не поблагодарить судьбу за знакомство съ Кондрашовымъ, котораго пришлось порядкомъ-таки огрѣть на биліардѣ. Гудковъ, Румаковскій и Вилковъ провели время не скучнѣе своего товарища; ежедневно почти случалось имъ угощаться на чужой счетъ и дѣлать нѣкоторое приращеніе къ скудному жалованью своему биліардными выигрышами. Дѣвицы, за исключеніемъ развѣ старшей Сизогубовой, готовы единогласно подтвердить мнѣніе мужчинъ, что время пребыванія ихъ на ярмонкѣ было очень пріятною порой. Если сначала дочка Осипа Ѳомича и негодовала на холодность къ себѣ голодаевской публики и на Живягину, перешедшую ей дорогу, то потомъ успѣхъ ея въ водевилѣ и быстрое обогащеніе ея гардероба загладили понемногу память огорченій и внесли много радости въ сердце. Дѣвица Колчанова можетъ теперь придавать еще большій блескъ своей величественной красотѣ посредствомъ новыхъ платьевъ и нѣ-

которыхъ галантерейныхъ вещицъ, и этимъ вполнѣ удовлетворено ея самолюбіе.

Темнымъ пятномъ въ пріятной картинѣ всеобщаго довольства является только чета Рѣшиловыхъ...

Не умолкаетъ ворчанье ванюшиной родительницы, и угрюмъ Матвѣй Михайлычъ. Къ тому жь въ послѣднее время онъ облекся какою-то таинственностью. Онъ сталъ подыматься по утрамъ такъ рано, какъ никогда прежде не подымался, и сидитъ по цѣлымъ часамъ надъ книгой, которую прячетъ, какъ только въ домѣ начнутъ просыпаться. Во время чтенія лицо его принимаетъ свирѣпое выраженіе.

Скоро двинутся изъ Голодаева извѣстныя три фуры, и слѣдомъ понесется бричка, обгонитъ ихъ, и не безъ гордости выглянетъ на нихъ изъ нея зеленоглазая дочка Наруковича.

Мирвольскій тоже собирается въ путь. Онъ заѣзжаетъ въ театральное зданіе окончательно расчитаться съ антрепренеромъ и проститься какъ съ нимъ, такъ и съ его артистами.

— Знаешь ли, Павелъ Павлычъ? говоритъ Осипъ Ѳомичъ, отсчитывая Мирвольскому небольшую сумму, остававшуюся за нимъ: — знаешь ли? не будь у тебя сдѣлано это условіе съ Мыльниковымъ — ужь не отпустилъ бы я тебя; вотъ передъ Богомъ, не отпустилъ бы. Ну, а какъ ты-то, милый? Вѣдь и ты, чай, остался бы? а!.. Кажется, нечего тебѣ на меня жаловаться: растаемся друзьями.

— Разумѣется, говоритъ Мирвольскій: — мнѣ бы не зачѣмъ другаго мѣста искать.

— Не поминай насъ лихомъ!

— Тебѣ, Осипъ Ѳомичъ, надо хорошенько позаботиться о составѣ труппы: больно вѣдь у тебя жидки актеры-то. Живягинъ съ женой и Гудковъ — вотъ и все; остальные только слава, что актеры.

— Погоди, милый! погоди! лепечетъ Ѳомичъ, опуская голову и махая надъ нею руками. — Вспомни, давно ли я

взялся за это дѣло! Что называется, безъ году недѣля. Когда было успѣть привести это въ настоящій видъ?.. Ты вѣдь могъ видѣть: денегъ я жалѣю что-ли, когда нужно?.. Ну, вотъ хоть ты... Что запросилъ ты съ меня, то и далъ я тебѣ.

— Ну, несовсѣмъ то.

— Э-эхъ, Павелъ Павлычъ! вотъ ужъ ты и несправедливъ... Справедливость — первое дѣло!.. Разсуди-ка ты какъ слѣдуетъ, безпристрастно, забудь, что дѣло было съ тобой, вмѣсто себя вообрази другаго. Да этого ни одинъ содержатель не сдѣлаетъ — ей-Богу же, ни одинъ не сдѣлаетъ... Я тебя сразу принялъ, сразу большія деньги далъ, а слышалъ ли, какъ ты и читаешь-то?

— Еще бы...

— Ужь что ты ни говори, торопливо перебиваетъ антрепренеръ: — ни одинъ содержатель не сдѣлаетъ этого — ни одинъ, хоть ты всѣхъ перебери, сколько ихъ есть въ Россіи. Или вотъ хоть Вася... Жена его была у меня прежде на вторыхъ роляхъ... Приходитъ онъ ко мнѣ просить прибавки: жалованье брала небольшое, а заняла первое амплуа... Да я и не пикнулъ! «Сколько тебѣ?» спрашиваю. — «Столько-то.» — «Изволь!». И разговору больше никакого нѣтъ.

— Благодарю тебя за дружбу, говоритъ Мирвольскій, подавая руку Осипу Ѳомичу. — Прощай! Авось и сойдемся опять когда-нибудь.

— Прощай, Павелъ Павлычъ! поцалуемся, милый.

Объятія и поцалуи.

— Ужь я на тебя буду расчитывать; какъ отудобишь срокъ у Мыльникова, прямо пріѣзжай ко мнѣ: какъ брату родному буду радъ. Да нельзя ли тебѣ будетъ какъ-нибудь сдѣлаться съ Мыльниковымъ, чтобъ опять намъ вмѣстѣ здѣсь-то быть?

— Посмотрю тамъ. Если можно будетъ, такъ отчего же и не пріѣхать?

— Славно было бы.

— Прощай однако, Осипъ Ѳомичъ! Мнѣ еще надо похлопотать кой о чёмъ для дороги; времени остается не много.

— Когда ѣдешь-то?

— Завтра.

— Ну прощай! будь здоровъ! Не забывай же объ насъ-то; черкни иногда словечко, другое: что и какъ тамъ у Мыльникова?

— Ладно. Прощай.

Мирвольскій выходитъ, Наруковичъ провожаетъ его съ лѣстницы.

— Ахъ, да! говоритъ онъ тутъ: — вотъ, вѣдь все въ умѣ у меня вертѣлось, а такъ-таки и забылъ тебя спросить...

— Что такое?

Лицо Ѳомича принимаетъ выраженіе таинственности, и онъ шопотомъ спрашиваетъ:

— Что у тебя вышло тамъ съ дочерью хозяйки твоей?

— Ничего, отвѣчаетъ Мирвольскій, повидимому удивленный этимъ вопросомъ.

— А у насъ ужь Богъ знаетъ что распустили...

— Именно?

— Одинъ говоритъ — жениться ты вздумалъ, другой...

— Все вздоръ, пустяки, перебиваетъ Мирвольскій, торопливо пожимая руку антрепренера. — Прощай!

Наскоро простился онъ съ артистами, и изъ театра ѣдетъ къ экипажному мастеру Прохорову справиться, отправлена ли къ нему на квартиру дорожная карета, заказанная имъ взамѣнъ брички, по пріѣздѣ въ городъ. Карету сейчасъ отправили; Мирвольскій расплачивается и ѣдетъ домой.

Ему попадается на Дворянской Улицѣ Капитонъ Валентиныч, стремящійся на истомленныхъ вяткахъ къ одной

очень милой дамѣ, именно Аннѣ Евграфовнѣ Шилохвостовой.

Анна Евграфовна встрѣчаетъ его чуть не съ распростертыми объятіями.

— Что хорошенькаго? спрашиваетъ она, распорядившись предварительно объ угощеніи гостя кофеемъ и трубкой.

— Хорошенькаго мало, Анна Евграфовна, отвѣчаетъ Потатуйкинъ: — ярмонка кончилась; всѣ почти разъѣхались: опять начнется у насъ въ городѣ прежнее однообразіе, прежняя скука

— Не слыхали ль вы чего о Галаевой?

— Какъ не слыхать! Домъ, какъ вы знаете, она продала...

— Продала? Впервые слышу. Кому же?

— Клочкову, Ильѣ Никитичу, что въ опекѣ служитъ.

— Вотъ какъ! Стало быть дѣло у нихъ совсѣмъ рѣшено?

— Совсѣмъ, совсѣмъ.

— А мебель она не продаетъ?

— Какъ же! и мебель продаетъ. Все, что у нихъ въ гостиной стояло, купилъ Скачковъ; фортепіано торговала Тереза Христофоровна, да кажется не сошлись въ цѣнѣ.

— Ахъ, надо бы съѣздить! Хоть мнѣ изъ мебели и ничего не нужно, а все-таки побываю. Посмотрю, какъ-то она...

— Вы думаете, увидите Ольгу Васильевну?

— Да.

— Никому не показывается; ко всѣмъ выходитъ горничная — съ ней и объясняйся!

— Полноте?

— Ужь чего, кажется, я!.. старинный знакомый; съ покойницей Аграфеной Петровной, можно сказать, друзьями были. И что же? какъ вы думаете? разъ пять заѣзжалъ. «Не принимаютъ» да «не принимаютъ». Только и словъ. «Да

скажи, говорю дѣвкѣ, Капитонъ Валентиновичъ молъ пріѣхали. Навѣрно приметъ.» Пошла. Возвращается. «Ну, что?» спрашиваю. «Все равно, говоритъ. Не принимаютъ». Какъ вамъ это нравится?

— Да это по моему просто невѣжество.

— И отъ всѣхъ знакомыхъ отдалилась — какъ отрѣзала.

— Ска-ажите!.. Когда же они ѣдутъ-то?

— На дняхъ.

Кофе выпитъ, трубка выкурена; гость цалуетъ ручку у Анны Евграфовны (причемъ получаетъ поцалуй отъ нея въ щеку) и, раскланявшись, уѣзжаетъ.

Между-тѣмъ Тереза Христофоровна, Кунце, супруга голодаевскаго аптекаря, отправляется на длинной линейкѣ съ тремя дочерьми въ домъ, перешедшій на дняхъ во владѣніе служащаго въ опекѣ Ильи Никитича Клочкова. Три барышни пробуютъ тамъ поочередно тонъ фортепіана и конечно находятъ его пріятнымъ, потому-что говорятъ мамашѣ по нѣмецки, что за инструментъ можно дать назначенную цѣну. Тѣмъ не менѣе маменька старается выторговать хоть нѣсколько рублей, выторговываетъ ихъ, и фортепіано остается за нею. Кстати госпожа Кунце покупаетъ почти всю остающуюся непроданною мебель (ее уступаютъ за безцѣнокъ), и очень довольная возвращается съ тремя дочками своими домой.

Тонкія нити, привязывавшія Ольгу къ городу Голодаеву, всѣ разсѣчены, и вотъ, на разсвѣтѣ слѣдующаго дня, катится по голодаевскимъ улицамъ дорожная карета, сооруженная Прохоровымъ — катится къ заставѣ — катится за заставу — по туруханской дорогѣ — и чрезъ минуту не усмотритъ ея даже и часовой, расхаживающій на высокой полицейской каланчѣ, съ которой видна окружность на пятнадцать верстъ.

Карета катится быстро; березки, образующія алею по сторонамъ дороги, бѣгутъ навстрѣчу; Агаша дремлетъ въ

кабріолетѣ позади кареты; въ самой каретѣ Мирвольскій подсмѣивается надъ Ольгой, что она не можетъ перестать плакать, и Ольга улыбается сквозь слезы.

ГЛАВА XVI.

Новая стая.

Зной невыносимъ; все живое изнемогаетъ въ городѣ Турухтанскѣ, начиная съ губернатора, который не можетъ найти себѣ прохладнаго убѣжища въ подгородномъ лѣтнемъ домѣ, и превратилъ бы, если бъ только дозволяло приличіе, какой-нибудь сырой погребъ, сарай или подвалъ въ кабинетъ и пріемную, все изнемогаетъ, начиная съ этого представителя турухтанскаго человѣчества и кончая голубями, которыхъ крылатые эскадроны грустно разсѣлись по карнизамъ подъ кровлями домовъ, ища хотя слабой тѣни. Всѣ, кого обстоятельства обрекаютъ оставаться безвыѣздно въ городѣ, навѣрно прониклись бы глубокою завистью къ счастливцамъ, благоденствующимъ въ уединенныхъ деревенскихъ пріютахъ, подъ животворною тѣнью рощи, и проч.; но городскіе жители не могутъ чувствовать въ эту минуту ничего кромѣ жара, единственная забота властвуетъ ими — забота спастись отъ жгучихъ солнечныхъ лучей. Ни одного экипажа не показывается на мягкой почвѣ улицъ — и слава Богу! Присоединись къ этому погибельному зною неосязаемо-мелкая пыль (одна изъ характеристическихъ особенностей Турухтанска), тогда хоть бѣги вонъ изъ города. Старожилы не запомнятъ такого лѣта. Смотритель мѣстныхъ уѣзднаго и приходскаго училищъ, человѣкъ въ высокой степени любознательный, ведетъ въ теченіе тридцати слишкомъ лѣтъ дневникъ метеорологическихъ наблюденій; ему можно вѣрить, а онъ говоритъ, что со времени возникновенія его

дневника только однажды лѣто было такъ же знойно какъ нынче — именно восемнадцать годовъ тому назадъ; но что столь частыхъ случаевъ бѣшенства собакъ тогда не встрѣчалось. Теперь же подобные случаи вынуждаютъ полицію принимать строгія мѣры, и по вечерамъ, только спадетъ жаръ, производится поголовное избіеніе собакъ, безъ пристанища скитающихся на улицахъ.

Зной лишаетъ способности заниматься не только дѣломъ, даже бездѣльемъ, лишаетъ способности думать, способности спать и ѣсть... Все замерло въ бездѣйствіи. Жизнь проявляется только въ мухахъ, которыя родятся шумными роями подъ каждымъ лучемъ солнца; онѣ толкутся повсюду, безотвязно льнутъ ко всѣмъ, и несносный зной по милости ихъ еще несноснѣе. Число ихъ — легіонъ.

— Боже мой! совсѣмъ хоть умирай! говоритъ чуть не со слезами на глазахъ расположившаяся-было уснуть Маргарита Прокофьевна Бушуева, первая актриса туруханскаго театра.

Она сдергиваетъ съ лица кусокъ кисеи, которымъ думала защититься отъ мухъ, и опускаетъ ноги съ кушетки.

— Что? не можешь заснуть? спрашиваетъ младшая сестра ея, тоже прилегшая отдохнуть на диванъ въ той же комнатѣ.

— Нѣтъ никакой возможности: и въ ротъ и въ глаза лѣзутъ эти проклятыя мухи, да и духота ужасная! Покрылась-было кисеей, такъ совсѣмъ дышать не могу.

А еще и ставни затворены! Впрочемъ мухъ не обманешь. Въ маленькія квадратныя прорѣзи ставней онѣ очень хорошо видятъ, что теперь не ночь, а напротивъ самый яркій, зовущій къ жизни день. Будь эти прорѣзи заткнуты, мухи все-таки не разсядутся дремать на потолкѣ и по стѣнамъ: обманъ обличатъ эти чуть замѣтныя щели, которыя

пролегаютъ золотыми полосками по темнымъ доскамъ ставней.

Маргарита Прокофьевна покидаетъ кушетку.

— И мнѣ что-то не спится, замѣчаетъ сестра, тоже вставая съ дивана.

— Не отворить ли ставни? Въ потьмахъ такая тоска.

— Одну половину развѣ.

Мухи съ шумною радостью налетаютъ на полосу свѣта, пропускаемаго отворенною половинкой.

— Ахъ, Надя! говоритъ, обмахиваясь платкомъ, Маргарита Прокофьевна: — хоть бы квасу ты принесла: терпѣнья нѣтъ, какая жара. Да нѣтъ ли теперь вѣтру? окно бы открыть.

Надя не совѣтуетъ: въ комнатѣ будетъ пожалуй еще жарче; она идетъ за квасомъ.

Маргарита Прокофьевна одѣта очень легко: на ней просторная бѣлая кисейная блуза съ открытымъ воротомъ и короткими, широкими рукавами; но и эта легкая одежда кажется тяжелою. Просто нестерпимо! Не нагишомъ же сидѣть! Она принимается ходить изъ угла въ уголъ, чтобы дать хоть какое-нибудь движеніе сонному, тягостно-душному воздуху комнаты; но это не помогаетъ, и Маргарита Прокофьевна, вооружившись длиннымъ черешневымъ чубукомъ, закуриваетъ трубку: авось хоть мухи отстанутъ.

Маргаритѣ Прокофьевнѣ около тридцати пяти, а можетъ статься и всѣ тридцать пять лѣтъ отъ роду. Она довольно полная, но еще очень плотная блондинка средняго роста. Назвать ее хорошенькою — слишкомъ много; но она нелишена привлекательности, въ особенности когда туалетъ у нея не будничный, не такой напримѣръ, какъ въ этотъ знойный день. У Маргариты Прокофьевны смѣлые каріе глаза и длинныя золотистыя рѣсницы; ротъ нѣсколько широкъ и несовсѣмъ соразмѣренъ съ другими чертами лица, вообще мелкими, но онъ умѣряется особенною манерой сжимать губы,

которою кокетничаетъ старшая Бушуева. Ходя, она какъ-то особенно пошевеливаетъ полными плечами; не знаю, природное ли это свойство, или плодъ нѣкотораго изученія, но Маргарита Прокофьевна пошевеливаетъ плечами по истинѣ восхитительно, и еще очень недавно пошевеливанье это повергало въ восторгъ почти всю туруханскую молодежь. Пожалуста не заключите изъ моихъ словъ, будто время владычества дѣвицы Бушуевой старшей надъ сердцами миновалось: нѣтъ! нѣтъ! она и донынѣ налагаетъ свои узы на людей съ нѣжною душой. Наиболѣе тяжелыя, хотя и наиболѣе сладкія узы лежатъ на Петрѣ Андреичѣ Аксамитовѣ, почтенномъ туруханскомъ помѣщикѣ. Но уже ясно видитъ Маргарита Прокофьевна (и притомъ — надо отдать ей справедливость — видитъ безъ малѣйшей досады или зависти), что близка та пора, когда мѣсто ея на высшемъ пунктѣ труппы заступитъ сестра Надежда. А давно ли (Боже! какъ мчится время!) давно ли Бушуева младшая являлась на сценѣ только въ роляхъ дѣтей да танцовала въ антрактахъ или въ дивертисментѣ саботьеро съ малолѣтнимъ сыномъ «благороднаго отца» и «злодѣя» Завидова! Дебютъ Нади въ «Новичкахъ въ Любви» (года полтора тому) былъ истиннымъ тріумфомъ. Въ этомъ спектаклѣ на нее, дотолѣ терявшуюся въ кучѣ театральныхъ дѣтей, обращено всеобщее вниманіе. Надя ни одною чертою лица не напоминаетъ своей старшей сестры. Она смуглая брюнетка небольшаго роста, очень хорошенькая; у нея черные какъ уголь глаза, и она умѣетъ заманчиво играть ими, нѣсколько приподнятый кверху носикъ, свѣжія, красиво вырисованныя губы, ровные бѣлые зубы, ямки, появляющіяся на щекахъ при малѣйшей улыбкѣ, прямой и гладкій лобъ. Пышное обиліе ея темныхъ волосъ (скажу словами одного изъ великихъ поэтовъ) подобно блаженной ночи; какъ бы склоняясь подъ тяжестью густыхъ косъ, головка Нади постоянно опущена къ правому плечу, что придаетъ хорошень-

кой дѣвушкѣ нѣсколько лукавый видъ. Станъ младшей Бушуевой дѣтски гибокъ и худощавъ, грудь полуразвита, плечи еще не закруглились; но пора полнаго расцвѣта уже недалеко.

Какъ актриса она еще уступаетъ старшей сестрѣ, которой обязана своими первыми уроками въ драматическомъ искуствѣ; но и это не надолго.

Не оскудѣваетъ талантами семейство Бушуевыхъ. Сценическія способности передаются въ немъ изъ поколѣнія въ поколѣніе.

Родоначальникъ фамиліи Бушуевыхъ, Миняй, былъ въ свое время актеръ знаменитый, первый въ провинціи. Театральная преданія сохраняютъ много любопытныхъ случаевъ изъ его сценической дѣятельности, преимущественно о свирѣпости, какою отличался онъ какъ трагикъ. Не разъ въ порывѣ страсти повергалъ онъ на полъ своихъ товарищей съ такою силой, что ломалъ имъ ребра и кости; не разъ ухватывался онъ за космы своего драматическаго врага съ такою яростью, что въ рукахъ у него оставались изрядные пучки волосъ. Сценическое воодушевленіе свое питалъ онъ благодатными дарами Вакха, пристрастіе къ которымъ съ каждымъ годомъ расло въ немъ. Это пристрастіе было виною одного крайне горестнаго происшествія, завершившаго театральное поприще Миняя. Въ одной изъ тѣхъ фурорныхъ піесъ, гдѣ на каждомъ шагу шипитъ измѣна и преступленіе, кипятъ отравы, гремитъ оружіе, сверкаютъ кинжалы, проливается кровь и творятся невѣроятнѣйшіе ужасы, въ одной изъ такихъ піесъ Миняй, вооруженный для большаго эфекта настоящимъ топоромъ, въ минуту трагическаго (и вакхическаго) паѳоса хватилъ имъ соперника своего по шеѣ, такъ что у того и духъ вылетѣлъ вонъ. Послѣ этого происшествія Миняй исчезъ со сцены: онъ былъ заключенъ въ смирительный домъ, гдѣ тоска одиночества и отсутствіе цѣлеб-

ныхъ вакховыхъ струй скоро положили конецъ его буйной жизни.

Сынъ Миняя, Прокофій, наслѣдовалъ вмѣстѣ съ отцовскимъ именемъ и всѣ качества, составлявшія величіе родителя: оглушительный басъ, съ приличною для истаго трагика хрипотой, богатырскій ростъ и широкія плечи, глаза на выкатѣ, къ дикому вращанью которыхъ не скоро привыкали актеры, свирѣпость, не знающую предѣловъ въ патетическихъ мѣстахъ роли, и такъ же усердно питаемую ерофеичемъ. Съ перваго появленія на сценѣ въ роли сумароковскаго «Димитрія Самозванца» Прокофій Бушуевъ заставилъ забыть объ отцѣ и провозгласить себя первостепеннымъ трагическимъ актеромъ.

Въ высокой, могучей груди Прокофья умѣли уживаться буйныя наклонности съ чувствами нѣжными, и вскорѣ послѣ смерти отца возгорѣлся онъ непреоборимою любовью къ одной изъ мелкотравчатыхъ актрисъ театра, на которомъ былъ первымъ лицомъ. Ѳенюшка Мореплавцева такъ оробѣла, когда Прокофій предложилъ ей руку и сердце, что съ нею сдѣлался обморокъ. Зная, что трагикъ не любитъ шутить, кроткая Ѳенюшка изъ одной боязни привести его во гнѣвъ рѣшилась изъявить согласіе свое на бракъ. «Страшенъ сонъ, да милостивъ Богъ!» говоритъ пословица. «Стерпится — слюбится!» говоритъ другая. И справедливость ихъ Ѳенюшка испытала на себѣ: скоро всею душой предалась она своему супругу, и не могли поколебать любви и вѣрности ея минуты мужнина неистовства, которыя (надо быть справедливымъ) съ лихвою выкупались минутами нѣжнаго расположенія.

Три дочери: Антонина, Маргарита и Надежда, и сынъ Леонтій, были плодомъ этого брака; но только вторая и младшая дочери были преемницами священнаго пламени, одушевлявшаго дѣда ихъ и отца. Сынъ, и донынѣ очень плохо играющій безцвѣтныя роли наперсниковъ, и старшая дочь,

пристроенная покойнымъ туруханскимъ губернаторомъ Чекрыжевымъ замужъ за частнаго пристава Звѣздакова, наслѣдовали бездарность матери.

Пора однакожь возвратиться къ милой Маргаритѣ Прокофьевнѣ и прелестной Наденькѣ, которыя ждутъ не дождутся вечера: авось онъ умѣритъ хоть немного тяжелое вліяніе палящаго дня.

Вотъ является и вечеръ, и точно приноситъ съ собою нѣкоторую прохладу. Открываются ставни и окна. Бѣлая блуза теперь чрезвычайно пріятна своею легкостью. Она позволяетъ нѣжнымъ зефирамъ продувать со всѣхъ сторонъ изнемогшую отъ жара Маргариту Прокофьевну.

— Что, кабы въ этакіе дни да играть! говоритъ она сестрѣ, стоя у отвореннаго окна и глядя на пустую улицу. — Хорошо, что Леонидъ Сергѣичъ учредилъ вакаціи; а то просто хоть въ гробъ ложись съ этими жарами. — Дай-ка мнѣ затянуться!

Хорошенькая Надя передаетъ сестрѣ трубку, изъ которой пускала въ окошко кольца дыма.

— Не пойти ли намъ нынче на бульваръ? пфф... какъ ты думаешь? пфф...

— Развѣ Петръ Андреичъ не пріѣдетъ?

— Нѣтъ; вѣдь ты, я думаю, слышала, какъ онъ говорилъ вчера, что поѣдетъ сегодня въ деревню.

— Пойдемъ! что такъ-то сидѣть?

И черезъ часъ дѣвицы Бушуевы уже одѣты; поправивъ передъ зеркаломъ свои очень свѣжія шляпки, онѣ отправляются гулять. Въ одномъ изъ ближайшихъ къ ихъ квартирѣ переулковъ видитъ дѣвицъ изъ окна своей комнатки черноусый актеръ Кудринъ, актеръ плохой, но большой руки франтъ; онъ взбиваетъ передъ маленькимъ столовымъ зеркальцемъ свои длинные волосы, закручиваетъ усы, поправляетъ бантъ галстука, наконецъ, забывая, что теперь на воздухѣ только-

что впору быть въ одномъ сертукѣ, накидываетъ на плечи плащъ съ обшитыми бархатомъ полами, искусно драпируется имъ и спѣшитъ въ догонку за сестрами.

Онъ настигаетъ ихъ у самой площади, гдѣ и находится бульваръ — единственное мѣсто прогулокъ туруханскихъ жителей.

Грустное зрѣлище представляетъ этотъ бульваръ, огибающій угломъ двѣ стороны площади. Березки, которыми обсажена по сторонамъ его земляная насыпь, растутъ очень туго или вовсе не принимаются на новой почвѣ. Вотъ уже пятый годъ стоятъ онѣ здѣсь, а еще ни одна не опушалась какъ слѣдуетъ листьями; многія уже окончательно погибли, и торчатъ голыя какъ вехи, безъ листка зелени. Особенно грустное зрѣлище представляетъ туруханскій бульваръ теперь, послѣ знойнаго дня: повѣсивъ чахлыя вѣтки, покрытыя мелкою пылью, березки какъ будто горюютъ о темной прохладной рощѣ, откуда взяли ихъ, о влажной почвѣ, питавшей ихъ молодые корни, о тѣни старыхъ деревьевъ, которыя хранили ихъ отъ налетовъ вѣтра, о соловьиныхъ пѣсняхъ, привѣтствовавшихъ по веснамъ ихъ свѣжіе отпрыски. Впрочемъ какъ ни скудно тѣнью, прохладой и свѣжимъ воздухомъ это гулянье, а подъ вечеръ ежедневно набирается тамъ немало народу. Что же дѣлать, если другаго мѣста для прогулокъ нѣтъ?

Дѣвицы Бушуевы прошлись со своимъ кавалеромъ изъ конца въ конецъ по алеѣ чахлыхъ березокъ, привели своею щеголеватой одеждой въ зависть двухъ-трехъ мелкихъ губернскихъ чиновницъ, и, такъ-какъ на бульварѣ еще нѣтъ никого изъ ихъ знакомыхъ, хотятъ посидѣть на одной изъ деревянныхъ зеленыхъ скамеекъ Онѣ выбираютъ ту, которая почти на самой половинѣ бульвара. Кудринъ рисуется передъ ними, подпершись правою рукой и великолѣпно закинувъ бархатную полу на плечо. Подкручивая усы, онъ то и дѣло краткими

и лишенными всякаго остроумія замѣчаніями обращаетъ вниманіе своихъ дамъ на проходящихъ; большую часть, неимѣющую плащей съ бархатнымъ подбоемъ, оглядываетъ онъ нѣсколько презрительно.

Но вотъ мало по малу начинаютъ показываться на бульварѣ знакомые госпожъ Бушуевыхъ (у нихъ довольно-таки не только знакомыхъ, но и поклонниковъ между городскою молодежью); подходя раскланяться и поговорить съ сестрами, турухтанскіе франты все больше и больше оттѣсняютъ Кудрина на второй планъ. Маргарита Прокофьевна, съ прелестной ужимкой губъ, отвѣчаетъ посильными любезностями на обращенные къ ней комплименты; но Наденька ни съ кѣмъ почти не вступаетъ въ разговоръ, и только играетъ черными глазками.

Еще и получаса нѣтъ, какъ дѣвицы Бушуевы сѣли на скамью, а къ нимъ успѣли подойти, поговорить и откланяться человѣкъ десять.

— Мыльниковъ идетъ сюда, говоритъ Надя, смотря вдоль алеи.

— Съ кѣмъ это онъ? спрашиваетъ Маргарита Прокофьевна, вглядываясь.

— Кажется, съ Карауловымъ.

Въ концѣ бульвара показывается небольшаго роста, круглый и румяный человѣчекъ лѣтъ сорока, въ лощеной фуражкѣ и коротенькомъ пальто, плотно облегающемъ его станъ. Въ рукахъ у него хлыстъ, которымъ онъ весело помахиваетъ. Лицо его, часто обращаемое къ спутнику, высокому, худому и рябому человѣку среднихъ лѣтъ, въ шинели (нашелъ пору надѣть шинель!), лицо его очень оживлено; глаза, добрѣйшаго голубаго цвѣта, скрываются подъ вѣками всякой разъ, когда требуется придать больше выразительности рѣчамъ, причемъ пухлыя губы, опушенныя рѣдкими и короткими съ золотистымъ отливомъ усами, всегда сладостно улыбаются и обнаруживаютъ рядъ

ровныхъ, мелкихъ зубовъ молочной бѣлизны; жиденькіе русые волосы лежатъ локонами на замасленомъ воротникѣ пальто. Круглый человѣчекъ разсуждаетъ по видимому съ большимъ азартомъ, потому что бойко размахиваетъ коротенькими руками. Собесѣдникъ, молчаливо шагающій рядомъ, не принимаетъ, какъ кажется, большаго участія въ его восторженныхъ рѣчахъ: на плохо выбритомъ лицѣ его не замѣтно никакого движенія; только изрѣдка взглядываетъ онъ на спутника своего исподлобья и слегка киваетъ головой, словно говоритъ: «да!» или же покачиваетъ ею отрицательно. Никого и ничего не замѣчаетъ на пути бѣлокурый человѣчекъ, весь преданный своему должно быть очень интересному расказу; но при восклицаніи: «Леонидъ Сергѣичъ!» раздающемся съ боку, отрывается отъ своего спутника, отвѣчаетъ на привѣтствіе, и ужь этому знакомцу своему продолжаетъ свой расказъ, до новой встрѣчи съ знакомымъ и до новаго оклика. Такимъ образомъ останавливается онъ разъ пять прежде чѣмъ приближается къ скамейкѣ, на которой сидятъ дѣвицы Бушуевы. Молчаливому спутнику вѣроятно надоѣло такъ часто останавливаться; при третьей остановкѣ онъ, махнувъ въ знакъ прощанья рукой, уходитъ назадъ.

— Леонидъ Сергѣичъ! окликаетъ Мыльникова старшая Бушуева.

Расказъ его слушаетъ въ это время одинъ изъ самыхъ рьяныхъ турухтанскихъ театраловъ, очень образованный и начитанный человѣкъ, губернскій землемѣръ Михаилъ Степанычъ Кадомцевъ.

— Ахъ! Боже мой! Маргарита Прокофьевна! восклицаетъ Мыльниковъ, обнаруживая зубы и закатывая голубые глаза. — Наденька! здравствуйте! А я и не видалъ, что вы здѣсь; чуть было мимо не прошелъ; совсѣмъ зарапортовался.

Кадомцевъ раскланивается съ дѣвицами, и оба останавливаются около нихъ.

— О чемъ это онъ съ такимъ восторгомъ расказывалъ? спрашиваетъ Маргарита Прокофьевна землемѣра.

— Ну, угадайте, о чемъ, говоритъ озаренный улыбкой Леонидъ Сергѣичъ.

— Вѣрно о вчерашнемъ выигрышѣ?

— Не угадали.

— Не Мирвольскій ли пріѣхалъ? спрашиваетъ Надя.

— Именно.

— Давно? спрашиваетъ Маргарита Прокофьевна.

— Я сію минуту отъ него, отвѣчаетъ Мыльниковъ: — пріѣхалъ онъ часа два тому назадъ.

— Гдѣ остановился?

— Покамѣстъ въ гостинницѣ; просилъ меня пріискать квартиру... Я сейчасъ говорилъ объ этомъ съ Сизогривовымъ.

— Неужто вы думаете нанять сизогривовскій домъ?

— Думаю, Маргарита Прокофьевна, думаю, отвѣчаетъ Мыльниковъ, садясь на скамью между сестрами.

— Да что вы, по десяти тысячъ ему платите что-ли? Какъ онъ можетъ нанимать такой домъ? Вѣдь это чертовски дорогая квартира.

— Можетъ, Маргарита Прокофьевна, можетъ.

— Ужь вѣрно не на ваше жалованье.

— Кто же и говоритъ, что на мое жалованье! У него, слава Богу, есть свои деньги.

— Да не сами ли вы расказывали, что онъ потому и на сцену поступилъ, что все имѣнье промоталъ.

— Можетъ быть теперь обстоятельства перемѣнились, замѣчаетъ Кадомцевъ: — наслѣдство получилъ, или...

— Наслѣдства не получалъ, отвѣчаетъ Мыльниковъ: — а именно обстоятельства перемѣнились... да!

— Такъ что же ему за охота оставаться на сценѣ? спрашиваетъ младшая Бушуева.

— Ахъ, Наденька! Наденька! восклицаетъ сладостнымъ

голосомъ Леонидъ Сергѣичъ, и при этомъ лазурные зрачки его уходятъ подъ лобъ.

— А любовь-то къ искуству! а? любовь-то къ искуству!

И онъ колотитъ себя жирною ладонью по лѣвому боку.

— Вѣдь это, какъ вы хотите, чувство непреоборимое! Онъ артистъ въ душѣ — истинный артистъ. Сцена — это, можно сказать, его вторая жизнь... да!.. Вѣдь что это за игра, если бъ вы видѣли... это... это...

Голубыхъ зрачковъ Мыльникова невидно и зубы его сверкаютъ.

— Совершенство!.. да!.. сама натура!.. Восхитительный артистъ!

— Все это хорошо, говоритъ Маргарита Прокофьевна несовсѣмъ довольнымъ тономъ: — только я все таки не понимаю, что вы тутъ толковали о квартирѣ. Неужто же онъ одинъ займетъ такой большой домъ?

— Да развѣ я говорилъ, что онъ одинъ? возражаетъ Мыльниковъ.

— А говорили вы, что онъ не одинъ? спрашиваетъ почти съ сердцемъ старшая Бушуева.

— Ну, не говорилъ, такъ теперь говорю, что не одинъ.

— Съ кѣмъ же онъ? съ женой?

— Гм... да... въ этомъ родѣ.

— А! это дѣло другое!.. И она играетъ?

— Нѣтъ.

— Вы ее видѣли?

— Мелькомъ, какъ входилъ къ нему въ номеръ. Только что отворилъ дверь, она ушла въ другую комнату.

— Хороша собой?

— Кажется, хороша; не успѣлъ разглядѣть какъ слѣдуетъ.

— Когда же мы его увидимъ?

— Да вотъ на первой же репетиціи.

— А скоро начнутся спектакли? спрашиваетъ Кадомцевъ.

— Онъ пожалуй, обрадовавшись, готовъ хоть завтра назначить, говоритъ старшая Бушуева, указывая на Мыльникова.

— Да, недурно бы, очень недурно бы, если бъ завтра.

— Вотъ видите!

— Чѣмъ скорѣе, по моему, тѣмъ лучше, продолжаетъ Мыльниковъ. — Что хорошаго въ бездѣйствіи! Дѣятельность, дѣятельность нужна для талантовъ.

Онъ опускаетъ вѣки.

— И сборы для антрепренеровъ, дополняетъ старшая дѣвица Бушуева.

— Маргарита Прокофьевна! Маргарита Прокофьевна! восклицаетъ съ укоризной Мыльниковъ: — и вамъ не грѣхъ?.. Неужто до сихъ поръ вы не узнали меня?.. Наденька! скажите, корыстолюбивъ я, или нѣтъ?

Наденька восхитительно улыбается.

— Искуство, искуство — вотъ мой куміръ! продолжаетъ Мыльниковъ, не только закативъ глаза, но и голову закинувъ назадъ. — Въ дѣлѣ искуства у меня нѣтъ расчетовъ; я забываю даже о самомъ себѣ; для меня нѣтъ высшаго наслажденія въ жизни, какъ служить искуству!

Мыльниковъ еще долго разсуждалъ на эту тему; но варіаціи его очень однообразны, и Маргаритѣ Прокофьевнѣ скучно слушать ихъ. Она перерываетъ антрепренера вопросомъ:

— Куда дѣлся Карауловъ? Вѣдь онъ, кажется, шелъ съ вами вмѣстѣ.

— Вѣрно воротился домой; я поймалъ его на дорогѣ и на минуту затащилъ на бульваръ, чтобы сообщить ему свою радость.

— Для него радость не велика, замѣчаетъ съ усмѣшкой

Маргарита Прокофьевна: — я думаю, не очень-то онъ благодаренъ вамъ за вашего Мирвольскаго.

— Вольно же вездѣ видѣть подкопы и интриги! отвѣчаетъ Мыльниковъ. — По моему, зависть не совмѣстна съ истиннымъ талантомъ.

— Какая зависть! Вѣдь у него просто отнимаютъ амплуа.

— Помилуйте! никто и не думаетъ. Пусть играетъ въ тѣхъ же роляхъ, что и Мирвольскій. Соперничество...

Глаза Мыльникова уходятъ подъ лобъ.

— Соперничество, соревнованіе дастъ толчокъ талантамъ, развиваетъ ихъ...

— А если Караулова не станутъ смотрѣть послѣ новаго артиста?

— Его вина. Судъ публики выше нашего, частнаго и пристрастнаго суда... Да наконецъ роли злодѣевъ... Вотъ по настоящему истинное призваніе Караулова.

— А Завидовъ?

— Охъ ужь этотъ Завидовъ!.. Сидитъ онъ у меня вотъ гдѣ. (Мыльниковъ указываетъ себѣ на загривокъ.) — Отказать нельзя, а между тѣмъ толку никакого.

— Да, плохъ, подтверждаетъ землемѣръ.

— Гнуситъ — и только!

— Отчего же вы говорите, что ему нельзя отказать? спрашиваетъ Кадомцевъ.

— А человѣколюбіе! Вспомните — вѣдь онъ не одинъ... Отецъ семейства!.. А привычка! онъ, можно сказать, родился и выросъ на этой сценѣ... Конечно способностей у него никакихъ, о талантѣ тоже говорить нечего...

— Вдобавокъ противнѣйшій голосъ, присовокупляетъ дѣвица Бушуева младшая.

— Оставимъ, оставимъ этотъ предметъ! говоритъ антрепренеръ, подавляя сомнѣнія, возникающія въ его мягкомъ сердцѣ. — Что невозможно, то невозможно!

И Мыльниковъ обращаетъ легкій комплиментъ къ Наденькѣ Бушуевой.

— Вы, что ни день, хорошѣете, Наденька! говоритъ онъ.—Какъ идетъ къ вамъ эта шляпка! Новенькая, никакъ?

— Да; хороша?

— Очень, очень хороша. Впрочемъ вы вѣдь что ни надѣнете — на васъ все превосходно.

— Замѣчаніе Леонида Сергѣича совершенно справедливо, подтверждаетъ начитанный землемѣръ, у котораго давно уже вертѣлась на языкѣ фраза, сказанная Мыльниковымъ.

— Вы ужь что-то слишкомъ разнѣжничались сегодня, говоритъ антрепренеру Маргарита Прокофьевна.

— Видя васъ... началъ было Мыльниковъ.

— Довольно однако сидѣли, продолжаетъ она, обращаясь къ сестрѣ: — походимъ, Надя!

Онѣ встаютъ.

— Вы съ нами?

— Нѣтъ, я спѣшу, отвѣчаетъ антрепренеръ.

— Позвольте мнѣ сопутствовать вамъ, mesdames, говоритъ начитанный землемѣръ.

— Пожалуста, соглашается Маргарита Прокофьевна.

Кудринъ, давно уже оставившій своихъ дамъ, еще шире раскидываетъ бархатъ своего плаща, и еще величественнѣе драпируется полой, закинутой на плечо, хотя ему очень жарко, и голова его мокра подъ надѣтою на одно ухо шляпой. Гордо рисуясь, дважды проходитъ онъ по всему протяженію бульвара, и затѣмъ направляетъ стопы свои въ небольшой деревянный домъ, откуда увидалъ изъ окна дѣвицъ Бушуевыхъ. Домъ стоитъ въ узенькомъ переулкѣ, который замѣчателенъ развѣ тѣмъ, что ночью нѣтъ никакой возможности проѣхать безопасно по его бревенчатой мостовой. Кудринъ раздѣляетъ свое жилище съ Карауловымъ: у нихъ двѣ комнатки, которыя отдаетъ имъ въ наемъ (за очень дешевую

цѣну) Завидовъ; отъ него же получаютъ они и пищу. Завидовъ съ семьею занимаетъ другую половину дома, такого же объема, какъ жилье трагика и его товарища. Семья «благороднаго отца» и «злодѣя» состоитъ изъ пожилой, какъ и самъ онъ, жены и четверыхъ малолѣтнихъ дѣтей, изъ которыхъ только старшій сынишка, лѣтъ пятнадцати, приноситъ нѣкоторую пользу, выплясывая на сценѣ всякую всячину. Кудринъ не застаетъ дома своего товарища, и идетъ на половину хозяевъ — сообщить имъ извѣстіе о прибытіи давно ожидаемаго актера. Оказывается, что Карауловъ сію минуту заходилъ домой, расказалъ объ этой новости, сердито размахивая руками и сильно ударяя кулакомъ по столу, потомъ допилъ водку, остававшуюся у него въ полуштофѣ, и ушелъ опять— куда, неизвѣстно.

— Ну, а что думаешь объ этомъ ты? спрашиваетъ Кудринъ.

— То есть о новомъ-то актерѣ, говоритъ гнусливымъ голосомъ Завидовъ, обдергивая протертый халатикъ на своей жиденькой фигуркѣ: — да что мнѣ сказать? Ничего. Пріѣхалъ, такъ пріѣхалъ — и ладно. Вѣдь намъ отъ этого не будетъ хуже.

— Почемъ знать!

— Отчего намъ хуже быть?

Завидовъ съ присвистомъ втягиваетъ себѣ въ носъ щепоть крупнаго табаку изъ круглой табакерки съ портретомъ Кутузова, и продолжаетъ:

— Мое дѣло жить со всѣми мирно, ни съ кѣмъ не ссориться. А мнѣ тамъ все равно — хоть еще десять Мирвольскихъ пріѣзжай да поступай къ намъ на сцену.

— Тебѣ на голову верхомъ сядь, такъ ты и тому будешь радъ, замѣчаетъ не безъ желчи госпожа Завидова.

— Никто еще на голову ко мнѣ не садился, кротко отвѣчаетъ незлобивый супругъ. — Леонидъ Сергѣичъ меня

хорошо знаетъ: не мало годовъ мы вмѣстѣ... Я его тоже знаю хорошо: онъ человѣкъ добрый, никому зла не желаетъ; а мнѣ подавно.

Извѣстіе о прибытіи Мирвольскаго переходитъ изъ устъ въ уста, и нѣтъ никого въ числѣ турухтанскихъ артистовъ, кто, отходя въ этотъ день ко сну, не зналъ бы новости.

ГЛАВА XVII.

Тучи.

Мирвольскій зажилъ отлично. Артисты турухтанскаго театра исполнились завистью, глядя на его богато убранную квартиру, на его экипажъ и лошадей (только у «перваго любовника» Заморцева были бѣговыя дрожки да сомнительной рыси гнѣдой рысачокъ). Эти преимущества, соединенныя съ гордымъ сознаніемъ своихъ неоспоримыхъ достоинствъ, какъ артиста и человѣка, скоро поставили Павла Павлыча во главѣ турухтанской труппы — даже превыше самого содержателя ея, Леонида Сергѣича Мыльникова. Этотъ сладостно-улыбающійся смертный сразу почувствовалъ, что въ Мирвольскомъ, которому ничего не стоитъ пріобрѣсть всеобщее одобреніе турухтанской публики, единственное спасеніе труппы отъ конечной гибели.

Увлекаемый любовью къ искуству, которая не сходила съ его медоточиваго языка, Леонидъ Сергѣичъ ужасно запуталъ свои дѣла. Надо замѣтить, что онъ сдѣлался и антрепренеромъ не безъ большихъ жертвъ со своей стороны. До него турухтанская труппа состояла въ вѣдѣніи нѣкоего Фофанова, который не столько занимался дѣломъ, сколько предавался удовольствіямъ міра сего. Удовольствія заключались для Фофанова преимущественно въ карточной игрѣ и въ го-

рячительныхъ напиткахъ, извѣстныхъ въ просторѣчіи подъ однимъ собирательнымъ именемъ водки. Пристрастіе къ этимъ усладителямъ жизни человѣческой, какъ и слѣдовало ожидать, имѣло вредныя послѣдствія для благосостоянія антрепренера. Не говоря уже о томъ, что піесы ставились никуда негодныя, что выборъ исполнителей и исполнительницъ былъ до крайности плохъ, — артисты по нѣскольку лѣтъ не получали жалованья, и находились по этому въ самомъ затруднительномъ положеніи: не могли бросить Фофанова для содержателя, болѣе заботящагося объ интересахъ своихъ актеровъ, и не имѣли возможности долѣе оставаться при немъ. Публика давно перестала поддерживать труппу, не оправдывавшую ея благосклонности. Фофановъ вошелъ въ долги. И для всякаго были бы они значительны, а для него просто неоплатны. Артисты безплодно жаловались на судьбу и безсильно скрежетали зубами на антрепренера. Кредитъ, едва поддерживаемый величайшими усиліями, близокъ былъ къ послѣднему издыханію... Богъ вѣсть, что вышло бы, если бъ Леонидъ Сергѣичъ Мыльниковъ, влекомый, кромѣ жаркой любви къ сценическому искуству, сильною сердечной склонностью къ актрисѣ Стрѣлковской, не явился въ качествѣ спасителя на краю пропасти, куда готовъ былъ низринуться Фофановъ со всею своею командой.

Мыльниковъ, какъ человѣкъ, ничѣмъ особенно незанятый и притомъ съ порядочными карманными средствами, какъ театралъ по призванію, постоянно терся около артистовъ и хорошо зналъ состояніе дѣлъ Фофанова. Не разъ подумывалъ онъ, какъ пріятно было бы заняться управленіемъ театра, но все какъ-то не рѣшался... Къ тому времени, какъ обстоятельства Фофанова представляли уже зрѣлище по истинѣ безутѣшное, въ труппѣ распускался во всей красотѣ одинъ (какъ выражался Леонидъ Сергѣичъ) «розанчикъ», давно привлекавшій къ себѣ его взоры и сердце. Мыльниковъ пересадилъ

розанчикъ въ свой садъ, или, выражаясь не такъ затѣйливо, соединился съ Поленькой Стрѣлковской узами законнаго бра: Такимъ образомъ онъ пришелъ въ еще ближайшее сношеніе съ труппой, гдѣ было нѣсколько родственниковъ его жены (между прочимъ и «злодѣй» Завидовъ). Мыльниковъ желалъ, чтобы Поленька не оставляла сцены, и началъ серіознѣе помышлять замѣнить собою Фофанова. Артисты единогласно поддерживали намѣреніе Леонида Сергѣича, и онъ вскорѣ принялъ на себя, вмѣстѣ съ долгами, и всѣ заботы антрепренера.

Капитала Мыльникова едва хватило на удовлетвореніе кредиторовъ. Нѣкоторые изъ артистовъ, видя, какъ горячо принялся за дѣло новый содержатель, вздумали артачиться — просить прибавки и угрожать, что въ противномъ случаѣ оставятъ труппу... Мыльниковъ постарался угомонить ихъ. А сколькихъ расходовъ потребовало запущенное положеніе театральнаго гардероба, декорацій, и прочаго, и прочаго! Дѣло кончилось тѣмъ, что Мыльниковъ остался безъ копѣйки въ карманѣ, съ труппой, какъ единственнымъ источникомъ дохода.

Трудно было ожидать особенной поддержки отъ турухтанскаго общества, которому труппа была извѣстна вдоль и поперегъ и отчасти уже наскучила; разнообразія, внесеннаго Мыльниковымъ въ репертуаръ, оказалось недостаточно для возбужденія въ турухтанскихъ жителяхъ любви и постояннаго вниманія къ театру: требовалось отъ времени до времени освѣжать труппу новыми сюжетами. Леонидъ Сергѣичъ вытягивался въ нитку, чтобы завербовать къ себѣ нѣсколько замѣчательныхъ талантовъ. Надежды, которыя онъ возлагалъ на свою возлюбленную супругу — увы! не оправдались. Курносая смерть, расхаживая съ косой по жизненной пажити, срѣзала «розанчикъ» въ пору самаго цвѣта.

Огорченный супругъ принялся за отыскиваніе талантовъ

внѣ своей труппы, и поиски не были безуспѣшны. Для его сцены была пріобрѣтена прекрасная Маргарита Прокофьевна Бушуева (сестра ея послѣдовала за нею, но какъ ребенокъ, она еще не входила въ расчетъ). Пріобрѣтеніе важное! Конечно оно досталось Мыльникову не даромъ: надо было сдѣлать надбавку къ жалованью дѣвицы Бушуевой, чтобы извлечь ее изъ благоустроенной труппы извѣстнаго Сошникова. Трагическаго артиста Коняева, который вслѣдствіе неизвѣстныхъ причинъ (можетъ быть отъ простуды) потерялъ голосъ, Мыльниковъ замѣнилъ Карауловымъ, артистомъ не безызвѣстнымъ въ провинціи и по росту и по голосу. Эти улучшенія были достойно оцѣнены публикою. Мыльниковъ впрочемъ не остановился на нихъ: приглашеніе Мирвольскаго было такъ сказать вѣнцомъ стараній Леонида Сергѣича о процвѣтаніи труппы.

Жители Турухтанска и еще двухъ трехъ городовъ, посѣщенныхъ во время лѣта мыльниковскими актерами, готовы были утверждать, что труппа находится въ самомъ цвѣтущемъ состояніи. И точно, репертуаръ отличался большимъ разнообразіемъ, артисты были большею частью недурны, и если театръ бывалъ иногда бѣденъ зрителями, то никогда не бывалъ такъ грустно пустъ, какъ порою случается въ провинціи. Все это такъ; но общій голосъ былъ несправедливъ, и театръ, управляемый Мыльниковымъ, процвѣталъ только снаружи, тая въ себѣ, какъ замѣчено выше, зародышъ близкаго разрушенія.

Леонидъ Сергѣичъ не жалѣлъ денегъ на постановку піесъ, на костюмы, на декораціи, на прибавку къ жалованью артистовъ («искуство — это мой кумиръ!»); но до чего довела его щедрость? Въ то лѣто, какъ въ Турухтанскъ пріѣхалъ Мирвольскій, у Мыльникова не достало средствъ даже на то, чтобы подняться и отправиться со своею труппой на малиновскую ярмонку, куда онъ давно собирался: соперникъ болѣе

сильный въ денежномъ отношеніи успѣлъ перейти ему дорогу, и Леонидъ Сергѣичъ принужденъ былъ все лѣто коснѣть въ бездѣйствіи. У него уже накопились порядочные должишки на сторонѣ; только артистамъ къ счастью онъ еще не задолжалъ ничего. Чувствительное и (скажемъ прямо) слабое сердце Мыльникова содрогалось, прозрѣвая уже невдалекѣ такую же горькую участь, какая постигла его предшественника. Въ минуты грустнаго раздумья о своихъ дѣлахъ, онъ давалъ себѣ слово быть расчетливѣе, не слишкомъ увлекаться любовью къ искуству и не поддаваться игривымъ, но обманчивымъ мечтамъ; также налагалъ на себя зарокъ не играть въ карты, къ которымъ питалъ большую склонность, хотя въ игрѣ ему постоянно не везло. Къ сожалѣнію зароки эти оставались втунѣ, и Мыльниковъ велъ себя по прежнему, слѣдуя во всемъ призывамъ сердца и нимало не руководствуясь размышленіемъ.

Изъ вышесказаннаго понятно, почему такъ радъ былъ Леонидъ Сергѣичъ пріѣзду Мирвольскаго. «Театръ будетъ теперь постоянно полонъ (думалъ онъ), сборы отличные — и дѣла пойдутъ на ладъ.»

Мыльниковъ не ошибся. Игра новаго артиста, которому и здѣсь, какъ въ Голодаевѣ, предшествовала преувеличенная молва, стала привлекать въ театръ несравненно больше прежняго зрителей; въ дебютъ Мирвольскаго и въ два-три слѣдовавшія за нимъ представленія не доставало билетовъ, не смотря на то, что цѣны мѣстъ были возвышены и большая часть турухтанскихъ помѣщиковъ не возвращалась еще въ городъ изъ своихъ деревень.

Мирвольскій дебютировалъ, какъ и на ярмонкѣ, Гамлетомъ. Какъ тамъ, съ любовью слѣдили за его игрою глаза Ольги. На этотъ разъ онъ былъ окруженъ несравненно лучше, чѣмъ въ труппѣ Наруковича. Клавдій Карауловъ, Гертруда Бушуева старшая, Полоній Завидовъ и Офелія Бушуева млад-

шая содѣйствовали произведенію на публику вполнѣ пріятнаго впечатлѣнія. Должно отдать справедливость Мирвольскому — онъ ловко велъ себя въ отношеніи новыхъ товарищей; на первой же репетиціи, гдѣ его встрѣтили непріязненными взглядами, сумѣлъ онъ примирить съ собою артистовъ, которые, видя въ немъ опаснаго соперника, успѣли не взлюбить его. Это впрочемъ не помѣшало имъ впослѣдствіи питать къ нему зависть. Умѣнье поставить себя въ хорошія отношенія къ товарищамъ отозвалось полезными послѣдствіями на первой піесѣ, въ которой вышелъ Мирвольскій. Ни одинъ изъ артистовъ, игравшихъ вмѣстѣ съ нимъ, не старался (какъ это почти всегда бываетъ) повредить разными, извѣстными на этотъ случай уловками, впечатлѣнію игры новаго артиста; напротивъ всѣ, казалось, лѣзли изъ кожи, чтобы помогать ему. Нужно ли говорить, что рукоплесканія долго неумолкали послѣ каждаго монолога Гамлета? Если это уже и безъ моихъ словъ понятно каждому проницательному читателю, то скажу, что въ трагедіи было еще лицо, въ равной мѣрѣ привлекавшее сочувствіе и громкое одобреніе публики— Офелія.

Наденька Бушуева впервые явилась въ этой роли. Прежде Офелію играла госпожа Крокова, супруга комика, отличавшаяся преимущественно въ оперетках въ родѣ «Кетли» или «Швейцарской Хижины»; она конечно не уступила бы этой роли Наденькѣ, если бъ не находилась въ это время въ очень почтенномъ положеніи. Наденька немного фальшивила въ пѣньѣ, и голосъ у нея не отличался силою; но все таки она была восхитительна. Всѣ бинокли и лорнеты обращались къ ней, какъ скоро появлялась она на сценѣ. Ольга тоже не сводила съ нея глазъ.

Крайняя ложа въ бель-этажѣ, справа, была во время антрактовъ предметомъ общаго вниманія. Новое лицо, сидѣвшее въ этой ложѣ, занимало всѣхъ. Мирвольскій не успѣлъ еще

почти ни съ кѣмъ познакомиться въ городѣ, и потому большая часть зрителей видѣла Ольгу въ первый разъ. Нѣкоторые встрѣчали уже Мирвольскаго вмѣстѣ съ нею на бульварѣ, и отъ нихъ-то въ одно мгновеніе узнали всѣ посѣтители театра — кто она и что. При этомъ дѣло не обошлось и безъ выдумокъ. Одинъ любознательный и изобрѣтательный господинъ, точное подобіе голодаевскаго Потатуйкина (нѣтъ города, гдѣ не было бы такого лица), пустилъ въ ходъ свѣдѣніе, что Ольга была похищена Мирвольскимъ у нѣжно любившихъ ее родителей, что нѣжные родители съ горя умерли, что ее мучатъ теперь угрызенія совѣсти, но ужь поздно, и такъ далѣе въ этомъ же тонѣ...

— Посмотрите, говорилъ онъ въ одной изъ ложъ, гдѣ, заболтавшись, остался смотрѣть третье дѣйствіе: — посмотрите, какъ она блѣдна — ни кровинки въ лицѣ.

Дама, къ которой были обращены эти слова, отвела глаза отъ сцены, и стала смотрѣть на Ольгу.

— Ахъ, въ самомъ дѣлѣ! сказала она: — блѣдна какъ смерть.

Въ это время на сценѣ Гамлетъ садился у ногъ Офеліи, въ ожиданіи представленія странствующихъ комедіантовъ.

Гамлетъ. Можно ли прикоснуться къ вашимъ колѣнямъ?

Офелія. Нѣтъ, принцъ.

Гамлетъ. То есть головой только.

Офелія. Можно, принцъ.

Гамлетъ. А вы ужь Богъ знаетъ что подумали.

Офелія. Я ничего не думаю, принцъ.

Ольга ни отнимала бинокля отъ глазъ; онъ былъ направленъ на Гамлета и на Офелію. Офелія играла черными глазками; Гамлетъ, лежа головой на ея колѣняхъ, смотрѣлъ ей въ лицо.

«Скажите!» говорилъ онъ: « два мѣсяца — и еще не за-

быть! Стало быть, можно надѣяться на полгода людской памяти; а тамъ — все равно, что человѣкъ, что овечка —

Схоронили,
Позабыли.»

Раздались звуки трубъ, во глубинѣ сцены поднялся занавѣсъ и началась извѣстная пантомина; Гамлетъ и Офелія продолжали разговаривать, но словъ ихъ не было слышно. Ольга видѣла это въ лорнетъ и очень желала узнать, о чемъ идетъ у нихъ рѣчь.

— Какъ на васъ смотрятъ! сказала Офелія, играя глазками. — Ахъ, Боже мой! зачѣмъ вы такъ жмете мнѣ ногу?

— Извините, отвѣчалъ Гамлетъ и подвинулся ближе:— я нечаянно. Кто на меня смотритъ?

— А вонъ.

— Никого не вижу.

— Да вы куда глядите?

— Въ кресла.

— Изъ ложи на васъ смотрятъ...

— Гдѣ?

— Направо, въ бель-этажѣ, крайняя ложа.

Мирвольскій взглянулъ.

— А! сказалъ онъ довольно равнодушно; но поднялъ голову съ колѣнъ Офеліи и немного отодвинулся отъ нея.

Ему показалось, что рука Ольги, держащая лорнетъ, немного дрожитъ.

— Что? поймали? замѣтила Наденька, очаровательно улыбаясь и пристально глядя на Ольгу.

Мирвольскій еще разъ посмотрѣлъ на крайнюю ложу и потомъ устремилъ взоръ на шлейфъ королевы.

Глаза Ольги встрѣтились съ черными глазками Наденьки, и Ольга опустила бинокль.

По окончаніи трагедіи, за которою долженъ былъ слѣдо-

вать какой-то водевиль съ переодѣваньемъ, Мирвольскій вошелъ въ ложу Ольги.

— Хочешь остаться на водевиль? спросилъ онъ.

— У меня что-то болитъ голова, отвѣчала Ольга.

— Здѣсь страшная духота.

— Да.

— Такъ ѣдемъ домой!

Ольга накинула на себя салопъ.

— Ѣдемъ.

И они вышли, сопутствуемые взорами многихъ зрителей и изъ ложъ и изъ креселъ.

На вопросъ Мирвольскаго, какъ понравилась ей мыльниковская труппа, Ольга отвѣчала только, что находитъ ее несравненно лучшею, чѣмъ труппа Наруковича; но отдѣльно ни о комъ изъ артистовъ и артистокъ не сказала ни слова.

Вскорѣ послѣ дебюта Павелъ Павлычъ перезнакомился почти со всею турухтанскою молодежью, и не проходило дня, чтобы у него послѣ спектакля не собиралось къ чаю человѣкъ пять-шесть, а иногда и больше. Мыльниковъ былъ всегда въ числѣ гостей; изъ артистовъ заходилъ иногда только Замороцевъ, наиболѣе порядочный изъ числа актеровъ. Гости сидѣли обыкновенно за полночь; цѣлью собраній была игра въ карты.

Мирвольскій находилъ, что такой образъ жизни очень пріятенъ; Ольга была несогласна съ нимъ, и рѣшилась однажды послѣ долгихъ колебаній (она предчувствовала грозу) сказать Павлу Павлычу, что ежедневныя посѣщенія его знакомыхъ требуютъ немалыхъ расходовъ, которые ему не по карману; этотъ совѣтъ былъ выслушанъ очень неблагосклонно.

— Ахъ, Боже мой! вскричалъ Мирвольскій (въ голосѣ его звучала сильная досада): — я и не зналъ, что вы желаете сохранить неприкосновеннымъ вашъ капиталъ.

Это «вы», «вашъ капиталъ», отозвалось уколомъ иглы въ сердцѣ Ольги.

— Развѣ потому говорю я тебѣ объ этомъ... начала она.

— Почему же-съ? спросилъ Мирвольскій, подкидывая на ладони ключикъ своихъ карманныхъ часовъ.

— Ты понимаешь, что однимъ жалованьемъ твоимъ мы не можемъ жить такъ, какъ живемъ теперь...

Ольга пріостановилась перевести духъ: она чувствовала приливъ слезъ къ глазамъ.

— Дальше-съ? проговорилъ тѣмъ же обиднымъ тономъ Павелъ Павлычъ, продолжая играть ключикомъ.

— Игра, которую ты ведешь, не можетъ входить и въ расчетъ...

Мирвольскій сталъ слегка вытопывать ногой какой-то маршъ.

— Хоть ты играешь и очень счастливо, все же, если свести окончательный расчетъ, окажется, что ты въ проигрышѣ.

Ольга замолчала; она думала, что сказала довольно; но Павелъ Павлычъ обратилъ на нее пристальный взоръ и произнесъ:

— Ну-съ, что же дальше?

— Мнѣ кажется, ты и самъ поймешь...

— Я ничего не понимаю, рѣзко перебилъ Мирвольскій.

Ольга заплакала.

— Боже мой! этого не доставало! вскричалъ онъ, принимаясь ходить по комнатѣ.

— Мы не такъ богаты, проговорила Ольга, стараясь подавить слезы: — чтобы не думать о черномъ днѣ.

Павелъ Павлычъ остановился прямо передъ ней и заложилъ руки въ карманы панталонъ.

— Что же надо дѣлать по твоему? какъ жить? Не прикажешь ли нанять квартиру въ Дровяномъ Переулкѣ, о

двухъ комнатахъ съ кухней, и жить, какъ Завидовъ напримѣръ?

— Къ чему крайности!

— Чего же ты хочешь?

— Эти вѣчные гости, карты, ужины...

— Довольно! это наконецъ скучно!

Мирвольскій повернулся и вышелъ изъ комнаты.

Этотъ разговоръ происходилъ въ декабрѣ. Мирвольскій хорошо сознавалъ справедливость опасеній Ольги; но это сознаніе, кажется, только раздражало его, потому что онъ чувствовалъ, какъ неловко было бы теперь, когда всѣ привыкли въ городѣ къ его образу жизни, измѣнить его; не заговорятъ ли всѣ, что Мирвольскій обѣднѣлъ, промотался, живя не по состоянію? не отшатнутся ли наконецъ отъ него всѣ знакомые? Будь это при переѣздѣ въ другой городъ, гдѣ Мирвольскаго еще никто не знаетъ — это ничего бы; но въ Туруханскѣ перемѣна такая невозможна. А между тѣмъ придется таки поневолѣ измѣнять образъ жизни и — увы! скоро.

Ольга, видя совершенное нежеланіе мужа слѣдовать ея совѣтамъ, горевала втихомолку и старалась хоть мелкою экономіей умѣрять расходы.

Замѣчаніе дамы, вглядывавшейся въ Ольгу во время представленія «Гамлета», о блѣдности ея было несправедливо въ ту пору; но къ концу полугодія, прожитаго Мирвольскимъ въ Туруханскѣ, Ольга въ самомъ дѣлѣ замѣтно похудѣла и поблѣднѣла. Не одна распущенность характера Павла Павлыча, не одни чрезмѣрные расходы его огорчали ее. Ей было грустно убѣждаться съ каждымъ днемъ, что любовь Мирвольскаго, которой она такъ безотчетно довѣрилась, была очень не сильна. Онъ скучалъ вдвоемъ съ Ольгой и искалъ развлеченій; и на общество какихъ людей мѣнялъ онъ ея общество! Ольга плакала, думая объ этомъ

предпочтенія. Съ каждымъ же днемъ убѣждалась она и въ томъ, что взглядъ Мирвольскаго на искуство, высказанный имъ въ Голодаевѣ, въ самомъ дѣлѣ его взглядъ; а какъ твердо вѣрила она, что Павелъ Павлычъ смотритъ на поприще свое вовсе не такъ, какъ говоритъ. Мирвольскій проводилъ дни слѣдующимъ образомъ: утро — на репетиціи или въ разъѣздахъ по многочисленнымъ знакомымъ своимъ, потомъ обѣдъ дома (это было почти единственное время, когда Ольга могла свободно бесѣдовать съ нимъ); послѣ обѣда онъ ложился спать, и этотъ послѣобѣденный сонъ продолжался до самаго спектакля. Спектакль оконченъ, и Мирвольскій или возвращается съ толпою пріятелей домой, или уѣзжаетъ къ кому нибудь изъ нихъ самъ — и Ольга уже не видитъ его до самой поздней ночи.

Незадолго до новаго года, по случаю не то дня своего рожденія, не то именинъ, Леонидъ Сергѣичъ Мыльниковъ вздумалъ задать ужинъ какъ артистамъ и артисткамъ труппы, такъ и нѣкоторымъ изъ пріятелей театраловъ. Ужинъ долженъ былъ происходить въ залѣ клуба. Ольга, почти ежедневно посѣщавшая театръ, была въ немъ и въ этотъ вечеръ. Мирвольскій намѣревался прямо оттуда отправиться къ Мыльникову.

Спектакль кончился, и Павелъ Павлычъ зашелъ въ ложу Ольги, проводить ее до экипажа. Онъ свелъ ее подъ руку съ лѣстницы, и остановился на подъѣздѣ. Сколько кучера ни кликали, карета не явилась къ подъѣзду; пришлось послать за нею одного изъ театральныхъ прислужниковъ. Между тѣмъ зрители разъѣзжались и расходились, и скоро на крыльцѣ остались только Мирвольскій съ Ольгой да два-три артиста. Онъ сердился, и никакъ не соглашался идти съ Ольгой пѣшкомъ.

— Ты можешь простудиться, говорилъ онъ: — посмотри, какой вѣтеръ! Да и въ снѣгу совсѣмъ утонешь.

На подъѣздъ вышли сестры Бушуевы.

— А! вы здѣсь! воскликнула Маргарита Прокофьевна, подходя къ Мирвольскому: — а мы ждали васъ, ждали; думали, что вы ужь забыли свое обѣщаніе.

— Нѣтъ моей кареты, отвѣчалъ Мирвольскій. — Вы лучше бы посидѣли въ уборныхъ.

— Да тамъ ужь и огня нѣтъ, замѣтила Наденька: — мы оставались послѣднія.

Ольга старалась хорошенько разсмотрѣть артистокъ, которыхъ видала до этой поры только на сценѣ; но фонарь все больше и больше оскудѣвалъ свѣтомъ, и это было трудно.

Снѣгъ обильно сыпался крупными хлопьями на Наденьку, которая стояла на самомъ краю крыльца.

— Вамъ кажется хочется схватить простуду, сказалъ ей Мирвольскій.

— Отчего? спросила она, оборачиваясь.

— Къ чему вы распахиваете салопъ?

— Мнѣ жарко.

— Полноте, застегнитесь.

— Ничего.

— Эй, послушайтесь!

Наденька подошла къ Мирвольскому.

— Ну, ужь если вамъ такъ хочется этого, сказала она: — такъ потрудитесь застегнуть; у меня руки въ перчаткахъ, и я сама не могу.

Павелъ Павлычъ оказалъ Наденькѣ эту услугу.

Карета наконецъ пріѣхала, Мирвольскій посадилъ въ нее Ольгу, произнесъ приличный выговоръ кучеру и велѣлъ ему, отвезя барыню, немедленно возвратиться съ экипажемъ къ театру.

Ольга пріѣхала домой грустная. Павелъ Павлычъ сказалъ ей, чтобы она не ждала его, потому что онъ воротится очень поздно... Но Ольга, переодѣвшись въ домашнее платье, не легла въ постель. Она велѣла подать себѣ чаю — и не

прикоснулась къ налитой чашкѣ; хотѣла читать — взятый ею романъ показался ей глупъ и пустъ... Она прочитала пять страницъ, и не могла припомнить изъ нихъ ни одной строки. Ею овладѣло какое-то необъяснимое безпокойство; мысли странно путались, и все представлялось поводомъ къ сомнѣніямъ .. Такъ, напримѣръ, ее очень тревожилъ самый обыкновенный фактъ: именно, что Павелъ Павлычъ предложилъ свою карету сестрамъ Бушуевымъ. Ольга знала, что и сестры и Мирвольскій, какъ артисты одной сцены, должны быть между собою близки; знала, что почти каждый сдѣлалъ бы тоже, что Мирвольскій, изъ простой вѣжливости... Но все таки это безпокоило ее. Отъ встрѣчи своей съ артистками на крыльцѣ, о которой вспоминала не безъ досады, Ольга переходила мысленно на сцену, и припоминала всѣ роли, въ которыхъ Павлу Павлычу приходилось объясняться въ любви и кидаться на колѣни передъ Наденькой Бушуевой или заключать ее въ объятія. Мысль о подобныхъ сценахъ нагоняла яркій румянецъ на щеки Ольги, хотя она и сознавала, что и эта сценическая близость — неизбѣжная и самая обыкновенная принадлежность театра. Какъ же поступать иначе, когда въ самой роли сказано: «обнимаетъ и цалуетъ ее»? Не отойти же вмѣсто этого прочь! А за кулисами!.. Мысль Ольги пугливо заглядывала и туда, и находила на каждомъ шагу предметы для сердечнаго сокрушенія. И вездѣ на первомъ планѣ рисовалась въ ея воображеніи черноглазая дѣвица Бушуева младшая.

Спектакль кончился поздно. Было около часу за полночь, когда Ольга бросила книгу въ сторону, сказала горничной, что она можетъ идти спать, и въ волненіи, котораго никакъ не могла побороть въ себѣ, стала ходить взадъ и впередъ по всѣмъ комнатамъ, куда, тускло бѣлѣя, смотрѣли замерзшія окна. Она остановилась у окна въ залѣ — снѣгъ клубился передъ нимъ; потомъ отошла и сѣла къ роялю. Пальцы ея,

едва касаясь клавишей, вызвали изъ нихъ нѣсколько однообразныхъ акордовъ. Ольгѣ хотѣлось пѣть — пѣть громко, чтобы перелить хоть въ это пѣнье тревогу, не покидавшую ея; но въ домѣ всѣ спали, и она не хотѣла будить кого бы то ни было такимъ несвоевременнымъ пѣньемъ.

Ольга возвратилась въ спальню, и сѣла на креслѣ близъ постели. Раскрытая книга лежала на столикѣ рядомъ, но Ольга и не дотронулась до нея. Опустивъ голову, съ горячими отъ непролитыхъ слезъ глазами, съ безпокойствомъ въ груди, съ болѣзненнымъ заныванье̂мъ сердца, долго сидѣла она. Мысли, которыя одна за другою проходили въ ея головѣ, чередуясь съ болѣе или менѣе непріятными образами, мало по малу превращались въ грезы — и не разъ Ольга широко раскрывала глаза, какъ бы отряхая съ нихъ сонъ, полный пугающихъ видѣній. Свѣча догорала на столѣ, въ домѣ было тихо, за окномъ однообразно гудѣла метелица — и Ольга снова отдавалась во власть грезъ, и снова ни одно пріятное видѣніе не измѣняло тоскливаго біенія ея сердца.

Раздавшійся какъ будто надъ самымъ ухомъ рѣзкій голосъ и шумъ пробудили Ольгу. Испуганная, раскрыла она глаза, и поднялась съ мѣста.

Отъ ногъ ея откатилась круглая мужская шляпа. У окна, откуда уже глядѣло мутное, только-что зачинающееся зимнее утро, стоялъ Павелъ Павлычъ. Поспѣшно подошла къ нему Ольга, вся дрожа отъ непонятнаго ей самой страха; она хотѣла положить руку свою на плечо Мирвольскаго и спросить, что съ нимъ; но въ ней не достало на это силы, когда Павелъ Павлычъ оборотился. Онъ былъ очень блѣденъ; въ каждой чертѣ лица отражалась сильная усталость; волосы падали въ безпорядкѣ на лобъ; узелъ шейнаго платка съѣхалъ на сторону.

— Что тебѣ? спросилъ Мирвольскій, сердито взглянувъ на Ольгу.

Въ голосѣ его слышалось непріятная хриплость. Встревоженная Ольга отвѣчала:

— Ты усталъ, мой другъ; я хотѣла помочь тебѣ раздѣться.

— Я не пьянъ, отвѣчалъ, нахмуривая брови, Мирвольскій: — могу и самъ раздѣться. А тебѣ непремѣнно нужно было сидѣть до утра?

— Я ждала тебя.

— Какъ не ждать! Вѣдь я пропаду безъ твоего жданья: маленькій... жаль, что ты няньки для меня не наймешь. Иди пожалуста спать.

— Да скажи мнѣ, Поль, чѣмъ ты такъ встревоженъ?

— Ничѣмъ.

— Неправда: на тебѣ лица нѣтъ.

Мирвольскій топнулъ ногой.

— Отстань!

Ольга отошла, сѣла опять въ кресло и закрыла глаза платкомъ.

Мирвольскій сталъ ходить вдоль комнаты. Шляпа его попалась ему подъ ноги, и онъ съ сердцемъ растопталъ ее.

— Опять слезы! проговорилъ онъ, когда до слуха его коснулось слабое, сдерживаемое всхлипыванье Ольги. — Только и слышишь дома.

И онъ вышелъ вонъ изъ спальни, такъ хлопнувъ дверью, что стекла задребезжали въ окнахъ.

Ольга не могла сомкнуть заплаканныхъ глазъ. Когда совсѣмъ разсвѣло, она прошла потихоньку въ кабинетъ Павла Павлыча. Мирвольскій крѣпко спалъ на диванѣ, съ кожаной подушкой подъ головой, въ томъ платьѣ, въ которомъ воротился домой.

Ольга на цыпочкахъ возвратилась къ себѣ въ спальню

за мягкою подушкой, которую принесла въ кабинетъ и осторожно подложила вмѣсто кожаной подъ голову Павла Павлыча; такъ же бережно распустила она ему галстукъ.

Онъ ничего не слыхалъ.

ГЛАВА XVIII.

Первая пѣсня.

Поздно проснулся Мирвольскій; Ольга сидѣла около него, и онъ заговорилъ съ нею уже безъ той горечи, которою было проникнуто каждое слово его въ раннее утро этого дня.

— Скажи ради Бога, что съ тобою и чѣмъ ты былъ такъ встревоженъ? спрашивала Ольга.

— Плохо! плохо! отвѣчалъ Мирвольскій, потирая себѣ ладонью лобъ.

— Что такое?

— Проигралъ..

— Много?

— Не спрашивай.

— Боже мой! да сколько же?

— Столько, что едва ли найдется у насъ, чѣмъ заплатить.

Ольга не могла удержаться отъ восклицанія, въ которомъ слышалось почти отчаяніе.

— Дѣло сдѣлано, замѣтилъ Мирвольскій: — и плакаться нечего — этимъ не пособишь.

— Да скажи по крайней мѣрѣ, сколько нужно заплатить?

— Ты знаешь, сколько было со мною?

— Знаю.

— Такъ еще столько же.

— Боже мой! у насъ ничего не останется.

— Ничего?

— Да.

Мирвольскій закрылъ себѣ глаза руками.

— Что намъ дѣлать? проговорилъ онъ.

Ольга даже плакать не могла: такъ тяжко для нея было это новое нежданое горе.

На нѣсколько дней все въ домѣ приняло какой-то траурный видъ: Мирвольскій не выѣзжалъ никуда, не участвовалъ въ спектакляхъ, отговариваясь болѣзнью, и никого не принималъ къ себѣ. Весь городъ на другой же день узналъ о значительномъ проигрышѣ его, и всѣ, кому хотѣлось говорить объ этомъ, говорили, что Мирвольскій прячется оттого, что проигрышъ слишкомъ задѣлъ его за живое. Мирвольскій подозрѣвалъ эти толки, думалъ, что лучше всего было бы — продолжать являться въ обществѣ съ прежнею безпечностью; но на это въ немъ недоставало энергіи.

Цѣлые дни лежалъ онъ съ трубкой въ рукахъ на диванѣ въ своемъ кабинетѣ, и предавался разнымъ соображеніямъ, какъ бы опять поставить дѣла свои на прежнюю степень. Увы! придумать что-нибудь было очень трудно. Проиграныхъ въ одинъ вечеръ денегъ достало бы при благоразумномъ распоряженіи на два, на три года. Мирвольскій пробовалъ утѣшить себя тѣмъ, что вѣдь и по истеченіи этихъ двухъ-трехъ лѣтъ онъ находился бы въ такомъ же непріятномъ положеніи, какъ теперь. немного раньше, немного позже — не все ли равно? Наконецъ не встрѣться онъ съ Ольгой — онъ не могъ бы съ самаго пріѣзда своего въ Туруханскъ поставить себя на такую ногу, на какую сталъ-было. Утѣшенія подобнаго рода были слишкомъ слабы и не разгоняли мрака, который лежалъ на мысляхъ Мирвольскаго. Онъ началъ думать поискать исхода въ тѣхъ же картахъ — попробовать отыграться. Единственныя деньги, на которыя онъ

могъ для этого расчитывать, было жалованье: пользуясь своимъ благосостоянiемъ, Мирвольскiй не бралъ еще у Мыльникова ни копѣйки.

Леонидъ Сергѣичъ заѣзжалъ къ нему разъ пять со времени несчастнаго вечера; но его, какъ и всѣхъ другихъ посѣтителей, не принимали. Когда Мирвольскiй возымѣлъ намѣренiе взять у него денегъ, онъ не велѣлъ ему отказывать. Мыльниковъ вскорѣ явился и засталъ Павла Павлыча лежащимъ въ кабинетѣ.

— Лучше ли тебѣ? спрашивалъ Мыльниковъ.

— Теперь немного лучше, но все еще не могу назваться здоровымъ.

— Кто тебя лечитъ?

Этотъ вопросъ нѣсколько смутилъ Мирвольскаго — впрочемъ не на долго. Онъ отвѣчалъ, потирая себѣ лобъ ладонью:

— Никто; терпѣть не могу лечиться, и никогда не связывался съ докторами.

— Напрасно, напрасно, замѣтилъ Мыльниковъ.

— Все гораздо скорѣе пройдетъ само собою.

— Съ твоей болѣзнью и мнѣ горе.

— Какъ такъ?

— Да спектакли плохо идутъ.

— Полно ..

— Да; совсѣмъ ѣздить не хотятъ, какъ твоего имени нѣтъ на афишкѣ.

— Погоди, скоро выздоровлю. Мнѣ ужь и самому надоѣло сидѣть дома.

— Всѣ объ тебѣ спрашиваютъ. Ты вѣдь это время и не принималъ никого?

— Никого. Что, какъ твои всѣ?

— Артисты-то?

— Да.

— Все по прежнему. Кое-кто интересуется тобой. .

Мыльниковъ скрылъ голубые зрачки и показалъ зубы.

— Кто же именно?

— Отгадай!

— Изъ женщинъ?

— Да.

— Не знаю.

— Ну такъ я тебѣ по секрету скажу: Наденька Бушуева.

— Вотъ вздоръ какой!

— Да ужь такъ, такъ.

Леонидъ Сергѣичъ съ опасеніемъ осмотрѣлся вокругъ.

Мирвольскій поспѣшилъ перемѣнить предметъ разговора.

— Да, сказалъ онъ: — я все собирался спросить тебя: въ какомъ положеніи наши денежные расчеты?

Мыльниковъ закатилъ глаза.

— Долженъ тебѣ, отвѣчалъ онъ: — много долженъ.

— Ты при деньгахъ теперь?

— Не при большихъ.

— Неужто успѣлъ ужь спустить весь тогдашній выигрышъ?

— Весь не весь, а почалъ-таки его порядкомъ.

— Можешь однако удовлетворить меня по счету?

— Кажется.

— Постарайся пожалуста. Мнѣ деньги нужны, а брать изъ банка не хочется.

— Хорошо, постараюсь завтра привезти. А досталось же тебѣ тогда.

— Что это — пустяки!

— Ну не совсѣмъ-то пустяки.

— Случалось не по стольку проигрывать.

— Мнѣ ужь нѣкоторые говорили, что ты и заболѣлъ отъ проигрыша.

— Дураки!

— Я, разумѣется, всячески защищалъ тебя.

Зрачки Леонида Сергѣича опять исчезли.

— По себѣ судятъ, замѣтилъ Мирвольскій.

— Ну, покамѣстъ прощай! выздоравливай поскорѣе! сказалъ Мыльниковъ, вставая и протягивая руку Мирвольскому. — А объ деньгахъ я постараюсь.

— До свиданья!

— Кланяться Наденькѣ?

— Пожалуй.

— Прощай!

На слѣдующее утро Мыльниковъ исполнилъ свое обѣщаніе — привезъ деньги. У Ольги оставалось еще отъ прежняго капитала столько, чтобы прожить, съ расчетливостью, мѣсяца три-четыре; потому Мирвольскій не вручилъ ей полученной суммы и сказалъ, что надѣется вернуть ею хоть часть проиграннаго.

— Ахъ, Поль! возразила Ольга: — ты конечно можешь при счастьѣ возвратить свой проигрышъ; но вѣдь можешь также потерять и эти деньги... Не лучше ли оставить ихъ? вѣдь это вѣрнѣе.

— На долго ли ихъ достанетъ?

— Все же не на одинъ вечеръ. Согласись — легко можетъ случиться, что ты ихъ сегодня же проиграешь.

— Нельзя же не рисковать!

— Зачѣмъ?

— Мнѣ этого хочется; кромѣ того, что станутъ говорить про меня? До сихъ поръ игралъ, а какъ только проигралъ большую сумму, и пересталъ.

— Стоитъ ли, опасаясь глупыхъ сужденій, жертвовать своимъ спокойствіемъ?

— Мнѣ надо играть, надо — и ты меня не отговоришь.

Ольга должна была умолкнуть. Если недавній опытъ не

казался Мирвольскому достаточно убѣдительнымъ, то могли ль убѣдить его слова?

Мирвольскій опять сталъ выѣзжать, являться на сценѣ и принимать гостей. Съ деньгами, полученными отъ Мыльникова, ему повезло: проиграннаго онъ вполнѣ не воротилъ; но все-таки значительно поправился.

Ольгу не утѣшало счастье Мирвольскаго въ игрѣ: она постоянно боялась такого же случая, какой недавно поставилъ ихъ въ крайне затруднительное положеніе; къ тому же у Мирвольскаго были ужь долги — и не маленькіе: какъ явились они, Ольга недоумѣвала. Сидя почти по цѣлымъ днямъ одна, она стала придумывать, какъ бы обезпечить себя вѣрнѣе и не зависѣть отъ прихотей карточнаго счастья. Павелъ Павлычъ не думалъ много: онъ былъ обыкновенно спокоенъ и веселъ, пока у него было хоть сколько нибудь денегъ въ карманѣ, и пока никто не давалъ ему наставленій, какъ вести себя.

— Знаешь ли, что я придумала, Поль! сказала ему въ въ концѣ января Ольга. — Помнишь, какъ выручили тебя изъ бѣды деньги, которыя ты получилъ отъ Мыльникова?

— Помню.

— Я придумала получать въ годъ еще столько же, или немного меньше, чѣмъ ты получаешь.

— Какъ же это?

— Очень просто; я поступлю на сцену... Захочетъ ли только принять меня Леонидъ Сергѣичъ?

— Помилуй, съ удовольствіемъ.

— Я думаю, потому-что онъ только и твердитъ мнѣ, бывало, когда я пою, что я имѣла бы успѣхъ на сценѣ.

— Что же! попробуй! это въ самомъ дѣлѣ будетъ хорошо. Доходы наши увеличатся вдвое. Только мнѣ кажется, у тебя слаба грудь; а вѣдь для сцены нужно имѣть очень крѣпкія легкія.

— Ничего; здѣсь не такая сцена, какъ въ Петербургѣ или въ Москвѣ.

— Я скажу Мыльникову.

— Пожалуста скажи. Мнѣ хотѣлось бы обдѣлать это дѣло поскорѣе.

Лазурные зрачки Леонида Сергѣича только изрѣдка проглядывали изъ-подъ вѣкъ и пухлыя губы его ни на минуту не скрывали за собой сверкающихъ зубовъ во все время, какъ Мирвольскій говорилъ о желаніи Ольги вступить въ его труппу и излагалъ свои условія. Когда Павелъ Павлычъ кончилъ, Мыльниковъ кинулся обнимать и лобызать его, съ страстнымъ и несвязнымъ лепетомъ, изъ котораго только и слышались слова: «Искуство... душа... моя мечта... давнишнее желаніе... пѣвица...»

— Значитъ, проговорилъ Мирвольскій, слегка обороняясь отъ объятій и поцалуевъ Леонида Сергѣича, которымъ, казалось, не будетъ конца: — ты доволенъ желаньемъ Ольги, и готовъ принять ее?

— Доволенъ, душа... доволенъ, лепеталъ, захлебываясь словами, Мыльниковъ.—Принять?.. Да я мечталъ объ этомъ... Нѣсколько разъ хотѣлъ просить, да боялся отказа...

— Ну, а относительно условій?

— Какъ ты говорилъ, такъ пусть и будетъ!

— Не тяжело ли для тебя?

— Въ нитку вытянусь.

— Такъ, значитъ, дѣло слажено?

— Хоть сейчасъ контрактъ. Пойдемъ только сначала къ Ольгѣ Васильевнѣ — мнѣ надо поблагодарить ее.

Леонидъ Сергѣичъ покрылъ поцалуями руки Ольги и съ полчаса расписывалъ ей самыми яркими красками свое удовольствіе. Онъ точно давно уже питалъ тайное желаніе видѣть Ольгу на своей сценѣ и надѣялся отъ ея игры и пѣнія немалыхъ выгодъ; впрочемъ выгоды, какъ и всегда,

не стояли у него на первомъ планѣ: главное — Леониду Сергѣичу нравился голосъ Ольги, и онъ кромѣ того думалъ, что она должна быть превосходною актрисой... Почему думалъ онъ это, автору такъ же трудно объяснить, какъ было это трудно ему самому.

Условія Мирвольскаго были не совсѣмъ по средствамъ антрепренера, и если онъ такъ скоро и безотговорочно принялъ ихъ, то развѣ потому, что «искуство — это, такъ сказать, мой кумиръ.»

Для дебюта Ольги была выбрана драма «Материнское Благословеніе».

Актрисы труппы почти единогласно вознегодовали, услыхавъ эту новость; но никто такъ не сердился на Мыльникова, какъ госпожа Крокова и дѣвица Бушуева старшая: первая потому, что Ольга начинала свое сценическое поприще въ ея роли, послѣдняя же не по какой-либо особенной причинѣ, а такъ...

— Этотъ Мирвольскій мнѣ наконецъ противенъ, говорила, шевеля плечами, Маргарита Прокофьевна.—Опуталъ этого несчастнаго болвана, и онъ дѣлаетъ все, что тотъ захочетъ. Очень нужна была еще актриса! И съ нами-то того и гляди въ трубу вылетитъ; нѣтъ — надо еще набирать народу. И ужь конечно Мирвольскій вымогъ у него такое же жалованье ей, какъ и себѣ... Вѣдь тотъ губошлепъ во всемъ по его дудкѣ пляшетъ. Ты не слыхала, Надя, сколько онъ ей назначилъ?

— Нѣтъ, отвѣчала Наденька: — вѣрно побольше нашего.

— А за что, вопросъ? Какой чортъ ее знаетъ!

— Онъ ужь давно толкуетъ, что она хорошо поетъ.

— А на какого дьявола ея пѣнье? что онъ — большія оперы хочетъ давать что-ли?.. Ахъ, какой дуракъ! ахъ, какой дуракъ!.. Зачѣмъ онъ, напримѣръ, будетъ теперь держать Крокову?

— Я рѣшительно ничего не понимаю, отвѣчала Наденька.

— Если бъ не контрактъ, продолжала сильно-разгорячившаяся Маргарита Прокофьевна: — одного часу не осталась бы здѣсь. Теперь поневолѣ вспомнишь Сошникова. «Эй, говорилъ, Маргарита Прокофьевна! не льститесь на его жалованье... не долго вы съ нимъ наживете!» Такъ и вышло... Вотъ увидишь, что онъ такъ запутается со своими новобранцами, что намъ деньги придется съ него по копѣйкѣ мѣдной получать.

— Вѣдь онъ и безъ того въ долгу какъ въ шелку.

— Кончится тѣмъ, что этотъ молодецъ со своей возлюбленной дрянью оберутъ его и пустятъ по міру. Намъ-то большое утѣшеніе! Я хочу написать къ Сошникову — нельзя ли опять какъ нибудь сладить дѣло съ нимъ. А то просто чортъ знаетъ, что такое?

— Мнѣ очень хочется посмотрѣть ее... какова-то она?

— Навѣрное дрянь.

— Завтра что-ли будетъ репетиція?

— Кажется.

Сестрицы явились получасомъ раньше обыкновеннаго срока на первую репетицію, въ которой должна была участвовать Ольга. Нетерпѣніе ихъ было такъ сильно, что три четверти часа до пріѣзда ея и Мирвольскаго показались дѣвицамъ Бушуевымъ чуть не тремя цѣлыми часами.

Ольга не могла побѣдить въ себѣ робости, взбираясь по шаткимъ деревяннымъ лѣстницамъ и темнымъ переходамъ, пахнувшимъ пылью, на едва озаренную сцену. Мирвольскій велъ подъ руку новую актрису и долженъ былъ безпрестанно предостерегать ее, чтобы она не споткнулась или не упала.

— Осторожнѣе! говорилъ онъ: — здѣсь нѣтъ перилъ... Тутъ порогъ... Тише! не ушибись — тутъ три ступеньки... Разъ, два, три — все... Ну, вотъ мы и на сценѣ.

Леонидъ Сергѣичъ какъ изъ земли выросъ передъ Ольгой и предложилъ ей свою руку. Темная зала и сцена, обставленная съ боковъ продранными кулисами, на которыхъ кусками сидѣли грубыя краски, показались ей пыльнымъ и грязнымъ сараемъ. Глаза ея не скоро привыкли къ полумраку, господствовавшему на сценѣ, и не скоро разсмотрѣла она людей, которые шевелились тутъ и говорили, какъ кажется, очень забавныя вещи. Репетировался какой-то водевиль.

— Вы устали, Ольга Васильевна? вскричалъ Мыльниковъ, устремляясь за стуломъ. — Садитесь пожалуста! Вамъ вѣрно очень странно здѣсь все съ перваго разу?

— Я совсѣмъ не умѣю ходить по этому покатому полу, сказала Ольга, садясь.

— Въ двѣ-три репетиціи привыкнете, отвѣчалъ Мыльниковъ. — А я такъ отъ прямаго-то пола совсѣмъ отучился: все здѣсь толчешься.

Ольгѣ какъ-то тяжело дышалось; она боялась, чтобы у нея не закружилась голова и не сдѣлался обморокъ. Мыльниковъ самъ сбѣгалъ за стаканомъ воды для нея.

Репетиція шла своимъ чередомъ; въ оркестрѣ, гдѣ мерцало нѣсколько сальныхъ огарковъ, брались по временамъ за смычки, и на сценѣ пѣлся въ полголоса куплетъ.

Съ большею частью актеровъ Ольга была знакома, потому что видала ихъ у Павла Павлыча; актрисъ она знала только въ лицо.

— Прикажете представить вамъ нашихъ дамъ? сказалъ Леонидъ Сергѣичъ.

— Пожалуй, если это нужно, отвѣчала Ольга: — но, я думаю, не мнѣ слѣдуетъ представлять ихъ, а меня имъ.

— Полноте!

Въ это время Маргарита Прокофьевна съ сестрицей проходили мимо стула Ольги, и окинули ее искоса проницательными взорами.

— Маргарита Прокофьевна! Наденька! вскричалъ Леонидъ Сергѣичъ, вскакивая съ мѣста: — позвольте васъ познакомить.

Дѣвицы остановились, Ольга встала и подала руку сначала старшей, потомъ младшей.

— Очень рада съ вами познакомиться, проговорила госпожа Бушуева старшая, измѣряя Ольгу съ головы до ногъ нелишеннымъ гордости взглядомъ. — Желаю вамъ всевозможныхъ успѣховъ на нашей сценѣ.

— Благодарю васъ, отвѣчала Ольга.

— Объ успѣхахъ и говорить нечего! воскликнулъ Леонидъ Сергѣичъ (зрачки его ушли подъ лобъ): — они несомнѣнны.

Ольгѣ хотѣлось сказать какую-нибудь любезность сестрамъ Бушуевымъ, но она ничего не могла придумать.

Между тѣмъ проба водевиля окончилась, и Мирвольскій, во все продолженіе ея прогуливавшійся по сценѣ съ трубкой въ рукахъ, подошелъ къ Ольгѣ.

— Ну, теперь надо выходить тебѣ, сказалъ онъ.

Дѣвицы Бушуевы перекинулись съ нимъ нѣсколькими словами; обращеніе къ нему Маргариты Прокофьевны было противъ обыкновенія очень сухо.

Началась проба «Материнскаго Благословенія». Ольга чувствовала ужасную неловкость: она очень твердо знала роль; но когда ей пришлось повторять ее на сценѣ, слова не приходили ей на языкъ. Шипѣнье суфлера пугало ее и заставляло вздрогнуть всякой разъ, когда онъ подсказывалъ ей забытую фразу. Почти всѣ актеры просто читали свои роли; Ольга старалась «играть», и каждое неудачное по ея мнѣнію движеніе или выраженіе приводили ее въ смущеніе и въ краску. По непривычкѣ пѣть съ акомпаниментомъ оркестра она сбилась въ первомъ куплетѣ, и должна была повторить его. Ольгу очень смущали также и пристальные взоры

Наденьки и ея сестрицы, нарочно помѣстившихся поближе къ авансценѣ. Впрочемъ мало по малу робость Ольги прошла; она смѣлѣе стала читать роль и пѣть. Леонидъ Сергѣичъ остался несказанно-доволенъ.

Далеко не такъ довольны остались дѣвицы Бушуевы: онѣ признавали только одно достоинство въ Ольгѣ, и то не вполнѣ — именно, что она недурна собой; объ игрѣ ея онѣ произнесли окончательное сужденіе по первой же репетиціи. Наденька сказала, что Ольга похожа на истукана; Маргарита Прокофьевна, что въ пѣньѣ она фальшитъ, и что голосъ у нея непріятный.

Ольга нисколько не заботилась объ отзывѣ людей, въ общество которыхъ теперь вступала; она знала, судя по расказамъ Павла Павлыча, что отъ ихъ суда ей нечего ожидать справедливости. Въ то же время она чувствовала, что игра ея должна произвести выгодное впечатлѣніе на публику; къ этому сознанію рѣдко примѣшивалось въ ней сомнѣніе въ своихъ силахъ.

Мирвольскій никакъ не соглашался на просьбу нетерпѣливаго Мыльникова назначить дебютъ Ольги послѣ трехъ репетицій.

— Торопливостью своей, говорилъ ему Павелъ Павлычъ: — ты сдѣлаешь то, что Ольга съ перваго же разу не будетъ имѣть ни малѣйшаго успѣха.

— Да развѣ это возможно?

— Возможно, если ты не дашь ей хоть немного освоиться со сценой.

Мыльниковъ принужденъ былъ согласиться, тѣмъ болѣе, что этого желала и Ольга. Двѣ недѣли, которыя пришлось ему ждать дебюта новой артистки, онъ былъ какъ на иголкахъ.

Наконецъ-то, наконецъ насталъ долго жданный день — долго жданный не для одного антрепренера: весь городъ инте-

ресовался новою актрисой. Пользуясь этимъ, Мыльниковъ вздумалъ-было удвоить плату за входъ; но Мирвольскій не хотѣлъ и слышать объ этомъ — и онъ скрѣпя сердце покорился.

Негодованіе актрисъ, постепенно возрастая, достигло высшаго предѣла ко дню дебюта Ольги. Особенно взволновало всѣхъ обстоятельство повидимому ничтожное. Дня за три до выхода Ольги на сцену, во время репетиціи, Мирвольскій сказалъ Мыльникову:

— Послушай, надо позаботиться объ уборной для Ольги. Вѣдь у васъ тамъ такой хаосъ, что Боже упаси!

— Я ужь позаботился, отвѣчалъ съ сладостной улыбкой Леонидъ Сергѣичъ. — Пойдемъ, взгляни; я убралъ тамъ одну каморку: и зеркало поставилъ, и коверъ постлалъ.

Мирвольскій остался недоволенъ и зеркаломъ, и ковромъ, и даже самою комнатой.

— Здѣсь ужасно грязно, сказалъ онъ: — окно тусклое, на потолкѣ паутина.

Рѣшено было потолокъ заново выбѣлить; а облупившіяся стѣны оклеить новыми обоями. Леонидъ Сергѣичъ согласился на это, и черезъ день все было готово.

Мирвольскій на свой счетъ велѣлъ обить полъ ковромъ (съ ногъ адски дуло) и совершенно закрыть ненужное окно красивою драпировкой. Большое зеркало и хорошая мебель сдѣлали изъ невзрачной каморки очень порядочную уборную.

Вечеромъ въ день дебюта Ольги, Маргарита Прокофьевна изъ-за этой уборной разъ двадцать назвала антрепренера болваномъ и губошлепомъ, а дебютантку фреею и тряпкой.

Трудно описать тревогу, которая ни на минуту не покидала въ этотъ день Ольгу и особенно усилилась къ вечеру. Когда Ольга одѣлась и вышла изъ уборной, Павелъ Павлычъ ни на шагъ не отходилъ отъ нея, стараясь ее ободрить сколько могъ. Лицо Ольги горѣло, а руки были холодны какъ ледъ.

Занавѣсъ подняли.

Ольга не вдругъ пришла въ себя послѣ грома рукоплесканій, которыми встрѣчено было ея появленіе на сценѣ. Она начала робко, нерѣшительно; но, постепенно собираясь съ силами, наконецъ совершенно ободрилась, вошла въ роль, и имѣла полнѣйшій успѣхъ. Ее вызвали по окончаніи драмы пять разъ.

Игра Ольги отличалась отъ игры всѣхъ безъ исключенія актрисъ туруханскаго театра чрезвычайною граціей и благородствомъ манеръ, которыми онѣ не могли похвалиться; кромѣ того, каждая сцена, каждое положеніе, каждая фраза были поняты и прочувствованы.

Маргарита Прокофьевна съ наслажденіемъ растерзала бы дебютантку въ клочки. Наденька сердилась меньше, хотя (съ закулисной точки зрѣнія) имѣла на это больше права.

За драмой долженъ былъ слѣдовать какой-то водевиль, переведенный съ французскаго, въ которомъ Наденька занимала главную роль. Въ антрактѣ, когда Ольга пошла въ уборную смыть румяна и переодѣться, чтобы ѣхать домой, Мирвольскій, ожидая ея, расхаживалъ по сценѣ, за занавѣсомъ, опущеннымъ для изображенія въ водевилѣ стѣны, и курилъ сигару. Артисты и артистки были частію въ уборныхъ, частію на передней половинѣ сцены.

Въ то время, какъ оркестръ заигралъ какую-то польку, или польку-мазурку, между кулисъ появилась Наденька Бушуева, только-что одѣвшаяся къ піесѣ. На ней была соломенная шляпа съ широкими полями и коротенькое платье съ открытымъ лифомъ — голубое, обшитое темными лентами. Наденька тянулась къ лампѣ зажечь папироску; но лампа висѣла слишкомъ высоко, и это ей не удавалось.

Мирвольскій подошелъ къ ней.

— Вамъ огня?

— Да-съ.

— Не угодно-ли?

Онъ подалъ сигару.

— Очень вамъ благодарна-съ.

Наденька проговорила это очень серіозно; глазки ея не играли.

— Вы сегодня всѣмъ вскружите голову, сказалъ Мирвольскій, глядя на нее.

— Старый комплиментъ, замѣтила Наденька, закидывая голову и пуская дымъ тонкою струйкой кверху.

— Всегда старая истина, когда рѣчь объ васъ.

— Какія тонкости вы нынче говорите!

Наденька повернулась почти съ легкостью воздушной пери, чуть не вышибла платьемъ сигары изъ рукъ Мирвольскаго и, тихо напѣвая какой-то куплетъ (онъ начинался стихомъ: «Мы дѣвушки въ шестнадцать лѣтъ»), стала расхаживать вдоль сцены.

Разговаривая съ Павломъ Павлычемъ, она ни разу не остановила на немъ своихъ черныхъ глазъ и смотрѣла или вверхъ, или всторону.

Мирвольскій послѣдовалъ за нею.

«Мы дѣвушки въ шестнадцать лѣтъ...»

Продолжала она напѣвать.

— Наденька! сказалъ Мирвольскій, подходя къ ней: — объясните пожалуста, отчего вы дуетесь на меня вотъ ужь третій день.

«Любовныхъ хитро...»

— Что-съ? спросила Наденька, переставая пѣть и все-таки не глядя на Мирвольскаго.

— Вы на меня сердитесь?

— За что?

— Не знаю.

Наденька опять принялась напѣвать тотъ же куплетъ.

— Я очень хорошо вижу, продолжалъ Мирвольскій: —

что вы сердитесь на меня, а не знаю причины, и это меня безпокоитъ.

— Неужто?

— Очень безпокоитъ.

— Стоитъ ли безпокоиться изъ-за такихъ пустяковъ?

— Такъ стало-быть вы признаетесь, что сердиты на меня?

— Я этого не говорила.

— Прямо не говорили — такъ; но изъ вашего намека это не трудно понять.

— У васъ очень пылкое воображеніе.

— Вы неправы, и потому не хотите отвѣчать мнѣ.

— Да за что же мнѣ сердиться на васъ? ну, скажите сами! сказала Наденька, бросивъ въ сторону окурокъ папироски.

Она остановилась и взглянула на Мирвольскаго играющими глазками.

— Вѣроятно, *вы* неправы передо мной, что подозрѣваете, будто я сержусь на васъ.

Наденька была очаровательна въ эту минуту. Голова ея, очень красиво отѣненная полями шляпы, была наклонена къ плечу; сверкающіе чернымъ огнемъ глазки лукаво устремлены на Мирвольскаго; одной рукой играла она лентами, ввязанными въ длинную косу, которая была переброшена сзади черезъ плечо.

— Скажите же, Наденька, въ чемъ я провинился? спросилъ Мирвольскій, взявъ ее за руку.

— Не троньте моей руки, сказала Наденька, улыбаясь и тихонько ударяя Мирвольскаго по пальцамъ. — Я въ самомъ дѣлѣ зла на васъ.

— И нельзя узнать, за что?

— Хоть вы и знаете свою вину, а надо сказать...

— Ей Богу, я не знаю за собой никакой вины.

— Ну, ладно, ладно. Надѣюсь однако, вы не скажете, что были внимательны ко мнѣ и къ сестрѣ — впрочемъ о сестрѣ нечего говорить! — внимательны ко мнѣ третьяго дня, вчера и наконецъ сегодня утромъ?... Напримѣръ хоть поклонились ли мнѣ нынче?.. Ужь это даже и не просто невниманіе.

— Простите...

— Это невѣжливо.

— Я былъ такъ занятъ, въ такихъ хлопотахъ...

— Это не отговорка.

— Ну виноватъ! простите же! дайте ручку!

Наденька, до той поры лукаво смотрѣвшая на Мирвольскаго изъ подъ полей своей шляпы, устремила взоры въ противуположную сторону сцены и всматривалась въ кого-то, появившагося между кулисами; но всматривалась такъ, что Павелъ Павлычъ незамѣчалъ этого. Онъ хотѣлъ взять ее за руку.

— Встаньте сначала на колѣни, а потомъ ужь дамъ я вамъ руку.

— Вѣдь у насъ зрителей нѣтъ; кчему же эта комедія?

— Ничего.

— Повинуюсь...

Мирвольскій опустился на колѣни.

— Вотъ это хорошо, сказала Наденька, только на мгновенье взглянувъ въ лицо Мирвольскому.

Она опять обратила глаза въ противуположную сторону сцены.

— Теперь можете встать.

— Мировая?

— Да. Вотъ вамъ и моя рука.

— Можно поцаловать въ плечико?

— Пожалуй.

Въ ту минуту, какъ Мирвольскій наклонился къ плечу Наденьки, Наденька вскричала:

— Васъ ждутъ!

И она упорхнула за сцену.

Мирвольскій поспѣшно обернулся въ ту сторону, куда такъ пристально смотрѣла Наденька. Между кулисъ стояла Ольга.

— Ты готова? спросилъ онъ, подходя къ ней.

Ольга молча кивнула головой.

— Устала?

— Да.

Она держалась за деревянную раму кулисы, и была очень блѣдна.

— Поѣдемъ домой, сказалъ Мирвольскій и подалъ ей руку.

Сводя Ольгу съ темной лѣстницы, онъ чувствовалъ, что рука ея дрожитъ.

ГЛАВА XIX.

Изъ клѣтки вонъ.

Снѣгъ ни на минуту не переставалъ сыпаться съ мутнаго неба. Мягкими подушками ложился онъ на кровли, звѣздчатыми сѣтками застилалъ окна, бѣлымъ ковромъ покрывалъ улицы и деревянные тротуары Турухтанска, приставалъ какъ пухъ къ одеждѣ проходящихъ и проѣзжихъ. Гранитные львы, украшающіе крыльцо дома дворянскаго собранія, казались закутанными въ горностаевый мѣхъ.

За предѣлами города, вокругъ котораго верстъ на пять, на шесть нѣтъ ни пригорка, ни деревца, снѣгъ сыпался, кажется, еще обильнѣе. Но не такъ спокойно, какъ въ городѣ, ложился онъ на землю: вихорь, котораго не было слышно въ городскихъ улицахъ, весело разгуливалъ въ полѣ,

кружился, закручивалъ снѣгъ столбомъ и завивалъ сугробы около каждой кочки. Къ сѣверу отъ Туруханска, на протяженіи пяти верстъ, по дорогѣ къ селу Бору, не было ни единой вехи, которую вѣтеръ не занесъ бы до половины снѣгомъ.

Въ село вихорь забѣгалъ только изрѣдка, словно соскучившись мыкаться по полю; но мало было ему тутъ простора... Кинулъ горстью холодныхъ хлопьевъ въ румяное лицо идущей по воду молодицы, всклочилъ чью-нибудь бороду, обдулъ снѣгъ со скворешницы, напорошилъ его въ крошечное, незащищенное стекломъ оконце хлѣбнаго анбара, и опять бѣжитъ вонъ изъ села — или назадъ, въ поле, или впередъ, къ широкой рѣкѣ, а тамъ — хватило бы только охоты — катай-валяй по ея замороженной и занесенной глади хоть за тысячу верстъ.

Было что-то печальное, похоронное въ этомъ снѣжномъ утрѣ; поневолѣ приходило въ голову старинное уподобленіе снѣга савану. Видъ этихъ бѣлыхъ сумерекъ, длящихся цѣлый день, нагонялъ сонъ, и все дремалъ бы, слушая, какъ трещатъ и пощелкиваютъ въ печи дрова, и не вышелъ бы изъ дому; а ужь если и быть на холоду, такъ сидѣть въ кибиткѣ, запряженной тройкой съ колокольчикомъ подъ дугой, и опять-таки дремать, закутавшись въ теплую шубу, подъ его однобразный, заунывный напѣвъ.

Съ большой неохотой и съ какимъ-то тяжелымъ чувствомъ отправился въ лавку Митя Бугровъ: онъ былъ увѣренъ, что пробудетъ тамъ цѣлый день, неувидавъ въ глаза ни одного покупателя. Впрочемъ едва ли пріятнѣе было бы Дмитрію остаться дома, если придется сидѣть тамъ съ дядей.

Климъ Лукьянычъ совсѣмъ отшатнулся отъ племянника, свозивъ его на ярмонку. Онъ сталъ чрезвычайно скупъ на слова съ Дмитріемъ: говорилъ только тогда, какъ нужно что приказать, послать куда-нибудь — не иначе. Въ старикѣ не

было прежней взыскательности; но Дмитрій былъ бы радъ, чтобъ онъ хоть разъ хорошенько погонялъ его, задалъ бы ему, что называется, трезвону, только бы не глядѣлъ такимъ звѣремъ. Ужь нѣсколько разъ случалось парню попадать въ просакъ, и Лукьянычъ — ничего, тогда какъ прежде дѣло не обошлось бы безъ большой грозы.

Такая перемѣна въ характерѣ старика и въ отношеніяхъ его къ племяннику произошла вдругъ, съ того самаго, слишкомъ памятнаго Дмитрію дня, когда онъ ждалъ крѣпкихъ упрековъ себѣ отъ дяди за самовольное посѣщеніе театра. Ожиданія эти не сбылись и продолжали мучить Митю и во все время пребыванія его въ Голодаевѣ, и въ дорогѣ, и наконецъ нѣсколько недѣль по возвращеніи въ Боръ. Ни полусловомъ не намекнулъ Лукьянычъ, что поступокъ Дмитрія пришелся ему очень не по сердцу; Дмитрій даже не былъ вполнѣ увѣренъ, извѣстно ли старику, что онъ ходилъ въ театръ... А между тѣмъ, не знай этого Лукьянычъ, зачѣмъ одѣлся бы онъ вдругъ въ такую неприступную броню для племянника? Правда, и прежде смотрѣлъ онъ сурово и строго, но теперь и сравненія съ прежнимъ не было.

Послѣ «Гамлета» Дмитрій уже не дерзалъ и думать побывать еще разъ въ театрѣ, хотя видѣнное имъ представленіе часто возникало со всей своей привлекательностью въ его воображеніи. Ему хотѣлось повторить испытанное впечатлѣніе хоть въ чтеніи, и онъ, идучи однажды изъ города на ярмонку, остановился у маленькой книжной лавки, которая примыкала къ самому мосту вмѣстѣ съ двумя-тремя другими лавчонками съ краснымъ товаромъ. Дмитрій спросилъ, есть ли въ лавкѣ какія-нибудь «театральныя книги». Ему отвѣчали, что есть, и въ свою очередь спросили его, какія именно книги нужны ему. Онъ назвалъ «Гамлета», котораго тотчасъ же и купилъ за полтинникъ.

— Нѣтъ ли еще какихъ? спросилъ Дмитрій.

— Какъ не быть! отвѣчалъ торговецъ: — вотъ есть «Недоросль», «Русалка», «Коварство и Любовь», «Горе отъ Ума».

Онъ выложилъ и еще съ десятокъ тоненькихъ книжекъ.

У Дмитрія разгорѣлись было глаза на четыре томика «Русалки», но купецъ не уступалъ ея дешевле пяти рублей асигнаціями, а у нашего парня оставалось всего на все пять рублей, на которые ему хотѣлось купить не одну, а нѣсколько піесъ. Выборъ его палъ на «Коварство и Любовь», на «Ненависть къ людямъ и Раскаяніе», на «Разбойниковъ» и на «Тридцать лѣтъ, или Жизнь игрока».

Необходимо было схоронить эти пріобрѣтенія подальше отъ грозныхъ очей дяди, чтобъ и эти книги не подверглись участи несчастной «Повѣсти о Приключеніи англинскаго милорда Георга». Цѣлый день берегъ ихъ Дмитрій за пазухой и только вечеромъ, когда дядя ушелъ къ Крупчаткину, а его оставилъ дома, рѣшился парень разсмотрѣть повнимательнѣе свою покупку. Какъ ни увлекало его начало каждой изъ книгъ, онъ не принялся ни за одну изъ нихъ, боясь, какъ бы дядя не засталъ его за этимъ занятіемъ; Дмитрій сталъ подумывать, куда бы спрятать ихъ. Самымъ удобнымъ мѣстомъ показались ему старые сапоги, которые лежали въ самой глубинѣ кулька, занятаго вещами Дмитрія. Какъ ни жаль было мять книги, а дѣлать нечего — затолкалъ ихъ въ сапоги.

Пріятнѣйшею мечтой Мити во время обратнаго пути было — пріѣхать поскорѣе домой, и тамъ, сидя за прилавкомъ, заняться чтеніемъ и изученіемъ своихъ книгъ. Мечты его впрочемъ не ограничивались этимъ Въ высшей степени увлекательнымъ и завиднымъ представлялось ему поприще актера, окруженное блескомъ, независимое, полное вліянія на толпу, и онъ подчасъ думалъ, что тутъ-то бы, на этомъ свѣтломъ поприщѣ, и развернуться ему; не разъ воображалъ онъ себя

сценическимъ героемъ, которому гремятъ рукоплесканія; но мысль о старикѣ дядѣ со сдвинутыми бровями и крѣпко сжатыми губами гнала отъ него прочь подобныя мечты.

Воротясь въ село, Дмитрій съ перваго же дня, въ который отправился въ лавку, взялся за свои книги. Сначала прочиталъ онъ каждую отъ корки до корки, а потомъ сталъ учить наизусть роль «Гамлета», стараясь читать ее, какъ читалъ въ Голодаевѣ Мирвольскій. Дѣло пошло на ладъ, и мало по малу въ умѣ Дмитрія начала развиваться мысль сдѣлаться актеромъ. Онъ не удовольствовался ролью «Гамлета» и точно такъ же выучилъ роли Клавдія, Полонія, Гораціо, и прочія мужскія роли трагедіи. Наученный опытомъ, Дмитрій былъ остороженъ, и дядя ни разу не заставалъ его за занятіемъ, котораго никакъ бы не одобрилъ. Парень не мало сокрушался, что не можетъ декламировать громко (всѣ сосѣдніе прикащики приняли бы его за сумашедшаго и сбѣжались въ лавку); чтеніе же шопотомъ казалось ему недостаточнымъ.

Когда «Гамлета», выученнаго отъ слова до слова наизусть, можно было отложить въ сторону, Дмитрій принялся за другія піесы, и точно такъ же выучивалъ въ нихъ всѣ роли, начиная съ главной и кончая самою незначительной.

Онъ зналъ, что и въ Турухтанскѣ есть театръ, что Мирвольскій, который такъ восхищалъ его, тамъ (раза два-три въ Боръ попадали афиши), и Дмитрій сгаралъ желаніемъ побывать въ городѣ, къ содержателю актеровъ, и узнать, какимъ способомъ можно попасть въ ихъ число. Но Климъ Лукьянычъ словно чуялъ это желаніе племянника и всякой разъ, когда ему случалось какое-нибудь дѣло въ городѣ, отправлялся туда самъ, и не только не думалъ, что можно для этого послать туда Дмитрія, даже съ собой его не бралъ.

Въ то снѣжное утро, о которомъ я завелъ рѣчь, на Дмитрія напала невыносимая тоска, и онъ ничѣмъ не могъ

отъ нея отдѣлаться. Что-то щемило ему сердце. Тирады изъ разучиваемыхъ піесъ, которыя онъ обыкновенно повторялъ, сидя за прилавкомъ, не приходили ему на память, да и языкъ какъ-будто отказывался шевелиться. Тоска была совершенно безотчетная; онъ ни о чемъ не думалъ, ничто по видимому не могло и навести его на какія-нибудь непріятныя думы. Часы тянулись съ небывалой медленностью; покупателей не показывалось... да и кто пойдетъ въ панскую лавку въ такую погоду? Дѣло не можетъ быть спѣшнымъ — не уйдетъ время купить холста или ситцу.

Снѣгъ продолжалъ сыпаться, словно имѣлъ твердое намѣреніе схоронить подъ собой все село Боръ и съ верхушками его домовъ и избъ. Въ серединѣ улицы нога уходила по колѣно въ рыхлый снѣгъ; у входа въ лавки, защищеннаго навѣсомъ, нельзя было пройти, не погрузясь въ снѣгъ по щиколку.

Митѣ очень хотѣлось, чтобы хоть дядя пришелъ поскорѣе въ лавку — смѣнить его на время обѣда; но какъ нарочно Климъ Лукьянычъ не показывался. Дмитрій начиналъ уже чувствовать голодъ. «Что бы это значило?» думалъ онъ: «кажется, самая пора, а его нѣтъ, какъ нѣтъ. Въ сосѣднихъ лавкахъ купцы или прикащики успѣли уже возвратиться съ обѣда, а нашъ парень сидитъ-себѣ и ждетъ не дождется смѣны.

Наконецъ стало темнѣть... чѣмъ же это кончится?

Но вотъ вмѣсто дяди въ лавку явился работникъ Максимъ, звать домой Дмитрія: Климъ Лукьянычъ сдѣлался нездоровъ и не могъ придти смѣнить племянника.

— Да что же ты не пришелъ сказать мнѣ объ этомъ пораньше?

— Марья Осиповна послала-было меня, отвѣчалъ работникъ: — да самъ Климъ Лукьянычъ вернулъ: не надо, говоритъ. Во время обѣда она сказала ему.

Дмитрій заперъ лавку и отправился домой. Дядю засталъ онъ больнымъ и, судя по осторожной походкѣ и жалобному выраженію лица тетки, сердитымъ.

Марья Осиповна засуетилась, чтобы накормить племянника.

— Видно тебѣ, Митенька, придется завтра въ городъ ѣхать. Старикъ-то самъ собирался, да вишь, какъ его скрючило!

— А развѣ надо въ городъ?

— Должно-быть надо: все утро нынче объ этомъ твердилъ.

Митя былъ несказанно радъ этому извѣстію и, должно признаться, не разъ опасался, какъ бы дядя за ночь не выздоровѣлъ, и такимъ образомъ не отсрочилъ еще на неопредѣленное время поѣздку его въ городъ. Съ той минуты, какъ Осиповна сообщила племяннику о намѣреніи дяди, Дмитрій не переставалъ обдумывать, какъ онъ, справивъ дѣло, за которымъ пошлетъ его дядя, пойдетъ къ содержателю театра и поговоритъ съ нимъ, посовѣтуется: возможно ли для него сценическое поприще, или нѣтъ? «Хоть бы только узнать навѣрное, гожусь ли я въ актеры,» думалъ Дмитрій: «не гожусь — такъ тому дѣлу и быть — стану жить по прежнему.»

Рано поднялся онъ на слѣдующее утро, и все боялся, что вотъ-вотъ встрѣтится съ совсѣмъ выздоровѣвшимъ старикомъ. Скоро впрочемъ опасенія его миновались. Осиповна кликнула Митю къ дядѣ.

— Что онъ, тетенька? спросилъ Митя: — нездоровъ?

— Лежитъ, отвѣчала Марья Осиповна: — поясница вишь отнялась, подняться не можетъ — сѣсть, не токмо-что на ноги стать.

Климъ Лукьянычъ поручилъ племяннику сдѣлать какую-то справку въ магистратѣ, навѣдаться къ двумъ своимъ

должникамъ за деньгами и затѣмъ возвратиться немедленно въ село.

Дмитрій запрягъ въ сани лошадь, запасся для нея сѣномъ и покатилъ въ городъ. Утро было не похоже па вчерашнее. Вѣтру вовсе не было; легкій морозъ скрѣпилъ снѣгъ, и востокъ желтѣлъ, обѣщая солнечный день.

Дмитрій оставилъ лошадь свою во дворѣ у знакомаго купца Голоушина, а самъ пустился по городу пѣшкомъ — справлять порученія дяди.

Часа черезъ полтора порученія были исполнены, и Дмитрій могъ обратиться къ своему дѣлу.

Не зная, гдѣ отыскать Мыльникова (имя содержателя было извѣстно Дмитрію изъ афишъ), онъ направилъ шаги къ театру. Ни на переднемъ крыльцѣ, ни съ боковъ, ни сзади не нашлось отпертой двери. Съ сокрушеннымъ сердцемъ готовъ былъ Митя оставить неприступную храмину музъ; но въ это время площадью, около самаго театра, проходилъ Карауловъ. Хотя мысли его были направлены почти исключительно къ сосѣднему заведенію подъ вывѣскою графинчика съ двумя рюмками и чайника съ двумя чашками, однако онъ замѣтилъ Дмитрія.

— Кого тебѣ нужно? крикнулъ онъ парню.

Дмитрій объяснилъ.

— Тутъ ты Мыльникова долго не дождешься. Иди къ нему на квартиру.

И трагикъ сообщилъ адресъ антрепренера.

Въ сильномъ волненіи подпимался Дмитрій на крыльцо квартиры Мыльникова.

Леонидъ Сергѣичъ былъ дома. Когда ему доложили, что пришелъ какой-то не то купецъ, не то мѣщанинъ, онъ вышелъ въ лакейскую.

— Что тебѣ, любезный? спросилъ онъ Дмитрія: — отъ кого ты?

— Ни отъ кого-съ, отвѣчалъ Бугровъ нетвердымъ голосомъ: — я съ своей просьбой-съ.

— Какая же у тебя просьба?

— Имѣю желаніе-съ... началъ-было Дмитрій, и пріостановился

— Ну, говори, любезный, скорѣе — что тебѣ нужно? Не держи меня: мнѣ некогда.

— Имѣю желаніе поступить въ актеры, выговорилъ парень однимъ духомъ, покраснѣлъ и потупился.

— А! вотъ какъ! вскричалъ Леонидъ Сергѣичъ, не преминувъ закатить глаза. — Что же? дѣло доброе. Иди сюда; я тебя порасспрошу хорошенько.

Дмитрій скинулъ съ себя тулупъ, положилъ на него свою мѣховую шапку, и робко послѣдовалъ за Мыльниковымъ.

— Откуда ты? спросилъ Леонидъ Сергѣичъ.

Дмитрій отвѣчалъ, откуда.

— Такъ.

Антрепенеръ предлагалъ ему одинъ за другимъ вопросы, и Дмитрій, ободрившись немного, отвѣчалъ на все очень дѣльно.

— Хорошо, любезный, хорошо, заключилъ Леонидъ Сергѣичъ, выслушавъ объясненіе гостя: — значитъ, ты ужъ и ролей много знаешь? Главное теперь въ томъ, какъ ты ихъ читаешь.

— Если угодно, сказалъ Дмитрій: — я прочитаю что нибудь.

— Да, да, я и самъ хотѣлъ тебя заставить. Что бы намъ взять-то? Ну, хоть «Быть иль не быть» прочитай! знаешь?

Дмитрій прокашлялся.

— Стань посерединѣ комнаты!

Онъ сталъ.

— Ну читай.

Леонидъ Сергѣичъ поправился въ креслѣ, сложилъ руки на груди, опустилъ вѣки и приготовился слушать.

Испытуемый началъ, и началъ нѣсколько торопливо, потому-что все еще не совсѣмъ оправился отъ робости.

— Не спѣши, любезный! остановилъ его на третьей же строкѣ Мыльниковъ, причемъ обнаружилъ зубы. — Повтори сначала! Выраженіе ты даешь то самое, какое нужно; только черезчуръ торопишься. Начни сызнова! Ну!

Дмитрій собрался съ духомъ и прочелъ монологъ удовлетворительно. Подъ конецъ Мыльниковъ то и дѣло прерывалъ или, лучше сказать, поощрялъ его одобрительными восклицаніями въ родѣ: «Такъ, такъ!.. Хорошо!.. Изрядно!.. Молодецъ!.. Браво!.. Очень хорошо!.. Отлично!»

Когда Дмитрій кончилъ, Леонидъ Сергѣичъ въ порывѣ удовольствія даже вскочилъ съ мѣста. Онъ закатилъ глаза, обнаружилъ зубы и сталъ трепать молодаго человѣка по плечу.

— Изъ тебя выйдетъ прокъ, любезный! да, выйдетъ прокъ! говорилъ онъ сладостнымъ голоскомъ.—Если ты станешь такъ же усердно заниматься, какъ до сихъ поръ занимался—будешь хорошимъ артистомъ.

Въ глазахъ Дмитрія отражалась радость, которою билось его сердце.

— Ну-ка, сказалъ Мыльниковъ:—еще что-нибудь.

— Что прикажете?

— Что самъ знаешь, любезный...

— Позвольте мнѣ изъ «Коварства и Любви».

— Ладно, ладно; читай!

И Дмитрій прочиталъ послѣдній монологъ Фердинанда.

— Славно! славно! воскликнулъ Мыльниковъ: — это ты еще лучше прочиталъ.

И точно, въ чтеніи шиллеровскаго монолога у Дмитрія было что-то свое, новое; угловатость нѣкоторыхъ фразъ вы-

купалась силою и выразительностью. Въ тирадѣ изъ «Гамлета» Дмитрій сдѣлалъ меньше ошибокъ, но въ ней не слышалось у него ничего самобытнаго: помня игру Мирвольскаго, и при ученіи роли постоянно руководствуясь ею, онъ придавалъ каждой фразѣ выраженіе уже слышанное, не стараясь обдумать и высказать ее по своему.

— Ты теперь свободенъ, любезный? спросилъ Мыльниковъ.

— То-есть какъ это-съ?

— Часа на два свободенъ?

— Свободенъ-съ.

— Такъ погоди же! мы съѣздимъ съ тобой къ Мирвольскому.

— Очень хорошо-съ.

— Садись. Да не хочешь ли трубки?

— Я не курю-съ.

— Ну, закусить. Водку вѣдь пьешь, я думаю?

— Нѣтъ-съ.

— Ну, братъ, этимъ не похожъ на артиста. Да садись же! садись! Полно церемониться-то.

Дмитрій почтительно присѣлъ на кончикъ стула.

— Эй, Андреянъ! громогласно распорядился Леонидъ Сергѣичъ: — вели сани заложить, да поживѣе! Одѣваться мнѣ приготовь! Да подай намъ между-тѣмъ мадеры и сыру!

Скоро все было готово; Мыльниковъ принудилъ гостя выпить рюмку вина, говоря, что отъ этого онъ будетъ читать еще лучше, и поѣхалъ съ нимъ къ Мирвольскому.

Леонидъ Сергѣичъ оставилъ Дмитрія въ залѣ, а самъ устремился въ кабинетъ Мирвольскаго.

— Что это у тебя такое сіяющее лицо? спросилъ Павелъ Павлычъ.

Мыльниковъ въ краткихъ, но сильныхъ выраженіяхъ расказалъ, въ чемъ дѣло. Нѣсколько разъ надѣлялъ онъ Дмитрія титломъ «замѣчательнаго таланта».

— Вотъ ты увидишь, каковъ этотъ молодецъ; мы его сейчасъ заставимъ декламировать.

— Все это хорошо, сказалъ Мирвольскій: — да что станешь ты съ нимъ дѣлать?

— Какъ что? приму его къ себѣ.

— Помилуй! да вѣдь ты и съ тѣми, что есть, насилу можешь справиться; куда тебѣ еще актеровъ? Этакіе у тебя ненасытные глаза!

— Нѣтъ, Павелъ Павлычъ, что ты, братецъ, ни говори, а этого мальчика надо пріютить: изъ него первостатейный артистъ выйдетъ; а стоить онъ будетъ немного... Только бы приняли — ужь и это ему лестно.

— Какъ знаешь!

— Да къ тому жь мнѣ извѣстно, что подъ меня подкопы ведутъ. Карауловъ списывается съ Бѣляковскимъ; меня ругаетъ на чемъ свѣтъ стоитъ — все за тебя!.. Ну, да пусть его переходитъ — не велика потеря!.. А вотъ Кроковъ... этого жалко.

— Развѣ и онъ недоволенъ?

— Не говоритъ ничего, да я стороной слышалъ, что онъ тоже норовитъ на другую сцену... Жена, говорятъ, отдыху не даетъ. «Не хочу» да «не хочу оставаться въ Турухтанскѣ»... Онъ-то самъ ничего бы.

— Ну, послушаемъ твоего новобранца. Зови его сюда.

Мыльниковъ привелъ Дмитрія. Мирвольскій принялъ его съ видомъ покровительства. Дмитрій долженъ былъ тотчасъ же прочесть монологи, читанные имъ у Леонида Сергѣича.

— Въ самомъ дѣлѣ не дурно, замѣтилъ Мирвольскій.

— Что Ольга Васильевна? спросилъ Леонидъ Сергѣичъ: — встала?

— Давно.

— Вотъ ее бы попросить на совѣтъ.

— Что же! Позвони и пошли за ней!

— Я пойду самъ.

И Мыльниковъ выскользнулъ изъ кабинета.

— Ты вѣрно часто бывалъ въ театрѣ? спросилъ Мирвольскій Дмитрія, стоявшаго передъ нимъ.

Павелъ Павлычъ сидѣлъ съ ногами на диванѣ и игралъ кистями своего халата.

— Нѣтъ-съ, отвѣчалъ Дмитрій:—я только разъ и былъ, какъ вы играли въ Голодаевѣ.

— Какъ же это пришло тебѣ въ голову сдѣлаться актеромъ?

— И самъ не знаю-съ.

Мирвольскій закурилъ трубку, и пускалъ дымъ, не глядя на гостя.

Появленіе Ольги въ сопровожденіи Мыльникова смутило Дмитрія, потому-что ему пришлось раскланяться съ нею (онъ сдѣлалъ это до крайности неловко и покраснѣлъ) и отвѣчать на нѣсколько ея вопросовъ.

— Послушайте, Ольга Васильевна! что-то вы скажете? Прочитай-ка что нибудь, любезный.

Дмитрій читалъ на этотъ разъ далеко не съ тою увѣренностью, какъ за нѣсколько минутъ передъ тѣмъ: присутствіе молодой хорошенькой женщины, которая пристально и со вниманіемъ смотрѣла на него и, казалось, слѣдила за каждымъ его словомъ и выраженіемъ, приводило его въ сильное смущеніе.

— При тебѣ онъ конфузится, замѣтилъ вполголоса Мирвольскій, наклонясь немного къ Ольгѣ.

Ольга бросила на него бѣглый взглядъ, слегка покачала головой и опять устремила глаза на Дмитрія. Онъ слышалъ слова Мирвольскаго, видѣлъ молчаливый упрекъ Ольги и смутился еще больше.

— Ваше мнѣніе, Ольга Васильевна? спросилъ Мыльниковъ, когда Дмитрій кончилъ.

— Мнѣ нравится въ немъ то, отвѣчала Ольга: — что онъ, какъ видно, много занимался ролями, изъ которыхъ читалъ отрывки. Нѣкоторыхъ мѣстъ онъ не понялъ, и придаетъ имъ странное выраженіе; но это со временемъ сгладится, если онъ серіозно займется своимъ дѣломъ. Мнѣ кажется, изъ него можетъ выйти полезный артистъ.

Щеки Дмитрія горѣли, когда онъ слушалъ это сужденіе о себѣ; только изрѣдка взглядывалъ онъ исподлобья на Ольгу.

— Такъ хочешь къ намъ? обратился къ нему Леонидъ Сергѣичъ.

— Очень бы желалъ-съ, отвѣчалъ Дмитрій.

— Въ такомъ случаѣ зайди ко мнѣ завтра, и мы съ тобой покончимъ.

— Мнѣ завтра нельзя-съ.

— Ну послѣзавтра.

— Тоже нельзя-съ.

— Что такъ?

Дмитрій объяснилъ, что находится подъ началомъ строгаго дяди, у котораго въ другой разъ пожалуй и не отпросишься въ городъ.

— Такъ онъ тебя пожалуй не пуститъ и въ актеры? спросилъ Мыльниковъ.

— Не пуститъ-съ, отвѣчалъ Дмитрій.

— Такъ какъ же ты сдѣлаешься?

— Уйду.

— Безъ его позволенія?

— Да-съ.

— Вотъ охота-то припала! замѣтилъ смѣясь Мирвольскій.

— Какъ же ты уйдешь отъ него безъ позволенья? спросилъ, перебивая Мирвольскаго, Леонидъ Сергѣичъ

— Такъ же и уйду-съ. Вѣдь онъ не отецъ мой... Изъ родительской воли я бы не выступилъ... Ну, а онъ...

— Вѣдь тебѣ много жалованья нельзя дать; чѣмъ ты жить-то станешь?

— Какъ-нибудь проживу-съ; только бы вы мнѣ навѣрное сказали-съ, что примете меня.

— Что же? я принимаю, принимаю.

— Такъ я завтра же уйду отъ него.

— На первый разъ я пожалуй возьму тебя къ себѣ на квартиру, а тамъ — увидимъ, какъ пойдетъ дѣло.

Дмитрій поблагодарилъ и раскланялся.

— Эхъ, братъ, сидѣлъ бы себѣ за прилавкомъ, сказалъ ему на прощанье Павелъ Павлычъ: — и покойнѣе, да и выгоднѣе.

Ольга съ упрекомъ посмотрѣла на него.

Дмитрій не помнилъ себя отъ радости. Почти бѣгомъ пустился онъ въ домъ къ Голоушину, наскоро впрягъ свою лошадь, наскоро простился съ хозяиномъ, и поскакалъ въ Боръ.

По мѣрѣ приближенія къ дому, имъ начала однакожь овладѣвать такая же несносная тоска, какая мучила его цѣлый день накапунѣ. Заранѣе придумывалъ онъ каждое слово предстоящаго ему объясненія съ дядей; но фразы не клеились у него въ головѣ, и онъ подъ конецъ рѣшился дѣйствовать и говорить, какъ вспадетъ на мысль. Дмитрій чувствовалъ, что неожиданное рѣшеніе его страшно озлобитъ дядю; зналъ онъ, что много придется ему вытерпѣть всякаго горя, прежде-чѣмъ вознаградитъ его за претерпѣнное хотя небольшой успѣхъ — и все таки рѣшеніе его было непоколебимо.

У Клима Лукьяныча все сильнѣе разбаливалась поясница, и отъ этого взглядъ его на все окружающее становился угрюмѣе и недовольнѣе. По расчетамъ старика, Митя могъ въ часъ, много въ два часа окончить порученное ему дѣло, и воротиться къ обѣду, то есть къ полудню. Но вотъ

Лукьянычъ и пообѣдалъ, и вздремнулъ съ полчаса; а Дмитрія все нѣтъ.

— Опять пропалъ! бормоталъ онъ, припоминая, какъ ждалъ племянника до поздней ночи на ярмонкѣ.

Осиповна боялась носъ показать въ горенку, гдѣ мужъ ея грѣлъ на лежанкѣ больную спину. Раза два-три въ теченіе дня ей нужно было войти туда, и Лукьянычъ всякой разъ обращался къ ней съ упрекомъ.

— Что, нѣтъ еще баловня-то твоего? говорилъ онъ, охая и ворочаясь. — Небось, на дорожку и денегъ дала. Погуляй молъ родной, потѣшься въ городѣ... Охъ, ты — ы!

— Задержали знать, Лукьянычъ... Кабы все покончилъ, когда бы, чай, не пріѣхалъ. Давно бы ужь здѣсь былъ.

— Да, вѣрный слуга—нечего сказать. Кормимъ да поимъ да грѣемъ на свою шею... О-охъ! спинушка... Утѣшитъ на старости.

— Ужь онъ ли, Лукьянычъ, парень не смирный... осмѣливалась скромно возразить старуха.

— Вѣстимо... о-охъ!.. вѣстимо, смирный... Пороть бы его да пороть за этакое смиренство—вотъ что.

Осиповна поневолѣ умолкала.

Наступили сумерки, когда Дмитрій возвратился. Тетка встрѣтила его предостереженіемъ.

— Лукьянычъ-то сердитъ нынче, Митенька, говорила она:—ай-ай осерчалъ, что ты долго не ѣдешь. Смотри, не напустился бы на тебя.

— Ничего! отвѣчалъ ей племянникъ и даже къ великому удивленію старухи особенно бойко тряхнулъ кудрями.

Но войдя въ жарко натопленную комнату, гдѣ охалъ старикъ, Дмитрій оробѣлъ едва ли не больше тетки, которая стала за дверью и притаила дыханіе въ ожиданіи крупнаго разговора.

— Что рано? спросилъ старикъ, съ оханьемъ повертываясь лицомъ къ племяннику:—гдѣ изволилъ пропадать?

Глаза его ярко сверкали и въ потьмахъ, какъ у кошки.

— Долго ждалъ, отвѣчалъ Дмитрій.

— Гдѣ?

— Въ магистратѣ.

— Все сдѣлалъ?.. о-охъ!

— Съ Пантелея Алексѣича денегъ не получилъ.

— Такъ и зналъ... о-охъ!.. А съ Инзарцева?

— Съ Инзарцева получилъ.

— Сполна?

— Сполна.

— Дай сюда, да свѣчку зажги.

Дмитрій подалъ деньги и принесъ свѣчу. Старикъ, сосчитавъ деньги, вынулъ изъ-за пазухи кожаный кошелекъ, висѣвшій у него на шеѣ на кожаномъ же гайтанѣ, и уложилъ ихъ туда.

— Ну, а что въ магистратѣ сказали?

Дмитрій отвѣчалъ, что.

— Хорошо; ступай.

Онъ не двигался съ мѣста, располагая начать объясненіе съ дядей теперь же; робость боролась въ немъ съ желаніемъ высказаться, и онъ рѣшительно не зналъ, какъ начать.

— Что же ты... о-охъ!.. что же ты стоишь? сказалъ старикъ, съ усиліемъ привставая на ладоняхъ, чтобы повернуться лицомъ къ стѣнѣ.

«Что бы ни было,» подумалъ Митя: «надо покончить это сегодня; завтра пожалуй и духу не достанетъ».

— Иди на свое мѣсто, проговорилъ съ сердцемъ старикъ.

— Мнѣ съ тобой, дяденька... началъ Дмитрій, переминаясь:—поговорить надобно.

— Что-о? вскричалъ старикъ, оставаясь въ томъ положеніи, какое принялъ, чтобы повернуться, и бросилъ на племянника взглядъ, въ которомъ отражались удивленіе и недовольство. — Объ чемъ тебѣ со мной говорить?

— Есть одно дѣло...

— Ну, говори! что такое?

Старикъ оперся на локоть и устремилъ на Дмитрія глаза. Обращеніе племянника казалось ему небывалою и непростительною дерзостью.

— Отпусти меня! сказалъ Дмитрій.

— Отпустить! куда?

— Совсѣмъ отъ себя отпусти!

— Что-о?.. совсѣмъ!.. Да куда жь я тебя отпущу?

— Куда я хочу.

— Тьфу ты!.. да говори, куда ты хочешь?

— Хочу самъ по себѣ жить.

Что-то въ родѣ стона, смѣшаннаго со смѣхомъ, вырвалось изъ груди старика. Онъ вдругъ распрямился и сѣлъ, свѣсивъ съ лежанки ноги.

— Да какъ ты посмѣлъ говорить-то мнѣ это? захрипѣлъ онъ.—Какъ у тебя языкъ повернулся? Пропасть захотѣлъ? душу свою загубить?.. Кто тебя, нечестивца, научилъ-то этому? Самъ дьяволъ что-ли?

Старикъ смолкъ, задыхаясь отъ бѣшенства.

Глаза горѣли у Дмитрія, и сердце такъ билось, что не дрогнувъ пошелъ бы онъ въ эту минуту на батарею, сыплющую градомъ ядра и картечь.

— Отпускаешь или нѣтъ? спросилъ онъ твердымъ голосомъ.

— Да куда же, разбойникъ? куда?

— На всѣ четыре стороны.

— Что, шутить ты со мной вздумалъ? али взаправду?

— Я не могу больше жить у тебя. Силъ моихъ не

стаетъ сидѣть какъ собакѣ на цѣпи, и ничего не слыхать кромѣ брани. Терпѣлъ долго, да ужь нѣтъ — не могу...

— Не можешь? а!.. А если заставятъ?

— Кто меня заставитъ?

— Я.

— Ты меня не смѣешь заставить, коли я самъ не хочу. Я не малолѣтокъ...

Старикъ навѣрное бросился бы съ лежанки на племянника, если бъ поясница позволяла ему встать на ноги. Онъ только заскрипѣлъ зубами.

— Теперь я выбралъ себѣ дѣло по сердцу, продолжалъ парень, прямо и открыто глядя на старика: — примусь за это дѣло—авось не пропаду! Хотѣлъ-было растаться съ тобой мирно, да видно Богу этого не угодно; растанемся и такъ. Спасибо тебѣ за твою хлѣбъ-соль...

— Подавись ты ей! прохрипѣлъ старикъ.

— За твои заботы обо мнѣ—что одѣвалъ да обувалъ, что грамотѣ научилъ, продолжалъ все съ большею смѣлостью Дмитрій, словно не слыхалъ злобнаго возгласа дяди.—Постараюсь заплатить тебѣ за это добромъ.

— Заплатилъ, проклятый! вскричалъ съ хриплымъ смѣхомъ старикъ.

Осиповна дрожала какъ осиновый листъ, слыша этотъ разговоръ.

— Прочь съ глазъ моихъ! крикнулъ Лукьянычъ:—прочь! иди, куда знаешь!

— Прощай! сказалъ Дмитрій, выходи изъ комнаты.

За порогомъ встрѣтили его громкія рыданья тетки. Она обхватила голову Дмитрія, и говорила прерывающимся отъ плача голосомъ:

— Митенька! родной ты мой! что это ты задумалъ-то?

— Старуха! крикнулъ съ лежанки Лукьянычъ.

— Сейчасъ, батюшка, отвѣчала Осиповна.

Она торопливо вытерла глаза, но, взглянувъ на Дмитрія, опять залилась слезами.

— Да куда это тебѣ захотѣлось, Митенька? пролепетала она чуть слышно.

— Въ актеры, громко отвѣчалъ Дмитрій.

Осиповна всплеснула руками.

— Старуха! крикнулъ опять Лукьянычъ.

Она бросилась къ мужу, и въ то время, какъ отворяла дверь, Дмитрій слышалъ злобный голосъ дяди:

— Будь ты проклятъ, окаянный!

Черезъ часъ, по дорогѣ отъ Бора къ Туруханску шагалъ пѣшеходъ въ тулупѣ, валеныхъ сапогахъ и мѣховой шапкѣ, съ кулькомъ подъ мышкой. Вѣтеръ подымалъ снѣжную серебристую пыль и сыпалъ ею въ самое лицо Дмитрія.

ГЛАВА XX.

Отъ весны до весны.

Любознательный старожилъ Туруханска, въ теченіе тридцати слишкомъ лѣтъ занимающійся метеорологическими наблюденіями, записалъ уже въ своемъ дневникѣ нѣсколько оттепелей и какъ праздника ожидаетъ дня, когда отмѣтитъ, что рѣка вскрылась ото льда. При этомъ онъ вдается въ ученыя соображенія — и на основаніи долголѣтняго опыта опредѣляетъ заранѣе время вскрытія рѣки.

Совершенно иная, чисто практическая цѣль заставляетъ съ нетерпѣніемъ ждать весны нѣкоторыхъ членовъ мыльниковской труппы. Ждетъ ея Мирвольскій, списавшійся съ Наруковичемъ, чтобы отправиться на голодаевскую ярмонку; ждетъ рябой и громогласный Карауловъ и чета Кроковыхъ.

Трагикъ и комикъ съ женою окончательно растаются съ Туруханскомъ: они надѣются пересѣсть на болѣе теплыя, болѣе защищенныя отъ прихотей погоды мѣста. Да явится имъ въ лицѣ новыхъ содержателей полное исполненіе ихъ надеждъ! Неизвѣстно впрочемъ, чего ищетъ Карауловъ: цѣна пѣнника всюду одинакова, а въ заведеніи подъ вывѣскою графинчика съ двумя рюмками и чайника съ двумя чашками трагикъ пользуется такимъ незыблемымъ и обширнымъ кредитомъ, какого едва ли еще дождется гдѣ-нибудь. Что госпожа Крокова (женщина очень желчнаго сложенія) никакъ не хочетъ оставаться долѣе въ Туруханскѣ, вопреки желанію мужа, человѣка смирнаго и неприхотливаго—это понятно: въ опереткахъ и драмахъ съ пѣніемъ, въ которыхъ дотолѣ выказывался ея талантъ, она принуждена уступить свое мѣсто бездарной, по ея мнѣнію, и вовсе неумѣющей пѣть Ольгѣ; къ тому же, самолюбіе госпожи Кроковой давно уже не удовлетворяется тою платой, которою вознаграждаетъ ея труды Леонидъ Сергѣичъ.

Мирвольскій считаетъ необходимымъ отправиться на нѣкоторое время изъ Туруханска: надо же хоть сколько-нибудь поправить обстоятельства, пришедшія въ самое непріятное положеніе. Онъ навѣрное послѣдовалъ бы примѣру Караулова и Кроковыхъ, и тоже покинулъ бы навсегда голубоглазаго Мыльникова; но до истеченія срока заключеннаго съ нимъ контракта остается еще цѣлый годъ. Леонидъ Сергѣичъ ничего не теряетъ, соглашаясь на отпускъ своего главнаго артиста: во время отсутствія, Мирвольскому, разумѣется, не будетъ выдаваться жалованье; а присутствіе его не можетъ быть особенно важнымъ для труппы въ глухое лѣтнее время. Увы! Леонидъ Сергѣичъ, какъ ни пламенно желаніе его сняться на лѣто съ мѣста и поискать благораствореннѣйшаго климата, долженъ сидѣть на туруханской почвѣ. Крылья у него подрѣзаны.

Ольга не ѣдетъ съ Павломъ Павлычемъ. Осипъ Ѳомичъ, въ отвѣтѣ на письмо Мирвольскаго, предлагавшаго ему услуги Ольги, говорилъ, что «не взирая на свое искреннее «желаніе имѣть у себя такую актрису, какъ Ольга Васильевна, не можетъ согласиться на предложенныя условія да«же вполовину, ибо средства его того не дозволяютъ»... Осипъ Ѳомичъ, какъ видите, порасчетливѣе Мыльникова, хотя грудка у него пушистѣе.

Ольга не рѣшалась спорить, и этимъ раздражать Павла Павлыча, когда онъ высказывалъ ей намѣреніе свое взять ее съ собой на ярмонку. Письмо Наруковича окончательно избавило ее отъ непріятности противорѣчить Павлу Павлычу, и она очень рада, что избавлена отъ поѣздки: ей сильно не хотѣлось являться на сценѣ передъ обществомъ, въ которомъ она жила, возбуждать общее любопытство, толки и прочее.

Темно и грустно прошелъ для Ольги конецъ зимы. И она, и Павелъ Павлычъ очень неакуратно получали отъ Леонида Сергѣича жалованье. Мирвольскій возлагалъ большую надежду на карты; Ольгу наоборотъ онѣ совершенно лишали надежды, и правда была на ея сторонѣ. Пока можно было, то-есть пока находились податливые люди, Мирвольскій дѣлалъ займы; но этотъ источникъ скоро изсякъ, долги возрасли до значительной цифры, и не видно было исхода изъ этого положенія. Очень и очень часто случалось, что въ домѣ не было ни полушки, что Ольга сидѣла безъ обѣда, когда Павелъ Павлычъ, отправившись съ утра на поискъ денегъ, пропадалъ до полуночи. Все мало-мальски цѣнное изъ вещей Ольги было заложено, и при безпечности Павла Павлыча не уплачивались даже проценты.

Недостатки и лишенія, которые приходилось Ольгѣ терпѣть, не были бы для нея такъ тяжелы, если бъ она не замѣчала, какъ возрастаетъ холодность къ ней Павла Павлыча.

За кулисами ведутся противъ нея интриги, въ которыхъ примирились всѣ партіи; само собою разумѣется, что въ интригахъ этихъ участвуетъ только женская половина труппы. Предводительницею враждебной стороны можетъ по справедливости назваться дѣвица Бушуева старшая. Въ качествѣ застрѣльщиковъ дѣйствуютъ черные глазки Наденьки — и, сколько можно подозрѣвать, дѣйствія ихъ не пропадаютъ даромъ. Не имѣя возможности вредить Ольгѣ во мнѣніи публики, театральныя дамы стараются доставить ей побольше непріятностей за сценой. Тонкая досчатая стѣна, отдѣляющая уборную Ольги отъ уборной другихъ актрисъ, заставляетъ ихъ говорить очень громко, когда дѣло идетъ объ Ольгѣ, и каждый вечеръ, когда она участвуетъ въ спектаклѣ, приходится ей выслушивать кучу самыхъ обидныхъ сужденій о себѣ. Изъ разговора милыхъ дамъ, съ которыми такъ нечаянно столкнула ее судьба, узнаетъ она и такія вещи, о которыхъ до той поры не имѣла понятія. Ольга глотаетъ слезы, поневолѣ подступающія къ глазамъ, и молчитъ, думая кротостью покорить вражду, причины которой не понимаетъ; за нее горячится горничная Агаша и грозится выцарапать глаза «этимъ подлянкамъ». Она навѣрное привела бы въ исполненіе надъ кѣмъ-нибудь изъ актрисъ свою угрозу, если бъ Ольга не укрощала въ ней буйныхъ порывовъ.

Мирвольскій дѣлаетъ въ труппѣ рѣшительно все, что захочетъ. Леонидъ Сергѣичъ вѣроятно сознаетъ свое безсиліе сравнительно съ нимъ; иначе онъ не представлялъ бы собою совершеннѣйшаго примѣра слѣпаго покорства. Онъ не дѣлаетъ шага безъ совѣта Мирвольскаго, и если Павелъ Павлычъ несовсѣмъ акуратно получаетъ съ него деньги, такъ въ этомъ виною, разумѣется, не недостатокъ доброй воли Мыльникова.

А между-тѣмъ Леониду Сергѣичу теперь ясно какъ день (какъ самый свѣтлый солнечный день), что отъ двухъ

новыхъ сюжетовъ польза была только въ началѣ ихъ поприща на турухтанской сценѣ. Въ то время, какъ березки на бульварѣ стряхаютъ со своихъ тощихъ вѣтокъ послѣдніе слѣды снѣга, Мыльниковъ чувствуетъ у себя на душѣ холодную зиму. Отъѣздъ Караулова и Кроковыхъ мало радуетъ его, хотя чрезъ это уменьшатся расходы.

Дмитрій, поступившій на сцену подъ именемъ Борскаго, играетъ пока самыя незначительныя роли, и только послѣ отъѣзда Мирвольскаго и Караулова, Леонидъ Сергѣичъ думаетъ дать ему болѣе обширное поле дѣятельности. Любовь къ искуству такъ сильна въ Мыльниковѣ, что при всей скудости своихъ средствъ онъ принялъ на себя всѣ заботы о молодомъ актерѣ. Борскій живетъ у него въ домѣ, антрепренеръ одѣваетъ и кормитъ его, доставляетъ ему книги, къ которымъ Дмитрій пристращается все больше и больше, и даже даетъ ему маленькое жалованье.

Двѣ березки на площади напрягаютъ всѣ свои силы, чтобы выкинуть два три листка. Перекладная телега умчала изъ Турухтанска трагика; вскорѣ послѣдовала за нею бричка, понесшая въ себѣ комика и его супругу съ груднымъ ребенкомъ.

Мирвольскій собирается въ дорогу.

— Ты такъ-таки не можешь дать мнѣ нисколько денегъ? спрашиваетъ онъ антрепренера.

Антрепренеръ клянется и божится, что это для него такъ же невозможно, какъ невозможно напримѣръ не любить искуства. Клятвы и божба на этотъ разъ совершенно излишни, потому-что самый видъ Леонида Сергѣича свидѣтельствуетъ, что онъ находится теперь, какъ говорится, «въ тонкихъ»: въ улыбкѣ его нѣтъ прежней медовой сладости, голубые зрачки рѣдко закатываются, и зубы таятся за пухлыми губами; одежда больше чѣмъ скромна.

Павелъ Павлычъ совсѣмъ собрался, а выѣхать ему не съ чѣмъ. Дома нѣтъ ни копѣйки.

— Весь городъ объѣхалъ, говоритъ онъ, возвращаясь къ обѣду домой:—и нигдѣ не могъ добыть денегъ.

Шляпа его летитъ въ противуположный уголъ комнаты, что случается съ нею всякой разъ, когда владѣлецъ ея не въ духѣ.

— Надо продать лошадей.

Лошади проданы (карета сбыта съ рукъ за мѣсяцъ передъ тѣмъ); Павелъ Павлычъ оставляетъ Ольгѣ на хозяйство пятьдесятъ рублей, и уѣзжаетъ.

Театръ начинаетъ пустѣть; большая часть обычныхъ посѣтителей его разселилась на лѣто по деревнямъ; Леонида Сергѣича одолѣваетъ хандра. Впрочемъ не смотря на плохіе сборы, онъ все-таки пламенѣетъ любовью къ искуству и питаетъ сомнительныя надежды на перемѣну обстоятельствъ.

Дмитрій начинаетъ появляться въ главныхъ роляхъ; но не производитъ на публику большаго впечатлѣнія, хотя игра его гораздо художественнѣе игры Мирвольскаго. Впрочемъ все-таки Борскій сразу оцѣненъ, какъ артистъ съ дарованіемъ.

Леонидъ Сергѣичъ въ восторгѣ отъ своего питомца, и только любуясь имъ, забываетъ отчасти удары преслѣдующей его судьбы.

Онъ очень часто навѣщаетъ Ольгу, и рѣдко застаетъ ее не грустною.

— Что это вы все такъ печальны, Ольга Васильевна? Не получали писемъ отъ Павла Павлыча?

— Нѣтъ.

— А пора бы. Вотъ ужь другая недѣля, какъ уѣхалъ. Боже мой! я огорчаю васъ, Ольга Васильевна! Простите меня! полноте! Ахъ! что я надѣлалъ... о чемъ же плакать? Вотъ завтра почта — вѣрно придетъ письмо.

— Я право не знаю, что мнѣ дѣлать, Леонидъ Сергѣичъ... Мы въ такомъ положеніи...

— Погодите! онъ привезетъ кучу денегъ.

— Я все думаю оставить эту квартиру. Богъ знаетъ, для чего платимъ такъ много. Когда мы пріѣхали сюда, у насъ было довольно денегъ; а теперь... только я все боюсь, что Поль будетъ сердиться, если я переѣду. А здѣсь мы пропасть задолжаемъ Какъ мнѣ быть? научите!

— Вы это хорошо придумали, Ольга Васильевна. Въ самомъ дѣлѣ бросьте этотъ домъ.—Вотъ въ сосѣдяхъ у меня отдается небольшая квартира — и недорога. Переѣзжайте туда!

— А когда вернется Поль...

— Вы и съ нимъ можете помѣститься тамъ очень хорошо. Сердиться-то онъ будетъ—такъ; но ужь я беру это на свой страхъ. Скажу, что я васъ уговорилъ; пусть меня бранитъ.

Дня черезъ два Ольга переселяется изъ сизогривовскаго дома въ сосѣдство Мыльникова.

Обстоятельство это доставляетъ большое удовольствіе сестрицамъ Бушуевымъ.

— Что? теперь, знать, полно носъ-то задирать? говоритъ Маргарита Прокофьевна. — Небось, туго пришлось.

— Слишкомъ ужь вздумали пыль въ глаза бросать! замѣчаетъ Наденька.

— Не надолго и хватило! Теперь вонъ пѣшкомъ изволитъ ходить — оно и лучше; а то, бывало, карета... скажите пожалуста, какъ важно!.. И прогорѣли съ каретами-то!

Дѣвицы Бушуевы не ограничиваются домашними пересудами о своей соперницѣ. Онѣ всѣми мѣрами стараются «осаживать» (это ихъ выраженіе) Ольгу за кулисами.

На каждомъ шагу слышитъ она самые досадные отзывы

о себѣ, самыя пошлыя клеветы. Она молчитъ, хотя трудно оставаться безмолвною, хотя сердце ея ноетъ и болитъ отъ этихъ обидъ. Молчаніе Ольги еще болѣе распаляетъ злобу ея соперницъ: онѣ, кажется, скоро не будутъ давать ей проходу. Не мало способствуетъ всеобщему раздраженію и то, что Ольга что ни день пріобрѣтаетъ болѣе твердости и смѣлости въ игрѣ, и уже оставила далеко за собой всѣхъ турухтанскихъ актрисъ.

Мыльниковъ такъ разсѣянъ, что не видитъ притѣсненій, направленныхъ на Ольгу; господа артисты заняты своимъ дѣломъ, и женскія ссоры за сценой до нихъ не касаются.

Только новый актеръ возмущается при видѣ этихъ пошлыхъ нападокъ. По врожденной ли дикости, или просто по нежеланію, Дмитрій не сошелся ни съ кѣмъ изъ товарищей, и кажется чужимъ за кулисами. Онъ чувствуетъ приливъ къ сердцу сильной злобы всякой разъ, какъ до слуха его долетаютъ оскорбительныя для Ольги рѣчи актрисъ. Наконецъ ему становится трудно сдерживать себя: Ольга внушаетъ ему глубокое состраданье.

Незнакомый съ такъ называемыми правилами общежитія, Дмитрій рѣшается заступиться за бѣдную женщину, и вовсе не предвидитъ дурныхъ послѣдствій отъ такого заступничества.

Однажды, въ промежуткѣ двухъ піесъ, онъ подслушиваетъ нелѣпѣйшую сплетню, сочиненную старшею госпожой Бушуевой. Сердце въ немъ закипѣло, глаза загорѣлись, и онъ подходитъ къ Маргаритѣ Прокофьевнѣ.

— Всему есть мѣра, говоритъ онъ ей дрожащимъ отъ досады голосомъ: — долго ли вамъ обижать эту женщину, пользуясь тѣмъ, что ея некому защитить?

Маргарита Прокофьевна смотритъ на него удивленными глазами и потомъ заливаетса звонкимъ хохотомъ.

— Что такое?.. ха, ха, ха!.. Повторите, сдѣлайте одолженіе!

— Я не позволю вамъ говорить такихъ вещей, какія вы сейчасъ говорили.

Старшая Бушуева продолжаетъ хохотать.

— Слышишь, восклицаетъ она, обращаясь къ сестрѣ:— ха, ха, ха!.. онъ не позволитъ?

Наденька, не столь еще храбрая, какъ сестрица, не произноситъ ни слова, но слегка улыбается.

— Вы меня совсѣмъ перепугали, продолжаетъ Маргарита Прокофьевна:—какіе у васъ страшные глаза! Извините, впередъ не буду. Ха, ха, ха!

— Нечего хохотать, говоритъ Борскій, едва владѣя собой: — я не шучу съ вами. Если вы позволите себѣ еще подобную выходку на счетъ ея — будете раскаиваться.

Наденька рѣшается сказать:

— Ахъ, какой рыцарь!

— Извините, говоритъ, переставая хохотать, но злобно и насмѣшливо улыбаясь, Маргарита Прокофьевна: — мы не знали, что вы въ такихъ близкихъ отношеніяхъ, что должны играть роль защитника...

— Что вы хотите сказать?

— Ничего-съ, понимайте какъ знаете.

Режиссерскій звонокъ прерываетъ эти объясненія.

Агаша, слышавшая часть ихъ, расказываетъ Ольгѣ о разговорѣ Бушуевыхъ съ Борскимъ. Ольга встревожена; она спѣшитъ переодѣться, чтобы поскорѣе ѣхать домой.

Едва вышла она изъ уборной, ей встрѣчается Дмитрій.

— Ахъ, Борскій! говоритъ ему Ольга:—благодарю васъ, что вы вздумали заступиться за меня; только не напрасно ли это?.. вы вооружите ихъ еще больше.

Она подаетъ ему руку, и Дмитрій робко пожимаетъ ее. Ему хотѣлось бы поднесть ее къ губамъ и крѣпко поцаловать; но онъ не смѣетъ этого сдѣлать.

— Теперь вы не услышите ничего, что слыхали отъ нихъ прежде, говоритъ онъ:—ручаюсь въ этомъ.

— Благодарю, благодарю; прощайте.

— Прощайте, Ольга Васильевна.

Она опять подаетъ ему руку.

Въ это время въ сторонѣ слышится сдержанный смѣхъ. Борскій оборачивается.

Маргарита Прокофьевна, проговоривъ: «парочка!» исчезаетъ за кулисой.

Впрочемъ она хорошо видѣла, какимъ огнемъ сверкнули въ эту минуту глаза Борскаго, и нѣтъ сомнѣнія, не произнесетъ уже громко ни одного слова, обиднаго для Ольги.....

— Вотъ бѣшеный-то! замѣчаетъ она объ немъ сестрѣ, возвращаясь домой.

Маргаритѣ Прокофьевнѣ положительно извѣстно, что поведеніе Ольги чуждо упрековъ; что Борскій вступился за нее просто «съ дуру» (чего ждать отъ него? деревенщина — и только!); что Ольга не обращала на него никакого вниманія, хоть онъ можетъ-быть и влюбленъ въ нее; что никто и никогда не слыхалъ между ними другаго разговора, кромѣ «здравствуйте» да «прощайте»... Тѣмъ не менѣе изъ устъ старшей Бушуевой выходитъ свѣдѣніе, которое, обойдя всѣхъ членовъ труппы, возрастаетъ въ гнусную сплетню, не раздѣляющую именъ Ольги и Борскаго.

До ушей Ольги сплетня эта не достигаетъ, потому-что повторяется всѣми шопотомъ, и конечно не оттого Ольга такъ печальна, такъ блѣдна и такъ замѣтно худѣетъ.

Вотъ уже два мѣсяца, какъ Мирвольскій выѣхалъ изъ Туруханска, а она не получила еще ни одного письма. Она пишетъ въ Голодаевъ каждую недѣлю, а отвѣта нѣтъ и нѣтъ. Еще двѣ недѣли — конецъ ярмонкѣ, и Мирвольскій долженъ возвратиться.

Ольга считаетъ дни.

Вотъ прошелъ и тотъ день, въ который годъ тому назадъ они пріѣхали въ Туруханскъ. Даже безпечный Леонидъ Сергѣичъ начинаетъ безпокоиться.

— Что это значитъ? Ужь не совсѣмъ ли онъ насъ оставилъ?

— Этого быть не можетъ, отвѣчаетъ Ольга, хотя и не вполнѣ увѣрена, что этого точно не можетъ случиться.

— Какъ это ему не грѣхъ и не стыдно — никому не черкнуть ни словечка? И я вѣдь писалъ къ нему — отвѣта не удостоился.

— Будемъ ждать.

И Ольга ждетъ. Длинны какъ недѣли кажутся ей дни.

Наконецъ Мирвольскій возвратился въ половинѣ августа.

— Ты не могла выдумать ничего умнѣе, какъ переѣхать въ эту избу?

Вотъ что говоритъ онъ Ольгѣ тотчасъ послѣ перваго очень холоднаго привѣтствія.

— Мы завтра же переѣзжаемъ на старую квартиру. Скажи пожалуста, съ чего ты взяла оставлять ее?

Ольга объясняетъ переѣздъ свой желаніемъ сократить издержки.

— Какъ глупо! Ужь ты не считаешь ли меня нищимъ?

Мирвольскій вынимаетъ изъ кармана и бросаетъ на столъ пачку смятыхъ сотенныхъ бумажекъ.

— Вотъ вамъ на расходы.

— Откуда у тебя столько денегъ? спрашиваетъ Ольга. — Вѣдь Наруковичъ...

— Ну, объ этомъ послѣ. Посмотри лучше, что я привезъ тебѣ.

Куча платьевъ, большею частью очень цѣнныхъ, кружева, шали, множество мелкихъ золотыхъ вещей — удивляютъ Ольгу.

Съ слѣдующаго же дня начинается для нея прежняя

жизнь; Мирвольскій окружаетъ себя опять многочисленными пріятелями, соритъ деньгами, задаетъ вечера; у него отличный экипажъ, дорогія лошади.

И по прежнему онъ очень холоденъ къ Ольгѣ. Бѣдная женщина, страстно любящая его, старается оправдывать всѣ недостатки его. Павелъ Павлычъ по видимому вовсе не замѣчаетъ ея блѣдности и худобы.

Недѣли черезъ полторы по возвращеніи домой, какъ-то за обѣдомъ, онъ обращается къ Ольгѣ съ вопросомъ:

— Отчего у насъ не видать Борскаго?

— Развѣ ты приглашалъ его? говоритъ Ольга.

Павелъ Павлычъ какъ-то странно смотритъ на нее.

— Онъ у насъ и прежде не бывалъ...

— Не бывалъ?

— Ты конечно помнишь...

— Гм... да. Но онъ очень порядочный малый.

— Кажется.

— Я знаю его только потому, что въ твое отсутствіе онъ заступился за меня, когда театральныя дамы выдумали обо мнѣ какую-то сплетню.

— А!

— Я тебѣ говорила объ этомъ.

— Не помню. Сказать ему, чтобы онъ бывалъ у насъ?

— Какъ хочешь.

— Однако?

— Отчего ты такъ странно смотришь на меня, Поль?

— Я... нисколько. Смотрю, какъ всегда.

Этотъ разговоръ напоминаетъ Ольгѣ замѣчаніе, сдѣланное Маргаритой Прокофьевной, когда она увидала ее вмѣстѣ съ Борскимъ послѣ ихъ ссоры, и Ольга думаетъ (очень справедливо), что до Павла Павлыча вѣрно дошла какая-нибудь сплетня; но онъ не хочетъ объяснить своихъ намековъ, и новое безпокойство западаетъ въ душу Ольги.

Глядя на роскошь, на расходы, которые позволяетъ себѣ Мирвольскій, можно подумать, что у него значительное богатство; онъ живетъ какъ человѣкъ, имѣющій тысячъ тридцать годоваго дохода.

Наступаетъ зима, отъ которой Леонидъ Сергѣичъ ждетъ добра для своего театра, и точно дѣлишки его немножко поправляются; впрочемъ онъ можетъ уплатить только долгъ артистамъ; о погашеніи постороннихъ долговъ и приведеніи въ исполненіе нѣкоторыхъ плановъ, касающихся театральныхъ улучшеній, нечего и думать. Леонидъ Сергѣичъ начинаетъ сознавать, что уже недолго ему служить искуству... Тугія пришли времена! Къ концу зимы и Мирвольскій съ сокрушеніемъ видитъ, что его капиталы истощаются.

— Какъ ты думаешь, говоритъ онъ Ольгѣ: — не приняться ли мнѣ за антрепренерство?

Ольга, какъ на примѣръ выгодъ отъ этого дѣла, указываетъ на Мыльникова.

— Что Мыльниковъ? Безтолковая голова—и больше ничего. А вотъ хоть бы Наруковичъ!

Мысль эта по видимому очень занимаетъ Мирвольскаго, потому-что онъ отъ времени до времени говоритъ очень серіозно о томъ, что заняться содержаніемъ театра было бы выгодно.

Около великаго поста, къ которому Леонидъ Сергѣичъ заранѣе придумываетъ концерты и живыя картины, вниманіе города Турухтанска почти исключительно занято новымъ лицомъ, которое явилось въ обществѣ; это нѣкто Сергѣй Николаичъ Осмовскій, пріѣзжій изъ Петербурга. У жены его есть, какъ говорятъ, небольшое имѣнье въ Турухтанскомъ Уѣздѣ, которое она продаетъ, и пріѣздъ Осмовскаго въ Турухтанскъ объясняютъ желаніемъ осмотрѣть предварительно назначенную въ продажу деревню. Впрочемъ для чего бы ни

было, онъ пріѣхалъ—и это главное. Осмовскій останется не надолго, и радушные, гостепріимные турухтанцы чуть не на рукахъ носятъ петербургскаго пріѣзжаго.

Для такого дорогаго гостя нарочно устроивается спектакль, въ которомъ Мыльниковъ соединяетъ все лучшее. Въ первой и главной піесѣ играетъ Ольга.

— Удивительно знакомое лицо, говоритъ Осмовскій, наклоняясь къ своему сосѣду, когда она появилась на сценѣ:— какъ ея настоящая фамилія?

— Право не знаю, отвѣчаетъ сосѣдъ:—но погодите, я представлю вамъ ея любовника: вы можете спросить у него.

— Я почти убѣжденъ, что знакомъ съ нею, но когда и гдѣ видѣлъ ее, рѣшительно не могу припомнить.

Послѣ спектакля Осмовскій знакомится съ Павломъ Павлычемъ, который удовлетворяетъ его любопытство.

— Ахъ Боже мой! говоритъ Осмовскій:—да мы старые знакомые.

— Неужто?

— Да; вѣдь я женатъ на графинѣ Бѣловодской.

— На той самой, у которой воспитывалась Ольга?

— Да; она вѣроятно помнитъ меня.

Мирвольскій предлагаетъ Осмовскому заѣхать къ нему послѣ спектакля на чашку чая, и Осмовскій съ удовольствіемъ принимаетъ приглашеніе.

Ольга очень рада гостю; она съ величайшимъ любопытствомъ и сочувствіемъ распрашиваетъ его объ Александрѣ Николаевнѣ, вспоминаетъ свое житье у нея въ домѣ и на время совсѣмъ забываетъ горе своей домашней жизни.

Осмовскій ѣздитъ къ Мирвольскому каждый день, и по вечерамъ, и по утрамъ. Настаетъ и великій постъ.

— Однако Сергѣй Николаичъ загостился-таки у насъ, говорятъ въ городѣ.

— Немудрено, замѣчаютъ на это:—у него есть здѣсь

магнитъ. Вы знаете, какъ онъ учащаетъ къ Мирвольскому.

Это общій голосъ — и онъ справедливъ.

Сначала въ посѣщеніяхъ Осмовскаго Ольга видѣла только желаніе бывать у нея какъ у старой знакомой; но мало по малу замѣчаетъ совсѣмъ другое — и она глубоко огорчена.

Между тѣмъ казна Мирвольскаго уже почти истощена: онъ пытается сдѣлать значительный заемъ у Осмовскаго, и это ему удается.

Вскорѣ вмѣсто букетовъ, которые Сергѣй Николаичъ ежедневно привозилъ Ольгѣ, онъ присылаетъ ей очень цѣнный подарокъ. Это непріятно поражаетъ Ольгу, и она говоритъ Павлу Павлычу.

— Объясни мнѣ, Поль, что значитъ этотъ подарокъ. Я не могу его принять.

Павелъ Павлычъ нахмуривается.

— Ты находишь это неприличнымъ? спрашиваетъ онъ съ какимъ-то страннымъ выраженіемъ въ голосѣ и съ немене странною улыбкой.

— Разумѣется.

— Вы можетъ-быть думаете, что приличнѣе... началъ было Мирвольскій; но вдругъ останавливается.

Ольга смотритъ на него въ изумленіи.

— Что, что такое? спрашиваетъ она.

Мирвольскій продолжаетъ хмуриться и расхаживаетъ по комнатѣ.

— Что хотѣлъ ты сказать, Поль? снова спрашиваетъ Ольга.

Павелъ Павлычъ остановился передъ нею и заложилъ руки въ карманы.

— А когда у васъ назначено свиданье Борскому?

Это ужь слишкомъ жестоко. Ольга упала головой на подушки дивана и громко зарыдала.

Павелъ Павлычъ, очень довольный эфектомъ, который произвело его несправедливое подозрѣніе, удаляется.

Ольга едва приходитъ въ себя. Слезы душатъ ее, сердце бьется усиленно, голова горитъ. Она подходитъ къ окну, отворяетъ форточку и вдыхаетъ въ себя холодный воздухъ вечера, съ силою врывающійся въ теплую комнату и взвѣвающій волосы на вискахъ ея.

На слѣдующее утро, когда Павелъ Павлычъ послалъ горничную звать Ольгу въ театръ на репетицію, Ольга не могла ѣхать. Она потеряла голосъ.

ГЛАВА XXI.

Изъ стаи въ стаю.

Дѣятельность Мыльникова, устремленная на пользу искуства, кончилась. Труппа его разсѣялась во всѣ стороны. Какъ раненая птица, сидѣлъ онъ на краю своего разореннаго гнѣзда, и не зналъ, что начать Борскій сколько могъ утѣшалъ его. Одинъ онъ не оставилъ Леонида Сергѣича, помня всѣ заботы его о немъ.

— Я чувствую, Леонидъ Сергѣичъ, что не пропаду со своими способностями, говорилъ Дмитрій: — только ужь довольно съ меня жить въ провинціи. Насмотрѣлся я на нее. Если бъ достать денегъ на проѣздъ въ Москву, поѣхали бы мы туда — тамъ дѣло навѣрное устроилось бы... Не хотѣлось бы раставаться съ вами, Леонидъ Сергѣичъ.

— Спасибо тебѣ, Митя, спасибо, отвѣчалъ слезливымъ голосомъ Леонидъ Сергѣичъ. — Эхъ! кабы деньги! Да вотъ погоди; жду я сюда одного хорошаго пріятеля — онъ меня ссудитъ. Тогда все уладимъ; поѣдемъ въ Москву... А тамъ — ужь и говорить нечего — будетъ хорошо.

Зрачки Леонида Сергѣича скрывались, и на золотистыхъ рѣсницахъ его показывались слезы умиленія.

— Вся бѣда вышла отъ излишней вашей доброты, Леонидъ Сергѣичъ, говорилъ Митя. — Въ этомъ дѣлѣ безъ расчету дѣйствовать нельзя. Вѣдь вы чуть не столичное жалованье платили Мирвольскому и Ольгѣ Васильевнѣ. Сначала оно конечно и ничего бы, да вѣдь здѣшняя публика постоянно не можетъ поддерживать одного и того же. Ей новаго надо.

— И хоть бы сколько-нибудь попомнилъ, какъ я его цѣнилъ, замѣчалъ Мыльниковъ, вспоминая о Мирвольскомъ. — Онъ же меня и обидѣлъ на прощаньѣ больше всѣхъ.

— Чего отъ него было ждать? Это жадный и дурной человѣкъ. Стоитъ только посмотрѣть на его домашнюю жизнь...

— Ужь не говори! Жаль бѣдняжку Ольгу Васильевну. И что меня удивляетъ, Митя — какъ она его любитъ, несмотря на всѣ его гадости... Мнѣ кажется, если бъ онъ, какъ поѣхалъ отсюда, велѣлъ ей словно собачонкѣ бѣжать за его экипажемъ, она повиновалась бы. Такая слѣпая и безграничная любовь! А онъ какъ камень безчувственный... И не скоро же я его раскусилъ, что за птица. Самъ былъ, знаешь какъ, ослѣпленъ.

— Всему злу корень, кажется, эти сплетницы Бушуевы.

— Да, одного поля ягодки. Оплели, опутали его. Какъ-то они тамъ живутъ у Наруковича?

— Если бъ были средства, можно бы съѣздить туда — посмотрѣть, что дѣлается у этого хваленаго Наруковича.

Это желаніе было однимъ изъ самыхъ завѣтныхъ желаній Дмитрія: дорого бы далъ онъ, чтобъ быть опять въ томъ городѣ, гдѣ Мирвольскій и Ольга.

— Вотъ гдѣ денегъ-то достать? это главное.

Не прошло и недѣли послѣ этого разговора, какъ однажды утромъ, очень рано, Дмитрія разбудили, говоря, что какой-

то человѣкъ спрашиваетъ его по дѣлу, нетерпящему отлагательства.

Борскій поспѣшно всталъ и вышелъ въ прихожую. Тамъ ждалъ его дядинъ работникъ — Максимъ. Дмитрій не видалъ его съ самого ухода своего изъ села, очень обрадовался и бросился обнимать его.

— Здравствуй, голубчикъ Максимъ; какъ это ты попалъ ко мнѣ?

— Давно хотѣлось повидать тебя, Дмитрій Алексѣичъ, только все не удавалось. И бывалъ со старикомъ въ городѣ — да отлучки-то не было.

— Какъ же теперь-то ты?..

— Да Марья Осиповна прислала спровѣдать; стосковалась совсѣмъ.—«Посмотри, говоритъ, Максимушка, какъ онъ, мой родной, живетъ; чай, забылъ обо мнѣ; а ужь я-то, говоритъ, все убиваюсь по немъ. Я за тобой пріѣхалъ, Дмитрій Алексѣичъ; одѣвайся да поѣдемъ вмѣстѣ...

— Куда?

— Вѣстимо куда, къ намъ на село.

— А дяденька-то?

— Чего дяденька! Дяденьку вчерась схоронили...

— Полно ты!

— То-то я и пріѣхалъ за тобой.

— Да какъ же онъ умеръ-то?

— Да совсѣмъ скоропостижно. Маялся это онъ все поясницей; и не вставалъ почитай съ лежанки...

— А въ лавкѣ кто сидѣлъ?

— Нанятъ былъ Михайла, бывшій инзарцовскій приказчикъ — тутошный, городской...

— Да, такъ какъ же умеръ-то старикъ?

— Ну, вотъ все поясницей маялся; а потомъ вдругъ языкъ отнялся. Безъ языка-то ужь не долго прожилъ: сутки

двое никакъ, али и того нѣтъ. Кровь, слышь, не хотѣлъ бросить. Кандрашка и пришибъ.

Дмитрій, не медля ни минуты, сѣлъ въ телегу съ Максимомъ и покатилъ въ Боръ.

Старуха Осиповна ждала пріѣзда племянника съ величайшимъ нетерпѣніемъ. При дребезжаньѣ каждой телеги, проѣзжавшей мимо, она высовывалась въ окно, и когда издали узнала свою буланку подъ голубой, узорами расписанной дугой, выбѣжала на улицу.

Плачу и причитаньямъ старухи, казалось, не будетъ конца, такъ же, какъ потомъ не было видно конца разнымъ закускамъ, которыми непремѣнно хотѣла угостить племянника многолюбящая тетка.

— Я послала бы за тобой и пораньше, Митенька, говорила Осиповна, пріостанавливаясь по временамъ, чтобъ залиться горькими слезами — да сама ходила какъ шальная — рехнулась совсѣмъ... Ничего-то не помнила, ничего-то отъ слезъ не видала. Какъ старикъ-то вживѣ еще былъ, говорила я ему... «Пошли, говорю, Лукьянычъ, за Митенькой; будетъ тебѣ, говорю, серчать на парня.» Хотѣла, знаешь, родной, чтобы онъ благословилъ тебя передъ смертью-то — такъ нѣтъ, и слышать не хотѣлъ. Потомъ, какъ у него языкъ-то отнялся, я опять ему почала говорить. «Послать что-ли, говорю, Лукьянычъ?» А онъ это замычалъ-замычалъ, и ну головой качать: не надо, значитъ. «Да ты бы, говорю, Лукьянычъ, хоть простилъ его что-ли?» Онъ это подумалъ, перекрестился, и киваетъ головой. Я ужь тутъ поняла, что прощаетъ, значитъ. «Хоть заочно-то, говорю ему, благословилъ бы, Лукьянычъ.» Онъ на икону и указалъ — Богородицы скорбящей икона. Я ее изъ кіоту вынула, подала ему; онъ это перекрестился опять, приложился къ иконѣ, и отдаетъ ее мнѣ; а самъ головой опять киваетъ, словно хочетъ промолвить: «Вотъ молъ, Осиповна, ему мое благословеніе!...» А мол-

ви-то не было... такъ до самой кончины... охъ!.. до самой кончины молви не было.

Осиповна залилась слезами и не могла продолжать.

— Какъ быть, тетенька! воля Господня! утѣшалъ ее Дмитрій.

— Онъ, какъ ушелъ-то ты, Митенька, начала она немного погодя и успокоившись: — онъ, Митенька, покойникъ-то мой свѣтъ, царство ему небесное, все сначала говорилъ, что не оставитъ тебѣ послѣ себя ничего — вотъ какъ есть никакого наслѣдія; ну, а потомъ — смерть-то онъ свою чуялъ что-ли — потомъ сердце у него отлегло... За недѣлю никакъ до кончины своей всѣ деньги мнѣ въ руки отдаетъ. «На, говоритъ, тебѣ, Осиповна, все, что нажилъ; дѣлай изъ нихъ что хочешь. Будетъ чѣмъ, говоритъ, и мою душу грѣшную помянуть.» Вѣдь онъ, Митенька, подъ конецъ-то такой сталъ смирный — точно совсѣмъ другой человѣкъ. Такъ-то мнѣ дивно, что съ тобой-то не хотѣлъ попрощаться. Вотъ, родной, и всѣ деньги наши тутъ. Возьми ихъ себѣ.

— Что вы, тетенька? зачѣмъ я все возьму? Вамъ-то самимъ...

— На что мнѣ? прервала его старуха. — Ты со мной не жилецъ—человѣкъ молодой: надо тебѣ и свѣту повидать... А на мой вѣкъ достанетъ. Лавку-то вотъ продамъ, домъ продамъ; выручку пожертвую въ Маріинскую Пустынь и сама туда поступлю. Въ мои лѣта пора о душеспасеньѣ подумать. Стану за себя да за старика молить Господа Бога да мать пресвятую Богородицу.

Дмитрій, сдѣлавшись вдругъ владѣльцемъ значительной суммы (около сорока тысячъ асигнаціями), радовался не столько за себя, сколько за Леонида Сергѣича, которому могъ теперь помочь, заплатить за его доброту. Растроганный Мыльниковъ долго не соглашался принять помощь отъ Борскаго; но Митя настоялъ на своемъ—уплатилъ нѣкоторые главнѣй-

шіе долги Леонида Сергѣича, и вообще привелъ дѣла его въ порядокъ.

Пока Осиповна готовилась къ исполненію своего благочестиваго намѣренія, Дмитрій не хотѣлъ оставлять Туруханска. Онъ каждый день ѣздилъ въ Боръ, и тетка не могла нарадоваться на почтительнаго племянника.

Наконецъ она распростилась съ нимъ окончательно (нужно ли расказывать, сколько было пролито слезъ по этому случаю?) и Борскій сталъ подумывать объ отъѣздѣ.

Леонидъ Сергѣичъ до этого времени постоянно изъявлялъ желаніе слѣдовать за Дмитріемъ, благородный характеръ котораго привязалъ къ нему крѣпкими узами доброе и впечатлительное сердце отставнаго антрепренера; но когда Борскій назначилъ день своего отъѣзда, Мыльниковъ ощутилъ сильную тоску.

— Нѣтъ, Митя, сказалъ онъ: — не могу, мой другъ; силъ моихъ не стаетъ ѣхать изъ Туруханска. Такъ привыкъ къ нему, что, кажется, какъ уѣду, тотчасъ умру. Ужь если умирать, такъ здѣсь — и жена моя здѣсь схоронена. Весь вѣдь вѣкъ здѣсь прожилъ.

Послѣднія невзгоды сильно подѣйствовали на Мыльникова. Онъ какъ будто разомъ постарѣлъ десятью годами; золотистые локоны его подернулись просѣдью.

Дмитрій, какъ ни горько ему было оставлять горячо-любимаго человѣка, выведшаго его на дорогу, долженъ былъ согласиться съ его желаніемъ. Самъ Борскій конечно не могъ оставаться въ Туруханскѣ: сознаніе въ своихъ силахъ, укрѣпляемое постояннымъ, тщательнымъ изученіемъ своего дѣла и любовью къ нему, указывало Дмитрію на поприще широкое, свѣтлое, ожидающее его въ столицѣ.

Передъ раставаньемъ съ Леонидомъ Сергѣичемъ онъ принудилъ его принять часть своихъ денегъ, простился съ Туруханскомъ и уѣхалъ.

»Скоро узнаемъ (думалъ Мыльниковъ) объ его дебютахъ въ Москвѣ: этого человѣка ждетъ впереди многое.»

Въ то время, какъ Дмитрій ѣхалъ въ Москву, намѣреваясь остановиться на нѣкоторое время въ Камскѣ, гдѣ находилась труппа Наруковича, принявшая въ число членовъ своихъ Мирвольскаго (голосъ къ Ольгѣ не возвращался, и она оставила сцену) и дѣвицъ Бушуевыхъ, въ то время совершались переселенія и другихъ знакомцевъ нашихъ.

Трагикъ Карауловъ уже спустился и начиналъ вить гнѣздо въ городѣ Можаѣ или, собственно говоря, въ гостепріимномъ заведеніи этого города, украшенномъ изображеніемъ криваго биліарда на вывѣскѣ; семейство Кроковыхъ тоже стало твердой ногой на мѣстѣ... Но еще нѣтъ гнѣзда у Завидова, плохо согрѣваемаго протертымъ халатикомъ, нѣтъ у него гнѣзда для четырехъ дѣтенышей, изъ которыхъ старшій уже переросъ отца, и для нѣсколько крутой супруги. Тщетно старается почерпнуть Завидовъ утѣшеніе или пріятную мысль изъ круглой табакерки съ изображеніемъ Кутузова; табакерка оскудѣваетъ и табакомъ. «Благородный отецъ» видитъ совершенную невозможность получить какія-нибудь выгоды, если его чада станутъ танцовать саботьеро или качучу на шоссе, пролегающемъ отъ Туруханска до... ну хоть до Малинова. Въ качествѣ «злодѣя» онъ, кажется, могъ бы изобрѣсть какой-нибудь «коварный ковъ»; но вѣдь онъ злодѣй только на сценѣ—и то злодѣй плохой; внѣ же театральнаго зданія, это олицетворенная кротость.

У Заморцева нѣтъ болѣе бѣговыхъ дрожекъ и сомнительной рыси рысачка — нѣтъ потому, что еще негдѣ ему устроить для нихъ конюшню и сарай. Не непосѣдность его и не нежеланіе сдѣлаться осѣдлымъ заставляютъ Заморцева мытать изъ мѣста въ мѣсто... Онъ ужь давно выбралъ бы теплый уголокъ и себѣ и рысачку (рысачокъ у него опять

будетъ — безъ рысачка онъ не можетъ жить!); но бѣда въ томъ, что выборъ-то зависитъ не отъ него.

Небо не всегда ясно; порой заволокаютъ его тучи, и изъ нихъ льется дождь. Этого дождя не боятся только «новоизобрѣтенныя» непромокаемыя пальто; но такого пальто нѣтъ у черноусаго Кудрина... У него есть плащъ — великолѣпный плащъ съ бархатными полами; но этотъ плащъ хорошъ только въ ясную погоду, когда можно закинуть одну полу его на плечо и поразить этимъ всѣхъ, у кого нѣтъ плащей съ бархатомъ. Увы! плащу Кудрина грозитъ бѣда.. Пора непогодная... бури съ дождемъ и градомъ того и гляди изсѣкутъ гордый бархатъ.

Мы назвали только тѣхъ, кого знали по имени изъ труппы Мыльникова. Гдѣ всѣ остальные разошедшіеся и разъѣхавшіеся изъ Туруханска члены труппы — намъ неизвѣстно; но любопытно бы взглянуть на дороги, по которымъ идутъ и ѣдутъ они, чая когда-нибудь успокоиться на мѣстѣ.

Труппа Наруковича тоже не осталась въ томъ составѣ, въ какомъ мы оставили ее въ Голодаевѣ. Многое измѣнилось и въ ней въ теченіе двухъ послѣднихъ лѣтъ.

Достопочтенный Осипъ Ѳомичъ выдалъ свою дочку замужъ и самъ пересталъ быть вдовцомъ.

Неизвѣстно, такъ ли красноярскій купчикъ Кондрашовъ восхищается изумрудными глазками, живостью и бойкостью своей жены, какъ восхищался прежде на сценѣ дѣвицею Наруковичъ. Осипъ Ѳомичъ не имѣетъ свѣдѣній о своей дочкѣ съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ она оставила сцену и упорхнула съ супругомъ въ его далекую родину.

Не одна Софья Осиповна покинула театральныя подмостки изъ числа знакомыхъ намъ наруковичевыхъ артистовъ. Покинулъ ихъ Гудковъ, играющій теперь роль довольно вкусной пищи для земляныхъ червей; это единственные зрители его въ досчатомъ бѣломъ гробу, подъ толстымъ слоемъ

земли, на камскомъ погостѣ; для этихъ зрителей ненужно подымать прикрывающей его холстины: они забираются за нее и тамъ наслаждаются имъ. Хриплый хохотъ, такъ смѣшившій раекъ, умолкъ навѣки, багровые бѣлки глазъ выѣдены тлѣніемъ.

Но не умолкалъ еще, и можетъ быть долго не умолкнетъ громкій голосъ угрюмаго Рѣшилова; впрочемъ уже не раздаваться ему болѣе передъ многочисленною публикой.

Только сонъ на нѣсколько часовъ налагаетъ молчаніе на уста Рѣшилова; но и во снѣ порою скрежещетъ онъ зубами и произноситъ отрывистыя фразы.

Матвѣй Михайлычъ Рѣшиловъ убѣжденъ, что онъ вовсе не Матвѣй Михайлычъ и не Рѣшиловъ. Скорѣе солнце станетъ обращаться вокругъ земли, и земля остановится на тѣхъ трехъ китахъ, на которыхъ когда-то стояла, чѣмъ онъ перестанетъ быть королемъ Лиромъ, изгнаннымъ неблагодарными дочерями.

«Шумите, вѣтры! (гремитъ онъ на весь домъ, гдѣ общественное человѣколюбіе отвело ему комнату) завывайте, «ярыя бури! Изливайтеся на главу мою, сѣрные огни, предтечи разрушительныхъ ударовъ.»

«Бррр... бррр... бррр...» подражаетъ Рѣшиловъ грому, и затѣмъ продолжаетъ, размахивая руками:

«Громы, всесокрушающіе громы! разрушьте зданіе міра, «истребите природу и человѣка — неблагодарнаго человѣка! «Свирѣпствуйте, свирѣпствуйте, бури, громы и молніи! Я не «ропщу на васъ, о стихіи яростныя: вы не дѣти мои!»

«Бррр... бррр... бррр...»

«Свирѣпствуйте, поражайте трепещущую главу мою, разнесите останки сѣдыхъ власовъ, разите сіе чело, украшенное нѣкогда діадимою, разите — се жертва ваша! старецъ, «обремененный презрѣніемъ, оставленный всѣми, бѣдный, пе-

«мощный старецъ — изгнанный дѣтьми своими. Хха, хха, «хха...»

— Экой шельма неугомонный! Вотъ чорт-атъ! поневолѣ восклицаетъ смотритель Мальковъ, до комнаты котораго достигаетъ свирѣпый крикъ сумашедшаго.

Осипъ Ѳомичъ чуть не каждый день расказываетъ, въ качествѣ забавнаго анекдотца, исторію помѣшательства Рѣшилова.

— Сижу я, знаешь, однажды въ своей комнаткѣ, повѣствовалъ онъ Мирвольскому: — да свожу кой-какіе счетцы.

Этого не слѣдовало бы и прибавлять: ужь если Осипъ Ѳомичъ сидитъ въ своей комнаткѣ одинъ, такъ навѣрное считаетъ деньги.

— Да, сижу я у себя; вдругъ стучатся въ дверь — заперта была. Я прибралъ счеты къ мѣсту, всталъ, отперъ; входитъ Рѣшиловъ. «Что тебѣ, милый?» спрашиваю. И не посмотрѣлъ на него хорошенько. «Дай, говоритъ, мнѣ бенефисъ.» Сразилъ онъ меня этими словами. Тогда же мнѣ пришло въ голову: ужь не рехнулся ли онъ? Гляжу на него: лица на человѣкѣ нѣтъ, вихоръ этотъ у него за ухомъ торчитъ точно штопоръ, галстукъ завязанъ на боку. Какъ-то даже неловко мнѣ стало, на него глядя.« Что ты, милый? говорю ему: пощади! да за какія заслуги я тебѣ дамъ бенефисъ?» Смотрю, глаза у него забѣгали. «Не даешь? говоритъ: а знаешь ли, что я цѣлый годъ роль готовилъ — короля Лира?» Меня началъ ужь и смѣхъ разбирать: хорошъ, думаю, Лиръ. «Полно, говорю, милый! полно! что тебѣ за бенефисы?» — Какъ онъ рявкнетъ вдругъ на меня — я даже къ окошку отскочилъ. «Неблагодарный! говоритъ: черная душа твоя...» и пошелъ и пошелъ — все изъ роли, знаешь. Страшно смотрѣть на него. Я думалъ сначала, онъ мнѣ хочетъ показать, какъ играть будетъ. . Нѣтъ! какъ зарядилъ одно мѣсто, такъ и дуетъ его. Руками машетъ, глаза какъ

у звѣря. Ну, думаю, пришелъ мой конецъ. Благо, сбѣжались всѣ на его ревъ. Обступили-было мы его со всѣхъ сторонъ, стали успокоивать. Куда! удержу нѣтъ. Дуетъ себѣ: «Свирѣпствуйте, стихіи!» и какъ еще тамъ дальше-то. Привели его къ женѣ; та, какъ взглянула, подняла тоже ревъ... «Батюшки, сумашедшій!» Онъ было накинулся на сына, началъ и ему читать изъ роли. Ну, тотъ, знаешь, недвижимый оболтусъ — только глазами хлопаетъ. Насилу скрутили мы молодца, да свезли въ желтый домъ. Такого страху, я тебѣ говорю, не запомню.

Послѣ переселенія супруга подъ начало къ Малькову, Василиса Ивановна Рѣшилова переѣхала изъ общаго жилища актеровъ на отдѣльную квартиру. Рѣшилову не изъ-за чего было сходить съ ума: онъ могъ бы прожить свой вѣкъ не только безъ бенефиса — и безъ всякой профессіи. Въ кубышкѣ, хранившейся за крѣпкимъ замкомъ въ его сундукѣ, была очень изрядная сумма.

Не довольствуясь однако же ею, Василиса Ивановна принялась пускать деньги въ ростъ, обезпечивая себя вѣрнѣйшими залогами. Ванюша хлопаетъ глазами, безсмысленно глядя на мать, когда та считаетъ деньги. Если бъ онъ могъ думать — нѣтъ сомнѣнія, подумалъ бы въ эту минуту, что мать копитъ деньги на похороны себѣ и ему. То-то будутъ богатыя похороны!

Изъ другихъ перемѣнъ въ труппѣ слѣдуетъ указать на замужество старшей Сизогубовой: она вышла замужъ за того рачительнаго кларнетиста, который, вслѣдствіе крайней добросовѣстности своей, особенно долго услаждалъ слушателей тѣми нотами, на которыхъ слѣдовало ему останавливаться.

Но — я увѣренъ, читатель, узнавъ, что Осипъ Ѳомичъ женился, давно желаетъ услыхать, кто избранная его сердца.

Это — Машенька Колчанова.

Долго всѣ сердечныя стремленія Ѳомича отвергала эта

прекрасная нимфа; но съ самаго дня помолвки дѣвицы Наруковичъ за красноярскаго купчика, Машенька измѣнила тактику: она стала отвѣчать очень благосклонно на ухаживанья Наруковича — и не прошло мѣсяца послѣ отъѣзда изъ Голодаева молодыхъ Кондрашовыхъ, какъ неразрывныя узы соединили антрепренера и его любимую актрису.

Осипъ Ѳомичъ сіялъ удовольствіемъ, ведя Машеньку къ брачному алтарю.

Не знаю, бываетъ ли такъ довольна коса, когда найдетъ на камень.

ГЛАВА XXII.

Старое дупло.

Утлое зданіе на камской площади, въ которомъ мы присутствовали на представленіи «Русалки», неузнаваемо: все измѣнилось въ немъ — и наружность, и внутренній видъ. Не пожалѣлъ денегъ многозаботливый Наруковичъ, основавшій въ Камскѣ свою постоянную квартиру, которую будетъ покидать только на лѣто для Голодаева или иного какого нибудь города. Общество приняло теплое участіе въ заботахъ Осипа Ѳомича, и подписка на возобновленіе стараго театральнаго дома, предложенная имъ жителямъ Камска, доставила ему значительный сборъ. Злые языки утверждали, что сборъ этотъ многимъ превышалъ издержки по перестройкѣ и исправленію зданія, и что слѣдовательно весь излишекъ поступилъ въ карманъ антрепренера; авторъ, не смѣющій взводить на одного изъ главныхъ героевъ своихъ такой бездоказательный поклепъ, думаетъ напротивъ, что Осипъ Ѳомичъ принужденъ былъ доложить къ собранной суммѣ кое-что изъ своего капитала (можетъ-быть даже почать нагрудникъ) —

такъ безукоризненно отдѣлано заново зданіе театра. Снаружи оно обшито новымъ тесомъ и окрашено въ пріятный сиреневый цвѣтъ; внутри не походитъ уже на сарай: въ немъ устроены ложи, парадисъ, какъ и вездѣ, подъ потолкомъ, а не за плечами партера, какъ это было прежде. Если непременно должно указать на какой нибудь недостатокъ, то укажемъ на неудобное помѣщеніе буфета: онъ устроенъ чуть не подъ самой кровлей, за неимѣніемъ мѣста внизу. Впрочемъ камскіе жители не могутъ находить и это неудобнымъ: прежде въ театральномъ зданіи вовсе не было буфета. Желающіе выкурить сигару или папироску должны были удовлетворяться тѣснымъ уголкомъ, отгороженнымъ сбоку, возлѣ хода за кулисы. Уголокъ этотъ освѣщался, бывало, однимъ огаркомъ.

Если камцы съ трудомъ узнаютъ старое театральное зданіе, то еще менѣе узнаваема труппа, которой зданіе служитъ поприщемъ. Никто не жалѣетъ объ отсутствіи Рѣшилова, Гудкова и дѣвицы Наруковичъ. И есть ли возможность жалѣть о нихъ, когда на сценѣ красуются такіе таланты, какъ Мирвольскій, какъ двѣ сестрицы Бушуевы, какъ Живягинъ и его супруга? Ярмонка, три года сряду посѣщенная Наруковичемъ, много содѣйствовала благолѣпію, съ какимъ ставятся нынче піесы въ Камскѣ. Дружба съ разнымъ торговымъ людомъ доставила Осипу Ѳомичу не мало разныхъ матеріаловъ для усовершенствованія театральнаго гардероба и сценическихъ принадлежностей — и все это досталось безмездно, единственно вслѣдствіе дружескихъ отношеній и крайняго уваженія къ драматическому искуству театраловъ-купчиковъ. Впрочемъ должно къ сожалѣнію признаться, что дружба съ этимъ полезнымъ народомъ имѣла и свою темную сторону. Увы! Осипъ Ѳомичъ, отъ юности поборавшій въ себѣ всѣ страсти, вышелъ не совсѣмъ бодръ изъ этого столкновенія: частыя пирушки, которыми по необходимости

надо было поддерживать дружбу, пошатнули строгую умѣренность и благоразуміе Ѳомича. Онъ сталъ чаще прежняго увлекаться видомъ стекла, наполненнаго веселящими сердце напитками.

Въ послѣднее время онъ прибѣгаетъ къ этой жизненной усладѣ отчасти и потому, что подъ домашней кровлей приходится ему испытывать много горькаго. Машенька держитъ его въ ежовыхъ рукавицахъ — онъ не смѣетъ ни въ чемъ ослушаться ея; а ослушаться было бы для него подчасъ очень пріятно: капризы молодой супруги безчисленны, и требуются значительныя издержки для ихъ удовлетворенія. Машенька какъ-будто хочетъ вознаградить себя за долговременныя лишенія, которыя приходилось ей терпѣть, когда она именовалась еще дѣвицею Колчановой. И точно — отчего же не исполнять всѣхъ своихъ капризовъ, когда на то есть средства? Наруковичъ человѣкъ бездѣтный (Софью считать нечего — она, слава Богу, обезпечена получше родителя); куда же беречь ему деньги? Если бъ Машенька не знала о существованіи теплаго нагрудника, отъ нея еще можно было бы какъ-нибудь отдѣлаться; но кто же въ труппѣ не знаетъ о немъ?

Госпожа Наруковичъ значительно пополнѣла со времени своего замужства; но это не убавило ея прелестей. Она очень занята собой, и у Ѳомича болитъ сердце, какъ примется онъ вычислять, сколько тратитъ Машенька на свой туалетъ. Въ послѣднее время онъ не могъ ничего зашить въ нагрудникъ изъ денегъ, прошедшихъ чрезъ его руки. Непріятно, очень непріятно! И стоятъ ли всѣ эти тряпки, совокупно съ завистью, которую возбуждаютъ онѣ въ другихъ актрисахъ, и половины истрачиваемыхъ денегъ? Развѣ меньшимъ уваженіемъ пользуется, напримѣръ, хоть Ѳомичъ, потому-что съ незапамятныхъ временъ ходитъ въ гороховомъ сертукѣ? О суета сyетствій, и всяческая суета! Ужь если человѣкъ не

можетъ обойтись безъ суетности, такъ пусть бы лучше думала Машенька о своихъ сценическихъ успѣхахъ! Но нѣтъ; она по прежнему равнодушна къ нимъ, и вовсе не думаетъ включать въ свой репертуаръ большихъ ролей. Пусть блистаютъ въ нихъ Бушуевы и Живягина! Машенька довольствуется ролями почти безсловесными, лишь бы можно было въ нихъ помрачить великолѣпною одеждой костюмы всѣхъ ее окружающихъ.

Всѣ вообще актрисы въ труппѣ не любятъ госпожи Наруковичъ; но особенно непріязненное чувство питаютъ къ ней Бушуевы. Съ своей стороны Машенька довольно равнодушна къ нимъ, и не любитъ только Мирвольскаго. Даже мало сказать: не любитъ — она глубоко ненавидитъ его. За что? рѣшительно отказываюсь объяснить: можетъ-быть она и сама не сознаетъ причинъ своей ненависти. Особенно не нравится ей тѣсная дружба, завязавшаяся между Мирвольскимъ и Ѳомичемъ.

— Вотъ связался! часто говоритъ Машенька мужу. — Скажи пожалуста, изъ какихъ благъ ты съ нимъ носишься!

— Какъ, Машенька! какъ! отвѣчаетъ наивозможно-мягкимъ голосомъ Осипъ Ѳомичъ. — Вѣдь онъ у насъ, какъ ни разбирай, первый артистъ. Вѣдь имъ, можно сказать, вся труппа держится — да, милая, вся труппа!

— Тебѣ нынче компанія нужна, чтобъ въ «Магнитѣ»-то угощаться. Прежде, бывало, и глазъ туда не казалъ.

— И теперь рѣдко бываю.

— Рѣдко да метко. Хорошъ пришелъ третьяго дня.

— Мирвольскаго тамъ и не было третьяго дня.

— Знаю, какъ не было. Онъ нарочно тебя дурака угощаетъ, чтобъ у тебя послѣдняго ума въ головѣ не осталось. И теперь изволишь по его дудкѣ плясать.

Осипъ Ѳомичъ, понуривъ свою грушевидную голову, машетъ надъ нею руками.

— Гдѣ же, Машенька, по его дудкѣ? гдѣ же?

— Сдѣлай одолженіе, не спорь! восклицаетъ сильно-раздосадованная супруга. — Ты за каждыми пустяками бѣгаешь къ нему совѣтоваться.

— Что жь за бѣда! Онъ человѣкъ не глупый — и дурнаго совѣта не дастъ. Съ кѣмъ же и посовѣтоваться?

— Ужь онъ когда нибудь посовѣтуетъ тебѣ такое, что ты и жизни будешь не радъ.

Явно, что слѣпая ненависть говоритъ устами супруги достопочтеннаго Осипа Ѳомича. Опроверженіемъ ея дурному мнѣнію о Мирвольскомъ можетъ служить всеобщая любовь, которою пользуется въ труппѣ Павелъ Павлычъ. Нѣтъ актера, нѣтъ актрисы, которые отозвались бы о немъ безъ похвалы. Особенно друженъ Мирвольскій съ Живягинымъ и съ дѣвицами Бушуевыми. Къ послѣднимъ онъ заѣзжаетъ каждый вечеръ послѣ спектакля.

Павелъ Павлычъ живетъ довольно скромно; но говоритъ очень часто о скоромъ полученіи какихъ-то денегъ, которыя позволятъ ему заняться давно-обдумываемымъ дѣломъ — именно содержаніемъ театра на совершенно новыхъ основаніяхъ, чѣмъ всѣ остальные провинціальные театры. Онъ говоритъ объ этомъ очень часто, но не всѣмъ. Мысль его знаетъ Живягинъ съ женою, да Маргарита Прокофьевна и ея сестрица.

Ольга все больна; голосу у нея нѣтъ, она опасно кашляетъ и въ послѣднее время слегла въ постель. Павелъ Павлычъ и не думаетъ о возможности видѣть ее когда-нибудь опять на сценѣ. Отношенія ихъ не измѣнились. Дважды въ день ѣздитъ къ нимъ докторъ; это, какъ говоритъ Павелъ Павлычъ, необходимо для поддержанья въ Ольгѣ надежды, что она можетъ выздоровѣть. Едва ли впрочемъ надежда эта одушевляетъ ее. Докторъ сказалъ Павлу Павлычу, что

Ольга пожалуй и переживетъ наступающую осень, но что будущей весны ей уже не пережить.

Въ Камскѣ никто не знаетъ ея кромѣ дѣвицъ Бушуевыхъ; но съ ними она не видится и, разумѣется, нисколько не жалѣетъ объ этомъ. Дни ея проходятъ одиноко и печально.

Начинаются осенніе холода, небо хмурится; но дождя нѣтъ. Только порой быстро несомыя пронзительнымъ вѣтромъ бѣлыя облака посыплятъ морозною крупой камскія улицы.

Афиши разнесли по городу вѣсть о бенефисѣ Мирвольскаго. Составъ спектакля въ высшей степени заманчивъ: играются двѣ новыя піесы; одна и старая, но ея такъ давно не играли въ Камскѣ, что всѣ забыли ея содержаніе; притомъ же въ ней дѣйствуютъ лучшіе, любимые актеры; дивертисментъ тоже стоитъ любой піесы.

Расчетъ бенефиціанта вѣренъ; онъ не ѣздитъ самъ съ билетами, какъ это дѣлаютъ другіе артисты, а между тѣмъ къ обѣду приходится затворить кассу: билетовъ больше нѣтъ.

Всѣ довольны — и бенефиціантъ, и публика, и наконецъ антрепренеръ. Спектакль сошелъ превосходно.

— Господа! говоритъ Мирвольскій артистамъ: — милости прошу завтра ко мнѣ — мы недурно пообѣдаемъ.

Само собою разумѣется, никто не отказывается отъ приглашенія.

— Только у тебя, милый, и бываютъ такіе бенефисы, замѣчаетъ Осипъ Ѳомичъ: — яблоку было негдѣ упасть.

— Пойдемъ выпить бутылку шампанскаго, говоритъ Мирвольскій, взявъ антрепренера подъ руку.

— Поздно. «Магнитъ», я думаю, заперть.

— Зачѣмъ въ «Магнитъ»? Идемъ въ буфетъ.

— Пожалуй.

И въ буфетѣ нѣтъ уже ни одного потребителя. Кривой буфетчикъ Флегонтъ утомился стоять у своихъ шкаповъ, его

одолѣваетъ дремота, онъ запираетъ ихъ и собирается домой. Единственная свѣчка горитъ тускло въ трубочномъ дыму.

— Ты ужь, кажется, домой? говоритъ ему Мирвольскій.

— Да-съ. Время ужь.

— Дай-ка намъ сначала шампанскаго; а тамъ пожалуй можешь и спать идти. Мы распорядимся и безъ тебя.

— Бутылку прикажете?

— Давай больше! Ну, не выпьемъ, назадъ возьмешь.

— У меня здѣсь всего шесть бутылокъ.

— Съ насъ довольно.

— Эхъ, Павелъ Павлычъ! замѣчаетъ Осипъ Ѳомичъ: — напрасно. Завтра выпили бы разомъ.

— Долго еще ждать до завтра.

Флегонтъ оттыкаетъ бутылку.

— Пей!

Осипъ Ѳомичъ пьетъ. Мирвольскій беретъ трубку, словно мало ему дыма, наполняющаго комнату.

— Что же ты понемножку тянешь? замѣчаетъ Павелъ Павлычъ, садясь къ столу, за которымъ уже пристроился на диванѣ Наруковичъ. — Вѣдь самъ же говорилъ, что поздно. Отпили, да и въ кустъ.

— Дѣло! соглашается Ѳомичъ.

Когда Мирвольскій отставляетъ въ сторону пустую бутылку (только одна треть пришлась на его долю) и киваетъ Флегонту, чтобы онъ оттыкалъ другую, Осипъ Ѳомичъ уже не находитъ, что время позднее.

— Посидимъ, милый, еще! говоритъ онъ своему собесѣднику. — Что домой-то идти? не слыхалъ я дома брани!

— Вы хоть меня-то отпустите, Осипъ Ѳомичъ, обращается къ нему Флегонтъ: — смерть сонъ клонитъ, совсѣмъ глаза слиплись. Сами-то хоть до утра тутъ сидите.

— Ступай! отвѣчаетъ Осипъ Ѳомичъ, опорожнивъ еще стаканъ.

— Гдѣ у тебя вино? спрашиваетъ Мирвольскій.

— Вотъ-съ... довольно будетъ.

— Ладно, можешь идти.

Флегонтъ удаляется.

— Плохо же ты пьешь! замѣчаетъ Мирвольскій: — я вотъ ужь пятый стаканъ кончилъ, а ты все на третьемъ сидишь.

— Нѣтъ, мм-илый, я ужь тоже, кажется...

— Ну, не спорь!

— Вотъ тебѣ.

— Выпилъ?

— Да.

Мирвольскій куритъ съ какимъ-то ожесточеніемъ, и дымъ густѣетъ.

— Наливай! восклицаетъ Осипъ Ѳомичъ.

— Изволь.

— Куда ты?

— Трубку выбить.

Мирвольскій отходитъ въ уголъ выкинуть изъ трубки пепелъ.

— Экъ мы разгулялись нынче! говоритъ нетвердымъ голосомъ Наруковичъ.

— Что же за разгулялись! всего двѣ бутылки.

— Только-то! лепечетъ Ѳомичъ: — давай еще!

Мирвольскій подноситъ трубку къ свѣчкѣ, и обсыпаетъ нагорѣвшую свѣтильню табакомъ. Она едва мерцаетъ.

— Что же ты не пьешь? Вѣдь налито, говоритъ онъ, садясь на диванъ около захмѣлѣвшаго антрепренера.

— Гдѣ?

— Да вотъ.

— А!

Нѣсколько минутъ молчанія. Только и слышно, какъ пыхтетъ трубка.

— Куда ты? спрашиваетъ Осипъ Ѳомичъ, вдругъ ухватываясь за рукавъ своего собесѣдника.

— За трубкой.

Мирвольскій, кажется, хочетъ закуриться до смерти. Опять задымилась его трубка.

Свѣтильня готова угаснуть подъ черной шапкой нагара, со всѣхъ сторонъ засыпанная пепломъ и табакомъ.

— Не довольно ли? спрашиваетъ Мирвольскій.

Ѳомичъ уже ничего не отвѣчаетъ. Онъ прилегъ на ручку дивана, и вѣроятно и не видитъ ничего, кромѣ дыма, дыма и дыма.

Вотъ онъ и захрапѣлъ... Свѣча погасла, пустивъ кверху струю смраднаго чада.

У! какая темнота! какой чадъ и дымъ!

...Ольга мучилась безсонницей. Стрѣлки часовъ, стоявшихъ на столикѣ у ея постели, показывали половину четвертаго, когда она услыхала шаги въ гостиной.

Мирвольскій чувствовалъ что-то въ родѣ угара послѣ пребыванія въ дымномъ буфетѣ; спать ему не хотѣлось. Онъ подошелъ къ окну, и пріотворилъ его, вѣроятно чтобы освѣжиться немного.

Небо было чисто, ночь довольно свѣтла.

Мирвольскій съ полчаса не отходилъ отъ окна.

Далеко, за рядомъ кровель, которыя виднѣлись изъ окна, вдругъ поднялся клубъ чернаго дыма, за нимъ другой, третій — и небо вдругъ освѣтилось заревомъ.

ГЛАВА XXIII.

Одною меньше.

Время въ полетѣ своемъ, на которомъ низвергаетъ и разрушаетъ многое, не коснулось своимъ крыломъ пресловутаго камскаго трактира, носящаго наименованіе «Магнита»:

все въ немъ по старому. Тотъ же Сундуковъ пользуется съ него выгодами, тотъ же рѣдкобородый Андреяныч распоряжается за буфетомъ, тотъ же коридорный Иванъ, любитель театра, прислуживаетъ пріѣзжимъ въ гостинницѣ.

— Есть номеръ? спрашиваетъ Дмитрій Борскій, входя въ волчьей шубѣ въ коридоръ, еле озаренный почникомъ.

Иванъ вывертывается изъ-за угла, и отвѣчаетъ:

— Есть, сударь; пожалуйте-съ. Какой вамъ угодно? побольше-съ, или маленькій?

— Все равно.

— Вотъ, сударь, номеръ пятый. Этотъ почище будетъ.

— Хорошо.

Минутъ черезъ пять Иванъ ставитъ на столъ передъ пріѣзжимъ подносъ съ чайнымъ приборомъ.

— Скажи пожалуста, спрашиваетъ Дмитрій: — что это за обгорѣлый домъ, мимо котораго я проѣзжалъ?

— Гдѣ, сударь?

— На площади.

— Театръ, сударь.

— Какъ театръ? Давно ли онъ сгорѣлъ?

— Недѣли двѣ будетъ, сударь.

— Актеры-то здѣсь?

— Нѣтъ, сударь; всѣ почти разъѣхались. И содержатель сгорѣлъ.

— Содержатель!

— Да, сударь, Осипъ Ѳомичъ Наруковичъ.

— Какъ же это случилось?

— А Богъ знаетъ какъ, сударь. Говорятъ подвыпилъ онъ, да и легъ спать въ буфетѣ...

— Ну.

— А свѣчку видно забылъ погасить. Верхушка-то и вспыхнула.

— Буфетъ, значитъ, наверху былъ?

— Наверху, сударь.

— И нельзя было спасти?

— Нельзя, сударь; потому больше, что никто и не зналъ, что содержатель тамъ?

— Такъ-таки никого изъ артистовъ и нѣтъ здѣсь?

— Кое-кто есть еще, сударь — изъ мелкихъ.

— Мирвольскій уѣхалъ?

— Уѣхалъ, сударь.

— Одинъ?

— Одинъ, сударь. Онъ, говорятъ, хочетъ самъ театръ содержать.

— Гдѣ онъ жилъ?

Иванъ говоритъ адресъ.

— Хорошо, ступай!

Коридорный уходитъ.

Дмитрій поспѣшно одѣвается и идетъ изъ гостинницы по адресу, сказанному Иваномъ. Тамъ встрѣчаетъ его Агаша.

— Ахъ, Дмитрій Алексѣичъ! давно ли вы у насъ? восклицаетъ она съ радостнымъ выраженіемъ въ лицѣ.

— Ольга Васильевна здѣсь? спрашиваетъ Борскій.

— Здѣсь-съ. Онѣ не могли ѣхать съ Павломъ Павлычемъ.

— Больна?

— Очень больны-съ. Павелъ Павлычъ сказалъ, чтобъ онѣ пріѣхали къ нему въ Голодаевъ, когда выздоровѣютъ.

Агаша вздохнула.

— Да врядъ ли ужь имъ выздоровѣть!

— Отчего же Павелъ Павлычъ не остался здѣсь?

— Театръ заводитъ въ Голодаевѣ.

— Можно мнѣ видѣть Ольгу Васильевну?

— Я думаю, можно-съ. Страхъ на нихъ посмотрѣть, какія онѣ стали... Лица нѣтъ. Подождите здѣсь, Дмитрій Алексѣичъ, я пойду спрошу.

Дмитрій сталъ ходить по залѣ.

— Пожалуйте! сказала воротившаяся черезъ минуту дѣвушка.

Борскій послѣдовалъ за нею черезъ нѣсколько комнатъ въ спальню больной.

Сердце замерло въ немъ, когда онъ переступилъ порогъ этой комнаты и приблизился къ постели.

Довольно ярко было озарено лицо больной свѣчею, покрытой зеленымъ абажуромъ. Дмитрій и узналъ и не узналъ Ольгу. Блѣдная какъ воскъ, исхудалая, тяжело дышащая, она только выраженіемъ глазъ и грустною улыбкой напоминала прежнюю Ольгу.

Дмитрій не нашелъ въ себѣ силъ сказать ей даже самое обыкновенное привѣтствіе. Она подала ему руку, и онъ горячо поцаловалъ ее. На глазахъ Ольги показались слезы.

Агаша подала гостю стулъ.

— Вы одни вспомнили обо мнѣ, проговорила больная съ замѣтнымъ усиліемъ и едва слышнымъ голосомъ. — Благодарю васъ.

— Не утомляйте себя, сказалъ Дмитрій: — вамъ тяжело говорить. Не благодарите меня. Я сожалѣю только о томъ, что не могъ пріѣхать сюда раньше.

— Да, я умираю — пора — зачѣмъ мнѣ жить?

— Полноте!

— Я одна... Жалѣть обо мнѣ не будутъ.

Дмитрій взялъ ее за руку и старался утѣшить...

Она грустно качала головой и недовѣрчиво улыбалась.

— Нѣтъ... скоро конецъ... всему конецъ... и счастію... и слезамъ.

Глаза ея искали чего-то на столикѣ рядомъ. Агаша взяла съ него маленькій портретъ и подала ей.

— Я ужь не увижу его... проговорила Ольга, прика-

саясь къ портрету блѣдными губами. — Можетъ-быть вы... когда нибудь... увидите его... скажите ему....

Она не могла продолжать; слезы покатились у ней по щекамъ.

— Успокойтесь, говорилъ, наклоняясь къ ней, Дмитрій, готовый самъ заплакать.

Ольга замолчала, не отводя глазъ отъ портрета.

Черезъ нѣсколько минутъ онъ хотѣлъ удалиться; но больная сказала ему:

— Останьтесь.. не уходите... не дайте мнѣ... умереть одной...

Дмитрій остался. Больная заснула; онъ вышелъ въ другую комнату и просидѣлъ тутъ всю ночь, не смыкая глазъ.

Когда, на разсвѣтѣ, онъ вступилъ въ спальню, Ольга уже не дышала. Глаза ея были плотно закрыты, съ губъ не слетѣла еще грустная улыбка. На груди ея лежалъ портретъ Павла Павлыча.

Дмитрій съ тихими слезами опустился на колѣни у постели усопшей.

ЭПИЛОГЪ.

По прежнему перелетаютъ птицы—перелетаютъ стаями, шумно и крикливо, перелетаютъ по одиночкѣ, тихо и скромно. Порою двѣ стаи встрѣчаются, и предводители ихъ, поклевавъ другъ друга, направляютъ въ противуположныя стороны свои крылатые легіоны. Порою къ стаѣ робко пристаетъ одинокая птичка, и долго пощипываютъ ее новые товарищи.

Чего ищутъ эти перелетныя птицы? Теплаго края, гдѣ нѣтъ зимъ, гдѣ вѣчно безоблачно небо, гдѣ невѣдомы грозы и бури, и незакатно сіяетъ яркое солнце... Да гдѣ же такіе края?

Вдова Осипа Ѳомича распродала свой пышный гардеробъ, терпитъ порядочную нужду и питаетъ странную надежду извлечь изъ пепла нагрудникъ своего супруга.

Мирвольскій не сдѣлался антрепренеромъ и выбылъ изъ числа артистовъ. Онъ снова появился въ Петербургѣ; съ годъ прожилъ тамъ точь-въ-точь такъ, какъ жилъ нѣкогда — и потомъ вдругъ исчезъ... О немъ нѣтъ ни слуху ни духу.

Наденька Бушуева, одновременно съ Мирвольскимъ появившаяся въ Петербургѣ, опять перелетѣла изъ столицы въ провинцію, и восхищаетъ тамъ любителей изящнаго въ своихъ прежнихъ роляхъ.

Дмитрій Борскій—одинъ изъ первокласныхъ артистовъ, и продолжаетъ совершенствоваться.

Всѣ остальные живутъ какъ жили — и о нихъ нечего расказывать.

Когда Живягина спрашиваютъ, какъ проходитъ его жизнь, онъ говоритъ обыкновенно:

— Извѣстно, какъ! Кочуемъ изъ мѣста въ мѣсто! Номады въ нѣкоторомъ родѣ, или такъ-сказать перелетныя птицы.

ИЗГОЕВЪ.

Es ist eine alte Geschichte....

Heine.

I.

Втораго или третьяго іюля 184* года, около семи часовъ вечера, въѣхалъ въ околицу села Котошихина выписанный изъ Москвы владѣльцемъ этого села, Иваномъ Петровичемъ Бухаровымъ, учитель. Длинная и скучная дорога такъ утомила Изгоева, и такъ хотѣлось ему быть поскорѣе у цѣли, что двѣ улицы, которыми тележка его должна была протрястись до барскаго дома, показались ему чуть не безконечными. Село не представляло ничего новаго любопытству пріѣзжаго: тѣ же избы, на половину крытыя соломой, на половину тесомъ; та же старая и ветхая церковь съ покосившеюся колокольней, обнесенная деревянной оградой; та же необширная площадь съ десяткомъ пустыхъ, на живую нитку сколоченныхъ лавчонокъ, въ которыхъ разъ въ недѣлю водворяется на нѣсколько часовъ мелкое промышленное движеніе — все это какъ и во всѣхъ другихъ селахъ.

Наконецъ взмыленная тройка подвезла учителя къ барскому дому. Домъ стоялъ на самомъ почти выѣздѣ. Наружность его, какъ и видъ села, не представляла ничего особеннаго, ничѣмъ не отличалась отъ наружности большей части

деревенскихъ барскихъ домовъ. Дѣдъ или прадѣдъ нынѣшняго владѣльца вовсе повидимому не думалъ о красотѣ зданія и заботился преимущественно о просторѣ и удобствѣ помѣщенія. Домъ раскинулся широко; слишкомъ двадцатью окнами смотрѣлъ онъ на лежащія въ почтительномъ отдаленіи крестьянскія избы.

Тележка въѣхала въ ворота. Съ подъѣзда, подпертаго четырьмя деревянными столбами, выбѣжалъ лакей и, слѣдуя заранѣе полученному приказанію, проводилъ пріѣзжаго въ небольшой новой флигель, во глубинѣ просторнаго двора, за которымъ темнѣлъ садъ.

Андрей Платонычъ Изгоевъ былъ молодой человѣкъ высокаго роста, довольно статный, съ густыми темнорусыми волосами и умнымъ, выразительнымъ лицомъ, въ которомъ болѣе всего нравились почти черные глаза съ смѣлымъ и глубокимъ взглядомъ. Онъ только прошлымъ лѣтомъ окончилъ университетскій курсъ; ему было двадцать три года.

Вѣроятно Ивану Петровичу Бухарову немедленно донесли о пріѣздѣ изъ Москвы учителя. Изгоевъ не успѣлъ осмотрѣться въ отведенномъ ему помѣщеніи, не успѣлъ расправить свои разбитые дорогой члены, смыть съ лица и рукъ пыль и перемѣнить бѣлье и платье, какъ во флигель явился дворовый мальчишка въ казакинѣ съ патронами на груди — звать его къ барину. Зовъ этотъ былъ для Изгоева очень непріятенъ: неужто нельзя было дать человѣку отдохнуть? неужто ждали его съ такимъ нетерпѣніемъ, что хотятъ видѣть тотчасъ по пріѣздѣ и не могутъ отложить свиданіе до завтра?

Онъ однакожъ послѣдовалъ за казачкомъ.

Чрезъ довольно опрятную переднюю, гдѣ два лакея вскочили передъ нимъ съ мѣста, пріѣзжій прошелъ въ большую залу съ хорами и свѣтлыми окнами, которые были уставлены горшками цвѣтущихъ кактусовъ, потомъ въ биліардную и наконецъ оттуда въ кабинетъ помѣщика.

Когда онъ вошелъ, Бухаровъ лежалъ на софѣ и читалъ «Московскія Вѣдомости».

Въ кабинетѣ господствовалъ строжайшій порядокъ; мебель стараго, неудобнаго фасона была разставлена симетрически; каждому предмету было назначено, кажется, неизмѣнное мѣсто, съ котораго ему не позволялось сдвинуться ни на волосокъ; на большомъ письменномъ столѣ стояла фарфоровая чернилица съ какою-то затѣйливой пестрой группой да двѣ бронзовыя статуйки, и не лежало ни клочка бумаги.

Иванъ Петровичъ, тучный баринъ лѣтъ пятидесяти, съ самой дюжинной физіономіей, принялъ учителя очень радушно; вставая съ софы, онъ извинился передъ Изгоевымъ, что такъ скоро потребовалъ его (зачѣмъ же было требовать?) и принялся распрашивать о томъ, что было уже подробно объяснено Изгоевымъ въ письмѣ его изъ Москвы, а именно: давно ли кончилъ онъ курсъ? къ какому факультету принадлежалъ? думаетъ ли продолжать, какъ говорилъ въ своемъ письмѣ, готовиться къ экзамену на магистра? и прочее.

Съ своей стороны Бухаровъ началъ расказывать учителю, зачѣмъ выписалъ его сюда, кого и чему долженъ онъ учить — однимъ словомъ то, не зная чего, Изгоевъ не вздумалъ бы и ѣхать изъ Москвы въ село Котошихино.

Всѣ эти ненужные раскросы и объясненія бѣсили пріѣзжаго.

— Главное, прошу васъ, сказалъ наконецъ Иванъ Петровичъ: — позаботиться хорошенько о русской грамотѣ; Викторъ въ ней не силенъ. Относительно другихъ предметовъ....

Учитель отвѣчалъ, что будетъ преподавать какъ знаетъ.

— Вы-то знаете хорошо, перебилъ Бухаровъ: — въ этомъ я нисколько не сомнѣваюсь; только Виктору всѣхъ вашихъ познаній не надо. Вѣдь у васъ нынче все это на разныхъ высшихъ взглядахъ.

— Для первоначальнаго приготовленія никакихъ высшихъ взглядовъ не нужно, отвѣчалъ Изгоевъ.

— Такъ, такъ! продолжалъ Иванъ Петровичъ:—хорошо, что вы меня понимаете. Ученикъ вашъ — мальчикъ бойкій, со способностями; лѣнивъ немножко, да вамъ объ этомъ заботы не будетъ: у него есть французъ гуверперъ — онъ смотритъ, чтобъ уроки были выучены. — Да вотъ постойте, я вамъ сейчасъ покажу вашего ученика.... пребойкій мальчикъ.

Бухаровъ позвонилъ.

Посланный за молодымъ бариномъ слуга скоро явился съ отвѣтомъ, что Викторъ Иванычъ изволилъ поѣхать съ сестрицей кататься на лодкѣ.

— Ну, не бѣда! сказалъ Иванъ Петровичъ. — еще успѣете познакомиться. Теперь можете немного осмотрѣться, отдохнуть. Сегодня и завтра вы совершенно свободны; а съ понедѣльника надо будетъ начать уроки — или со вторника.... понедѣльникъ — тяжелый день.... Именно со вторника. И такъ вы свободны и послѣзавтра. До свиданья!

II.

Двѣ комнатки, назначенныя Изгоеву, были очень уютны. Окна ихъ выходили въ садъ; высокія и густолиственныя березы стояли близко, и отъ этого въ комнатахъ было мало свѣта; за то какая прохлада!... «Зимою будетъ пожалуй совсѣмъ темно (подумалъ Изгоевъ); но до зимы еще далеко.»

На другой день послѣ пріѣзда долго возился онъ, приводя въ порядокъ свое новоселье, разбирая и раскладывая всѣ богатства свои, привезенныя въ узлѣ и двухъ чемоданахъ. (Одинъ изъ нихъ былъ туго набитъ книгами и тетрадями.) Мальчикъ, которому вмѣнено было въ обязанность прислуживать

учителю, вызывался облегчить его хлопоты; но Изгоевъ попросилъ его только помочь передвинуть письменный столъ къ окну, и когда это было сдѣлано, отослалъ мальчика, какъ вовсе ненужнаго.

Только около полудня мальчикъ явился снова — съ завтракомъ, который Изгоевъ уничтожилъ съ большимъ апетитомъ, и потомъ въ три часа — звать учителя обѣдать. Къ этому времени учитель уже кончилъ свою возню; но такъ утомился, что отказался отъ приглашенія и просилъ прислать обѣдъ во флигель.

Послѣ обѣда онъ прилегъ съ книгой на кушетку и скоро заснулъ. Отъ усталости и безсонницы прошлой ночью, проспалъ онъ до самыхъ сумерекъ.

Когда проснулся, легкій вѣтерокъ игралъ шторами, въ комнатѣ совсѣмъ стемнѣло, и изъ сада вѣяло ночной свѣжестью. Оттуда слышался живой разговоръ, который часто прерывался серебристымъ женскимъ смѣхомъ. Смѣхъ этотъ расшевелилъ Изгоева. Онъ подошелъ къ окну и поднялъ штору.

На большой алеѣ мелькало вдалекѣ бѣлое платье.

III.

Въ понедѣльникъ Изгоевъ познакомился со всѣмъ семействомъ Бухаровыхъ.

За полчаса до обѣда пришелъ онъ въ кабинетъ Ивана Петровича, куда скоро явился и Викторъ, бѣлокурый мальчикъ по лѣтамъ довольно высокаго роста; одѣтъ онъ былъ какъ картинка изъ какого-нибудь дѣтскаго альманаха: волосы завиты и причесаны съ величайшею тщательностью; на воротничкѣ рубашки и на пестрой шейной косынкѣ ни складочки; поясъ панталонъ стянутъ до-нельзя. Онъ поклонился учителю

такъ, какъ-будто передъ нимъ не человѣкъ, а зеркало, въ которое онъ любуется собой.

Викторъ, раскланявшись, очень развязно протянулъ Изгоеву руку и вѣроятно считалъ необходимымъ завести съ нимъ разговоръ.

— Отдохнули вы послѣ дороги? спросилъ онъ.

Изгоевъ отвѣчалъ: «да».

— Когда же начнемъ мы уроки? спросилъ мальчикъ еще.

— Вѣдь вы знаете это, сказалъ Изгоевъ.

— Завтра?

— Да. Зачѣмъ же спрашивать?

Можетъ-быть это было сказано неловко, грубо для перваго раза; но — такъ сказалось.

— Сколько вамъ лѣтъ? спросилъ Изгоевъ, пристально смотря на Виктора.

— Тринадцать, отвѣчалъ за него отецъ.

Мальчикъ, повидимому очень недовольный, засунулъ руки въ карманы, повернулся на каблукахъ къ отцу и сказалъ:

— Папа, обѣдъ готовъ — maman ждетъ насъ.

Пошли въ столовую.

Въ залѣ встрѣтила ихъ хорошенькая дѣвушка, въ которой пріѣзжій сейчасъ узналъ сестру Виктора.

— Ниночка, сказалъ ей отецъ: — рекомендую тебѣ Андрея Платоныча Изгоева.

Она привѣтливо улыбнулась и сказала, что очень желаетъ, чтобы гость не скучалъ въ Котошихинѣ послѣ Москвы.

Братъ и сестра, очень похожіе другъ на друга, нисколько не походили ни на отца, ни на мать. Марья Михайловна была женщина еще довольно свѣжая, несмотря на то, что дочери ея исполнилось уже семнадцать лѣтъ. У ней было доброе и глуповатое лицо; но это бы еще ничего, если бъ она не молодилась и не жеманилась. Она засыпала Изгоева любезно-

стями, которыя произносила протяжнымъ и нѣсколько пѣвучимъ голосомъ.

За обѣдомъ Андрей Платоныч увидалъ и гувернера француза, мосье Куку, человѣка лѣтъ тридцати, смуглаго и румянаго брюнета съ густѣйшими и длинными волосами, которые вились словно у купидона. Онъ напоминалъ видомъ парикмахерскую вывѣску (одѣтъ былъ пестро и безвкусно), а разговоромъ — трещетку. Викторъ повидимому былъ очень съ нимъ друженъ, потому-что въ продолженіе всего обѣда у нихъ не прекращался разговоръ въ полголоса. Изгоевъ не могъ ничего разслушать: Марья Михайловна ни на минуту не переставала распрашивать его или расказывать, какой образъ жизни придется ему вести въ Котошихинѣ.

Самъ Иванъ Петровичъ только изрѣдка принималъ участіе въ разговорѣ — и то нѣсколькими словами. Впрочемъ и изъ этихъ немногихъ словъ Изгоевъ успѣлъ замѣтить, что мнѣнія Марьи Михайловны не имѣютъ большаго вѣса въ его глазахъ.

Антонина Ивановна говорила только съ сидѣвшей около нея дамой среднихъ лѣтъ, худощавой, прямой и некраснвой, или бѣглыми замѣчаніями останавливала Виктора, безпрестанно кидавшаго въ сосѣдку ея хлѣбными шариками. Изъ словъ Марьи Михайловны, которая не разъ въ расказахъ своихъ называла эту даму Клавдіей Сергѣевной, Изгоевъ могъ понять, что Клавдія Сергѣевна во-первыхъ воспитывалась въ Смольномъ Монастырѣ, во-вторыхъ была замужемъ за небогатымъ губернскимъ чиновникомъ и черезъ полтора года послѣ брака овдовѣла, и наконецъ въ-третьихъ живетъ въ домѣ у нихъ, Бухаровыхъ, уже шесть лѣтъ, и Ниночка обязана ей всѣми своими познаніями.

Послѣ обѣда Иванъ Петровичъ предложилъ Изгоеву сыграть партію на биліардѣ. Изгоевъ игралъ очень плохо, и потому отказался. Въ биліардную, взамѣнъ его, отправился

съ Бухаровымъ мосье Куку; за ними послѣдовалъ и Викторъ. Нина ушла съ Клавдіей Сергѣевной въ садъ, а Андрею Платонычу пришлось проводить въ гостиную Марью Михайловну, которая принудила его сѣсть, велѣла принести ему трубку и еще съ часъ томила его разговоромъ. Какъ съ человѣкомъ ученымъ, вступила она въ разсужденія о литературѣ, въ которыхъ было много пустыхъ и звонкихъ фразъ — и только.

Вся семья отправилась вечеромъ на именины къ сосѣднему помѣщику, куда Иванъ Петровичъ подзывалъ и Андрея Платоныча. Изгоевъ предпочелъ остаться дома, и весь вечеръ проброди лъ по саду. Садъ былъ великъ и тѣнистъ, и отлогимъ скатомъ сходилъ къ довольно обширному пруду.

IV.

Иванъ Петровичъ назвалъ понедѣльникъ тяжелымъ днемъ, и потому первый урокъ Изгоева Виктору былъ назначенъ во вторникъ. Этотъ урокъ убѣдилъ новаго учителя, что для ученика его всѣ дни, когда приходится учиться, тяжелые дни.

Надо было предварительно испытать его, что онъ знаетъ. О чемъ ни спрашивалъ Изгоевъ Виктора, ни на что не отвѣтилъ онъ какъ слѣдуетъ; большую часть вопросовъ Андрей Платонычъ принужденъ былъ повторять, потому-что мальчикъ и слушалъ его безъ вниманія.

— Встаньте, сказалъ ему Изгоевъ: — пересядемте на другую сторону стола; васъ, кажется, отвлекаетъ отъ дѣла это зеркало.

Викторъ въ самомъ дѣлѣ постоянно смотрѣлся въ зеркало, висѣвшее прямо противъ стола.

— Не понимаю, для чего повѣсили его въ классной комнатѣ. Завтра же оно будетъ снято.

Викторъ перемѣнилъ мѣсто съ недовольнымъ видомъ.

Первый урокъ весь прошелъ въ испытаніи познаній Виктора, и заключился слѣдующимъ замѣчаніемъ Изгоева:

— Вы рѣшительно ничего не знаете; не понимаю, чему васъ учили до сихъ поръ. Вамъ нужно все начинать съ самыхъ первыхъ основаній; завтра мы займемся исторіей, и я надѣюсь, вы постараетесь быть внимательнѣе.

V.

— Что, Викторъ, спросила его сестра: — какъ тебѣ нравится твой новый учитель?

— Мнѣ онъ вовсе не нравится, отвѣчалъ мальчикъ, насупивъ брови и заложивъ руки въ карманы.

— Это отчего?

— Онъ, кажется, слишкомъ много думаетъ о себѣ. Мосье Куку гораздо лучше.

— Мосье Куку глупъ, Викторъ.

— Знаю, а все-таки онъ лучше; по крайней мѣрѣ не принимаетъ такого тона...

— Какого?

— Вѣчно съ наставленіями: что вовсе до него не касается...

— Напримѣръ?

— Да все, все... То въ зеркало не глядись, то...

— Что жь? это правда: сколько разъ я и сама говорила тебѣ, что ты слишкомъ много занимаешься собой!

— Ну, и у тебя одна пѣсня! сказалъ Викторъ, повертываясь на каблукахъ.

VI.

Письмо.

10 іюля.

Вотъ ужь вторая недѣля, какъ я въ селѣ Котошихинѣ, дорогой другъ, а только нынче собрался писать къ тебѣ.

Помня обѣщаніе мое отправить къ тебѣ извѣстіе о пріѣздѣ моемъ на мѣсто на другой же день, ты вѣрно не мало бранилъ меня за молчаніе. Хочешь ли знать причину его?.. Въ письмѣ своемъ желалъ я познакомить тебя съ людьми, между которыми довелось мнѣ жить; а что могъ я сказать тебѣ о нихъ на другой день по пріѣздѣ, едва увидавъ ихъ? Дня черезъ два-три я началъ писать къ тебѣ; но уничтожилъ письмо — на томъ основаніи, что сужденія мои о семействѣ Бухаровыхъ нашелъ слишкомъ рѣзкими. Я судилъ по первому впечатлѣнію, которое, какъ мнѣ казалось, очень могло обмануть меня. Въ этотъ разъ я буду говорить спокойнѣе, съ меньшею рѣзкостью; но едва ли сущность моихъ словъ будетъ не та же самая, что и въ начатомъ, но уничтоженномъ письмѣ..

Вотъ какими нашелъ я людей, съ которыми живу теперь въ одномъ домѣ, или — что все равно — въ предѣлахъ одного двора.

Самъ Бухаровъ человѣкъ не глупый, но и не особенно умный. Глядя на его полное, какъ-будто оплывшее, впрочемъ до сихъ поръ еще довольно красивое лицо, я всегда думаю, что нѣкогда, въ молодости, онъ былъ что-называется «прекрасный молодой человѣкъ» и вѣроятно считался однимъ изъ первыхъ, если не первымъ танцоромъ въ губерніи, зимой игралъ роль богатаго жениха и бальнаго героя въ своемъ губернскомъ городѣ, лѣтомъ охотился въ деревнѣ. Относительно образованія его нечего сказать: онъ говоритъ мало и только о предметахъ самыхъ обыденныхъ; сначала заключилъ я изъ нѣсколькихъ его словъ, что онъ питаетъ какую-то вражду къ наукѣ, но потомъ увидалъ, что ко всему на свѣтѣ онъ совершенно равнодушенъ. Изъ болтовни его словоохотливой супруги могъ я догадаться, что дѣла ихъ сильно растроены; что вслѣдствіе этого Иванъ Петровичъ совсѣмъ опустился, и его трудно узнать сравнительно съ прежнимъ;

что ее очень сокрушает беззаботность, съ какою онъ смотритъ, какъ дѣла запутываются и растраиваются все больше и больше. Сколько я замѣтилъ, единственное чтеніе Бухарова составляютъ «Московскія Вѣдомости»; но что читаетъ онъ въ нихъ, я право не знаю, потому-что какъ-то на дняхъ, когда разговоръ коснулся политики, онъ обличилъ полное невѣдѣніе происшествій, описаніемъ которыхъ даже «Московскія Вѣдомости» нынче наполняются сверху до низу — именно испанскихъ дѣлъ.

Госпожа Бухарова не беретъ и въ руки «Московскихъ Вѣдомостей», за то читаетъ очень усердно «Библіотеку для Чтенія», которая получается здѣсь. Марьѣ Михайловнѣ особенно нравятся стихи Тимоѳеева. Она прочитала на своемъ вѣку пропасть книгъ и кромѣ «Библіотеки»; но это не развило въ ней ни вкуса, ни кой-чего поважнѣе. Она ставитъ на одну доску и «Послѣдній день міра» Тимоѳеева и байронова «Каина»; повѣсти Марлинскаго по ея мнѣнію гораздо выше «Капитанской дочки», и такъ далѣе. Смѣшно было бы оспаривать подобный взглядъ, и потому я больше молчу; между-тѣмъ она заводитъ очень часто рѣчь о литературѣ — Богъ знаетъ, для чего: неужто это доставляетъ ей удовольствіе? Или она хочетъ ослѣпить меня блескомъ своихъ познаній?.. Марья Михайловна повидимому добрая женщина; она любитъ своихъ дѣтей; но я не могу примириться съ нею за ея пустоту.

Что сказать тебѣ о моемъ ученикѣ? Пока я недоволенъ имъ и не знаю, сумѣю ли сдѣлать изъ него что-нибудь порядочное. Чувствую, какъ это трудно съ моимъ характеромъ; ты вѣчно бранилъ меня за мою нетерпимость; теперь больше чѣмъ когда-нибудь сознаю я, какъ она можетъ быть вредна. Кажется, съ перваго разу поселилъ я своими жесткими и рѣзкими замѣчаніями въ ученикѣ моемъ холодность ко мнѣ, а можетъ-быть и чувство болѣе сильное. Недоста-

токъ нѣжности — бѣда въ обращеніи съ дѣтьми. Я скоро сознаю свои промахи, но поправлять ихъ, или избѣгать впослѣдствіи, совсѣмъ не умѣю. Отецъ находитъ, что Викторъ мальчикъ со способностями... Къ чему? вотъ вопросъ. Думаю, что не къ наукѣ. Больше всего непріятна мнѣ въ немъ наклонность къ франтовству: дѣти франты для меня всегда были противны.

Совсѣмъ не похожа на брата ни характеромъ, ни наклонностями сестра, дѣвушка лѣтъ девятнадцати, съ замѣчательнымъ умомъ, добрая, очень развитая, — дѣвушка, о которой, признаюсь, не могу говорить безъ нѣкотораго волненія: такое сильное впечатлѣніе произвела она на меня. Мнѣ кажется, я не встрѣчалъ никогда и нигдѣ существа болѣе прекраснаго, болѣе достойнаго любви. Сколько чувства въ ея темныхъ глазахъ! сколько граціи въ каждомъ движеніи! сколько...

Впрочемъ довольно, довольно! Боюсь, чтобы ты со свойственной тебѣ положительностью не вздумалъ подсмѣиваться надъ моимъ увлеченіемъ.

Сначала я не умѣлъ разрѣшить, откуда въ Нинѣ развитіе, какого незамѣтно ни въ комъ изъ окружающихъ ее; но потомъ, узнавъ поближе живущую у Бухаровыхъ бѣдную вдову (съ перваго разу я принялъ ее за очень дюжинную приживалку), я понялъ, что Нина многимъ и многимъ обязана ей.

Въ домѣ есть еще нѣкто мосье Куку, черномазый французикъ гувернеръ; но объ немъ не стоитъ говорить. Замѣчу только, что ему шло бы болѣе именоваться мосье Перокè.

Теперь надо бы отдать тебѣ отчетъ въ моихъ ученыхъ занятіяхъ; но — брани меня сколько хочешь! — я еще не принимался за дѣло, и право не знаю, скоро ли примусь. Не то чтобы я не оглядѣлся еще на новосельѣ, не то чтобъ уроки отнимали у меня время: я почти привыкъ къ своему

флигелю, глядящему окнами въ садъ, времени свободнаго очень, очень много; а все-таки я еще и не развертывалъ своихъ тетрадей, своихъ книгъ. Какая-то небывалая лѣнь напала на меня. Все, что я сдѣлалъ здѣсь, это — перевелъ два стихотворенія Гейне, которыя и посылаю тебѣ; если понравятся, тисни ихъ гдѣ-нибудь — хоть въ «Галатеѣ».

Пиши мнѣ поскорѣе; извѣсти, что дѣлаютъ наши товарищи....

VII.

День за днемъ, однообразно текла жизнь обитателей барскаго дома въ селѣ Котошихинѣ. Со времени переѣзда Бухаровыхъ на постоянное житье въ деревню, то-есть въ теченіе слишкомъ пяти лѣтъ, однообразіе это почти не нарушалось. Само собою разумѣется, что водвореніе въ Котошихинѣ Андрея Платоныча Изгоева не могло ни на іоту измѣнить обычнаго, ровнаго и несовсѣмъ веселаго хода дней; только за столомъ прибавился лишній приборъ, да двумя часами въ день увеличились уроки Виктора. Все остальное шло старымъ порядкомъ. Разъ въ недѣлю ѣздили къ сосѣдямъ; разъ въ недѣлю пріѣзжали въ Котошихино сосѣди; каждый день гуляли по саду, катались на лодкѣ, удили рыбу; послѣ обѣда Нина читала что-нибудь вслухъ Марьѣ Михайловнѣ, или передавала книгу Изгоеву, и читалъ онъ; мосье Куку и Викторъ катались верхомъ; Иванъ Петровичъ или ходилъ по разнымъ хозяйственнымъ заведеніямъ, или ѣздилъ въ поле, какъ-то ex officio, по видимому безъ всякаго удовольствія, или лежалъ въ своемъ безукоризненно опрятномъ и пустомъ кабинетѣ на софѣ, съ номеромъ «Московскихъ Вѣдомостей» въ рукахъ.

Глядя со стороны, можно было или позавидовать этому мирному процвѣтанію, или отъ души пожалѣть людей, обреченныхъ на такую скуку, на такое однообразіе.

VIII.

Дневникъ.

12 іюля.

Я все еще не приступалъ къ продолженію своихъ прерванныхъ занятій, хотя безпрестанно упрекаю себя въ бездѣйствіи. Пора, пора приняться за дѣло. Еще много остается мнѣ труда, чтобы приготовиться какъ слѣдуетъ къ экзамену, къ диссертаціи... Неужто я достигъ крайней цѣли своей, поступивши домашнимъ учителемъ къ Бухарову? Не желаніе ли имѣть возможность работать на свободѣ заставило меня занять мѣсто, на которомъ я теперь ничего не дѣлаю? А между-тѣмъ времени довольно: кромѣ двухъ часовъ въ день, которые отнимаетъ у меня урокъ, я свободенъ съ утра до вечера. Чѣмъ же я занимаюсь? Ничѣмъ. Разъ вышедши поутру изъ своего флигеля, я возвращаюсь въ него только поздно вечеромъ, когда уже не нахожу въ себѣ силъ для работы. Книги мои покрываются пылью. Надо положить этому конецъ! Неужто своею будущностью — она зависитъ отъ моихъ занятій — долженъ я жертвовать нѣсколькимъ часамъ удовольствія?..

Удовольствія!.. Нѣтъ, это слово слишкомъ вяло—такъ же, какъ вялы всѣ мои разсужденія, которыя не въ силахъ измѣнить моихъ поступковъ... Нѣсколько часовъ удовольствія!.. Счастья, наполняющаго все существо мое; да, счастья!.. Видѣть ее, слышать ея голосъ — этого довольно, чтобы забыть обо всемъ, не только о какихъ бы то ни было книгахъ.

14 іюля.

— Прочтите-ка намъ сегодня что-нибудь, Андрей Платонычъ, сказала мнѣ за обѣдомъ Марья Михайловна.

Я, разумѣется, согласился съ величайшимъ удовольствіемъ и предложилъ только вопросъ, что прочитать.

— Да вотъ я взяла вчера у Катерины Александровны (это сосѣдка) сборникъ одинъ — забыла заглавіе — такъ она очень хвалила первую повѣсть... Вотъ эту повѣсть прочтите.

— Не «Александрину» ли? спросила Нина.

— Да, да.

— Я начала-было читать, но бросила; это скучно...

— Ну ужь я тебѣ не повѣрю, возразила Марья Михайловна: — тебѣ и Марлинскій не нравится.

Послѣ обѣда я принужденъ былъ читать вслухъ хвалёную сосѣдкою повѣсть, и съ первыхъ же страницъ раздѣлилъ вполнѣ мнѣніе Нины. Марья Михайловна была однако въ правѣ не довѣрять дочери: повѣсть ей чрезвычайно понравилась.

Я убѣжденъ, что у меня недостало бы силы одолѣть эти двѣсти страницъ восторженной нелѣпицы, если бъ насупротивъ меня не сидѣла Нина, если бъ я не чувствовалъ на себѣ ея пристальнаго, задумчиваго взора .. Порою сердце мое охватывала какая-то смутная радость, смѣшанная съ сладкою тоской, и голосъ звучалъ какъ-то особенно полно; нѣсколькимъ напыщеннымъ тирадамъ я придалъ чтеніемъ своимъ почти страстное выраженіе.

— Ну что? ты и теперь будешь говорить, что повѣсть скучна? сказала Марья Михайловна, когда чтеніе было кончено.

— Андрей Платонычъ очень хорошо прочиталъ ее, отвѣчала Нина: — поэтому она и понравилась вамъ; а я остаюсь при своемъ мнѣніи.

Вечеромъ отправились мы кататься на лодкѣ—втроемъ: Нина, Клавдія Сергѣевна и я. Клавдія Сергѣевна сѣла къ рулю, я въ весла, Нина противъ меня на скамейкѣ.

— Скажите откровенно, спросила меня она: — понравилась вамъ повѣсть, которую вы читали?

— Нѣтъ.

— Вы говорите правду?

— Совершеннѣйшую правду; я согласенъ съ вами, что повѣсть скучна, напыщенна, напичкана претензіями, однимъ словомъ — нелѣпа.

— Я никакъ бы не подумала, что вы одного мнѣнія со мной.

— Отчего?

— Вы читали съ такимъ чувствомъ, придавали столько искренняго выраженія самымъ пустозвоннымъ фразамъ, что трудно было не ошибиться.

— Мнѣ хотѣлось хоть немного смягчить непріятное впечатлѣніе, которое повѣсть должна была произвести на васъ.

Что могъ я отвѣчать болѣе?

Но вѣрно глаза мои, обращенные на Нину, были на этотъ разъ выразительнѣе моихъ словъ. Щеки ея озарились легкимъ румянцемъ; она стала смотрѣть на гладкую поверхность пруда и бороздить ее своею маленькой ручкой.

Разговоръ нашъ былъ черезчуръ отрывоченъ, какъ-будто не клеился; но мы проплавали долго. Вечеръ дышалъ такою свѣжестью, такой нѣгой... Если бъ даже всѣ мы молчали, я готовъ бы всю ночь не оставлять лодки; я жалѣлъ только, что близокъ берегъ, что передъ нами не безпредѣльное море...

20 іюля.

Не мечта ли это? Не обманываюсь ли я, замѣчая въ ней сочувствіе? О! если бъ я могъ обманываться, не сомнѣваясь! Вѣдь не припоминаемъ же мы во снѣ, что спимъ; не думаемъ: это греза — и придется пробуждаться.

24 іюля.

Иванъ Петровичъ безъ всякаго намѣренія привелъ меня въ немалое смущеніе.

— Ну что, Андрей Платонычъ, сказалъ онъ за столомъ: — какъ идутъ здѣсь у васъ занятія?

— Какія? спросилъ я, и признаюсь, никакъ не ожидалъ того, что онъ отвѣтилъ.

— Да по вашему-то магистерству.

Я думалъ, онъ спроситъ меня объ урокахъ сына.

— Пока несовсѣмъ-то ладно, отвѣчалъ я, стараясь скрыть краску, выступившую мнѣ на щеки: — лѣто въ деревнѣ такъ хорошо, что занятія какъ-то нейдутъ на умъ... Наступитъ зима...

— Да, придется-таки поскучать зимой, перебилъ меня Иванъ Петровичъ.

Теперь я очень хорошо понимаю, что онъ завелъ рѣчь о моихъ ученыхъ занятіяхъ единственно чтобы сказать что-нибудь; но давеча слова его показались мнѣ намекомъ, вызваннымъ желаніемъ уколоть меня.

Если однако разобрать дѣло хладнокровно, я совершенно правъ, что не принялся еще за дѣло. Какъ запираться въ душномъ кабинетѣ, когда только и жизни что на воздухѣ, когда все такъ пышно цвѣтетъ, такъ располагаетъ каждаго къ лѣни? Пусть книги мои до зимы покрываются пылью!

4 августа.

Иногда мнѣ становится страшно за себя... Словно брошенъ я на маленькой лодкѣ въ необозримое море... Берегъ уходитъ уже изъ глазъ... Жаль мнѣ покидать его спокойную, безопасную пристань; но влечетъ меня страстною силой этотъ голубой просторъ, со всѣхъ сторонъ объемлющій мою лодку... Знаю, что эта гладкая теперь равнина того и гляди пому-

тится и взволнуется подъ ударами грозы... Знаю, что трудно будетъ избѣгнуть гибели въ моей маленькой лодкѣ... Пока небо и море ясны, пока берегъ не исчезъ изъ виду, можно бы еще вернуться; стоитъ сильнѣе ударить въ весла... Но какъ очарованныя опускаются руки, и весла скользятъ изъ нихъ, и далеко мчатъ ихъ играющія волны.

IX.

Чтеніе Изгоева очень нравилось Марьѣ Михайловнѣ, и она почти каждый день просила его читать ей что-нибудь вслухъ. Андрей Платонычъ съ полною готовностью исполнялъ желаніе госпожи Бухаровой. — Да и какъ могло быть иначе? При чтеніи всегда присутствовала Нина, а этого было достаточно, чтобы заставить Изгоева читать хоть цѣлый день на пролетъ.

Книги доставались не безъ труда: въ небольшой библіотекѣ ближайшаго уѣзднаго города (губернскій отстоялъ далеко отъ села Котошихина) было мало новаго; приходилось большею частью довольствоваться журналами за старые годы.

Однажды, послѣ прочтенія какой-то довольно пошлой журнальной повѣсти, въ которой герой застрѣливается отъ любви, Марья Михайловна сказала Изгоеву:

— Эта повѣсть какъ-будто напоминаетъ что-то знакомое.

— Что же именно?

— Не припомню теперь; но она очень похожа на какой-то извѣстный романъ.

— А мнѣ кажется, замѣтилъ Изгоевъ, улыбаясь: — что она ни на что не похожа.

Нина и Клавдія Сергѣевна засмѣялись.

— Ну ужь вы съ вашей строгостью! сказала очень до-

бродушно Марья Михайловна: — этакъ и читать было бы нечего, если бы требовать все геніальныхъ произведеній.

— Неужели по поводу этой повѣсти вы вспомнили «Вертера», Марья Михайловна? спросилъ Изгоевъ. — Сходство между ними развѣ только въ томъ, что и тамъ дѣло кончается пистолетнымъ выстрѣломъ.

— Ахъ, Боже мой! воскликнула Марья Михайловна:— именно «Вертера»... да. Какъ это совсѣмъ у меня изъ ума вонъ? Вотъ романъ-то, Андрей Платонычъ!

— Да, сказалъ Изгоевъ:—я почти согласенъ съ госпожой Сталь, что это романъ sans égal et sans pareil.

— Я читала его очень давно, когда еще была дѣвушкой, и помню, приходила отъ него въ восторгъ. Мнѣ очень хотѣлось бы перечитать его нынче.

— Я могу вамъ предложить французскій переводъ.

— У васъ есть?

— Да.

— Ахъ, пожалуста!

— Вы читали «Вертера»? спросилъ Изгоевъ Нину.

— Нѣтъ, отвѣчала она.

— Вотъ бы завтра вы принесли, Андрей Платонычъ, сказала Марья Михайловна: — да кстати — хоть и совѣстно мнѣ утруждать васъ, да ужь такъ и быть — кстати и прочитали бы намъ. Въ вашемъ чтеніи право каждая книга вчетверо выигрываетъ. Только вамъ бы не было скучно повторять читанное.

— «Вертеръ» одна изъ любимыхъ книгъ моихъ, отвѣчалъ Изгоевъ: — я всякой разъ съ новымъ удовольствіемъ ее перечитываю,

— Мнѣ кажется, замѣтила Клавдія Сергѣевна: — окончаніе ея несовсѣмъ удовлетворительно для нашего времени.

— Отчего же? возразилъ Изгоевъ.—Вертеръ со своимъ характеромъ не могъ кончить иначе.

— Правда ваша, послѣдній поступокъ Вертера вполнѣ согласенъ съ его натурой; но я говорю о нравственномъ выводѣ книги. Если Гёте имѣлъ въ виду только психологическую задачу—книга его безукоризненна до мельчайшихъ подробностей; если же онъ расчитывалъ на вліяніе, которое она должна имѣть — онъ заслуживаетъ многихъ упрековъ.

— Вамъ «Вертеръ» кажется книгой слишкомъ траурной?

— Да, и особенно траурной для нашего времени.

— Это время свѣтло по вашему?

— Я хотѣла сказать не то. Мнѣ кажется, ужь пора поэзіи перестать быть крикомъ сомнѣнія и отчаянія, пора сознать свое истинное назначеніе—быть вѣстницею надежды и вѣры въ лучшее будущее.

«Die Welt wird alt und wird wieder jung,
Und der Mensch hofft immer Verbesserung!»

замѣтилъ словами Шиллера Изгоевъ.

— Вотъ эту-то надежду должна питать и поддерживать поэзія. Безъ нея невозможны и шаги впередъ. Примѣры падающихъ энергіи не дадутъ намъ силы на борьбу съ жизнью. Я убѣждена, что Гёте иначе завершилъ бы свою книгу, если бъ писалъ ее для нынѣшнихъ поколѣній.

X.

На другой день Изгоевъ принесъ »Вертера» и прочиталъ вслухъ почти половину. Не одна страница знаменитаго романа выражала съ глубокою поэтической полнотой именно то состояніе, въ которомъ находилась душа Изгоева. Почти все, что Вертеръ говоритъ о Шарлотѣ, могъ онъ повторить отъ своего лица о Нинѣ, и какою силой, какимъ чувствомъ звучалъ его голосъ, когда онъ читалъ восторженныя признанія Вертера! Отъ времени до времени отрывалъ Изгоевъ глаза отъ книги и поднималъ ихъ на Нину. Взгляды ихъ постоянно встрѣчались.

«Нѣтъ, я не обманываюсь (не читалъ, а съ страстнымъ «одушевленіемъ говорилъ Изгоевъ)! Въ ея черныхъ глазахъ «вижу искреннее участіе ко мнѣ, къ судьбѣ моей. Да, я «чувствую — сердце мое говоритъ мнѣ это — чувствую, что «она.... О! осмѣлюсь ли? осмѣлюсь ли произнести это див-«ное слово?... она любитъ меня!

«Она любитъ меня! Какъ дорогъ становлюсь я самому се-«бѣ!... какъ обожаю себя съ тѣхъ поръ, какъ она любитъ «меня!...

«О! какой огонь пробѣгаетъ по всѣмъ жиламъ моимъ, «когда случайно палецъ мой касается ея пальца, — когда «наши ноги встрѣчаются подъ столомъ! Я отступаю какъ отъ «пламени; но тайная сила привлекаетъ меня снова; у меня «кружится голова, чувства мои смущаются....

«Она священна для меня; всякое желаніе смолкаетъ въ ея «присутствіи. Не знаю, что со мной, когда я около нея: «словно душа моя переливается и бѣжитъ по всѣмъ моимъ «нервамъ.»

Марья Михайловна была очень довольна, что повторила давно читанный романъ; еще болѣе довольна была она чтецомъ.

— Ахъ, какъ вы читаете! ахъ, какъ вы превосходно читаете, Андрей Платонычъ! воскликнула она. — Мнѣ кажется, вы были бы отличнымъ актеромъ.

Клавдія Сергѣевна не сказала ничего; но она хорошо поняла, отчего чтеніе Изгоева такъ дышало чувствомъ.

XI.

Дневникъ.

16 августа.

Читая «Вертера», изумляюсь, до какой степени чувства его похожи на то, что волнуетъ меня въ настоящую минуту.

То сомнѣніе, то увѣренность овладѣваютъ мной. За минутой, въ которую я съ замирающимъ отъ блаженства сердцемъ твержу: «она любитъ меня! она любитъ меня!» слѣдуютъ минуты тоски, въ которыя я знаю только одно — что люблю ее, люблю такъ, какъ только можетъ любить человѣкъ.

26 августа.

Если бъ я записывалъ происшествія каждаго дня, мой дневникъ превратился бы въ повтореніе одного и того же расписанія по часамъ самыхъ обыкновенныхъ занятій. Напримѣръ: утромъ, отъ восьми часовъ до девяти—одинокая прогулка по саду; отъ девяти до одиннадцати—урокъ (Викторъ, какъ водится, невнимателенъ, и знаетъ очень нетвердо то, что было ему задано); въ двѣнадцать — завтракъ; потомъ до обѣда, то-есть до трехъ часовъ — тщетныя усилія мои заняться чѣмъ-нибудь для будущаго экзамена; послѣ обѣда — чтеніе вслухъ въ гостиной Марьи Михайловны; потомъ чай; потомъ прогулка всѣмъ семействомъ по саду, или катанье на лодкѣ....

Все это было бы нестерпимо скучно, если бъ....

5 сентября.

Мнѣ очень жаль Клавдіи Сергѣевны: она уѣзжаетъ на дняхъ изъ Котошихина. У брата ея умерла жена, и онъ зоветъ ее жить къ себѣ.... Нѣтъ сомнѣнія, она сумѣетъ быть матерью его дѣтямъ.

У Нины были слезы на глазахъ, когда она сообщала мнѣ эту новость....

10 сентября.

Желтые листья безпрестанно залетаютъ ко мнѣ въ окно и падаютъ на мой письменный столъ. Вечера темны и сыры. Прогулки наши кончились, и съ отъѣздомъ Клавдіи Сергѣевны

я вовсе не имѣю случаевъ говорить съ Ниной на свободѣ.... Марья Михайловна считаетъ по видимому своею обязанностью задавать тонъ разговору и поддерживать его. Нина грустна. Грустно!

XII.

У Ивана Петровича Бухарова былъ братъ, двумя-тремя годами моложе его; онъ жилъ и служилъ въ губернскомъ городѣ.

Въ началѣ октября Иванъ Петровичъ получилъ отъ него письмо, въ которомъ находились между прочимъ слѣдующія строки:

«Знаешь ли, что придумали мы недавно съ женой, раз-«говорившись обо всѣхъ васъ?... Ниночкѣ твоей скоро двад-«цать лѣтъ — пора подумать, какъ бы пристроить ее; самъ «ты знаешь, что живучи въ деревнѣ, не скоро дождешься «жениховъ. Что бы тебѣ привезти ее къ намъ? Жена послѣ «отъѣзда нашей Кати съ мужемъ въ Петербургъ очень ску-«чаетъ и совсѣмъ сдѣлалась домосѣдкой; Ниночка замѣнила «бы намъ дочь; жена стала бы опять выѣзжать для нея. «Конечно лучше всего было бы, если бъ всѣ вы переѣхали къ «намъ въ С.; но такъ-какъ при настоящемъ положеніи тво-«ихъ дѣлъ это невозможно, то я думаю, ты одобришь нашъ «планъ. Привози-ка Нину или присылай ее съ Марьей Ми-«хайловной.—Она у насъ не засидится; жениха найдемъ не-«дурнаго. Право такъ. Пора вамъ подумать объ ней»

Иванъ Петровичъ и не задумался надъ предложеніемъ брата: онъ нашелъ предложеніе это какъ нельзя болѣе благоразумнымъ и полезнымъ. Марья Михайловна не имѣла тоже ничего сказать противъ поѣздки Нины въ С.; правда, она опечалилась, что будетъ принуждена растаться съ дочерью, но не надолго. — Слишкомъ очевидно было для нея.

что Ниночкѣ нѣтъ никакой выгоды скучать цѣлую зиму въ деревнѣ.

Нина очень хорошо понимала расчетъ родителей, хотя и не знала несовсѣмъ завиднаго положенія ихъ дѣлъ. Само собою разумѣется, она безпрекословно согласилась на переѣздъ къ дядѣ.

Въ ней никогда не было ни склонности, ни даже мимолетнаго желанія жить въ свѣтѣ. Она любила деревенское уединеніе, деревенскую тишину и даже деревенское однообразіе; постоянно жила она сосредоточенною, нѣсколько мечтательною жизнью, склонность къ которой развило въ ней въ особенности сближеніе съ Клавдіей Сергѣевной; гдѣ лучше могла она жить такою жизнью, какъ не въ селѣ Котошихинѣ?

Услыхавъ рѣшеніе Ивана Петровича и Марьи Михайловны отвезти ее въ губернскій городъ, Нина не безъ грусти оглянулась вокругъ себя, не безъ сожалѣнія подумала, что должна будетъ проститься со всѣмъ, къ чему такъ привыкла. Эта грусть, это сожалѣніе не были особенно сильны; но тѣмъ не менѣе они были замѣтны даже для непроницательнаго глаза.

XIII.

Дневникъ.

8 октября.

Она ѣдетъ.... Боже! какъ стѣсняется дыханіе въ моей груди, какъ сдержанно и тоскливо бьется мое сердце, какой туманъ застилаетъ мнѣ глаза, когда я подумаю, что будетъ утро вставать за утромъ — и я буду подыматься съ постели безъ надежды видѣть ее, слышать ея голосъ, слѣдить за каждымъ ея движеніемъ, за каждымъ взглядомъ, безъ блаженства, которымъ наполняется все существо мое при одномъ сознаніи, что она здѣсь, близко меня!

И что ждетъ ее тамъ? Развлеченія свѣта — каковы бы ни были эти развлеченія, каковъ бы ни былъ этотъ свѣтъ— можетъ-быть навсегда изгладятъ изъ ея памяти бѣднаго человѣка, любовь котораго сумѣла бы замѣнить ей все — все на свѣтѣ,

9 октября.

Да, я точно пловецъ на ломкой жалкой лодкѣ по широкому морю. Берегъ давно скрылся изъ моихъ глазъ; я всматриваюсь въ небесную даль.... послѣдняя звѣзда гаснетъ тамъ.

Хоть бы искра грусти въ этомъ взглядѣ, обращенномъ ко мнѣ! Зачѣмъ, зачѣмъ я не умѣю обманывать себя?. .

14 октября.

О, какъ бьется сердце! какъ дрожитъ рука, которою хочу я передать бумагѣ нѣсколько минутъ, стоящихъ годовъ жизни!

Я только-что кончилъ урокъ и вошелъ передъ завтракомъ въ гостиную. Тамъ не было никого. Я присѣлъ къ столу и машинально перелистывалъ подвернувшуюся подъ руку книгу. Какъ-будто какой-нибудь гнетъ лежалъ въ эту минуту на моей мысли: она замерла во мнѣ; всѣ чувства мои словно заснули.... Я смотрѣлъ въ книгу и не видалъ буквъ. Я былъ похожъ на автомата.

Шелесть женскаго платья пробудилъ меня.... Передо мной стояла Нина. Я взглянулъ на нее, и какъ-будто электрическій ударъ прошелъ по мнѣ.

Нѣтъ, я не обманывался! нѣтъ. Глаза ея были полны слезъ.

— Прощайте, Изгоевъ, сказала она, подавая мнѣ руку.

Онъ еще звучитъ въ ушахъ моихъ — этотъ грустный, полный любви голосъ! Я еще чувствую это трепетное пожатіе руки.

Не помню, какъ поднялся я съ кресла, на которомъ сидѣлъ, не помню, какъ приблизился къ ней.... Голова моя горѣла и кружилась....

Какъ ангелъ грусти, стояла она передо мной, скрестивъ на груди руки....

— Полюбитъ ли васъ кто-нибудь такъ, какъ я люблю васъ, Нина! проговорилъ я, задыхаясь....

Испуганный самой мыслью о возможности другой такой любви, я обвилъ руками станъ дѣвушки и покрывалъ безумными поцалуями ея волосы, ея щеки, увлаженныя слезами, ея губы, которыми она силилась пролепетать что-то. Ничего въ эту минуту не существовало для меня. Я сознавалъ только одно — что она моя — моя нераздѣльно.

19 октября.

Ея нѣтъ, и солнце не показывается на небѣ. Дни безъ свѣта тянутся одинъ за другимъ; земля подъ окнами моими вся засыпана вялыми листьями; дождь неустанно барабанитъ въ стекла; вѣтеръ безжалостно гнетъ голыя вѣтки березъ....

22 октября.

Тоска! сокрушительная тоска!

XIV.

Сколько ни думалъ Изгоевъ о безплодности своей любви, такъ нежданно родившейся и такъ скоро возросшей въ немъ до пугающихъ размѣровъ, сколько ни старался подавить и заглушить въ себѣ это чувство — ничто не помогало. Ученыя занятія, къ которымъ обратился онъ тотчасъ послѣ отъѣзда Нины, тоже не заставили его рѣже вспоминать о ней; работа не привлекала его, шла вяло, почти не подви-

гаясь впередъ. Голова Изгоева была постоянно наполнена самыми разнородными, самыми противурѣчивыми мыслями. Сомнѣніе, какой-то необъяснимый страхъ за свою судьбу и за судьбу дѣвушки, порой даже что-то въ родѣ отчаянія, чередовались или путались съ сознаніемъ правоты этой страстной любви, съ рѣшимостью дѣйствовать наперекоръ обстоятельствамъ...

Почти два мѣсяца прошло въ такой борьбѣ... Вотъ возвратилась въ Котошихино, уже по санному пути, и Марья Михайловна, сопровождавшая Нину въ С. Она много расказывала о житьѣ брата, о его пріемѣ, о первыхъ выѣздахъ дочери, и еще болѣе о городскихъ слухахъ и сплетняхъ, касавшихся лицъ, которыя и самому Ивану Петровичу были очень мало знакомы, тѣмъ менѣе могли интересовать Андрея Платоныча.

Изгоевъ (Марья Михайловна нашла, что онъ похудѣлъ въ ея отсутствіе) очень внимательно слушалъ эти расказы, но не узналъ изъ нихъ ничего о томъ, что болѣе всего занимало его въ это время — именно о впечатлѣніи, произведенномъ на Нину перемѣною мѣста, о чувствахъ, оставленныхъ въ ней послѣднимъ временемъ деревенской жизни. Марья Михайловна умѣла обо всемъ выражаться въ кудрявыхъ, но въ то же время очень общихъ фразахъ. Изгоеву были пріятны только жалобы госпожи Бухаровой на холодность и апатію дочери, на равнодушіе ея къ с—скому обществу и его удовольствіямъ. «Впрочемъ (утѣшала она себя) это все оттого, что мы долго держали Нину въ здѣшней глуши. Привыкла сидѣть одна, не видать никого кромѣ сосѣдей; оттого-то ей и дико такъ теперь въ свѣтѣ.»

Нина писала домой акуратно разъ въ недѣлю, и въ каждомъ письмѣ своемъ посылала поклонъ Изгоеву. Онъ хорошо зналъ, что кромѣ этого поклона въ письмѣ не будетъ ничего, касающагося до него, и все-таки съ нетерпѣніемъ ждалъ

дня, когда посылаемый въ уѣздный городъ крестьянинъ привезетъ пакетъ съ почты.

Къ концу года Иванъ Петровичъ сталъ болѣе получать писемъ — какъ замѣтно, дѣловыхъ; онъ меньше лежалъ на софѣ съ «Московскими Вѣдомостями», на письменномъ столѣ его появилась бумага, а на фарфоровой чернилицѣ чернильныя пятна. Вообще Бухаровъ былъ видимо чѣмъ-то озабоченъ; онъ сталъ еще молчаливѣе, и Изгоевъ, встрѣчавшійся съ нимъ только за завтракомъ да за обѣдомъ, не слыхалъ отъ него почти ни слова.

Марья Михайловна со своей стороны охала и больше прежняго жаловалась на беззаботность Ивана Петровича.

По всему было замѣтно, что дѣла Бухаровыхъ, и безъ того находившіяся въ плохомъ состояніи, приходятъ въ крайнее растройство.

Мѣсяца черезъ три по отъѣздѣ Нины, Изгоевъ втянулся мало по малу въ свои занятія. Постоянное одиночество, отсутствіе людей, которые обществомъ своимъ могли бы заставить его забыть о дѣлѣ, поневолѣ обратили его къ дѣятельности, хотя и часто еще возникалъ предъ нимъ прекрасный образъ любимой дѣвушки, хотя и часто чувствовалъ онъ мучительную ревность при мысли, что она теперь въ новомъ и болѣе разнообразномъ кругу, чѣмъ здѣсь, въ селѣ Котошихинѣ.

XV.

Письмо.

7 января.

... Ты еще болѣе похвалишь меня въ слѣдующемъ письмѣ своемъ. Диссертація моя почти окончена; но къ экзамену придется готовиться еще довольно долго. Хорошо бы быть

на будущій годъ объ эту пору въ Москвѣ. Все зависитъ отъ моего нравственнаго расположенія. Ты хорошо знаешь, что я вовсе не умѣю владѣть собой; я не могу сказать себѣ: «садись и работай!» и сѣсть и работать; мнѣ необходимо полное спокойствіе, чтобы заниматься. Помнишь, какой гнусной лѣни предался я, когда мнѣ довелось терпѣть нужду? Всякой другой тутъ-то и принялся бы за работу, чтобы поскорѣе выпутаться изъ стѣснительнаго положенія; а меня это положеніе лишило всѣхъ силъ, всѣхъ способностей, и я въ отчаяніи совсѣмъ опустилъ руки. Теперь я спокоенъ — то-есть спокоенъ на столько, чтобы заниматься; но можно ли поручиться, что спокойствіе это продолжится — не говорю: годъ — даже мѣсяцъ? Чувствую, что я исцѣленъ не вполнѣ — да и не хочу я полнаго исцѣленія! Чувствую, что при первой встрѣчѣ прежняя буря подымется въ моемъ сердцѣ.......

XVI.

Марья Михайловна сидѣла одна и читала послѣдній номеръ «Библіотеки для Чтенія». Уже смеркалось; повѣсть казалась ей незанимательною, и дремота одолѣвала госпожу Бухарову. Она опустила книгу на колѣни и вѣрно не замедлила бы заснуть, если бъ въ комнатѣ рядомъ не послышались тяжелые шаги Ивана Петровича и черезъ секунду онъ не вошелъ.

— Привезли письма отъ брата, сказалъ онъ, подавая женѣ конвертъ. — Онъ говоритъ тутъ, что о какомъ-то дѣлѣ пишетъ его жена; но я ничего не могъ разобрать въ ея письмѣ — чортъ знаетъ, какъ мелко пишетъ! и чернилы точно вода!... Не прочитаешь ли ты?.. Вотъ что говоритъ братъ....

Иванъ Петровичъ развернулъ письмо.

— Вели свѣчи подать!.. Вотъ что онъ говоритъ: «У «меня есть еще важное дѣло, близко касающееся тебя; но я «дописалъ листъ до конца, и потому поручаю Аграфенѣ Ни«колавнѣ объяснить его тебѣ.»

— А отъ Ниночки нѣтъ письма?

— Нѣтъ.

— Ахъ, Боже мой! ужь не больна ли она? Что это за важное дѣло, о которомъ пишетъ Аграфена Николавна?

Марья Михайловна поспѣшно распорядилась, чтобы подали свѣчи, и не безъ волненія развернула письмо.

Иванъ Петровичъ сѣлъ слушать. Марья Михайловна начала читать:

«Беру перо, чтобы расказать тебѣ о партіи, которая «представляется Ниночкѣ — и просить твоего и Ивана Пе«тровича согласія.»

Марья Михайловна вздохнула свободно; Иванъ Петровичъ одобрительно кашлянулъ.

«Ты видѣла у насъ, какъ была въ (С. продолжала чи«тать Марья Михайловна), Павла Александрыча Махровска«го, и помню, онъ тебѣ понравился.»

— Кто онъ? спросилъ Иванъ Петровичъ.

— Служитъ въ ***, только нынѣшней осенью переведенъ изъ Петербурга, отвѣчала Марья Михайловна.

— Старъ?

— Нѣтъ; ему, я думаю, нѣтъ еще и сорока.

— Читай; что пишетъ она дальше?

Марья Михайловна читала:

«Онъ, какъ пріѣхалъ, подружился съ мужемъ и бывалъ «у насъ въ домѣ довольно часто; но со времени пріѣзда Ни«ночки сталъ бывать каждый день. Ниночка, какъ ты знаешь, «со всѣми одинакова, и всегда была любезна съ нимъ, хоть «онъ ей, Богъ вѣдаетъ почему, и не очень нравился. Вчера «онъ просилъ меня узнать, что она думаетъ объ немъ и со-

«гласна ли принять его предложеніе. Я рада за васъ и за «Ниночку. Лучшаго жениха ей не найти: онъ богатъ, хоро-«шей фамиліи, занимаетъ видное мѣсто, и конечно не оста-«новится на немъ, человѣкъ добрый, очень порядочный и съ «прекраснымъ свѣтскимъ образованіемъ. Чего же больше? Съ «тѣхъ поръ, какъ онъ сталъ бывать у насъ каждый день, «всѣ здѣшнія маменьки и дѣвицы завидуютъ ниночкину сча-«стью.

«Сегодня я говорила съ Ниной (она несовсѣмъ здорова, «поэтому сама и не пишетъ). Она слушала меня сначала «очень спокойно; потомъ, какъ водится, расплакалась — про-«сила моего мнѣнія объ этомъ дѣлѣ. Разумѣется, я предста-«вила ей въ самыхъ яркихъ краскахъ всѣ выгоды этой пар-«тіи, расказала о вашихъ запутанныхъ дѣлахъ, которымъ «очень можетъ помочь ея бракъ съ Махровскимъ. Ниночка «была очень тронута (вообрази, она думала, что у васъ чуть «не золотыя горы!) и просила меня написать сначала къ вамъ, «а Павлу Александрычу сказать, что рѣшительнаго отвѣта «она не можетъ дать до полученія вашего согласія. Мой со-«вѣтъ — не упускать такого жениха; мужъ говоритъ тоже. «Впрочемъ я не сомнѣваюсь, что и ты, и Иванъ Петровичъ «поступили бы такъ и безъ нашего совѣта.»

Марья Михайловна, дочитавши письмо, прослезилась; Иванъ Петровичъ немного призадумался.

— Чего же лучше? проговорила наконецъ Марья Михайловна, утирая слезы. — Я отъ всей души желаю ей счастья.

Иванъ Петровичъ принялся расхаживать по комнатѣ.

— Какъ думаешь ты? спросила Марья Михайловна.

— Брату я вѣрю, отвѣчалъ Иванъ Петровичъ: — онъ не станетъ хвалить какую-нибудь дрянь; тебѣ, ты говоришь, онъ тоже нравится?

— Да, кажется, очень хорошій человѣкъ.

— Ужь и самое мѣсто рекомендуетъ его — тутъ не каждаго посадятъ... Если Нина согласна, такъ по моему нечего и разговаривать.

На слѣдующій день, запечатывая письмо съ родительскимъ благословеніемъ, Иванъ Петровичъ думалъ: «Авось теперь не придется увидѣть Котошихина проданнымъ съ молотка.»

XVII.

Марья Михайловна не могла скрыть отъ Изгоева своей радости (радость ея была велика); намеками и обиняками сообщила она ему, что къ Ниночкѣ сватается женихъ, за котораго они не прочь отдать ее, и что Ниночка изъявила уже свое согласіе. Марья Михайловна въ простотѣ души и не подозрѣвала, что вѣсть эта можетъ огорчить Андрея Платоныча.

Уснувшія на время волненія опять овладѣли Изгоевымъ. Опять забылъ онъ о занятіяхъ, которыя пошли-было такъ успѣшно; опять мысли путались въ головѣ, и сердце замирало въ груди.

Горькіе упреки поднимались въ немъ, и онъ безжалостно обременялъ ими бѣдную дѣвушку. За этими упреками слѣдовали минуты раскаянія, минуты раздумья: точно ли она такъ виновата, какъ кажется? точно ли любила она его, Изгоева? любитъ ли наконецъ своего жениха? не расчетъ ли тутъ одинъ?... Упреки снова начинали шевелиться въ Изгоевѣ.... Но можетъ-быть это расчетъ не ея, а родителей?... И Андрей Платонычъ чувствовалъ, какъ растетъ въ немъ страшная злоба и на Ивана Петровича съ его «Московскими Вѣдомостями», и на Марью Михайловну съ ея книжными

фразами, и даже — на Виктора, который напослѣдокъ сталъ прилежнѣе и не подавалъ уже учителю повода быть имъ недовольнымъ.

Письма изъ С. получались обыкновенно по вторникамъ, и Изгоевъ ждалъ съ нетерпѣніемъ этого дня, чтобы узнать еще что-нибудь о Нинѣ. Отъ нея опять не было письма, и Аграфена Николавна извѣщала, что она все еще несовсѣмъ здорова. Марья Михайловна встревожилась на нѣсколько минутъ; Изгоевъ былъ неспокоенъ цѣлую недѣлю — до другаго вторника, когда было получено письмо и отъ Нины. Она писала, что ей теперь лучше, хотя она все-таки еще не выѣзжаетъ. О Махровскомъ ни полслова.

— Что это съ ней? замѣтила Марья Михайловна Изгоеву: — всегда исписываетъ цѣлый листъ кругомъ, а нынче и одной странички не дописала. Даже и поклона вамъ нѣтъ.

XVIII.

Дневникъ.

4 февраля.

Самъ Бухаровъ уѣхалъ въ С. знакомиться съ женихомъ Нины. Для чего? Развѣ не былъ онъ согласенъ на этотъ бракъ и не зная будущаго мужа своей дочери? Марья Михайловна хлопочетъ о приданомъ: собрала въ дѣвичьей цѣлую дюжину швей и заставляетъ ихъ пѣть свадебныя пѣсни. Мнѣ все кажется, что не свадьба готовится въ домѣ, а похороны.

15 февраля.

Весной я увижу ее.... Она пріѣдетъ сюда на все лѣто. Свадьба отложена до будущей зимы. Не лучше ли я сдѣлаю, если откажусь теперь же отъ мѣста и уѣду въ Москву?... Что готовитъ мнѣ это свиданіе? что готовитъ оно ей?

17 февраля.

Нѣтъ! я увижу, увижу ее — будь что будетъ! И пусть сердце мое въ конецъ сокрушится — я увижу ее!

XIX.

Тетка Нины приписывала вліянію климата нездоровье племянницы, на которое она постоянно жаловалась съ самаго времени сватовства Махровскаго. Поэтому съ совѣта доктора было рѣшено, что на лѣто Нина отправится въ деревню, куда на двѣ, на три недѣли можетъ пріѣхать и женихъ.

Узнавъ объ этомъ, Изгоевъ считалъ дни, остававшіеся ему до свиданія съ Ниной, и находилъ, что время тянется безпримѣрно вяло.

Наконецъ въ половинѣ мая дѣвушка пріѣхала.

Трудно передать, что совершалось въ это время съ Изгоевымъ. Онъ владѣлъ собою лишь на столько, чтобы не пойти въ день пріѣзда Нины на урокъ, сказаться больнымъ и просидѣть весь этотъ день у себя во флигелѣ — хоть немного успокоиться.

Онъ увидался съ нею на слѣдующій день за завтракомъ, послѣ урока, во время котораго не Изгоеву приходилось сердиться на ученика за невниманіе, а ученику недоумѣвать, отчего учитель такъ разсѣянъ. Встрѣча была очень обыкновенная.

— Здравствуйте, Изгоевъ; какъ-то вы поживали здѣсь?

— По прежнему. Веселились ли вы въ С.?

— Очень мало.

— По крайней мѣрѣ не скучали, какъ мы здѣсь?

Въ этомъ родѣ разговоръ шелъ въ продолженіе всего завтрака.

XX.

Дневникъ.

20 мая.

Какъ слѣпъ былъ я до сихъ поръ, какъ гадокъ, когда смѣлъ упрекать Нину!... Бѣдная дѣвушка! какъ похудѣла она! Видно, что рѣшеніе ея стоило ей много, много, хотя она ни однимъ словомъ не дала понять роднымъ своей тяжкой внутренней борьбы. Да развѣ могли понять ее *они?* развѣ расчетъ не смѣнилъ въ нихъ давно всѣ благородныя человѣческія движенія?

Какая грусть звучитъ въ ея голосѣ, какою покорною печалью облечена вся она! Боже мой! зачѣмъ я не богатъ? зачѣмъ я не могу купить ея, какъ какой-нибудь Махровскій, если владѣть ею можно только по праву купли?

Но если.... Нѣтъ, нѣтъ! Даже тупоумная тетка писала, что Нинѣ женихъ ея не нравится — это мнѣ говорила Марья Михайловна.

25 мая.

Я долженъ объясниться съ нею — вижу, она желаетъ этого. Боже! не дай мнѣ сойти съ ума!

XXI.

— Отчего вы сидите нынче по цѣлымъ днямъ въ своемъ флигелѣ, Изгоевъ? сказала Нина, когда Андрей Платоновичъ хотѣлъ откланяться послѣ обѣда.

— Совсѣмъ погрузился въ книги, замѣтила Марья Михайловна. — Полноте! куда вы? Пойдемте въ гостиную.

Изгоевъ положилъ на окно свою фуражку, и послѣдовалъ за Марьей Михайловной, рядомъ съ Ниной.

— А я думала, возвращаясь сюда, говорила дѣвушка:— что мы будемъ по прежнему проводить большую часть времени вмѣстѣ — читать, гулять, кататься....

— Много измѣнилось со времени вашего отъѣзда, сказалъ Изгоевъ не безъ горькой ироніи въ голосѣ.

— Да, грустно отвѣчала Нина: — многое, но не все.

Марья Михайловна, какъ и слѣдовало ожидать, не дала разговориться Изгоеву и Нинѣ, заведя рѣчь о вещахъ, нисколько не интересныхъ ни для того, ни для другой.

Впрочемъ она вѣроятно замѣтила невнимательность своихъ слушателей, потому-что вдругъ, на срединѣ какой-то фразы, остановилась, и взглянувъ на Нину, сказала:

— Что это, Ниночка, какая ты грустная?... Хоть бы Павелъ Александрычъ поскорѣе пріѣхалъ да расшевелилъ тебя.

Яркимъ румянцемъ покрылись блѣдныя щеки дѣвушки, и она опустила рѣсницы. Изгоевъ видѣлъ этотъ румянецъ, видѣлъ, какъ высоко подымалась ея грудь, видѣлъ, что она едва сдерживаетъ слезы, и имъ овладѣли страшная злоба и давящая скорбь. Онъ едва могъ осилить себя — промолчать.

Марья Михайловна не удовольствовалась своимъ замѣчаніемъ и продолжала:

— Полно краснѣть-то! Андрей Платонычъ свой человѣкъ — онъ знаетъ.

Нина не могла удерживаться больше: она закрыла лицо платкомъ, быстро встала со стула и вышла изъ комнаты.

Изгоевъ уже не могъ поддерживать разговоръ съ Марьей Михайловной, которая сумѣла даже слегка подшутить надъ тѣмъ, что Нина такъ «сконфузилась». Онъ просидѣлъ еще нѣсколько минутъ въ гостиной, чтобы скорый его уходъ не показался страннымъ....

— Куда же вы, Андрей Платонычъ?

— Мнѣ нужно заниматься.

— Полноте! что вамъ значатъ нѣсколько минутъ?... Сейчасъ придетъ Нина.

Изгоевъ все-таки откланялся и ушелъ.

XXII.

Сцены въ родѣ описанной повторялись не рѣдко, и Изгоевъ невыносимо страдалъ за Нину и за себя. Онъ ежедневно искалъ случая поговорить съ ней на свободѣ, безъ свидѣтелей; онъ замѣчалъ изъ краткихъ, грустныхъ фразъ, обращенныхъ къ нему бѣдною дѣвушкой, что и она желала бы этого; но Марья Михайловна, словно считала Изгоева церемоннымъ гостемъ, непремѣнно старалась сама «занимать» его. Понятно, какъ негодовалъ Изгоевъ.

Только разъ какъ-то, уже въ началѣ августа, Марья Михайловна удалилась послѣ обѣда изъ гостиной (зубы у нея заболѣли) и оставила вдвоемъ дочь и учителя.

— Что вы дѣлаете, Антонина Ивановна? за что вы губите себя? сказалъ Изгоевъ.

Нина посмотрѣла на него сквозь слезы и улыбнулась.

— Я слишкомъ хорошо понимаю, что творится въ вашемъ сердцѣ; знаю, что заставляетъ васъ заглушать въ себѣ чувство и добровольно приносить себя въ жертву. Но точно ли вы жертва искупительная, и правы ли вы, жертвуя собой? Неужто долгъ дочери....

— Полноте, не говорите такъ! Это нужно — и неизбѣжно.

— Вы много думали объ этомъ?

— Много, много....

Нина поднесла къ глазамъ платокъ.

— И рѣшеніе неизмѣнно?

Она не могла отвѣчать, только утвердительно кивнула головой.

Послѣдовало тяжелое, тоскливое молчаніе.

— Боже мой! заговорилъ опять Изгоевъ: — неужели нѣтъ исхода изъ этого положенія? неужели только такимъ страшнымъ пожертвованіемъ можетъ быть спасено благосостояніе Ивана Петровича?

Нина взяла за руку Изгоева, словно прося его — не стараться поколебать ея неизмѣнное рѣшеніе.

— Зачѣмъ намъ мучить другъ друга? сказала наконецъ она, вставая.—Будьте мужественны, Изгоевъ! Жизнь передъ вами широка — вы еще найдете счастье.

Слезы капали изъ ея глазъ.

— Нѣтъ! вскричалъ Изгоевъ съ глубокою скорбью: — нѣтъ! безъ тебя счастье невозможно!

Онъ быстро поднялся и сжалъ въ объятіяхъ обезсиленную дѣвушку.

— Пощади меня! лепетала она, рыдая на его плечѣ.

— Вотъ счастье, которому ужь не повториться въ моей жизни, говорилъ Изгоевъ, не отрывая губъ отъ ея волосъ.

Умоляющій взоръ подняла на него Нина; но въ ту же минуту, глаза ея, встрѣтившись съ глазами Изгоева, зажглись страстнымъ огнемъ, и въ поцалуѣ, долгомъ, блаженномъ поцалуѣ исчезло и самое воспоминаніе горя.

Звукъ дорожнаго колокольчика, раздавшійся неподалеку, вывелъ ихъ изъ забытья.

XXIII.

Дневникъ.

8 августа.

Онъ пріѣхалъ.... Я видѣлъ его разъ — и больше видѣть не хочу. Есть что-то противное въ его улыбкѣ. Онъ должно-

быть насильно улыбается — только потому, что улыбаются другіе....

20 августа.

Силы мои истощаются. Я не вынесу этого мученія.

23 августа.

Викторъ, какъ водится, опять приходилъ узнать о моемъ здоровьѣ, и сказалъ, что сестра проситъ у меня «Вертера.»

— Зачѣмъ?

— Конечно читать.

— Развѣ у нея есть время? Вѣдь женихъ еще не уѣхалъ.

— Она не сидитъ съ женихомъ.

Викторъ удивляется, почему Нина все плачетъ.

XXIV.

Ровно мѣсяцъ пробылъ Махровскій въ Котошихинѣ, и ровно мѣсяцъ не выходилъ изъ своего флигеля Изгоевъ. Онъ мучился желаніемъ видѣться съ Ниной; но сознаніе, что онъ можетъ какъ-нибудь случайно вселить подозрѣніе въ женихѣ, удерживало его.

Вслѣдъ за отъѣздомъ Махровскаго вся семья стала собираться въ дорогу. Свадьбу рѣшили отпраздновать въ городѣ.

Сборы были недолги.

Такъ какъ въ С. отправлялся даже мосье Куку, то и Изгоеву предложили, не хочетъ-ли онъ попировать на свадьбѣ. Онъ отказался, отговариваясь своими занятіями.

— Прощайте, Изгоевъ.

— Прощайте, Антонина Ивановна — будьте счастливы.

Вотъ все, что было сказано при раставаньѣ...

XXV.

Осень наступила рано. Съ утра до ночи лилъ дождь. Вечера сдѣлались такъ темны, хоть глазъ уколоть. Повсюду въ опустѣломъ барскомъ домѣ воцарились мракъ и безмолвіе. Только два окна кидали по вечерамъ свое свѣтлое отраженіе во дворъ. Эти окна принадлежали дѣвичьей.

Дня три спустя послѣ выѣзда господъ, вечеромъ, сидѣли въ дѣвичьей старая ключница Василиса да горничная Марьи Михайловны, молодая и красивая дѣвка Юлія. Василиса расказывала какую-то бывальщину изъ временъ своей юности, и при этомъ спускала петли у чулка; Юлія шила.

— А что, дѣвынька, которой-то часъ теперь будетъ? спросила ключница, окончивъ свой расказъ: — что-то сонъ меня клонитъ.... Э! да свѣчки-то сколько сгорѣло!

— И то не ложиться ли?

Въ эту самую минуту въ дверь изъ сѣней застучали.

— Кто это тамъ еще? пробормотала старуха: — ужь вѣрно Ванька мошенникъ.

Юлія подошла къ двери.

— Кто тамъ?

— Я.

Удовольствовавшись этимъ отвѣтомъ, горничная сняла крючокъ съ петли, и только-что дверь отворилась, отступила въ испугѣ.

Вошелъ Изгоевъ. Онъ былъ блѣденъ; глаза какъ-то странно сверкали.

— Что вамъ, баринъ? спросила удивленная Юлія.

Изгоевъ сбросилъ съ себя на столъ мокрую фуражку и сказалъ:

— Дай мнѣ свѣчку—въ комнатѣ барышни осталась моя книга — мнѣ ее нужно.

— Зажги здѣсь другую, Юля, проговорила старуха:— да поди посвѣти.

— Не надо, сказалъ Изгоевъ: — я пойду одинъ.

— Что это съ нимъ? замѣтила ключница, когда звукъ шаговъ Изгоева уже не долеталъ до дѣвичьей. — Страшный такой...

— Я и сама не возьму въ толкъ, что онъ такъ перемѣнился вдругъ, отвѣчала Юлія: — какой сталъ худой да блѣдный; а пріѣхалъ сюда молодецъ молодцомъ. И на что это ему вдругъ книжка понадобилась?

— Э, матушка! вѣдь онъ все сидитъ надъ ними; знать, нужно зачѣмъ-нибудь.

Между-тѣмъ Изгоевъ прошелъ уже по пустымъ и тёмнымъ комнатамъ къ спальнѣ Нины.

На столикѣ лежалъ его «Вертеръ», разогнутый на томъ мѣстѣ, гдѣ Вертеръ читаетъ Шарлотѣ Оссіана. Изгоевъ поставилъ свѣчу, подошелъ къ постели, отдернулъ пологъ, и упалъ лицомъ въ подушки.

Долго покрывалъ онъ ихъ слезами и поцалуями...

Изъ спальни Нины онъ зашелъ въ кабинетъ Ивана Петровича; пугливо озираясь, снялъ со стѣны пистолетъ, и спряталъ его въ боковой карманъ.

XXVI.

Письмо.

7 декабря.

.... Я только-что оправился отъ жестокой болѣзни, долго державшей меня въ когтяхъ. Я очень слабъ тѣломъ, но

духомъ бодръ, какъ, кажется, никогда не былъ. Сердце мое полно любви, но уже не той болѣзненной любви, которая чуть не приготовила мнѣ судьбы Вертера...

Нѣтъ, я хочу жить, и эту любовь, такъ глубоко охватившую меня, перенести съ одного, утраченнаго мною существа на все, что проситъ любви и дѣятельнаго сердечнаго участія...

СОДЕРЖАНІЕ.

